

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Воронкова Е.О.</i> Правовые проблемы взаимодействия технологий искусственного интеллекта и интуитивного права: опыт стран «Большой Евразии»	5
<i>Ганик О.Н., Коркин М.С.</i> Нормативное регулирование процедуры ЭКО: сопоставление правовых моделей России, Южной Кореи и Японии	10
<i>Мустафин А.Р., Сагазетдинов М.А., Токбулатов Р.С., Сафин А.Ф.</i> Выявление направлений использования искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности	17
<i>Новикова И.С.</i> Развитие гражданско-правового института несостоятельности (банкротства) России в XIX веке	21
<i>Рыбкина К.В.</i> История отечественного правосудия в сфере экономических отношений	26
<i>Корнилов А.Р., Шейко В.В.</i> Ограничения правоприменения нормы об уголовной ответственности за заведомо ложное экспертное заключение в сфере государственных закупок	31

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Багалш М.А.</i> Правовой статус женщин у народов Кавказа: проблемы и перспективы равноправия	35
<i>Гуляева В.А., Силаева С.С.</i> Использование скриншотов при доказывании в гражданском процессе в Российской Федерации	38
<i>Исайчева А.А.</i> Некоторые проблемы взаимодействия Казначейства России с другими органами, осуществляющими государственный финансовый контроль	42
<i>Курьякова В.Ф.</i> Правовое регулирование капитального ремонта многоквартирных домов, отнесенных к объектам культурного наследия	48
<i>Куценко О.В.</i> Юридическое закрепление конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина в рамках установленных законодательством целей	55
<i>Луцевич Е.А.</i> К вопросу о противодействии коррупции в органах государственной власти России: историко-правовой аспект	59
<i>Панкратов И.С., Баровских М.Д.</i> Правовой анализ функций государства	66
<i>Михалев В.Е.</i> Некоторые аспекты правового регулирования деятельности МисП в условиях санкций	70
<i>Панкратов И.С., Баровских М.Д.</i> Развитие правового регулирования системы социальных льгот как элемента государственной социальной политики	75
<i>Потапова Л.В.</i> Некоторые предложения по совершенствованию Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»	79

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бахма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.05.2023

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Равоян Р.А. Правовое регулирование защиты персональных и биометрических данных в условиях цифровизации.....	83
---	----

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Абдиримов А.Ф., Озмаян Ю.З. Субъекты субсидиарной ответственности в делах о банкротстве	87
Аванов А.Э. Совершенствование регламентирующих основ купли-продажи объектов недвижимости	91
Березкин А.С. Некоторые частно-правовые особенности договора аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности.....	98
Болабко А.А. Особенности и правовая природа имущественных соглашений между супругами.....	104
Бродников А.С. Нормативное регулирование охраны географических указаний и наименований мест происхождения товаров: обобщение российской и международной судебной практики	111
Еременко Д.Е., Лапина Е.В. Подходы к содержанию конвалидации недействительной сделки как правового явления	116
Бауэр Д.В., Загородникова Ю.О. Правовой институт уступки права требования по обязательству	121
Кислицын Г.А. Особенности правового регулирования института материнства и детства в РФ	126
Лопатин Д.П., Зимницкая Ю.А. Развитие законодательства об охране прав на музыкальные произведения	132
Микрюков В.А. Практика применения корпоративно-правовых норм по аналогии.....	136
Пермяков М.В., Банных С.Г., Морозова Е.В. Правовое регулирование государственных закупок	139
Лапина Е.В., Еременко Д.Е. Развитие института наследования прав, связанных с участием в хозяйственных обществах.....	142
Тарасов И.А. Практический аспект правового регулирования допустимых в соответствии с антимонопольным законодательством «вертикальных соглашений».....	148
Федорова Ю.А. Незаконные и правомерные действия органов внутренних дел как условие наступления гражданско-правовой ответственности.....	152
Яремчук И.В. К вопросу о влиянии правового режима офшорных зон на статус юридических лиц.....	156

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Амиров А.А. Уголовная ответственность граждан Таджикистана за преступления совершенные на территории иностранных государств.....	160
Багуцкий Н.В., Дадаева Ю.В. Об отдельных вопросах виктимологической профилактики дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов и средств индивидуальной мобильности (СИМ)	166
Евсеева Е.В. Правовые последствия неисполнения мер уголовно-правового характера	173
Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Глушкова Е.М. Основные криминологические признаки бизнеса организованной преступности в современной России	177

Кострюков А.В. К вопросу об ограничении гражданско-правовых деликтов от корыстных преступлений в сфере предпринимательской деятельности.....	183
Кулик В.А. Характеристика способов подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности в сфере лесопользования	186
Никитина Л.Ю. Разработка мер предотвращения преступлений присвоения и растраты в сфере потребительского рынка с применением инструментов цифровизации.....	192
Прилепский Е.Т. Мера процессуального принуждения временного отстранения от должности в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: некоторые проблемы применения	196
Степенко А.В. Предотвращения преступлений террористической направленности психологическими методами	202
Тихонова А.С. Проблемы уголовно-правовой квалификации жестокого обращения с детьми	205
Шпетная А.В. Взаимодействие правоохранительных органов с банками и операторами сотовой связи в предупреждении дистанционных мошенничеств	209

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Инякин Е.В. Некоторые проблемы в классификации правовых систем мира.....	212
Махмудов Р.А. Анализ ликвидированного института владения третьих лиц правами на футболистов	216
Киченина В.С., Ставцова А.О., Рязанский А.А. К вопросу о перспективе реформирования Совета Безопасности ООН.....	223
Салимгерей А.А. Правовой режим морских пространств по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.....	228
Махмудов Р.А. Правовые проблемы, связанные с введением спортивных санкций в отношении футболистов за действия футбольных клубов	235
Сидорчук И.В., Панфилова Е.С., Смирнова А.С. Юридическое лицо как субъект ответственности по уголовному праву Китайской Народной Республики	238

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Злобина Е.А. Критерии оценки эффективности законодательной власти.....	245
Коровкин С.В. Опцион на заключение договора: к вопросу об истоках данной правовой конструкции в русском дореволюционном правоведении	250
Куприянов А.С. Соглашение о ценообразовании как инструмент контроля за трансфертными ценами	254
Солдатова М.М. Правовое регулирование вопроса о сроке исковой давности в России и за рубежом.....	259
Терентьев А.В. Гарантии защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве	263
Воробьева Ю.Ю. Некоторые вопросы подзаконного правотворчества федеральных органов исполнительной власти	267

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Voronkova E.O.</i> Legal problems of interaction between artificial intelligence technology and intuitive law: the experience of the countries of «Greater Eurasia»	5
<i>Ganik O.N., Korkin M.S.</i> Regulatory regulation of the IVF procedure: comparison of legal models in Russia, South Korea and Japan	10
<i>Mustafin A.R., Sagazetdinov M.A., Tokbulatov R.S., Safin A.F.</i> Identification of directions for the use of artificial intelligence in law enforcement activities.....	17
<i>Novikova I.S.</i> The development of the civil law institution of insolvency (bankruptcy) in Russia in the 19th century	21
<i>Rybkina K.V.</i> The history of domestic justice in the field of economic relations	26
<i>Kornilov A.R., Sheiko V.V.</i> Restrictions on the enforcement of the rule on criminal liability for knowingly false expert opinion in the field of public procurement.....	31

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Bagapsh M.A.</i> The legal status of women among the peoples of the Caucasus: problems and prospects for equality	35
<i>Gulyaeva V.A., Silaeva S.S.</i> The application of screenshots in proving of civil procedure in Russian Federation	38
<i>Isaicheva A.A.</i> Some problems of interaction between the Treasury of Russia and other bodies exercising state financial control	42
<i>Kuryakova V.F.</i> Legal regulation of capital repairs of apartment buildings classified as objects of cultural heritage.....	48
<i>Kutsenko O.V.</i> Legal consolidation of the constitutional restriction of human and civil rights and freedoms within the framework of the goals established by law	55
<i>Lutsevich E.A.</i> On the issue of combating corruption in public authorities of Russia: historical and legal aspect	59
<i>Pankratov I.S., Barovskikh M.D.</i> Legal analysis of the functions of the state	66
<i>Mikhalev V.E.</i> Some aspects of legal regulation of the activities of SME entities in the conditions of sanctions.....	70
<i>Pankratov I.S., Barovskikh M.D.</i> Development of legal regulation of the system of social benefits as an element of state social policy	75
<i>Potapova L.V.</i> Some proposals for improving the Federal Law on the Prosecutor's Office of the Russian Federation»	79
<i>Ravoyan R.A.</i> Legal regulation of the protection of personal and biometric data in the context of digitalization... ..	83

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Abdirimov A.F., Ozmanyanyan Yu.Z.</i> Subjects of subsidiary liability in bankruptcy cases.....	87
<i>Avanov A.E.</i> Improvement of the regulatory framework for the purchase and sale of real estate.....	91
<i>Berezkin A.S.</i> Some private-legal features of the lease agreement of land plots that are in state or municipal ownership.....	98

<i>Bolabko A.A.</i> Features and legal nature of property agreements between spouses.....	104
<i>Brodnikov A.S.</i> Regulatory regulation of the protection of geographical indications and appellations of origin of goods: generalization of Russian and international judicial practice	111
<i>Yeryomenko D.E., Lapina E.V.</i> Approaches to the content of convalidation of an invalid transaction as a legal phenomenon.....	116
<i>Bauer D.V., Zagorodnikova Ju.O.</i> The legal institution of the assignment of the right to claim under an obligation.....	121
<i>Kislitsyn G.A.</i> Features of legal regulation of the institute motherhood and childhood in the Russian Federation.....	126
<i>Lopatin D.P., Zimnitskaya Yu.A.</i> Development of legislation on the protection of rights to musical works	132
<i>Mikryukov V.A.</i> The practice of applying corporate legal norms by analogy	136
<i>Permyakov M.V., Bannykh S.G., Morozova E.V.</i> Legal regulation of public procurement.....	139
<i>Lapina E.V., Yeryomenko D.E.</i> Development of the institution of inheritance of rights associated with participation in business companies.....	142
<i>Tarasov I.A.</i> Practical aspect of legal regulation of “Vertical agreements” permissible in accordance with antimonopoly legislation.....	148
<i>Fedorova Yu.A.</i> Illegal and lawful actions of internal affairs bodies as a condition for the onset of civil liability	152
<i>Iaremchuk I.V.</i> On the question of the influence of the legal regime of offshore zones on the status of legal entities	156

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Amirov A.A.</i> Criminal liability of citizens of Tajikistan for crimes committed on the territory of foreign states.....	160
<i>Bagutsky N.V., Dadaeva Yu.V.</i> On certain issues of victimological prevention of road traffic accidents involving pedestrians and means of individual mobility (MIM).....	166
<i>Evseeva E.V.</i> Legal consequences of failure to comply with criminal law measures	173
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.</i> Main criminological signs of organized crime business in modern Russia.....	177
<i>Kostryukov A.V.</i> On the Issue of Delimitation of Civil Law Torts from Mercenary Crimes in the Field of Entrepreneurial Activity.....	183
<i>Andreevna K.V.</i> Characterization of methods of preparation, commission and concealment of criminal activities in the field of forest management	186
<i>Nikitina L. Yu.</i> Development of measures to prevent crimes of misappropriation and embezzlement in the consumer market using digitalization tools	192
<i>Prilepskii E.T.</i> A measure of procedural compulsory of temporary suspension from position in respect of persons carrying out business and other economic activities: some application problems.....	196
<i>Stepenko A.V.</i> Prevention of terrorist crimes by psychological methods.....	202

<i>Tikhonova A.S.</i> Problems of criminal legal qualification of child abuse.....	205
<i>Shpetnaja A.V.</i> Interaction of law enforcement agencies with banks and mobile operators in the prevention of remote fraud	209

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Inyakin E.V.</i> Some Issues in the Classification of Legal Systems Worldwide	212
<i>Makhmudov R.A.</i> Analysis of the liquidated institution of third-party ownership of the rights to football players.....	216
<i>Kichenina V.S., Stavtsova A.O., Ryazansky A.A.</i> On the prospect of reforming the UN Security Council	223
<i>Salimgerey A.A.</i> Legal regime of marine spaces under the Convention on the legal status of the Caspian Sea	228
<i>Makhmudov R.A.</i> Legal problems related to the introduction of sporting sanctions against football players for the actions of football clubs	235

<i>Sidorchuk I.V., Panfilova E.S., Smirnova A.S.</i> A legal entity as a subject of liability under the criminal law of the people's republic of China.....	238
---	-----

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Zlobina E.A.</i> Criteria for evaluating the effectiveness of the legislature	245
<i>Korovkin S.V.</i> Options agreements: re origins of the concept of options in imperial-era Russian legal studies, brief overview	250
<i>Kupriyanov A.S.</i> Pricing agreement as a tool to control transfer prices.....	254
<i>Soldatova M.M.</i> Legal regulation of the issue of the statute of limitations in Russia and foreign countries	259
<i>Terentyev A.V.</i> Guarantees for the protection of the rights of minors in criminal proceedings	263
<i>Vorobyova Yu. Yu.</i> Some issues of by-law law-making of federal executive bodies	267

Правовые проблемы взаимодействия технологии искусственного интеллекта и интуитивного права: опыт стран «Большой Евразии»

Воронкова Евгения Олеговна,

старший преподаватель, кафедра уголовного права и криминологии, Юридический институт, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
E-mail: evgeniya-voronkova@mail.ru

В современной правовой литературе нет полноценного исследования взаимодействия цифровых и традиционных категорий в процессах познания права. Явления, противопоставляемые друг другу из-за природы происхождения, в рамках практической деятельности юристов оказались компонентами единого целого. Исследование, представляет собой анализ проблем современной юриспруденции, в части взаимодействия современных цифровых технологий и императивно-атрибутивных переживаний субъектов права, а также ставит своей целью, произвести дифференциацию этих категорий в правотворческой и правоприменительной деятельности, на примере стран Большой Евразии. Результатом исследования является определение степени влияния искусственного интеллекта на правоприменительную деятельность в разных странах Евроазиатского региона и его разграничение с иной (традиционной) формой познания – интуицией, а также раскрытие содержания этих правовых явлений и степени их интеграции в современные юридические процессы. Работа раскрывает исторические и иные предпосылки, а также особенности формирования и развития правовых систем стран Евразии и их влияние на восприятие юристами таких явлений в праве, как искусственный интеллект, интуиция и интуитивное право, как и на процесс познания юриспруденции, как комплексного явления.

Ключевые слова: правовая политика, информационные технологии в праве, правосознание, интуиция в праве, государство, справедливость.

Современная юриспруденция на территории Евразийского пространства отличается сложным соединением самобытных элементов правовых систем и мировых тенденций в области права. Процесс глобализации оказал существенное влияние на трансформацию традиционных представлений о праве, а внедрение цифровых технологий в эту сферу является новым этапом в модернизации юриспруденции. На территории «Большой Евразии» сформировалось особое отношение к праву и государству. Это обусловлено совокупностью как исторических, так и политических процессов. Современная правовая культура и правосознание граждан этих стран формировалось под действием целого ряда внутривластных условий, социальных потрясений и религиозно-философских воззрений, соответствующих различным историческим периодам. Достаточно поздно включивших процесс глобализации все эти системы испытали существенное воздействие и претерпели ряд существенных изменений в рамках различных правовых институтов. Активная международная торговля, формирование новых государственных союзов – ШОС и т.д., так же отразилось на национальных правовых системах, сделав их более гибкими и адаптированными к новым экономическим и политическим реалиям. Вместе с тем этот процесс имел и негативные последствия – разрушение традиционной правовой культуры. Однако реформы в большинстве стран Евразии позволили стабилизировать процесс. Цифровая эпоха в праве – это новый кризисный период и вместе с тем, новая степень развития права стран Евразии. Право не будет прежним. Будущие юриспруденции за единением цифровых технологий и традиционных форм правопонимания.

Категория интуитивного права, давно вызывающая интерес ученых-правоведов, так этим понятием первыми стали оперировать ученые XIX–XX веков, такие как, например, Л.И. Петражицкий или И.А. Ильин, а сегодня наибольший интерес вызывают работы Ю.П. Боруленко и А.И. Овчинникова, однако все они говорят, в силу исторического периода написания работ, о обособленно интуитивном методе познания права. Исследования о влиянии искусственного интеллекта появляются существенно позже и сегодня все еще носят дискуссионный характер. Современное научное сообщество, еще не готово дать ответ на вопрос о стату-

се ИИ в праве и порядке взаимодействия с иными формами познания правовой материи.

Вопросы цифрового или искусственного интеллекта в рамках правоприменительной деятельности, сегодня рассматриваются учеными в большинстве своем как самостоятельные явления без учета взаимодействия с человеком. Интуитивное право как категория наиболее «человеческая» является предметом дискуссий противоположенного толка, зачастую исключаящих обсуждения цифровых технологий, как существенного компонента современной юриспруденции. Все это является крайними формами и требует объединения в единую концепцию. Современное право – это единение возможностей человека и машины, а не борьба двух форм познания.

Многогранный предмет исследования, требует использования различных приемов и способов для его изучения. Современные Евразийские правовые системы нуждаются в совокупности этих двух подходов. В рамках статьи мы рассмотрим вопросы уже существующего на практике отдельных стран «Большой Евразии» взаимодействие интуитивного права и цифровых технологий в практике юристов и правотворцев.

Целью исследования является раскрытие современной правоприменительной и правотворческой деятельности как совокупности традиционных подходов и современных технологий странах «Большой Евразии». Своими задачами исследователь в данной работе ставит раскрытие влияния искусственного интеллекта на юридическую теорию и практику, определение особенностей взаимодействия искусственного интеллекта и правовой интуиции, раскрытие содержания правоприменительного и правотворческого процесса с позиции рационального и чувственного познания.

Страны Большой Евразии находятся в тесном контакте друг с другом на геополитическом уровне, а также велико это влияние в части формирования их правовых систем и правовой культуры. Отдельно взятые страны имеют и вовсе общее правовое прошлое, однако объединяет их не только оно, но и современные проблемы и вызовы.

Последние 30 лет для стран Евразии можно охарактеризовать повышенной социальной динамикой, политическими изменениями в жизни общества и государства, а также чуть более поздней цифровой революцией, чем в странах западного мира. Тем не менее, вопросы взаимодействия человека и искусственного интеллекта в правовой сфере, сегодня стали актуальны и для нашего региона.

ЭВМ сегодня конкурирует с людьми в различных отраслях. Юридическая практика не исключение. Правоприменительная деятельность, как целостное явление, судебское усмотрение, правовая аналитика и многое другое, сегодня подвергается экспериментам по замене правоприменителя искусственным интеллектом (далее – ИИ). Однако использование возможностей ИИ видится по-разному. Существенно отличаются подходы к понима-

нию пределов дозволенного, где в одном случае робот выполняет лишь рутинную работу, к примеру, по архивации документации [1] и в другом случае проводит аналитическую работу и выносит решение суда. Так, например, в США и Великобритании «ИИ-судья» получает все большую популярность и вместе с тем раскрывает все больше собственных существенных недостатков [2]. Как показывает практика предвзятость и автономия так же не являются чертами присущими ИИ. Создаваясь человеком ИИ вобрал в себя и его пороки, а вместе с тем и не лишен и собственных – исключительно «машинных». Отпечаток личности создателя ИИ в своем творении, наделяет роботизированную форму определенными предпочтениями в ряде выборов, что позволяет говорить лишь о частичной беспристрастности робота-правоведа.

Бесспорно, электронный меторазум копирует процесс человеческого познания и строит алгоритмы по принципу нашего мышления. Так, можно говорить о столкновении рационально-чувственной формы познания права человека и аналитической ИИ. Однако нужно понимать, что «разум» ЭВМ создан по аналогии с человеческим, с той лишь разницей, что в нашем арсенале есть огромное количество инструментов и способов для познания, которые мы можем, применяя одновременно, в то время как ИИ обладает более длительным периодом запоминания – для формирования алгоритмов с ограниченным инструментарием, заложенным в процессе создания требуется большее количество информации. Техническая часть устройства также является сдерживающим фактором в процессе обучения машины, т.е даже при наличии необходимых алгоритмов, техническая мощность не будет позволять произойти прорыву в познании без её постоянной модернизации, которая не всегда возможна. Материальная часть машины, всегда уступает в развитии программным возможностям.

Однако это не отменяет положительных качеств ИИ, столь необходимых для деятельности юриста. ЭВМ обладает большей точностью при анализе и изучении крупных массивов данных (прим.: обзор судебной практики за несколько лет) и представляет совокупность всех существующих вариантов развития ситуации решения, ограниченных лишь объемом первоначальной информации.

Правоотношения же представляют собой более сложное явление и одним рациональным элементом не могут быть познаны. На примере интуиции, разберем взаимодействие чувственного (иррационального) познания и искусственного интеллекта на примере правотворческой, правоприменительной деятельности.

Интуиции в праве – явление, противопоставляемое искусственному интеллекту – так как связано с наличием эмоциональной памяти у человека и априорных данных, которые он силу различных факторов не может описать и осознать, но владеет конечным результатом. В процессе познания мы соотносим внешние данные с нашим прообразом в бессознательном, которое отправляет опре-

деленный сигнал в виде эмоциональной реакции субъекта. Этот сигнал и воспринимается нами как внутренний голос т.е. интуиция.

Чаще всего правоприменитель и правотворец используют стратегическую интуицию [3] основанную на опыте, т.к. именно она позволяет принять решение в отсутствие некоторых данных, необходимых для принятия рационально обоснованного решения.

Сегодня уже используются подобные «интеллектуальные системы», способные выполнять контрольные и аналитические функции в процессах получения, поиска и использования юридической информации. Обладая предустановленным алгоритмом действия с информативным полем, они формируют «умную генерацию» шаблонных документов, контролировать сроки выполнения задач и многое другое.

Такие системы работают по следующей траектории: формализации сведений, формирования предустановленных правил, тестирование в заданных условиях, ручная настройка правил принятия решений.

На территории Евразии также есть такие примеры электронных систем. Так в РФ существует портал «Госуслуги», программа «Юстиция», осуществляющая протоколирование судебных заседаний, наиболее успешным проектом в этой части, кажется, опыт Республики Казахстан, где успешно использует проект «SMART суд» и идет апробация системы «Е-уголовное дело», направленная на цифровизацию уголовного процесса на всех его стадиях.

Опыт использования Электронного правительства, есть и в Республике Таджикистан, однако он ограничивается лишь внедрением «электронного правительства». В КНР начиная 2013 года Верховный народный суд разработал цифровую платформу под названием «China Judgments Online». Сегодня, все публичные документы подготовленные китайскими судами, должны публиковаться на этой веб-странице. Ресурс стал крупнейшим в мире онлайн-хранилищем судебной информации. Помимо этого Китай, активнее остальных стран на Евразийском пространстве, использует такой инструмент, как «чат-бот» для общения с участниками судопроизводства и использует возможности ИИ выносить решения по аналогии, однако конечный вердикт остается за судьей-человеком.

Однако отсутствие эмоционального интеллекта [4] и как следствие отсутствие иррациональных компонентов в процессе анализа информации и превращают ИИ в улучшенную версию делопроизводителя, но не юриста. Важно понимать, так как система опирается на нереальный опыт, а на все многообразие доступных комбинаций, то и обучение происходит в разы медленней, чем у человека. А сокращение таких комбинаций и вовсе нивелирует достоинство таких систем и как следствие не применяется.

Вторая сфера приложения таких систем в Большой Евразии – правотворчество, где «электрон-

ный законотворец», также, может принять на себя контрольно-информирующие функции, оставляя принятие конечного решения за человеком. Так как отсутствие эмоционального опыта и способность оценивать акт с позиции, к примеру, принципов права устраняет его, как конкурента представителя законодательной ветви власти. Любой нормативно-правовой акт является отражением человеческих отношений не лишенных милосердия и гуманизма.

Юридическая практика также оценила возможности ИИ. Аналитика данных вышла на качественно новый уровень благодаря тем объемам информации, что обрабатывает роботизированная система. Правоведами высоко ценится способность электронной системы, позволяющая находить информацию, по ключевым словам и синонимам.

Однако это не отменяет конфликтных зон в рамках взаимодействия когнитивных возможностей юриста и ИИ, что проявляется в следующих вопросах:

1. Может ли искусственный интеллект и может ли быть субъектом права?

Искусственный интеллект – термин отечественный и не совсем точный, с точки зрения перевода. В английском языке он звучит, как *artificial intelligence*. В соответствии с определением данным в Оксфордском словаре английского языка *intelligence* – the ability to learn, understand and think in a logical way about things; the ability to do this well [5], т.е. это не эквивалент интеллекту человека, т.к. интеллект в словаре С.И. Ожегова – это мыслительная способность, умственное начало у человека [6]. Главное отличие между этими двумя определениями кроется в антропоморфной окраске, которая появилась при переводе на русский язык.

ИИ это лишь набор логических алгоритмов, с функцией их размножения в зависимости от поставленных целей. Проводя сравнение с юристом, к примеру, у которого нет необходимой информации, в состоянии ощутить потребность в ней на интуитивном уровне и изучить ее, в то время как ИИ не обладая соответствующими заданными алгоритмами, не приступит к поиску данных. Таким образом, суждения об ИИ, как о субъекте права, беспочвенны. Правовой волей [7] обладает лишь субъект, вносящий в систему первоначальные данные. У ИИ нет эмоционального опыта и нет такого компонента правосознания, как правовая психология. Правоприменителем он так же быть не может, так как, так является орудием, использованным в рамках реализации деятельности человека, создавшего его. И в завершении, стоит отметить, что социально-правовой ценности, как и праводеспособности ИИ не имеет, так примером этому может послужить распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» искусственный интеллект относится к основным сквозным цифровым технологиям, которые входят в рамки указанной Программы. Аналогичные по своему содержанию акты есть и в иных

странах евразийского пространства, к примеру в Республике Казахстан есть Государственная программа «Цифровой Казахстан» утвержденная Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827 с аналогичным содержанием.

2. Возможна ли «искусственная интуиция»?

Являясь имитации частных процессов головного мозга человека, искусственный интеллект в своей основе имеет принцип действия биологических нейронов и способность к обучению по модели человеческого разума, однако на сегодняшний день ни один суперкомпьютер не может сравниться с мощностью головного мозга. Так же важно учитывать, что системе необходимо всякий раз проходить определенный алгоритм, для получения новых данных, в то время как человек способен испытать инсайт.

В большинстве своем ИИ сегодня – это все еще вычислительные устройства для доказательств теорем, что приводит к накоплению большого количества алгоритмов, но не формированию интуиции и эмоционального опыта.

Это исследование подтвердило выдвинутую теорию о взаимодействии ИИ и интуитивного права. Опыт большинства стран говорит, конечно, уже не о противостоянии этих явлений, однако еще и не о балансе в правовой сфере. В рамках исследования мы обращались к различным источникам, в ходе изучения которых подтвердилась теория о проблемах использования этих способов познания юридической материи. В современном правовом мире все еще нет баланса, но большим прорывом является повышение уровня цифровой грамотности юристов и отсутствие отрицания пользы цифровых систем в рамках практической юриспруденции. Вместе с тем вызывает опасения и возможное чрезмерное использование ИИ в правовом пространстве. Так как он не является заменой, а лишь вспомогательным инструментом в руках, к примеру, судьи или законодателя. Данные, собранные в ходе исследования, дают основания предполагать о формировании синтетического подхода в части правового познания и дальнейшем определении правового статуса машинного интеллекта.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что интуиция – это явление, используемая как теоретиками, так и практиками права. Именно иррациональная природа, позволяет логически завершить конструкции доказательств, судебного процесса или же просто объяснить точку зрения правоприменителя. Интуитивные методы позволяют прийти к абсолютному пониманию предмета исследования, что является целью любого практикующего юриста. Искусственный интеллект – это дополнение к традиционным формам познания и в первую очередь интуиции, так как его первоочередной задачей является определение оптимального пути решения задачи, основанной на логике и по заданным алгоритмам, расширив диапазон последних. Право порождает задачи творческие, а процессы

в нем в большей степени реальные, нежели формальные.

Современный искусственный интеллект может лишь способствовать принятию решений в рамках правотворческой или правоприменительной деятельности, но не составить конкуренцию интуиции, так как уникально каждое правоотношение и решение, принятое в его рамках, ИИ же действует по аналогии, что позитивно сказывается на количестве получаемой информации. Таким образом, цифровые технологии существенно упростили процесс получения и обработки информации в праве, но оставили неизменной ответственность человека как правотворца и правоприменителя.

Литература

1. Солнцева О.Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-Management. 2018. № 1.
2. Заплата Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 4 (56).
3. Duggan, William R. Strategic intuition: the creative spark in human achievement / William Duggan. – New York; Chichester, West Sussex: Columbia business school publ., cop. 2007. – xii, 192 c.
4. Smith, M.K. Howard Gardner and Multiple Intelligences. – The Encyclopedia of Informal Education. Retrieved from <https://infed.org/howard-gardner-multiple-intelligences-and-education/>.
5. The Concise Oxford dictionary of English etymology / Ed. by T.F. Hoad. – Oxford: Clarendon press, 1986. – XIV, 552 c.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 938, [3] с.
7. Субъект права: теоретическое исследование / Архипов С.И. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 469 с.

LEGAL PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY AND INTUITIVE LAW: THE EXPERIENCE OF THE COUNTRIES OF «GREATER EURASIA»

Voronkova E.O.
Altai State University

In the modern legal literature there is no full-fledged study of the interaction of digital and traditional categories in the processes of legal cognition. Phenomena opposed to each other due to the nature of their origin, in the framework of the practice of lawyers, turned out to be components of a single whole. The study is an analysis of the problems of modern jurisprudence, in terms of the interaction of modern digital technologies and imperative-attributive experiences of legal subjects, and also aims to differentiate these categories in law-making and law enforcement activities, using the example of the countries of Greater Eurasia. The result of the study is to determine the degree of influence of artificial intelligence on law enforcement activities in different countries of the Eurasian region and its differentiation with another (traditional) form of cognition – intuition, as

well as the disclosure of the content of these legal phenomena and the degree of their integration into modern legal processes. The work reveals the historical and other prerequisites, as well as the features of the formation and development of the legal systems of the Eurasian countries and their impact on the perception by lawyers of such phenomena in law as artificial intelligence, intuition and intuitive law, as well as on the process of cognition of jurisprudence as a complex phenomenon.

Keywords: legal policy, information technology in law, legal awareness, intuition in law, state, justice.

References

1. Solntseva O.G. Aspects of the application of artificial intelligence technologies // E-Management. 2018. № 1.
2. Patina T.S. Artificial intelligence in the issue of judicial decisions, or AI-judge // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2019. № 4 (56).
3. Duggan, William R. Strategic intuition: the creative spark in human achievement / William Duggan. – New York; Chichester, West Sussex: Columbia business school publ., cop. 2007. – xii, 192 p.
4. Smith, M.K. Howard Gardner and Multiple Intelligences. – The Encyclopedia of Informal Education. Retrieved from <https://infed.org/howard-gardner-multiple-intelligences-and-education/>.
5. The Concise Oxford dictionary of English etymology / Ed. by T.F. Hoad. – Oxford: Clarendon press, 1986. – XIV, 552 p.
6. Ozhegov, S.I.. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S.I. Ozhegov and N.Y. Shvedova; Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language. – 4th ed., add. – Moscow: A TEMP, 2006. – 938, [3] p.
7. The subject of law: theoretical research / Arkhipov S.I. – S.-Pb.: Legal Center Press, 2004. – 469 p.

Нормативное регулирование процедуры ЭКО: сопоставление правовых моделей России, Южной Кореи и Японии

Ганик Ольга Николаевна,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: ganik.on@students.dvfu.ru

Коркин Максим Сергеевич,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: korkin.ms@students.dvfu.ru

Статья описывает историю развития ВРТ, их широкое распространение, а также правовые вопросы применения данных методов. В рамках статьи освещаются правовые аспекты применения процедуры ЭКО в Российской Федерации, в свете чего авторы рассматривают нормативно-правовые акты, гарантирующие право ребенка на семью, а также законодательство, регламентирующее использование вспомогательных репродуктивных технологий. Также в статье рассматривается актуальность применения вспомогательных репродуктивных технологий в Южной Кореи, описываются законодательные основы, которые регулируют процедуру ЭКО, включая законы о низкой рождаемости и старении общества, о здоровье матери и ребенка, а также о биоэтике и безопасности. Авторы выделяют особенность процедуры ЭКО в Японии, где низкая рождаемость является проблемой из-за определенных тенденций общества, однако для получения услуг ВРТ, нужно соответствовать определенным требованиям. В целом, статья подчеркивает значимость ВРТ, несмотря на существующие проблемы нормативно-правовой базы и различные мнения по её этической стороне.

Ключевые слова: ВРТ; Процедура ЭКО; Нормативно-правовое регулирование ЭКО; Россия; Южная Корея; Япония.

Введение

Современный мир сохраняет интерес к институту семьи, который является приоритетным для многих пар, планирующих создание крепких семейных отношений. Тем не менее, на пути к установлению семейных целей, более часто появляется диагноз «бесплодие», причинами которого могут послужить различные факторы, включая возраст партнера, неграмотное сексуальное поведение, аборт и другие наследственные и приобретенные заболевания. Проблемами, связанными с бесплодием, относятся к репродуктивной медицине, которая представляет собой направление медико-биологических знаний, нацеленных на регулирование рождаемости и планирование семьи. В настоящее время, помимо традиционных методов медицины, всё чаще используются различные современные биомедицинские технологии, которые называются вспомогательными репродуктивными технологиями (ВРТ). Под ВРТ понимают методы лечения бесплодия, при которых этапы зачатия и раннего развития эмбриона происходят вне материнского организма. Самый распространенный метод ВРТ – экстракорпоральное оплодотворение (от латинского *extra* – сверх, вне и от латинского *corpus* – тело, то есть оплодотворение вне тела, сокр. ЭКО), в рамках которого яйцеклетка из организма женщины извлекается и искусственно оплодотворяется в условиях «in vitro» (в пробирке), затем эмбрион выращивают в условиях инкубатора в течение 2–5 дней и перемещают в матку для дальнейшего развития.

Начиная с 1940-х годов, ученые проводили эксперименты по оплодотворению яйцеклетки вне организма женщины. В 1977 году произошел первый успешный случай ЭКО в Великобритании, что привело к рождению Луизы Джой Браун в 1978 году. ЭКО широко распространен во многих странах, и, хотя он не является гарантией беременности, он дает реальный шанс на детей для пар, которые ранее не могли их иметь. Однако применение этой процедуры вызывает много вопросов со стороны медицинских работников и законодательства. На данный момент существует множество правовых пробелов, как в законодательстве Российской Федерации, так и в странах АТР. Современные методы и технологии в области медицины совершенствуются с каждым годом, что безусловно требует правового регулирования, внесения или изменения положений законов, которые могли бы грамотно регулировать аспект вспомогательных репродуктивных технологий.

Правовые аспекты применения процедуры ЭКО в Российской Федерации

В 1986 году было осуществлено первое успешное эко в СССР в Центре охраны здоровья матери и ребенка (в настоящее время Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В.И. Кулакова), в результате чего появилась девочка.

Право ребенка на семью имеет сложный юридический характер и обеспечивается Конституцией РФ, которая гарантирует защиту материнства и детства, а также семьи. Данная норма Конституции РФ имеет обобщенный характер, и поэтому неважно при каких условиях был зачат ребенок, он всё так же имеет свои конституционные права на семью, воспитание и заботу. Также основным нормативно правовым актом, помимо Конституции РФ, выступает Семейный кодекс РФ, который многосторонне регулирует семейные отношения. В Семейном кодексе РФ закрепляются права ребенка на жизнь и воспитание в семье, заботу и совместное проживание с родителями, с учетом его интересов и уважения его человеческого достоинства. Так, Семейный кодекс РФ закрепляет права ребенка, в силу того, что он не достиг совершеннолетнего возраста и ещё не может самостоятельно принимать решения и заботиться о себе. Таким образом, отчётливо видно, что законодательство Российской Федерации регламентирует основные права детей и уделяет достаточное внимание институту семьи.

Также следует обратиться к Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который в ст. 55 регламентирует применение вспомогательных репродуктивных технологий, указывая на необходимость обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство.

Правовое регулирование ВРТ в России активно развивается, это подтверждает наличие недавно вступившего в силу Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». Данный приказ всесторонне охватывает регулирование вспомогательных репродуктивных технологий, закрепляет базовой программой ВРТ экстракорпоральное оплодотворение, перечисляет этапы ЭКО, перечисляет показания для проведения программы ЭКО. К показаниям относятся: неэффективность лечения бесплодия в течение 12 месяцев при возрасте женщины до 35 лет или в течение 6 месяцев при возрасте женщины 35 лет и старше; состояния, при которых эффективность лечения бесплодия при применении программы ЭКО выше, чем при применении других методов; наследственные заболевания; сексуальная дисфункция, препятствующая выполнению полового акта; ВИЧ-инфекция и др.

Помимо нормативно правовых актов, существуют различные государственные программы по регулированию процедуры ЭКО, например, ежегодно утверждаемые постановлениями Правительства Российской Федерации программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Значимым является отчёт о результатах экспертно-аналитического мероприятия предоставленного заместителем (с 30.11.2022 г. исполняющим обязанности председателя) Счётной Палаты РФ Г.С. Изотовой по состоянию на 2019–2020 год. В данном отчёте приводятся статистические показатели, согласно которым по данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) в Российской Федерации с 2019 год естественная убыль населения достигла 317233 человека, показатель рождаемости составил 10,1 на 1000 человек населения, смертности – 12,3. Коэффициент рождаемости стабильно снижается на протяжении 2016–2019 годов. В России частота бесплодных браков колеблется от 17,2 до 24% в различных регионах, при том, что критическим для демографической ситуации в стране, по данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), считается показатель 15%. В этой связи проблема лечения бесплодия имеет особую актуальность.

Также динамика общего количества медицинских организаций, оказывающих медицинские услуги с использованием ЭКО показывает увеличение организаций, оказывающих услугу ЭКО на 10,5% с 2018 г. по 2020 г. Основную долю организаций, выполняющих ЭКО, составляют организации частной формы собственности, а именно 80% от общего количества.

Кроме того, в России существуют и другие программы, направленные на поддержку рождаемости и помощь в борьбе с бесплодием. Например, программа «Мать и дитя», которая включает в себя мероприятия по повышению медицинской культуры населения, поддержку материнства и детства, а также финансовую помощь для семей с детьми. Также существуют региональные программы, направленные на поддержку рождаемости и оказание помощи при бесплодии. В рамках таких программ предоставляются субсидии на проведение ЭКО, а также на лечение бесплодия с использованием различных методов и технологий.

Если обращаться к цифрам, то согласно отчёту Счётной палаты расходование средств ОМС, направленных на финансовое обеспечение мероприятий, связанных с оказанием медицинской помощи больным (при бесплодии) с использованием ЭКО, осуществляется недостаточно эффективно, так как объем израсходованных средств на оказание медицинской помощи с применением ЭКО в 2019 году составил 9862,1 млн рублей, или 103,3% от предусмотренных базовой программой ОМС (9550,7 млн рублей), в 2019 году выполнено 79566 циклов ЭКО, что составило 113,7% от плана (не менее 70000 циклов ЭКО), доля женщин, вставших на учет по беременности из числа пролечен-

ных с помощью ЭКО, в целом по Российской Федерации составила 31,92%, что на 1,92 процентного пункта выше рекомендуемого Минздравом России и ФОМС показателя, вместе с тем количество планируемых циклов ЭКО и объем соответствующего финансового обеспечения не являются достаточными: – на 1 июля 2020 года в 76 регионах в листе ожидания находятся 24 767 пациентов; – в отдельных субъектах Российской Федерации сроки ожидания медицинской помощи с применением ЭКО достигают 18 месяцев.

Счетная палата предлагает Минздраву России:

1. Обеспечить нормативное закрепление требований к срокам ожидания специализированной медицинской помощи при ЭКО, а также по ведению листа ожидания процедур ЭКО;
2. Ввести единый лист ожидания процедур ЭКО в Российской Федерации;
3. Обеспечить нормативное закрепление порядка применения способов оплаты медицинской помощи за счет средств ОМС;
4. Разработать и утвердить механизм распределения объемов предоставления медицинской помощи между медицинскими организациями с учетом установленных критериев;
5. Установить контроль при формировании территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам в части учета потребности субъектов Российской Федерации в объемах медицинской помощи при ЭКО.

Также совместно с ФОМС:

1. Утвердить методику расчета среднего норматива финансовых затрат на один случай ЭКО;
2. Увеличить объем экспертиз медицинской помощи при ЭКО и др.

Таким образом, процедура ЭКО в Российской Федерации имеет комплексное законодательное закрепление, однако данная процедура, в применении на практике, имеет ряд, как нормативных, так и финансовых проблем, на устранение которых потребуется время и бюджетные средства. Некоторые из этих проблем включают в себя ограниченную доступность ЭКО из-за высокой стоимости процедуры и неравномерности распределения ресурсов, небольшое количество высококвалифицированных специалистов, которые могут проводить процедуру, а также отсутствие стандартизации и регулирования этических вопросов, связанных с процедурой. Кроме того, существуют проблемы с легализацией и контролем нарушений законодательных норм в области ЭКО, особенно в отношении нелегальных клиник, проводящих данную процедуру. Необходимо разработать меры по снижению стоимости ЭКО и расширению доступности процедуры для всех слоев населения, увеличить количество специалистов в области репродуктивной медицины и внедрить более жесткие правила регулирования и этические стандарты в сферу ЭКО, чтобы предотвратить нелегальную практику и защитить права пациентов. Также необходимо проводить информационную работу среди населения

о рисках и особенностях данной процедуры, чтобы уменьшить количество недостоверной информации и мифов об ЭКО. Важно также обратить внимание на проблемы, связанные с использованием донорских яиц и спермы, что может привести к некоторым этическим рискам и вызвать неопределенность в отношении родительства. Для решения этих проблем необходимо внедрять более жесткие правила и контроль над использованием донорских клеток, а также обеспечивать доступность информации и консультаций, чтобы помочь будущим родителям принять осознанные решения. Все эти меры помогут сделать ЭКО доступной и эффективной процедурой, способной помочь семьям, столкнувшимся с проблемами бесплодия, достичь желаемой беременности и родить здоровых детей.

Актуальность применения вспомогательных репродуктивных технологий в Южной Корее

В Южной Корее процедура ЭКО регулируется многими законами и выступает как способ лечения бесплодия. Стоит начать рассматривать этот аспект с заинтересованности правительства Южной Кореи в борьбе с бесплодием, что отмечено в п. 1 ст. 20 закона о низкой рождаемости и старении общества (№ 8868).

Как следствие, был принят закон о здоровье матери и ребенка (Закон № 5859 от 8 февраля 1999 г.), где в ст. 3, закреплено, что государство и органы местного самоуправления должны стремиться к улучшению здоровья матери и ребенка, в том числе, и при планировании семьи. Однако государственные субсидии, упоминаемые в ст. 21 в Законе № 18612, оказываются только парам состоящим в браке, у которых не получилось зачать ребенка в течении года активной половой жизни с определенным уровнем дохода, при этом информация о медицинском вмешательстве не будет разглашена третьим лицам согласно ст. 24 этого же закона.

Также помощью государства являются гинекологические консультации согласно ст. 11 закона о здоровье матери и ребенка (Закон № 18612 от 21 декабря 2021 г.). На данный момент в Южной Корее рассматриваются дополнения к закону о психологической помощи в области лечения бесплодия, однако послеродовая, и дородовая депрессия уже отмечены законодателем в ст. 10–5. закона № 18612. В общих чертах, этот закон вводит стандарты по организации ухода за беременными, а также по лечению бесплодия.

Естественно, для проведения ЭКО требуется биологический материал, работу с которым регламентирует закон о биоэтике и безопасности (Закон № 17783 от 29 декабря 2020 г.), где в ст. 23 п. 3 сказано, что сбор необходимых биологических составляющих для ЭКО не должен быть коммерческим, а также вводится ряд ограничений, связанных с личными особенностями донора.

Также ст. 24 предусматривает, что медицинские учреждения должны получить письменное согла-

сие от супруга субъекта на лечение, но не упоминает субъектов без супруга. В этом случае Министерство здравоохранения и социального обеспечения пояснило, что достаточно оставить поле «супруга» в письменном согласии пустым. Поэтому, даже если незамужняя женщина подвергается искусственному оплодотворению в Корее, это не является нарушением закона, а значит, лицо, прошедшее процедуру, или лечащий врач не несут наказания.

Однако, сообщества гинекологов и медицинских центров убеждены, что «только пары, состоящие в законных браках, могут использовать донорскую сперму» и «должно быть представлено свидетельство о семейных отношениях или свидетельство о браке». Но проведение ЭКО для одинокой женщины не регламентируется, поэтому не является противозаконным, по поводу чего в юридическом сообществе Южной Кореи разгораются споры, которые должен решить верховный суд, однако он в свою очередь старается избегать данного рода вопросов, и допускает возможность проведения ЭКО для незамужних женщин.

Что касается обратной стороны светского общества, то мнение южнокорейской католической церкви о ЭКО раскрывается с другой точки зрения: «искусственное оплодотворение и роды посредством экстракорпорального оплодотворения также неэтичны». Корейская католическая церковь заботится о страдающих бесплодных парах, поддерживает рекламу и исследования естественных методов родов, не наносящих вреда здоровью родителей, и прилагает усилия на церковном уровне для создания среды, в которой может полноценно развиваться другая жизнь.

Большой объём нормативно-правовой базы в данной области обусловлен статистикой Южной Кореи, где в настоящее время одна или две из 10 пар страдают бесплодием. Однако в последние годы увеличивается количество бесплодных больных, что связано с загрязнением окружающей среды, стрессами, увеличением возраста вступления в первый брак. При этом, мужские или женские причины бесплодия составляют около 40% каждой, и около 20% пар имеют проблемы вместе.

В последнее время национальная поддержка бесплодных пар расширяется в качестве альтернативы решению проблемы низкой рождаемости. Учитывая, что частота наступления беременности при естественном зачатии составляет около 5–10%, частота наступления беременности при ЭКО довольно высока и составляет около 35–50%. За 2018–2021 годы в среднем у 27 тысяч пар рождается ребёнок после процедуры ЭКО. Экстракорпоральное оплодотворение является наиболее эффективным способом преодоления бесплодия.

Однако, решение о проведении ЭКО должно приниматься с осознанием всех рисков и последствий, а также с учетом моральных и этических аспектов. В этом вопросе важна как государственная поддержка бесплодных пар, так и поддержка со стороны общества и религиозных организаций.

Важно помнить, что решение о проведении ЭКО должно быть принято индивидуально, и каждая пара должна иметь возможность выбора метода решения своих проблем. Несмотря на все сложности и риски, борьба с бесплодием остается важной задачей современной медицины и общества. Поддержка бесплодных пар и развитие новых технологий в области репродуктивной медицины продолжают и позволяют все большему числу пар исполнить мечту о рождении ребенка.

Правовые особенности процедуры ЭКО в Японии

В Японии также используется ЭКО как метод лечения бесплодия, как сообщается на официальном сайте кабинета министров. Как и в Республике Корея, низкая рождаемость является проблемой в Японии из-за тенденции к поздним бракам и родам начиная с 1980-х годов. Однако, чтобы получить услугу ЭКО, необходимо соответствовать требованиям, которые описаны в отчете Комитета по этике «Рекомендации по репродуктивной медицине с использованием гамет третьих лиц». Требования являются серьёзными для выполнения, однако, чтобы получить «гены» 3-го лица, необходима серьезная проверка, но даже в таком случае при необходимости, 70% заинтересованных не стали бы проходить процедуру ЭКО. Стоит сказать, что в Японии также активно используется программа донорства яйцеклеток и спермы, которая помогает многим парам реализовать свою мечту о настоящей семье. Эта программа проводится в специализированных центрах национальной репродуктивной медицины и регулируется строгими правилами, чтобы обеспечить максимальную безопасность и качество услуг. Кроме того, в Японии существует множество организаций, оказывающих психологическую поддержку и консультации по вопросам бесплодия, помогая людям справиться с трудностями и принять правильное решение.

Согласно Закону «О сексуальных и репродуктивных правах» ст. 7.2 все люди, в том числе бесплодные, имеют право на получение услуг, связанных с беременностью. Также, в статье 9.1 указано, что каждый имеет право на медицинское обслуживание, включая все виды репродуктивных технологий, и в ст. 9.2 указано, что каждый имеет право на лечение бесплодия. При этом для защиты от религиозных выступлений в статье 9.3 отмечено, что все люди имеют право на защиту от традиционных методов и общественного порицания, которые могут нанести вред их здоровью.

Ребенок, рожденный женой, получившей донорскую сперму от третьего лица, считается ребенком мужа, а ребенок, рожденный женой, получившей донорскую яйцеклетку, регистрируется как ребенок родившей жены. Донорами являются родители, поэтому высок риск того, что презумпция легитимности будет опровергнута, а правовой статус ребенка нестабилен. Кроме того, в семейном регистре нет записи о том, что ребенок родился с использованием репродуктивных медицинских

технологий. Для детей знание своих биологических родителей необходимо для установления их идентичности (самоидентичности), а не является одним из общих прав на знание, но реальность такова, что это не гарантируется. Экстракорпоральное оплодотворение с использованием спермы, донорской третьей стороной, кроме мужа, не может быть осуществлено, если у женщины нет медицинских показаний для проведения экстракорпорального оплодотворения и, если она не получает донорскую сперму.

При внедрении вспомогательных репродуктивных технологий должны быть даны необходимые и надлежащие разъяснения, и после получения полного понимания каждой стороны это должно осуществляться на основе их намерений. На основании основных принципов ВРТ национальное правительство несет ответственность за всестороннюю разработку и реализацию мер по обеспечению надлежащего предоставления вспомогательных репродуктивных технологий.

В Японии встречается более 450 000 случаев экстракорпорального оплодотворения, и с каждым годом их число увеличивается. Каждый 6-й рожденный ребенок в Японии был зачат с помощью процедуры ЭКО. Так, государство активно борется с проблемой бесплодия невзирая на религию и традиции, закрепляя методы вспомогательных репродуктивных технологий в нормативно правовых актах.

Кроме того, в Японии проводятся исследования в области клеточных технологий, направленные на создание новых методов лечения бесплодия. Также существуют такие направления, как восстановление фертильности у женщин после лечения онкологических заболеваний и возможность замораживания яйцеклеток для будущего использования. Однако, несмотря на все усилия в этой области, в Японии до сих пор существуют проблемы с доступностью вспомогательных репродуктивных технологий для бедных семей и одиноких женщин. Кроме того, цены на проведение процедур ЭКО в Японии являются одними из самых высоких в мире, что также является серьезной проблемой для многих пар. Тем не менее, в целом использование вспомогательных репродуктивных технологий в Японии является распространенной и признанной практикой, которая помогает многим парам реализовать свою мечту о настоящей семье.

Заключение

Несмотря на ограничения и споры, процедура ЭКО является широко применяемым методом борьбы с бесплодием и обладает большим потенциалом для развития в будущем. Совершенствование законодательной базы и повышение технологического уровня способствуют повышению эффективности данного метода и увеличению возможностей для населения, страдающего бесплодием. Экстракорпоральное оплодотворение является ведущим методом борьбы с бесплодием в вышеупомянутых

странах. Законодатели активно совершенствуют нормативно правовую базу, регулиующую вспомогательные репродуктивные технологии. Безусловно, существуют пробелы в законодательстве и бюджете на проведение данной процедуры, но они активно устраняются. Медицина и технологии прогрессируют с каждым годом, особенно в Республике Корея и Японии, что позволяет населению данных стран активно бороться с бесплодием. О процедуре ЭКО существует множество, как позитивных, так и негативных мнений со стороны правоведов, церкви и медицинских организаций, однако востребованность процедуры экстракорпорального оплодотворения увеличивается с каждым годом. Каждая супружеская пара мечтает иметь детей и познать семейное счастье, в чём и помогает процедура ЭКО при невозможности естественного зачатия ребёнка.

Литература

- 1 из 16 детей, оплодотворенных in vitro, это самый высокий показатель за всю историю // Асахи Симбун / Государство Япония / 01.10.2020 г. (Электронный ресурс) URL: <https://www.asahi.com/articles/ASNB15J73NB1ULBJ008.html>
- 1–2 из 10 пар бесплодны... «Ребенок из пробирики». Активное развитие технологии // Кванджу-блог / Республика Корея / 15.03.2021 г. (Электронный ресурс) URL: <https://post.naver.com/viewer/postView.nhn?volumeNo=30941473>
- В этом году 1 из 8 новорожденных родился с помощью «операции по бесплодию» // Сон Хэ Ён / Республика Корея / 14.07.2021 г. (Электронный ресурс) URL: <https://www.joongang.co.kr/article/24104933#home>
- Волкова Т.И. Современные биотехнологии и методы репродуктивной медицины как средство решения проблемы бесплодия (Социологический аспект) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2018. – № 4 – С. 32–42.
- Закон «О низкой рождаемости и старении общества» (Закон № 8868 от 29 февраля 2008 г.) // Республика Корея / (Электронный ресурс) URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=83524#0000>
- Закон о биоэтике и безопасности (Закон № 17783 от 29 декабря 2020 г.) // Республика Корея / (Электронный ресурс) URL: <https://www.law.go.kr/>
- Закон о здоровье матери и ребенка (Закон № 18612 от 21 декабря 2021 г.) // Республика Корея / (Электронный ресурс) URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=238099&viewCls=lsRvsDocInfoR#>
- Закон о здоровье матери и ребенка (Закон № 5859 от 8 февраля 1999 г.) // Республика Корея / (Электронный ресурс) URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsEflInfoP.do?lsiSeq=58918#>
- Искусственное оплодотворение без брака, не «незаконно», реально возможно? // Суджин Ким / Республика Корея / 19.11.2020 г. (Элек-

- тронный ресурс) URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20201119100300502>
10. Михневич А.В. Право на семью ребенка, рождённого в результате применения методов вспомогательных репродуктивных технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5–4 (44). – С. 87–90.
 11. Наблюдение за текущей диверсификацией беременности, родов и ухода за детьми с данными // Государство Япония 12.11.2022 г. / (Электронный ресурс) URL: <https://data.wingarc.com/diversity-in-childbirth-29159>
 12. Отчет Комитета по этике «Рекомендации по репродуктивной медицине с использованием гамет третьих лиц» март 2013 года // Государство Япония / (Электронный ресурс) URL: http://www.jsrm.or.jp/guideline-statem/guideline_2009_01.html
 13. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности расходования средств обязательного медицинского страхования в 2019 году и истекшем периоде 2020 года при проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения» // Г.С. Изотова / 2020 г. (Электронный ресурс) URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/9b0/9b06bc06dded-b49a807822ad7cd21621.pdf>
 14. Первичный результат искусственного оплодотворения – затраты без государственной поддержки, обзор // Томей-блог / Республика Корея / 04.05.2022 г. (Электронный ресурс) URL: <https://blog.naver.com/music-timedr/222720505807>
 15. Позиция католической церкви по актуальным жизненным вопросам // Республика Корея / 13.08.2007 г. (Электронный ресурс) URL: <https://cbck.or.kr/Notice/13000112?gb=K1300>
 16. Растет число пациентов с бесплодием и пациентов, получающих лечение от бесплодия... Jaeyeun Talent «нуждается в индивидуальной национальной поддержке» // Кан Чон-вук / Республика Корея / 08.10.2020 г. (Электронный ресурс) URL: <https://www.youthdaily.co.kr/news/article.html?no=49561>
 17. Рекомендации по правовым ограничениям использования репродуктивных технологий // Японская ассоциация юристов / статья на сайте за март 2000 г. / (Электронный ресурс) URL: https://www.nichibenren.or.jp/document/opinion/year/2000/2000_11.html
 18. Руководство JISART по экстракорпоральному оплодотворению путем донорства спермы или яйцеклетки // Государство Япония / 04.09.2021 г. (Электронный ресурс) URL: <https://jisart.jp/about/external/guideline/>
 19. Согласие на искусственное оплодотворение путем донорства спермы третьему лицу в соответствии с законодательством об отцовстве // Пан Шин Ук / Республика Корея / 10.01.2022 г. (Электронный ресурс) URL: <https://www.lawtimes.co.kr/Legal-Info/Legal-Info-View?serial=175569>
 20. Текущее состояние и проблемы населения, экономики и местных сообществ // Доклад кабинета министров Японии за 2013 год / (Электронный ресурс) URL: https://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/kaigi/special/future/sentaku/s3_1_10.html

REGULATORY REGULATION OF THE IVF PROCEDURE: COMPARISON OF LEGAL MODELS IN RUSSIA, SOUTH KOREA AND JAPAN

Ganik O.N., Korkin M.S.
Far Eastern Federal University

The article describes the history of the development of ART, their widespread use, as well as legal issues of the use of these methods. The article highlights the legal aspects of the IVF procedure in the Russian Federation, in the light of which the authors consider normative legal acts guaranteeing the child's right to a family, as well as legislation regulating the use of assisted reproductive technologies. The article also examines the relevance of the use of assisted reproductive technologies in South Korea, describes the legislative framework that govern the IVF procedure, including laws on low fertility and aging of society, on the health of mother and child, as well as on bioethics and safety. The authors highlight the peculiarity of the IVF procedure in Japan, where low fertility is a problem due to certain trends in society, but in order to receive ART services, you need to meet certain requirements. In general, the article emphasizes the importance of ART, despite the existing problems of the regulatory framework and different opinions on its ethical side.

Keywords: ART; IVF procedure; Legal regulation of IVF; Russia; South Korea; Japan.

References

1. 1 out of 16 children fertilized in vitro, this is the highest rate in history // Asahi Shimbun / State of Japan / 01.10.2020 (Electronic resource) URL: <https://www.asahi.com/articles/ASN-B15J73NB1ULBJ008.html>
2. 1–2 out of 10 couples are infertile... “Test tube baby”. The official name of the technology // Gwangju-blog / Republic of Korea / 03/15/2021 (Electronic resource) URL: <https://post.naver.com/viewer/postView.nhn?volumeNo=30941473>
3. This year, 1 out of 8 newborns was born with the help of “infertility surgery” // Song Hae-yeon / Republic of Korea / 07/14/2021 (Electronic resource) URL: <https://www.joongang.co.kr/article/24104933#home>
4. Volkova T.I. Modern biotechnologies and methods of reproductive medicine as a means of solving the problem of infertility (Sociological aspect) // Izvestia of higher educational institutions. Ural region. – 2018. – No. 4 – p.32–42.
5. The Law “On Low Value Orientation and Stagnation of Society” (Law No. 8868 of February 29, 2008) // Republic of Korea / (Electronic resource) URL <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=83524#0000>
6. The Law on Biotechnology and Safety (Law No. 17783 of December 29, 2020) // Republic of Korea / (Electronic resource) URL: <https://www.law.go.kr/>
7. The Law on Maternal and Child Health (Law No. 18612 of December 21, 2021) // Republic of Korea / (Electronic resource) URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=238099&viewCls=lsRvsDocInfoR#>
8. The Law on Maternal and Child Health (Law No. 5859 of February 8, 1999) // Republic of Korea / (Electronic resource) URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsEInfoP.do?lsiSeq=58918#>
9. Artificial insemination without marriage, is it not “illegal”, is it possible? // Sujin Kim / Republic of Korea / 19.11.2020 (Electronic resource) URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20201119100300502>
10. Mikhnevich A.V. The right to a family of a child born as a result of the use of assisted reproductive technologies // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 5–4 (44). – Pp.87–90.

11. Monitoring the current diversification of pregnancy, childbirth and child care with data // State of Japan 12.11.2022 / (Electronic resource) URL: <https://data.wingarc.com/diversity-in-child-birth-29159>
12. Report of the Ethics Committee "Recommendations on reproductive medicine using third-party gametes" March 2013 // State of Japan / (Electronic resource) URL: http://www.jsrm.or.jp/guideline-statem/guideline_2009_01.html
13. Report on the results of the expert-analytical event "Analysis of the effectiveness of the expenditure of compulsory medical insurance in 2019 and the expired period of 2020 during the in vitro fertilization procedure" // G.S. Izotova / 2020 (Electronic resource) URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/9b0/9b06bc06d-dedb49a807822ad7cd21621.pdf>
14. The primary result of artificial insemination – costs without state support, review // Tomei-blog / Republic of Korea / 04.05.2022 (Electronic resource) URL: <https://blog.naver.com/music-timedr/222720505807>
15. The position of the Catholic Church on current life issues // Republic of Korea / 13.08.2007 (Electronic resource) URL: <https://cbck.or.kr/Notice/13000112?gb=K1300>
16. The number of infertility patients and patients receiving infertility treatment is growing... Egeun's talent is "sought in individual national support" // Kang Jong-wook / Republic of Korea / 08.10.2020 (Electronic resource) URL: <https://www.youthdaily.co.kr/news/article.html?no=49561>
17. Recommendations on legal restrictions on the use of reproductive technologies // Japanese Bar Association / article on website for March 2000 / (Electronic resource) URL: https://www.nichibenren.or.jp/document/opinion/year/2000/2000_11.html
18. JISART's guide to strategic planning to promote business development with the help of a program or a yay-ekletka // Government of Japan / 04.09.2021 (Electronic resource) URL: <https://jisart.jp/about/external/guidline/>
19. Consent to artificial insemination by way of donation with the help of a third person in accordance with the instructions on outflow // Panin Uk / Republic of Korea / 10.01.2022 (Electronic resource) URL: <https://www.lawtimes.co.kr/Legal-Info/Legal-Info-View?serial=175569>
20. The fluid state and problems of population, ecology and local communities // Report of the Cabinet of Ministers of Japan for 2013 / (Electronic resource) URL: https://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/kaigi/special/future/sentaku/s3_1_10.html

Выявление направлений использования искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности

Мустафин Айрат Раилевич,

студент, Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: airati2001213001@gmail.com

Сагазетдинов Максим Александрович,

студент, Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: maksimsagazetdinov@gmail.com

Токбулатов Радим Сергеевич,

студент, Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: radimtokbulatov@mail.ru

Сафин Азат Фаилевич,

студент, Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: azot31287@gmail.com

В статье анализируются возможности и перспективы применения искусственного интеллекта в юриспруденции. Отмечается неразвитость российской нормативной базы в области регулирования искусственного интеллекта в юриспруденции. Приводятся принципы Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Рассматриваются особенности и механизмы функционирования сильного и слабого искусственного интеллекта, отмечаются сложности развития слабого искусственного интеллекта в юридической практике, связанные с трудностью формирования обучающих наборов данных. Приводятся преимущества внедрения искусственного интеллекта в цивилистический процесс, указываются возможные риски, связанные с усреднённостью подхода при принятии решений и вероятными системными ошибками. Отмечается, что для получения полного эффекта от использования искусственного интеллекта требуется его применение в качестве основного способа ведения деятельности, что подразумевает полный отказ от традиционных технологий. Выявляются направления использования искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности, указываются форматы, которые возможно использовать в современных российских реалиях. Рассматриваются преимущества использования роботов, помогающих судьям в подготовке процессуальных документов и вынесении решений. Приводятся этапы внедрения искусственного интеллекта в цивилистический процесс.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, юриспруденция, цивилистический процесс, судопроизводство.

XXI в. характеризуется стремительным технологическим развитием, влекущим за собой глобальные социальные трансформации [1]. Формирование информационного общества и создание искусственного интеллекта (далее – ИИ) поставили перед человечеством в целом и юридической наукой в частности новые проблемы, связанные с перспективами интеллектуализации областей, в которых традиционно ценится естественный интеллект. Частичная автоматизация процессов, уже внедряемая в цивилистический процесс, способствует его оптимизации, однако применение технологий ИИ осуществляется более осторожно в силу неоднозначности их восприятия научным сообществом и практикующими юристами [2]. Скорость развития технологий ИИ делает актуальным исследование возможностей их использования в юридической практике.

Целью работы является изучение возможностей и перспектив применения ИИ в юриспруденции. Для её достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников.

В настоящее время основным нормативно-правовым документом в области развития ИИ в России является Указ Президента РФ от 10.10.2019 N490, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [3]. Стратегия определяет цели и задачи развития ИИ в России, меры, нацеленные на его применение для обеспечения национальных интересов, а также закрепляет терминологический аппарат. Другими нормативными актами в рассматриваемой области являются Федеральный закон от 24.04.2020 N123-ФЗ [4] и Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N2129-р [5], однако во всех указанных документах вопросы использования ИИ при осуществлении правосудия не рассмотрены, что указывает на полную правовую неопределённость в данной сфере правоотношений и требует оперативной разработки соответствующих правовых документов по аналогии с другими странами. В частности, Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы ещё в 2018 г. приняла Европейскую этическую хартию об использовании ИИ в судебных системах и окружающих их реалиях, включающую изложение этических принципов, которые должны соблюдаться при применении ИИ в судебных системах, таких как [6]:

- принцип уважения основных прав и свобод человека;

- принцип качества и безопасности обработки судебных решений и прочих баз данных;
- принцип недопустимости дискриминации граждан;
- принцип беспристрастности, прозрачности и справедливости;
- принцип подконтрольности систем пользователю.

Несмотря на отсутствие правовой базы, технологии ИИ активно развиваются. Выделяют два типа ИИ: слабый и сильный [7]. Слабый ИИ в настоящее время реализован в виде компьютерных программ, предназначенных для решения определённых задач в различных предметных областях. В основе таких программ лежат искусственные нейронные сети, имитирующие работу человеческого мозга. Нейронные сети обучаются на наборах данных, после чего могут классифицировать и предсказать возможные исходы при предоставлении входных данных. Развитие слабого ИИ в юридической практике осложняется трудностью формирования обучающих наборов данных, в качестве которых должны использоваться проанализированные и размеченные юридические документы нормативного и индивидуального характера. Это требует доступа к большим объёмам правоприменительных актов, часто носящих конфиденциальный характер, а также участия в процессе не только IT-разработчиков, но и высококвалифицированных юристов.

Сильный ИИ принципиально отличается рядом свойств – способностями к адекватному представлению знаний, основанному на анализе реальности, самообучению, планированию, общению на естественном языке, разработке стратегий и принятию решений в условиях неопределённости [8]. Комплекс этих свойств должен позволить ИИ решать практические задачи, включая исследовательские, в настоящее время доступные только человеческому мышлению. Однако технологии сильного ИИ пока находятся на этапе разработки и редко применяются в реальных системах.

Внедрение ИИ в цивилистический процесс имеет ряд преимуществ [9]:

- повышение качества судебной деятельности;
- увеличение эффективности защиты прав и законных интересов граждан, бизнеса и органов власти;
- снижение конфликтности, которая характерна для большей части судебных разбирательств;
- прогнозирование изменения судебной нагрузки с учётом изменений законодательства;
- обеспечение беспрепятственного доступа населения к правосудию;
- устранение проблемы судейского усмотрения и снижение проявления коррупции среди судей;
- снижение воздействия субъективных аспектов судебной практики, таких как эмоциональная нестабильность и усталость, могущих приводить к судебным ошибкам;
- повышение скорости и снижение стоимости судебного процесса;
- прозрачность и предсказуемость судопроизводства, унификация прецедентного права.

Однако в научном сообществе отмечаются и риски внедрения технологий ИИ, связанные с усреднённым подходом при принятии решений и вероятными системными ошибками [10]. Практика фрагментарного внедрения цифровых технологий в судебный процесс не обеспечила качественного изменения сроков разбирательств или издержек, что объясняется параллельным использованием старых и новых технологий. Для получения полного эффекта от использования ИИ, способного обеспечить безопасность, конфиденциальность, бесперебойную работу и равнодоступность гражданского процесса, требуется его использование в качестве основного способа ведения деятельности, что подразумевает полный отказ от традиционных технологий.

В правоприменительной деятельности ИИ может использоваться в качестве информационно-аналитических систем; роботов, помогающих судьям в вынесении решений; роботов-адвокатов, составляющих простую документацию для граждан; автономных систем, способных самостоятельно выносить решения по делам [11]. В современных российских реалиях использование ИИ возможно только в первых трёх форматах, что связано с неоднозначными результатами функционирования автономных систем и сложностью дел, которые рассматривают суды в рамках контрольной деятельности. В то же время ИИ возможно применять в деятельности мировых судей в порядке приказного судопроизводства, поскольку этот тип дел является однородным и простым с точки зрения существа и процессуального порядка.

В нетривиальных делах, требующих состязательности сторон и оценки доказательств судьёй, ИИ может выступать в качестве помощника судьи, осуществляющего автоматизированный поиск необходимых данных, проверяющего работу судьи и обеспечивающего ему поддержку при вынесении решения [12]. Поскольку ИИ существенно быстрее человека обрабатывает информацию, работает с обширной базой данных и лишён предвзятости, он может контролировать действия судьи и выявлять ошибки в его работе, помогать в подготовке процессуальных документов и указывать на возможное злоупотребление сторонами разбирательства своими правами.

При этом проявление человеческого фактора, влияющего на справедливость судебного разбирательства, возможно нивелировать, поскольку в случае правильной настройки алгоритма слабого ИИ будут устранены как предвзятость и влияние внутреннего убеждения судьи, так и воздействие на процесс его сторон, апеллирующих к эмоциям, а не к фактам [13]. Поскольку ИИ предоставляет решение, основанное на анализе тысяч схожих дел, вероятность переубеждения сторонами судьи существенно сокращается. С другой стороны, алгоритм формирования решения ИИ скрыт от всех сторон процесса, что усиливает неопределённость судопроизводства и не способствует повышению правовой защищённости сторон, поскольку лишает их

права быть выслушанными и таким образом влиять на ход и результат судебного разбирательства.

В целом внедрение технологий слабого ИИ в гражданский процесс предоставляет возможности для реализации его принципов [14]. В частности, реализация принципа независимости судей, являющегося одним из руководящих организационно-функциональных начал гражданского судопроизводства, обеспечивается за счёт применения автоматизированной системы распределения дел, минимизирующей риски оказания давления на судью и коррупциогенные факторы. В этом же аспекте значимым фактором является открытость информации о судебной системе.

Учитывая перспективность и благоприятные эффекты для системы правосудия от использования ИИ, можно утверждать, что эти технологии продолжают активное развитие. Можно выделить следующие этапы внедрения ИИ в гражданский процесс [15]:

- внедрение ИИ в организацию судебной деятельности, в том числе в регистрацию и распределение дел с учётом текущей нагрузки и специализации судей, контроль за сроками и ходом рассмотрения дел;
- замена секретарей и помощников судей в вопросах составления и направления документов участникам процесса, подготовки протоколов судебных заседаний, анализа законодательства и судебной практики, подбора аналогичных дел и судебных решений, подготовки проектов судебных актов и в прочих технических и аналитических аспектах;
- внедрение ИИ в процесс рассмотрения дел об административных правонарушениях совместно с мировым судьёй, при котором ИИ будет выносить предварительное решение по делу, а судья – проверять или утверждать его;
- внедрение ИИ в процесс рассмотрения гражданских и уголовных дел совместно с судьями, а после и без них;
- внедрение ИИ в процесс рассмотрения дел в районных и арбитражных судах совместно с судьями, а после самостоятельно.

Таким образом, с учётом современных российских реалий оптимальным направлением использования ИИ в юриспруденции является внедрение в гражданский процесс слабого ИИ как вспомогательной правовой технологии. ИИ может осуществлять анализ законов и прецедентов и подготавливать предварительные решения, оставляя право на их творческую корректировку и вынесение финального решения за юристом. Такой подход позволит использовать все преимущества ИИ, одновременно сохраняя процессуальные гарантии и социальную сущность правосудия.

Литература

1. Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 350–356.
2. Демидова В.К. Юриспруденция будущего сегодня // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 4 (56). – С. 360–363.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс] // Администрация Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (дата обращения: 18.05.2023).
4. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260005> (дата обращения: 18.05.2023).
5. Федеральный закон от 24.04.2020 N123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 18.05.2023).
6. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП, Страсбург, 3–4 декабря 2018 года) [Электронный ресурс] // Council of Europe. – URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 18.05.2023).
7. Березина Е.А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 12. – С. 25–38. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038
8. Долматов А.В., Долматова Л.А. Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 1 (46). – С. 44–49.
9. Шананин В.А. Применение систем искусственного интеллекта в судебной практике // Юридическая наука. – 2022. – № 11. – С. 143–147.
10. Курочкин С.А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 10. – С. 152–163. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.152-163
11. Ширеева Е.В. Правовые основы применения и практики внедрения искусственного интеллекта при осуществлении судебного контроля // Вестник Воронежского государственного

го университета. Серия: Право. – 2020. – № 3 (42). – С. 30–39. – DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.3/3005

12. Лощинина Е.И. Некоторые вопросы использования искусственного интеллекта в гражданском процессуальном законодательстве РФ: историко-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 3 (140). – С. 146–152. – DOI: 10.24412/2227–7315–2021–3–146–152
13. Брановицкий К.Л., Ярков В.В. Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 4. – С. 19–26. – DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_19
14. Гелиева И.Н. Электронное правосудие в контексте цивилистического процесса: текущие состояние и перспективы // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 2. – С. 126–132.
15. Еремеев Д.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 1. – С. 141–148. – DOI: 10.37279/2413–1733–2022–8–1–141–148

IDENTIFICATION OF DIRECTIONS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Mustafin A.R., Sagazetdinov M.A., Tokbulatov R.S., Safin A.F.
Ufa State Oil Technical University

The article analyzes the possibilities and prospects for the use of artificial intelligence in jurisprudence. The underdevelopment of the Russian regulatory framework in the field of regulation of artificial intelligence in jurisprudence is noted. The principles of the European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and the realities surrounding them are given. The features and mechanisms of functioning of strong and weak artificial intelligence are considered, the difficulties in the development of weak artificial intelligence in legal practice, associated with the difficulty of forming training data sets, are noted. The advantages of introducing artificial intelligence into the civil process are given, the possible risks associated with the average approach in decision-making and probable system errors are indicated. It is noted that in order to obtain the full effect of the use of artificial intelligence, it is required to use it as the main way of doing business, which implies a complete rejection of traditional technologies. Directions for the use of artificial intelligence in law enforcement are identified, formats that can be used in modern Russian realities are indicated. The advantages of using robots that help judges in preparing procedural documents and making decisions are considered. The stages of introducing artificial intelligence into the civil process are given.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, jurisprudence, civil procedure, legal proceedings.

References

1. Sokolova A.A. Artificial intelligence in jurisprudence: implementation risks // Legal Technique. – 2019. – No. 13. – P. 350–356.
2. Demidova V.K. Jurisprudence of the future today // Skif. Issues of student science. – 2021. – No. 4 (56). – P. 360–363.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 N490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” (together with the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030”) [Electronic resource] // Administration of the President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (date of access: 05/18/2023).
4. Decree of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 N2129-r “On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence technologies and robotics until 2024” [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260005> (date of access: 05/18/2023).
5. Federal Law No. 123-FZ of April 24, 2020 “On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in a Subject of the Russian Federation – the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data” [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (date of access: 05/18/2023).
6. European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and the realities surrounding them (adopted at the 31st plenary meeting of the CEPEJ, Strasbourg, December 3–4, 2018) [Electronic resource] // Council of Europe. – URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (date of access: 05/18/2023).
7. Berezina E.A. The use of artificial intelligence in legal activities // Actual problems of Russian law. – 2022. – V. 17, No. 12. – P. 25–38. – DOI: 10.17803/1994–1471.2022.145.12.025–038
8. Dolmatov A.V., Dolmatova L.A. Opportunities and prospects for the use of artificial intelligence technologies in jurisprudence // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. – 2020. – No. 1 (46). – P. 44–49.
9. Shanenin V.A. The use of artificial intelligence systems in judicial practice // Legal Science. – 2022. – No. 11. – P. 143–147.
10. Kurochkin S.A. Digital technologies and the effectiveness of justice // Lex russica. – 2022. – T. 75, No. 10. – P. 152–163. – DOI: 10.17803/1729–5920.2022.191.10.152–163
11. Shireeva E.V. Legal basis for the application and practice of introducing artificial intelligence in the implementation of judicial control // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. – 2020. – No. 3 (42). – P. 30–39. – DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.3/3005
12. Loshchinina E.I. Some issues of the use of artificial intelligence in the civil procedural legislation of the Russian Federation: historical and legal analysis // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2021. – No. 3 (140). – P. 146–152. – DOI: 10.24412/2227–7315–2021–3–146–152
13. Branovitsky K.L., Yarkov V.V. Possible directions for the transformation of the civil process in the context of digitalization and a pandemic: predictive justice // Russian law: education, practice, science. – 2021. – No. 4. – P. 19–26. – DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_19
14. Geliyeva I.N. Electronic justice in the context of the civil process: current state and prospects // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal Sciences. – 2022. – V. 8 (74), No. 2. – P. 126–132.
15. Eremeev D.V. Prospects for the use of artificial intelligence in criminal proceedings // Uchenye zapiski of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal Sciences. – 2022. – V. 8 (74), No. 1. – P. 141–148. – DOI: 10.37279/2413–1733–2022–8–1–141–148

Развитие гражданско-правового института несостоятельности (банкротства) России в XIX веке

Новикова Ирина Сергеевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
E-mail: zangan@mail.ru

В предложенной вниманию читателя публикации рассматривается проблема развития гражданско-правового института несостоятельности (банкротства) в Российской империи девятнадцатого столетия. Устанавливается значение рассматриваемого правового образования для распространения частного предпринимательства в стране, характеризуется нормативно-правовая база, посвященная регулированию несостоятельности (банкротству) с точки зрения структуры, выявленных недостатков и проблем правоприменения. Отмечается, что банкротство было в XIX веке нередким случаем среди предпринимателей и даже обычных граждан, соответственно, риски этого также закладывались при установлении процентов по займам, что вело к удорожанию продукции и товаров. Установлено, что основными источниками правового регулирования процедуры банкротства являлись «Устав о банкротах» 1800 г. и «Устав о торговой несостоятельности» 1832 г. В заключении сделан вывод о том, что недостаточная нормативная база вынуждала Сенат при рассмотрении дел разрабатывать новые нормы, необходимые для регулирования вопросов, по которым имеется пробел в законодательстве, в связи с чем значительно возросла роль постановлений Сената по конкретным делам, суды и поверенные обязаны были отслеживать практику Сената и могли ее применять в делах

Ключевые слова: банкротство, купечество, дворянство, «Устав о банкротах», «Устав о торговой несостоятельности»

Значение института несостоятельности (банкротства) для развития предпринимательства в России

Несмотря на то что к началу XIX века в Российской империи сельское хозяйство являлось основной отраслью экономики, в стране активно развивается промышленность и торговля, более того, они поощряются государством. Становление предпринимательства в России имеет длительную историю, притом что частная инициатива далеко не всегда одинаково поддерживалась государством. Периодически меняющийся внутривластный курс и экономическая ситуация в стране неоднозначно сказывались на статусе предпринимателей. Однако государство, понимая важность предпринимательства для развития страны, на законодательном уровне пытается создать благоприятные условия для развития капиталистических отношений.

До XIX века в России разделялись предприниматели-производственники и предприниматели-купцы. Большим уважением в обществе, в том числе со стороны государства, пользовались производственники (промышленники), которые обычно относились к дворянству. Но с ростом состояний купцы занимались не только торговлей товарами либо услугами, которые чаще всего они сами оказывали, но и начали также открывать фабрики, заводы и сами превратились в промышленников. Торговля была лишь одним из видов их деятельности. Поэтому именно купцы составляли основу предпринимательства в Российской империи.

Следует отметить, что до сих пор идут споры относительно численности купечества и размера их состояний. По мнению П.Г. Рындзюнского, на начало 1770-х гг. численность купцов составляла 221 573 человека [14, с. 87]. В.Н. Яковцевский приводит сведения о меньшей численности купцов – 183 558 человек, что составляло 2,48% численности населения России [11, с. 49]. В свою очередь, Н.В. Козлова, ссылаясь на Комиссию о коммерции, утверждала, что купечество разделено по гильдиям следующим образом: 68,2% – купцы третьей гильдии, 24,7% – купцы второй гильдии и всего 7,1% – купцы первой гильдии [8, с. 7].

Еще в середине XVIII века все горожане были разделены на купцов и мещан. При этом к купцам относились лица, объявившие о капитале свыше 500 рублей. И уже потом купцы были разделены на гильдии в зависимости от размера капитала и уплачивали 1% от заявленного ими капитала.

К началу XIX века значительно повысился имущественный ценз, он начинался от 1000 рублей

Так, членами первой гильдии могли стать купцы с капиталом от 10 000 до 50 000 рублей, членами второй гильдии – от 5 000 до 10 000 рублей и членами третьей – от 1 000 до 5 000 рублей. Следует отметить, что размер капитала никак не проверялся, это было на совести купца, он должен лишь уплачивать налог. В свою очередь, в зависимости от того, к какой гильдии относился купец, зависела и его деловая правоспособность. Принадлежность к 1-й и 2-й гильдиям давала право на ведение внутренней оптовой и розничной торговли, позволяла иметь фабрики и заводы и гарантировала свободу от телесных наказаний. Купцы третьей гильдии могли вести мелочную торговлю в пределах своего города и уезда, содержать трактиры и постоянные дворы, заниматься ремеслом [1]. В дальнейшем неоднократно увеличивался и имущественный ценз, и плата в казну. Так, к 1807 году ценз для купцов третьей гильдии – 8 000 рублей, второй гильдии – 20 000 рублей и для третьей гильдии – 50 000 рублей. Плата в казну с 1% в 1775 году выросла к 1821 году до 5,225%. В целом, с 1775 по 1824 г. сбор с членов 1-й гильдии вырос в 32 раза, 2-й гильдии – в 134,5 раза, 3-й гильдии – в 87,6 раза [9, с. 42].

Это свидетельствует о росте доходов купцов и, в целом, о развитии предпринимательской деятельности в обществе. При этом отмечался рост уклонения от раскрытия действительного капитала купцами с целью уменьшения платы в казну, что было связано с запретом на принятие доносов на утайку капитала. С целью мотивировать купцов не скрывать капитал и обеспечить сбор налогов законодателем была уменьшена плата в казну, были санкционированы фиксированные гильдийские пошлины: 2 200 рублей – для 1-й гильдии, 880 – для 2-й и 220 – для 3-й [2].

Таким образом, идет быстрое формирование капиталов и частной собственности, в ходе этого процесса не редкостью являлись банкротства среди предпринимателей. Неразвитость системы кредитования вынуждала купцов прибегать к ссудам частных лиц, в том числе таких же купцов.

Как указывает С.А. Антонов, в середине XIX в. лишь немногие в Российской империи могли получить банковский кредит, но при этом большая категория лиц могли обратиться к ростовщику [5]. В свою очередь, проценты по кредитам частных лиц существенно отличались от процентов по банковскому кредиту.

Купцы, нуждавшиеся в пополнении оборотных средств, чаще всего имели задолженность именно перед другими гражданами, соответственно, в случае банкротства первых основные потери ложились на плечи других купцов, ростовщиков и обычных граждан. Поэтому банкротство одного лица затрагивало сразу многих лиц и могло повлечь дальнейшие банкротства уже самих кредиторов.

Размер задолженности того или иного лица становился известным только после признания его несостоятельным. Поэтому кредиторы до последнего не знали, что, выдавая займ (ссуду), долж-

ник уже находился в тяжелом финансовом состоянии. Таким образом, сразу обе стороны – должник и кредитор – оказывались в одинаково сложной ситуации и, чаще всего, оба не имели знаний в области права и не могли самостоятельно защищать свои права в полной мере. Для этого обе стороны вынуждены были обращаться к опытным людям, которые не всегда оправдывали их надежды [10]. Дошедшие до нас сведения о количестве дел только о торговой несостоятельности показывают, насколько часто механизм банкротства применялся в отношении не только купцов, но и граждан в целом.

Соответственно, в этих процедурах было задействовано множество лиц, которые представляли интересы той или иной стороны. Самыми главными выгодоприобретателями дел о банкротстве были поверенные, для которых это было основным видом деятельности. Зачастую они не способствовали мирному урегулированию споров. Поэтому в обществе предпринимателей многие купцы самостоятельно изучали действовавшие законы на случай, если им придется участвовать в делах о банкротстве. Интерес к этой теме также порождал рост печатных изданий, посвященных банкротству, которые были направлены на широкую публику и в которых понятным для обывателя языком описывался порядок его действий в случае банкротства его должника. В этих изданиях приводились не только сами нормы, но и примеры из конкретных дел [10]. Заметим, что открытие дела о банкротстве в отношении купца вело к прекращению его деятельности, соответственно, все лица, связанные с ним хозяйственными отношениями, также находились в тяжелой ситуации.

Примером тяжелого банкротства для кредиторов являлось банкротство Московского коммерческого ссудного банка 11 октября 1875 года. Это одно из самых крупных банкротств, потери кредиторов составили более 7 000 000 рублей. Несмотря на то, что государство выплатило вкладчикам 75 копеек за каждый рубль, это повлекло банковский кризис в стране. После этого государство не выдавало новых лицензий на банковскую деятельность несколько десятилетий, что тоже не могло не отразиться на доступе предпринимателей к более доступным кредитам.

Чаще кредиторы получали по 10 копеек с рубля. Считалось, что, если кредиторы получают по договоренности с должником 25 копеек с рубля, то это неплохой результат. Поэтому, чем раньше кредиторы понимали, что должник неплатежеспособен и требовали признания его банкротом, тем меньше был размер ущерба. Зачастую купцы до последнего не признавались в неплатежеспособности, веря, что смогут рассчитаться с кредиторами.

Возможность не оплачивать долги привлекала должников, потому было очень распространено злонамеренное банкротство. Кредиторы были вынуждены бороться с такими должниками, нанимали адвокатов и несли дополнительные расходы, чтобы найти спрятанное имущество. Участвовавшие

ся случаи злоупотреблений со стороны должников не способствовали доверию при заключении сделок между купцами, что также отражалось на росте процента по ссудам.

В XIX в. все еще существовали долговые тюрьмы, введенные еще Петром I. Страх оказаться в тюрьме лишь побуждал должников скрывать свою несостоятельность, тем самым это увеличивало задолженность. К тому же помещение должника в тюрьму никак не могло помочь кредиторам восстановить их финансовые потери. Только 7 марта 1879 года было упразднено «личное задержание неисправных должников» [7].

В современной литературе купцы очень часто характеризуются как хитрые и расчетливые лица, готовые обмануть любого. Считалось, что именно за счет обмана купцы и наживают свой капитал [12]. С этим утверждением нельзя согласиться, так как значительные капиталы нельзя было заработать только на обмане простых людей. Сохранившиеся сведения свидетельствуют, что купцы очень много работали, постоянно были в разъездах и часто заключали крупные сделки исключительно на доверии между собой. Тогда действительно существовали «слово купца» и добросовестность.

Деятельность купцов повлияла на развитие экономических отношений и усложнила кредитно-денежные отношения, что требовало правового регулирования. Активное развитие предпринимательства повлекло увеличение коммерческих споров, включая дела о неоплате долга среди тех самых купцов. Банкротство было нередким случаем среди предпринимателей и даже обычных граждан, соответственно, риски этого также закладывались при установлении процентов по займам, что вело к удорожанию продукции и товаров.

Нормативно-правовая база о несостоятельности (банкротстве): структура, недостатки и проблемы ее применения

Для развития предпринимательских отношений стороны должны иметь четкое представление о механизме защиты своих прав в случае несостоятельности контрагента. Существовавшая нормативно-правовая база, регулировавшая отдельные вопросы несостоятельности (банкротстве) того периода, была крайне разрознена, явно не соответствовала современным условиям.

19 декабря 1800 года принят «Устав о банкротях» [3]. Учитывая, как развивается предпринимательская деятельность купцов по всей стране, законодатель впервые разделяет два вида банкротства: несостоятельность, связанная с торговой деятельностью (купеческое или торговое банкротство), и несостоятельность, не связанная с предпринимательской деятельностью (банкротство дворян и чиновников). «Устав о банкротях» 1800 г. фактически является первым кодифицированным актом о несостоятельности (банкротстве) в России. Законодатель попытался в нем обобщить порядок признания лица несостоятельным, уста-

новил процедуру ведения дела, определил объем прав должника и кредиторов, установил отдельные процессуальные сроки для предъявлений требований кредиторов. Впервые четко дается понятие несостоятельности, под которым понимается неоплатность, недостаточность имущества на покрытие всех долгов. Именно это понятие получило развитие в современном законодательстве о несостоятельности (банкротстве).

«Устав о банкротях» предусматривал три вида несостоятельности: от несчастия («упадшая» несостоятельность), от небрежности («неосторожная» несостоятельность) и от своих пороков и подлога («злостная» несостоятельность). В случае первого вида банкротства должник полностью освобождался от долгов. За исключением этой нормы, в целом, «Устав о банкротях» носил «прокредиторскую» направленность. Так, личным последствием для должника является заключение под стражу, если кредиторы не согласятся на поручительство. В сущности, судьбу должника определяли кредиторы, уставом устанавливается срок на предъявление требований (от 3-х до 18-ти месяцев в зависимости от их местонахождения), кредиторы определяли сумму, необходимую на содержание семьи должника. Этот нормативный акт достаточно подробно регулирует процедуру признания банкротом, и анализ его норм позволяет сделать вывод о его схожести с современным законодательством России. Уже тогда был закреплен особый статус залоговых кредиторов, установлена очередность погашения требований: сначала перед церковью и монастырями, затем – перед приказчиками и рабочими, затем – перед всеми остальными.

Вторая часть Устава посвящена банкротству дворянства и чиновников. Однако из содержания норм четко прослеживается логика законодателя, что дворяне часто обманывались купцами, первые не могли, как купцы, быстро пополнить свои оборотные средства, потому, по мнению законодателя, требуют дополнительной защиты от кредиторов (тех самых ушлых купцов). Устав значительно усложнил требования к документам, подтверждающим задолженность дворян. Однако в данной части Устава очень хаотично изложены нормы, и большая часть норм противоречит нормам торговой несостоятельности. Тем самым прослеживается, что законодатель, осознавая проблемы с «закредитованностью» дворянства, пытается облегчить его положение, усложнив возможность его банкротства и лишения имений. Только в 1846 году законодатель отказался от сословного разделения процедуры банкротства и ввел единую процедуру банкротства для купцов и дворян.

В целом, Шершеневич Г.Ф. отмечал высокий уровень «Устава о банкротях» 1800 г. даже относительно Европы. Правовед считал, что принятый позднее Устав 1832 года уступал в полноте и ясности положений «Уставу о банкротях» 1800 года [13, с. 69]. В ходе применения «Устава о банкротях» 1800 г. выявлялись его недостатки, принимались отдельные указы, в том числе по отдельным

делах с целью урегулировать конкретные правоотношения, и встал вопрос о принятии нового устава.

В 1832 году был принят новый «Устав о торговой несостоятельности» [4]. Данный устав состоял из девяти глав и действовал до 1917 года. Устав касался только купеческой и мещанской несостоятельности, лишь небольшая часть норм затрагивала «неторговую» несостоятельность. «Неторговая» несостоятельность продолжала регулироваться «Уставом о банкротах» 1800 г. Большая часть нового Устава устанавливает нормы процессуального права, в свою очередь, нормы материального права, превосходно изложенные в Уставе 1800 г., бесследно исчезли, а новых законодатель не предложил. Введена минимальная сумма задолженности должника для возбуждения дела о «торговой» несостоятельности в размере 5000 рублей, ранее порог задолженности вообще отсутствовал.

В целом, можно отметить отсутствие преемственности и низкое качество второго устава, были проигнорированы удачные наработки в прошлом, что не лучшим образом отразилось на рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) на местах. Постепенно законодатель переходит в более гуманному отношению к должнику. Представляется важным отказ законодателя от дифференцированного подхода к регулированию торговой и неторговой несостоятельности.

В заключение заметим, что активная работа над законодательством о несостоятельности свидетельствует о его важности для развития общественных отношений. Однако принятие отдельных законов вместо внесения изменений в единый Устав влекло трудности в правоприменении. Недостаточная нормативная база вынуждала Сенат при рассмотрении дел разрабатывать новые нормы, необходимые для регулирования вопросов, по которым имеется пробел в законодательстве. В связи с чем значительно возросла роль постановлений Сената по конкретным делам, суды и поверенные обязаны были отслеживать практику Сената и могли ее применять в делах. Интерес юридического и судейского сообщества породил составление целых сборников дел исключительно о несостоятельности [6], что вело к активному развитию прецедентного права в стране и значительно усложняло работу судов в отдаленных от центра округах.

Литература

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. VI. № 16188. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
2. Полное собрание законов Российской Империи, Собр. 1. Т. XXXIX. № 29823. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
3. Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. // Полное собрание законов Российской Империи. 1930. Собр. 1. Т. XXVI.

4. Устав о торговой несостоятельности от 23 июня 1832 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Том VII. 1832 г.
5. Антонов С.А. Банкроты и ростовщики Российской империи: Долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 504 с.
6. Вильсон В.И. Судебная практика по делам о торговых администрациях, торговой несостоятельности. СПб: Тип. Д.В. Чичинадзе, 1897. 214 с.
7. Волчок В. Новый закон (7-го марта 1879 г.): Об отмене лич. задержания и об изм. некоторого порядка при производстве гражд. взысканий с прибавлением текста ст. относящихся сюда узаконений (т. 10, ч. 2; т. 15, ч. 2 (изд. 1876 г.); т. 11, ч. 2 уст. тор. улож. о наказ. (изд. 1866 г.) и уст. о наказ. мир. суд.) и тез. решений Гражд. кассац. деп. Правит. Сената. М.: Тип. бывш. А.В. Кудрявцевой, 1879. 115 с.
8. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. 381 с.
9. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство до реформенной России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 559 с.
10. Смоленский А.Е. Самозащита по исковым и спорным судебным делам торгующего сословия. М.: Тип. Ф. Логалсон, 1875. 523 с.
11. Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 203 с.
12. Кузнецова С. Ловцы первой гильдии // Коммерсантъ Деньги. 2007. № 20. С. 75.
13. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань.: Типография Императорского Университета, 1898. 498 с.
14. Рындзюнский П.Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России: сборник статей, посвященных 70-летию академика Л.В. Черепнина. 1975. С. 86–95.
15. Попов К.А. Анализ практики использования методик (моделей) прогнозирования банкротства предприятий // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5. № 4. С. 304–308.

THE DEVELOPMENT OF THE CIVIL LAW INSTITUTION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) IN RUSSIA IN THE 19TH CENTURY

Novikova I.S.

Irkutsk National Research Technical University

In the publication offered to the attention of the reader, the problem of the development of the civil law institution of insolvency (bankruptcy) in the Russian Empire of the nineteenth century is considered. The value of the considered legal entity for the expansion of private entrepreneurship in the country is established, the legal framework dedicated to the regulation of insolvency (bankruptcy) is characterized in terms of structure, identified shortcomings and problems of law enforcement. It is noted that bankruptcy in the 19th century was a frequent case among entrepreneurs and even ordinary citizens, respectively, the risks of this were also laid down when setting interest on loans, which led to an increase in the cost of products and goods. It has been established that the main sources of legal regu-

lation of the bankruptcy procedure were the Bankruptcy Charter of 1800 and the Commercial Insolvency Charter of 1832. regulation of issues on which there is a gap in the legislation, in connection with which the role of Senate decisions on specific cases increased significantly, courts and attorneys were obliged to monitor the practice of the Senate and could apply it in cases

Keywords: bankruptcy, merchants, nobility, "Bankruptcy Charter", "Commercial Insolvency Charter".

References

1. Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 1. Vol. VI. No. 16188. St. Petersburg: Printing house of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830.
2. Complete collection of laws of the Russian Empire, Collected. 1. T. XXXIX. No. 29823. Printing house of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830.
3. Charter on bankrupts of December 19, 1800 // Complete collection of laws of the Russian Empire. 1930. Sobr. 1. T. XXVI.
4. Charter on commercial insolvency of June 23, 1832 // Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume VII. 1832
5. Antonov S.A. Bankrupts and usurers of the Russian Empire: Debt, property and law in the time of Tolstoy and Dostoevsky. M.: New Literary Review, 2022. 504 p.
6. Wilson V.I. Judicial practice in cases of trade administrations, trade insolvency. SPb: Type. D.V. Chichinadze, 1897. 214 p.
7. Volchkov V. New law (March 7, 1879): On the abolition of personal. detentions and changes. some order in the production of civil. penalties with the addition of the text of Art. legalizations related to this (vol. 10, part 2; vol. 15, part 2 (ed. 1876); vol. 11, part 2 of the constitution of the tor. code of punishment. (ed. 1866) and ordinances on the punishment of the world court) and abstracts. decisions Citizen. cash register dep. govt. Senate. M.: Type. ex. A.V. Kudryavtseva, 1879. 115 p.
8. Kozlova N.V. Russian absolutism and merchant class in the 18th century (20s – early 60s). M.: Archaeographic Center, 1999. 381 p.
9. Ryndzyunsky P.G. Urban citizenship of pre-reform Russia. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 559 p.
10. Smolensky A.E. Self-defense in lawsuits and controversial court cases of the trading class. M.: Type. F. Logalson, 1875. 523 p.
11. Yakovtsevsky V.N. Merchant capital in feudal-serf Russia. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. 203 p.
12. Kuznetsova S. Catchers of the first guild // Kommersant Money. 2007. No. 20. P. 75.
13. Shershenevich G.F. Competition law. Kazan: Printing House of the Imperial University, 1898. 498 p.
14. Ryndzyunsky P.G. Estate-tax reform of 1775 and the urban population // Society and the state of feudal Russia: a collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Academician L.V. Tcherepnin. 1975. S. 86–95.
15. Popov K.A. Analysis of the practice of using methods (models) for predicting the bankruptcy of enterprises // Russian Economic Bulletin. 2022. V. 5. No. 4. S. 304–308.

Рыбкина Кристина Владимировна,

аспирант, АНО ВО Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации», Чебоксарский
кооперативный институт (филиал)
E-mail: k.rybkina2021@gmail.com

В статье приведены основные выводы, сделанные в ходе исследования истории и правовой базы органов и учреждений, осуществлявших рассмотрение экономических споров на территории России. В ходе исследования автором изучены суды тысяцкого, коммерческие суды, история арбитражей в советский период, зарождение арбитражных судов и их развитие в России в современное время. При этом рассмотрены документы, определявшие направление деятельности указанных учреждений. Органы рассмотрения коммерческо-хозяйственных споров не имеют преемственности, юридической связи, нельзя также говорить о получении опыта предшествующих учреждений. Возникновение и развитие этих органов в различные исторические эпохи было вызвано непосредственно самой эпохой и экономической ситуацией. Опыт торговых судов, суда тысяцкого не оказал влияния на опыт коммерческих судов, последние не повлияли на советский арбитраж и современную судебную систему. Вследствие этого сложно утверждать об эволюционном пути судебной системы России: изменения происходили не в силу постепенного развития, а привносились властью. Согласиться невозможно уже и потому, что возникновение новых органов в России, осуществлявших рассмотрение экономических споров осуществлялось в виде реформ с введением новых учреждений, ранее неизвестных в истории России.

Ключевые слова: суд тысяцкого, торговые суды, коммерческие суды, арбитражи, правосудие, арбитражные суды, экономические споры, судебные реформы.

На основании многочисленных источников можно уверенно сказать, что суд тысяцкого наблюдался в Новгородской республике, до 14 века тысяцкие избирались вечем из числа бояр, со второй половины 14 века в Новгороде осуществляли деятельность одновременно несколько тысяцких. Судебная система Новгорода представляла собой систему параллельных несоподчинённых судов: суд вече, суд князя и посадника, суд тысяцкого, владычный суд. При этом тысяцкий мог советоваться с вечем, согласовывать с ним свои решения. Наличие данного суда именно в Новгороде можно объяснить тесными торговыми связями последнего со Швецией, Голландией, Данией и Ганзейским союзом.

В 1667 году в России был создан торговый суд, который получил название «Торговый приказ». Он был создан во время правления царя Алексея Михайловича и стал первым централизованным органом управления торговлей в России. «Торговый приказ» был создан для регулирования торговых отношений в России и за ее пределами. Он занимался контролем за купеческими сословиями, регулированием торговых сделок и разрешением торговых споров. Приказ также занимался контролем за качеством товаров и устанавливал тарифы на торговые операции. «Торговый приказ» состоял из главного приказчика, его заместителя, двух коллегий – «товарной» и «купеческой», а также из ряда чиновников и служащих. Главный приказчик был назначен царем и занимался непосредственным руководством приказом.

Реформы, проводившиеся с царствования Петра I, отмечаются как передовые. Судебная реформа Петра I была одним из важнейших этапов модернизации России в XVIII веке. Реформа была проведена в 1722 году и направлена на усиление государственной власти и создание эффективной системы судебной власти. Судебная реформа Петра I включала в себя создание новой системы судебных органов, введение новых процессуальных норм и установление новых правил судопроизводства. В ходе рассматриваемой реформы было проведено отделение суда от администрации, в результате чего подразумевалось наделение промышленников и купцов большими правовыми гарантиями, что на деле оказалось преждевременно.

Зарождение коммерческого правосудия в России связано с возникновением коммерческого суда в Одессе. Это был первый коммерческий суд, послуживший образцом для создания других коммерческих судов. Непосредственный отсчет истории коммерческих судов можно вести с 10 марта 1808 года, когда Указом императора от 10 марта 1808 г. в Одессе был учрежден коммерческий суд, утвержден его устав.

К 1917 году в России не было широко развитой системы коммерческих судов, ранее созданные суды были упразднены и оставалось лишь 4 суда, созданных для регулирования торговых споров. Создание арбитражных комиссий явилось новым опытом для российской судебной системы. Относительно государственных арбитражных комиссий высказываются мнения как о квазисудебных органах, созданных в условиях новой власти в России и соответствующей экономики, либо как о специализированных судах.

Судебная реформа в начале 90-х годов 20 века в России была направлена на создание независимой судебной власти и обеспечение справедливости в судебных процессах. Реформа была необходима для укрепления правового государства и защиты прав и свобод граждан. Основной целью реформы было создание независимой судебной власти, которая была бы свободна от влияния политических и экономических структур. Для этого были введены новые законы, которые определяли порядок назначения и отставки судей, устанавливали правила судопроизводства и регулировали деятельность судов. Реформа также предусматривала создание новых судебных органов, таких как арбитражные суды, которые занимались рассмотрением экономических споров, и конституционный суд, который занимался контролем за соблюдением конституционных прав и свобод граждан.

Актуальность темы исследования определяется тем, что в настоящее время единственным программным документом, определяющим развитие арбитражных судов, является Концепция судебной реформы в РСФСР, при этом не утихают споры относительно того, в каком направлении должна изменяться судебная система. В ходе исследовательской работы сделана попытка комплексного анализа историко-правового развития системы правосудия в экономической сфере, ее элементов на разных этапах, включая современный период, проведен анализ перспектив в современной России. Целью исследования является выработка новых положений в теории государства и права и рекомендаций по совершенствованию программы развития судебной системы.

Задачи представленного исследования:

- выявление исторических этапов в процессе формирования российского правосудия, выделение основных особенностей данных этапов;
- выявление решающих факторов в формировании выделенных этапов;
- определение особенностей органов правосудия на каждом этапе исторического развития;
- изучение перспектив экономического правосудия на современном этапе.

В настоящей статье обобщены и сгруппированы основные выводы, сделанные в ходе предыдущих исследований вопроса [14].

Использованные в работе методики: анализ, синтез, дедукция, индукция, логический, исторический и системный подход.

Информационная база исследования: нормативно-правовые акты РФ, интернет-источники, результаты научных работ. Использованные источники отражены в списке литературы.

Как верно подмечено, «ни в один из периодов истории развития хозяйственной юрисдикции для России не было характерно обособление специализированной судебной хозяйственной юрисдикции. Это произошло только в современный период» [7].

В свете исследования возникновения и развития органов по разрешению экономических споров невозможно согласиться с позицией о том, что «современное российское экономическое правосудие, нынешний организационно-правовой механизм защиты прав и законных интересов участников экономических отношений не есть что-то случайное – с исторической точки зрения, а есть явление естественное, закономерное и традиционное для нашей страны и имеет с исторических позиций полное право на современное существование и будущее развитие» [4]. Согласиться невозможно уже и потому, что возникновение новых учреждений в России, осуществлявших рассмотрение экономических споров как в XIX, так и в XX веках осуществлялось в виде реформ с введением новых учреждений, ранее неизвестных в истории России.

Так, к примеру, поскольку суд тысяцкого, интересующий нас с позиции зарождения правосудия в сфере экономических отношений, был только на Новгородской земле, говорить о преемственности и влиянии данного суда на российское правосудие в целом не представляется оправданным. «... за пределами Новгородской земли нам не только неизвестно наличие выборных тысяцких, но и их участие в городском самоуправлении...» [10].

В XVII веке были созданы первые коллегии, которые занимались рассмотрением дел, связанных с торговлей и предпринимательской деятельностью, на уровне центральной власти. Они были созданы для упорядочения торговых отношений и регулирования экономической деятельности в России. В XIX веке были созданы первые торгово-промышленные палаты, которые занимались защитой интересов купечества и разрешением споров между предпринимателями. Они были созданы для упорядочения торговых отношений и развития экономики в России.

Непосредственный отсчет истории коммерческих судов можно вести с 10 марта 1808 года, когда Указом императора от 10 марта 1808 г. в Одессе был учрежден коммерческий суд, утвержден его устав. Первый коммерческий суд в Одессе занимался рассмотрением дел, связанных с торговлей и предпринимательской деятельностью. Он был создан для упорядочения торговых отношений и разрешения споров между купцами. В 1824 году была создана Одесская торгово-промышленная палата, которая занималась защитой интересов купечества и развитием экономики в Одессе. Она также занималась разрешением споров между

предпринимателями и оказывала помощь в решении экономических вопросов [8].

Среди работ, посвященных исследованию развития российского торгового законодательства и коммерческого правосудия в России в XIX в., можно отметить работы Рассказова В.Л., Пахольчик Е.Д., Ольшанской Л.В. и др. [11].

В советское время споры в экономической сфере рассматривались государственными и ведомственными арбитражами, говорить о существовании экономического правосудия на тот период времени не представляется возможным. Государственный арбитраж СССР (Госарбитраж) был создан в 1922 году и являлся высшим судебным органом по экономическим спорам в СССР. Он выполнял следующие функции [6]:

1. Рассмотрение экономических споров между предприятиями, организациями и гражданами, связанных с нарушением договорных обязательств, правил торговли, финансовых операций и других экономических отношений.

2. Разрешение споров, связанных с использованием земель, недр, водных ресурсов и других природных ресурсов.

3. Рассмотрение дел об административных правонарушениях в экономической сфере.

4. Осуществление контроля за исполнением решений Госарбитража и других судов по экономическим делам.

5. Проведение экспертизы и консультаций по вопросам экономического законодательства.

6. Участие в разработке экономического законодательства и его совершенствовании.

7. Осуществление международного сотрудничества в области экономического права.

В 1977 году была принята 163 статья Конституции, наравне с признанием того, что в СССР была единая система народного хозяйства, основанная на социалистической собственности на средства производства и коллективном труде, и главным экономическим законом социализма является закон расширенного воспроизводства, который обеспечивает постоянный рост производительных сил и удовлетворение потребностей общества, в статье отмечалось, что вопросом хозяйственных споров между организациями, учреждениями и предприятиями занимаются органы государственного арбитража. Организация и порядок деятельности последних определялся Законом СССР «О государственном арбитраже в СССР», в котором отмечалось, что «был арбитраж при исполнительном органе власти, стал при законодательном органе власти» [9].

«Началом юридического оформления системы арбитражных судов явилось принятие 26 декабря 1990 г. Закона СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления», в соответствии с которым название гл. 20 Конституции СССР «Суд и арбитраж» было заменено названием «Суды», а в ст. 163 закреплялось положение о рассмотрении хозяйственных

споров в СССР Высшим арбитражным судом СССР и создаваемыми в республиках органами для их разрешения» [5].

Постановление Верховного Совета РСФСР от 4 июля 1991 года «О введении в действие Закона РСФСР «Об арбитражном суде» было принято для обеспечения реформы судебной системы в России и создания независимой судебной власти и определял правовые основы деятельности арбитражных судов в России. Он регулировал компетенцию арбитражных судов, порядок их создания и функционирования, а также права и обязанности участников арбитражного процесса. Постановление Верховного Совета РСФСР от 4 июля 1991 года вводило в действие Закон РСФСР «Об арбитражном суде» и устанавливало порядок его применения. Оно определяло, что арбитражные суды являются самостоятельными органами государственной власти, которые занимаются рассмотрением экономических споров и разбирательством дел, связанных с предпринимательской деятельностью. Постановление также устанавливало правила создания и функционирования арбитражных судов, в том числе было принято решение об упразднении арбитража и иных аналогичных органов в системах министерств, государственных ведомств, в ассоциациях, концернах, иных объединениях, а также на предприятиях и организациях.

Постановлением ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801–1 была принята Концепция судебной реформы в РСФСР [3], в ходе которой было указано, что в судебной системе будут происходить поэтапные структурные изменения, в основе которых будет лежать видоизменение функций и дальнейшее развитие существующих на данный момент судов с последующим обособлением некоторых их подразделений в самостоятельные подструктуры в рамках общей судебной системы, в частности специализированными были названы арбитражные суды. Данной Концепцией утверждается следующее. Объективная обусловленность преобразования государственных арбитражей в органы правосудия и их параллельного функционирования с общей судебной системой диктуется неприемлемостью прежнего, судоподобного, но административного по своей природе, порядка к делам с участием других, помимо государства, собственников; сохранением до и после приватизации на протяжении длительного периода мощного государственного сектора экономики с его особыми рычагами управления – планом, госзаказом, дотациями; упрощенной процедурой производства, более удобной для нужд хозяйственного оборота; наличием сложившейся системы госарбитражей для рассмотрения все более возрастающей массы экономических споров, которую неспособна «переварить» нынешняя судебная система; специализацией арбитражных кадров на спорах экономического характера, знанием ими всего комплекса сложных хозяйственных связей и тех трудностей, которые накопились в управлении экономикой; созданием Высшего Арбитражного Суда СССР, сопровождав-

шимся отменой общесоюзных нормативных актов, являвшихся единственным источником регламентации устройства и деятельности госарбитражей» [12].

Конституция Российской Федерации 1993 года была принята на референдуме 12 декабря 1993 года и является основным законом России. Она определяет основы организации государственной власти, права и свободы граждан, принципы экономической и социальной политики, а также правовой статус России. Конституция РФ 1993 года устанавливает принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, «органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [1]. Она также определяет систему государственного управления и устанавливает правила выборов и назначения государственных должностных лиц. В Конституции гарантируются основные права и свободы граждан, такие как право на жизнь, свободу личности, свободу слова, собраний и ассоциаций, право на образование, здравоохранение и социальное обеспечение. Конституция РФ 1993 года имеет большое значение для развития правового государства в России. Она обеспечивает защиту прав и свобод граждан, устанавливает принципы организации государственной власти и определяет правовой статус России. Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46), защиту от произвола властей и право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48). Таким образом, с принятием Конституции России 1993 года связано влияние конституционного принципа разделения властей на развитие арбитражно-судоустройства.

Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» был принят в 1995 году и определяет правовые основы деятельности арбитражных судов в России. Он регулирует компетенцию арбитражных судов, порядок их создания и функционирования, а также права и обязанности участников арбитражного процесса. Закон определяет, что арбитражные суды являются самостоятельными органами государственной власти, которые занимаются рассмотрением экономических споров и разбирательством дел, связанных с предпринимательской деятельностью. Они имеют свою компетенцию, которая определяется законодательством. Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» имеет большое значение для развития правового государства в России, именно в нем отражено, что арбитражные суды теперь входят в судебную систему РФ и отнесены к уровню федеральных [2].

Современный этап становления экономического правосудия начал с 2002 года. С 2002 по настоящее время – в связи с новым АПК РФ и созданием апелляционных судов; отдельные события: создание Суда по интеллектуальным правам, объединение ВАС РФ и ВС РФ [13].

В заключение следует отметить следующее. Органы и учреждения, осуществлявшие рассмотрение экономических споров на территории России, не имеют преемственности, юридической связи, нельзя также говорить о получении опыта предшествующих учреждений. Возникновение и развитие данных учреждений в различные исторические эпохи было вызвано непосредственно самой эпохой и экономической ситуацией в государстве. Опыт торговых судов и суда тысяцкого не сказались на опыте коммерческих судов, как и последние не повлияли на советский арбитраж и современную судебную систему. Поэтому невозможно согласиться с теми исследованиями, где говорится об эволюции судебной системы России: изменения в системе происходили не в силу постепенного развития, а привносились властью. Именно на примере России видна явная связь между экономикой и государственными учреждениями как явлениями эпохи. На сегодняшний день судебная реформа по всей видимости не завершена, как и не обозначены, не конкретизированы дальнейшие действия власти по ее совершенствованию. Последние изменения в судебной системе указывают лишь на политизацию данного процесса.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения 28.04.2023).
2. Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения 28.04.2023).
3. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801–1 [Электронный ресурс]. – СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения 28.04.2023).
4. Андреева Е.С. Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г. (историко-правовой аспект): дисс. канд. юрид.наук: 12.00.01 / Е.С. Андреева. – М., 2002. – 197с.
5. Андреева Т.К. Реформа судоустройства и перспективы развития арбитражного процессуального законодательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – Т. 12. – № 6. – С. 145–161.
6. Воронин Д.В. Функции государственного арбитража в советской экономике // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2012. – № 9. – С. 24.)
7. Гребенцов А.М. Развитие хозяйственной юрисдикции в России: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.15/ А.М. Гребенцов. – 2001. – 222с.

8. Захарова П.В. Коммерческие суды в России второй половины XIX- начала XX века: общие и частные особенности формирования // Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – Т. 2. – № 8. – С. 119.
9. Машкова А.С. Деятельность государственного арбитража РСФСР в годы Великой отечественной войны // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 12.
10. Несин М.А. Тысяцкие как воеводы и часть городского самоуправления // В сборнике: Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, История. Тула, 2018. – С. 73.
11. Рыбкина К.В. Причины образования и упразднения коммерческих судов в России в XIX веке // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. – № 1 (64). – С. 513–519.
12. Рыбкина К.В. Реформа арбитражных судов и принцип разделения властей // Аллея науки. – 2021. – Т. 2. – № 12 (63). – С. 136–148.
13. Рыбкина К.В. Этапы становления коммерческого правосудия в России // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. – № 4 (67). – С. 495–505.
14. Рыбкина К.В. Электронное правосудие как новая система в государственном управлении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravosudie-kak-novaya-sistema-v-gosudarstvennom-upravlenii>.

THE HISTORY OF DOMESTIC JUSTICE IN THE FIELD OF ECONOMIC RELATIONS

Rybkina K.V.

Russian University of Cooperation Cheboksary Cooperative Institute (branch)

The article presents the main conclusions made during the study of the history and legal framework of the bodies and institutions that dealt with economic disputes in Russia. In the course of the study, the author studied the tysyatsky courts, commercial courts, the history of arbitration in the Soviet period, the emergence of arbitration courts and their development in Russia in modern times. At the same time, documents that determined the direction of the activities of these institutions were considered. Bodies for the consideration of commercial and economic disputes do not have continuity, legal connection, and one cannot speak of gaining the experience of previous institutions. The emergence and development of these organs in different historical epochs was caused directly by the epoch itself and the economic situation. The experience of merchant courts, the tysyatsky court did not influence the experience of commercial courts, the latter did not affect the Soviet arbitration and the modern judicial system. As a result, it is difficult to argue about the evolutionary path of the Russian judicial system: the changes did not occur due to gradual development, but were introduced by the authorities.

It is also impossible to agree because the emergence of new bodies in Russia that dealt with economic disputes was carried out in the form of reforms with the introduction of new institutions previously unknown in the history of Russia.

Keywords: tysyatsky court, commercial courts, commercial courts, arbitration, justice, arbitration courts, economic disputes, judicial reforms.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with changes approved during the nationwide vote on 07/01/2020) [Electronic resource]. – ATP “Consultant Plus” (Accessed 28.04.2023).
2. On Arbitration Courts in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of April 28, 1995 No. 1-FKZ (as amended on December 8, 2020) [Electronic resource]. – Access mode: SPS “Consultant Plus” (Accessed 28.04.2023).
3. On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR: Decree of the Supreme Council of the RSFSR of October 24, 1991 No. 1801 1 [Electronic resource]. – ATP “Consultant Plus” (Accessed 28.04.2023).
4. Andreeva E.S. Formation and development of arbitration courts in Russia in the period from 1922 to 1993 (historical and legal aspect): diss. cand. legal sciences: 12.00.01 / E.S. Andreeva. – M., 2002. – 197p.
5. Andreeva T.K. Reform of the judiciary and prospects for the development of arbitration procedural legislation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – Т. 12. – No. 6. – S. 145–161.
6. Voronin D.V. Functions of state arbitration in the Soviet economy // Legality and law and order in modern society. – 2012. – No. 9. – S. 24.)
7. Grebentsov A.M. Development of economic jurisdiction in Russia: diss. cand. legal Sciences: 12.00.15/ A.M. Grebentsov. – 2001. – 222p.
8. Zakharova P.V. Commercial courts in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: general and particular features of formation // Actual problems of state and law. – 2018. – Т. 2. – No. 8. -S. 119.
9. Mashkova A.S. Activities of the State Arbitration of the RSFSR during the Great Patriotic War // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 4. – P. 12.
10. Nesin M.A. Thousands as governors and part of city self-government // In the collection: City of the Middle Ages and Early Modern Times VI: Archeology, History. Tula, 2018. – S. 73.
11. Rybkina K.V. Reasons for the formation and abolition of commercial courts in Russia in the 19th century // Alley of Science. – 2022. – Т. 1. – No. 1 (64). – S. 513–519.
12. Rybkina K.V. Reform of arbitration courts and the principle of separation of powers // Alley of Science. – 2021. – Vol. 2. – No. 12 (63). – S. 136–148.
13. Rybkina K.V. Stages of formation of commercial justice in Russia // Alley of Science. – 2022. – Vol. 1. – No. 4 (67). – S. 495–505.
14. Rybkina K.V. Electronic justice as a new system in public administration. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravosudie-kak-novaya-sistema-v-gosudarstvennom-upravlenii>.

Ограничения правоприменения нормы об уголовной ответственности за заведомо ложное экспертное заключение в сфере государственных закупок

Корнилов Алексей Радионович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Гуманитарный институт, Российский новый университет
E-mail: magelan7@mail.ru

Шейко Вадим Владимирович,

аспирант кафедры теории и истории права и государства, Гуманитарный институт, Российский новый университет
E-mail: vadim-sheiko@yandex.ru

В статье обсуждаются сложности, связанные с применением нормы об уголовной ответственности за предоставление ложного экспертного заключения при закупке товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. Основной проблемой является доказательство факта ложного заключения, а также возможные интерпретации этого заключения. Кроме того, при подготовке экспертного заключения могут возникать давления со стороны заказчиков или поставщиков. Авторы обращают внимание на неточный подход законодателя к включению данной нормы в главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации и предлагают перенести ее в главу 30. Также авторы отмечают необходимость улучшения дифференциации уголовной ответственности за нарушения, предусмотренные частью 1 и частью 2 статьи 200.6 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе этих проблем авторы статьи предлагают возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова. Закупки товаров, экспертиза контракта, торги, эксперт, экспертная организация, государственные нужды, муниципальные нужды, уголовная ответственность.

Проблема коррупции в современном обществе становится все более актуальной и острой. В рамках борьбы с этой проблемой в связи с закупками для обеспечения государственных и муниципальных нужд была введена норма об уголовной ответственности за заведомо ложное экспертное заключение. Однако применение данной нормы вызывает ряд сложностей, которые выделяют как теоретики права, так и практикующие юристы.

Обобщая проблемы применения этой нормы, необходимо выделить следующее:

- Во-первых, не всегда возможно доказать, что экспертное заключение было заведомо ложным, поскольку эксперты могут допустить ошибки в своей работе, не имея при этом злого умысла. Кроме того, экспертиза может быть сложной и требовать от эксперта большого объема информации для проверки, что также может повлиять на результаты экспертизы.
- Во-вторых, эксперты могут быть подвержены влиянию со стороны заказчика или поставщика, что может повлиять на результаты экспертизы. Это может происходить, например, если заказчик или поставщик предоставляют эксперту дополнительную информацию или материалы, которые могут повлиять на результаты экспертизы.
- В-третьих, существует проблема определения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности по этой статье. В частности, не всегда ясно, кто именно должен нести ответственность – сам эксперт или лицо, заказавшее экспертизу. Так, заказчик может дать недостаточное количество достоверных или точных указаний эксперту, что может привести к ошибкам в экспертизе.

Отдельно необходимо отметить, что одна из проблем указанной нормы в сфере госзакупок – недостаточно высокая эффективность ее применения. Так, зачастую проблематично доказать вину эксперта, давшего заведомо ложное экспертное заключение, а также определить размер ущерба, причиненного государству. Это может приводить к различным интерпретациям и неоднозначности в применении нормы, следовательно, и в разном чтении закона [1, с. 52].

Норма закона, рассматриваемая в настоящей статье, находится в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), то есть данное деяние относится к преступлениям в области экономической деятельности. Тем не менее ряд исследователей, в частности В.Е. Зварыгин

и Д.С. Назарова, полагают, что отнесение указанной нормы к данной сфере не совсем корректно, поскольку при совершении названного деяния при осуществлении госзакупок (или муниципальных закупок) под угрозой оказываются интересы представителей госслужбы и муниципальных органов самоуправления. Также отметим, что эксперт находится в статусе должностного лица (согласно определению, данному в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ (далее по тексту – Закон)). Таким образом, данная норма скорее соответствует главе 30 УК РФ, чем главе 22. Преступлением в области экономической деятельности данное деяние становится, когда речь идет о корпоративных закупках. Тем не менее, поскольку в описании этого преступления речь идет только о госзакупках (и муниципальных закупках), на первом месте в данном случае стоят интересы государственной службы [2, с. 87].

Статьей 200.6 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за дачу заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. До 23 апреля 2018 года несоблюдение правил в этой области регулировалось исключительно Кодексом РФ об административных правонарушениях: была установлена только административная ответственность, но не уголовная. После принятия Федерального закона от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ в УК РФ появились статьи 200.4 и 200.5, предусматривающие ответственность за злоупотребления и подкуп в процессе госзакупок. А в декабре того же года в Уголовный кодекс ввели статью 200.6 (Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ), согласно которой эксперт несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, если это повлекло крупный ущерб.

В части 2 указанной статьи содержится норма о том, что причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности являются отягчающими обстоятельствами. В части 3 статьи 200.6 УК РФ рассматривается наказание за аналогичное деяние, в результате которого наступила смерть двух лиц и более (по неосторожности). Следует еще раз подчеркнуть, что эксперт обязательно должен понимать, что его заключение заведомо ложное, то есть преступление является умышленным.

Согласно статье 8 УК РФ, для привлечения к ответственности необходимо, чтобы присутствовали все признаки состава преступления. В частности, предполагается, что субъект преступления исполняет деяние, запрещенное уголовным кодексом, и готов понести за это наказание. В статьях 19 и 20 УК РФ субъект преступления определяется как вменяемое лицо, которое обладает способностью нести ответственность и достигло установленного возраста. В ряде случаев (для некоторых

видов деяний) лицо, помимо возраста и вменяемости, должно также обладать иными признаками (связанными с профессиональной деятельностью, правовым положением и пр.).

Что касается **субъекта** преступления, которое определено в статье 200.6 УК РФ, им может выступать эксперт (или представитель экспертного учреждения). Эти субъекты – лица, которые имеют специальные познания в определенной области и опыт ведения соответствующей деятельности, они исследуют предмет экспертизы, по результатам чего формируется экспертное заключение (в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»). Согласно указанному закону, при осуществлении госзакупок (и муниципальных закупок) проведение экспертизы является обязательным. В случае несоблюдения требований и правил закупок для государственных и муниципальных нужд эксперты могут понести уголовную ответственность за предоставление заведомо ложного заключения. **Объектом** деяния, описанного в рассматриваемой статье, являются общественные отношения, возникающие при осуществлении госзакупок товаров или услуг. Суть (**объективная сторона**) данного преступления состоит в даче заведомо ложного экспертного заключения в указанной области, что может повлечь за собой крупный ущерб. **Субъективная сторона** деяния состоит в том, что эксперты или представители экспертных учреждений (субъекты преступления), осознавая ложность своих выводов, совершают это преступление умышленно или по неосторожности.

Особенности объекта преступных деяний в сфере госзакупок должны учитываться при описании характеристик их субъекта, поскольку не всякое лицо может негативно повлиять на отношения в данной сфере. Поэтому расположение составов преступлений, связанных с государственными закупками, в главе 22 УК РФ выглядит, опять же, необоснованным: их следует разместить в главе 30 УК РФ, учитывая специальные признаки субъектов, связанные с юридическими обязанностями.

Норма статьи 200.6 УК РФ имеет социальное назначение – защиту отношений, возникающих в связи с реализацией закупок товаров, услуг или работ для государственных (муниципальных) потребностей. Как уже говорилось выше, Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ предусматривает, что при осуществлении госзакупок проведение экспертизы является обязательным. При этом экспертное исследование может проводиться как силами заказчика, так и с привлечением сторонних экспертов и экспертных учреждений на основании договора. Экспертиза в процессе госзакупок проводится с целью установить соответствие результатов работ (услуг) или характеристик поставленных то-

варов требованиям соответствующего контракта (в соответствии со статьей 94 указанного Закона). В статье 41 указано, что эксперт (или представитель экспертного учреждения) обязан сообщить заказчику (поставщику) в письменном виде о допустимости собственного участия в проведении экспертного исследования. В случае предоставления недостоверного экспертного заключения его авторы несут ответственность в соответствии с законодательством. При этом заказчик может разорвать контракт с победителем торгов намеренно, чтобы заключить договор со своим поставщиком. В таких ситуациях заказчик может использовать экспертизу как способ достижения своих целей. Статья 95 Федерального закона № 44-ФЗ предусматривает, что заказчик может в одностороннем порядке отказаться от исполнения контракта, если имеются основания, определенные в Гражданском кодексе РФ и если это предусмотрено контрактом.

Исходя из этого, установленная законодателем градация ответственности за совершение преступлений, описанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 200.6 УК РФ, не кажется нам убедительной. В соответствии с этой статьей, причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности наказывается штрафом от 300 тыс. до 500 тыс. рублей. На наш взгляд, жизнь и здоровье человека не могут оцениваться денежным штрафом. Это противоречит не только соотношению важности объектов, охраняемых уголовным законодательством России, но и духу закона.

Частью 1 рассматриваемой статьи предусмотрена уголовная ответственность за предоставление заведомо ложного экспертного заключения, при этом (в отличие от статьи 200.5 УК РФ, где содержится определение «крупного размера» подкупа) в статье 200.6 УК РФ термин «крупный ущерб» никак не определен. Данное словосочетание толкуется в примечании к статье 170.2 УК РФ как ущерб, превышающий 2 млн 250 тыс. рублей. Отметим, что в этом примечании ссылок на статью 200.6 не содержится.

Однако в случае, если заведомо ложное заключение было дано при реализации муниципальных закупок, сумма ущерба может оказаться особо крупной в рамках бюджета муниципального образования. В связи с этим ряд исследователей считают необходимым добавить в часть 2 указанной статьи «причинение ущерба в особо крупном размере», а также определить в статье размеры крупного и особо крупного ущерба. Предлагается ущерб более 2 млн 250 тыс. рублей считать крупным, а свыше 9 млн рублей – особо крупным.

В части 3 статьи 200.6 УК РФ предусмотрена ответственность за причинение смерти по неосторожности двум и более лицам, при этом фактически требуется одновременное лишение жизни более чем одного потерпевшего для признания состава особо квалифицированным. При этом, согласно статье 109 УК РФ, особо квалифицированным составом преступления является причинение смерти по неосторожности двум или более лицам,

а одновременность совершаемых противоправных деяний значения не имеет. Мы полагаем, что использованная формулировка является юридико-технической ошибкой, а не осознанным выбором законодателя. Однако для сохранения единообразия уголовно-правовой политики необходимо внести соответствующие корректировки в часть 3 статьи 200.6 УК РФ, заменив соединительный союз «и» на разделительный союз «или», поскольку количество (два и более) трагических последствий не должно влиять на степень общественной опасности.

По нашему мнению, введение вышеназванных изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации поможет обязать экспертов и экспертные организации быть добросовестными и нести ответственность за неисполнение своих обязанностей. Однако следует подчеркнуть, что заказчикам следует быть более внимательными при проведении экспертизы своими силами, а также при выборе эксперта или экспертной организации.

Для решения этих проблем необходимо усилить контроль со стороны государственных органов над процессом закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, включая контроль за квалификацией экспертов и предотвращение коррупции в рассматриваемой сфере. Также необходимо уточнить понятие заведомо ложного экспертного заключения и установить четкие критерии для его определения [3, с. 231].

Таким образом, необходимо провести дополнительные исследования и разработать более точные критерии для применения нормы об уголовной ответственности за заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Важно учитывать все возможные факторы, которые могут повлиять на результаты экспертизы, а также определить четкие правила и процедуры для работы экспертов и заказчиков. Только в таком случае можно будет эффективно бороться с коррупцией в сфере закупок и обеспечить прозрачность и законность в этой области. Это важно, потому что процедуры закупок являются ключевым механизмом государственного и муниципального заказа, который напрямую влияет на качество оказываемых услуг и поставляемых товаров, а также на эффективность использования бюджетных средств. Если процесс закупок не прозрачен и не открыт, то это может привести к коррупции, неправомерному использованию бюджетных средств и нарушению прав конкурентов.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что прозрачность и открытость процедур закупок являются важным инструментом борьбы с коррупцией и обеспечения эффективного использования бюджетных средств. В целом регулирование процесса закупок является важным элементом государственной политики и направлено на защиту интересов государства и общества.

На данный момент в законодательстве существуют изменения в обеспечении охраны обще-

ственных отношений в области торговли, которые продолжают развиваться. Обращение законодателя к необходимости защиты общественных отношений в этой сфере является положительным фактом. Тем не менее принятые нормы требуют дальнейшего анализа и улучшения. Для обеспечения согласования уголовно-правовой политики на разных уровнях проведение экспертизы в контексте государственных (муниципальных) закупок следует поручить специализированным государственным экспертным учреждениям, деятельность которых регулируется специальным законодательством.

Литература

1. Гладких В.И. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ): теоретический анализ // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 51–54.
2. Зварыгин, В.Е. Уголовная ответственность за дачу ложных экспертных заключений в сфере закупок товаров, работ, услуг / В.Е. Зварыгин, Д.С. Назарова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. Т. 30, № 1. С. 84–90.
3. Муртазина, Е.Н. Уголовная ответственность за дачу заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Е.Н. Муртазина // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 230–232.

RESTRICTIONS ON THE ENFORCEMENT OF THE RULE ON CRIMINAL LIABILITY FOR KNOWINGLY FALSE EXPERT OPINION IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

Kornilov A.R., Sheiko V.V.
Russian New University

This article discusses the difficulties associated with applying the norm on criminal liability for providing false expert conclusions in the procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. The main problem is proving the fact of false conclusions, as well as possible interpretations of such conclusions. Additionally, there may be pressures from clients or suppliers. The authors draw attention to the inaccurate approach of the legislator to including this norm in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation and suggest moving it to Chapter 30. The authors also note the need to improve the differentiation of criminal liability for violations provided for in Part 1 and Part 2 of Article 200.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on these issues, the authors propose possible solutions to this problem.

Keywords. Procurement of goods, contract examination, bidding, expert, expert organization, state needs, municipal needs, criminal liability.

References

1. Gladikh V.I. Abuses in the procurement of goods, works, and services for state or municipal needs (Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation): theoretical analysis // Russian Justice. 2019. No. 3. P. 51–54.
2. Zvarygin, V.E. Criminal liability for giving false expert opinions in the procurement of goods, works, and services / V.E. Zvarygin, D.S. Nazarova // Bulletin of the Udmurt University. The series «Economics and Law». 2020. Vol. 30, No. 1. P. 84–90.
3. Murtazina, E.N. Criminal liability for knowingly false expert opinion in the procurement of goods, works, and services for state and municipal needs / E.N. Murtazina // Young Scientist. 2019. No. 19 (257). P. 230–232.

Правовой статус женщин у народов Кавказа: проблемы и перспективы равноправия

Багапш Мадлена Адамуровна,

аспирантка, кафедра теории и истории права и государства,
Северо-западный институт управления РАНХИГС
E-mail: mbagapsh1@gmail.com

История Северного Кавказа отличается множеством традиций, которые сохранились и продолжают влиять на жизнь народов региона. Одной из таких традиций является патриархальное общество, где женщина была ограничена в правах и не имела полноценного доступа к образованию, работе и политической жизни.

Данная статья рассматривает особенности правового статуса женщин у народов Кавказа, и факторы, детерминирующие этот статус. В статье описываются исторические особенности правового статуса женщин в рамках кавказских адатов, и ограничения и дискриминация, с которыми сталкиваются женщины на Кавказе. Рассматриваются факторы, влияющие на правовой статус мужчин и женщин на Кавказе, такие как религия, культура, социально-экономические и политические факторы. В заключение статьи подчеркивается, что современные тенденции изменения правового статуса женщин на Кавказе связаны с постепенным продвижением к гендерному равенству, однако, по-прежнему существуют стереотипы, которые препятствуют полному раскрытию потенциала женщин.

Ключевые слова: правовой статус, женщины, народы Кавказа, адаты, ограничения, дискриминация, религия, культура, социально-экономические факторы, политические факторы, тенденции изменения, гендерное равенство.

История Северного Кавказа отличается множеством традиций, которые сохранились и продолжают влиять на жизнь народов региона. Одной из таких традиций является патриархальное общество, где женщина была ограничена в правах и не имела полноценного доступа к образованию, работе и политической жизни.

Внутри семьи женщина, как правило, подчинялась мужу и не имела права на наследство или собственность. Тем не менее в каждом народе Северного Кавказа были свои традиции и нормы, регулирующие отношения между полами. Например, у осетин было принято считать грубость и насилие против женщин недопустимыми поступками. В дагестанских горных районах женщины, пользовались большей свободой и имели право управлять домашним хозяйством, и наследовать семейное имущество [5].

Традиционный образ жизни народов Северного Кавказа не предполагал, чтобы женщины занимали высокие позиции в политике или общественной жизни, но это не означало, что они были полностью исключены из этих сфер. Например, у адыгов женщины имели право голоса на собраниях сельской общины и могли влиять на принятие решений. У кабардинцев женщины, в свою очередь, могли участвовать в судебных заседаниях и выступать в роли свидетелей.

Женщины в рамках кавказских адатов были бесправны в семье, но в обществе они занимали довольно высокое положение. По традиции, женщина должна была подчиняться мужчине, дети – родителям, а младшие – старшим. Однако это не значило полного бесправия женщин. У всех народов Северного Кавказа существовали определенные обычаи и нормы, которые определяли отношение к женщинам и защищали их права.

Одним из основных обычаев было уважительное и почтительное отношение к женщинам. Кавказский этикет диктовал рыцарское поведение и галантность в отношении женщин. Мужчины вели себя скромно, не говорили лишнего и грубого в присутствии женщин. Несмотря на традиционные обязанности женщин по уходу за домом и семьей, жесткий правопорядок горской семьи весьма ревниво оберегал ее достоинство, а в некоторых обстоятельствах даже освобождал ее от тяжелых домашних обязанностей.

Также существовал обычай «избегания», который накладывал определенные табу на взаимоот-

ношения между некоторыми членами семьи. Самая старшая невестка пользовалась некоторыми привилегиями, а младшая занимала самое низкое положение в семье.

Сравнительно-этнографическое изучение быта северокавказских народов позволяет утверждать, что отношение к женщине было уважительным. Особенно высокое положение пользовалась старейшая среди женщин, к которой обращались даже седобородые старики, и ее совета и мнения прислушивались в сельской общине [3].

Женщины на Кавказе не всегда могли защитить свои права. Факторы, детерминирующие правовой статус мужчин и женщин на Кавказе, включают в себя влияние религии и культуры, социально-экономические и политические факторы.

Влияние религии и культуры на гендерный дисбаланс на Кавказе очень велико. В исламском обществе сложилась устоявшаяся гендерная система, которая стремится противостоять вызовам модернизации. Традиционная гендерная система зависит от многих факторов, в том числе от местных условий и локальных традиций. Гендерные отношения на Кавказе определяются не только религией, но и особенностями социализации в советском и российском обществах, и государственной идеологией и условиями жизни. Несмотря на изменения, произошедшие в социальных и экономических условиях, в последнее время на Кавказе происходит ре-исламизация населения и возврат к ортодоксальной гендерной системе, что усиливает «практики гендерного разделения и неравенства» [4].

Социально-экономические факторы оказывают влияние на гендерную политику на Кавказе. Среди них можно выделить такие, как уровень образования, доступность медицинской помощи, уровень безработицы и т.д. В некоторых регионах Кавказа женщины имеют ограниченный доступ к образованию и трудоустройству, и ограниченные права на земельную собственность и участие в политической жизни. Например, уровень образования женщин на Кавказе в целом ниже, чем у мужчин, что приводит к ограниченным возможностям для профессионального и личностного развития. Женщины на Кавказе часто сталкиваются с дискриминацией при трудоустройстве, получении медицинской помощи и доступе к земельной собственности.

Политические факторы влияют на гендерный дисбаланс на Кавказе. В регионе часто наблюдаются конфликты, которые воздействуют на положение женщин. Во время вооруженных конфликтов женщины становятся жертвами насилия и эксплуатации, и теряют доступ к базовым услугам и правам. В регионе часто происходят конфликты, которые негативно влияют на положение женщин и детей, жертв насилия, эксплуатации и дискриминации. Конфликты и насилие приводят к ограниченному доступу к базовым услугам и правам, таким как образование, медицинская помощь и жилье.

На Северном Кавказе, как и во многих других регионах России, женщины сталкиваются с нера-

венством в различных сферах жизни, включая правовой статус. В то время как на законодательном уровне гарантируется равенство полов, на практике женщины испытывают проблемы в доступе к образованию, здравоохранению, экономической деятельности и политической жизни.

Наиболее значимой проблемой является правовая неграмотность женщин, которая связана с отсутствием знаний о своих правах и возможностях для их защиты. Это особенно важно в условиях, где общественное мнение и традиции играют большую роль в определении роли женщины в обществе. Социологические опросы указывают на то, что на Северном Кавказе общество не готово видеть женщину у власти в своих регионах [1].

В высших эшелонах власти женщины представлены недостаточно, в силу чего роль женщины в политической жизни минимальна. Но сферы деятельности, в которых занимаются женщины, получают меньшее количество ресурсов и финансовой поддержки, чем те, где работают мужчины. Это в свою очередь ведет к тому, что женщины часто занимаются малооплачиваемой работой в сфере услуг.

Патриархальная модель отношений, присущая многим регионам Северного Кавказа, предполагает, что мужчины имеют верховенство в принятии решений и обеспечивают женщину, что во многом облегчает женскую роль и становится привлекательным для многих молодых девушек. В семье женщина играет главную роль, и через неё передаются традиции и стереотипы поведения, принятые в этносе, что обеспечивает преемственность поколений.

Современные тенденции глобализации не обошли стороной и патриархальные общества Северного Кавказа. Возможности самореализации и расширения гендерных прав женщин существенно расширились. Сегодня женщины имеют больше возможностей для образования, профессионального развития и участия в общественной и политической жизни [2].

Несмотря на существующие вызовы, женщины активно стремятся проявить себя в различных сферах деятельности. Они занимаются предпринимательством, занимают руководящие должности в бизнесе, медицине, образовании и других областях. Имеется рост женской эмансипации, при котором женщины меняют свои приоритеты и стремятся к самореализации.

Развитие гендерной политики на Северном Кавказе подразумевает создание равных возможностей для мужчин и женщин, устранение дискриминации на основе пола и поддержку женщин в их стремлении к самореализации и участию в общественной жизни. Региональные общественные организации и неправительственные организации играют важную роль в продвижении гендерного равенства и осуществлении социальных программ для женщин.

Несмотря на некоторые положительные изменения, по-прежнему существуют гендерные стере-

отипы, которые препятствуют полному раскрытию потенциала женщин. Традиционные представления о женской роли и ожидания общества могут ограничивать возможности женщин в профессиональной и политической сферах. Некоторые регионы сохраняют консервативные традиции, где права и свободы женщин могут быть ограничены.

Таким образом, тенденции изменения правового статуса женщин на Северном Кавказе связаны с постепенным продвижением к гендерному равенству и осуществлению полных прав женщин. Стремление к самореализации и активное участие женщин в различных сферах деятельности отражают растущую эмансипацию и гендерную осознанность. По-прежнему необходимо преодолевать гендерные стереотипы, обеспечивать доступ женщин к образованию, трудовым возможностям и политическому участию. Развитие гендерной политики должно быть направлено на создание равных условий и справедливого распределения ресурсов для мужчин и женщин, и на борьбу с насилием и дискриминацией на основе пола.

Литература

1. Байраковская, Т.Р. Современные тенденции развития гендерного пространства в республиках Северного Кавказа: сопоставительный анализ [Текст] / Т.Р. Байраковская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». – 2017. – № 11 (113). – С. 123–130.
2. Клименко Л.В. Современные тенденции динамики гендерных отношений на Северном Кавказе // ЖССА. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-dinamiki-gendernyh-otnosheniy-na-severnom-kavkaze> (дата обращения: 10.05.2023).
3. Мутиева О.С. Отражение социально-правового статуса женщины в духовной культуре и фольклоре народов Северного Кавказа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2.
4. Сиражудинова С.В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-sistema-musulmanskogo-obschestva-na-primere-respublik-severnogo-kavkaza> (дата обращения: 10.05.2023).

5. Сланова, А.Ю. Особенности положения женщины в семье и обществе у народов Северного Кавказа в XVIII–XIX вв [Текст] / А.Ю. Сланова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2019. – № 4. – С. 60–71.

THE LEGAL STATUS OF WOMEN AMONG THE PEOPLES OF THE CAUCASUS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR EQUALITY

Bagapsh M.A.
RANEPA

The history of the North Caucasus is distinguished by many traditions that have survived and continue to influence the lives of the peoples of the region. One of these traditions is a patriarchal society, where a woman was limited in her rights and did not have full access to education, work and political life.

This article examines the features of the legal status of women among the peoples of the Caucasus, and the factors that determine this status. The article describes the historical features of the legal status of women within the framework of the Caucasian adat, and the restrictions and discrimination that women face in the Caucasus. The factors influencing the legal status of men and women in the Caucasus, such as religion, culture, socio-economic and political factors, are considered. In conclusion, the article emphasizes that current trends in the change in the legal status of women in the Caucasus are associated with a gradual advance towards gender equality, however, there are still stereotypes that prevent the full disclosure of women's potential.

Keywords: legal status, women, peoples of the Caucasus, adat, restrictions, discrimination, religion, culture, socio-economic factors, political factors, trends of change, gender equality.

References

1. Bayrakovskaya, T.R. Modern trends in the development of gender space in the republics of the North Caucasus: a comparative analysis [Text] / T.R. Bayrakovskaya // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Sociology". – 2017. – No. 11 (113). – S. 123–130.
2. Klimenko L.V. Modern trends in the dynamics of gender relations in the North Caucasus // JSSA. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-dinamiki-gendernyh-otnosheniy-na-severnom-kavkaze> (date of access: 05/10/2023).
3. Mutieva O.S. Reflection of the socio-legal status of women in the spiritual culture and folklore of the peoples of the North Caucasus // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2014. No. 2.
4. Sirazhudinova S.V. Gender system of Muslim society: on the example of the republics of the North Caucasus // Woman in Russian society. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-sistema-musulmanskogo-obschestva-na-primere-respublik-severnogo-kavkaza> (Date of access: 05/10/2023).
5. Slanova, A. Yu. Features of the position of women in the family and society among the peoples of the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries [Text] / A. Yu. Slanova // Bulletin of the Moscow University. Series 14: Psychology. – 2019. – No. 4. – S. 60–71.

Использование скриншотов при доказывании в гражданском процессе в Российской Федерации

Гуляева Влада Алексеевна,
студент, Юридический Институт НИИ ТГУ
E-mail: taisiya.gulyaeva.2017@mail.ru

Силаева Софья Сергеевна,
студент, Юридический Институт НИИ ТГУ
E-mail: sofia.silaeva2001@yandex.ru

Статья посвящена вопросам, касающимся использования скриншотов в качестве доказательств по делу в гражданском процессе. Указывается дискуссионный характер отнесения скриншота к видам доказательств, полагается, что суды по-разному применяют его, в связи с чем возникают различные споры. Раскрывается понятие допустимости как одного из признаков доказательств, предмета доказывания. В статье анализируются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о допустимости использования скриншотов в процессе доказывания, требования к ним, а также правила оценки доказательств. Обосновывается ценность и значимость данных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для современного правосудия. Дается понятие слову скриншот, ставится вопрос попадает ли он под категорию допустимого средства доказывания или нет. Указывается важность применения правил оценки доказательств с учетом положений ст. 67 и 71 ГПК РФ и упоминается бланкетный характер ст. 60 ГПК РФ. Описываются основные принципы правосудия, на которых базируется судопроизводство. Вносятся предложения по урегулированию законодательства с целью установления унитарной практики использования скриншотов в качестве доказательств для доступности правосудия и повышения эффективности процедуры доказывания.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательства в гражданском процессе, допустимость как признак доказательства, скриншот, использование скриншотов в процессе доказывания, анализ позиций Верховного Суда РФ.

Цифровизация охватывает все сферы жизнедеятельности людей, включая юриспруденцию. Наличие разнообразных мессенджеров и иных приложений для обмена сообщениями, привели к повышенному интересу в использовании одного из достаточно спорных на сегодняшний день видов доказательств как снимков экрана (скриншотов), т.е. распечатанных копий интернет-страниц, видео и аудиофайлов.

Несмотря на то, что Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) ранее уже высказывал свою позицию о допустимости скриншотов в качестве доказательств по делу и, что их можно приобщать к делу для обоснования своей позиции в суде, вопрос об отнесении их к допустимым доказательствам по делу до сих пор вызывает затруднения у судов при разрешении спора по существу. Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ 7 февраля 2023 года пришлось вновь обратить внимание общественности и наконец поставить точку в затянувшейся дискуссии, вынеся определение по делу № 5-КГ22–144-К2.

Ситуация: два физических лица разработали курс по нумерологии. Позже они обнаружили, что этот курс использовало другое физическое лицо. Авторы организовали закупку курса у нарушителя, что подтверждала переписка по электронной почте. Один из авторов подал иск о взыскании с нарушителя компенсации за нарушение исключительных прав в размере 320 000 рублей. Авторы ссылались на то, что ответчик незаконно распространил их литературные произведения и программы.

В обоснование требования был приложен скриншот переписки по электронной почте, который не был заверен нотариально. Из-за этого суды не встали на сторону истца.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении иска. Они исходили из недоказанности факта нарушения ответчиком исключительных прав. При этом суды отклонили переписку по электронной почте о продаже ответчиком произведений из-за того, что она не была заверена. Суды посчитали, что из-за этого невозможно установить, что именно ответчик был причастен к продаже курса и переписке по электронной почте.

Проанализировав позицию суда первой инстанции, судебная коллегия по гражданским спорам пришла к выводу, что судом первой инстанции были нарушены принципы всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств по делу, поскольку он (суд) отклонил приложенные к исковому заявлению скриншоты сообщений

из электронной почты, посчитав их недопустимыми и недостоверными доказательствами по делу.

Судебная коллегия по гражданским делам обратила внимание, что, в соответствии со ст. 55 Гражданско-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ), доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, т.е. предмет доказывания, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Положениями ст. 67 ГПК РФ предусмотрено, что суд дает оценку предоставленным сторонами доказательствам по делу, согласно своему внутреннему убеждению, которое основано на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, при этом, никакие доказательства не могут иметь для суда заранее установленной силы. Суд по отдельности оценивает каждое доказательство на относимость, допустимость, достоверность, а также на достаточность и взаимосвязь всех доказательств в их совокупности. В соответствии со ст. 71 ГПК РФ, если суд оценивает копию какого-либо письменного доказательства, включая копию документа, то ему надлежит установить: было ли изменено содержание такой копии по сравнению с ее оригиналом; какой технический прием был использован при копировании документа или иного письменного доказательства; имеется ли между копией и оригиналом тождество; а также как именно была сохранена копия документа или иного письменного доказательства.

Судебная коллегия по гражданским делам отменила апелляционное определение, посчитав, что суд апелляционной инстанции не исправил допущенные судом первой инстанции ошибки, при этом, указав, что истец не представил заключение эксперта о подлинности переписок, зафиксированных в скриншотах.

Ценность данного определения ВС РФ заключается в следующем: ВС РФ посчитал необходимым еще раз напомнить правоприменителям правила оценки доказательств с учетом положений ст. 67 и 71 ГПК РФ. Этот подход сформулирован во избежание необоснованных возражений как формы процессуального злоупотребления.

Стоит отметить, что ранее еще в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» судьи ВС РФ не только дали определение понятию «скриншот», под которым понимается «...сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот)» [3, п. 55],

но и указали на то, что законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которого можно было бы сделать вывод, что в суд предоставили недопустимое доказательство. Поэтому, суд вправе принимать любые средства доказывания, которые предусмотрены в действующем процессуальном законодательстве, в том числе, которые были получены при помощи использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Таким образом, основываясь на данное положение, мы делаем вывод, что скриншоты безусловно относятся к доказательствам по делу. Однако, попадают ли они под категорию допустимого средства доказывания или нет?

В выше приведенным нами определении ВС РФ от 1 марта 2016 г. по делу №5-КГ15–213 обращают наше внимание на положение, раскрывающие суть допустимого доказательства, в соответствии с которым обстоятельства по делу, которые должны быть подтверждены конкретными средствами доказывания в силу положений закона, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами. Суд, в процессе исследования письменных доказательств, обязан установить, подлинные они или нет; проверить: составлены и подписаны ли они уполномоченным лицом с соблюдением требований, установленных в законе.

Стоит отметить, что ст. 60 ГПК РФ имеет бланкетный характер. В доктрине принято выделять два вида норм о допустимости доказательств:

1) нормы, запрещающие использовать определенные средства доказывания для установления отдельных обстоятельств дела;

2) нормы, предписывающие использование определенных средств доказывания для установления отдельных обстоятельств дела. В процессуальной теории такие нормы объединяются понятиями правила допустимости доказательств с негативным содержанием и правила допустимости доказательств с позитивным содержанием [4].

Итак, под допустимостью доказательств в гражданском процессе принято понимать определенные правила по использованию конкретных средств доказывания в процессе разрешения гражданских дел. Как в свое время отметил Молчанов В.В.: «... выделяется общее правило допустимости, состоящее в использовании только предусмотренных процессуальным законом средств доказывания, и частные правила, выражающиеся либо в ограничении в определенных случаях свидетельских показаний, либо в обязательном использовании отдельных средств доказывания для установления отдельных юридически значимых фактов» [5, с. 13].

Возвращаясь к допустимости использования в процессе доказывания скриншотов, обращаем Ваше внимание на то, как ВС РФ тогда решил данный вопрос. В соответствии с первоначальной позицией ВС РФ, предоставление скриншотов будет считаться допустимым доказательством в том случае, если они будут соответствовать следующим

условиям: во-первых, они должны быть заверенными; во-вторых, на них должен быть виден адрес интернет-страницы, с которой был сделан снимок экрана, а также время.

Однако, 7 февраля 2023 года ВС РФ вынес определение по выше разобранному нами делу, тем самым перечеркнув» ранее разработанные положения постановления № 10, и регламентировал, что не заверенные скриншоты электронной переписки также будут являться допустимыми доказательствами по делу.

Мы согласны с данной позицией судей ВС РФ. Правосудие в Российской Федерации должно осуществляться на основах равенства и состязательности сторон, что непосредственно закреплено в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации в качестве одного из основополагающих принципов осуществления судопроизводства в Российской Федерации, а также продублировано непосредственно в статье 12 ГПК РФ. В соответствии с данным принципом, суд должен сохранять свою независимость и беспристрастно относиться к спорящим сторонам, не оказывая никому из них своего предпочтения, но при этом, оказывать им содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел непосредственно. Таким образом, суд не создал необходимые условия для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, не оказал лицу, участвующему в деле, содействие в осуществлении его прав.

Хотелось бы отметить следующее: чтобы у правоприменителей в дальнейшем не возникало никаких сомнений в том, что скриншот является допустимым доказательством в гражданском судопроизводстве, необходимо урегулировать данный аспект, путем нормативного закрепления соответствующих положений в ГПК РФ. Мы убеждены, что такое правовое нововведение положительно повлияет и на ситуации, когда суды необоснованно отказывают в приобщении снимков экрана к материалам дела, что безусловно позволит сделать процедуры доказывания и осуществления правосудия более объективными, всесторонними и независимыми.

Литература

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 по делу № 5-КГ22–144-К2 [Электронный ресурс] // Банк судебных документов URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2212388 (дата обращения: 03.05.2023);
2. Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 12, 55, 56 (ч. 2), 67, 71;

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04. 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 03.05.2023);
4. Гражданский процесс: Учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: Статут, 2014. С.139;
5. Молчанов В.В. Некоторые теоретические и практические проблемы допустимости доказательств // Законодательство. 2008. № 11. С. 13;
6. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2023).

THE APPLICATION OF SCREENSHOTS IN PROVING OF CIVIL PROCEDURE IN RUSSIAN FEDERATION

Gulyaeva V.A., Silaeva S.S.
TSU

The article is devoted to issues related to the use of screenshots as evidence in a case in civil proceedings. The debatable nature of attributing the screenshot to the types of evidence is indicated, it is believed that the courts apply it differently, in connection with which various disputes arise. The concept of admissibility is revealed as one of the signs of evidence, the subject of proof. The article analyzes the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the admissibility of using screenshots in the process of proof, the requirements for them, as well as the rules for evaluating evidence. The value and significance of these explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation for modern justice is substantiated. The concept of the word screenshot is given, the question is raised whether it falls under the category of an acceptable means of proof or not. The importance of applying the rules for assessing evidence, taking into account the provisions of Art. 67 and 71 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and mentions the blanket nature of Art. 60 Code of Civil Procedure of the Russian Federation. The basic principles of justice on which legal proceedings are based are described. Proposals are being made to regulate legislation in order to establish a unitary practice of using screenshots as evidence for the accessibility of justice and increasing the efficiency of the evidentiary procedure.

Keywords: civil procedure, the evidence in civil procedure, the admissibility as a sign of the evidence, screenshot, the using of screenshots in the process of proof, the analysis of the Russian Supreme Court's positions.

References

1. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossiiskoi Federacii ot 07. 02. 2023 po delu nomer 5-KG22–144-K2 [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 07, 2023 in case no 5-KG22–144-K2]. Available at https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2212388 (accessed 3 May 2023);
2. The Civil Procedure Code of Russian Federation No. 138-FL of November 14, 2002 (as amended on April 14, 2023) (as amended and supplemented, effective from April 26, 2023). Collected. legislation Ros. Federation. 2002. No. 46. Art. 12, 55, 56 (part 2), 67, 71 (in Russian);
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russia dated January 28, 2014, no 10. O primenenii chaste chetvertoi Grajdanskogo processualnogo kodeksa Rossiiskoi Federacii [On the application of part four of the Civil Code of the Russian Fed-

eration]. Available at http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (accessed 3 May 2023);

4. Treuchnikov M.K. Grajdanski process [Civil procedure]. Moscow, Statut Publ., 2014, 5 th edition, no 11, p. 139;
5. Molchanov V.V. Nekotore teoreticheskie i prakticheskie problem dopustimosti dokazatelstv [The Some theoretical and prac-

tical problems of the admissibility of evidence]. Legislation, 2008, no 11, p. 13;

6. The Constitution of the Russian Federation. Adopted referendum on December 12, 1993 with amendments approved during the national vote on July 01, 2020. Available at <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 5 May 2023).

Некоторые проблемы взаимодействия Казначейства России с другими органами, осуществляющими государственный финансовый контроль

Исайчева Анастасия Александровна,

аспирант, кафедра финансового, таможенного и банковского права имени профессора Нины Ивановны Химичевой, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: a.isaycheva@splegal.ru

Казначейство России – государственный орган исполнительной власти, наделенный полномочиями по государственному финансовому контролю. Обязательность финансового контроля обусловлена необходимостью практической реализации функций финансов, то есть, распределительной, регулирующей и контрольной функций; фактически, финансовый контроль воздействует на все общественные отношения, которые возникают в ходе осуществления финансовой деятельности. При этом, помимо Казначейства России, полномочиями в названной сфере наделен целый ряд иных государственных органов, в связи с чем актуальным является вопрос отграничения контрольных полномочий таких органов друг от друга. В статье рассматриваются некоторые проблемы взаимодействия Казначейства России с другими органами, осуществляющими государственный финансовый контроль: Президент Российской Федерации; Федеральное Собрание Российской Федерации, законодательные органы субъектов Российской Федерации; Правительство Российской Федерации, правительства и администрации субъектов Российской Федерации; Счетная палата Российской Федерации; Центральный банк Российской Федерации; Федеральная служба по финансовому мониторингу; Министерство финансов Российской Федерации; Федеральное казначейство; Федеральная налоговая служба Российской Федерации; Федеральная таможенная служба Российской Федерации; Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: Казначейство России, финансовый контроль, государственный финансовый контроль.

Государственный финансовый контроль был впервые закреплен в российском законодательстве в 1996 году, когда были установлены основные направления осуществления государственного финансового контроля, а также перечень органов, на которое возлагались полномочия по осуществлению государственного финансового контроля [2].

Казначейство России, как один из органов, осуществляющих в финансовый контроль, взаимодействует с иными государственными органами, общественными объединениями и организациями, с иными органами, осуществляющими финансовый контроль в Российской Федерации.

1. Взаимодействие Казначейства России и Президента Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации.

1) Казначейство России в своей деятельности руководствуется не только Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, но и актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации (п. 5 Постановления Правительства РФ о Казначействе России);

2) Казначейство России находится в ведомстве Минфина России, который подведомствен Правительству Российской Федерации, в связи с чем Правительство Российской Федерации утверждает постановление о Федеральном казначействе и все изменения к нему [5];

3) Правительство Российской Федерации утверждает порядок осуществления Казначейством России полномочий по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере [6];

4) Планирование работы Федерального казначейства по основным направлениям деятельности осуществляется на основании Указа Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [9], Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу и плана действий Правительства по ее реализации, Сводного доклада о результатах и основных направлениях деятельности Правительства, плана законопроектной деятельности Правительства, планов заседаний Правительства, нормативных правовых актов Российской Федерации [12];

5) Казначейство России может быть наделено полномочиями по нормативно-правовому ре-

гулированию в установленной сфере деятельности на основании не только федеральных законов, но и указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации (п. 7 Постановления Правительства РФ о Казначействе России);

6) Руководитель Казначейства России, а также его заместители назначаются на должность и освобождаются от должности Правительством Российской Федерации по представлению Министра финансов Российской Федерации (п. 8 Постановления Правительства РФ о Казначействе России);

7) в Казначействе России организована работа по взаимодействию с полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах по вопросам контрольно-надзорной деятельности в финансово-бюджетной сфере;

8) Руководитель Казначейства России участвует в мероприятиях, проводимых Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, палатами Федерального собрания Российской Федерации (п. 2.8 Регламента Федерального казначейства);

9) Казначейство России рассматривает парламентские запросы, депутатские запросы, обращения члена Совета Федерации Российской Федерации или депутата Государственной Думы Российской Федерации, направляет ответы на запросы и обращения (п. 6.1 Регламента Федерального казначейства);

10) сотрудники Казначейства России могут получать Почетные грамоты Президента Российской Федерации, Почетные грамоты Правительства Российской Федерации, им могут объявляться благодарности от названных органов (п. 9.2.8 Постановления Правительства о Федеральном казначействе);

11) Правительство Российской Федерации утверждает Правила взаимодействия территориальных органов Федерального казначейства с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при учете региональных и местных налогов и сборов на счетах территориальных органов Федерального казначейства [3].

2. Взаимодействие Казначейства России и Министерства финансов Российской Федерации.

Фактически, Федеральное казначейство находится в ведомстве Министерства финансов Российской Федерации, в связи с чем возможно говорить о властно-подчиненных отношениях между названными органами. Их взаимодействие выражается в следующем:

– Федеральное казначейство при осуществлении своей деятельности руководствуется законодательством Российской Федерации, в том числе актами Минфина России, включая приказы Минфина России, которые издаются в порядке контроля деятельности Федерального казначейства и координации его деятельности с другими находящимися в ведении Минфина России федеральными службами;

– Казначейство России составляет и представляет в Минфин России оперативную информацию и отчетность об исполнении федерального бюджета, отчетность об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации (п. 5.7 Постановления № 703);

– Казначейство России направляет в Минфин России доклады и предложения о совершенствовании методического обеспечения деятельности органов государственного контроля, являющихся органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (п. 5.15(3) Постановления № 703);

– Казначейство России обобщает практику применения законодательства Российской Федерации в сфере своей деятельности и вносит в Министерство финансов Российской Федерации предложения по его совершенствованию (п. 5.16 Постановления № 703);

– Минфин России учреждает геральдический знак Казначейства России – эмблему, флаг (п. 11 Постановления № 703);

– Казначейство России подготавливает проекты нормативных правовых актов – Приказов – и вносит их на согласование в Минфин России (п. 5.1 Регламента Федерального казначейства);

– Минфин России направляет в Федеральное казначейство парламентские запросы, депутатские запросы, обращения членов Совета Федерации или депутата Государственной Думы (п. 6.1 Регламента Федерального казначейства);

– Минфин России согласовывает подготовленный Федеральным казначейством проект схемы размещения территориальных органов Казначейства России (п. 7.1 Регламента Федерального казначейства);

– Казначейство России представляет в Минфин России результаты анализа работы с обращениями граждан и организаций по итогам года (п. 8.14 Регламента Федерального казначейства).

3. Взаимодействие Казначейства России и Счетной палаты Российской Федерации.

Между Счетной палатой Российской Федерации и Казначейством России осуществляется информационное взаимодействие в целях дальнейшего развития информационных связей и совершенствования эффективности деятельности обоих органов, в связи с чем между названными органами было заключено Соглашение [14].

В частности, соглашением установлено осуществление информационного обмена сведениями, которые необходимы для решения задач, возложенных на Стороны законодательством Российской Федерации; обеспечение доступа Счетной палаты Российской Федерации к информационным системам, оператором которых выступает Казначейство России в целях обеспечения осуществления Счетной палатой функций внешнего государственного контроля. Так, в Счетную палату передается инфор-

мация об операциях, совершаемых со средствами федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, отчетных и иных документов Федерального казначейства по исполнению бюджетов.

Кроме того, согласно п. 4.1 Регламента Федерального казначейства, с целью организации исполнения федеральных законов и иных законодательных актов, Казначейство России обязано исполнять представления Счетной палаты Российской Федерации в срок, указанный в представлении, или в течение двадцати дней с момента получения представления.

В соответствии с Приказом Минфина России от 31.12.2019 № 262н, Казначейство России исполняет решения о применении бюджетных мер принуждения на основании уведомлений Счетной палаты Российской Федерации и Федерального казначейства, решений об изменении (отмене) решений о применении бюджетных мер принуждения [10].

Казначейство России и Счетную Палату Российской Федерации объединяет то, что оба органа осуществляют такую форму финансового контроля, как мониторинг. По мнению И.А. Цинделиани, мониторинг – одна из форм финансового контроля, применяемая регулярно на системной основе для сбора и анализа информации о предмете и деятельности объекта контроля [16, с. 231]. Действующее бюджетное законодательство Российской Федерации не включает в себя нормативно-правовые акты, которые раскрывали бы содержание мониторинговой деятельности Счетной палаты РФ.

Одновременно со Счетной палатой РФ бюджетный мониторинг осуществляется Казначейством России, фактически, на постоянной основе, поскольку именно на счета Федерального казначейства ежедневно зачисляются все доходы и расходы федерального бюджета [15, с. 301].

Так, Казначейство России и Счетная палата Российской Федерации совместно ежегодно выявляют нарушения, допущенные Российской академией наук в отчетном периоде, предоставляемые в Министерство финансов Российской Федерации для проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого Российской академией наук [13], выявляют нарушения, допущенные в отчетном периоде главным администратором для расчета показателей качества финансового менеджмента [11].

4. Взаимодействие Казначейства России и Банка России.

Казначейство России и Банк России тесно взаимодействуют при выполнении функций, возложенных на них, что прямо следует из п. 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 01 декабря 2004 г. № 703 «О Федеральном казначействе», согласно которому Казначейство России осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы, в том числе, при взаимодействии с Банком России.

В основном, взаимодействие рассматриваемых органов сводится к следующему:

- Казначейство России открывает в Банке России и кредитных организациях счета по учету средств федерального бюджета и иных средств в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 5.3 Постановления № 703);
- Банк России осуществляет обслуживание единого казначейского счета в валюте Российской Федерации, банковских счетов Федерального казначейства в валюте Российской Федерации, предназначенных для выдачи и внесения наличных денежных средств и осуществления расчетов по отдельным операциям, за исключением случая, когда отдельные операции со средствами бюджета осуществляются иными организациями в порядке, предусмотренном ст. 156 Бюджетного кодекса Российской Федерации, банковских счетов в иностранной валюте для учета операций с денежными средствами Фонда национального благосостояния, а также в случаях, предусмотренных бюджетным законодательством Российской Федерации, иных банковских счетов в валюте Российской Федерации и в иностранной валюте (ст. 23 Закона о банке России);
- Банк России безвозмездно оказывает Федеральному казначейству и его территориальным органам услуги по передаче финансовых сообщений в порядке, установленном действующим законодательством [7].

5. Взаимодействие Казначейства России и Федеральной службы по финансовому мониторингу.

Существуют некоторые финансовые отношения с участием Росфинмониторинга, в которых Казначейство России, несмотря на расширяющийся объем полномочий, все еще не участвует; при этом исходя из исследования сущности указанных финансовых отношений следует, что они требуют соответствующего участия.

В частности, речь идет о необходимости участия Федерального казначейства в Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма (далее – МВК), которая является постоянно действующим координационным органом, который образован с целью обеспечения согласованных действий органов государственной власти и организаций в сфере противодействия финансированию терроризма.

МВК образована на основании ст. 7.4 Федерального закона от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1].

Полномочия, которыми наделена МВК, позволяют ей принимать обоснованные решения об осуществлении замораживания (блокирования) имущества граждан и организаций. Принятие соответствующего решения возможно исключительно при наличии достаточных оснований для подозрения названных граждан и организаций к причастности к финансированию терроризма или распро-

странения оружия массового уничтожения, либо к причастности к легализации доходов, полученных преступным путем. Важно, что для принятия решения о блокировании имущества физических и юридических лиц должны отсутствовать особые основания, по которым таких лиц возможно включить в перечень лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к осуществлению терроризма либо экстремистской деятельности [8].

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 18 ноября 2015 г. № 562, МВК рассматривает материалы, представленные органами и организациями, которые содержат сведения о возможной причастности организации или физического лица к террористической деятельности, и проверяет достаточность оснований подозревать причастность организации или физического лица к террористической деятельности. По результатам рассмотрения полученных материалов и обращений МВК принимается решение либо об отсутствии оснований для блокирования имущества лица, в отношении которого поступила информация для проверки, либо решение о замораживании имущества. Заседания МВК проводятся по необходимости, при этом присутствие на заседании МВК всех ее членов является обязательным, а решение считается принятым в том случае, если за него проголосовали все члены МВК.

До настоящего момента на законодательном уровне и подзаконном уровне не определен перечень государственных органов, которые входят в состав в МВК и принимают решение о блокировании (замораживании) имущества физических лиц и организаций (установлено лишь, что состав МВК утверждается Президентом Российской Федерации).

Тем не менее, представляется необходимым и целесообразным обеспечение участия представителя в МВК от Федерального казначейства.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 26 апреля 2007 г. № 63-ФЗ, изложившим статью 166.1 Бюджетного кодекса РФ в новой редакции, полномочиями по приостановлению операций по лицевым счетам наделено Казначейство России [4].

Приостановление операций осуществляется совершенно по иным основаниям в отличие от замораживания имущества граждан и организаций в связи с подозрением о причастности к террористической деятельности (например, нарушения, которые связаны с непредставлением отчетности, связанной с использованием денежных средств, составляющих федеральный бюджет, в установленный срок).

Учитывая наличие соответствующих полномочий у Казначейства России, а также тот факт, что замораживание имущества по решениям МВК может осуществляться в том числе на счетах, открытых в Казначействе России, следует полагать, что целесообразно включить Казначейство России в состав Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма.

В результате проведенного анализа необходимо выделить несколько форм взаимодействия Федерального казначейства и иных органов, осуществляющих финансовый контроль:

- организационное взаимодействие: с Правительством Российской Федерации, Президентом Российской Федерации, Министерством финансов Российской Федерации;
- взаимодействие в связи с осуществлением финансового контроля: Правительство Российской Федерации, Президент Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации;
- кадровое взаимодействие: Правительство Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации, Президент Российской Федерации;
- взаимодействие в связи с работой с обращениями граждан и организаций, запросами государственных органов: Федеральное собрание Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации;
- информационное взаимодействие: Министерство финансов Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации, Банк России;
- нормотворческое взаимодействие: Министерство финансов Российской Федерации;
- взаимодействие в связи с обслуживанием единого казначейского счета: Банк России.

Литература

1. Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2001. № 33 (Часть I). – Ст. 3418.
2. Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 1996. № 31. – Ст. 3696.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2001 г. № 631 «Об утверждении Правил взаимодействия территориальных органов Федерального казначейства с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при учете региональных и местных налогов и сборов на счетах территориальных органов Федерального казначейства» (ред. от 02.03.2005) // Собрание законодательства РФ. – 2001. № 36. – Ст. 3579.
4. Постановление Правительства РФ от 05 июня 2003 г. № 328 «Об утверждении Правил приостановления операций по лицевым счетам главных распорядителей, распорядителей и получателей средств федерального бюджета, открытым в органах Федерального казна-

чейства» (ред. от 17.05.2004) // Собрание законодательства РФ. – 2003. № 23. – Ст. 2241.

5. Указ Президента Российской Федерации от 09 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 20.11.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2004. № 11 – Ст. 945.
6. Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1092 «О порядке осуществления Федеральным казначейством полномочий по контролю за использованием специализированными некоммерческими организациями, которые осуществляют деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, средств, полученных в качестве государственной поддержки, муниципальной поддержки капитального ремонта, а также средств, полученных от собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете (счетах) указанных специализированных некоммерческих организаций» (ред. от 17.08.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2013. № 49 (часть VII). – Ст. 6435.
7. Постановление Правительства РФ от 20 сентября 2014 г. № 963 «Об осуществлении банковского сопровождения контрактов» (вместе с «Правилами осуществления банковского сопровождения контрактов») (ред. от 20.09.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2014. № 39. – Ст. 5259.
8. Указ Президента Российской Федерации от 18 ноября 2015 г. № 562 «О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма» (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма») // Собрание законодательства РФ. – 2015. № 47. – Ст. 6576.
9. Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 21.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2018. № 20. – Ст. 2817.
10. Приказ Минфина России от 31 декабря 2019 г. № 262н «Об утверждении Порядка исполнения Федеральным казначейством решений о применении бюджетных мер принуждения, решений об изменении (отмене) указанных решений» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.03.2020 № 57914) (ред. от 07.08.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
11. Приказ Минфина России от 18 июня 2020 г. № 112н «Сведения о выявленных Федеральным казначейством, Счетной палатой Российской Федерации нарушениях, допущенных в отчетном периоде главным администратором для расчета показателей качества

финансового менеджмента». Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

12. Приказ Казначейства России от 10 апреля 2006 г. № 5н «Об утверждении Регламента Федерального казначейства» (ред. от 20.08.2018) (Зарегистрировано в Минюсте России 11.05.2006 № 7795) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 21.
13. Распоряжение РАН от 03 марта 2021 г. № 10115–180 «Сведения о выявленных Федеральным казначейством, Счетной палатой Российской Федерации нарушениях, допущенных Российской академией наук в отчетном периоде, представляемые в Министерство финансов Российской Федерации для проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого Российской академией наук (годовая)». Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».
14. Соглашение об информационном взаимодействии Счетной палаты Российской Федерации и Федерального казначейства (Заключено в г. Москве 16.05.2014) (ред. от 05.02.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
15. Бюджетное право: учебник / Н.Д. Вершило, Т.А. Вершило, О.Н. Горбунова и др.; под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2018. 400 с.
16. Финансовое право: Учебник / под ред. И.А. Цинделиани. 3-е изд. М.: Проспект, 2016. С. 231.

SOME PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE TREASURY OF RUSSIA AND OTHER BODIES EXERCISING STATE FINANCIAL CONTROL

Isaicheva A.A.

Saratov State Law Academy

The Treasury of Russia is a state executive body endowed with powers of state financial control. The obligatory nature of financial control is due to the need for the practical implementation of the functions of finance, that is, distributive, regulatory and control functions; in fact, financial control affects all social relations that arise in the course of financial activities. At the same time, in addition to the Treasury of Russia, a number of other state bodies are vested with powers in this area, and therefore the issue of delimiting the control powers of such bodies from each other is relevant. The article deals with some problems of interaction between the Treasury of Russia and other bodies exercising state financial control: the President of the Russian Federation; the Federal Assembly of the Russian Federation; the legislative bodies of the subjects of the Russian Federation; Government of the Russian Federation, governments and administrations of the subjects of the Russian Federation; Accounts Chamber of the Russian Federation; Central Bank of the Russian Federation; Federal Financial Monitoring Service; Ministry of Finance of the Russian Federation; Federal Treasury; Federal Tax Service of the Russian Federation; Federal Customs Service of the Russian Federation; Commissioner for Financial Consumer Rights.

Keywords: Treasury of Russia, financial control, state financial control.

References

1. Federal legislation of August 07, 2001 Apostille 115-FZ “O countermeasures and legalizations (from Apostille) of income, received by the Congress, and financed by terrorism” (Ed. from 30.12.2020) / / Sobranje legislates the Russian Federation. – 2001. 33 (Part Of The Apostille). – St. 3418.

2. Decree of the president of the Russian Federation of 25 July 1996 Apostille 1095 "O Merah on the basis of public financial control in the Russian Federation" (utratil Silu) // Sobranje legislates the Russian Federation. – 1996. № 31. – St. 3696.
3. Decree of the governments of the Russian Federation of August 28, 2001 631 "the rules and regulations of the interaction of territorial Urgench authorities of the federal state with the authorities of the regional authorities of the Russian Federation and the authorities of the local self-government in the study of the regional Urgench and the local extemporaneous tax and the collection of the national authorities of the Federal Republic of Bulgaria" (Ed. from 02.03.2005) // Sobranje legislates the Russian Federation. – 2001. № 36. – St. 3579.
4. Decree of the governments of the Russian Federation of 05 January 2003 328 "statements and rules of procedure in relation to the operation of the institution of the federal budget, etc." (Ed. since 17.05.2004) // Sobranje legislates the Russian Federation. – 2003. № 23. – St. 2241.
5. Decree of the president of the Russian Federation of 09 March 2004 314 "O system and structure of the federal Urgench authority" (Ed. from 20.11.2020) // Sobranje legislates the Russian Federation. – 2004. 11-St. 945.
6. Decree of the Russian government of November 28, 2013 No. 1092 "On the Procedure for the Implementation of the Federal Treasurer's Control Powers for the Execution of Specialized Non-Profit Organizations that Carry Out Activities Aimed at Ensuring the Overhaul of Common Property in Apartment Buildings, Funds Received as State Support, Municipal Property Maintenance of Capital Repairs, as well as Funds received from the Owners of Premises in Apartment Buildings, Forming capital repair funds on the accounts (accounts) of the specified specialized non-profit organizations" (Ed. from 17.08.2020) // Sobranje legislates the Russian Federation. – 2013. 49 (part of the Apostille). – St. 6435.
7. Decree of the governments of the Russian Federation of 20 September 2014 463 "rules of the Bank of the contract" (instead of "rules of the contract of the Bank of the contract") (Ed. from 20.09.2018) // Sobranje legislates the Russian Federation. – 2014. № 39. – St. 5259.
8. Decree of the president of the Russian Federation of 18 November 2015 562 "O interministerial Commission on countermeasures financed by terrorism" (instead of "O interministerial Commission on countermeasures financed by terrorism") // the Russian Federation shall legislate. – 2015. № 47. – St. 6576.
9. Presidential decree of May 07, 2018 204 "O national Urga I aimed and strategically set the development of the Russian Federation for the period until 2024" (Ed. from 21.07.2020) // Sobranje legislates the Russian Federation. – 2018. № 20. – St. 2817.
10. Tale of Minfina Russia from 31 December 2019 .262n "promulgation of the order of the great Federal Canberrans 7207914" (listed in minusta Rossiya 31.03.2020 57914) (Ed. from 07.08.2020). Pretty good. – legal system "consultant-plus".
11. Tale of Minfina Russia from 18 January 2020 No. 112n "Information on violations detected by the Federal Treasuries, the Accounts Chamber of the Russian Federation, committed in the reporting period by the chief administrator for calculating financial management indicators". "Consultant-plus".
12. The story was told by Russia on April 10, 2006. 5N "provisions of the federal regulations" (Ed. from 20.08.2018) (registered in minusta Rossii 11.05.2006 Apostille 7795) // bullet of normative paragliding of the Act federal Urgench authorities. 2006. № 21.
13. Race from 03 March 2021 No. 10115–180 "Information on violations detected by the Federal Treasuries, the Accounts Chamber of the Russian Federation, committed by the Russian Academy of Sciences in the reporting period, submitted to the Ministry of Finance of the Russian Federation for monitoring the quality of financial management carried out by the Russian Academic Science (annual)". Pretty good. legal system "consultant-plus".
14. Information interoperability of the Russian Federation and the Federal Kazanlak (concluded in D. Moscow 16.05.2014) (Ed. from 05.02.2016). Pretty good. – legal system "consultant-plus".
15. Budget law: textbook / N.D. Verschillo, T.A. Vershillo, Oh.N. Gorbunova and others.; in order. And.A. Cyndeliani. M.: Prospect, 2018. 400 P.
16. Financial law: textbook. And.A. Cyndeliani. 3rd ed. M.: Prospect, 2016. S. 231.

Правовое регулирование капитального ремонта многоквартирных домов, отнесенных к объектам культурного наследия

Курьякова Венера Фердинандовна,

Преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: kuriakova.vf@yandex.ru,

Актуальность темы связана с необходимостью сохранения культурного наследия, а также установления различных механизмов сохранения при реализации программы капитального ремонта многоквартирных домов (далее-МКД), отнесенных к таким объектам. Отмечается, что рассматриваемая сфера правоотношений зависит от особенностей правового режима исторических и культурных объектов, закрепленных в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ).

Объект культурного наследия, являющийся МКД при капитальном ремонте не позволяет использовать комплекс потенциально доступных правовых, организационных, технических, финансовых и иных инструментов, в основном из-за того, что акцент делается на государственную охрану самого объекта.

Отсутствие единых подходов в определении видов работ и сложность разрешительных процедур, являются проблемами, которые необходимо решать.

В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости корректировки правового регулирования на федеральном уровне, посредством синхронизации понятий и процедур, установление особого порядка финансирования.

Ключевые слова: многоквартирный дом, ремонт и сохранность объекта культурного наследия, государственная охрана, консервация, реставрация, капитальный ремонт, государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры».

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью сохранения объектов недвижимости истории и культуры, механизмы правового регулирования которого, должны идти четко со временем и социально-экономическими условиями развития. Исторически сложилось, что более широкое признание обществом и государством ценности и значимости этих объектов приводит к установлению различных механизмов их сохранения.

Вопросы эффективного правового регулирования мероприятий, направленных на сохранение и государственную охрану объектов культурного наследия (ОКН) выступают одними из наиболее сложных, многогранных и дискуссионных в российском современном обществе. Данное обстоятельство напрямую связано с отличительными особенностями правового режима исследуемых объектов, а кроме того, и со стремлением современного общества найти баланс интересов между конституционной обязанностью граждан страны по вопросу сохранения ОКН, правом на максимально комфортную, безопасную жизнь и эффективным развитием городских пространств.

Федеральный закон № 73-ФЗ «Об ОКН (памятниках культуры и истории) народов РФ» (Закон № 73-ФЗ) регулирует и закрепляет положения по сохранению и государственной охраны ОКН.

Помимо вышеуказанного закона, каждым отдельным субъектом РФ принимаются свои отдельные нормативно-правовые акты в данной области.

Следует подчеркнуть, что перечень ОКН являются довольно разнообразным. Иными словами, он включает в себя и такие исторические здания, как жилые многоквартирные дома (МКД). Отмечается, что МКД, которые причислены к ОКН, несут в себе историческую ценность и символизируют довольно уникальную архитектуру и культурную наследственность страны в целом.

В рамках изучения вопроса о сохранении ОКН, которые являются МКД определено, что на сегодняшний день преимущественная часть упомянутых объектов все еще продолжает использоваться по своему непосредственному назначению. Следовательно, существует потребность в безопасном функционировании подобных ОКН для обеспечения их сохранности и комфортного проживания граждан.

Основная часть

В рамках стратегии обновления мегаполисов, сохранение ОКН является возможным исключительно в комплексе успешного и эффективного градостро-

ительного планирования и зонирования. При всем при этом недвижимые ОКН, территория объекта и прилегающие к ней земли в обязательном порядке должны стать основным элементом в последующем развитии городов РФ.

Согласно Закону № 73-ФЗ, сохранение ОКН представляется возможным исключительно посредством разработки и внедрения целевых программ с непосредственным применением всевозможных источников финансирования.

Для реализации вышеуказанного сегодня созданы и эффективно реализуются программы государственного уровня в культурной сфере деятельности. Так, на территории нашего государства действует программа «Развитие культуры», рассчитанная на период до 2030 года. Стоит отметить, что упомянутая программа включает в себя Проект «Сохранение культурного и исторического наследия» федерального значения, а также подпрограмму «Развитие культурной инфраструктуры».

Согласно содержанию указанного Федерального проекта, органы власти к 2030 году планируют сформировать соответствующие условия для эффективного и надлежащего использования ОКН, а кроме того, реализовать порядка 365 проектов, направленных на их сохранение. При этом объем финансового обеспечения составляет порядка 26 676 259,0 тыс. руб. [10].

Именно за счет подобных программ и реализуется соответствующее финансовое обеспечение мероприятий, направленных на сохранение ОКН.

Как было отмечено ранее, каждый субъект РФ разрабатывает и внедряет дополнительные нормативно-правовые акты, направленные, в том числе и на реализацию подобных подпрограмм. К примеру, в Санкт-Петербурге до 2022 года действовала подпрограмма «Наследие», включенная в государственную программу «Развитие сферы культуры». На основании указанной подпрограммы осуществлялось финансирование текущих расходов, которые были направлены на выполнение мероприятий по сохранению ОКН. К данным мероприятиям относились следующие [9]:

- реализация мероприятий в сфере сохранения ОКН;
- предоставление субсидий религиозным организациям для реализации мероприятий, направленных на сохранение ОКН в г. Санкт-Петербург и находящихся в их собственности (на конкурсной основе).

Финансирование рассмотренных мероприятий за 2022 год составило более 15 000,0 млн руб.

На основании Постановления Правительства г. Санкт-Петербурга от 28.04.2004 № 651, КГИОП приступил к работам по реставрации Церкви Знамения, которая входит в состав ансамбля Императорского Царскосельского Лицея. Стоит отметить, что реставрация и ремонт данного сооружения выполнялся за счет средств бюджета Санкт-Петербурга, а итоговая сумма составила 117,1 млн руб. [12].

На территории Челябинской области, финансирование мероприятий, направленных на сохране-

ние ОКН реализуется в полном соответствии с государственной программой «Сохранение объектов культурного наследия» [11].

Согласно проведенному выше анализу действующего законодательства страны, можно сделать вывод, что правовое регулирование мероприятий, направленных на сохранение ОКН на территории субъектов РФ является схожими между собой. Отличия между ними встречаются только в отдельно взятых показателях, например: количество объектов, объем финансирования.

Начиная с 2014 года, когда были внесены соответствующие и существенные изменения в ЖК РФ, на территории нашего государства довольно активно и эффективно реализуется новая система капитального ремонта общего имущества МКД вне зависимости от того, присвоен ли им статус памятника или нет.

Регулирование отношений в исследуемой сфере реализуется нормами, закрепленными в ЖК РФ, а также Правилами содержания общего имущества в МКД и изменениями размера платы за содержание жилого помещения [6], а кроме того, и иными отдельными законами субъектов РФ. Подчеркивается, что обязанность по уплате соответствующих взносов за капитальный ремонт у собственников МКД возникает по истечении трех-восьми месяцев, следующих за месяцем, когда официально была опубликована региональная программа, в которую был включен жилой дом. Точный срок определяется на основании нормативно-правового акта, принятого в каждом субъекте РФ отдельно [7].

Согласно ч. 1 ст. 166 ЖК РФ определено, что если фонд капитального ремонта сформирован, отталкиваясь от минимального размера взносов собственников жилья, то за счет этих финансовых средств могут финансироваться соответствующие работы и (или) услуги по капремонту (например, ремонт внутридомовых систем, модернизация лифтов, ремонт крыши или фасада).

Следовательно, на территории каждого отдельного субъекта РФ реализуются соответствующие программы капитального ремонта общего имущества в МКД, обладающие региональным значением, направленные на формирование наиболее благоприятных условий проживания собственников.

Например, в Свердловской области, на основании Постановления Правительства Свердловской области от 22.04.2014 № 306-ПП принята упомянутая выше программа, а кроме того, от 19.12.2013 принят Закон Свердловской области № 127-ОЗ «Об обеспечении проведения капремонта общего имущества в МКД в Свердловской области».

Территория Калининградской области является довольно богатой на исторические архитектурные сооружения, среди которых имеются и МКД. Всего в региональную программу капремонта региона включено порядка 385 домов ОКН, где проживают 13 тыс. чел. Их общая площадь составила 326 тыс. кв.м., а размер финансовых затрат составляет порядка 404 млн руб. [Отчёт за 2020].

На территории Санкт-Петербурга рассматриваемая программа, с точки зрения ее правового регулирования, реализуется несколько иначе. Иными словами, выполнение работ по исследуемой программе осуществляется на основании постановления Правительства Санкт-Петербурга от 18.02.2018 № 84. Финансирование соответствующих работ осуществляется за счет средств государственной поддержки, а кроме того, и финансовых средств фонда капремонта и подпрограммы «Наследие», входящей в программу «Развитие сферы культуры в г. Санкт-Петербург».

В Региональную программу включено порядка 22 165 МКД (исключение – аварийные МКД) не зависимо от того, присвоен ли им статус ОКН или нет. Из указанного количества МКД, порядка 1850 сооружений относятся к ОКН. Подчеркивается, что **ОКН МКД**, где имеется более простая отделка, подлежат реконструкции по действующей программе капремонта.

Помимо вышеуказанного, на основании Постановления Правительства Санкт-Петербурга от 30.12.2019 № 1021 ОКН МКД утверждены в общем количестве 255 сооружений.

Стоит отметить, что в рамках рассматриваемой подпрограммы, на территории Санкт-Петербурга реализуется разработка соответствующей проектной документации, проводятся экспертизы и специализированные производственно-реставрационные работы. При этом общая стоимость работ составит 17 051,9 млн руб. [12].

Подчеркивается, что субъекты РФ, причисленные к городам федерального значения, нашли довольно эффективный выход из ситуации, связанной с созданием подпрограммы и дополнительного финансирования, чего другие регионы с незначительным финансированием в данной сфере позволить себе никак не могут.

Поэтому можно было бы констатировать, что приведенные нормы в полной мере гармонируют с требованиями Закон № 73-ФЗ, однако органы власти субъектов РФ, не являющиеся упомянутыми городами, сталкиваются с рядом проблем.

Особенности правового режима ОКН, независимо от формы собственности, накладывают ограничения не только на земельные и градостроительные правоотношения, но влияют на реализацию мероприятий по капитальному ремонту предусмотренные ЖК РФ.

Отмечается, что на территории ОКН категорически запрещается проведение таких ремонтных работ, которые не связаны с сохранением ОКН или его отдельных частей, а также не связанных с сохранением историко-градостроительной среды или природной среды в целом [3].

На основании Закона № 73-ФЗ [5] закрепляются отличительные особенности использования ОКН, выступающего в качестве МКД: «Охранные обязательства, содержащие требования в отношении жилых помещений в МКД, подлежат выполнению собственниками таких жилых помещений...» [ст. 56.1].

При этом они являются связанными, как с требованиями, предъявляемыми к содержанию мероприятий по государственной ОКН, так и с сохранением памятников истории и культуры.

Подчеркивается, что к ремонтным работам, проводимым на территории ОКН, предъявляются повышенные и особенные требования. Данные требования официально закреплены и содержатся в Законе № 73-ФЗ. Стоит отметить, что упомянутые требования довольно сильно различаются с нормами, закреплёнными в ЖК РФ и действующих законах субъектов РФ по проведению капремонта в МКД.

Если не принимать во внимание консервацию ОКН, что выступает в качестве специальной и необходимой меры, связанной с недопущением ухудшения состояния памятника истории и культуры, то необходимо рассмотреть следующие основные виды работ, направленные на сохранение ОКН [1]:

1) ремонт памятника. На основании ст. 42 Закона № 73-ФЗ определено, что соответствующие работы реализуются для обеспечения поддержания надлежащего эксплуатационного состояния памятника без внесения изменений в его отличительные особенности, что и составляет сам предмет данной охраны;

2) реставрация памятника или ансамбля. Согласно ст. 43 Закона № 73-ФЗ закреплено, что соответствующие работы проводятся для выявления и последующей сохранности историко-культурной ценности ОКН;

3) приспособление ОКН для современного использования. На основании ст. 44 Закона № 73-ФЗ, соответствующие работы реализуются для формирования всех необходимых условий, направленных на современное использование ОКН, в том числе и реставрацию отдельных его элементов, представляющих особую ценность историко-культурного характера.

Следует особо подчеркнуть, что действующий национальный стандарт РФ, в рамках которого определяются и закрепляются состав и содержание документации по сохранению ОКН, применяет довольно разные понятия и определения, что в результате приводит к некоторым противоречиям при реализации такой программы, как программа капремонта. К подобным противоречиям можно отнести, в том числе и ремонтно-реставрационные работы, проект реставрации и другие.

Представленные выше виды работ целесообразно систематизировать по следующим основным критериям [1]:

- ремонт памятника. Данный вид работ применяется для того, чтобы сохранить и поддержать в соответствующем эксплуатационном состоянии отдельные элементы памятника, которые составляют сам предмет охраны;
- реставрация памятника или ансамбля. Рассматриваемый вид работ используется для восстановления и проведения соответствующих ремонтных работ памятника или отдельных его

элементов (в т.ч. и утраченных), представляющих культурно-историческую ценность. Следовательно, данный вид ремонтных работ является более объемным определением, в отличие от простого проведения ремонта;

- приспособление ОКН для современного использования. Рассматриваемый вид работ представляет собой комплексную процедуру. Данная процедура включает себя реставрационные работы и мероприятия, направленные на формирование таких соответствующих условий, которые способствуют современному и эффективному использованию ОКН. Иными словами, «приспособление» подразумевает под собой возможность формирования и соответствующего добавления в отношении ОКН новых отдельных элементов, согласно современным потребностям и уровнем технологического развития.

Стоит особо подчеркнуть, что на основании Приказа Минкультуры России от 25.06.2015 № 1840 определено, что при приемке работ по сохранению недвижимых ОКН соответствующим образом утверждается вся отчетная документация, а также выдаётся акт приемке о выполненных работах от уполномоченного на это органа.

Например, при наличии задания органа по охране ОКН на реставрацию и приспособление ОКН для использования, собственник во избежание строительной экспертизы пытается восстановить несущие конструкции посредством капремонта (при этом орган по охране памятников согласует это проектное решение с одними пользователями и не согласует с другими). В противном случае, суд выносит решение о понуждении собственника произвести реставрацию там, где они утрачены [2].

Помимо вышеуказанного, согласно рассматриваемому нормативному документу, проектировщики и подрядчики должны обладать знаниями и определенным опытом в сфере сохранения ОКН, а кроме того, периодически проходить аттестацию по профилю. В рамках выполнения исследуемых работ в обязательном порядке следует соблюдать весь перечень требований, предъявляемый к сохранению оригинальности материалов и конструкций, применению всевозможных аутентичных технологий, а помимо этого, и сохранению целостного исторического облика и контекста ОКН. После выполнения всех работ принимается решение о приемке уполномоченным на это органом.

Согласно п. 14.2 ст. 1 ГрК РФ закреплено определение такого понятия, как «капитальный ремонт объектов капитального строительства (ОКС)», а также перечень работ, подразумеваемых под ним. Так, к перечню работ относятся следующие: замена и (или) восстановление строительных конструкций ОКС или их отдельных элементов (исключение – несущие строительные конструкции); замена и (или) восстановление систем и сетей инженерно-технического обеспечения ОКС или их отдельных элементов; замена и (или) восстановление определенных элементов несущих строитель-

ных конструкций на идентичные или иные более эффективные и современные, позволяющие улучшить их показатели [8].

Принимая во внимание изученные выше вопросы можно сделать вывод о том, что если требуется выполнение работ, связанных с сохранением ОКС, которые могут затронуть конструктивные и иные отдельные характеристики надежности и безопасности ОКС, то в обязательном порядке следует соблюдать и применять установленные законом порядки, которые являются взаимодополняемыми. К ним относятся разрешительные мероприятия, установленные и закрепленные в Законе № 73-ФЗ. Согласно упомянутым мероприятиям, определяется порядок получения задания и соответствующих разрешений на работы и на прохождение экспертизы проектной документации, а также разрешение на строительные работы и на ввод объекта в эксплуатацию, что в свою очередь предусмотрено ГрК РФ.

Разъяснения по исследуемому вопросу, представленные Минкультуры России, в полной мере отражают требования двух упомянутых выше нормативно-правовых документов, а именно: «если предполагаемые к проведению работы на ОКН связаны с изменением его исторической конструктивной схемы и объемно-планировочной структурой, т.е. с изменением параметров и (или) его частей за счет проведения перепланировки или освоения подземного пространства, заменой и (или) восстановлением несущих строительных конструкций объекта или заменой и (или) восстановлением определенных элементов несущих строительных конструкций на идентичные или иные более эффективные и современные, позволяющие улучшить их показатели, то подобные работы относятся к таким видам, которые затрагивают конструктивные и иные характеристики надежности и безопасности ОКН» [13].

При всем при этом выдача соответствующей документации разрешительного характера будет осуществляться уполномоченным органом охраны ОКН.

Подчеркивается, что схожая позиция отражена и в другом разъяснительном письме, представленном Минкультуры России: «работы по консервации, реставрации и приспособлению к использованию осуществляются согласно установленным правилам проведения работ по сохранению ОКН, а производственные работы при этом осуществляются на основании положений, закреплённых в ГрК РФ и при полном соблюдении требований Закона № 73-ФЗ» [14].

Следовательно, под сохранением ОКН понимаются меры, которые направлены на соответствующее обеспечение, как их физической сохранности, так и их историко-культурной сохранности, предусматривающие под собой консервацию, ремонт, реставрацию, приспособление ОКН для современного практического использования и включающие научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, а кроме того научное руководство проведением работ, на-

правленным на сохранение ОКН, а также техниче-ский и авторский надзор за их проведением [4].

Но при реализации программы по капремонту ОКН в обязательном порядке следует принимать во внимание то обстоятельство, что для некоторых из них требуется проведение реконструкции или восстановления, осуществление которых несколько выходит за рамки рассматриваемой программы, а использование денежных средств из фонда на упомянутые цели категорически запрещено.

На основании вышеуказанного, рассмотрение соотношения классификации видов работ, которые закреплены в Законе № 73-ФЗ, считается довольно актуальной задачей в сфере охраны и использования ОКН. В обязательном порядке следует определить возможность синхронизаций понятий видов работ и действий уполномоченных органов по капремонту с процессом ремонта, реставрации и приспособления для использования ОКН, выступающих в качестве МКД.

В специализированной литературе исследователями озвучивается мнение о том, что представленные в законодательстве формулировки являются крайне неудачными, а также они не определяют специальных критериев, которые предоставили бы возможность отнести запланированные работы к определенному виду работ, связанных с сохранением [1].

Следовательно, при реализации программы по капремонту ОКН в обязательном порядке следует принимать во внимание то обстоятельство, что для некоторых из них требуется проведение ряда дополнительных работ (например, научно-исследовательские). В отдельных случаях идентичные работы следует проводить для определения истинного предмета охраны ОКН. Подчеркивается, что работы, связанные с капремонтом общего имущества в ОКН, представляется возможным начать исключительно после того, как будет получено соответствующее задание от уполномоченного органа субъекта РФ, а кроме того, разработки научно-проектной документации, что завершается актом о приемке работ. Помимо вышеуказанного также следует принимать во внимание и то, что ремонт ОКН относится к числу наиболее масштабных и дорогостоящих мероприятий, которые также требуют довольно существенных, как финансовых затрат, так и временных.

Необходимых финансовых средств в фонде капремонта на рассматриваемые виды работ является недостаточным, а финансовые средства из консолидированного бюджета на их реализацию не выделяются в небольших объемах.

Вышеперечисленные обстоятельства приводят к ее одной глобальной проблеме, которая на сегодняшний день не нашла соответствующего правового регулирования. К данной проблеме относится финансирование капремонта МКД, которые относятся к ОКН.

Заключение

Налицо не только конкуренция положений ЖК РФ, Закона № 73-ФЗ и ГрК РФ в условиях реализации

программы капремонта, но и отсутствие синхронизации полномочий уполномоченных на это органов публичной власти.

Положения ЖК РФ, регулирующие вопросы капремонта и требования Закона № 73-ФЗ в отношении МКД, причисленных к ОКН в обязательном порядке должны согласовываться между собой, не порождая при этом бездействий со стороны уполномоченных органов охраны.

Однако определенные на законодательном уровне процедуры по регулированию отношений в области сохранения ОКН и капремонта общего имущества наглядно свидетельствуют об отсутствии юридического механизма, который не позволяет эффективно решить вопрос с МКД, причисленным к ОКН. Как следствие, преимущественное большинство МКД, которые причислены к ОКН, все еще остаются довольно ветхими, аварийными и не могут должным образом быть восстановлены. В результате это приводит к потере исторической памяти, а кроме того, и дальнейшему ухудшению состояния подобных сооружений.

Сегодня в России действует программа «Стратегия развития строительной отрасли и ЖКХ РФ до 2035 года». Данная программа включает следующие основные направления:

- определение ряда механизмов, которые предоставляют возможность проводить капремонт ОКН и работы, связанные с заменой лифтового оборудования в МКД;
- определение особого порядка по вопросу финансирования капремонта МКД, причисленных к ОКН с непосредственным привлечением денежных средств из федерального, регионального и местного бюджетов в непосредственной зависимости от того, к какой именно категории причислен тот или иной ОКН;
- обеспечение безопасности ОКС-ОКН;
- синхронизация и оптимизация процедур, которые предусмотрены проведением экспертиз проектной документации, экологической и историко-культурной, а кроме того сокращения ряда тех объектов, в отношении которых предполагается проведением экспертизы проектной документации.

Для решения этих проблем в обязательном порядке следует разработать эффективные правовые средства к ремонту и сохранению МКД, они позволят синхронизировать понятия ремонтов разных отраслей права. Это поможет в дальнейшем создать упрощенную юридическую конструкцию проведения капремонта на таких объектах, а кроме того привлечь инвестиции для финансирования данной сферы.

Для решения всех указанных вопросов, существенную роль на федеральном уровне должна сыграть государственная политика в области сохранения ОКН и культурного наследия России.

Литература

1. Алексеев М.С., Арутюнян Л.В., Бурденко Ю.С., Оболенская М.А., Персиянцева А.А., Перфи-

- лева В.Ю., Степанова Л.И. Юридический справочник застройщика / под ред. Д.С. Некрестьянова. 3-я ред. // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.04.2023).
2. Мельникова Е.Н. Существуют ли легальные основы реконструкции зданий, являющихся объектами культурного наследия? // Российский юридический журнал. 2021. N4. С. 161–178. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.04.2023).
 3. Серова А.И. Выполнение работ по сохранению объекта культурного наследия: НДС у подрядчика и заказчика // НДС: проблемы и решения. 2020. N12. С. 52–62.//СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.2023).
 4. Тихомирова Л.А. Государственный строительный надзор // СПС КонсультантПлюс. 2018. Подготовлен для системы КонсультантПлюс (дата обращения: 14.04.2023).
 5. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»//СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.2023).
 6. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491(ред. от 27.03.2023) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» //СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.2023).
 7. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.2023).
 8. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021)//СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.2023).
 9. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. URL: <https://kgi-or.gov.spb.ru/> // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.2023).
 10. Портал Государственных программ РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/11> (дата обращения: 20.04.2023)
 11. Правительство Челябинской области Постановление от 17 июля 2020 года N348-П О внесении изменения в постановление Правительства Челябинской области от 20.12.2016 г. N675-П. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570859772> (дата обращения: 20.04.2023)
 12. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории

и культуры Санкт-Петербурга. URL: <https://kgi-or.gov.spb.ru/> (дата обращения: 20.04.2023)

13. Разъяснение Минкультуры России от 02.12.2019 N18930–12–02 «О работах по сохранению культурного наследия». URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minkultury-Rossii-ot-02.12.2019-N-18930-12-02/?ysclid=lh07ezatxm103946355> (дата обращения: 20.04.2023)
14. Письмо Минкультуры России от 24.03.2015 N90–01–39-ГП «О порядке проведения и приемки работ по сохранению объекта культурного наследия». URL: <https://culture.gov.ru/documents/pismo-minkultury-rossii-ot-24-03-2015-90-01-39-gp-o-poryadke-provedeniya-i-priemki-rabot-po-sokhrane/> (дата обращения: 20.04.2023)

LEGAL REGULATION OF CAPITAL REPAIRS OF APARTMENT BUILDINGS CLASSIFIED AS OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE

Kuryakova V.F.

V.F. Yakovlev Ural State Law University

The relevance of the topic is connected with the need to preserve cultural heritage, as well as the establishment of various conservation mechanisms during the implementation of the program of capital repairs of apartment buildings (hereinafter referred to as MKD) classified as such objects.

It is noted that the sphere of legal relations under consideration depends on the specifics of the legal regime of historical and cultural objects enshrined in Federal Law No. 73-FZ of June 25, 2002 “On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation” (hereinafter – Law No. 73-FZ). The object of cultural heritage, which is an ICD during major repairs, does not allow the use of a set of potentially available legal, organizational, technical, financial and other tools, mainly due to the fact that the emphasis is on state protection of the object itself.

The lack of unified approaches in determining the types of work and the complexity of licensing procedures are problems that need to be addressed.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that it is necessary to adjust the legal regulation at the federal level, through the synchronization of concepts and procedures, the establishment of a special order of financing.

Keywords: apartment building, repair and preservation of the object of cultural heritage, state protection, conservation, restoration, major repairs, the state program of the Russian Federation “Development of culture”.

References

1. Alekseev M.S., Harutyunyan L.V., Burdenko Yu.S., Obolenskaya M.A., Persiyantseva A.A., Perfilova V. Yu., Stepanova L.I. The legal directory of the developer / edited by D.S. Nekrestyanov. 3rd ed. // SPS ConsultantPlus. (date of application: 04/10/2023).
2. Melnikova E.N. Are there legal bases for the reconstruction of buildings that are objects of cultural heritage? // Russian Law Journal. 2021. N4. p. 161–178. // SPS ConsultantPlus (accessed 10.04.2023).
3. Serova A.I. Performance of works on preservation of the object of cultural heritage: VAT from the contractor and the customer // VAT: problems and solutions. 2020. N12. p. 52–62.//SPS ConsultantPlus (date of reference: 12.04.2023).
4. Tikhomirova L.A. State construction supervision // SPS ConsultantPlus. 2018. Prepared for the ConsultantPlus system (date of application: 04/14/2023).
5. Federal Law No. 73-FZ of 25.06.2002 (ed. of 12/21/2021) “On Cultural Heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation”//SPS ConsultantPlus (date of application: 04/12/2023).

6. Decree of the Government of the Russian Federation of 13.08.2006 No. 491 (ed. of 27.03.2023) "On approval of the Rules for the maintenance of common property in an apartment building and the rules for changing the amount of payment for the maintenance of residential premises in the case of services and work on the management, maintenance and repair of common property in an apartment building of inadequate quality and (or) intermittently, exceeding the established duration" // SPS ConsultantPlus (date of application: 12.04.2023).
7. "Housing Code of the Russian Federation" dated 29.12.2004 No. 188-FZ (ed. of 11/21/2022) (with amendments and additions, intro. effective from 01.03.2023) //SPS ConsultantPlus (date of application: 12.04.2023).
8. "Urban Planning Code of the Russian Federation" dated 29.12.2004. No. 190-FZ (ed. of 02.07.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 01.10.2021)//SPS ConsultantPlus (accessed 12.04.2023).
9. Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments of St. Petersburg. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru> // SPS ConsultantPlus (accessed 12.04.2023).
10. Portal of State programs of the Russian Federation. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/11> (date of appeal: 04/20/2023)
11. The Government of the Chelyabinsk Region Resolution No. 348-P of July 17, 2020 On Amendments to the Resolution of the Government of the Chelyabinsk Region dated 12/20/2016 No. 675-P. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570859772> (date of application: 04/20/2023)
12. Committee on State control, use and protection of historical and cultural monuments of St. Petersburg. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru> / (accessed: 04/20/2023)
13. Explanation of the Ministry of Culture of Russia dated 02.12.2019 N18930-12-02 "On the preservation of cultural heritage". URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minkultury-Rossii-ot-02.12.2019-N-18930-12-02/?ysclid=Ih07ezatxm103946355> (date of application: 04/20/2023)
14. Letter of the Ministry of Culture of Russia dated 03/24/2015 N90-01-39-GP "On the procedure for carrying out and acceptance of works to preserve the object of cultural heritage". URL: <https://culture.gov.ru/documents/pismo-minkultury-rossii-ot-24-03-2015-90-01-39-gp-o-poryadke-provedeniya-i-priemki-rabot-po-sokhrane> / (accessed: 04/20/2023)

Юридическое закрепление конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина в рамках установленных законодательством целей

Куценко Ольга Викторовна,

преподаватель, начальник отдела контроля, анализа и учёта поручений Управления делами Департамента организационной и кадровой работы Московского авиационного института
E-mail: kutsenkoov@mai.ru

В статье рассматриваются проблемы юридического закрепления конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина в рамках установленных законодательством целей.

Анализируются современные правовые позиции и возникающие дискуссии ученых конституционного права к пониманию всех основ ограничений прав и свобод граждан с точки зрения целей их введения. Исследуются законодательно-правовые требования к возникновению ограничений прав и свобод человека в современном демократическом государстве Российской Федерации. Проанализированы практические примеры введения ограничений прав и свобод граждан в целях, установленных законодателем, в различных отраслях жизнедеятельности общества и закрепленных в Федеральном законодательстве Российской Федерации. А также систематизированы и приведены дискуссионные вопросы в науке конституционного права о положительной и негативной практике действующего законодательства об ограничениях прав и свобод граждан в указанных Конституцией РФ целях.

Методологическую основу научного исследования составила совокупность общенаучных и частных методов, таких как сравнительно-правовой, диалектический, исторический, статистический, оценочный анализ и др.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, цели конституционных ограничений; ограничение прав и свобод человека и гражданина; пределы конституционных ограничений.

Основополагающей и фундаментальной целью ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина является удовлетворение максимально возможных потребностей частного и публичного характера личности. Подразумевается, что вводимые ограничения прав граждан должны настолько выстроить и отрегулировать поведение каждого субъекта общества, чтобы не были ущемлены, умалены или нарушены права и интересы остальных граждан и государства в целом.

При изучении целей вводимых ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина, часто используют классификацию их деления в зависимости от направленности действия – на защиту публичных интересов общества (религиозных, моральных, этических, физических и иных ограничений) и на защиту частных интересов граждан в конкретных условиях и обстоятельствах. Для сравнения целей вводимых ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина в вышеуказанной классификации целесообразно рассматривать ограничения, регулирующие различные отрасли права, закрепленные на федеральном уровне.

Рассматривая цели вводимых ограничений конституционных прав и свобод граждан, В.С. Соловьев утверждал, что: «что сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага» [1, с. 10].

Другой ученый Е.Н. Трубецкой утверждал, что: «если свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаниями, там нет вообще никакого права: существенным признаком права является правило или норма, ограничивающая свободу» [2, с. 7]. Эту позицию продолжает С.С. Алексеев, говоря о том, что: «именно праву, а не какому-либо иному социальному институту дано быть «умерителем» свободы человека, ее гарантированным носителем, определителем ее границ, способом переключения в творческую, созидательную активность» [1, с. 15].

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

А.А. Подмарев, в своих научных трудах большое внимание уделяет целям ограничений конституционных прав и свобод граждан, он анализирует конституционные ограничения прав и свобод чело-

века, и говорит, что: «ограничение права (свободы) человека (гражданина) – это установленные законодательством пределы (границы) реализации (осуществления) человеком (гражданином) прав (свобод), выражающихся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых детерминировано необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей и назначением которых является обеспечение баланса между интересами личности, общества и государства» [4, с. 5].

Утвержденные в части 3 статьи 55 Конституции РФ положения о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства гарантируют правовую защиту населению их закрепленных и неотъемлемых прав и свобод и сдерживают других лиц от совершения иных неблагоприятных действий, нарушающих права и свободы остальных индивидов.

В науке конституционного права ведется на протяжении длительного времени научная дискуссия о таких неоднозначных понятиях, как «умаление права», «ограничение права», «отрицание права» и «отмена права» в контексте прав и свобод человека и гражданина. Но в части 2 ст. 55 Конституции РФ закреплено положение о том, что: «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Ученый Г.А. Гаджиев утверждает, что: «закон, принятый законодателем без учета целей, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, и не в той мере, в какой это необходимо, будет умалять права и свободы гражданина» [5, с. 267]. Действительно, при введении тех или иных ограничений в отношении граждан законодатель должен учитывать утвержденные цели, иначе будет потерян смысл и легальность вводимых мер и ограничений.

Большое значение среди классификации целей ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина имеет охрана основ конституционного строя. Особую важность и значимость имеет данная цель ограничения конституционных прав и свобод граждан, поскольку главе, определяющей положения об охране основ конституционного строя выделено весомое место в Конституции Российской Федерации. При введении законодателем или специально-уполномоченными государственными должностными лицами ограничений конституционных прав и свобод граждан необходимо уточнить, на защиту каких именно ценностей и интересов (частных или государственных) направлено ограничение.

Другой целью вводимых ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина является охрана нравственности. Такие понятия как мораль и право имеют тесно связаны между

собой по многим причинам. Мораль играет значимую роль в этапах зарождения права и начала правовых отношений. Нормы морали неотъемлемы и задействованы во многих отношениях, возникающих между людьми по поводу реализации ими своих прав и свобод. В науке конституционного права существует позиция ученых о том, что норма морали не может быть полностью реализована в норме права, поскольку она, приобретая облик нормы права утрачивает свое основное качество и становится обязательной к исполнению для субъектов права. Этот вопрос в науке является спорным, поскольку ряд ученых считает обратное и утверждает, что любая правовая норма имеет в себе моральные истоки и содержание, и не может существовать норма права без истоков в ней нормы морали. Тем не менее, такая цель ограничения конституционных прав и свобод как охрана нравственности, сформулирована в законе в общих чертах, т.е. без уточнения отдельных конкретных черт, поскольку в правовой норме могут содержаться лишь малая часть норм морали.

Следующей целью введения ограничений прав и свобод человека и гражданина является охрана их здоровья. Жизнь и здоровье является не только одним из первостепенных элементов жизнедеятельности самого гражданина, но и достоинством всего общества и государство уделяет этому немаловажную роль. Одной из важнейших функций государства является охрана и поддержание здоровья населения. Положения Конституции РФ, конкретизирующие ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, вводимые государством с целью обеспечения и охраны их здоровья, закреплены в различных федеральных законах, регулирующих практически все сферы жизнедеятельности общества. Например, в соответствии с Федеральным законом от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» въезд и проживание на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства должен быть запрещен, если будет выявлено, что есть медицинский документ, подтверждающий, что состояние их здоровья создает реальную угрозу для безопасности и здоровья населения. Еще одним примером можно назвать пп. 6 п. 1 ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации, утвержденного от 29.12.1995 № 223-ФЗ, в котором сказано об ограничениях прав на усыновление детей лицами, имеющим определенные медицинские заболевания, перечень которых определен в Постановлении Правительства РФ от 14.02.2013 № 117 «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), в целях защиты и охраны здоровья усыновляемых детей. Еще одним примером можно привести ст. 33 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», в которой четко закреплена возможность ограничения права на медицинскую

тайну у больных тяжелыми инфекционными заболеваниями, утвержденные перечнем в вышеуказанном законе, поскольку за ними закрепляется отсутствие права свободного перемещения на территории Российской Федерации, в целях предотвращения массовых заболеваний и защиты здоровья остальных граждан.

Право представляет собой меру свободы и определяет должное поведение индивидов. Главным признаком права является норма, которая ограничивает свободу действий граждан и определяет их взаимодействие с другими членами общества. Для осуществления функции государства по охране прав, свобод и законных интересов граждан от действий других лиц необходимо определить способ такого ограничения прав граждан. Человек в обществе является его главной структурной ячейкой и не существует отдельно от общества и государства в целом. При введении тех или иных ограничений конституционных прав и свобод законодателю необходимо учитывать интересы не каждого конкретного индивида, а интересы всех граждан. При осуществлении каждым гражданином своих гарантированных прав и свобод в обществе происходит противоречие по отношению к другим гражданам. В случае превышения своих прав и свобод в обществе, гражданин столкнется с тем, что права и свободы другого человека могут быть затронуты или вовсе ущемлены, и возникнет противоречие. Ведь в Конституции Российской Федерации закреплено равенство всех граждан перед законом. Для обеспечения цели недопущения злоупотребления при реализации своих прав и свобод у граждан между собой существует необходимость определения не только целей введения ограничений, но и их способы взаимного ограничения. Данная функция у государства является важной и необходимой и предоставляет гражданам в равной мере реализовывать свои права и свободы, не ограничивая других для достижения общего благосостояния и функционирования общества. При нахождении баланса интересов граждан и общества, принципа соразмерности вводимых ограничений прав и свобод граждан, а также соблюдения гражданами законодательства в этой области получится соблюсти принцип законности при введении ограничения прав и интересов в установленных законодательством целях [6, с. 9].

Другой не менее значимой целью ограничения конституционных прав и свобод граждан является обеспечение безопасности и обороны государства. При введении ограничительных мер в отношении прав и свобод своих граждан, государство имеет целью не только сохранение своего суверенитета, территориальных границ и целостности, но и обеспечение нормального функционирования общества ради безопасности жизни и здоровья граждан и общества в целом.

Особый характер цель ограничения прав и свобод граждан по обеспечению безопасности и обороны приобретает при условии введения режимов чрезвычайного или военного положений. В поло-

жениях ст. 2277 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» закреплено, что: «ввод чрезвычайного положения на всей территории Российской Федерации или в отдельных ее субъектах возможен при наличии обстоятельств, которые представляют реальную угрозу безопасности жизни граждан или конституционному строю Российской Федерации, устранение которой невозможно без применения чрезвычайных мер, а перечень прав и свобод, которые могут ограничиваться, четко закреплен» [7]. В нормах части 3 статьи 56 Конституции РФ перечислен перечень прав и свобод граждан, которые не подлежат ограничению, такие как: «право на жизнь, на достоинство личности, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, на свободу совести, вероисповедания, на жилище, на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также ряд прав, связанных с осуществлением судебной защиты и уголовным судопроизводством» [10].

В положениях ст. 375 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» закреплено, что: «в условиях военного положения права и свободы человека могут ограничиваться даже в том случае, если об ограничении нет упоминания в Конституции РФ. Военное положение вводится при наличии агрессии или непосредственной угрозы агрессии против России» [8]. Вышеуказанным федеральным конституционным законом закреплена возможность ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина настолько, насколько это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства, но при этом, не затрагивая неотъемлемых и закрепленных конституционных прав и свобод граждан. Подмарев А.А, анализируя ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации, отметил, что: «ограничения прав человека расширяют полномочия государственных органов и в условиях военного положения являются одним из инструментов, позволяющих отразить агрессию и восстановить конституционный порядок» [9, с. 96].

На основании вышеизложенного можно сказать о том, что вопросы об определении целей вводимых ограничений конституционных прав и свобод граждан являются актуальными, поскольку способы введения ограничений, их пределы весьма дискуссионный в науке конституционного права. Вопросы ограничения прав и свобод граждан являются первостепенными для правового государства, имеющего цели охраны жизни и здоровья населения, обеспечения своей безопасности и целостности своих границ, защиты основ конституционного строя, а также нахождения баланса при реализа-

ции прав и законных интересов гражданами и легитимность вводимых мер.

Литература

1. Соловьев В.С. Нравственность и право // История философии права. СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. С. 460–461.
2. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 291.
3. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность / С.С. Алексеев. Москва: Норма, 2001.
4. Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Подмарев. Саратов, 2001.
5. Гаджиев Г.А. Основные экономические права (сравнительно-правовое исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных стран): диссертация доктора юридических наук. М., 1996. С. 267–268.
6. Несмеянова С.Э., Колобаева Н.Е. Конституционное ограничение основных прав и свобод человека // Российское право: образование, практика, наука. 2018. No 3 (105). С. 9–16. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-ogranichenie-osnovnyh-prav-i-svobod-cheloveka> (дата обращения: 12.05.2023)
7. О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. No 3-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. No 23, ст. 2277.
8. О военном положении: федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 янв. 2002 г. No 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. No 5, ст. 375.
9. Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. Изд-во Саратовского университета. 2018. Т. 18. Выпуск 1. С. 96–100.
10. Научно-практический комментарий к Конституции РФ / Ответственный редактор В.В. Лазарев, 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Спарк, 2001.

LEGAL CONSOLIDATION OF THE CONSTITUTIONAL RESTRICTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE GOALS ESTABLISHED BY LAW

Kutsenko O.V.
Moscow Aviation Institute

The article deals with the problems of legal consolidation of the constitutional restriction of human and civil rights and freedoms within the framework of the goals established by law.

The article analyzes the current legal positions and emerging discussions of constitutional law scholars to understand all the bases of restrictions on the rights and freedoms of citizens from the point of view of the purposes of their introduction. The article examines the legislative and legal requirements for the emergence of restrictions on human rights and freedoms in the modern democratic state of the Russian Federation. Practical examples of the introduction of restrictions on the rights and freedoms of citizens for the purposes established by the legislator in various sectors of society and enshrined in the Federal Legislation of the Russian Federation are analyzed. It also systematizes and presents debatable issues in the science of constitutional law about the positive and negative practice of current legislation on restrictions on the rights and freedoms of citizens for the purposes specified by the Constitution of the Russian Federation.

The methodological basis of the scientific research was a combination of general scientific and private methods, such as comparative legal, dialectical, historical, statistical, evaluative analysis, etc.

Keywords: human and civil rights and freedoms, goals of constitutional restrictions; restriction of human and civil rights and freedoms; limits of constitutional restrictions.

Reference

1. Soloviev V.S. Morality and law // History of the Philosophy of Law. St. Petersburg: Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. pp. 460–461.
2. Trubetskoy E.N. Proceedings on the Philosophy of law. St. Petersburg, 2001. pp. 291.
3. Alekseev S.S. The Secret of law: His understanding, purpose, social value / S.S. Alekseev. Moscow: Norm, 2001.
4. Podmarev A.A. Constitutional foundations of the restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences / A.A. Podmarev. Saratov, 2001.
5. Gadzhiev G.A. Basic economic rights (comparative legal study of constitutional and legal institutions of Russia and foreign countries): Dissertation of Doctor of Legal Sciences. M., 1996. p. 267–268.
6. Nesmeyanova S.E., Kolobaeva N.E. Constitutional restriction of fundamental human rights and freedoms // Russian law: education, practice, science. 2018. No. 3 (105). p. 9–16. [Electronic resource]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-ogranichenie-osnovnyh-prav-i-svobod-cheloveka> (accessed: 12.05.2023)
7. On the state of emergency: Federal Constitutional Law of the Russian Federation No. 3-FKZ of May 30, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23, Article 2277.8.
8. On martial law: Federal Constitutional Law of the Russian Federation of January 30, 2002 No. 1-FKZ // Sobr. legislation of the Russian Federation. Federation. 2002. No. 5, v. 375.
9. Podmarev A.A. Restriction of human and civil rights and freedoms in the conditions of martial law in the Russian Federation // Izvestiya Saratov University. New series. Ser.: Economics. Management. Right. Publishing house of Saratov University. 2018. Vol. 18. Issue 1. pp. 96–100.
10. Scientific and practical commentary on the Constitution of the Russian Federation / Responsible editor V.V. Lazarev, 2nd ed., supplement and revision. Moscow: Spark, 2001.

К вопросу о противодействии коррупции в органах государственной власти России: историко-правовой аспект

Луцевич Елена Александровна,

аспирант, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: lutsevich0106@mail.ru

Проблема противодействия коррупции в системе органов государственной власти в целом и в органах исполнительной власти в частности традиционно отличается неизменной актуальностью, предопределяя собой приоритетные направления и задачи при реализации национальной политики в современной России. В качестве бесспорных предпосылок пристального внимания к вопросам коррупции стоит отметить следующие: существенное снижение эффективности государственного управления вследствие коррупционных проявлений, ухудшение инвестиционного климата в стране, торможение темпов экономического роста, что напрямую сказывается на уровне благосостояния населения, приводит к развитию правового нигилизма в обществе и, как результат, порождает недоверие к власти.

Историко-правовой анализ исследуемой проблемы не только подтверждает существование коррупции во всех государствах с момента их зарождения, но и доказывает, что наличие в государстве управленческого аппарата неразрывно связано с коррупционными составляющими. Отличия заключаются лишь в масштабах их проявления и чертах, характеризующих коррупцию в том или ином государстве. Несмотря на очевидное свойство коррупции приводить к подрыву основ государственного устройства, и государство и коррупция находятся в тесной взаимосвязи, синхронно зародившись и совместно эволюционируя. Справедливость данного утверждения демонстрирует и исторический опыт России. С возникновением Киевской Руси не заставили себя долго ждать первые признаки коррупции. При этом примечательно, что государство часто само являлось причиной возникновения коррупции – явления с которым оно же впоследствии вело решительную борьбу. Так, система «кормления от дел», с точки зрения первых лиц государства, довольно долго представлялась удачным решением задачи содержания многочисленных чиновников и имела вполне легальный статус, а в конечном итоге явила собой беспрецедентную базу для формирования коррупционных отношений, трудно поддающихся искоренению и сегодня.

Необходимость обращения к историческим и правовым аспектам при проведении исследований, посвященным вопросам коррупции и существующим проблемам противодействия данному явлению, объясняется неизбежным снижением эффективности борьбы с этим социально – опасным явлением ввиду недостаточного понимания его сущности, граней и первоисточников. При этом современная реальность во многом продиктована прошлым, а правовые реалии сегодняшнего дня не могут не повлиять на будущее исследуемой проблемы.

Ключевые слова: государство, коррупция, законодательство, право, противодействие коррупции.

Анализ развития мировой государственности позволяет сделать вывод о присутствии коррупции в любом обществе, где есть институт государственного управления. Разница может усматриваться лишь в частоте ее проявлений и масштабах влияния на всевозможные сферы жизни общества.

В России термин «коррупция» был введен в научный оборот советским юристом Александром Яковлевичем Эстриным в 1913 г. Ранее этот термин в российском законодательстве не употреблялся, хотя в разные исторические периоды становления и развития российского государства под коррупцией понимались злоупотребления должностным положением, допускаемые чиновниками в корыстных целях.

Из уцелевших источников следует, что взятки появились еще в Древней Руси, когда в государстве получила распространение система *кормлений*, заключающаяся в особом способе содержания должностных лиц за счет местного населения. Заметим, что институт кормлений не был нашим «изобретением»: кормления были известны и в Византии, и во времена древнего Востока и Китая. Исследователи отмечают, что «первоначально кормление на Руси носило эпизодический характер, но уже в XIV–XV веках получило широкое распространение. При этом кормления порождали произвол и злоупотребления местных властей, заинтересованных в обогащении в период пребывания в кормленщиках. Поэтому московские великие князья с XV века регламентировали доходы кормленщиков путем выдачи специальных «кормленных» и уставных грамот, а в результате проведения Иваном Грозным земской реформы 1555–1556 годов система кормлений была и вовсе ликвидирована. В 1555 году был издан указ об отмене кормлений, но начал он применяться, конечно, не сразу и не повсеместно. Многие традиции кормлений сохранились на долгие годы в деятельности местных органов власти. Данное обстоятельство объясняет и то, что в древнерусских источниках достаточно редко говорилось о взятке как о преступном деянии» [1, с. 45]. Не отрицая очевидности того факта, что в XII–XIV веках указанный способ содержания должностных лиц сыграл значительную роль в складывании системы местного управления, он оказался крайне неэффективным. Тем не менее, как видно из исторических свидетельств, к XV в. коррупция в России приобрела системный характер. Уже на основе текстов Судебников от 1497 и 1550 годов можно получить достаточно полное представление о масштабах проблемы тех лет. Считается, что самое раннее официальное упоми-

вание в истории российского государства о действии с признаками коррупции относится к 1497 году, когда в первом законодательном сборнике Руси, появившемся при Иване III, впервые было закреплено понятие мздоимства, представляющее собой не что иное, как взятку за то, что должностное лицо выполнит действие, которое и без того входит в круг его обязанностей. В более поздней версии Судебника от 1550 года помимо мздоимства упоминается другая форма взятки – лихоимство. В данном случае имеется в виду оплата усилий чиновника за совершение им заведомо незаконного действия (или бездействия), служебного проступка. Со временем перечень коррупционных проявлений увеличивался, пополняясь за счет прибавления к ранее названным иным проявлений коррупционной направленности – хищения государственного имущества, лиходейства и т.д. Справедливости ради здесь стоит отметить, что историки говорят об упоминании неправомерного вознаграждения с признаками коррупции и ранее этих лет: речь идет о посуле, «который был в ходу в качестве благодарности за осуществление официальных властных полномочий. (Двинская уставная грамота 1397–1398 годов, или Уставная грамота Василия I). Существует и точка зрения о том, что понятие «посул» употребляется в значении взятки, начиная с Псковской Судной грамоты 1397 года, хотя, по некоторым сведениям, в данном документе дается лишь уточнение нормы, закрепленной в Двинской уставной грамоте относительно незаконного вознаграждения» [2, с. 575].

Злоупотребление должностными полномочиями, подделка процессуальных документов чиновниками в личных корыстных целях, взяточничество и вымогательство судей за благополучный исход дела и другие проявления произвола на местах не могли оставаться без решительного вмешательства со стороны государства с целью противодействия набирающей обороты коррупции. Первое ограничение коррупционных действий на законодательном уровне, т.е. непосредственное противодействие коррупции, как следует из источников, начинается свою историю в период правления Ивана III (1462–1505). Впоследствии, уже при его внуке Иване IV Грозном (1533–1584), за непомерное взяточничество была предусмотрена даже смертная казнь. Борис Годунов видел решение проблемы взяточничества, являющегося основной формой проявления коррупции в то время, «в смене прежних наместников и удвоении жалования новым с тем, чтобы они «могли пристойно жить без лихоимства». При этом новые чиновники были предупреждены о неизбежной казни в случае взяточничества. После Соляного бунта, одной из причин которого являлась коррупция, в 1649 году царем Алексеем Михайловичем было принято Соборное уложение, в котором также были изложены вопросы уголовной ответственности за взяточничество и другие виды корыстных злоупотреблений по службе. В десятой главе Соборного уложения данные преступления рассматривались как пре-

ступления, направленные против интересов правосудия» [3, с. 86].

В уголовном законодательстве термину «взяточничество» довольно долго не отводилось своего «законного» места, несмотря на то, что именно с него коррупция на Руси получила дальнейшее развитие. На протяжении IX–XIX вв. «взяточничество в России приобретало самые разные формы и обозначалось такими понятиями, как «почести», «посулы», «лихоимство», «мздоимство» и т.п., причем часть из них носила вполне легитимный характер» [4, с. 47].

На протяжении всей истории в Российской империи с разной степенью успешности велась борьба с коррупционными проявлениями. Период правления Петра I (1682–1725), воцарившегося на русском престоле в те годы, когда взяточничество достигло своего апогея, ознаменован серьезными преобразованиями в уголовном законодательстве. Особое внимание было уделено вопросам коррупции и мерам по ее искоренению. Несмотря на то, что чиновникам в 1715 году было положено фиксированное жалование, взяточничество оставалось вполне нормальной практикой для государственных служащих петровских времен. Петра Алексеевича крайне гневил непомерный алчность и продажность чиновников, которых не сильно останавливало и то, что взяточничество считалось серьезным преступлением. Намерение царя всея Руси издать Указ «о повешении каждого, кто украдет сумму, достаточную для покупки веревки», вызывал лишь скептицизм у его современников: первый в истории Российского государства генерал-прокурор П.И. Ягужинский «резонно заметил, что при таких порядках император рискует остаться без служителей и подданных вовсе. По сути, это было признанием того, что воровством занимаются все без исключения с разницей лишь в возможностях и размерах» [5, с. 36]. Тем самым граф, по сути, признал, что казнокрадство и взяточничество в России не победить – подданные будут истреблены гораздо раньше. Высказанное мнение «подкреплялась традиционной двойственностью государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, когда одним прощалось то, за что безжалостно карали других» [6, с. 21]. Отчасти проблема заключалась в огромном количестве чиновников: всем выплачивать положенное жалование на регулярной основе не представлялось возможным. Основной статьей доходов для чиновников было взяточничество, особенно в том случае, когда речь шла о чиновниках рангом ниже. Петр Алексеевич развернул беспощадную антикоррупционную кампанию, прибегая к самым неожиданным способам. За подтвердившиеся данные о фактах казнокрадства или иных формах коррупционных проявлений царь щедро одаривал информатора за оказанную услугу движимым и недвижимым имуществом попавшегося преступника. Впоследствии борьба с коррупцией находила свое продолжение в законотворчестве и других правителей государства Российского, однако, в ближайший период по-

сле смерти последнего царя всея Руси и первого императора Всероссийского Петра Алексеевича его наследники не были столь активны на этом поприще. В период правления династии Романовых коррупция в стране представляла собой важнейший источник доходов для алчных госслужащих и сребролюбивых сановников тех лет. Ярчайший пример продажности периода правления Елизаветы Петровны (1741–1761): «канцлер Бестужев-Рюмин, состоящий на службе у российской императрицы, получал за свою службу 7 тысяч рублей в год, а за предательство национальных интересов России в пользу Британской короны (в качестве «агента влияния») получал от английского государства 12 тысяч в той же валюте» [7, с. 28]. «Воруют!» – так кратко, но емко оценил в свое время Н.М. Карамзин ситуацию в России. Думается, что эта характеристика, вошедшая в историю, не теряет актуальности и сегодня.

С воцарением на престол Екатерины II (1762–1796) борьба с коррупцией стала приобретать несколько иные черты: императрица полагала, что пытки, казни и конфискация имущества не дадут такого положительного результата, какой она рассчитывала получить за счет кадровой политики и повышения жалования чиновникам. При этом творившийся беспредел в виде чиновничьего произвола, взяточничества и прочих злоупотреблений требовал незамедлительной реакции с ее стороны. Правительница пришла к выводу, что метод «кну́та», который в свое время избрал Петр I, пора заменить на метод «пряника». Спустя три недели после своего восшествия на престол, 18 июля 1762 года, Екатерина II выпустила «Манифест о лихоимстве», который явил собой программный документ, направленный на борьбу с коррупцией в государственном управлении. В качестве «пряника» Екатерина II положила теперь уже «постоянное денежное жалованье» чиновникам, объявив при этом, что иные доходы будут расценены как взятки. Но меры, направленные на борьбу с коррупционерами в годы правления Екатерины II, были недостаточно жесткими. Вопреки ее надеждам, как и следовало ожидать, рост коррупции со смягчением санкций только увеличился. Сама же императрица свыкла с мыслью о неискоренимости коррупции [8, с. 24]. Необходимость противодействия коррупции понимал и Павел I (г.п.1796–1801), однако, время его непродолжительного правления (а может быть и в силу именно этого) не было ознаменовано сколько-нибудь примечательным законотворчеством. Хотя, несомненно, заслуживает внимания исторический факт: Павел I приказал поставить у ворот дворца ящик, в который любой его подданный имел возможность опустить письмо для него. С большей частью корреспонденции император знакомился лично. Своего рода это была довольна решительная попытка создать обратную связь правителя с народом, что тоже могло сыграть свою роль в борьбе с коррупционными проявлениями при должном подходе.

Историками отмечается, что в числе прочих факторов, детерминирующих процветание коррупции в России во все времена, можно с полной уверенностью назвать особенности национального менталитета. Исторически было предопределено, что традиции и обычаи, прочно укоренившиеся в русской культуре, доминировали над законодательством. В условиях крепостного права прочно закрепилась в сознании русского человека привычка делать подношения, благодарить за оказанную услугу: стыдно «не дать», еще более стыдно «не взять», дабы не обидеть. Другой явной проблемой являлся явный дефицит квалифицированных кадров, что особенно проявлялось на окраинах огромной российской территории.

В 1809 и 1811 годах Александром I (г.п.1801–1825) были изданы законодательные акты в чем – то перекликающиеся с установками Петра I и Екатерины II относительно борьбы с коррупционными составляющими. Но злоупотребление властью и должностные преступления продолжали оставаться серьезной проблемой, требуя от власти более существенных мер, направленных на преобразования в законодательстве.

В годы правления Николая I (1825–1855) в целях противодействия коррупции большое распространение получили дисциплинарные взыскания. Расчет был на повышение чувства ответственности у гражданских служащих. В 1845 году вышел первый уголовный кодекс в истории России – «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», содержащий достаточно систематизированный перечень преступлений против порядка управления и включающий целую главу, посвященную вопросам взяток. «Взяточничество квалифицировалось как преступное деяние и подразделялось на «мздоимство» и «лихоимство». Согласно Уложению, в случае мздоимства – принятия взятки без нарушения служебных обязанностей и законов по службе чиновник подвергался наказанию в виде штрафа в сумме двойной цены подарка или снятия с должности» [9, с. 33]. Взяточничество, при котором нарушались государственный закон и служебные обязанности, квалифицировалось как злоупотребление властью и относилось уже к лихоимству, за которое законодателем предусматривались более серьезные санкции: уголовное наказание могло заключаться в отдаче в исправительные арестантские помещения. С точки зрения анализа «возможных причин коррупции в органах государственной власти и ввиду необходимости выработки комплекса мер по ее искоренению весьма любопытно содержание записки, направленной Николаю I в 1827 году из «Высочайше учрежденного Комитета для соображения законов о лихоимстве и положения предварительного заключения о мерах к истреблению сего преступления». В этом документе с исключительной скрупулезностью рассматриваются причины распространения коррупционных преступлений в государственном аппарате, дается классификация форм коррумпированного поведения, предлагаются меры по противодей-

ствию данному явлению» [10]. После перечисления причин коррупции добавлялось: «это способствует тому, что врученную ему Правительством власть чиновник употребляет «в пользу корыстных видов, преступает во всех возможных случаях те законы, кои вверены его хранению», побуждается лихоимство» [11, с. 62]. В целях противодействия коррупции предлагались меры, которые не потеряли своей актуальности и сегодня: «ввести гласность «в производстве суда и в отправлении канцелярской службы»; «отменить законы, которые способствуют к умышленным проволочкам и к вынуждению взятков», установить для служащих «такие должностные оклады и жалования, которые были бы соразмерны их потребностям», а также представлялось, что за причиненный вред степень наказания должна превосходить выгоду, приобретаемую от преступления» [12].

При Александре II (1855–1881) важным фактором борьбы с коррупцией на государственной службе стало ежегодное информирование общественности о размере оклада, взысканиях, поощрениях, имуществе, имеющемся в распоряжении семьи чиновника, и иных делах, имеющих отношение к службе чиновника во благо государства. Широкое распространение получила система запретов и ограничений: тщательно отслеживались все, даже самые завуалированные, способы получения взятков, к коим относился, например, мнимый проигрыш. Замеченного в коррупционных проступках чиновника увольняли со службы и отдавали под суд. Отныне ни он, ни его дети не могли рассчитывать на «место».

Александр III (г.п.1881–1894) продолжил борьбу с коррумпированными госслужащими, введя ранее не существовавшие запреты. В частности, чиновникам запрещалось участвовать в правлениях частных акционерных обществ. Характеризующим отношением правителя к коррупции может служить тот факт, что на лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности, в отличие от других осужденных, не распространялась амнистия в качестве «милости, даруемой Всемилоштивейшим Манифестом от 11 августа 1904 г.» [13, с. 61]. Уголовное уложение 1903 года, вступившее в силу уже при Николае I, являлось одним из первых в истории права законодательным актом, где борьба с коррупцией была систематизирована.

Борьба с коррупцией велась представителями всех правящих династий – Рюриковичами, Годуновыми, Романовыми. Но, наверно, именно при Романовых это явление достигло наибольшего размаха. С одной стороны, как следует из исторических данных, издавались высочайшие указы, имеющие своей целью нанести сокрушительный удар по чиновничеству, пристрастившемуся к использованию своего служебного положения для нечестной наживы путем взяточничества и запуска руками в государственную казну, а с другой – потворствовали распространению иной формы коррупции, проявляющейся в банальном фаворитизме.

Петр I не считал необходимым проявлять скупость, одаривая своих приближенных из государственной казны. А Екатерина II, видимо, стремилась равняться на своего великого предшественника не только в масштабах государственных преобразований, но и в щедрости к «приятственным» ей во всех отношениях людям: «при годовом бюджете России в 16 млн руб., она истратила на своих фаворитов более 90 млн в той же валюте» [14, с. 31]. Не менее показателен и факт из биографии звезды русского балета Матильды Кшесинской, которая всю блистала не только на сцене Императорских театров, но не меньше «засветилась» и в истории развития российской коррупции. Пользуясь необыкновенной протекцией со стороны Николая II и будучи в очень близких отношениях с Великим князем Сергеем Михайловичем Романовым, равно как и с Великим князем Андреем Владимировичем Романовым, в годы первой мировой войны она помогала некоторым фабрикантам получать военные заказы. Этот коррупционный сговор обошелся государству крайне дорого, причем в прямом и переносном смысле слова. Впоследствии великую балерину стали называть символом коррупции того времени. Общеизвестно, что М. Кшесинская, обладая, как оказалось, самыми разными талантами, включая способность к коррупционным сговорам, являлась самой богатой женщиной в Российской Империи.

Ущажение коррупционных проявлений, в том числе взяточничества, в начале XX века было обусловлено не только увеличением числа заказов для военных нужд, поставок этой же направленности, но и разрастанием чиновничьего аппарата, развитием разных видов предпринимательства, куда можно отнести сделки с недвижимостью и земельными участками, разработку природных ископаемых и т.д. Царское правительство, защищая интересы государства, не могло не отреагировать на усилившуюся коррупционную угрозу. В итоге была ужесточена ответственность как за получение вятки, так и за ее дачу. В 1911 году в Государственную Думу было направлено предложение квалифицировать попытку дать взятку как самостоятельное преступление.

Коррупция не перестала существовать и со сменой государственного строя в 1917 году. Не искоренила ее и новая форма правления. Однако большевики видели во взяточничестве существенную угрозу для основ нового государственного строя. В декрете «О взяточничестве», принятом в 1918 году, за это деяние предусматривалась уголовная ответственность с лишением свободы сроком до пяти лет. Рассуждая о коррупции, В.И. Ленин называл это явление опасным пережитком и решительно настаивал на обращении к более суровым мерам. В соответствии с Уголовным кодексом 1922 года за коррупционное преступление был предусмотрен расстрел. Буржуазному наследию не было и не могло быть места в эпоху, когда страна активно приступила к строительству социализма.

Несмотря на самые беспощадные методы борьбы с коррупционными проявлениями, не было уделено должное внимание причинам, их детерминирующим, большинство из которых, к слову сказать, имели место быть еще при царском режиме и уже когда – то были сформулированы в записке Николаю I.

Многие исследователи из числа историков, политологов, правоведов склонны считать, что «в Советском государстве отношение к коррупции было довольно двойственным. С одной стороны, злоупотребление служебным положением рассматривалось как одно из наиболее тяжких преступлений, за которое предусматривались суровые меры вплоть до расстрела. С другой – при отсутствии независимой судебной власти чиновничество (партийная номенклатура) представляло класс, неподвластный общественному контролю, и не боялось наказаний. Если умолчать об этих явлениях не представлялось возможным, то они преподносились как некие издержки функционирования органов власти либо как отдельные факты, не вытекавшие с неизбежностью из существовавшей системы. Это создавало благоприятную почву для дальнейшего внедрения коррупции в общество при либерализации экономических и политических отношений в стране на рубеже 90-х годов» [15, с. 158].

Стоит отметить, однако, что в период сталинского тоталитарного режима с усилившимися карательными функциями государства рост коррупции удалось обуздать. Значительную роль в этом процессе сыграло наделение репрессивных органов значительным объемом полномочий. Конец 40-х и начало 50-х годов XX века отмечены существенными успехами в проведении антикоррупционной политики. После смерти И.В. Сталина с его жестким идеологическим контролем всех сфер общественной жизни положительная тенденция была в скором времени утрачена. С ослаблением государственного и общественного контроля в годы оттепели и застоя коррупционные проявления вновь участились. Надо заметить, что в СССР вплоть до начала 80-х годов тему коррупции поднимать было не принято. Советским гражданам внушалось, что коррупция является атрибутом чуждого нам капиталистического общества, а для социалистического строя это явление не характерно. Все эти убеждения имели место быть на фоне неутешительных данных статистики, согласно которой рост взяток с середины 50-х до середины 80-х годов вырос в 25 раз (и это только официально зарегистрированные случаи взяточничества). Но обычному народу знать это не представлялось возможным. Безусловно, периодически устраивались показательные антикоррупционные акции: дело фирмы «Океан», когда под видом сельди из страны вывозилась черная икра; «азербайджанское дело», когда в ходе разбирательства стали известны расценки на получение государственных должностей и мест; некоторые другие расследования, получившие резонанс. Но реальная ситуация до конца

никому не была известна. С приходом в 1982 году к власти Ю.В. Андропова в стране на некоторое время развернулась широкомасштабная антикоррупционная деятельность, в результате которой были приняты меры в отношении коррупционеров из числа партийных работников и иных крупных должностных лиц.

С распадом Советского Союза ушел в историю и государственный советский строй, перестала существовать характерная для него система общественного и государственного контроля. В новом российском государстве, пришедшем на смену СССР, закономерно встал вопрос о необходимости запуска нового антикоррупционного механизма. Несмотря на ряд предпринятых усилий в направлении противодействия коррупции, вопрос остается открытым. Согласно данным агентства Transparency International [16], Россия из года в год продолжает занимать самые непрестижные позиции в мировом коррупционном рейтинге. По итогам 2020 года Россия заняла 129-е место из 180 в рейтинге государств по уровню коррупции, разделив его с Азербайджаном, Габон, Малави и Мали. В докладе агентства Transparency International, занимающегося составлением указанного рейтинга, совершенно справедливо отмечается, что у России много лет одни из самых низких баллов в рейтинге, и это определенно указывает на подмену системной борьбы с коррупцией «единичными уголовными делами».

Проблема противодействия коррупции ввиду ее негативного воздействия на все сферы общественной жизни является одной из трудноразрешимых, а, следовательно, и сохраняющей свою актуальность в подавляющем большинстве стран мира. Несовместимость коррупции с нормальным функционированием государства очевидна, равно как не подлежит сомнению и необходимость борьбы с ней. При этом в научных трудах самых разных ученых все чаще говорится о некоей «нормальности» этого явления при условии сохранения коррупции на дозволённом уровне и подконтрольности государству. Анализ итогов борьбы с коррупционными проявлениями в других государствах также не оставляет иллюзий относительно полной ликвидации данного явления. Высказываются убеждения по поводу того, что гораздо реальнее абсолютного уничтожения коррупции взять ее под контроль или добиться «удержания на социально терпимом уровне». Изучение исторических трудов по рассматриваемой теме доказывает, что коррупция существовала всегда. Отсутствовал термин «коррупция», не было сформулировано определение, аккумулирующее основные черты коррупционной деятельности, но это не исключало наличие самого явления. Действительно, исторический экскурс к истокам зарождения коррупции утвердил в мысли, что она неизбежно сопровождала любое государство с момента его зарождения, развиваясь и эволюционируя вместе с ним, беспрестанно приобретая новые формы и признаки своего существования.

Литература

1. Бабенко В.Н. Коррупция в России: от обычаев и традиций к образу жизни? // РСМ. 2009. № 4, С. 42–48
2. Нефедова, В.В. Развитие коррупционной преступности: историко-правовой аспект / В.В. Нефедова, Э.М. Агаджанян // Молодой ученый. – 2015. – № 7 (87), С. 574–577
3. Адамова Т.И. Исторические аспекты возникновения и развития коррупции в России // European research. 2015. № 3 (4), С. 83–87
4. Бабенко В.Н. Коррупция в России: от обычаев и традиций к образу жизни? // РСМ. 2009. № 4, С. 42–48
5. Кораблёв Г.Г. Противодействие коррупции в Российской империи // Скиф. 2019. № 4 (32), С. 33–38
6. Акимова Н.В. Коррупция в России: история и современность // Юридический мир. 2008. № 12, С. 18–27
7. Панова Н.Е. Исторический аспект антикоррупционной деятельности // Economics. 2017. № 10 (31), С. 25–32
8. Основы противодействия коррупции в Российской Федерации: учебное пособие / Т.Я. Хабриева, С.С. Зенин, А.М. Цирин и др... – Москва: Норма: Инфра-М, 2022. – С. 23
9. Годунов И.В. Противодействие коррупции: Учебник / И.В. Годунов. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт автоматизации проектирования РАН, 2020. – С. 33
10. http://www.skags.ru/doc/journal_2_2012
11. Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX веков. Историко-правовое исследование. Автореферат диссертации кандидата юридических наук. – М.: Бек, 2002. – С. 62.
12. http://www.skags.ru/doc/journal_2_2012
13. Афонин Д.Н. Борьба с коррупцией в Российской империи в начале XX века // БИТ. 2019. № 1 (9), С. 56–64
14. Гладких В.И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления. «Российский следователь», 2001 № 3. С. 31.
15. Григорьева Е.О., Петренко Николай Иванович История российской коррупции // Марийский юридический вестник. 2015. № 1 (12). С. 158
16. По данным международной организации Transparency International (признана в России иностранным агентом). Индекс измеряет уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран на основе опросов экспертов и предпринимателей. Странам присваиваются баллы от нуля до 100. Ноль обозначает наиболее высокий уровень восприятия коррупции, 100 – самый низкий.

ON THE ISSUE OF COMBATING CORRUPTION IN PUBLIC AUTHORITIES OF RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Lutsevich E.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The problem of combating corruption in the system of public authorities in general and in executive bodies in particular is traditionally characterized by constant relevance, predetermining the priority areas and tasks in the implementation of national policy in modern Russia. As indisputable prerequisites for close attention to corruption issues, it is worth noting the following: a significant decrease in the effectiveness of public administration due to corruption, a deterioration in the investment climate in the country, a slowdown in economic growth, which directly affects the level of well-being of the population, leads to the development of legal nihilism in society and, as a result, generates distrust of the authorities.

The historical and legal analysis of the problem under study not only confirms the existence of corruption in all states from the moment of their inception, but also proves that the presence of a managerial apparatus in the state is inextricably linked with corruption components. The differences lie only in the scale of their manifestation and the features that characterize corruption in a particular state. Despite the obvious property of corruption to undermine the foundations of the state structure, both the state and corruption are closely interrelated, simultaneously originating and co-evolving. The validity of this statement is also demonstrated by the historical experience of Russia. With the emergence of Kievan Rus, the first signs of corruption were not long in coming. At the same time, it is noteworthy that the state itself was often the cause of corruption – a phenomenon with which it subsequently waged a decisive struggle. Thus, the system of “feeding from business”, from the point of view of the first persons of the state, for quite a long time seemed to be a successful solution to the problem of maintaining numerous officials and had a completely legal status, and ultimately was an unprecedented basis for the formation of corrupt relations that are difficult to eradicate today.

The need to refer to historical aspects when conducting research on corruption and the existing problems of countering this phenomenon is explained by the inevitable decrease in the effectiveness of the fight against this socially dangerous phenomenon due to a lack of understanding of its essence, facets and root causes. At the same time, modern reality is largely dictated by the past, and the legal realities of today cannot but affect the future of the problem under study.

Keywords and phrases: state, corruption, legislation, law, anti-corruption.

References

1. Babenko VN Corruption in Russia: from customs and traditions to a way of life? // PCM. 2009. No. 4, pp. 42–48
2. Nefedova, V.V. Development of corruption crime: historical and legal aspect / V.V. Nefedova, E.M. Agadzhanian // Young scientist. – 2015. – No. 7 (87), pp. 574–577
3. Adamova T.I. Historical aspects of the emergence and development of corruption in Russia // European research. 2015. No. 3 (4), pp. 83–87
4. Babenko VN Corruption in Russia: from customs and traditions to a way of life? // PCM. 2009. No. 4, pp. 42–48
5. Korabev G.G. Counteracting corruption in the Russian Empire // Skif. 2019. No. 4 (32), pp. 33–38
6. Akimova N.V. Corruption in Russia: history and modernity // Legal world. 2008. No. 12, S.18–27
7. Panova N.E. Historical aspect of anti-corruption activities // Economics. 2017. No. 10 (31), pp. 25–32
8. Fundamentals of combating corruption in the Russian Federation: textbook / T. Ya. Khabrieva, S.S. Zenin, A.M. Tsirin and others ... – Moscow: Norma: Infra-M, 2022. – P. 23
9. Godunov I.V. Anti-corruption: Textbook / I.V. Godunov. – 7th ed., revised. and additional – M.: Institute for Design Automation of the Russian Academy of Sciences, 2020. – P. 33
10. http://www.skags.ru/doc/journal_2_2012
11. Golovanova E.I. Legal basis for the fight against corruption in Russia in the XVI–XIX centuries. Historical and legal research. Abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences. – M.: Beck, 2002. – P. 62.
12. http://www.skags.ru/doc/journal_2_2012
13. Afonin D.N. The fight against corruption in the Russian Empire at the beginning of the 20th century // BIT. 2019. No. 1 (9), pp. 56–64
14. Gladkikh V.I. Corruption in Russia: Genesis, Determinants and Ways to Overcome. “Russian investigator”, 2001 No. 3. S. 31.

15. Grigoryeva E.O., Petrenko Nikolay Ivanovich History of Russian corruption // Mariyskiy legal bulletin. 2015. No. 1 (12). p.158
16. According to the international organization Transparency International (recognized as a foreign agent in Russia). The index measures the level of perception of corruption in the public sec-

tor in various countries based on surveys of experts and entrepreneurs. Countries are assigned scores from zero to 100. Zero indicates the highest level of perceived corruption, 100 the lowest.

Панкратов Игнатас Сергеевич,

аспирант, кафедра юридических дисциплин, образовательное частное учреждение высшего образования «Международный инновационный университет»
E-mail: prizrak2110@mail.ru

Баровских Михаил Дмитриевич,

аспирант, кафедра юридических дисциплин, образовательное частное учреждение высшего образования «Международный инновационный университет»
E-mail: barovskik@bk.ru

В каждой стране, Россия не является исключением, есть свой государственный аппарат управления, который построен по единой системе, куда входят самые разные области управления, как, например, система управления государством, система управления обществом, область поддержания, сохранения правового порядка и государственной безопасности, как внешней, так и внутренней.

Россия сейчас приходится быстро перестраивать и международное сотрудничество, решать много внутренних вопросов, но главное, что следует отметить, все функции не потеряли своего лица, они в первую очередь направлены на стабильность и эффективность состояния и положения российского народа.

Смысл функций государства не меняется, это уже доказано временем, но содержание может изменяться, пополняться, в зависимости от внешних и внутренних факторов.

Актуальность данного вопроса заключается в том, что любая деятельность государства и система управления строится на задачах и функциях, в которых сосредоточены основные направления деятельности институтов государственной власти, функции государства раскрывают его сущность, основное предназначение, структуру государства, то есть раскрывают внутренне устройство, а в свою очередь устройство определяется направлениями деятельности всех сфер жизнеобеспечения общества, граждан.

Ключевые слова: функции государства, государство, право-реализационная форма, правотворчество, социальная функция.

Назначение государства определяется и строится на тех функциях, которые закреплены в правовых документах (Конституция РФ, законы и т.д.).

Функции определяют степень полезности для общества и граждан.

По своему предназначению функции четко направлены на достижение целей и задач в той или иной сфере (внешней и внутренней), через функции выстраиваются перспективные задачи, вырабатываются стратегии развития государства на ближайшую перспективу, например, стратегия развития здравоохранения, социальной сферы и т.д. [7].

На данном этапе для эффективного функционирования государства основными функциями являются, в первую очередь реализация права человека, экономическая, которая отвечает за развитие экономической сферы страны, народовластие, налогообложение, социальная, экологическая, перечисленные функции относятся к внутренним функциям государства.

Перечислим внешние функции государства – это обороноспособность страны, интеграционная функция в мировые экономические отношения, функция государства, которая направлена на борьбу с терроризмом, функция сотрудничества с другими зарубежными странами по вопросу решения глобальных проблем, которые рассматриваются на мировом уровне, функция поддержания правопорядка.

Государство обеспечивает защиту и охрану прав и интересов граждан и организаций, обеспечивает порядок, защищает конституционный строй от внешних и внутренних угроз

Функция по реализации права является средством выполнения изначальной миссии: служить главным цивилизационным и государственным регулятором. Существует несколько классификаций форм правовой реализации. Наиболее распространенным является разделение реализации нормативных правовых актов и исполнительных нормативных правовых актов по способам реализации (индивидуальное право, юридическая обязанность или юридический запрет). Правореализация выделена как особая форма правоохранительной деятельности.

Правореализация – это процесс преобразования правовых требований в правовые действия граждан, предприятий, организаций, учреждений и других участников общественных отношений. Когда законодатель принимает соответствующие нормативно правовой акт, он рассчитывает на реализацию в общественных отношениях.

Поведение человека (субъекта) может быть как законным (правомерным), так и незаконным(про-

тивноправным). Соблюдение правовых норм является видом правового поведения. Соблюдение таких норм субъектом в первую очередь должно выражаться в пассивной форме поведения, а именно воздержания от совершения противоправных действий особенностью этой формы заключается в том, что она произвольна.

При правореализации соблюдаются, реализуются и применяются не только правовые нормы, но и применяются уполномоченные органы к фактам, событиям и ситуациям. Правовая защита представляет собой форму осуществления прав, связанную с полномочиями судебной власти и должностных лиц, которые выступают от имени государства и выполняют возложенные на них задачи. Обеспечение верховенства права предполагает применение силы, часто принуждения, санкций и наказаний.

Экономическое вмешательство государства в современный рынок необходимо для реализации следующих функций, которые не может выполнять никакой рынок. Прежде всего, это:

- обеспечить правовую основу хозяйственной деятельности предприятий и создать общие правовые условия;
- поощрение и защита конкуренции, права конкуренции;
- антикризисная политика и стабилизация экономики (устранение спада производства, снижение уровня жизни населения, снижение инвестиционной активности, сдерживание инфляции и сокращение безработицы);
- регулирование процессов распределения и перераспределения доходов в поддержку инвалидов, малообеспеченных и безработных;

Те изменения, которые сейчас мы наблюдаем в экономике, в области финансов, то есть реализации экономической функции должно обеспечивать стабильность функционирования экономики, что в свою очередь ведет к усилению роли государства в экономической сфере.

Одна из немаловажных функций государства является правотворчество.

Правотворчество есть средство (форма) организации государственного управления. В ходе правотворческого процесса формируются регулятивные основы общественной и государственной жизни, внедряются определенные способы, средства и способы правового воздействия на правовую систему общества, создаются и изменяются правовые системы, регулирующие общественные отношения, а также общие ограничительные программы.

Под правотворческой деятельностью принято понимать действия уполномоченных субъектов (государственные и негосударственные органы) по разработке, принятию, изменению и отмене нормативно правовых актов. В правотворческую деятельность включается законодательный процесс, особенностью которой является «законодательство народа».

На первый взгляд может показаться, что прямое законодательство народа нельзя рассматри-

вать как форму законодательства для выполнения государственных функций, поскольку в этом случае нормативный акт издается народом, а не государством (его органами). Однако следует помнить, что даже в случае проведения референдума государственные органы не исключены из участия в законотворчестве: они несут ответственность за все организационно-подготовительные процедуры и за подсчет голосов. В то же время следует отметить, что принятие законодательных актов путем референдума в Российской Федерации не получило широкого распространения, в основном из-за особенностей данного вида правовой деятельности.

Законодательная деятельность государственных органов занимает основное место в реализации законодательной формы осуществления государственных обязанностей. В этом типе законодательства необходимо проводить четкое различие между законодательством и законом.

Законодательство является основным направлением в реализации законодательной формы реализации государственных обязанностей в контексте создания правового государства. Закон должен стать важнейшим источником права.

В идеале законодательная власть должна издавать законы, исполнительная – обеспечивать их соблюдение, а судебная – вершить правосудие. На самом деле эта модель имеет мало преимуществ и является всего лишь иллюзией.

Сегодняшняя реальность такова, что правоохранительные органы в основном реализуют нормативно-правовое регулирование. Значит проблема в другом. Государство, осуществляющее правотворческую функцию, должно четко определять и понимать, каике общественные отношения должны будут регулироваться законами и зависимыми от права нормативными актами. Все чаще можно встретить договоры и соглашения с содержанием нормативного характера (международные договоры, конституционные и федеральные).

Во-первых, предметом разработки договорных положений могут быть не только различные государственные органы. Одной из сторон может быть неправительственное объединение людей (профсоюзы). Во-вторых, это регулирование производственных отношений, в результате которых может быть «заключен коллективный договор – правовой акт, регулирующий трудовые, социально-экономические и трудовые отношения между работодателем и работниками предприятия, учреждения, организации.», который заключается между работниками, являющимися представителями одного или нескольких профсоюзов, иных представительных органов, уполномоченных работниками, и непосредственным работодателем или уполномоченными им представителями. Коллективный договор заключается на предприятиях их структурных подразделений, которым предоставлено право юридического лица, независимо от формы собственности, ведомственной подчиненности и численности работников.

Помимо коллективного договора законодателем разрешено создание договоров и соглашений между работником и работодателем, включающих в себя обязательства по социальным гарантиям, условиям труда и занятости работников определенной профессии, отрасли либо территории. Можно выделить несколько видов:

- генеральные соглашения, устанавливающие общие принципы согласованной реализации социально-экономической политики;
- отраслевые (тарифы), определяющие направления социально-экономического развития, условия труда и заработную плату;
- социальные гарантии для промышленных рабочих (профессиональных групп);
- особая, создающая условия для решения некоторых социально-экономических проблем в силу территориальных особенностей. Форма договора предполагает активное выполнение экономических и социальных функций государства.

В-третьих, в процессе создания норм в международном праве, на то уполномоченными субъектами, норм договоров или соглашений является не только Российская Федерация, но и иностранные государства в силу. Согласно конституции Российской Федерации, международный договор имеет приоритет по отношению к национальному законодательству.

Немалую роль в государстве играет социальная функция, целью которой является создание равных условий и возможностей граждан, а также обеспечения общественного благополучия.

По содержанию, социальная функция охватывает очень много сфер, начиная от здоровья граждан, до определения и назначений пенсий. Социальная функция контролирует такие направления как безработица, уровень бедности и уровень жизни граждан.

Говорить о том, что социальная функция в полной мере выполняет свое предназначение нельзя, достаточно выделить такой момент, как не выплаченная заработная плата, пособия людям вовремя, до сих пор «действует» бюрократическая система, все предпринимаемые меры со стороны государства не всегда выполняются.

С социальной функцией тесным образом связана и другая не маловажная функция современного Российского государства – экологическая функция, так как государство обеспечивает охрану окружающей среды и здоровья людей.

Но наличие недобросовестных руководителей, которые идут на преступления, например, сбор вредных веществ в землю, в водоемы, реки и моря, не гарантируют со стороны государства четкого выполнения этой функции.

Более того, развитие прогресса, с одной стороны, вроде бы развивают возможности нашего общества, а с другой стороны, губят природу.

Граждане, руководители предприятий, компаний должны четко понимать, что те природные ресурсы, которыми обладает наша страна, должна

использоваться во благо, а не во вред и это тоже можно причислить к основным проблемам по обеспечению выполнения основных функций государства [7].

Говоря о внешних функциях государства, необходимо затронуть функцию обороны, основным предназначением данной функции является защита нашей территории от внешних посягательств, вооруженные силы отражают агрессию и обеспечивают сохранность территориальных границ.

Для реализации данной функции разрабатываются разные мероприятия комплексного характера, куда входят экономические, политические, военные и дипломатические средства.

Опять же, на сегодняшний день многие дипломатические средства не действуют в полную меру, нормы международного права просто не выполняются.

Функции, которыми наделено государство по своему содержанию, назначению носят стабильный характер, новые функции в современном государстве на данный момент не выделяются, проблема заключается только в том, что вопрос о реализации этих функций на сегодняшний день сталкиваются с трудностями.

Трудности, проблемы возникают по многим причинам, которые не всегда исходят из внутреннего состояния, действующая мировая ситуация полностью изменила геополитическое положение России, изменились и отношения тех западных стран, которые раньше мы называли дружественными.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 1. – Ст. 4398.
2. Гринько А.А. К вопросу о формах осуществления функций современного государства // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 166–171.
3. Максимова, О.Д. Теория государства и права: учебное пособие / О.Д. Максимова, Ю.В. Пуздрач. – Москва: МосГУ, 2019. – 164 с
4. Горбатовская Е.С. О содержании культурно-воспитательной функции государства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 25–35.
5. Каткова, И.П. Российское здравоохранение в контексте задач достижения всеобщей доступности услуг здравоохранения к 2030 году / И.П. Каткова // Народонаселение. – 2022. № 2. – С. 150–156.
6. Акимов Н.А. Правовое обеспечение реализации экономической функции государства // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 2. С. 179–183.
7. Морозова Л.А. Функции российского государства на современном этапе // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 101–106.

8. Фещенков П.Н. К вопросу об основаниях и процедуре установления уровней террористической опасности в России // Российский следователь. 2014. № 9. С. 61–64.
9. Шайдунлин, Э.Р. Функции государства / Э.Р. Шайдунлин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 4. – С. 360–367.
10. Хропанюк В.Н., Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / Под редакцией профессора В.Г. Стрекозова – М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л». 2008

LEGAL ANALYSIS OF THE FUNCTIONS OF THE STATE

Pankratov I.S., Barovskikh M.D.
International Innovative University

Each country, Russia is no exception, has its own state apparatus of government, which is built according to a single system, which includes a variety of areas of government, such as the state administration system, the management system of societies, the area of maintenance preservation of the legal order and state security, both external and internal

Russia now has to quickly rebuild international cooperation, to resolve many internal issues, but the main thing to note is that all functions have not lost their face, they are primarily aimed at the stability and efficiency of the state and position of the Russian people

The meaning of the functions of the state does not change, this has already been proven by time, but the content may change, replenish, depending on external and internal factors

The relevance of this issue lies in the fact that any activity of the state and the management system is based on tasks and functions in which the main activities of the institutions of state power are concentrated, the functions of the state reveal its essence, main purpose, structure of the state, that is, they reveal the internal structure,

and in in turn, the device is determined by the activities of all spheres of life support for society and citizens.

Keywords: state functions, state, law enforcement form, lawmaking, social function.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted at a popular vote on December 12, 1993) (as amended on July 1, 2020 No. 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 1. – Art. 4398.
2. Grinko A.A. To the question of the forms of implementation of the functions of the modern state // Bulletin of the Kostroma State University. 2020. V. 26, No. 1. S. 166–171.
3. Maksimova, O.D. Theory of state and law: textbook / O.D. Maksimova, Yu.V. Puzdrac. – Moscow: Moscow State University, 2019. – 164 p.
4. Gorbатовskaya E.S. On the content of the cultural and educational function of the state // Actual problems of Russian law. 2017. No. 9. P. 25–35.
5. Katkova, I.P. Russian health care in the context of the objectives of achieving universal access to health services by 2030 / I.P. Katkova // Population. – 2022. No. 2. – S. 150–156.
6. Akimov N.A. Legal support for the implementation of the economic function of the state // Socio-economic phenomena and processes. 2017. No. 2. S. 179–183.
7. Morozova L.A. Functions of the Russian State at the Present Stage // State and Law. – 2006. – No. 6. – S. 101–106.
8. Feshchenkov P.N. To the question of the grounds and procedure for establishing the levels of terrorist danger in Russia // Russian investigator. 2014. No. 9. S. 61–64.
9. Shaidullin, E.R. Functions of the State / E.R. Shaidullin. – Text: direct // Young scientist. – 2023. – No. 4. – S. 360–367.
10. Khropanyuk VN, Theory of state and law. Textbook for higher educational institutions / Under the editorship of Professor V.G. Strekozov – M.: Publishing house “Interstil”, “Omega-L”. 2008

Некоторые аспекты правового регулирования деятельности МиСП в условиях санкций

Михалев Владимир Евгеньевич,

студент-магистрант, кафедра предпринимательского и корпоративного права, Институт бизнес-права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: vladimirm.mihalev77@yandex.ru

В статье оценивается степень влияния санкций на деятельность малых и средних предприятий с учетом предпринимаемых Правительством РФ мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса. С учетом передового зарубежного опыта Ирана и Китая, выявлены особенности и перспективы развития малого и среднего предпринимательства в условиях экономических санкций. Обозначены ключевые проблемы правового регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства в условиях действия в России санкций со стороны ряда недружественных стран. Также в статье анализируются меры, принимаемые Россией для защиты своих интересов в условиях санкций. При этом автор делает вывод о том, что необходимо продолжать работу по улучшению правового регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства в условиях санкций, а также развивать способы государственной поддержки малого и среднего бизнеса. На основе статистической информации и изученной научной литературы предложены конкретные меры по улучшению деятельности малых и предприятий в условиях антироссийских санкций.

Ключевые слова: административные барьеры, государственная поддержка, кредитная нагрузка, малые и средние предприятия, неналоговые проверки, экономические санкции.

Объявленная недружественными странами в отношении России секционная война стала поворотным моментом в изменении государственной экономической политики. Во вновь сложившихся условиях экономического дистанцирования стран Западной Европы, США и иных союзников по НАТО от России Правительство РФ оперативно и своевременно отреагировало на возможные экономические и финансовые угрозы, связанные с действием санкций, и приняло ряд, безусловно, важных мер, в том числе, направленных на всестороннюю государственную поддержку малых и средних предприятий (далее по тексту статьи – МиСП).

В любой экономически развитой стране МиСП является краеугольным основанием развития предпринимательской активности в тех областях и сферах жизнедеятельности, которые непосредственно связаны с поддержанием должного уровня экономической и финансовой стабильности и обеспечением базовых потребностей в товарах и услугах. При этом, в России неоднократно заявлялось о том, что Россия активно поддерживает экономический курс, связанный с активной поддержкой всех предприятий малого и среднего бизнеса [11, с. 71]. Подобное заявление не является голословным, а основано на анализе норм Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [1]. Данный закон содержит конкретные меры государственной поддержки самых различных отраслей и предприятий, в том числе, высокотехнологичных предприятий МиСП, ремесленных, сельскохозяйственных и иных предприятий. По большому счету, еще начиная с 2007 года, в России активно поддерживается сфера МиСП, причем, речь идет не только о законодательных мерах государственной поддержки, но и мерах программного и целевого характера. С 2018 года в России действует Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [6]. Данный национальный проект нацелен на увеличение численности занятых в сфере МиСП, в том числе, индивидуальных предпринимателей. Особенность данного национального проекта в том, что он позволяет развиваться МиСП на всех стадиях экономического цикла, начиная с выдвижения бизнес-идеи до воплощения ее на практике. В условиях санкций достижение заявленных задач данного национального проекта было затруднено в силу снижения инвестиционных потоков, однако нельзя не признать, что успешная реализация национального проекта в ближайшей перспек-

тиве будет иметь ощутимые результаты. Однако достижения таких результатов стало бы затруднительным без мер дополнительной финансово-экономической поддержки государством в отношении МиСП.

Нужно отметить, что МиСП является вектором поддержания экономической активности большей части населения и в немалой степени способствует решению проблем безработицы на местах. Приток доходов от МиСП способствует экономической самостоятельности муниципальных образований, малых городов, отдаленных от центральной части России регионов России. Развитие и поддержка МиСП также способствует росту предпринимательской активности. Именно по этим причинам так важно государственная поддержка МиСП в особо сложных условиях негативного воздействия экономических и финансовых санкций.

Однако введенные более года назад экономические и финансовые санкции затронули не только системообразующие и высокотехнологические отрасли российской экономики, в том числе, предприятия и оборонной отрасли, но и предприятия малого и среднего бизнеса. Указанные предприятия в условиях нарастания секционного давления столкнулись с рядом существенных проблем, которые не в состоянии решать самостоятельно, в том числе, с падением притока оборотных и инвестиционных средств для собственного развития, со снижением платежеспособного спроса вследствие инфляции и уменьшения доходов населения, с подорожанием и дефицитом материалов и комплектующих, которые преимущественно поставлялись из-за рубежа [1].

Несмотря на разделяемыми многими экономистами и финансистами пессимистические прогнозы развития российской экономики в 2022 году, развитие сферы малого и среднего бизнеса на начало 2023 года имеет положительную динамику. Согласно статистическим данным [14] на начало 2023 года общее количество субъектов МиСП выросло на 2,1% и составило 5991349 предприятий. Количество ИП выросло на 3,8% или на 133317 предприятий. В большинстве регионов, а именно в 56 субъектах РФ, количество МиСП увеличилось. Лидерами роста стали: Республика Калмыкия – 20,9%, Чеченская Республика – 12,2%, Республика Ингушетия – 11,8%, Республика Тыва – 7,9% Москва – 7,0%. Отрицательная динамика наблюдается лишь по количеству малых предприятий, число которых на начало 2023 года снизилось на 0,1%. При этом, наибольший рост по количеству МиСП наблюдается в таких отраслях экономической деятельности, как обрабатывающие производства (7,0%), образование (6,5%), строительство (4,1%) [14]. Благодаря мерам точечной государственной поддержки активно развиваются высокотехнологические отрасли, включая микроэлектронику, промышленное производство оборудования и машиностроение).

Достижение столь позитивных результатов развития МиСП стало бы невозможным без своевре-

менно осуществленных Правительством РФ мер государственной поддержки МиСП. Рассмотрим эти меры более подробно.

Во-первых, с самого начала проведения специальной военной операции, в отношении МиСП были введены кредитные каникулы. Согласно данным мерам МиСП получили возможность снизить кредитную нагрузку посредством оформления отсрочки исполнения обязательств по кредитным договорам. Основное условие получения кредитных каникул – предприятия малого и среднего бизнеса должны работать в одной из отраслей, перечень которых был утвержден постановлением Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 337 (список включает более 70 кодов ОКВЭД) [2]. Иными словами, кредитные каникулы предоставлялись лишь части МиСП, однако здесь важно указать на избирательность такого подхода: банки не могут полноценно работать при условии, что все без исключения МиСП получают возможность оформления кредитных каникул.

Во-вторых, Правительство РФ приняло меры по автоматическому продлению действий полученных ранее лицензий. Учитывая, что обычный срок действия лицензий составляет один год, предприятия малого и среднего бизнеса к началу 2023 году уже бы столкнулись с проблемой получения новых лицензий. В дополнение к данной мере был значительно упрощен порядок предоставления лицензий МиСП [3].

В-третьих, Правительством РФ был введен мораторий на проверки МиСП со стороны контролирующих органов, а субъекты малого и среднего бизнеса получили возможность полного освобождения от плановых неналоговых проверок, за исключением тех случаев, когда проверки необходимы для выявления правонарушений в области потребительского благополучия и риска причинения вреда жизни и здоровью граждан [4].

В-четвертых, был улучшен маркетплейс импортозамещения. Для этого был введен в действие и запущен онлайн-сервис «Электронная торговая площадка ГПБ» [13], позволяющий отечественным заказчикам и производителям сотрудничать без посредников.

В-пятых, был упрощен порядок действия лицензий на результаты интеллектуальной собственности, если эти лицензии были выданы зарубежными компаниями, покинувшими российский рынок [5].

Следует указать, что полный перечень мер государственной поддержки МиСП значительно шире и постоянно дополняется [12], однако уже перечисленные выше меры свидетельствуют о том, что государство заинтересовано в поступательном развитии МиСП. Параллельно этому разрабатываются способы снижения административной нагрузки на малый и средний бизнес и уменьшения налогового и кредитного бремени.

Между тем, следует указать на некоторую избирательность мер государственной поддержки в условиях санкций. Так, например, не все субъекты МиСП имеют возможность снизить налого-

вую и кредитную нагрузку, что, конечно, негативно сказывается на возможности открытия новых малых и средних предприятий без привлечения крупных инвестиций, а лишь за счет механизма банковского кредитования. Данная избирательность приводит к обратному эффекту – росту просроченной задолженности по банковским кредитам. Так, на конец 2022 года по данным Центрального банка РФ количество МиСП, имеющих просроченные кредитные обязательства, выросло на 20,7% по сравнению с началом 2022 года. По состоянию на 01.02.2023 года такой рост составил 16,7% по сравнению с началом февраля 2022 года [10]. Указанные данные свидетельствуют о том, что проблема избыточного кредитного бремени для МиСП в России, к сожалению, не решена. Следует также заметить, что решить эту проблему точечными мерами, например, снижением процентных ставок, вряд ли получится в ближайшей перспективе. Требуется более серьезная и планомерная работа с привлечением банковских и финансовых экспертов, а также представителей малого и среднего бизнеса и государства.

Россия является не единственной страной, которая испытала на себе негативные последствия от введения санкций со стороны третьих лиц. Хотя по количеству введенных в отношении России санкций наша страна занимает первое место, другие страны испытали на себе не меньшее санкционное давление. Наибольшее число санкций в различные периоды времени были введены в отношении таких стран как Китай и Иран.

Китай впервые испытал на себе санкционное давление еще в 1989 году. В таких условиях правительство страны приняло ряд важнейших мер, направленных на комплексное развитие всех национальных предприятий. Были предприняты меры, направленные на поддержку и финансирование фундаментальных научных и прикладных исследований, внедрен грантовой или проектный формат поддержки фундаментальной науки [8, с. 49]. На основе государственных научно-исследовательских проектных институтов в Китай за относительно небольшой период времени были созданы малые и средние частные предприятия, занимающиеся научными исследованиями, которым государство оказало всестороннюю поддержку. Введение данных мер способствовало инновационному развитию китайской экономики на ближайшие десятилетия. Сейчас Китай полностью обеспечивает себя научными кадрами, активно развиваются в качестве флагманов китайской экономики малые и средние предприятия, нацеленные на производство высокоинновационной и технологичной продукции, которая пользуется спросом в большинстве стран мира.

Россия, безусловно, в попытках противостоять западным санкциям взяла на основу государственные решения китайского правительства по поддержке малых и средних высокотехнологичных отраслей экономики. В России на развитие науки ежегодно планируется выделять 600 млрд руб., при

этом, в период с 2021 по 2022 года включительно уровень затрат на фундаментальные исследования вырос 35,3% до 40,2% [7]. Между тем, в условиях глобального отставания России по темпам внедрения инноваций в промышленное производство прирост затрат на науку является незначительным и не способен в ближайшие несколько лет обеспечить Россию суверенной инновационной промышленностью. Например, в поставках микроэлектроники Россия до сих остается почти в полной зависимости от других стран.

Кроме России, наибольшее количество санкций было введено в отношении Ирана (санкции в этой стране действуют с 1979 года). Наиболее серьезными санкциями в отношении Ирана являются: отключение Ирана от системы межбанковского взаимодействия SWIFT, запрет на продажу иранской нефти, полный запрет на участие американских компаний на территории Ирана. Между тем, постоянно действующие уже в течение трех десятилетий санкции не только не ослабили иранскую экономику, но и укрепили ее, сделав ее суверенной. Иран нашел обходные пути преодоления санкций: закупал и внедрял наукоемкие технологии через иранскую диаспору в других странах, развивал неэкспортные отрасли иранской экономики, при этом, основной упор был сделан на развитие неэкспортных предприятий малого и среднего бизнеса [9, с. 177]. Иранское правительство вводило достаточно жесткие меры по поддержке собственной экономики, в том числе, были введены ограничения на рост цен основных товаров и услуг, осуществлялось государственное планирование экономики. С целью создания и поддержки наукоемких отраслей в Иране действует межведомственная система закупок технологий. Министерство информации для этого создает фиктивные компании – в странах-источниках зарубежных технологий (США, Германия и др.) и в странах-посредниках (ОАЭ, Турция, Сингапур и др.) [8, с. 50].

С 2010 г. в Иране действует закон о поддержке наукоемких фирм, для чего учрежден Фонд инноваций и развития. Законом поддерживаются только частные фирмы, квалифицированные как наукоемкие. Среди основных мер поддержки предприятий МиСП в Иране можно выделить следующие:

- освобождение от налогов и пошлин, включая экспортные пошлины, на 15 лет;
- доступ к кредитам (как долго-, так и краткосрочным) под более низкий процент для обеспечения производственных затрат, внедрения НИОКР;
- приоритетное размещение в технопарках;
- содействие участию таких фирм в государственных тендерах и закупках;
- предоставление первоочередного права при покупке акций подлежащих приватизации государственных научных учреждений [8, с. 51].

Безусловно, данные меры способствовали тому, что Иран стал одним из ведущих поставщиком в регионе продукции наукоемкой промышленно-

сти, в том числе, военного и оборонного предназначения.

Тем самым, анализ опыта поддержки МиСП в условиях действующих санкций в Китае и Иране свидетельствует о том, что Россия выбрала верный вариант развития суверенной и независимой экономики, основанной на поддержке и развитии инноваций и научных исследований. Однако текущий опыт поддержки НИОКР в России пока не дает оснований для построения позитивных прогнозов. С учетом зарубежного опыта поддержки МиСП в зарубежных странах, находящихся под действующими санкциями, в России перспективными выглядят следующие направления государственной поддержки МиСП:

1) развитие системы государственных закупок у малых и средних предприятий с перспективой постепенного упрощения самой процедуры участия в таких закупках. В связи с переводом российской экономики на приоритетное обеспечение военных и оборонных расходов малые и средние предприятия смогли бы послужить подспорьем для производства продукции военного назначения;

2) создание единой цифровой платформы для потенциальных производителей и заказчиков продукции (не только государственных, но и частных), на базе которой они не только могли бы находить друг друга, но и узнавать о проблемах и нишах в каждой конкретной отрасли от представителей компаний-заказчиков путем организации семинаров, круглых столов и др.;

3) создание на базе ведущих вузов страны и НИИ бизнес-структур, способствующих коммерциализации знаний, бизнес-инкубаторов и т.д.

4) предоставление более широкого перечня налоговых и неналоговых льгот малому и среднему бизнесу, взаимодействующему с научно-образовательными учреждениями и участвующему в активном финансировании фундаментальных и прикладных исследований.

Таким образом, в заключении можно сделать вывод о том, что санкции для российской экономики открывают широкое поле возможностей для развития как обычных, так и высокотехнологичных малых и средних предприятий. Между тем, решение проблемы развития МиСП в условиях санкций не должно носить точечных и разовых мер. Меры государственной поддержки должны осуществляться на планомерной и постоянной основе, при этом, ведущим фактором преодоления экономических и финансовых затруднений становится необходимость поддержки фундаментальных исследований и науки.

Литература

1. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
2. Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 337 «Об утверждении перечня отраслей, в которых осуществляет деятельность заемщик, указанный в части 1 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 11. – Ст. 1716.
3. Постановление Правительства РФ от 12 марта 2022 г. № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 году». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403595416/> (дата обращения: 21.04.2023).
4. Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 11. – Ст. 1715.
5. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 14. – Ст. 2286.
6. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/72185938/> (дата обращения: 21.04.2023).
7. В России увеличивается финансирование фундаментальных исследований. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/sociology/50368327-v-rossii-uvlechivaetsya-finansirovanie-fundamentalnyh-issledovaniy/> (дата обращения: 21.04.2023).
8. Демидова, К.В. МСП в условиях антироссийских санкций: итоги первого полугодия 2022 г. и возможные направления поддержки / К.В. Демидова // Экономическое развитие России. – 2022. – Том 29. № 11. – С. 46–54.
9. Донченко, И.А. Субъекты малого и среднего предпринимательства в условиях санкционных ограничений: трудности, поддержка, возмож-

ности / И.А. Дронченко // Молодой ученый. – 2022. – № 19 (414). – С. 176–178.

10. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. Статистический бюллетень. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43863/stat_bulletin_lending_23-01_32.pdf (дата обращения: 21.04.2023).
11. Образцова, О.И. Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? / О.И. Образцова, А.Ю. Чепуренко // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № . 3. – С. 71–95.
12. Поддержка бизнеса в условиях санкционных ограничений: льготы для IT, мораторий на проверки МСП и кредитные каникулы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/53640/> (дата обращения: 21.04.2023).
13. Сервис импортозамещения ЭТП ГПБ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etp-gpb.ru/portal/import-substitution/> (дата обращения: 21.04.2023).
14. Статистика развития МСП в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://opora.ru/site/assets/files/42057/statistika_razvitiya_msp_v_rf.pdf (дата обращения: 21.04.2023).

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF SME ENTITIES IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS

Mikhalev V.E.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article assesses the degree of impact of sanctions on the activities of small and medium-sized enterprises, taking into account the measures taken by the Government of the Russian Federation to support small and medium-sized businesses. Taking into account the advanced foreign experience Iran, China, the features and prospects of the development of small and medium-sized enterprises in the conditions of economic sanctions are revealed. The key problems of legal regulation of small and medium-sized businesses in the conditions of sanctions in Russia by a number of unfriendly countries have been identified. The article also analyzes the measures taken by Russia to protect its interests in the face of sanctions. At the same time, the author concludes that it is necessary to continue work to improve the legal regulation of small and medium-sized businesses in the context of sanctions, as well as to develop ways of state support for small and medium-sized businesses. On the basis of statistical information and the studied scientific literature, specific measures are proposed to improve the activities of small enterprises and enterprises in the context of anti-Russian sanctions.

Keywords: administrative barriers, state support, credit burden, small and medium-sized enterprises, non-tax inspections, economic sanctions.

References

1. Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 “On the Development of Small and Medium-sized businesses in the Russian Federa-

tion” (as amended. dated 29.12.2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 31. – St. 4006.

2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 337 dated March 10, 2022 “On Approval of the List of Industries in which the Borrower Operates, Specified in Part 1 of Article 7 of the Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the Specifics of the Change conditions of the loan agreement, loan agreement” and on the invalidation of certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – Article 1716.
3. Decree of the Government of the Russian Federation No. 353 dated March 12, 2022 “On the specifics of licensing activities in the Russian Federation in 2022”. [electronic resource]. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403595416/> (date of appeal: 04/21/2023).
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 336 dated March 10, 2022 “On the specifics of the organization and implementation of state control (supervision), municipal control” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – Article 1715.
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 506 dated March 29, 2022 “On goods (groups of goods) in respect of which Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Protection of Exclusive Rights to the Results of Intellectual Activity Expressed in such Goods and means of Individualization with which such Goods are marked” cannot be applied // Collection of Legislation of the Russian Federation Federation. – 2022. – No. 14. – St. 2286.
6. Passport of the national project “Small and Medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative” (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Protocol No. 16 of December 24, 2018)). [electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/72185938/> (accessed: 04/21/2023).
7. Funding for basic research is increasing in Russia. [electronic resource]. Access mode: <https://news.rambler.ru/sociology/50368327-v-rossii-uvlechivaetsya-finansirovanie-fundamentalnyh-issledovaniy/> (date of address: 04/21/2023).
8. Demidova, K.V. SMEs under anti-Russian sanctions: results of the first half of 2022 and possible areas of support / K.V. Demidova // Economic development of Russia. – 2022. – Volume 29. No. 11. – pp.46–54.
9. Donchenko, I.A. Subjects of small and medium-sized entrepreneurship in the conditions of sanctions restrictions: difficulties, support, opportunities / I.A. Dronchenko // Young scientist. – 2022. – № 19 (414). – Pp. 176–178.
10. Crediting of small and medium-sized businesses. Statistical bulletin. [electronic resource]. Access mode: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43863/stat_bulletin_lending_23-01_32.pdf (accessed: 04/21/2023).
11. Obratsova, O.I. Policy towards SMEs in the Russian Federation: updating after the pandemic? / O.I. Obratsova, A. Yu. Chepureno // Issues of state and municipal administration. – 2020. – No. 3. – pp. 71–95.
12. Business support in conditions of sanctions restrictions: benefits for IT, a moratorium on inspections of SMEs and credit holidays. [electronic resource]. Access mode: <http://duma.gov.ru/news/53640/> (accessed: 04/21/2023).
13. Import substitution service of the GPPB ETP. [electronic resource]. Access mode: <https://etpgpb.ru/portal/import-substitution/> (accessed: 04/21/2023).
14. Statistics of SME development in the Russian Federation. [electronic resource]. Access mode: https://opora.ru/site/assets/files/42057/statistika_razvitiya_msp_v_rf.pdf (accessed: 04/21/2023).

Развитие правового регулирования системы социальных льгот как элемента государственной социальной политики

Панкратов Игнатас Сергеевич,

аспирант, кафедра юридических дисциплин, образовательное частное учреждение высшего образования «Международный инновационный университет»
E-mail: prizrak2110@mail.ru

Баровских Михаил Дмитриевич,

аспирант, кафедра юридических дисциплин, образовательное частное учреждение высшего образования «Международный инновационный университет»
E-mail: barovskik@bk.ru

В представленной работе рассматриваются особенности правового регулирования социального обеспечения в части предоставления социальных льгот некоторым категориям населения. Современный этап развития общества в рамках социальной политики обуславливается тем, что реализация социальной функции государства является основополагающим направлением любого государства и занимает ведущую роль в государственном управлении. Целью представленной работы является анализ современного состояния и определение тенденций развития правового регулирования системы социальных льгот, предоставляемых нуждающимся категориям населения. Автор исследует понятия социальной политики государства, системы предоставления льгот и особенностей ее правового регулирования. Рассмотрен ряд льгот, предоставляемых отдельным категориям населения России. Проведен сравнительный анализ российского законодательства о предоставлении льгот и национальных законодательств некоторых иностранных государств. Отмечается, что в мировой практике предоставляемые нуждающимся категориям населения льготы распространяются преимущественно на налоги и регулируются налоговым правом. Дается оценка перспектив постепенной монетизации льгот и ее возможного экономического эффекта.

Ключевые слова: социальная функция, социальная политика, льготы, налогообложение, социальное государство.

Введение

Актуальность поставленного вопроса выражается в объективном свидетельстве того, что процесс по решению социальных проблем в государстве с рыночной экономикой постоянно находится в состоянии противоречия, где с одной стороны – получение и преумножение финансовой прибыли, а с другой – расходы на производство и перераспределение даже минимальных социальных благ.

В условиях слабого экономического развития, недостаточности финансовых ресурсов у одних и концентрации их у других, а также возможных просчетов многоуровневой властной структуры государства, необходимо использовать подходы, позволяющие гарантировать социальную защиту малообеспеченных граждан.

Понятие «социальная политика» можно рассматривать, как многогранное самостоятельное выражение, которое содержит в себе форму государственности, именно поэтому разные ученые-исследователи рассматривают данное понятие по-своему.

Н.Н. Косаренко рассматривает социальную политику как важнейшее социально-экономическое направление развития страны и общества совместно с системой управленческих, регулирующих и организационных мероприятий и действий по развитию государства и обеспечение соответствующего жизненного уровня и социальной защиты граждан. [1].

Е.И. Холостова определяет социальную политику (в широком смысле) как систему отношений, которая возникает между субъектами социальных отношений (человек или группа людей) по реализации основных целей общества, основная цель – человек и его благосостояние, социальное развитие и социальная защита. [2].

Г.А. Ахинов определяет данное понятие «в виде действий в государственной социальной сфере, цели которой обстоятельно привязаны к истории, мотивированы организационно и с пропагандистскими усилиями, денежными ресурсами и предвидением на однозначный социальный результат» [3].

По мнению А.А. Шубиной «социальная политика государства – политика по изменению качества и жизненного уровня людей, смягчения разногласий среди участников рыночной экономики, а также устранение конфликтов социального характера на экономической почве» [4].

Все вышеприведенные мнения авторов отражают одну или несколько истинных сторон социальной политики, которые при анализе можно ском-

поновать и в результате получить основу, которая будет передавать суть социальной политики.

Исходя из вышеуказанного, можно предположить, что социальная политика по своей сути проявляет взаимоотношения извне и внутри социальных групп, которые обеспечивают гарантии и стимуляцию создания условий по поддержанию и повышению достойного жизненного уровня и благосостояния таких групп. Достижения государства в социальной политике определяются достижением ее главной цели – создание и обеспечение свободного развития и достойной жизни человека или группы людей. Эта цель делится на долгосрочную (создание и развитие оптимальной системы социальной защиты, совершенствование социальной инфраструктуры, увеличение благосостояния и др.) и краткосрочную (установление и обеспечение прожиточного минимума, поддержка малоимущих граждан и др.)

Социальная функция государства представляет собой деятельность государства в отношении общества с опорой на функции и принципы, которые ложатся в основу социальной политики государства и имеет свои направления развития. Выполнение задач, возложенных на социальную деятельность государства, происходит в нескольких направлениях, которые корректируются в зависимости от потребностей общества. Можно выделить основные направления:

- охрана труда (регулирование трудовых правоотношений);
- развитие различных социальных отраслей, в первую очередь образования и медицины;
- государственно-социальная поддержка семей, материнства и детей, нетрудоспособных и малоимущих граждан;
- политика в сфере модернизации и реновации инфраструктуры, жилья и экологии;
- перераспределение доходов в обществе через единую систему государственно-социального обеспечения

Британский экономист, доктор экономических наук, Николас Барр рассматривает государство в виде всеобщего благосостояния, которое выполняет две основные функции: первая – это «Робин Гуд», а именно создание ряда институтов, которые помогают в борьбе с нищетой граждан внутри государства, перераспределяют доходы, тем самым уменьшая социальную изоляцию. Вторая – это «копилка», создание учреждений, которые обеспечивают страхование и создают механизм перераспределения [5].

Предоставление социальных льгот

Фокус нашего исследования направлен на анализ реализации социальной политики государства, в том числе путем предоставления социальных льгот на основе четких правовых предписаний, которые выражаются в системе принципов и правил, на основании которых можно понять закономерности функционирования, а также объект и субъект

действия социальной политики. Система правового регулирования предоставления социальных льгот базируется, прежде всего, на Конституции Российской Федерации, которая в нормах ч. 2 ст. 7 и ст. 39 устанавливает основы социального обеспечения, называет основные виды государственной поддержки для отдельных категорий граждан. Виды социального обеспечения, в том числе льготы, источники финансирования, категории их получателей, критерии определения нуждаемости, порядок, периодичность получения, размеры и многое другое последовательно конкретизируется на уровне нескольких базовых законов, среди которых основным представляется Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [6] и далее в многочисленных федеральных, региональных и местных законах и подзаконных актах органов государственной власти и местного самоуправления. Само понятие льготы в законодательстве не конкретизировано, его можно определить как привилегию, предоставляющую отдельным категориям граждан право на бесплатное или субсидируемое государством приобретение товаров и оказание услуг, освобождение от обязанностей налогоплательщика, которое обычным гражданам недоступно. Достаточно сложно классифицировать льготы по принципу нуждаемости. Так, одни и те же виды льгот, например бесплатный или компенсируемый проезд на общественном транспорте, могут быть отнесены к профессиональным льготам (например, для представителей «силовых» ведомств) и социальным льготам нуждающимся (инвалидам и престарелым людям), для которых бесплатный проезд на общественном транспорте является, в виду низких доходов, единственным вариантом пользования этой, как и некоторыми другими услугами. Основными социальными льготами, предоставляемыми нуждающимся в Российской Федерации, являются предоставление права бесплатного и субсидируемого медицинского, протезно-ортопедического обслуживания, санаторно-курортного лечения, обеспечения лекарствами и изделиями медицинского назначения, получения, приобретения, строительства и содержания жилых помещений, оплаты коммунально-бытовых услуг и торгового обслуживания, обеспечения транспортными средствами и оплаты проезда, пользования услугами учреждений связи и т.п.

Представление льгот пенсионерам: анализ российского законодательства

Рассмотрим главные действующие льготы в отношении пенсионеров, как одной из самых многочисленных категорий пользователей льготами в 2023 году.

Федеральные льготы представляют всем получателям пенсий вне зависимости от региона проживания. На их объем оказывают влияние материальное положение гражданина.

Региональные выплаты в свою очередь зависят от законодательства конкретного региона. Власти

субъектов самостоятельно устанавливают условия и размеры выплат.

Для получения всех видов льгот требуется удостоверение пенсионера, которое можно оформить в клиентской службе Пенсионного фонда или в МФЦ.

Налоговые льготы пенсионерам в 2023 году

Согласно действующему законодательству, заработная плата облагается подоходным налогом в размере 13%, которые уплачиваются в федеральный бюджет РФ, пенсионные выплаты освобождены от данного налога, как и социальные доплаты пенсионерам. С января 2023 года пенсионеры полностью освобождаются от налога на недвижимое имущество, единственное исключение – это нахождение в собственности пенсионера несколько видов имущества, в этом случае такая льгота применяется только к одному объекту. Также пенсионер освобождается от уплаты налога на земельный участок до 600 кв.м., который принадлежит ему на праве собственности.

Налоговые льготы на личный транспорт пенсионеров в 2023 году:

В отдельных регионах пенсионеры также могут получить скидку на транспортный налог от 20 до 100% на автомобиль отечественного производства с двигателем мощностью до 150 л.с. или же водный транспорт мощностью до 30 л.с.

Транспортные льготы пенсионеров в 2023 году

Льготы на проезд на локальном общественном транспорте для пенсионеров устанавливают власти регионов. Некоторые субъекты делают проезд для получателей пенсии полностью бесплатным, другие выдают талоны, третьи предоставляют денежные компенсации.

Скидки пенсионеры могут получить и при проезде в пригородных электричках. В случае с поездами дальнего следования получатели пенсий могут воспользоваться льготным проездом при путешествии в санаторий. Бесплатный билет можно приобрести раз в год.

Определенные категории пенсионеров вправе приобретать бесплатные билеты три раза в год. Речь идет о Героях России, СССР, а также о кавалерах ордена Славы. Дважды в год они могут бесплатно съездить куда угодно и один раз до санатория/курорта.

Пенсионеры-ветераны также могут претендовать на уменьшение цены билета до 50%. На предоставление скидки также влияют дальность путешествия и сезон приобретения билета.

Билеты на авиаперелеты также можно приобрести по льготной цене. Власти ежегодно предоставляют субсидии ряду авиакомпаний на перевозку льготных категорий граждан.

В числе таких перевозчиков – «Аэрофлот», «Азимут», «Уральские авиалинии», «Алроса» и S7 Airlines.

Выплаты пенсионерам в 2023 году

Помимо пенсионных выплат пенсионерам положен набор социальных услуг (НСУ), который фактически

является монетизируемой (вместо предоставления выплачиваемой в денежном виде) льготой. В НСУ входит сумма на лекарства, лечение или оздоровление и проезд к месту лечения. В зависимости от категории пенсионера сумма монетизации социальных услуг может различаться.

Льготы по ЖКХ для пенсионеров в 2023 году

Жилищно-коммунальные льготы пенсионерам предоставляют власти регионов. В зависимости от субъекта пенсионеры могут претендовать на:

- получение субсидий и скидок на оплату ЖКХ либо полное освобождение от платы по счету;
- оплату вывоза мусора по льготному тарифу;
- компенсация затрат на капитальный ремонт жилья и газификацию.

Международный опыт предоставления льгот пенсионерам и малоимущим гражданам

В странах «развитого» капитализма практически повсеместно социальные льготы являются категорией налогового права. Что же касается пенсионеров в США, то для тех из них, которые имеют пенсионный доход ниже установленного уровня, государство оказывает поддержку в рамках различных социальных программ в виде пособий и страховых выплат, являющихся частью пенсионного законодательства США, которое создано и совершенствуется уже 86 лет. [7] Государственные программы, реализуемые в США, позволяют: компенсировать 20–30% арендной платы за снимаемое жилье («Восьмая программа»); SSI (Supplemental Security Income (с англ. дополнительный социальный доход)) компенсирует разницу между пенсией (основной) и прожиточным минимумом; Welfare (Государство всеобщего благосостояния)[8] организует выдачу льготных талонов на приобретение продуктов питания и предоставление муниципальное жилье. Medicaid – государственная программа, которая помогает оплачивать стационарный уход в больнице или в учреждении с квалифицированным сестринским уходом в течение ограниченного времени (после пребывания в больнице), услуги врачей и других поставщиков медицинского обслуживания, амбулаторное обслуживание, медицинский уход на дому, медицинское оборудование длительного пользования и некоторые профилактические услуги. Страховой план Medicare Advantage покрывает расходы на рецептурные лекарства, оплату стоматологических услуг[9]. Следует отметить, что выплата государством целевых поддерживающих пособий есть не что иное, как монетизация льгот, которая развивается в России сравнительно недавно, с принятием Федерального закона № 122-ФЗ[10], который в быту называли законом о монетизации льгот. С точки зрения экономики такой подход видится оправданным, так как не задерживает денежный оборот при прямой оплате компенсируемых и субсидируемых, необходимых для поддержания требуемого уровня жизни и здоровья определенных категорий людей товаров и услуг.

Итак, исходя из вышеуказанного материала, можно сделать вывод о том, что деятельность государства в сфере социальной политики в первую очередь направлена на повышение благосостояния социально не защищенных слоев населения и поддержки их на необходимом уровне, государство развивает свою политику в зависимости от минимальных потребностей общества.

Литература

1. Косаренко Н.Н. Основные тенденции реализации концепции социального государства в РФ: монография. – М.: Русайнс, 2019. – С. 21.
2. Холостова Е.И., Климантова Г.И. Социальная политика: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – С. 15.
3. Ахинов Г.А. Социальная политика: учебное пособие. / Г.А. Ахинов, С.В. Калашников. – М.: ИНФРА-М, 2020. – С. 7.
4. Шубина А.А. Социальная политика РФ. // Молодой ученый. – 2019. – № 41. – С. 207.
5. Barr, Nicholas. Economics of the Welfare State. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. – С. 3
6. Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 N178-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735 (Дата обращения: 08.05.23)
7. Алиева Д.Р. Основные черты систем пенционного обеспечения по старости зарубежных стран: Опыт США и ФРГ// Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2022. № 8. С. 241–24
8. Stoesz, David. Welfare State 3.0: Social Policy after the Pandemic. – Milton: Taylor & Francis Group, 2021 – p. 20.
9. Medicare [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.medicare.gov/your-medicare-costs> (Дата обращения: 08.05.23)
10. Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 22.08.2004 N122-ФЗ (редакция от 21.11.2022) – [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025 (Дата обращения: 08.05.23)

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE SYSTEM OF SOCIAL BENEFITS AS AN ELEMENT OF STATE SOCIAL POLICY

Pankratov I.S., Barovskikh M.D.
International Innovative University

The presented work examines the features of the legal regulation of social security in terms of providing social benefits to certain categories of the population. The current stage of society's development within the framework of social policy is conditioned by the fact that the implementation of the social function of the state is the fundamental direction of any state and occupies a leading role in public administration. The purpose of the presented work is to analyze the current state and identify trends in the development of legal regulation of the system of social benefits provided to needy categories of the population. The author explores the concepts of the social policy of the state, the system of granting benefits and the features of its legal regulation. A number of benefits provided to certain categories of the Russian population are considered. A comparative analysis of the Russian legislation on the provision of benefits and the national legislations of some foreign countries is carried out. It is noted that in world practice, the benefits provided to needy categories of the population apply mainly to taxes and are regulated by tax law. The prospects of gradual monetization of benefits and its possible economic effect are assessed.

Keywords: social function, social policy, benefits, taxation, welfare state.

References

1. Kosarenko N.N. The main trends in the implementation of the concept of the social state in the Russian Federation: monograph. – M.: Rusajns, 2020. – P. 21.
2. Kholostova E.I., Klimantova G.I. Social policy: a textbook for universities. – 3rd ed., revised. and additional – M.: Yurayt, 2021. – P. 15.
3. Akhinov G.A. Social policy: textbook. / G.A. Akhinov, S.V. Kalashnikov. – M.: INFRA-M, 2020. – P. 7.
4. Shubina A.A. Social policy of the Russian Federation. // Young scientist. – 2019. – No. 41. – S. 207.
5. Barr, Nicholas. Economics of the Welfare State. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. – p. 3.
6. Federal Law “On State Social Assistance” dated July 17, 1999 N178-FZ (as amended on April 28, 2023) [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735 (Accessed: 08.05.23)
7. Alieva D.R. The main features of old-age pension systems in foreign countries: The experience of the USA and Germany // Modern trends in the development of civil and civil procedural legislation and the practice of its application. 2022. No. 8. S. 241–24
8. Stoesz, David. Welfare State 3.0: Social Policy after the Pandemic. – Milton: Taylor & Francis Group, 2021 – p. 20.
9. Medicare [Electronic resource]. – URL: <https://www.medicare.gov/your-medicare-costs> (Accessed: 08.05.23)
10. Federal Law “On Amendments to the Legislative Acts of the Russian Federation and the Recognition of Certain Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid in Connection with the Adoption of Federal Laws “On the Introduction of Amendments and Additions to the Federal Law “On the General Principles of Organization of the Legislative (Representative) and Executive Bodies of the State authorities of the subjects of the Russian Federation “and” On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation “of 08.22.2004 N122-FZ (as amended on 11.21.2022) – [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025 (Accessed: 08.05.23)

Некоторые предложения по совершенствованию Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Статья посвящена исследованию Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», выступающему основным правовым актом, регламентирующим вопросы организации и деятельности прокурорской системы России. В рамках статьи уделяется особое внимание пробелам правового регулирования, а также предлагаются способы их устранения. Автор отмечает, что наличие пробелов и противоречий негативно влияет на его стабильность, что, безусловно, заслуживает дополнительного осмысления и формирования предложений, нацеленных на укрепление данного Закона, устранение существующих недостатков. Особо подчеркивается мысль о том, что отсутствие права законодательной инициативы (у Генерального прокурора РФ) не позволяет в полной мере использовать то, что можно назвать интеллектуально-правовым потенциалом органов прокуратуры, надзирая за исполнением законов, прокуратура как никакой другой орган (система органов) в состоянии оценить их эффективность, а также выявить факторы, ее снижающие: недостатки правового регулирования, несогласованность, противоречивость норм и другие обстоятельства, соответственно, особо значимым является предложение о восстановлении утраченного права. Предложенные Представленные в статье законодательные положения, приводят к мысли о своевременном характере преобразований прокуратуры РФ и ее деятельности с учетом всей специфики этого государственного института.

Ключевые слова: прокуратура; Федеральный закон «о прокуратуре Российской Федерации»; пробелы правового регулирования; законодательные предложения.

В современной социальной обстановке, непростых политических, экономических условиях, с учетом нынешнего состояния правовой ситуации в стране необходимо уточнение, укрепление всех элементов правового статуса прокуратуры, с приданием значимости ей именно как многофункциональному институту в структуре государственного механизма РФ.

Основным правовым документом, регламентирующим построение прокурорской системы, осуществление ею всех видов деятельности, является Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [1]. Являясь (наряду с Конституцией РФ [2]) правовым фундаментом прокуратуры России, данный правовой документ должен отличаться максимальной прочностью.

Вместе с тем, наличие пробелов и противоречий негативно влияет на его стабильность, что, безусловно, заслуживает дополнительного осмысления и формирования предложений, нацеленных на упрочение данного Закона, устранение имеющихся недостатков.

На протяжении многих лет неоднократно звучали различные мнения относительно совершенствования Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Зачастую они носили крайне противоречивый характер.

Не подвергается сомнению необходимость развития правового механизма регламентации вопросов организации и деятельности прокурорской системы Российской Федерации, но требует дополнительного анализа конкретные способы реализации назревших реформаций.

В качестве некоторых идей по реформированию Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» можно обозначить следующие:

1. Предлагается рассмотреть возможность предоставления прокурору полномочия по отстранению от должности руководителей, не исполняющих в установленный срок его (законные) требования, связанные с устранением выявленных нарушений закона, право (обязанность) принимать решения о принудительном приводе должностных лиц и граждан, не явившихся по вызову в прокуратуру без уважительных причин. Данные дополнения необходимы, ибо будут способствовать усилению прокурорской власти и повышению авторитета прокуратуры в целом, укреплению стабильности данной системы органов в обществе [3].

2. Одной из важнейших проблем, на которую необходимо обратить внимание, остается проблема придания особого значения централизации как основополагающему правовому принципу, отража-

ющему специфику построения всей прокурорской системы России. Несмотря на конституционные новеллы 2020 года, до сих пор сохраняется потребность в увеличении объема правовой регламентации централизации как руководящего положения организации и деятельности прокуратуры РФ. Централизацию стоит укреплять не столько как один из принципов организации, но более как руководящее положение, цементирующее все направления деятельности прокуратуры РФ.

3. Конституция Российской Федерации (ст. 104) не наделила (вновь) Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы, которое он достаточно успешно реализовывал на протяжении длительного промежутка времени.

Прокуроры информируют законодательные органы о наличии пробелов, разрозненности, а иногда и противоречивости в российском законодательстве, недостатках в законодательной технике и изложении конкретных норм. Представляется, что отсутствие обозначенного права не дает возможности прокурору лично вносить изменения в правовые акты, иными словами, на сегодняшний день действует так называемый «кривой» механизм устранения законодательных недостатков, выраженный в праве прокурора обратиться с определенным предложением к соответствующему органу, наделенному законом правом законодательной инициативы. Данный порядок не способствует обеспечению и поддержанию режима законности.

Конкретизировать нужно и содержание правотворческой деятельности органов прокуратуры РФ, проведя четкие границы между правотворчеством и надзорной работой, не сводя первое исключительно к осуществлению антикоррупционной экспертизы правовых актов.

4. В русле построения правового государства, развития его основных институтов, необходимо взглянуть в ракурсе потребности реформаций и на прокурорский надзор за исполнением наказаний, в большей степени исполнения наказаний в виде лишения свободы. Не секрет, что Российская Федерация испытывает нужду в совершенствовании пенитенциарной системы в целом. Федеральный закон «О прокуратуре РФ» не утвердил ряд принципиальных моментов: в частности, имеет смысл обозначить применяемые прокурором правовые средства реагирования на выявляемые им нарушения закона при проведении проверок исполнения законов в учреждениях, предназначенных для отбывания наказаний в виде лишения свободы, а также именно на федеральном уровне определить особенности проверки как основного правового способа выявления нарушений закона.

5. Нужен более широкий подход к смысловому наполнению функции уголовного преследования, дабы исключить имеющееся дублирование с участием в рассмотрении уголовных дел судами. Конституция Российской Федерации, в ст. 129 подчеркивает осуществление органами прокуратуры уголовного преследования как на одного из важнейших видов прокурорской деятельности. Придание

уголовному преследованию такого статуса требует внесения определенных дополнений в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». А именно: законодательно необходимо обозначить содержание этой функции, прописав основные формы ее реализации, указать участников и четко обозначить пределы. Провести разграничение между уголовным преследованием и надзором, а также участием в рассмотрении уголовных дел судами, реализуемым (в части соприкосновения) через поддержание государственного обвинения. Конституционный статус уголовного преследования диктует острую необходимость исключения тождества при характеристике смежных направлений прокурорской работы.

6. Необходима законодательная фиксация на уровне 1 ст. ФЗ «О прокуратуре РФ» надзорной деятельности прокуратуры за исполнением законодательства о несовершеннолетних, понимая комплексный характер, осознавая все сложности в изложении предмета, объектов надзора и полномочий прокуроров, используемых в данной сфере.

7. Крайне желательно приведение в соответствие с процессуальным законодательством РФ положений, посвященных вопросам участия прокурора в рассмотрении дел судами (Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданско-процессуальный кодекс РФ и иные)[4];[5].

8. Имеет смысл рассмотреть возможность приостановления (оспариваемого с помощью протеста) действия правового акта в рамках всех (установленных в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ») отраслей прокурорского надзора (по аналогии с надзором за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, применяющих меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу).

9. Предлагается в статьях Закона перечислить все существующие в рамках системы прокуратуры РФ специализированные органы, изменив название соответствующего Раздела на «Военная и иные специализированные органы прокуратуры».

Кроме того, отсутствие в тексте указания на Университет прокуратуры в качестве одного из важнейших элементов прокурорской системы, не способствует формированию целостного представления о прокурорской системе. Важно прописать основной функционал Университета, подчеркивая образовательный, научный, методический аспекты его деятельности в качестве основных. Значение работы Университета сложно переоценить. Это ключевой источник подготовки профессиональных кадров для органов прокуратуры. При помощи и активном содействии Университета осуществляется сближение науки и практики, основные научные достижения становятся опорой практиков, помогая повышению эффективности деятельности прокуратуры, обеспечению законности и правопорядка на всей территории Российской Федерации.

Сегодня особое звучание приобретает идея развития системы правовой пропаганды, правового воспитания населения, и прежде всего несовершеннолетних граждан, повышения их правовой культуры, сведения к минимуму правового нигилизма.

Заслуживает детального рассмотрения тема кадрового обеспечения органов прокуратуры, которая является одной из стержневых. В этих условиях целесообразно систематически проводить в жизнь комплекс мероприятий, носящих длительный, устойчивый характер. Особенная роль на этом поле возложена на образовательную организацию прокуратуры – Университет, а также на иные образовательные организации РФ, осуществляющие подготовку будущих прокурорских работников.

10. В целях формирования целостного представления (единообразного восприятия) о прокуратуре и ее работе, необходимо отображение функциональной характеристики в рамках одной статьи Закона – ст. 1, поэтому необходимо переместить положение ст. 2 («Международное сотрудничество») в текст ст. 1.

11. Нуждаются в более пристальном осмыслении ненадзорные направления работы прокуратуры: правотворческая деятельность, международное сотрудничество, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Применительно к ним стоит обозначить формы, участников, пределы этой деятельности, а также определить основные полномочия и правовые средства, используемые прокурорами.

12. В рамках самостоятельной главы должно прописать меры прокурорского реагирования. Законодатель сосредоточился на прокурорской проверке, внося несколько лет назад ключевые дополнения в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», но очень поверхностно подошел к отображению и закреплению мер прокурорского реагирования, которые, наряду с проверкой, играют первостепенную роль в деятельности прокуратуры по всем направлениям, иллюстрируя реакцию государства на выявленные нарушения закона, на нарушителей, восстанавливают социальную справедливость, обеспечивая законность и правопорядок

Предлагается сформировать самостоятельную главу «Меры прокурорского реагирования», где будут обозначены постатейно основные правовые средства, применяемые прокурорами при осуществлении надзорной и ненадзорной деятельности.

К их числу традиционно относят: «Протест» (требуется указать направления работы прокуратуры, в которых данный правоприменительный акт применим); «Представление» (здесь важно понимание идентичности наименований надзорного и судебного представлений, по этой причине целесообразно провести терминологическое их разграничение, применяя и фиксируя в тексте такие конструкции, как: «Надзорное представление» и «Судебное представление»); «Требование, вносимое в порядке реализации положений ст. 9.1»; «Постановление о возбуждении производства об адми-

нистративном правонарушении»; «Постановление о направлении материалов прокурорской проверки с связи с выявлением в ее ходе деяния, содержащего признаки состава преступления, обозначенного Особенной частью УК РФ для решения вопроса о возбуждении уголовного дела»; «Постановление о немедленном освобождении лиц, незаконно подвергнуты административному задержанию»; «Предостережение о недопустимости нарушения закона», а также закрепить все виды Постановлений, применяемых при проведении прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, все формы предварительного расследования, Требования, прокурора в отношении оперативного сотрудника, дознавателя и следователя и иных органов и лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность на досудебной стадии.

Нужно упомянуть о мерах прокурорского реагирования, применяемых и в ненадзорных направлениях работы.

Таким образом, сформулированные предложения приводят к мысли о важности своевременных преобразований прокуратуры РФ и ее деятельности с учетом всей специфики этого государственного института.

Литература

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 //РГ, № 39, 18.02.1992;
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.93 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года;
3. Шалумов М.С. – Функции прокуратуры // Государство и право. – 1995. № 6;
4. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 19.02.2018)// «Парламентская газета», N241–242, 22.12.2001;
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 03.04.2018)// «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, N46, ст. 4532.

SOME PROPOSALS FOR IMPROVING THE FEDERAL LAW ON THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION»

Potapova L.V.

UrGUU named after V.F. Yakovlev

The article discusses the Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation”, which is the main legal document governing the organization and activities of the prosecutorial system in Russia. The author identifies gaps in legal regulation and proposes ways to eliminate them, as the presence of gaps and contradictions negatively affects the stability of the system. The article emphasizes the importance of restoring the lost right of legislative initiative for the Prosecutor General of the Russian Federation, which would allow the prosecutor’s office to fully utilize its intellectual and legal potential in supervising the implementation of laws and assessing their effectiveness. The proposed legislative provisions presented in the ar-

title highlight the need for timely transformations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to address its specific challenges and ensure its effectiveness as a state institution.

Keywords: prosecutor's office; Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation"; gaps in legal regulation; legislative proposals.

References

1. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated January 17, 1992 No. 2202-1 //RG, No. 39, February 18, 1992;
2. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020;
3. Shalunov M.S. – Functions of the Prosecutor's Office // State and Law. – 1995. No. 6;
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 N174-FZ (as amended on 02/19/2018)// "Parliamentary newspaper", N241–242, 12/22/2001;
5. Code of Civil Procedure of the Russian Federation of 11/14/2002 N138-FZ (as amended on 04/03/2018)// Collection of Legislation of the Russian Federation, 11/18/2002, N46, art. 4532.

Правовое регулирование защиты персональных и биометрических данных в условиях цифровизации

Равоян Руслан Адович,

аспирант, кафедра конституционного и административного права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: rus.ravoyn@mail.ru

В условиях стремительного развития цифровых технологий всё в большей степени возникает необходимость по обеспечению информационной безопасности личности, общества и государства. В статье исследуются и обобщаются актуальные проблемы обеспечения защиты персональных данных в условиях развития и внедрения информационных технологий в социальную жизнь граждан, а также возможные пути для совершенствования правового регулирования. Отмечается, что при реализации гражданином принадлежащих ему от рождения, неотчуждаемых и гарантированных Конституцией Российской Федерации естественных прав и свобод, добровольное использование внедряемых цифровых технологий и оказание государственных услуг в электронной форме, с передачей и обработкой персональных и биометрических данных, не должно превратиться в обязательное их принятие. Данный подход, основанный на принципах добровольности обработки персональных данных граждан, обеспечит реализацию прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровые технологии; электронные услуги; персональные данные; биометрические данные; информационная безопасность, цифровое государство.

В последнее десятилетие в России, как и во всем мире, идет активный процесс освоения цифрового пространства. Ежедневный охват интернета в РФ составляет около 95 млн человек. В среднем около четырех часов россиянин проводит в сети «Интернет». Об этом сообщила исполнительный директор Mediascope (технологическая исследовательская компания) – Ксения Ачкасова.

Прирост аудитории интернета, который по-прежнему показывает высокие темпы, связан с приходом в сеть более взрослой аудитории. При этом и пандемия наложила свой отпечаток и внесла определённые аспекты в сферу информационных технологий.

Специфическую проблематику в условиях массовой цифровизации социальной жизни граждан приобретает обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства, в первую очередь, связанную с защитой персональных данных граждан.

В частности, за последний год одним из самых резонансных событий в области информационной безопасности стала «утечка» персональных данных пользователей одного из «IT-гигантов» России. Так, 1 марта 2022 года в СМИ стала появляться информация о том, что произошла утечка информации о пользователях различных платформ ООО «Яндекс», впоследствии данную информацию подтвердила служба безопасности Яндекса. По мнению специалистов, утечка данных произошла по вине одного из сотрудников компании. Через некоторое время в сети Интернет появился ресурс, который содержал персональные данные клиентов сервиса «Яндекс Еда»: ФИО, адреса заказа для курьеров, в том числе, этаж и код домофона, а также адреса электронной почты, сумма заказов на сервисе за полгода. Большая обеспокоенность среди пользователей Яндекса вызвала общественный резонанс. Проблема защиты персональных данных стала обсуждаться активнее.

Реакция государства оказалась незамедлительной, в частности, были приняты поправки, согласно которым, с 1 сентября 2022 года персональные данные обрабатываются по новым правилам. Внесенные изменения, предусматривают «обязанность операторов персональных данных незамедлительно сообщать об инцидентах с принадлежащими им базами персональных данных уполномоченные органы власти, а также осуществлять постоянное взаимодействие с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ» [3, пункт 13]. Кроме того,

поправки направлены на повышение защиты персональных данных россиян и усиление требований к операторам обработки таких данных.

Согласно принципу установленной статьи 2 Конституции Российской Федерации права и свободы человека являются высшей ценностью, а в условиях цифровизации, безопасность и возможность полноценной реализации прав и свобод граждан, была усилена отдельной конституционной поправкой 2020 года. Речь идет о пункте «м» статьи 71, закрепляющем в ведении Российской Федерации «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» [1, п. «м» ст. 71].

На наш взгляд, законодательство в области обеспечения информационной безопасности в условиях цифровизации социальной жизни, требует разъяснения.

Как показывает практика, граждане все чаще сталкиваются с принуждением пользователей к получению государственных услуг в электронной форме и соответственно к автоматизированной обработке персональных данных. Безусловно, представители государственной власти утверждают о добровольности обработки персональных данных, но фактически дело обстоит иначе.

В частности, согласно письму Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее – Минцифры) от июля 2022 года, у граждан есть право обращаться в государственные органы лично без применения информационных технологий, Минцифры не собирается отменять данное право или исключать его. При этом в антикризисном плане правительства «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13–60855 от 2 октября 2020 г.), прямо предусмотрена мера по переходу на исключительно электронный формат обращения граждан, исполнителем обозначено Минцифры.

С 1 января 2022 года вступили в силу поправки к Федеральному закону от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», если ранее этот закон предусматривал право выбора формы предоставления государственных услуг за гражданами, то теперь по общему правилу право выбора формы услуг перешло к государству, что непосредственно ведет к ограничению прав и свобод граждан. В частности, в этом законе указано, что по общему правилу «все результаты взаимодействия гражданина и государства будут оформляться исключительно в электронном виде без оформления на бумажном носителе» [4, ст. 7.4], все это требует регистрации граждан в Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) и передачу туда персональных граждан.

Согласно Федеральному закону от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» по каждому человеку формируется информационный регистр, собирается целое цифровое досье с данными о семейном положении, воинском учете, сведениях об образовании и пр., в общем, полная картина о человеке. При этом все органы государственной власти обязаны передавать в регистр персональные данные, также вне зависимости от наличия согласия граждан.

Еще одним резонансным событием в информационной сфере стало принятие Федерального закона от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», при этом инициаторы данного закона, преподносили обработку биометрических данных на добровольных началах, между тем его содержание говорит об обратном, в частности в статьях 4, 5, 13 речь идет о принудительной обработке персональных биометрических данных.

По утверждениям специалистов в области национальной и информационной безопасности, данный закон является серьезной угрозой, как для безопасности граждан, так и суверенитета государства, поскольку, биометрические данные, попав в руки к мошенникам, могут привести к массовым «киберпреступлениям», что особенно актуально в условиях проведения специальной военной операции, когда наши базы данных подвергаются постоянным атакам со стороны противника.

При этом есть и более глобальная информационная программа, так называемая «Цифровая экономика РФ», которая включает в себя проект «Цифровое государственное управление», в качестве достижения национальной цели в нем приводится – увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95% к 2030 году. При этом, о принципе добровольности при выборе формы оказания государственных услуг ничего не указано.

Не менее громким событием в области цифровизации социальной жизни стал эксперимент по внедрению цифровой образовательной среды, который ведет к принуждению обработки персональных данных детей и родителей. Министерство просвещения Российской Федерации заявляет, что предоставление данных будет осуществляться в рамках эксперимента, и только с согласия субъектов персональных данных. Между тем, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 13.07.2022 № 1241 «О федеральной государственной информационной системе «Моя школа» и внесении изменения в подпункт «а» пункта 2 Положения об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаи-

модействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме» указано, что «в системе «Моя школа» осуществляется обработка персональных данных участников образовательных отношений по перечню согласно приложению» [7, п. 12]. При этом о согласии граждан ничего не сказано, причем здесь предлагается обработка данных и детей, и педагогов, и родителей. Кроме того, в распоряжении Департамента образования и науки города Москвы от 15.04.2021 № 87р определено ведение личных дел, обучающихся, только в электронном виде.

На основании этих примеров можно сделать вывод о том, что те граждане, которые против регистрации на интернет порталах, против обработки своих персональных данных третьими лицами, лишены гарантированных Конституцией РФ прав и свобод.

Немаловажным аспектом при регулировании проблем обеспечения защиты персональных и биометрических данных в условиях цифровизации являются интересы большинства религиозно мотивированных граждан. Позиция верующих граждан заключается в недопустимости использования современных цифровых технологий для нарушения общечеловеческих прав и свобод, свободы воли, данной человеку Богом. Официальная позиция Синодального отдела РПЦ по взаимодействию с обществом и СМИ осуждает любую дискриминацию верующих, в том числе в части получения государственных услуг, не прошедших персональную (биометрическую) идентификацию.

Религиозное сообщество всецело поддерживает конституционное право каждого гражданина России в полной мере получать государственные услуги без прохождения процедуры электронной идентификации и возможности замены ее на традиционные варианты. Церковь призывает органы государственной власти неукоснительно обеспечивать данное право граждан.

Для решения обозначенных проблем рекомендуется:

- внести поправки в законодательство, которые будут гарантировать право всех граждан получать государственные услуги по их выбору, в традиционной или в электронной форме;
- обеспечить полноценное право граждан управлять своими персональными и биометрическими данными, в частности запретить их передачу в единые централизованные регистры данных;
- отказаться от внедрения единого регистра населения или как минимум обеспечить право граждан на отказ от передачи персональных данных в такой регистр
- отказаться от внедрения цифровых профилей граждан.

Несомненно, развитие законодательства и административной практики в условиях масштабной цифровизации не должно ущемлять гарантирован-

ные Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина, в частности, «свободное принятие электронных документов не должно трансформироваться в обязательное условие реализации гражданином принадлежащих ему от рождения и гарантированных Конституцией Российской Федерации естественных прав и свобод» [10].

Литература

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. – Москва: Эксмо. 2020
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О персональных данных»
3. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»
5. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации»
6. Федерального закона от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»
7. Постановлении Правительства Российской Федерации от 13.07.2022 № 1241 «О федеральной государственной информационной системе «Моя школа» и внесении изменения в подпункт «а» пункта 2 Положения об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме»
8. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7.
9. Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху / П.П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019.
10. Головин Е.Г. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации социальной жизни / Актуальные проблемы реализации Консти-

туции России: сборник материалов научно-практического семинара. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС. 2019

11. Игонина, О.О. Развитие цифровых технологий в период пандемии COVID-19: новые риски и новые возможности / О.О. Игонина, О.В. Прущак. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 21 (363). – С. 492–494. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81284/> (дата обращения: 12.03.2023).

LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF PERSONAL AND BIOMETRIC DATA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Ravoyan R.A.

Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

In the context of the rapid development of digital technologies, there is an increasing need to ensure the information security of the individual, society and the state. The article examines and summarizes the actual problems of ensuring the protection of personal data in the context of the development and implementation of information technologies in the social life of citizens, as well as possible ways to improve legal regulation. It is noted that when a citizen realizes his birthright, inalienable and guaranteed by the Constitution of the Russian Federation natural rights and freedoms, the voluntary use of the implemented digital technologies and the provision of public services in electronic form, with the transfer and processing of personal and biometric data, should not turn into their mandatory Adoption. This approach, based on the principles of voluntary processing of personal data of citizens, will ensure the implementation of the rights and freedoms guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: digital technologies; electronic services; Personal Information; biometric data; information security, digital state.

References

1. The Constitution of the Russian Federation as amended by the All-Russian vote on July 1, 2020. – Moscow: Eksmo. 2020
2. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 (as amended on December 30, 2020) “On Personal Data”
3. Federal Law No. 266-FZ of July 14, 2022 “On Amending the Federal Law “On Personal Data”, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing Part Fourteen of Article 30 of the Federal Law “On Banks and Banking Activities” as invalid
4. Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ “On the organization of the provision of state and municipal services”
5. Federal Law of June 8, 2020 No. 168-FZ “On the unified federal information register containing information about the population of the Russian Federation”
6. Federal Law No. 572-FZ of December 29, 2022 “On the Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid”
7. Decree of the Government of the Russian Federation of July 13, 2022 No. 1241 “On the federal state information system” My School “and amending subparagraph “a” of paragraph 2 of the Regulation on the infrastructure that provides information and technological interaction of information systems used to provide state and municipal services and performance of state and municipal functions in electronic form”
8. Avakyan S.A. Information space of knowledge, digital world and constitutional law // Constitutional and municipal law. 2019. No. 7.
9. Baranov P.P. Constitutional rights and freedoms of a person in the digital era / P.P. Baranov // North Caucasian Legal Bulletin. – 2019.
10. Golovin E.G. Ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of digitalization of social life / Actual problems of the implementation of the Constitution of Russia: a collection of materials of a scientific and practical seminar. – Nizhny Novgorod: NRU RANEPА. 2019
11. Igonina, O.O. Development of digital technologies during the COVID-19 pandemic: new risks and new opportunities / O.O. Igonina, O.V. Prushchak. – Text: direct // Young scientist. – 2021. – No. 21 (363). – S. 492–494. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81284/> (date of access: 03/12/2023).

Субъекты субсидиарной ответственности в делах о банкротстве

Абдиримов Александр Фахраддинович,

студент магистратуры, кафедра предпринимательского права и арбитражного процесса. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: sashka.chelovek@mail.ru

Озмания Юсуб Зограбович,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: ozmanyany.u@mail.ru

В настоящей статье рассматривается понятие контролирующего должника лица (КДЛ) по Закону о банкротстве РФ, описываются основные признаки и законодательно установленные презумпции контроля. Например, лица, получившие выгоду от незаконных действий руководителя должника, могут быть признаны контролирующими, а бенефициарным владельцем является лицо, контролирующее юридическое лицо. Авторами приведены примеры из судебной практики и перечень признаков, которые могут помочь установить статус контролирующего лица. Приведена позиция Пленума Верховного Суда РФ относительно ответственности юридических лиц и их руководителей, уточняется, что номинальные руководители могут быть причиной имущественного вреда кредиторам. Рассматривается определение номинального руководителя и его роль в контроле над должником. Стоит отметить, что наличие номинального статуса не освобождает от субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующее должника лица, признаки кдл, номинальный руководитель.

Исходя из положений статьи 53.1 ГК РФ, к ответственности за нанесенный вред юридическому лицу могут быть привлечены: лица, уполномоченные выступать от имени юридического лица, по предусмотренным основаниям; члены коллегиальных органов управления, за исключением тех, кто голосовал против негативного решения; и лиц, имеющих фактическую возможность управлять, как самим юридическим лицом, так и его участниками.

В научной литературе по-разному относятся к кругу субъектов субсидиарной ответственности, одни относят к ним только контролирующих акционеров и учредителей[1, с. 20]. Другие ученые расширяют данный круг, относят к нему иных лиц, которые способны контролировать деятельность юридического лица[2, с. 17].

Однако, контролирующие должника лица, а также лица, подписавшие проспект ценных бумаг, несут ответственность не только перед непосредственно юридическим лицом, такой интерес распространяется и на права третьих лиц, то есть кредиторов. Таким образом, субсидиарная ответственность может быть применена к более широкому кругу лиц, чем указано в ГК РФ, исходя из ситуации.

Для того, чтобы определить субъекта, который будет нести субсидиарную ответственность за несостоятельность должника законодатель сформулировал понятие контролирующее должника лица (КДЛ). Опираясь на данное понятие, можно сказать, что это физическое или юридическое лицо, имеющее возможность управлять и контролировать действиями должника, в течении трех лет до появления признаков несостоятельности или после них, до момента подачи заявления о признании должника банкротом[4].

Закон о банкротстве закрепляет основные признаки КДЛ, для этого установлены соответствующие презумпции касающиеся, определения контролирующего лица, относя к таким лицам: руководителей, акционеров, управляющие организации и извлекающих выгоду из незаконного поведения лиц[5, с. 154]. Последнего субъекта в доктрине называют пособником. Таки лица неформально связаны с должником, но могут управлять его активами и влиять на его бизнес[6, с. 33].

ППВС от 21.12.2017 г. № 53 дает разъяснение о том, что контролирующее должника лицо извлекает выгоду из незаконного поведения должника. Также лицо, получившее существенный актив

должника по сделке, совершенной руководителем в ущерб организации, является КДЛ.

Помимо этого, ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», относит бенефициарного владельца к лицу, каким-либо образом владеющим юридическим лицом или его контролирующее [7]. Аналогичная правовая категория наличествует в Конвенции ООН и была признана Верховным судом РФ Определением № 5-КГ13–61 от 18.06.2013 г.[8].

Исходя из позиций ВС РФ и ВАС РФ, корпоративная или иная связь, а также положение бенефициарного владельца – выгодоприобретателя, объясняет мотив контролирующих лиц, выражающийся в заинтересованности причинения вреда подконтрольными компаниями.

В судебной практике, касающейся банкротства имеется тенденция роста привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности при не полном удовлетворении требований кредиторов.

Примером может стать дело, в котором организация и ее бывшие руководители являются аффилированными лицами и бенефициарами, получившие капитал от подконтрольной организации. Данное обстоятельство не позволило погасить требование кредиторов в полном объеме, что повлекло за собой привлечение к субсидиарной ответственности лицо, на которое был переведен бизнес, как контролирующее лицо должника[9].

Основания признания лица КДЛ, содержащиеся в Законе о банкротстве могут быть расширены судом, в случае установления факта контроля и управлением должником. ВС РФ Определением от 14.09.2020 признал недействительными сделки между должником и обществом, поскольку управляющие ими лица были аффилированными, которые оказывали влияние на общество, безосновательно переводили капитал подконтрольному лицу, в связи с чем был причинен существенный вред должнику и его кредиторам. Суд нашел в таких действиях основания для привлечения КДЛ к дополнительной ответственности[10].

Имеется и ограничение по основаниям признания лица КДЛ, в случае если оно имеет менее 10% уставного капитала. Данное положение нашло отражение в практике Арбитражного суда г. Москвы, где участника имеющего 2,8% доли уставного капитала не привлекли к субсидиарной ответственности по долгам должника, так как не было представлено доказательств его контроля должником[11].

Весьма показательным является тот факт, что определение КДЛ через его возможность влиять на действия должника, дают кредиторам широкий спектр возможности доказывания, кто именно является КДЛ. В соответствии с законодательством о банкротстве, суды определяют наличие у лица статуса контролирующего, используя различные критерии, включая родственные или имущественные связи с должником, а также должностное положение, например, финансового директора[12, с.

155]. Кроме того, руководитель или члены органов управления должника могут подвергаться влиянию контролирующего лица, что также может указывать на его статус.

Однако, для того чтобы признать лицо контролирующим, ему необходимо иметь возможность давать обязательные указания и определять действия должника не только формально, но и реально, благодаря межличностным отношениям. При этом, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, не все субъекты, удовлетворяющие перечисленным критериям, могут быть привлечены к ответственности. Их действия могут быть связаны с рисками предпринимательской деятельности и экономическими последствиями, а не быть недобросовестными или неразумными[13].

Также в литературе используется термин «номинальное юридическое лицо», который описывает ситуацию, когда контролирующие лица используют юридическое лицо для минимизации рисков предпринимательской деятельности и защиты своих интересов за счет кредиторов[14, с. 14].

В современном бизнесе, чтобы избежать субсидиарной ответственности, руководители компаний используют такую практику, как назначение номинальных руководителей. Они ищут людей из более уязвимых слоев общества с низким уровнем правовой осведомленности и финансовым положением, чтобы положить на них ответственность. Фактический контроль за компанией при этом остаётся за тенью. ППВС РФ от 21.12.2017 г. № 53 закрепляет, что номинальный руководитель – это тот, кто формально состоит в органах управления юридического лица, но не фактически не управляет им. Например, номинальный руководитель делегирует управление организацией другому лицу, а также принимать решение только с согласия третьего лица, не уполномоченным на принятие таких решений, то есть фактического руководителя.

Закон о банкротстве в качестве КДЛ определяет и номинального руководителя, таким образом, номинальный директор не может освободиться от субсидиарной ответственности, только потому что имеет номинальный статус. Таким образом, использование номинальных руководителей не гарантирует защиту от юридической ответственности, и это должно быть учтено при управлении компанией.

Как отмечал А.Р. Емалтынов, даже если номинальный руководитель формально не управляет юридическим лицом, это не лишает его возможности оказывать влияние на должника и не освобождает от обязанностей по обеспечению надлежащей работы системы управления [15, с. 44]. Однако, П.М. Морхат считает, что такое толкование значительно ограничивает возможность полного освобождения от субсидиарной ответственности [16, с. 47].

Законодательство о банкротстве имеет свою специфическую терминологию и определение субъекта субсидиарной ответственности. Положение об ответственности перед юридическим ли-

цом, закрепленные в ГК РФ, в некоторой мере пересекаются с положениями о субсидиарной ответственности в законе о банкротстве, но они не идентичны. Лица, обладающие возможностью фактического управления должником, признаются контролирующими должника лицами, но не обязательно являются номинальными руководителями, поэтому могут нести субсидиарную ответственность.

При несостоятельности юридического лица, субсидиарная ответственность ложится на определенных субъектов и могут включать в себя главных исполнительных директоров, учредителей и членов совета директоров.

Главный исполнительный директор является одним из основных субъектов, на которых может быть наложена субсидиарная ответственность в делах о банкротстве. Он наделен полномочиями по управлению компанией и несет ответственность за деятельность юридического лица. Если действия главного исполнительного директора привели к банкротству компании, суд может наложить на него субсидиарную ответственность.

Учредители также могут быть субъектами субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. В соответствии с законодательством, учредители несут ответственность за деятельность юридического лица в пределах их вклада в уставный капитал компании. Однако, если деятельность юридического лица привела к банкротству, учредители могут быть привлечены к субсидиарной ответственности за долги компании, которые превышают их вклад.

Члены совета директоров также могут быть субъектами субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Они несут ответственность за деятельность компании и могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, если действия компании, за которые они несут ответственность, привели к ее банкротству.

В целом, субъекты субсидиарной ответственности в делах о банкротстве включают главных исполнительных директоров, учредителей и членов совета директоров. Они несут ответственность за деятельность компании и могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, если действия компании привели к ее банкротству.

Литература

1. Жукова Ю.Д. Ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица: анализ правовых возможностей, заложенных в статье 53.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник арбитражной практики. 2014. №5. С. 20;
2. Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. №9. С. 17.
3. Мифтахутдинов Р.Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. №7. С. 35.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. №209–210. 02.11.2002.
5. Рыков И. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2017. 154 с.
6. Османова Д.О., Попов В.А., Юрьев С.В. Ключевые аспекты применения института соучастия при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности в банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. №3. С. 33.
7. Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. №151–152. 09.08.2001.
8. Определение Верховного Суда РФ № 5-КГ13–61 от 18.06.2013 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.03.2023).
9. Определение Арбитражного суда Республики Алтай от 19.08.2020 г. по делу № А02–1763/2015 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2021).
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.06.2020 № Ф04–2984/2017 по делу № А27–15133/2016 // [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2023).
11. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 04.02.2021 по делу № А40–46935/2018 // [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2023).
12. Михневич А.В. Понятие контролирующих должника лиц в процедуре банкротства / А.В. Михневич, А.Н. Оселедко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №10–2. С. 155.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №8.
14. Подшивалов Т.П. Злоупотребление корпоративными правами: участие в гражданском обороте номинальных и операционных юридических лиц // Российская юстиция. 2014. №12. С. 14.
15. Емалтынов А.Р. Процессуальные аспекты уменьшения размера субсидиарной ответственности в связи с раскрытием информации о контролирующих лицах // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. №5. С. 44.

16. Морхат П.М. Субсидиарная ответственность номинальных директоров: анализ практики арбитражных судов // Судья. 2019. N3. С. 47.

SUBJECTS OF SUBSIDIARY LIABILITY IN BANKRUPTCY CASES

Abdirimov A.F., Ozmanyay Yu.Z.

Novosibirsk National Research State University

This article discusses the concept of a controlling debtor (CDL) under the Bankruptcy Law of the Russian Federation, describes the main features and legally established presumptions of control. For example, persons who have benefited from the illegal actions of the debtor's manager may be recognized as controlling, and the beneficial owner is the person controlling the legal entity. The authors provide examples from judicial practice and a list of signs that can help establish the status of a controlling person. The position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the liability of legal entities and their managers is given, it is clarified that nominal managers can be the cause of property damage to creditors. The definition of a nominal head and his role in controlling the debtor are considered. It is worth noting that the presence of a nominal status does not exempt from subsidiary liability.

Keywords: subsidiary liability, persons controlling the debtor, signs of the cdl, nominal head.

References

1. Zhukova Yu.D. Responsibility of persons having the actual ability to determine the actions of a legal entity: an analysis of the legal possibilities laid down in article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Arbitration Practice. 2014. No. 5. S. 20;
2. Lomakin D.V. The concept of removing the corporate cover: the implementation of its main provisions in the current legislation and the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 9. S. 17.
3. Miftakhutdinov R.T. Persons controlling the debtor as subjects of subsidiary liability in bankruptcy // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. N7. S. 35.
4. Federal Law of October 26, 2002 N127-FZ (as amended on December 28, 2022) "On Insolvency (Bankruptcy)" // Rossiyskaya Gazeta. N209–210. 02.11.2002.
5. Rykov I. Subsidiary responsibility in the Russian Federation. M.: Statut, 2017. 154 p.
6. Osmanova D.O., Popov V.A., Yuriev S.V. Key aspects of the application of the institution of complicity in resolving disputes about bringing to subsidiary liability in bankruptcy // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2020. N3. S. 33.
7. Federal Law of 07.08.2001 N115-FZ (as amended on 12/29/2022) "On counteracting the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism" // Rossiyskaya Gazeta. N151–152. 08/09/2001.
8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG13–61 dated 06/18/2013 [Electronic resource] // ConsultantPlus legal reference system (date of access: 03/02/2023).
9. Determination of the Arbitration Court of the Republic of Altai dated August 19, 2020 in case No. A02–1763/2015 [Electronic resource] // ConsultantPlus legal reference system (date of access: May 19, 2021).
10. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 06/18/2020 N F04–2984 / 2017 in case N A27–15133 / 2016 // [Electronic resource]: ConsultantPlus legal reference system (date of access: 03/05/2023).
11. Ruling of the Arbitration Court of Moscow dated February 4, 2021 in case No. A40–46935/2018 // [Electronic resource]: ConsultantPlus legal reference system (date of access: 03/05/2023).
12. Mikhnevich A.V. The concept of persons controlling the debtor in the bankruptcy procedure / A.V. Mikhnevich, A.N. Oseledko // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. N10–2. S. 155.
13. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 N25 "On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
14. Podshivalov T.P. Abuse of corporate rights: participation in civil circulation of nominee and operational legal entities // Russian Justice. 2014. No. 12. S. 14.
15. Emaltynov A.R. Procedural aspects of reducing the size of subsidiary liability in connection with the disclosure of information about controlling persons // Arbitration and civil process. 2020. N5. S. 44.
16. Morhat P.M. Subsidiary liability of nominee directors: analysis of the practice of arbitration courts // Judge. 2019. N3. S. 47.

Совершенствование регламентирующих основ купли-продажи объектов недвижимости

Аванов Александр Эдуардович,

аспирант, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
E-mail: avanov@mail.ru

В современной России рынок недвижимости является одним из самых активных и динамичных секторов экономики. Однако, несмотря на высокую активность, в этой сфере все еще существует ряд проблем, связанных с покупкой и продажей объектов недвижимости. Одной из основных проблем является отсутствие четких и единых правил, регулирующих процесс купли-продажи недвижимости. В настоящее время существует множество различных законодательных актов, которые относятся к данной сфере, но они не всегда позволяют решить все проблемы, возникающие при сделках с недвижимостью. В связи с этим необходимо совершенствование регламентирующих основ купли-продажи объектов недвижимости. Важно разработать спектр рекомендаций, которые будут действовать на всей территории России и которые позволят снизить количество конфликтов между продавцами и покупателями. В данной статье была указана актуальность исследования недвижимости как объекта гражданских прав в России, приведена характеристика современного гражданского законодательства РФ, регламентирующего процессы на рынке недвижимости, связанные с её куплей-продажей, приведены конкретные примеры того, что законодательство РФ не всегда обеспечивает четкие механизмы защиты прав покупателей недвижимости, некоторые проблемы, обусловленные исполнением договора купли-продажи объектов недвижимости, а также ряд рекомендаций, которые могут позволить минимизировать проблемы и в то же время усовершенствовать современное гражданское законодательство в контексте регламентации сделок купли-продажи объектов недвижимости.

Ключевые слова: недвижимость, договор купли-продажи недвижимости, современное законодательство РФ, правовые проблемы, обязательство, нотариус, субъект сделки.

Исследование недвижимости как объекта гражданских прав в России имеет большую актуальность в современном обществе. Недвижимость является одним из самых дорогих и значимых объектов собственности, который может иметь гражданин. Из-за этого возникают различные споры и конфликты, связанные с правами на недвижимость.

В России существует сложная система правового регулирования отношений, связанных с недвижимостью. Важно изучать эту систему, чтобы понимать, какие права и обязанности имеют собственники недвижимости, а также какие меры защиты существуют в случае нарушения этих прав.

Кроме того, изучение недвижимости как объекта гражданских прав в России имеет практическую значимость. Например, знание правовых аспектов позволяет грамотно оформлять сделки с недвижимостью, а также предотвращать возможные споры и конфликты.

Таким образом, исследование недвижимости как объекта гражданских прав в России имеет большую актуальность и важность для граждан, которые являются собственниками этого объекта, а также для юристов и специалистов, работающих в сфере недвижимости.

Современное гражданское законодательство РФ в сфере купли-продажи объектов недвижимости представлено Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) [1] и законодательством о недвижимости (например, [2]). В целом, законодательство обеспечивает достаточно высокий уровень защиты прав и интересов сторон сделки купли-продажи.

Согласно ГК РФ, договор купли-продажи объекта недвижимости должен быть заключен в письменной форме и зарегистрирован в установленном порядке. Это позволяет избежать возможных конфликтов и споров между сторонами в будущем.

Законодательство также предусматривает обязательное осуществление нотариального заверения договора купли-продажи недвижимости. Это гарантирует подлинность и законность сделки, а также защищает права покупателя в случае возникновения проблем с объектом недвижимости.

Кроме того, законодательство РФ устанавливает обязательность проведения технического осмотра объекта недвижимости перед его продажей, что позволяет убедиться в том, что объект соответствует требованиям законодательства и не имеет скрытых дефектов.

Несмотря на то, что современное гражданское законодательство РФ в сфере купли-продажи объектов недвижимости обеспечивает достаточно вы-

сокий уровень защиты прав и интересов сторон, все же существуют некоторые пробелы и неясности в законодательстве, которые могут привести к возникновению споров и конфликтов между сторонами.

Например, законодательство не всегда четко определяет понятие «недвижимость», что может привести к разногласиям между сторонами сделки. Также существуют некоторые неясности в законодательстве относительно условий, которые должны быть указаны в договоре купли-продажи недвижимости, что может привести к трактовке этих условий по-разному [3].

Кроме того, законодательство РФ не устанавливает четких механизмов защиты прав покупателей в случае возникновения проблем с объектом недвижимости после его покупки. Например, существует необходимость усовершенствования механизмов регулирования споров между сторонами сделки при возникновении проблем с качеством объекта недвижимости.

Существующая судебная практика РФ отражает тот факт, что законодательство РФ не всегда обеспечивает четкие механизмы защиты прав покупателей в случае возникновения проблем с объектом недвижимости после его покупки. Например, в ряде случаев суды вынуждены применять общие нормы гражданского законодательства для решения споров между сторонами, что не всегда позволяет достичь справедливого решения [4].

Один из примеров, как суды вынуждены применять общие нормы гражданского законодательства для решения споров между сторонами, – это судебные споры, связанные с возмещением убытков в случае некачественной недвижимости. В соответствии с гражданским законодательством РФ, если недвижимость оказалась некачественной, то покупатель имеет право требовать возмещения убытков, причиненных ему этим недостатком.

Однако, в случае если продавец отказывается возмещать убытки, покупатель вынужден обращаться в суд. В данном случае суд вынужден применять общие нормы гражданского законодательства для определения размера убытков, что может привести к несправедливому решению в пользу продавца.

Еще один пример связан с проблемами, обусловленными оформлением прав собственности на недвижимость. В случае если продавец недвижимости не является ее собственником, покупатель может столкнуться с проблемами при оформлении своих прав на объект недвижимости. В данном случае суд вынужден применять общие нормы гражданского законодательства для определения права собственности на объект, что может привести к несправедливому решению в пользу продавца [5].

Таким образом, суды вынуждены применять общие нормы гражданского законодательства для решения споров между сторонами, что не всегда позволяет достичь справедливого решения в пользу покупателя.

Также, суды вынуждены применять различные методы толкования законодательства, включая применение аналогии и принципа действительности сделок, чтобы защитить права покупателей недвижимости. Например, в ряде случаев суды применяют принцип действительности сделок для того, чтобы признать договор купли-продажи недействительным, если продавец знал о скрытых дефектах объекта недвижимости, но не сообщил об этом покупателю.

Принцип действительности сделок требует, чтобы сделки, заключаемые между сторонами, соответствовали законодательству и не нарушали прав и интересов других лиц. Если продавец знал о скрытых дефектах объекта недвижимости, но не сообщил об этом покупателю, то суд может признать договор купли-продажи недействительным [6].

Примером может служить судебное дело, когда покупатель приобрел квартиру у продавца, который знал о наличии скрытых дефектов, но не сообщил об этом покупателю. В течение нескольких месяцев после покупки квартиры, у покупателя начали проявляться проблемы со стенами и потолками, связанные с наличием скрытых дефектов. Покупатель обратился в суд с требованием о признании договора купли-продажи недействительным и возврате денежных средств.

Суд применил принцип действительности сделок и признал договор купли-продажи недействительным, так как продавец знал о скрытых дефектах и не сообщил об этом покупателю, что нарушило права и интересы покупателя. Суд признал, что покупатель не получил то, что ему было обещано, а именно квартиру без скрытых дефектов, и обязал продавца вернуть денежные средства, уплаченные за квартиру.

Таким образом, принцип действительности сделок дает судам возможность признать договор купли-продажи недействительным, если продавец знал о скрытых дефектах объекта недвижимости, но не сообщил об этом покупателю. Это позволяет защитить права и интересы покупателей и обеспечить справедливое решение в спорах между сторонами.

Однако, несмотря на то, что суды вынуждены применять различные методы толкования законодательства, судебная практика также свидетельствует о том, что в некоторых случаях законодательство РФ обеспечивает достаточно высокий уровень защиты прав покупателей недвижимости. Например, законодательство предусматривает возможность предъявления иска о расторжении договора купли-продажи недвижимости в случае, если объект недвижимости оказался некачественным [7].

Законодательство предусматривает возможность предъявления иска о расторжении договора купли-продажи недвижимости в случае, если объект недвижимости оказался некачественным. Это означает, что покупатель имеет право потребовать расторжения договора и возврата денеж-

ных средств, если имеются серьезные недостатки в объекте недвижимости.

Примером может служить судебное дело, когда покупатель приобрел дом у продавца, а после покупки обнаружил, что у дома имеются серьезные недостатки, такие как трещины в фундаменте, отсутствие канализации и отопления. Покупатель обратился в суд с требованием о расторжении договора купли-продажи и возврате денежных средств.

Суд применил законодательство и признал дом некачественным, что является основанием для расторжения договора купли-продажи. Суд признал, что продавец не предоставил покупателю качественный объект недвижимости, что является нарушением его прав и интересов. Суд признал, что покупатель имеет право на возврат денежных средств, уплаченных за дом, и обязал продавца вернуть деньги.

Таким образом, законодательство предусматривает возможность предъявления иска о расторжении договора купли-продажи недвижимости в случае, если объект недвижимости оказался некачественным. Судебная практика показывает, что суды защищают права и интересы покупателей и применяют законодательство в случае нарушения прав покупателей продавцами. Это позволяет защитить интересы покупателей и обеспечить справедливое решение в спорах между сторонами.

Вместе с тем существующая судебная практика РФ свидетельствует о том, что законодательство РФ не всегда обеспечивает четкие механизмы защиты прав покупателей недвижимости, однако суды вынуждены применять различные методы толкования законодательства для защиты прав покупателей.

Конкретные примеры того, что законодательство РФ не всегда обеспечивает четкие механизмы защиты прав покупателей недвижимости, включают в себя следующее:

1. Продажа недвижимости без документов: В России существует практика продажи недвижимости без документов, таких как свидетельство о праве собственности или технический паспорт. Это может привести к тому, что покупатель не сможет доказать свои права на объект недвижимости в будущем, если возникнут споры с другими лицами.

2. Недостаточная защита прав покупателей в случае банкротства застройщика: Если застройщик обанкротится, покупатели недвижимости могут потерять свои деньги и права на объект недвижимости. Законодательство РФ не всегда обеспечивает защиту прав покупателей в таких ситуациях.

3. Отсутствие четкой ответственности продавцов за скрытые дефекты: В России законодательство не всегда обеспечивает четкую ответственность продавцов за скрытые дефекты недвижимости. Это может привести к тому, что покупатель останется без возможности получить компенсацию за ущерб, причиненный скрытыми дефектами.

4. Сложности в получении кредита на покупку недвижимости: В России сложно получить кредит на покупку недвижимости, особенно для молодых семей и людей с низким доходом. Это может привести к тому, что люди не могут позволить себе купить жилье, что является нарушением их прав на жилье.

5. Сложности в получении компенсации за недостроенные объекты недвижимости: В России часто возникают случаи недостроенных объектов недвижимости, когда застройщик не выполняет свои обязательства перед покупателями. Законодательство не всегда обеспечивает четкие механизмы для получения компенсации за недостроенные объекты недвижимости, что может привести к тому, что покупатель потеряет свои деньги и права на объект недвижимости [8].

Также существуют некоторые проблемы с реализацией законодательства в практическом плане, в частности, связанные с неэффективностью работы муниципальных органов, которые отвечают за регистрацию договоров купли-продажи недвижимости и решение споров между сторонами.

В целом, несмотря на существующие пробелы и неясности в законодательстве РФ в сфере купли-продажи объектов недвижимости, современное законодательство обеспечивает достаточно высокий уровень защиты прав и интересов сторон, однако необходимо усовершенствование законодательства и его практической реализации.

Поэтому в данной статье всё же целесообразно сфокусироваться на проблемах, которые обусловлены сделками купли-продажи недвижимости. В первую очередь, стоит отметить то обстоятельство, что в контексте совершенствования гражданского законодательства РФ, начиная с 2013 года, о которых стоит упомянуть далее.

В гражданское законодательство РФ были внесены изменения в регулирование сделок купли-продажи недвижимости с 2013 года. Некоторые из этих изменений включают:

1. Введение обязательной нотариальной формы сделок: С 1 июля 2013 года все сделки купли-продажи недвижимости должны оформляться в нотариальной форме. Это позволяет укрепить правовую защиту покупателей и продавцов.

2. Усиление требований к договорам купли-продажи: В новой редакции гражданского кодекса РФ были усилены требования к договорам купли-продажи недвижимости. Теперь договор должен содержать более детальную информацию о продавце, покупателе, объекте недвижимости и условиях сделки.

3. Расширение перечня обязательных документов: Список обязательных документов для сделки купли-продажи недвижимости был расширен. Теперь к ним относятся: свидетельство о праве собственности, технический паспорт, документы о праве на земельный участок, если он входит в объект недвижимости.

4. Введение новых правил по продаже жилья в новостройках: Были введены новые правила, ре-

гулирующие продажу жилья в новостройках. Теперь застройщики обязаны заключать договоры долевого участия в строительстве в форме нотариального акта, а также обеспечивать защиту прав покупателей в случае недостроенного объекта недвижимости или банкротства.

5. Усиление ответственности продавцов за скрытые дефекты: В гражданском кодексе РФ была усилена ответственность продавцов за скрытые дефекты недвижимости. Теперь продавец обязан уведомить покупателя обо всех известных ему дефектах недвижимости, а в случае скрытия дефектов, продавец может быть привлечен к ответственности [9].

В процессе реализации (исполнения) договоров купли-продажи объектов недвижимости могут возникать различные проблемы. Некоторые из них включают:

1. Несоответствие фактического состояния объекта недвижимости условиям договора: Эта проблема может возникнуть, если продавец предоставил недостоверную информацию об объекте недвижимости или скрыл какие-либо существенные факты о нем.

Несоответствие фактического состояния объекта недвижимости условиям договора – это одна из наиболее распространенных проблем, которая может возникнуть в процессе реализации (исполнения) договоров купли-продажи объектов недвижимости. Эта проблема может возникнуть по нескольким причинам.

Во-первых, продавец может предоставить недостоверную информацию о состоянии объекта недвижимости. Например, он может скрыть информацию о том, что объект недвижимости имеет серьезные конструкционные проблемы или что на объекте недвижимости имеются ограничения прав третьих лиц.

Во-вторых, продавец может не дать согласие на проведение технического осмотра объекта недвижимости или не предоставить все необходимые документы для проведения такого осмотра. В результате покупатель может не иметь возможности убедиться в том, что объект недвижимости соответствует условиям договора купли-продажи [10].

Кроме того, продавец может совершать ошибки при заполнении документов, что может привести к несоответствию фактического состояния объекта недвижимости условиям договора купли-продажи.

Несоответствие фактического состояния объекта недвижимости условиям договора купли-продажи может привести к различным правовым проблемам. В таких случаях покупатель может потребовать изменения условий договора или расторжения договора, а также возмещения убытков, которые возникли в результате несоответствия фактического состояния объекта недвижимости условиям договора.

2. Неспособность покупателя выполнить условия договора: Если покупатель не может выполнить условия договора купли-продажи (напри-

мер, не может оплатить полную стоимость объекта недвижимости), то это может привести к нарушению прав продавца и созданию правовых проблем.

Неспособность покупателя выполнить условия договора – это проблема, которая может возникнуть в процессе реализации (исполнения) договоров купли-продажи объектов недвижимости. Эта проблема может возникнуть по нескольким причинам.

Во-первых, покупатель может столкнуться с финансовыми трудностями, из-за которых он не может выполнить условия договора. Например, он может потерять работу или столкнуться с неожиданными расходами.

Во-вторых, покупатель может не иметь достаточного опыта в сфере недвижимости и не понимать, какие условия договора он должен выполнить. Например, он может не знать, какие документы нужно предоставить продавцу или какие сроки нужно соблюдать [11].

Кроме того, покупатель может столкнуться с другими проблемами, например, с проблемами, связанными с получением кредита, с отсутствием необходимых разрешительных документов или с проблемами со здоровьем.

Неспособность покупателя выполнить условия договора купли-продажи может привести к различным правовым проблемам. В таких случаях продавец может потребовать изменения условий договора или расторжения договора, а также возмещения убытков, которые возникли в результате неисполнения покупателем условий договора.

Для того чтобы избежать проблем с неспособностью выполнить условия договора, покупатель должен заранее оценить свои возможности и быть готовым к выполнению всех условий договора. Также важно тщательно изучить все условия договора и обратиться за помощью к специалистам, если есть какие-либо неясности.

3. Нарушение сроков исполнения договора: Если одна из сторон не выполняет условия договора в срок, то это может привести к задержке в передаче прав на объект недвижимости и потере времени и денег.

Нарушение сроков исполнения договора – это одна из самых распространенных проблем, которая может возникнуть в процессе исполнения договора. Эта проблема может возникнуть по нескольким причинам.

Во-первых, продавец может не иметь возможности выполнить условия договора в срок из-за объективных причин, например, из-за технических неполадок или непредвиденных обстоятельств.

Во-вторых, покупатель может задерживать исполнение своих обязательств, что также может привести к нарушению сроков. Например, покупатель может не предоставлять необходимые документы или не оплачивать услуги в срок.

Кроме того, нарушение сроков исполнения договора может быть связано с неправильной организацией работы продавца или покупателя, несо-

ответствием качества услуг требованиям договора, а также другими факторами [12].

Нарушение сроков исполнения договора может привести к различным правовым проблемам. В таких случаях стороны могут потребовать исполнения договора в судебном порядке, а также возмещения убытков, которые возникли в результате нарушения сроков.

Для того чтобы избежать проблем с нарушением сроков исполнения договора, стороны должны заранее оценить свои возможности и быть готовыми к выполнению всех условий договора. Также важно тщательно изучить все условия договора и обратиться за помощью к специалистам, если есть какие-либо неясности. Если возникают проблемы с исполнением договора, стороны должны своевременно и взаимодействовать друг с другом, чтобы найти решение проблемы.

4. Ошибки в документах, недостаточность сведений: Допущение ошибок при подготовке документов (например, неправильное указание адреса объекта недвижимости), а также недостаточность сведений о субъектах сделки может привести к проблемам при передаче права собственности, при удостоверении предполагаемой сделки.

Допущение ошибок в договоре купли-продажи недвижимости может привести к серьезным юридическим проблемам для продавца и покупателя. Ошибки могут быть различными: неправильно указанные данные о продавце или покупателе, неправильно указанный адрес объекта недвижимости, ошибки в описании условий сделки и т.д.

Ошибки в договоре могут привести к тому, что сделка может быть признана недействительной, а также могут возникнуть споры и претензии между сторонами. Например, если адрес объекта недвижимости указан неправильно, то продавец может оказаться в ситуации, когда он продал недвижимость, которой в действительности не владеет. Кроме того, ошибка в договоре может привести к задержке исполнения сделки и потере времени и денег [13].

Чтобы избежать ошибок в договоре купли-продажи недвижимости, стороны должны тщательно изучить все условия договора и проверить правильность всех данных, указанных в документе. В случае сомнений или неясностей необходимо обратиться к юристу или нотариусу, который поможет разобраться во всех нюансах сделки и предотвратить допущение ошибок.

Если ошибки все же допущены, то необходимо своевременно их исправить и подписать новый договор. В случае возникновения споров по поводу ошибок в договоре стороны могут обратиться в суд, чтобы защитить свои права и интересы. Однако лучше всего избежать таких проблем заранее, тщательно проверив все условия договора перед его подписанием.

5. Споры о правах на объект недвижимости: Споры о правах на объект недвижимости (например, если на объекте недвижимости имеются права третьих лиц) могут привести к задержке в пе-

редаче прав на объект и созданию правовых проблем.

Споры о правах на объект недвижимости являются одной из наиболее распространенных проблем при исполнении договора купли-продажи недвижимости. Это связано с тем, что право на недвижимость может быть оспорено различными лицами, например, другими собственниками, кредиторами, арендаторами и т.д.

Споры могут возникнуть из-за того, что продавец не имел полного права на продажу недвижимости, например, если он не был единственным собственником объекта. Также споры могут возникнуть в связи с незаконными действиями продавца, например, если он продал недвижимость, которая была заложена в качестве обеспечения по кредиту.

В случае возникновения споров о правах на объект недвижимости покупатель может оказаться в сложной ситуации, так как он может лишиться приобретенного имущества или не получить право на его использование. Кроме того, споры о правах на недвижимость могут привести к задержке исполнения договора и потере времени и денег [14].

Чтобы избежать споров о правах на объект недвижимости, необходимо тщательно проверять все документы, связанные с недвижимостью, в том числе правоустанавливающие документы, договоры аренды и залога, и т.д. Кроме того, стороны должны обратиться к квалифицированным юристам, которые помогут разобраться во всех нюансах сделки и предотвратить возможные споры.

Если споры о правах на объект недвижимости все же возникли, стороны могут попытаться решить их путем переговоров или обращения в суд. В любом случае необходимо действовать своевременно и принимать меры по защите своих прав и интересов.

6. Неисполнение обязательств сторонами: Если одна из сторон не исполняет свои обязательства по договору, то это может привести к нарушению прав другой стороны и созданию правовых проблем.

Для того чтобы минимизировать вышеуказанные проблемы и в то же время усовершенствовать современное гражданское законодательство в контексте регламентации сделок купли-продажи объектов недвижимости, предлагается ряд рекомендаций, а именно:

1. Внедрение в ГК РФ процедуры предварительной регистрации сделки купли-продажи объектов недвижимости. В данном случае будет отсутствовать обязательность оставления залога перед полной процедурой купли-продажи объекта недвижимости, при этом следует исполнить обязательство о том, что в будущих временных периодах между продавцом и покупателем объектов недвижимости нужно заключить договор.

Вместе с тем с целью увеличения результативности представленной рекомендации стоит дополнительно в ГК РФ внести изменения относительно ужесточения ответственности в связи с несоблю-

дением указанного выше обязательства. Целесообразно ввести штраф в связи с несоблюдением определённых обязательств какой-либо из сторон, для того чтобы минимизировать вероятность появления судебных исков, обусловленных неисполнением оговоренных обязательств.

2. Предлагается осуществлять сделки купли-продажи объектов недвижимости, где участвуют несовершеннолетние дети, по принципу судебного прецедента, в рамках чего субъективный общечеловеческий фактор исключается. При этом принцип судебного прецедента также обладает юридической силой, вместе с тем существенное число подобных споров, дошедших до суда, создаёт объёмную базу для принятия будущих решений с точки зрения осуществления сделок купли-продажи объектов недвижимости, где участвуют несовершеннолетние дети.

К тому же, весьма целесообразным направлением в совершенствовании законодательной регламентации сделок купли-продажи объектов недвижимости выступает создание единой базы конкретных дел, систематизированных в зависимости от исхода этого дела: положительный либо отрицательный. Кроме того, предлагаемый подход к разделению судебных споров в контексте принципа прецедента нужно утвердить в современном гражданском законодательстве РФ.

3. Рекомендуются предоставить нотариусу право запрашивать недостающие сведения о субъектах сделки купли-продажи объектов недвижимости, вместе с тем процедуру предоставления необходимых сведений целесообразно упростить при условии минимального числа сведений у нотариуса на входе: ФИО субъекта, его дата рождения.

В данном случае стоит отметить, что осуществляемые запросы через ЕИС не в полной мере соответствуют требованиям оперативности и доступности сведений о субъектах сделок купли-продажи объектов недвижимости, поэтому предлагается усовершенствовать этот процесс.

Подытоживая изложенные результаты исследования, можно отметить, что, несмотря на существующие пробелы и неясности в законодательстве РФ в сфере купли-продажи объектов недвижимости, современное законодательство обеспечивает достаточно высокий уровень защиты прав и интересов сторон, однако необходимо усовершенствование законодательства и его практической реализации, поэтому были предложены рекомендации, совершенствующие основы регламентации процессов купли-продажи объектов недвижимости.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 54-ФЗ (часть первая) (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.05.2023).
2. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N218-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 20.05.2023).
3. Беспятых Е.А. Практика применения отдельных положений законодательства РФ о договоре купли-продажи недвижимости // Аллея науки. – 2019. – Т. 2. – № . 11. – С. 494–497.
4. Калагина А. Е., Колесникова А.Р. Правовое регулирование сделок с недвижимостью: обеспечение частных и публичных интересов // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. – 2020. – С. 66–70.
5. Абубакирова Н.Н. Особенности и проблемы правового регулирования купли-продажи недвижимости // Старт в науке-2022. – 2022. – С. 188–193.
6. Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В.Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № . 45. – С. 519–539.
7. Пронина Ю. О., Пилипенко А.Ю. Проблемы правового режима сделок с недвижимостью // Перспективы развития институтов права и государства. – 2019. – С. 160–165.
8. Чебоньян Т. Г., Закирова С.А. Особенности правового регулирования купли-продажи жилых помещений // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № . 3. – С. 83–90.
9. Гурбансахедов Д. Вопросы реализации сделок купли-продажи жилых помещений // Перспективы развития научных изысканий: теоретические и практические аспекты. – 2022. – С. 15–19.
10. Цуканова Е. Ю., Селютина В.Ю. Правовые риски сторон договора купли-продажи недвижимости, вытекающие из норм гражданского законодательства // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № . 3. – С. 560–565.
11. Рахимжонов А. Совершенствование гражданско-правовой основы купли-продажи жилья // Academic research in educational sciences. – 2022. – Т. 3. – № . 1. – С. 632–638.
12. Булгаков В. В., Поленкова Н.П. Правовое регулирование договора купли-продажи жилых объектов недвижимости в России // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается). – 2021. – С. 167–174.
13. Ермаков А.В. Отдельные виды договора купли-продажи и их содержание // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях. – 2022. – С. 241–252.
14. Протас Е. В., Фролов П.В. Проблемы исполнения обязательств по договору купли-продажи в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № . 1. – С. 77–81.

IMPROVEMENT OF THE REGULATORY FRAMEWORK FOR THE PURCHASE AND SALE OF REAL ESTATE

Avanov A.E.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

In modern Russia, the real estate market is one of the most active and dynamic sectors of the economy. However, despite the high activity in this area, there are still a number of problems associated with the purchase and sale of real estate. One of the main problems is the lack of clear and uniform rules governing the process of buying and selling real estate. Currently, there are many different legislative acts that relate to this area, but they do not always solve all the problems that arise in real estate transactions. In this regard, it is necessary to improve the regulatory framework for the purchase and sale of real estate. It is important to develop a range of recommendations that will be effective throughout Russia and that will reduce the number of conflicts between sellers and buyers. In this article, the relevance of the study of real estate as an object of civil rights in Russia was indicated, the characteristics of the modern civil legislation of the Russian Federation regulating the processes in the real estate market related to its purchase and sale were given, concrete examples were given that the legislation of the Russian Federation does not always provide clear mechanisms for protecting the rights of buyers of real estate, some problems caused by the execution of the purchase agreement-real estate sales, as well as a number of recommendations, which can minimize problems and at the same time improve modern civil legislation in the context of regulation of transactions of purchase and sale of real estate.

Keywords: real estate, real estate purchase and sale agreement, modern legislation of the Russian Federation, legal problems, obligation, notary, subject of the transaction.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 54-FZ (part one) (ed. of 16.04.2022) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data accessed: 20.05.2023).
2. Federal Law «On State registration of real estate» dated 13.07.2015 N218-FZ (ed. of 14.04.2023) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (data accessed: 20.05.2023).
3. Bespyatykh E.A. The practice of applying certain provisions of the legislation of the Russian Federation on the contract of sale of real estate // *Alley of Science*. – 2019. – Vol. 2. – No. 11. – P. 494–497.
4. Kalagina A. E., Kolesnikova A.R. Legal regulation of real estate transactions: ensuring private and public interests // *Tambov Legal readings named after F.N. Plevako*. – 2020. – P. 66–70.
5. Abubakirova N. N.. Features and problems of legal regulation of the purchase and sale of real estate // *Start in science-2022*. – 2022. – P. 188–193.
6. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Lukyanenko V.E. Invalidation of invalid transactions in Russian law // *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. – 2019. – No. 45. – P. 519–539.
7. Pronina Yu. O., Pilipenko A. Yu. Problems of the legal regime of real estate transactions // *Prospects for the development of institutions of law and the state*. – 2019. – P. 160–165.
8. Chebonyan T. G., Zakirova S.A. Features of legal regulation of purchase and sale of residential premises // *North Caucasian Legal Bulletin*. – 2020. – № 3. – P. 83–90.
9. Gurbansakhedov D. Issues of implementation of residential premises purchase and sale transactions // *Prospects for the development of scientific research: theoretical and practical aspects*. – 2022. – P. 15–19.
10. Tsukanova E. Yu., Selyutina V. Yu. Legal risks of the parties to the contract of sale of real estate arising from the norms of civil legislation // *Alley of Science*. – 2020. – Vol. 1. – No. 3. – P. 560–565.
11. Rakhimzhonov A. Improvement of the civil legal basis for the purchase and sale of housing // *Academic research in educational sciences*. – 2022. – Vol. 3. – No. 1. – P. 632–638.
12. Bulgakov V. V., Polenkova N.P. Legal regulation of the contract of purchase and sale of residential real estate in Russia // *Formation and development of the profession of lawyer: legacy of generations (dedicated to the memory of front-line lawyers)*. – 2021. – P. 167–174.
13. Ermakov A.V. Certain types of purchase and sale agreements and their contents // *Actual problems of economic development and management in modern conditions*. – 2022. – P. 241–252.
14. Protas E. V., Frolov P.V. Problems of fulfillment of obligations under the contract of sale in the Russian Federation // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2021. – No. 1. – P. 77–81.

Некоторые частно-правовые особенности договора аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности

Березкин Алексей Сергеевич,

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: alexey_berezkin98@mail.ru

Статья посвящена выявлению и рассмотрению частно-правовых аспектов договора аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Автор приходит к выводу, что при аренде публичных земельных участков проявление гражданско-правового принципа свободы договора существенно ограничено ввиду установленных императивных норм земельного законодательства, что, однако, не исключает полного отсутствия диспозитивности при регулировании соответствующих арендных отношений. В частности, автором рассматриваются правомочия арендатора по передаче публичного земельного участка третьим лицам посредством заключения договора субаренды, возможность арендатора на пролонгацию договора аренды без проведения торговых процедур, право арендатора принимать участие в формировании определенных условий договора аренды, а также анализируется диспозитивность сторон при принятии ими решения о заключении соответствующего договора.

Ключевые слова: аренда, земельный участок, договор, публичность, приоритет, срок, заключение.

Земельные ресурсы являются важнейшей составляющей частью экономического благосостояния любого государства, играя при этом не менее значимую роль в жизни отдельного человека или организации. Так, посредством использования земельных участков в соответствии с их целевым назначением, физические и юридические лица могут удовлетворить различные потребности как личного, так и профессионального характера. Вместе с тем не у каждого лица есть экономическая возможность приобрести земельный участок непосредственно в собственность, в связи с чем законодательством Российской Федерации предусмотрен альтернативный и менее финансово затратный способ использования земельного участка – аренда, представляющая собой важный правовой институт, имеющий в хозяйственном обороте не менее существенное значение, чем институт купли-продажи земельных участков.

Общие правила юридического закрепления отношений временного возмездного пользования всеми видами имущества предусмотрены в первых двух частях Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) [1,2], однако что касается аренды земельных участков, то нормативное регулирование данного правового института поставлено в зависимость непосредственно от самого объекта арендных отношений – земельного участка. В этой связи правила договора аренды земельного участка имеют во многом императивный характер, поскольку они достаточно жестко очерчены в Земельном кодексе Российской Федерации (далее – Земельный кодекс) [3], положения которого в соответствии с пунктом 3 статьи 3 названного Кодекса занимают приоритетное положение перед гражданским законодательством в части правовой регламентации земельно-имущественных отношений в Российской Федерации. Вместе с тем следует отметить, что нормативное регулирование арендных отношений будет различаться в зависимости от того, в чьей собственности находится предполагаемый к передаче в аренду земельный участок. Так, нахождение земельного участка в частной собственности означает, что свойственная земельному законодательству императивность будет выражена менее существенно, а определяющими законодательными положениями в свою очередь будут именно нормы Гражданского кодекса. Однако в случае, когда в аренду передается публичный земельный участок, ключевая роль будет отведена именно нормам земельного законодательства, которые уста-

навливают значительный объем императивных требований к публичным земельным участкам, а также закрепляют правила, порядок и условия заключения соответствующего договора аренды. Так, общие правила аренды земельных участков в независимости от того, какая форма собственности на него установлена, предусмотрены статьей 22 Земельного кодекса, тогда как арендные, а также вещно-правовые отношения, возникающие по поводу публичных земельных участков, регламентируются, помимо названной статьи, целым комплексом императивных предписаний, содержащихся в главе V.1 Земельного кодекса. Учитывая изложенное, в нормативном регулировании арендных отношений публичных земельных участков наиболее значимое проявление имеют именно императивные нормы земельного законодательства, тогда как положения гражданского законодательства, и, в частности, основополагающий гражданско-правовой принцип свободы договора, играют не столь существенную роль. Тем не менее частно-правовые (диспозитивные) аспекты договора аренды публичных земельных участков имеют место быть и потому заслуживают внимания.

Прежде всего отметим, что степень проявления частно-правовой диспозитивности в арендных отношениях земельного участка, находящегося в публичной собственности, во многом поставлена в зависимость от того, в каком порядке происходит заключение соответствующего договора аренды. Так, пунктом 1 статьи 39.6 Земельного кодекса предусмотрено два способа заключения договора аренды публичного земельного участка: по результату проведения торгов или без их проведения.

В этой связи говоря о конкретных частно-правовых аспектах договора аренды публичного земельного участка представляется интересным обратить внимание на возможность арендатора передавать арендуемый земельный участок в субаренду. При этом наибольший научный интерес в контексте данного аспекта представляет собой тот договор аренды, заключение которого происходит посредством торгов. Такой интерес обусловлен тем, что правомерность передачи публичного земельного участка в субаренду зачастую является предметом судебных разбирательств. Для понимания причины того, почему разрешение данного вопроса нередко доходит до судебных инстанций, необходимо обратиться к действующему правовому регулированию, которое, на наш взгляд, является достаточно противоречивым ввиду нижеследующего. В соответствии с пунктом 2 статьи 615 Гражданского кодекса арендатор при получении разрешения арендодателя может передавать в субаренду арендуемое имущество, а также имеет возможность передачи своих правомочий по данному договору какому-либо третьему лицу. В то же время согласно пункту 7 статьи 448 Гражданского кодекса лицу, признанному победителем торговой процедуры и заключившему договор в результате ее проведения, запрещено совершать уступку своих правомочий по такому договору, что подра-

зумевает невозможность передачи в субаренду арендуемого по результатам аукциона публичного земельного участка. При этом пункт 9 статьи 22 Земельного кодекса в свою очередь закрепляет, что, арендуя государственный или муниципальный земельный участок сроком на более чем пять лет, арендатор может, предварительно уведомив об этом арендодателя, передать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу, то есть, может передать публичный земельный участок в субаренду. Вместе с тем в начале данной статьи было упомянуто, что земельное законодательство имеет приоритет над гражданским при регулировании земельно-имущественных отношений. Учитывая изложенное, а также проанализировав содержание пункта 9 статьи 22 Земельного кодекса, можно отметить, что указанное нормативное положение не содержит предписаний о том, каким образом должен быть заключен договор (посредством проведения торгов или без их проведения) для того, чтобы арендатор имел возможность передачи государственного или муниципального земельного участка в субаренду, а говорит только лишь о минимально необходимом сроке действия договора для появления у арендатора правомочия на передачу своих прав и обязанностей по такому договору. Таким образом, пункт 9 статьи 22 Земельного кодекса вступает в правовую коллизию с пунктом 7 статьи 448 Гражданского кодекса, поскольку, с одной стороны, рассматриваемый пункт Гражданского кодекса содержит императивное предписание о невозможности передачи третьим лицам прав по договору, заключенному на торгах, однако с другой стороны, имеющий приоритет над гражданским законодательством Земельный кодекс такую передачу прав по договору аренды публичного земельного участка допускает вне зависимости от способа заключения соответствующего договора. Такая коллизия гражданского и земельного законодательства нашла свое отражение на практике, поскольку земельные участки, договоры аренды которых были заключены посредством проведения торгов, зачастую были предметом передачи в субаренду третьим лицам. Как оказалось, такой подход является ошибочным, о чем прямо указала Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, которая в своем определении от 05 июля 2022 г. № 308-ЭС22-2357 по делу № А32-37905/2020 [4] подчеркнула, что права по договору аренды публичного земельного участка, заключаемого на торгах, не могут быть переданы другим лицам, а правило, предусмотренное пунктом 9 статьи 22 Земельного кодекса, может применяться только в том случае, если соответствующий договор аренды заключен без проведения торгов. Указанная правовая позиция получила свое отражение также в иных судебных актах, например, в решении Арбитражного суда Республики Марий Эл от 14 сентября 2022 г. по делу № А38-3202/2022 [5] и в решении Арбитражного суда Волгоградской области от 18 ноября 2022 г. по делу № А13-12548/2022 [6]. Вме-

сте с тем хотелось бы отметить, что обозначенная позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу с точки зрения верного применения пункта 7 статьи 448 Гражданского кодекса хоть и является правильной, однако с логической точки зрения не является предельно понятной. Так, можно задать вопрос о том, для кого и каким образом наступят какие-либо неблагоприятные последствия в случае, если арендатор передаст свои права и обязанности по заключенному посредством торгов договору другому лицу. В контексте данного вопроса следует обратиться к самой сущности торгов, которая выражается в том, чтобы обеспечить конкурентную борьбу между участниками и заключить договор с наиболее подходящим с экономической точки зрения лицом. В этой связи думается, что в случае передачи победителем торгов прав и обязанностей по договору другому лицу, негативные последствия для арендодателя в принципе не наступят, поскольку арендная плата будет уплачиваться арендодателю в том же размере, что и уплачивалась первоначально, а земельный участок в свою очередь будет использоваться субарендатором для тех же целей, которые указаны в договоре аренды. Между тем можно заметить, что запрет на передачу публичного земельного участка в субаренду может привести к негативным последствиям для арендатора. Например, при изменении финансового положения арендатора, в результате которого он более не имеет возможности своевременно и в полном объеме вносить арендную плату, такому арендатору не остается ничего более, как своевременно обращаться к арендодателю с предложением о расторжении договора аренды, или же в противном случае такой договор расторгается в судебном порядке с возложением на арендатора обязанности уплатить арендодателю недополученные им арендные платежи. При этом своевременная передача земельного участка в субаренду платежеспособному лицу возможно помогла бы арендатору как минимум в той части, что у него не возникло бы арендной задолженности перед арендодателем. Получается, что невозможность передачи публичного земельного участка в субаренду влечет за собой возложение на арендатора многолетних (с учетом срока аренды участка) финансовых обязательств, которые в случае отказа арендодателя от расторжения договора не могут быть прекращены.

Следующей частно-правовой особенностью договора аренды публичного земельного участка, вытекающей из порядка его заключения, является возможность пролонгации такого договора. Так, статья 621 Гражданского кодекса закрепляет правило о том, что добросовестный арендатор имеет приоритет перед третьими лицами при решении вопроса о новом заключении договора в отношении уже арендуемого имущества. В свою очередь пункт 15 статьи 39.8 Земельного кодекса запрещает применение вышеуказанного приоритета в отношении договора аренды земельного участка, находящегося в публичной собствен-

сти, предусматривая при этом обязательную процедуру проведения торгов. Однако данный запрет не имеет абсолютного характера, как может показаться из буквального толкования рассмотренного пункта. В частности, можно обратить внимание на пункт 3 статьи 39.6 Земельного кодекса, которым закрепляются случаи, когда лицо без проведения торгов может продолжить арендовать уже арендуемый им публичный земельный участок, что, по большому счету, можно рассматривать, как преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок. Анализируя вышеуказанные случаи, можно прийти к выводу, что приоритет на заключение договора аренды публичного земельного участка предоставляется прежде всего тому лицу, которому указанный земельный участок был первоначально передан в аренду без проведения торговой процедуры. Упоминание в предыдущем предложении наречия «прежде всего» обусловлено тем, что продление договора аренды находящегося в публичной собственности земельного участка в подавляющем большинстве случаев происходит тогда, когда торги на заключение такого договора не проводились, однако законодательством предусмотрен один единственный случай, когда лицу без проведения торговой процедуры предоставляется приоритет на продление аренды публичного земельного участка при аренде такого участка в результате проведенных торгов. Таким случаем, в частности, является ситуация, при которой земельный участок был передан в аренду гражданину для ведения садоводства для собственных нужд. Однако для реализации арендатором указанного приоритета земельным законодательством предусматривается необходимость соблюдения четырех условий, установленных пунктом 4 статьи 39.6 Земельного кодекса. Вместе с тем думается, что в случае, когда все необходимые требования для продления договора аренды публичного земельного участка арендатором соблюдены, но при этом арендодатель отказывает арендатору в заключении нового договора, в отношении такого арендодателя могут быть применены меры гражданско-правовой ответственности, предусмотренные статьей 621 Гражданского кодекса. Учитывая все вышесказанное, можно также заметить определенную правовую коллизию в нормах непосредственно Земельного кодекса, которая возникает между пунктом 15 статьи 39.8 и положениями статьи 39.6 указанного Кодекса. Так, норма первой статьи закрепляет строгий императивный запрет на продление договора аренды государственного или муниципального земельного участка без проведения торговой процедуры, не предусматривая каких-либо исключений из данного правила, тогда как положения второй статьи прямо указывают на случаи, когда продление договора аренды без проведения торгов возможно. Между тем законодательство Российской Федерации также предусматривает случай, при котором заключенный без проведения торговых процедур договор аренды публичного земельного

участка может быть продлен в соответствии с положениями пункта 2 статьи 621 Гражданского кодекса. В частности, в пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» [7] указывается на возможность возобновления на неопределенный срок договора аренды публичного имущества по правилам пункта 2 статьи 621 Гражданского кодекса. Данное правило подлежит применению тогда, когда такой договор был заключен до вступления в силу законодательного акта, устанавливающего необходимость проведения торговой процедуры для заключения договора аренды соответствующего государственного и муниципального имущества. Применительно к публичным земельным участкам правило проведения уполномоченным органом обязательной торговой процедуры было введено Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], положения которого за некоторым исключением начали подлежать применению с 1 марта 2015 года. Таким образом, те договоры аренды публичного земельного участка, которые были заключены до 1 марта 2015 года, считаются продленными на новый неопределенный срок при сохранении их условий, если со стороны арендодателя не поступило возражений относительно продления договора. Соответствующий вывод также подтверждается административной практикой антимонопольного органа в решении Воронежского УФАС России от 14 сентября 2022 г. по делу № 036/10/18.1–893/2022 [9].

Представляется интересным обратить внимание также на еще один частно-правовой аспект аренды государственного или муниципального земельного участка, который состоит в возможности участия арендатора в определении срока заключения договора аренды. Так, статья 610 Гражданского кодекса предусматривает, что стороны самостоятельно определяют срок арендных отношений. Вместе с тем при отсутствии в договоре аренды указания на срок арендных отношений, договор признается бессрочным. При этом пунктом 3 указанной статьи установлено, что для отдельных видов имущества срок договора аренды может быть установлен законами и иными нормативными правовыми актами. Данный пункт затрагивает в том числе и публичные земельные участки, императивные сроки аренды которых установлены земельным законодательством. Таким образом, свобода волеизъявления потенциального арендатора в части согласования срока договора аренды государственного или муниципального земельного участка прямо ограничена в силу обязательных требований, предусмотренных положениями Земельного кодекса. Помимо этого, возможность выражения арендатором воли при определении срока данного договора также поставлена в зависимость от по-

рядка его заключения. Например, если заключение такого договора было осуществлено в результате проведения торговой процедуры, то диспозитивность при определении срока такого договора в принципе отсутствует, что вытекает из подпункта 9 пункта 21 статьи 39.11 Земельного кодекса, который регламентирует необходимость указания в извещении о проведении торгов срока аренды земельного участка. Учитывая изложенное, лицо, желающее заключить договор аренды путем победы в аукционе, может только согласиться со сроком аренды, указанным в извещении о проведении торгов. Между тем диспозитивность при определении срока договора аренды публичного земельного участка проявляется в случае, если такой договор заключается без проведения торгов. Данный вывод следует из пункта 12 статьи 39.8 Земельного кодекса, согласно которому арендатор самостоятельно определяет срок аренды земельного участка. Вместе с тем следует принимать во внимание, что диспозитивность при согласовании срока договора аренды публичного земельного участка, заключенного без проведения торговых процедур, является не всеобъемлющей, а ограничивается пунктами 8 и 9 статьи 39.8 Земельного кодекса в том смысле, что срок аренды не должен быть меньше или превышать те сроки, которые закреплены данными пунктами.

Еще один заслуживающий внимания частно-правовой аспект договора аренды государственного или муниципального земельного участка заключается в рассмотрении вопроса о свободе волеизъявления при решении вопроса о непосредственном заключении соответствующего договора. Так, одним из элементов гражданско-правового принципа свободы договора является право на заключение или отказ от заключения договора. Вместе с тем применительно к отношениям аренды публичного земельного участка вышеуказанный элемент применяется постольку, поскольку иное не предусмотрено земельным законодательством. При этом свобода воли при принятии решения о заключении или об отказе от заключения договора аренды публичного земельного участка ограничивается как для публично-правового образования, так и для физических и юридических лиц, что следует из анализа положений земельного законодательства. Более того, в отношении уполномоченного органа свобода воли не то, что ограничивается, а она, можно сказать, отсутствует вовсе. В частности, публичный собственник обязан передать в аренду земельный участок вне зависимости от того, каким образом происходит заключение договора: посредством торгов или без таковых. Данный вывод следует из буквального толкования отдельных положений Земельного кодекса. Так, в статье 39.6 данного Кодекса предусмотрены условия, при наличии которых у лица имеется право на получение государственного или муниципального участка без торговых процедур. Следовательно, указанному в предыдущем предложении праву корреспондирует обязанность уполномоченного органа во исполнение такого права передать земельный

участок в аренду заявителю. То же самое касается и случая, когда проводятся торги, что вытекает из толкования статьи 39.12 Земельного кодекса, а именно: публичный собственник должен направить на подписание победителю торговой процедуры подписанный со своей стороны договор аренды, что исключает всякую гражданско-правовую диспозитивность при принятии решения о заключении договора. Таким образом, уполномоченный орган по своему усмотрению не может отказать в передаче участка в аренду, но при этом должен это сделать в том случае, если на это есть установленные законодательством основания. Что же касается потенциальных арендаторов, то в отношении них установлено не столь жесткое нормативное регулирование вопроса ограничения воли при заключении договора аренды публичного земельного участка. В частности, физическое и юридическое лицо без каких-либо санкций может не заключать договор в том случае, когда публично-правовое образование предоставляет ему участок без проведения торговых процедур. В том же случае, если участок предоставляется в аренду победителю торговой процедуры, то он также не обязан заключать договор, однако в этом случае сведения о нем будут внесены в Реестр недобросовестных участников аукциона, что является санкцией за уклонение от заключения договора. Таким образом, диспозитивность при принятии решения о заключении или об отказе в заключении договора аренды публичного земельного участка имеет место только в отношении физических и юридических лиц, в то время как публичный собственник такой диспозитивности лишен.

Таким образом, проанализировав определенные частно-правовые особенности договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, можно сделать вывод о том, что в силу значительного регулирования данного вида арендных отношений императивными нормами земельного законодательства, диспозитивность сторон при определении условий договора аренды проявляется в достаточно ограниченной степени. При этом частно-правовое регулирование договора аренды публичного земельного участка во многом поставлено в зависимость от того, в каком порядке заключается соответствующий договор. Так, на основании проведенного в данной статье исследования, можно заключить, что гражданско-правовая диспозитивность имеет куда более значительное выражение в тех договорах аренды публичного земельного участка, которые заключаются без проведения торгов, в то время как договоры аренды, заключение которых происходит посредством проведения торгов, подвержены большему императивному регулированию положениями земельного законодательства.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской

Федерации. – 1994. – 5 декабря. – № 32. – Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 29 января. – № 5. – Ст. 410.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – 29 октября. – № 44. – Ст. 4147.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05 июля 2022 г. № 308-ЭС22–2357 по делу № А32–37905/2020 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 21.04.2023).
5. Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 14 сентября 2022 г. по делу № А38–3202/2022 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/> – (дата обращения: 21.04.2023).
6. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 18 ноября 2022 г. по делу № А13–12548/2022 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/> – (дата обращения: 21.04.2023).
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 21.04.2023).
8. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – 30 июня. – № 26 (часть I). – Ст. 3377.
9. Решение Воронежского УФАС России от 14 сентября 2022 г. по делу № 036/10/18.1–893/2022 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 21.04.2023).

SOME PRIVATE-LEGAL FEATURES OF THE LEASE AGREEMENT OF LAND PLOTS THAT ARE IN STATE OR MUNICIPAL OWNERSHIP

Berezkin A.S.

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”,

The article is devoted to the identification and consideration of private-legal aspects of the lease agreement of land plots in state or municipal ownership. The author comes to the conclusion that when renting public land plots, the manifestation of the civil law principle of freedom of contract is significantly limited due to the established mandatory provisions of land legislation, which, however, does not exclude the complete absence of dispositivity in regulating the relevant lease relations. In particular, the author examines the powers of the lessee to transfer a public land plot to third parties through the conclusion of a sublease agreement, the possibility of the lessee to prolong the lease agreement without conducting trading procedures, the right of the lessee to participate in the formation of certain conditions of the lease agreement, and also analyzes the dispositivity of the parties when they decide to conclude the relevant contract.

Keywords: lease, land, contract, publicity, priority, term, conclusion.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – December 5. – No. 32. – Article 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (part two) of January 26, 1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – January 29. – No. 5. – Article 410.
3. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – October 29. – No. 44. – St. 4147.
4. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 05, 2022 No. 308-ES22–2357 in case No. A32–37905/2020 // Access from the ConsultantPlus legal reference system. – (date of application: 04/21/2023).
5. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Mari El dated September 14, 2022 in case no. A38–3202/2022 // Access mode: <https://kad.arbitr.ru/> – (date of appeal: 21.04.2023).
6. Decision of the Arbitration Court of the Volgograd region of November 18 2022 in case no. A13–12548/2022 // Access mode: <https://kad.arbitr.ru/> – (accessed: 04/21/2023).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 73 dated November 17, 2011 “On Certain Issues of the Practice of Applying the Rules of the Civil Code of the Russian Federation on the Lease Agreement” // Access from the ConsultantPlus legal Reference system. – (accessed: 04/21/2023).
8. On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 171–FZ of June 23, 2014 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – June 30. – No. 26 (part I). – Article 3377.
9. Decision of the Voronezh Federal Antimonopoly Service of Russia dated September 14, 2022 in case No. 036/10/18.1–893/2022 // Access from the ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 04/21/2023).

Особенности и правовая природа имущественных соглашений между супругами

Болабко Андрей Анатольевич

Аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кафедра Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин
E-mail: andreibolabko@mail.ru

Актуальность исследования особенностей и правовой природы имущественных соглашений между супругами обусловлена необходимостью регулирования имущественных отношений между супругами при разводе, а также при составлении брачного договора. В настоящее время все больше супружеских пар заключают брачные договоры, чтобы предусмотреть возможные споры по поводу раздела имущества в случае развода, что делает данное исследование весьма актуальным. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет детально изучить правовую природу имущественных соглашений между супругами, а также выявить их особенности и проблемы, которые могут возникнуть их заключении. В ходе исследования можно выделить основные правовые принципы, которые должны учитываться при заключении имущественных соглашений между супругами, а также оценить достаточность существующих нормативных положений в этой области. Практическая значимость данного исследования заключается в том, что оно может быть использовано при составлении брачного договора, а также при разрешении споров по поводу раздела имущества в случае развода. Результаты исследования могут быть использованы как судами, так и юристами при рассмотрении споров между супругами по имущественным вопросам. Кроме того, данное исследование может быть полезным для семейных пар, которые планируют заключить брак или составить брачный договор, так как оно поможет им более глубоко понять правовые аспекты имущественных отношений между супругами.

Ключевые слова: имущественное соглашение, брачный договор, имущественные отношения, российское семейное законодательство, особенности и правовая природа, зарубежное законодательство, правовой режим собственности.

Исследование особенностей и правовой природы имущественных соглашений между супругами является актуальным в настоящее время по нескольким причинам.

Во-первых, семейное право постоянно развивается и изменяется, что может привести к необходимости пересмотра имущественных отношений между супругами. В свою очередь, это вызывает потребность в более глубоком изучении правовой природы имущественных соглашений и их возможных последствий.

Во-вторых, современные семейные отношения все более часто приобретают нестандартный характер, что требует от юристов глубокого понимания различных ситуаций и новых проблем. Именно в этом контексте исследование имущественных соглашений особенно важно, ведь супруги могут заключать такие договоры, чтобы урегулировать общие имущественные отношения вне зависимости от того, каким образом они были установлены законом.

В-третьих, наличие понимания правовой природы имущественных соглашений может способствовать предотвращению конфликтов между супругами в будущем. Хорошо продуманное и составленное соглашение об имущественных отношениях может способствовать урегулированию многих возможных споров и конфликтов, что позволит избежать длительных и дорогостоящих судебных процессов.

Таким образом, исследование особенностей и правовой природы имущественных соглашений между супругами является важным и актуальным направлением научной работы, которое имеет практическую значимость и может содействовать урегулированию имущественных отношений в семейных взаимоотношениях.

Имущественные соглашения между супругами – это документы, в которых определяются права и обязанности супругов в отношении их совместного имущества, а также имущества, приобретенного каждым из супругов в период брака. В российском законодательстве имущественные соглашения регулируются Гражданским кодексом РФ [1] и Семейным кодексом РФ [2].

По российскому законодательству имущественные соглашения могут быть заключены как в период брака, так и до его заключения. Соглашение может предусматривать различные способы распределения имущества при разводе, а также порядок совместного пользования имуществом по времени. Однако, такие соглашения могут быть признаны недействительными, если они содержат неза-

конные условия или противоречат закону или моральным принципам.

В зарубежном законодательстве также существует понятие имущественных соглашений между супругами, которые могут иметь различные формы и условия. Во многих странах предусмотрено обязательное заключение брачного контракта, который должен содержать условия о распределении имущества при разводе. Однако, в отдельных странах такие контракты могут быть заключены только до заключения брака и должны быть одобрены судом [3].

В целом, имущественные соглашения между супругами регулируются в различных законодательствах, и их правовая природа может различаться в зависимости от условий и формы документов. В любом случае, такие соглашения должны быть заключены добровольно и с учетом интересов обеих сторон, а также не противоречить закону и моральным принципам.

Имущественные соглашения между супругами являются одним из видов соглашений, которые имеют свою правовую природу. Их суть заключается в урегулировании имущественных отношений между супругами в случае развода, смерти, а также в ситуациях, когда супруги желают отдельно регулировать свои имущественные вопросы.

По закону РФ, имущественные соглашения могут быть заключены в любое время брака, а также в период развода или после его окончания. Соглашения должны быть заключены в письменной форме и заверены нотариально.

Имущественные соглашения могут регулировать различные вопросы, в том числе относящиеся к распределению имущества супругов, обязательствам по кредитам и займам, уплате алиментов, определению порядка ухода за детьми и другими вопросами.

Важно отметить, что при заключении имущественного соглашения между супругами необходимо учитывать ряд юридических нюансов, чтобы не нарушить действующее законодательство. В частности, соглашение не должно противоречить общепринятым нормам морали и праву, а также не должно ограничивать права третьих лиц [4].

Заключение имущественных соглашений между супругами в России является крайне ответственным и юридически значимым действием, требующим особой внимательности и соблюдения определенных правил и норм, установленных законодательством.

Во-первых, следует отметить, что прямое регулирование имущественных отношений между супругами возможно только путем заключения брачного договора. Данный документ должен быть составлен в письменной форме и заверен нотариально. Брачный договор может содержать различные условия относительно имущественных прав и обязанностей супругов, включая вопросы о распределении имущества в случае развода, а также о правах супругов на наследство друг друга.

Однако не все условия могут быть включены в брачный договор. Так, например, запрещено определять в брачном договоре взаимоотношения супругов в браке, например, право на выдачу пропусков, сопровождение, оплата заработной платы, а также взаимоотношения на расторжение брака. Также недопустимо заключение соглашений, противоречащих моральным, религиозным, культурным и основным принципам законодательства, общественному порядку и нравственности.

Во-вторых, важно учесть, что ряд норм имущественного и наследственного права не подлежит изменению путем заключения брачного договора, например, правопреемство отдельных видов имущества, право на содержание, право на алименты и т.д. [5].

Таким образом, при заключении имущественных соглашений между супругами необходимо учитывать все юридические нюансы и требования, установленные законодательством, чтобы избежать нарушений и недопониманий в будущем.

В целом, правовая природа имущественных соглашений между супругами заключается в том, что они являются заранее обдуманной и закрепленной на бумаге решением о распределении имущества и других имущественных вопросов, что в дальнейшем может помочь избежать конфликтов и стать основой для будущего развития семейных отношений.

Проблемы правовой природы имущественных соглашений между супругами являются одними из наиболее обсуждаемых вопросов в академической литературе [6]. Во-первых, одним из основных вопросов является вопрос об их действительности. Многие супружеские пары заключают имущественные соглашения самостоятельно, без участия юридических консультантов, и в итоге это может привести к тому, что соглашение потеряет свою юридическую силу.

Во-вторых, имущественные соглашения между супругами часто оспариваются в суде из-за того, что они были заключены под влиянием давления или оскорбления. В таких случаях имущественное соглашение может быть незаконным и бесполезным.

Третья проблема, которую обычно обсуждают в академической литературе, связана с изменением условий соглашения после его заключения. Для того чтобы изменить имущественное соглашение, необходимо заключить его дополнительные соглашения или пересмотреть его в суде. Это может быть сложно и затратно.

Наконец, четвертая проблема заключается в том, что имущественные соглашения между супругами могут не учитывать все особенности конкретного брачного союза. Например, соглашение может не учитывать факторы, такие как дети, изменение доходов и т.д. В таких случаях соглашение признается недействительным.

В целом, имущественные соглашения между супругами могут быть полезны в том случае, если они составлены правильно и учитывают все осо-

бенности каждого конкретного брачного союза. Однако, как видно из вышеупомянутых проблем, это может быть труднодостижимо.

Обратимся к существующему российскому семейному законодательству. Ст. 4 Семейного кодекса РФ [2] устанавливает, что право на заключение брачного договора предоставляется супругам с целью определения порядка распределения имущества, а также регулирования других имущественных отношений между ними.

Таким образом, данная статья предоставляет возможность супругам заключать имущественные соглашения, которые могут включать различные условия, касающиеся имущества и обязательств, в том числе по определению порядка его распределения при разводе.

Ст. 5 Семейного кодекса РФ [2] регулирует имущественные отношения между супругами и предусматривает, что каждый из них имеет право распоряжаться своим имуществом (которое было приобретено до брака или получено им в процессе брака) независимо.

Однако, если у супругов возникнут споры по поводу имущества, они могут обратиться в суд с требованием о его разделе. В этой статье не упоминается о возможности заключения имущественных соглашений, но это не исключает возможность регулирования имущественных отношений между супругами в соответствии с законом.

Таким образом, ст. 4 Семейного кодекса РФ устанавливает возможность заключения брачного договора, что позволяет супругам заключать имущественные соглашения, а ст. 5 регулирует имущественные отношения между супругами, что предусматривает возможность обращения к суду по поводу имущества. Обе статьи Семейного кодекса РФ предоставляют возможности для регулирования имущественных отношений между супругами в соответствии с законодательством.

Имущественные соглашения между супругами, которые регулируют порядок распределения имущества при разводе или другие имущественные отношения между ними, относятся к категории семейно-правовых сделок. Критерии, по которым можно выделить имущественные соглашения в эту категорию, включают:

1. Субъекты. Семейно-правовые сделки заключаются между супругами, они имеют непосредственное отношение к брачным или семейным отношениям.

2. Цель. Семейно-правовые сделки направлены на регулирование имущественных отношений между супругами, в том числе на определение порядка распределения имущества при разводе.

3. Процедура заключения. Семейно-правовые сделки заключаются в соответствии с законом, например, брачный договор может быть заключен перед регистрацией брака или в течение брачной жизни [2].

Важно помнить, что для заключения брачного договора необходимо наличие взаимного согласия будущих супругов, а также соблюдение опре-

деленных формальностей, предусмотренных законодательством. Если при заключении сделки одна из сторон находится в несовершеннолетнем возрасте или лишена дееспособности, требуется участие законных представителей или назначение опекуна. В любом случае, заключение семейно-правовых сделок должно проходить с соблюдением законных требований и при соблюдении прав и интересов каждой из сторон.

Одним из возможных критериев выделения имущественных соглашений в категорию семейно-правовых сделок является их заключение в контексте семейных отношений или на основе согласия супругов. Однако такой критерий может быть недостаточно обоснованным в случае, если имущественное соглашение заключается между людьми, не являющимися супругами, но находящимися в каких-то иных близких отношениях, например, между родственниками или неразлучными друзьями.

В таких случаях имущественное соглашение может иметь большое значение для регулирования их взаимоотношений и разрешения имущественных споров, но при этом не является семейно-правовой сделкой.

Таким образом, необходимо использовать иные критерии для выделения имущественных соглашений в категорию семейно-правовых сделок, например, наличие в них регулирования прав и обязанностей супругов по уходу за детьми, совместному владению имуществом.

Брачный договор – это договор, заключаемый между будущими или уже зарегистрированными супругами, который определяет условия брачного имущественного режима, а также регулирует отношения между супругами в ходе брака и в случае его расторжения.

Правовая природа брачного договора заключается в его признании законом как юридически значимого документа. Брачный договор может содержать различные условия, например, разделение имущества при возникновении развода или распределение ответственности за совместные кредиты или долги.

Брачный договор заключается на основании свободного волеизъявления супругов и должен быть заверен нотариально. Он может быть заключен как до, так и после регистрации брака.

Брачный договор является действительным, если он заключен на основании свободного волеизъявления каждой из сторон, недвусмысленный, понятный и не нарушает действующее законодательство. В случае нарушения этих требований брачный договор может быть признан недействительным [7].

Таким образом, брачный договор является важным инструментом правовой защиты имущественных интересов супругов и регулирования их отношений в браке.

Существуют противоположные позиции в академической литературе относительно правовой природы брачного договора.

Одна из позиций заключается в том, что брачный договор является обычным договором, который считается заключенным между супругами до заключения брака. В соответствии с этой позицией, брачный договор должен регулировать права и обязанности супругов в отношении имущества, а также должен учитывать интересы обеих сторон. В данном случае брачный договор может быть изменен или расторгнут по соглашению сторон либо в судебном порядке [8], [9].

Другая позиция состоит в том, что брачный договор имеет особую правовую природу, отличную от обычных договоров. В соответствии с этой позицией, брачный договор должен быть заключен до заключения брака и должен регулировать права и обязанности супругов в браке, а не только в отношении имущества. В данном случае брачный договор может быть изменен или расторгнут только с судебного разрешения [10], [11].

В целом, выбор позиции зависит от конкретной страны и ее законодательства, а также от принятой в обществе концепции брака и брачных отношений.

Брачный договор – это договор, заключенный между супругами до или во время брака, который регулирует их имущественные отношения в браке. Такой договор может содержать различные положения в зависимости от местности, культуры, законодательства и потребностей сторон, но обычно включает следующее:

1. Определение активов и обязательств каждого из супругов момент заключения брачного договора. Это включает в себя описание активов, таких как недвижимость, ценные бумаги, наличные деньги и другие имущества, а также исчисление существующих задолженностей.

2. Определение имущественных прав и обязательств супругов во время брака, в случае развода или смерти одного из супругов. Это может включать правила распределения имущества, алиментов, обязанности по выплате долгов и другие подобные параметры.

3. Определение наличия общей собственности или собственности, принятой на себя одним из супругов.

4. Определение прав и обязанностей в отношении детей, возникших в браке, а также условия опеки и воспитания детей в случае развода.

5. Условия изменения или расторжения брачного договора, включая процедуры, которые необходимо выполнить.

6. Условия и время действия брачного договора [12], [13], [14].

Брачный договор должен быть заключен в письменной форме и подписан обоими супругами. Если это не выполнено, то договор будет признан недействительным. Кроме того, в некоторых случаях брачный договор может быть подвергнут исправлению или аннулированию, если суд решит, что какое-то положение договора нарушает закон или морально-общественный порядок.

Режим общей совместной собственности – это правовой режим имущественных отношений между супругами, при котором весь имущественный комплекс, приобретенный в ходе брака становится общей совместной собственностью супругов.

В случае развода с точки зрения данного правового режима, супруги разделяют имущество поровну. В брачном договоре можно установить иные доли в распределении общей совместной собственности, например, если один из супругов вложил в браке больше средств или личного труда.

Режим раздельной собственности – это правовой режим имущественных отношений между супругами, при котором каждый из них сохраняет свое имущество. В договоре могут быть определены обязательства одного из супругов по представлению в целом или частично, своего имущества для общей жизни и благосостояния семьи.

При выборе правового режима супруги должны учитывать множество факторов, таких как уровень доходов, возраст, образование, наличие детей и особенности имущества. Важно помнить, что правовой режим можно изменить путем заключения брачного договора.

Смешанный режим собственности является еще одним из вариантов правового режима, который может быть установлен в брачном договоре между супругами. Он предусматривает, что все имущество, которое было приобретено в ходе брака, будет разделяться между супругами пропорционально доле, которая была внесена каждым из супругов в виде совместных владений и собственности.

Таким образом, в смешанном режиме собственности супруги могут сохранить свое имущество, которое было приобретено до заключения брака и имущество, которое имеет частный характер, а также имущество, которое предназначено для их личного потребления и быта. При этом, если возникнут какие-либо споры или же наступит развод, супругам придется доказывать, какое имущество принадлежит каждому из них.

Как и в случае с другими правовыми режимами, смешанный режим собственности может быть установлен путем заключения брачного договора. Важно помнить, что установление данного режима собственности может быть обусловлено конкретными обстоятельствами, связанными с имущественным положением супругов, поэтому перед тем, как заключить брак и установить правовой режим собственности в содержании брачного договора, необходимо внимательно ознакомиться с законодательством в данной области.

Согласно п. 1 ст. 42 Семейного кодекса РФ [2] супруги, кроме определения и изменения правового режима имущественных прав, могут установить в содержании брачного договора индивидуальные особенности заключенного брачного союза, а именно:

- права и обязанности обоих супругов по взаимному материальному содержанию;
- способы материального участия в благосостоянии супругов;

- порядок расходования семейного бюджета супругами;
- выявление имущества, которое получит каждый из супругов при наступлении развода;
- включение других аспектов, которые отражают регламентацию имущественных отношений между двумя супругами.

Хотя законодательство о брачном договоре существует в России достаточно длительное время, его применение обусловлено некоторыми проблемами, а именно:

1. Ограничения на объекты договора: В России есть ограничения на объекты договора, которые могут быть оговорены в брачном договоре. Например, закон запрещает супругам оговаривать условия, которые нарушают права и интересы детей или нарушают общепринятые нормы морали и нравственности.

2. Ограничения на свободу договора: В России существует ограничение на свободу договора, которое может повлиять на действительность брачного договора. Например, если брачный договор содержит условия, нарушающие права и интересы одного из супругов, это может привести к тому, что суд отменит договор.

В России свобода договора регулируется Гражданским кодексом [1]. Он предусматривает, что стороны имеют право заключать договоры на условиях, которые они сами считают нужными и возможными. Однако, существуют некоторые ограничения на свободу договора, которые могут повлиять на действительность брачного договора.

Одним из таких ограничений является требование, чтобы договор не нарушал закон, права и интересы третьих лиц. Если брачный договор содержит условия, которые нарушают права и интересы одного из супругов, это может стать причиной для отказа в заключении договора или его отмены в судебном порядке.

Также законодательство ограничивает возможность заключения договора, если это может нанести ущерб интересам детей, либо противоречит нормам морали и нравственности. Например, нельзя заключать договор, который предусматривает отказ от выплаты алиментов на детей.

3. Сложности в заключении договора: В России заключение брачного договора может быть связано с определенными сложностями. Например, если один из супругов не согласен на заключение договора, это может стать причиной для отказа в заключении брака.

4. Недостаток информации: В России еще не сформировалась широкая практика заключения и применения брачных договоров. Это может привести к тому, что супруги не будут иметь достаточно информации о том, как правильно заключать и применять брачный договор.

В России закон о брачных договорах был принят в 1995 году, однако до сих пор широкой практики заключения и применения брачных договоров в России не сформировалось.

Одной из причин этого является отсутствие у супругов необходимости заключать брачный договор. В России супруги, при прочих равных условиях, имеют равные права на имущество, независимо от того, кто является его собственником. Кроме того, в случае развода суд учитывает все обстоятельства дела и принимает решение о разделе имущества, опираясь на принципы справедливости и равенства.

Еще одной причиной малой практики заключения брачных договоров является недостаточная информированность людей о том, что такой договор может иметь место. Многие супруги просто не знают, что имеют право заключить брачный договор и в каких случаях это может быть необходимо.

Также отсутствие широкой практики заключения брачных договоров связано с некоторыми трудностями, связанными с оформлением и применением таких договоров. Брачный договор должен быть составлен в соответствии с требованиями закона и должен содержать реальные условия, которые могут быть применены в случае развода или расставания супругов. Кроме того, в случае возникновения конфликта, нужно обратиться в суд, чтобы он принял решение о применении условий брачного договора.

5. Различия между регионами: В России законодательство о брачном договоре может различаться в разных регионах. Например, в одном регионе могут быть дополнительные ограничения на объекты договора, которые не существуют в другом регионе.

В целом, законодательство о брачном договоре в России имеет свои преимущества и недостатки. Необходимо учитывать все аспекты и риски, связанные с заключением брачного договора, и обращаться за консультацией к юристам, чтобы избежать проблем в будущем.

В России законодательство о брачном договоре было введено в 1995 году. В дальнейшем были внесены изменения и дополнения, однако, в других странах уже давно существуют законы, регулирующие брачный договор. Вот несколько положений, которые можно использовать в России:

1. США: В США брачный договор регулируется законодательством отдельных штатов. Во многих штатах он является обязательным документом при заключении брака. В брачном договоре могут быть оговорены такие условия, как раздел имущества, алименты, права и обязанности супругов.

2. Германия: В Германии брачный договор может быть заключен до брака или в процессе его заключения. Он может регулировать имущество и обязательства супругов, а также права наследования.

3. Франция: Во Франции брачный договор регулируется законом от 23 июня 2006 года. Он может содержать условия относительно имущества, алиментов, прав и обязанностей супругов. Важно отметить, что во Франции наследственные права не могут быть исключены из брачного договора.

4. Швейцария: В Швейцарии брачный договор может быть заключен до, во время или после брака. Он может содержать условия относительно имущества, алиментов, прав и обязанностей супругов. Важно отметить, что в Швейцарии наследственные права не могут быть исключены из брачного договора.

Эти положения могут быть использованы в России при разработке законодательства о брачном договоре, чтобы обеспечить более полную защиту прав и интересов супругов.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что особенности и правовая природа имущественных соглашений между супругами обусловлены существованием в современных условиях дискуссионных моментов, которые до сих пор встречаются среди источников академической литературы. К тому же, особую значимость среди имущественных соглашений между супругами приобретает брачный договор, регламентация которого сопряжена с многообразием пробелов в семейном законодательстве и проблем его практического применения, среди которых ограничения на объекты договора, недостаток информации, сложности в заключении брачного договора, ограничения на свободу договора. Предлагается для совершенствования российского семейного права и разработки отечественного законодательства о брачном договоре использовать некоторые положения из зарубежного законодательства США, Германии, Франции и Швейцарии.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 54-ФЗ (часть первая) (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.05.2023).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 24.05.2023).
3. Захарова С.Н. Договорная природа имущественных отношений супругов // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № . 2.
4. Шарова А. А. К вопросу о правовой природе имущественных отношений супругов // Вестник молодого ученого Кузбасского института. – 2019. – С. 113–115.
5. Позднякова В.А. Понятие и правовая природа договорных отношений между супругами по действующему законодательству РФ // Вестник магистратуры. – 2020. – № . 9–1. – С. 16.
6. Филиппова Т. А., Титаренко Е.П., Дархамбаева А.Д. Правовая природа семейно-правовых соглашений и их место в системе юридических фактов // Российско-азиатский правовой журнал. – 2021. – № . 1. – С. 42–48.
7. Кудрявцева Л. В., Фисенко Р.Ю. Правовая природа брачного договора в российском и международном законодательстве // Эпомен. – 2020. – № . 49. – С. 202–207.
8. Леточная К.А. Брачный договор в Российской Федерации: правовая сущность и проблемы применения // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № . 1 (53). – С. 39–42.
9. Тюин П.А. Правовая природа брачного договора по законодательству Российской Федерации // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. – 2021. – С. 524–529.
10. Житина В.С. Правовая природа брачного договора в семейном праве Российской Федерации // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. – 2021. – С. 221–223.
11. Старцева С. В., Мусина О.В. Правовая природа и элементы брачного договора // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № . 7–2 (121). – С. 188–191.
12. Шагдаров Т.Н. Правовая природа брачного договора // Актуальные вопросы цивилистики. – 2019. – С. 294–297.
13. Иванова Е. В., Перепелкина Н.В., Семенова Н.В. Брачный договор как гражданско-правовая сделка // Oeconomia et Jus. – 2022. – № . 4. – С. 57–62.
14. Федорова А.А. Брачный договор как способ регулирования имущественных отношений супругов // Наука и научный потенциал-основа устойчивого развития общества. – 2019. – С. 67–69.

FEATURES AND LEGAL NATURE OF PROPERTY AGREEMENTS BETWEEN SPOUSES

Bolabko A.A.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The relevance of the study of the features and legal nature of property agreements between spouses is due to the need to regulate property relations between spouses during divorce, as well as when drafting a marriage contract. Currently, more and more couples are entering into prenuptial agreements to provide for possible disputes over the division of property in the event of divorce, which makes this study very relevant. The theoretical significance of the study lies in the fact that it allows you to study in detail the legal nature of property agreements between spouses, as well as to identify their features and problems that may arise in their conclusion. In the course of the study, it is possible to identify the main legal principles that should be taken into account when concluding property agreements between spouses, as well as to assess the sufficiency of existing regulations in this area. The practical significance of this study lies in the fact that it can be used in drawing up a marriage contract, as well as in resolving disputes over the division of property in the event of divorce. The results of the study can be used by both courts and lawyers when considering disputes between spouses on property issues. In addition, this study may be useful for couples who are planning to marry or draw up a prenuptial agreement, as it will help them to understand more deeply the legal aspects of property relations between spouses.

Keywords: property agreement, marriage contract, property relations, Russian family legislation, peculiarities and legal nature, foreign legislation, legal regime of property.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 54-FZ (part one) (ed. of 14.04.2023) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data accessed: 24.05.2023).
2. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated 29.12.1995 (ed. of 28.04.2023) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (data accessed: 24.05.2023).
3. Zakharova S.N. Contractual nature of property relations of spouses // StudNet. – 2021. – Vol. 4. – No. 2.
4. Sharova A.A. On the question of the legal nature of property relations of spouses // Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute. – 2019. – P. 113–115.
5. Pozdnyakova V.A. The concept and legal nature of contractual relations between spouses under the current legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Magistracy. – 2020. – No. 9–1. – P. 16.
6. Filippova T. A., Titarenko E.P., Darkhambayeva A.D. The legal nature of family legal agreements and their place in the system of legal facts // Russian-Asian Legal Journal. – 2021. – No. 1. – P. 42–48.
7. Kudryavtseva L. V., Fisenko R. Yu. The legal nature of the marriage contract in Russian and international legislation // Epomen. – 2020. – No. 49. – P. 202–207.
8. Letochnaya K.A. Marriage contract in the Russian Federation: legal essence and problems of application // Skif. Questions of student science. – 2021. – No. 1 (53). – P. 39–42.
9. Tyuin P.A. The legal nature of a marriage contract under the legislation of the Russian Federation // Materials of the XXIV scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students of the N.P. Ogarev National Research Mordovian State University. – 2021. – P. 524–529.
10. Zhitina V.S. The legal nature of a marriage contract in family law of the Russian Federation // Humanitarian and legal problems of modern Russia. – 2021. – P. 221–223.
11. Startseva S. V., Musina O.V. The legal nature and elements of a marriage contract // International Scientific Research Journal. – 2022. – No. 7–2 (121). – P. 188–191.
12. Shagdarov T.N. The legal nature of the marriage contract // Actual issues of civil law. – 2019. – P. 294–297.
13. Ivanova E. V., Perepelkina N.V., Semenova N.V. Marriage contract as a civil transaction // Oeconomia et Jus. – 2022. – No. 4. – P. 57–62.
14. Fedorova A.A. Marriage contract as a way of regulating property relations of spouses // Science and scientific potential-the basis of sustainable development of society. – 2019. – P. 67–69.

Нормативное регулирование охраны географических указаний и наименований мест происхождения товаров: обобщение российской и международной судебной практики

Бродников Артём Сергеевич,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: brodnikov.artem.s@gmail.com

В статье предлагается рассмотреть нормативное регулирование охраны географических указаний и наименований мест происхождения товаров. Данная статья показывает результаты проведенного анализа отечественной и международной судебной практики, который указывает на практические проблемные аспекты в указании и наименовании мест происхождения товаров. При проведении исследования были использованы такие научные методы как анализ, конкретизация и формально-юридический метод. Основываясь на итогах исследования, автор пришел к выводу, что включение географических указаний в объекты интеллектуальных прав по законодательству РФ приносит лишь положительные изменения. Предлагаются правки для обеспечения правовой защиты в ст. 1519 ГК РФ в частности, исключить п. 5, вводящий принцип международного исчерпания права.

Ключевые слова: правовая охрана, товар, обозначение, мера ответственности, место происхождения, географическое указание, средство индивидуализации.

При обращении к п. 1 ст. 1516 ГК РФ [1], становится понятно что, товар претендующий на наименование место происхождения товара (далее – НМПТ), должен иметь определенные характеристики, которые определяют товар по географическим, природными или иными факторами, в том числе и людскими. Суть НМПТ предполагает, что это обозначение, отмечающие наличие уникальных свойств товара, возникающие благодаря особенностям региона или местности, как природные и людские факторы. Изготовление, товаров на территории регионов, имеющие определенные климатические условия, традиции коренных, местных народов, повышает ценность такого товара для потребителя. Примерами известных мировых НМПТ являются: французский сыр Рокфор, итальянский Пармезан, Коньяк, масло Каламата, вино Киндзмараули. Данная исключительность определяет уникальность товара, который был произведен в границах определенного региона [9, с. 21].

Согласно законодательству РФ уникальные характеристики товара подтверждаются органом исполнительной власти (например, Министерством здравоохранения). Стоит отметить, что товар приобретает свои определенные особенности (характеристики) в результате осуществления всех стадий производства в одной географической точке или в границах определенного района (например, Волчихинский лимонад). Обращаясь к П. 2 ст. 1522.1 ГК РФ, можно заметить дополнительные указания к заявке на признании за товаром определенного места происхождения. Эти указания подразумевают, что к заявке на регистрацию обозначения для НМПТ, необходимо приложить задокументированные свидетельства, подтверждающие определенную узнаваемость такого товара среди населения.

При определении правовой охраны объектов географических указаний, необходимо дать характеристику этим указаниям. Положения закрепляющие правовую характеристику географических указаний, нашли свое закрепление в п. 1 ст. 1516 ГК РФ. Стоит отметить, что в этом пункте географическим указанием товара является такое обозначение, которое неразрывно связывает товар с тем географическим регионом, в котором он был произведен, качеством, репутацией и другими важными характеристиками для конечного потребителя.

Определения ГУ и НМПТ, раскрыты в ст. 1516 ГК РФ, во многом обладают общими признаками, т.к., по своей сути, данные объекты являются схожими и имеют общую правовую природу и по-

хожие цели. Следует учесть, что регулирование ГУ и НМПТ в Гражданском кодексе РФ является во многом идентичным, поскольку к обоим объектам применяются нормы о получении правовой охраны, об исключительном праве на обозначение, о способах защиты прав и мерах ответственности, о сроках правовой охраны и о прекращении правовой охраны.

В то же время ГУ и НМПТ определяются как самостоятельные объекты правовой охраны. Обратимся к главным различиям ГУ от НМПТ. Во-первых, связь между качественными характеристиками товара и точкой производства товара для ГУ не может быть исключительной, как для НМПТ. Обратившись к абзацу 1 п. 1 ст. 1516 ГК РФ можно сделать вывод о значительной связи, которая формируется через нахождение минимум одного из этапов создания товара в границах определенного географического региона. Опираясь на этот факт, Д.К. Пичугина отмечает, что нет необходимости в абсолютной идентичности территориального и производственного критериев, что дает производителю возможность создавать схожие с оригиналом товары в границах другого региона. [5, с. 23].

Значительность данной связи определяется расположением на территории определенного региона всего лишь одного производственного шага, влияющего на критически важные для потребителя качества продукта (например, забор воды из скважины воды «Байкал»). Именно такие критерии подтверждают связь ключевых качеств товара и географической точкой его происхождения [7, с. 57]. Подобными стадиями могут являться добыча или выращивание (например, выращивание винограда для вин ГУ № 270 «Кубань»), изготовление по местному рецепту или технологии. В то же время закупка сырья, материалов, сбор товара могут осуществляться за пределами региона. Описанное требование позволяет распределить производство в других регионах либо же через лиц, поставляющих сырье или оборудование для создания товара.

Во-вторых, для ГУ не требуется подтверждать уникальные свойства произведенного продукта, опираясь на подп. 5 п. 2 ст. 1522 ГК РФ, можно прийти к выводу, что истребуется только предоставление информации о взаимосвязи товара с географической точкой его изготовления. Данные сведения, зачастую, подтверждаются информацией, опубликованной в СМИ, участием в выставках и конкурсах, наградах, опросами потребителей, техническими условиями производств. Информация о территории производства может представлять собой древнюю историю происхождения продукта, описание местных традиций добычи или производства, описание климатических и территориальных факторов, влияющих на уникальное определение товара [8].

В-третьих, наименование, заявленное на регистрацию в качестве ГУ, может не обладать известностью на момент подачи заявки в регистрирующий орган, соответственно, документы о подтверждении известности прилагать к заявке не нужно.

Следовательно, товар, заявляемый на ГУ, может не обладать особыми или уникальными качествами, однако место его происхождения формирует вокруг товара определенную репутацию, опираясь на этот факт изготовитель имеет возможность защитить обозначение [9, с. 25].

В-четвертых, ГУ может являться как словесным, так и изобразительным и даже картографическим обозначением, когда как НМПТ имеет исключительно словесную форму выражения, это исходит из буквального толкования объекта – «наименование» места происхождения товаров.

Таким образом, НМПТ предоставляет правовую охрану тем обозначениям, которые идентифицируют уникальную по своим свойствам продукцию, обладающую высокой узнаваемостью среди потенциальных потребителей. В то же время режим ГУ охраняет такие малоизвестные обозначения, которые не имеют правового основания охраняться в качестве НМПТ, однако, так же могут обладать определенной сформировавшейся репутацией.

ГУ и НМПТ обладают уникальной особенностью, выделяющей их от остальных средств определения товаров. Специфика проявляется в праве совладения – допускается одновременное, параллельное обладание исключительным правом на ГУ и НМПТ разными лицами. Согласно п. 2 ст. 1518 ГК РФ любому лицу, производящему в границах того же географического объекта товар, соответствующий ранее внесенному в реестр ГУ и НМПТ, может быть предоставлено исключительное право на ранее зарегистрированное ГУ.

В деле «Windsurfing Chiemsee Produktions- und Vertriebs Gmb H против Boots- und Segelzubehor Walter Huber», рассмотренном Судом Европейского союза, местная компания «Windsurfing Chiemsee» располагалась недалеко от озера Chiemsee (Кимзе). Данная компания подала заявку на регистрацию фирменного наименования «Chiemsee», которым компания обозначала одежду собственного производства, а также данное обозначение являлось одной из составных частей товарного знака компании. Конкуренты данной фирмы также находились в районе озера, изготавливали одежду и прикрепляли идентичную марку на свои товары. Исходя из того что две компании находятся вблизи одного и той же географической точки, обозначение «Chiemsee», в первую очередь, показывает место создания товара и именно потому должно быть доступно всем производителям, действующих вблизи озера. Основываясь на решении суда, в интересах общества за географическими наименованиями не может быть закреплен товар определенной компании, так как это напрямую противоречит интересам всего общества [10]. Данный пример еще раз указывает на то, что непосредственно географическое наименование является объектом общественного достояния.

Касаемо использования ГУ или НМПТ в части национальных, региональных товаров стоит обозначить, что возможной применять способы правовой охраны на товарное обозначение, появляется

ся только лишь тогда, когда изготовление товара в определенном регионе, обусловлено объективными причинами. В рамках ГК РФ первоначально регистрируется обозначение, не имеющее правообладателя, и лишь потом лица, претендующие на использование обозначения и выразившими свою волю установленным государством путем подачи соответствующее заявления, имеют право на получение исключительного права на обозначение. П. 176 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 [2]. Верховный Суд указал, что в случае, если хозяйствующие лица на момент подачи заявки на товарное обозначение не имеют возможности производить товар в определенной местности, отсутствие такой возможности не является основанием для отказа от производства схожего товара в этой же местности остальными производителями и соответственно не является основанием для отказа в предоставлении исключительного права на ранее зарегистрированное ГУ или НМПТ. Иными словами, существование ГУ и НМПТ является объективным и не зависит от субъективной возможности изготовителя производить товар, соответствующий определенному перечню критериев и свойств, обозначенных в реестре. Из этого можно сделать вывод, что правовая охрана может прекратить свое действие, в случае если определенный географический объект утратит свои исключительные свойства, что повлечет невозможность производства уникального товара. П. 2 ст. 1536 ГК РФ предусматривает два случая прекращения исключительного права на ГУ и НМПТ: в первом варианте рассматривается ситуация, когда географические условия конкретной местности, определяющие ее обозначение, изменились настолько, что утратилась возможность изготавливать определенный товар. Второй вариант раскрывает факт прекращения правовой охраны в стране происхождения товара, что, закреплено для зарубежных ГУ и НМПТ, зарегистрированных на территории РФ.

Основываясь на вышеприведённых аргументах, закон, по сути, закрепляет отсутствие полноценной монополии на использование ГУ и НМПТ, как это предусмотрено для других объектов интеллектуальной собственности. Поскольку любой субъект может использовать указание по причине его принадлежности всему обществу, А.П. Рабец вводит категорию «квазиисключительного» права на ГУ и НМПТ [6, с. 146]. По мнению Э.П. Гаврилова, для ГУ отсутствует исключительное как таковое, что является недостатком современного законодательства, поскольку на все объекты интеллектуальных прав должно распространяться исключительное право [3, с. 9]. Вместе с тем, по нашему мнению, исключительное право на ГУ и НМПТ продолжает быть именно исключительным, поскольку каждый правообладатель имеет право применять средства защиты и меры ответственности к нарушителям, незаконно использующих обозначение без свидетельства, удостоверяющего исключительное право. Множественность правообладате-

лей способствует расширению производства, привлечению дополнительных субъектов и активов в развитие региональных брендов.

Ограничение исключительного права на ГУ и НМПТ закреплено п. 5 и п. 6 ст. 1519 ГК РФ. Согласно вышеприведенной норме права, не является нарушением исключительного права на ГУ использование этого ГУ другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия. Такая норма вводит принцип международного исчерпания права на ГУ. Отмечается, что во многих зарубежных правовых системах принцип исчерпания права на ГУ отсутствует по причине специфики данного объекта [4, с. 69]. По мнению автора, данная норма излишне ограничивает правообладателей ГУ и НМПТ, поскольку тем самым значительный объем прибыли будет утрачен обладателями ГУ и НМПТ, который мог бы направлен на развитие производства и региона. Более того, возможен риск широкого распространения контрафактной продукции, а время, затраченное на выяснение вопроса о правомерности использования обозначения в рамках параллельного импорта (или с согласия правообладателя), может стоить производителю имущественных потерь. Таким образом, предлагаем исключить норму п. 5 ст. 1519 ГК РФ, поскольку она не способствует продвижению и развитию региональных брендов.

В п. 6 ст. 1519 ГК РФ установлен полный запрет на распоряжение исключительным правом путем его отчуждения, предоставления права и, что является новеллой, путем перехода прав без договора, а именно наследование и реорганизация юридического лица. По нашему мнению, запрет на переход прав без договора имеет негативный характер. При возникновении реальной потребности реорганизовать юридическое лицо, передать права по наследству будет невозможно. Представляется, что более правильным подходом будет являться снятие данного запрета, но при условии, что лицо, получающее право, будет иметь реальную возможность продолжать производство на территории обозначенного географического объекта (в т.ч. продолжив производство на том же предприятии) товар, характеристики которого соответствуют установленным в Реестре ГУ и НМПТ признакам данного обозначения, т.е. технология, способ и контроль производства, а также качество товара должны быть сохранены.

За последнее десятилетие стала заметна тенденция к повышению интереса к ГУ и НМПТ не только со стороны международного сообщества, но и со стороны отдельно взятых государств. Долгая история, обширная практика использования и подробное международно-правовое регулирование института ГУ и НМПТ поспособствовали их развитию на территории России.

Географические указания и наименования происхождения товаров являются специфическими средствами индивидуализации, способствующими формированию ассоциативных связей у потре-

бителей между уникальным или особым товаров и местом его происхождения. Правовое регулирование данных объектов закрепляет их специфику: допускается наличие множества правообладателей одного охраняемого ГУ или НМПТ; не допускается распоряжение правом на данные объекты с целью соблюдения интересов общества в возможности использовать географические обозначение любым лицом. ГУ и НМПТ являются схожими, но самостоятельными объектами. НМПТ охраняет уникальные товары, обладающие широкой известностью, когда как ГУ направлен на защиту менее известных товаров, характеристики которых в неотъемлемы от мест происхождения.

По мнению автора, значение ГУ и НМПТ для развития как отдельно взятых производителей, так и целых регионов сложно переоценить. Данные средства индивидуализации являются не столько эффективными инструментами охраны интеллектуальных прав, сколько средством сохранения исторического наследия народов России и мира. Охрана ГУ и НМПТ способствует экономическому развитию региона, повышению его конкурентоспособности на отечественном и международном рынке, поддержке малого и среднего предпринимательства, привлечению инвестиций, туристов, созданию рабочих мест, а также повышению качества продукции и формирования высокого доверия потребителей к региональным брендам.

Сама правовая охрана ГУ и НМПТ имеет достаточно важных преимуществ, как удобная процедура регистрации, фактически бессрочная с правовой охрана различные способы правовой защиты и меры ответственности, в том числе в рамках уголовного законодательства, законодательства об административных правонарушениях и законодательства о защите конкуренции. Внесение поправок в ГК РФ и внедрение ГУ, как полагает автор, положительно скажется на дальнейшем развитии ГУ и НМПТ, поскольку принес необходимые улучшения в правовое регулирование: упрощенная регистрация ГУ, возможность регистрации иностранных обозначений для ГУ, дополнение перечня правообладателей ГУ и НМПТ ассоциацией и др. В то же время некоторые положения подпараграфа 3 главы 76 ГК РФ, как закрепление принципа международного исчерпания права и запрета на переход исключительного права без договора, не отвечают особенностям ГУ и НМПТ, вследствие чего автором предлагается рассмотреть возможность исключения данных правил из ст. 1519 ГК РФ.

Вместе с тем автор подчеркивает, что ГУ и НМПТ не формируют региональный бренд как таковой, они лишь закрепляют результат всесторонней работы по созданию качественного продукта как отображения национального колорита, поддержке малого и среднего предпринимательства, повышению интереса к региону как туристическому центру и, самое главное, сохранению культурно-исторического наследия регионов.

Основываясь на вышеприведенном анализе, можно сделать вывод, что правовая охрана ГУ и НМПТ, достаточно развита в отечественной правовой системе, и оказывает на нее исключительно положительное влияние.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Рос. газета. 2006. 22 декабря. № 289.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. 2019. 6 мая. № 96.
3. Гаврилов Э.П. Как надо защищать наименования мест происхождения товаров и географические указания // Патенты и лицензии. 2017. № 5. С. 9–14.
4. Еременко В. И. О введении правовой охраны географического указания в Российской Федерации // Государство и право. 2021. № 2. С. 65–73.
5. Пичугина Д.К. Особенности правового регулирования географического указания по гражданскому законодательству Российской Федерации // Копирайт. Вестник Российской государственной академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2021. № 2. С. 22–26.
6. Рабец А. П. О некоторых аспектах правовой охраны географических указаний в качестве новых объектов интеллектуальных прав // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 140–151.
7. Рузакова О. А, Фабричный С.Ю. Новеллы о географических указаниях как объект интеллектуальных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12 (207). С. 53–61.
8. Руководство по регистрации и предоставлению исключительного права на географическое указание и наименование места происхождения товара [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2022).
9. Солод В.Ю. Географическое указание – перспективы правоприменения // Юридическая наука. 2019. № 6. С. 21–28.
10. Windsurfing Chiemsee Produktions- und Vertriebs Gmb H. v. Boots- und Segelzubehor Walter Huber (ECJ Case No. C-108/97) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipo.gov.uk> (дата обращения: 01.09.2022).

REGULATORY REGULATION OF THE PROTECTION OF GEOGRAPHICAL INDICATIONS AND APPELLATIONS OF ORIGIN OF GOODS: GENERALIZATION OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL JUDICIAL PRACTICE

Brodnikov A.S.
Novosibirsk State University

This article proposes to consider the legal regulation of the protection of geographical indications and appellations of origin of goods. This article shows the results of the analysis of domestic and international judicial practice, which points to practical problematic aspects in the indication and appellation of origin of goods. When conducting the study, such scientific methods as analysis, concretization and formal legal method were used. Based on the results of the study, the author came to the conclusion that the inclusion of geographic indications in the objects of intellectual property rights under the legislation of the Russian Federation brings only positive changes. Amendments are proposed to ensure legal protection in Art. 1519 of the Civil Code of the Russian Federation, in particular, exclude paragraph 5, which introduces the principle of international exhaustion of law.

Keywords: legal protection, product, designation, measure of responsibility, place of origin, geographical indication, means of individualization.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Federal Law of 18 Dec. 2006 No. 230-FZ // Ros. newspaper. 2006. December 22. No. 289.
2. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation" // Ros. gas. May 6, 2019 No. 96.
3. Gavrillov E.P. How to protect the names of places of origin of goods and geographical indications // Patents and licenses. 2017. No. 5. P. 9–14.
4. Eremenko V.I. On the introduction of legal protection of a geographical indication in the Russian Federation // State and Law. 2021. No. 2. P. 65–73.
5. Pichugina D.K. Peculiarities of legal regulation of geographical indication under the civil legislation of the Russian Federation // Copyright. Bulletin of the Russian State Academy of Intellectual Property and the Russian Authors' Society. 2021. No. 2. S. 22–26.
6. Rabets A.P. On some aspects of the legal protection of geographical indications as new objects of intellectual rights // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2019. No. 2. P. 140–151.
7. Ruzakova O. A., Fabrichny S. Yu. Novels about geographical indications as an object of intellectual rights // Property relations in the Russian Federation. 2018. No. 12 (207). pp. 53–61.
8. Guidelines for registration and granting of the exclusive right to a geographical indication and appellation of origin of goods [Electronic resource]. URL: <https://rospatent.gov.ru> (date of access: 08/12/2022).
9. Malt V. Yu. Geographical indication – prospects for law enforcement // Legal Science. 2019. No. 6. S. 21–28.
10. Windsurfing Chiemsee Produktions- und Vertriebs GmbH H. v. Boots- und Segelzubehor Walter Huber (ECJ Case No. C-108/97) [Electronic resource]. URL: <https://www.ipo.gov.uk> (accessed 01.09.2022).

Подходы к содержанию конвалидации недействительной сделки как правового явления

Еременко Дмитрий Евгеньевич,

студент, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: yeryomenko.de@gmail.com

Лапина Елизавета Вадимовна,

студент, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: e.lapina@gsu.nsu.ru

В статье рассматривается содержание конвалидации недействительной сделки как правового явления. С помощью анализа основных подходов к пониманию конвалидации, отражен путь по становлению конвалидации в современном российском праве, его связь с дореволюционным, советским и зарубежным правом. Отмечена тенденция расширенного понимания конвалидации не только как исцеления ничтожных сделок, но и оспоримых сделок. Сделан вывод, что конвалидация в отношении ничтожных сделок происходит де-юре и имеет материальную природу, а в отношении оспоримых сделок – происходит де-факто и имеет одновременно как материальную, так и процессуальную природу. В заключении отмечено, что по своему содержанию конвалидация является особым последствием недействительности сделок, применение которого замещает остальные последствия недействительности сделок. В заключении сделан вывод, что не все идеи концепции развития гражданского законодательства нашли отражение в ходе реформы 2013, в связи с чем правовое регулирование исцеление сделок нуждается и в последующем совершенствовании.

Ключевые слова: недействительность сделок, последствия недействительности сделок, конвалидация, эстоппель, исцеление сделки.

Недействительность сделок – одна из самых актуальных тем общей части гражданского права. Несмотря на устойчивость ряда классических представлений о сделках и их недействительности, данный параграф Гражданского Кодекса РФ претерпел значительные изменения, вызванные изменением экономического уклада жизни общества и актуальными тенденциями правового регулирования.

Данные изменения неизбежно сказались и на позиции представителей доктрины по вопросам недействительности сделок и их гражданско-правовым последствиям. Отход от некоторых догм советского учения о недействительности сделок привел к появлению правовых средств, ранее не известных для российского гражданского законодательства.

В этом контексте проблемным является вопрос о конвалидации недействительных сделок, а именно об объеме данного явления. Данный вопрос вызывает большой научный интерес, что подтверждается обилием научных статей на данную тему. В конечном счете ответ на данный вопрос позволит создать почву для рассуждений и о месте данной категории в учении о недействительности сделок.

Конвалидация (исцеление) недействительной сделки рассматривается как исключительное правовое средство, позволяющее при определенных условиях нивелировать пороки сделки, влекущие недействительность [1, с. 527]. Результатом устранения пороков сделки является ее исцеление, т.е. восстановление ее юридической силы либо исключение возможности утраты ее силы вследствие данных пороков.

Исцеление недействительной сделки необходимо для [1, с. 527]:

- обеспечения стабильности имущественного оборота.
- защиты особого интереса (малолетних и недееспособных).
- защиты добросовестной стороны сделки при недобросовестных действиях контрагента.

Множественность задач конвалидации порождает неоднозначное понимание содержания данной категории в доктрине.

Существование данного средства обосновано, ведь субъекты гражданского права нуждаются в защите отношений, которые, с точки зрения закона подпадают под недействительность, но в то же время представляют интерес и для сторон таких отношений, и для общества в целом.

Суть конвалидации состоит в исцелении недействительной сделки, но возникает вопрос: в отно-

шении каких видов недействительных сделок при определенных условиях можно вести речь о конвалидации? В доктрине есть три варианта ответа на вопрос:

1. Конвалидация – средство исцеления только ничтожной сделки (узкий подход).

2. Конвалидация возможна лишь в отношении оспоримых сделок.

3. С помощью конвалидации возможно исцеление как ничтожных, так и оспоримых сделок (широкий подход).

Первый подход имеет корни в римском праве, когда речь шла о запрете наследникам истребовать у пережившего супруга наследодателя имущество, подаренное наследодателем по ничтожной сделке дарения [2, с. 57]. Римское право к конвалидации подходило двояко: сама по себе сделка не исцелялась, ведь считалось, что то, что ничтожно не должно создавать правовых последствий, но при этом последствия недействительности такой сделки не применялись.

В поддержку данного подхода высказывается Д.О. Тузов, который связывал смысл исцеления в придании именно ничтожной сделке юридической силы с момента ее совершения [3, с. 125]. Объясняется это тем, что, хотя и в обоих случаях устраняется порок сделки, последствием исцеления оспоримой сделки является не восстановление юридической силы сделки (ведь она её не утрачивала), а отпадение права ее оспаривать.

Второй подход не допускает исключения из принципа «то, что ничтожно – не может быть исцелено», поэтому исцеляться могут только оспоримые сделки. Именно в этом смысле конвалидация была воспринята странами континентального права – например, **во Франции** [4, с. 67]. Такой подход доминировал и в дореволюционной России. По мнению К.Н. Анненкова, делившего сделки на ничтожные и недействительные, недействительные сделки при определенных условиях могут быть исцелены, данную точку зрения также разделяли Ю.С. Гамбаров, Е.В. Васьковский и Г.Ф. Шершеневич [1, с. 533].

Третий подход к пониманию конвалидации сложился в ФРГ и современной России. Дореволюционная идея о конвалидации как исцелении оспоримости была реализована в советском праве с точностью до наоборот: уже в абз. 2 ст. 47 ГК РСФСР 1964 г. была предусмотрена возможность исцеления ничтожной сделки с пороком формы. С тех пор длительное время об исцелении оспоримости речи не шло и конвалидация рассматривалась только в узком смысле, с позиции исцеления ничтожности.

Действующая редакция Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) содержит случаи исцеления ничтожных сделок:

1. Сторона сделки – лицо, признанное судом недееспособным (п. 2 ст. 171 ГК РФ).

2. Сторона сделки – лицо, не достигшее возраста 14 лет (п. 2 ст. 172 ГК РФ).

3. В отношении сделки, требующих нотариального удостоверения – в ситуации, когда одна сторона полностью или частично исполнила такую сделку, а другая сторона уклоняется от такого удостоверения (п. 1 ст. 165 ГК РФ).

В связи с появлением данных норм, в судебной практике возник такой непоименованный способ защиты гражданских прав как требование о признании сделки действительной. Исходя из анализа оснований для удовлетворения данных требований, можно выделить следующие условия для исцеления ничтожной сделки:

1. Не установлено иных пороков сделки.

2. Конвалидация не повлечет нарушения прав, свобод и интересов других лиц.

3. Истец не нарушает пределы осуществления гражданских прав.

4. Исцеление сделки будет направлено к выгоде лица, указанного в п. 2 ст. 171 и п. 2 ст. 172 ГК РФ.

Развитие гражданского оборота и тенденция минимизации признания недействительными уже исполненных сделок, отразились на понимании конвалидации в доктрине. Поэтому в п. 5.1.4. Концепции развития гражданского законодательства обозначалась необходимость закрепления возможности последующего одобрения оспоримой сделки и конвалидации ничтожных сделок.

В тексте концепции сознательно проводилось различие между исцелением ничтожной сделки и последующим одобрением оспоримой сделки – это следствие доминирования советского подхода к исцелению сделки. Расширение подхода встречает критику: часто в пример приводится позиция Д.О. Тузова, считавшего, что устранение дефектов оспоримой сделки не является конвалидацией [5, с. 169–170].

Внятное различие между двумя разновидностями можно провести по критерию направленности исцеления. Конвалидация ничтожной сделки направлена на восстановление юридической силы такой сделки, а конвалидация оспоримой сделки – на процессуальную невозможность оспаривать сделку, что фактически сохраняет силу данной сделки.

Соответственно, конвалидация в отношении ничтожных сделок происходит де-юре и имеет материальную природу, а в отношении оспоримых сделок – происходит де-факто и имеет одновременно как материальную, так и процессуальную природу.

Следует помнить, что множественность целей конвалидации создает основу для допустимости двойственного понимания природы исцеления сделки. Поэтому для развития гражданского оборота и повышения уровня правового сознания его участников расширительное толкование данного явления полезно.

В 2013 году в ГК РФ внесены изменения, которые закрепили особое место принципа добросовестности в гражданском праве, что коснулось в том числе и норм о недействительности сделок. Так, установленная судом добросовестность стала рассматриваться как факт, реабилитирующий «по-

рочную» сделку [6]. Изменения были направлены для создания рычагов по противодействию злоупотребления правом.

Появление в ГК РФ новых норм привело к тому, что в цивилистике стали поднимать вопрос о существовании конвалидации в широком смысле и относить к ней исцеление пороков оспоримых **сделок в форме одобрения** (в т.ч. последующее одобрение) **такой сделки третьим лицом и утраты права оспаривания сделки (принцип эстоппеля)** [7, с. 60].

Одобрение оспоримой сделки как форма исцеления ее пороков имеет место, когда оспоримые сделки по воле лица, уполномоченного на оспаривание, либо по прошествии времени, приобретают полную юридическую силу [4, с. 68]. Одобрение сделки выступает юридическим фактом, лежащим в основе исцеления сделки. Именно этот факт исцеляет сделку, а не судебное решение, оно, в свою очередь, лишь констатирует утрату права на оспаривание сделки, что рассматривается как конвалидация. Правила о последующем согласии на совершение сделки содержатся в статьях 157.1, 173.1, 183 ГК РФ, а также в специальных законах, посвященных регулированию деятельности ООО и АО.

Отдельно следует остановиться на положениях ст. 183 ГК РФ, положения которой предоставляет возможность для исцеления сделки при условии, что она в последующем была одобрена представителем [8, с. 318]. В данной норме речь идет об особом случае конвалидации, поскольку в данном случае происходит не исцеление заключенной, а заключение новой сделки [1, с. 527].

Последующее одобрение можно рассматривать как исцеление сделки для представляемого, что соответствует принятому в России широкому подходу к конвалидации. Но можно рассматривать это же обстоятельство в духе немецкого и дореволюционного российского права – как перезаключение сделки: заключение новой сделки о том же предмете, только уже с надлежащим субъектом, что одновременно означает прекращение правоотношения по сделке для лица, совершившего её с нарушением полномочий. Этот пример в очередной раз демонстрирует сложность, неоднородность правовой природы конвалидации.

Второй формой исцеления оспоримой сделки является применение принципа эстоппеля. Эстоппель – правовой принцип, запрещающий стороне отрицать или утверждать о каких-либо фактах в силу предыдущего утверждения, отрицания, поведения, признания или вследствие окончательного судебного решения [7, с. 60]. Задача эстоппеля – не допустить получения стороной выгоды от своего недобросовестного поведения в ущерб добросовестной стороне, которая положила на позицию первой стороны. Применительно к недействительности сделок данный принцип был закреплен в абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК.

Согласно абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить

силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли. Речь идет об исцелении только оспоримых сделок.

Следующий вид эстоппеля указан в п. 5 ст. 166 ГК РФ, согласно которому заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. Фактически речь идет о запрете ссылаться на недействительность сделки недобросовестному лицу. Согласно п. 70 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, данное правило касается как оспоримых, так и ничтожных сделок. Этот подход воспринят судебной практикой, так что исцеление ничтожной сделки с применением эстоппеля также возможно [9, 10].

Тот факт, что последующее одобрение сделки стороной, оспаривающей сделку, является действием, направленным на сохранении сделки, что является основанием для применения эстоппеля, говорит не просто о тесной связи двух форм исцеления, а об их единстве. При этом следует помнить, что если конвалидация ничтожной сделки невозможна без обращения в суд, то в случае исцеления оспоримой сделки суд лишь констатирует утрату права оспаривания, а основанием исцеления выступают фактические действия сторон, а не суда. Последующее одобрение, в отличие от применения принципа эстоппеля, не связано с обращением в юрисдикционный орган, возможно, поэтому его и выделяют отдельно от другой формы исцеления.

Применение эстоппеля относят к особому случаю конвалидации, поскольку запрет ссылаться на недействительность сделки приводит к скрытому исцелению сделки, поскольку недобросовестная сторона лишается возможности лишиться данную сделку юридической силы.

Данная форма конвалидации оказалась востребованной в судебной практике, что резко возвысило ее роль в системе последствий недействительности. Конвалидация исключает аннулирование сделки и, как следствие, применение реституции. Такая практика должна иметь разумные пределы и не противоречить назначению конвалидации.

Ярким примером выхода за разумные пределы является ситуация, когда стороны не могут оспорить незаконную сделку по п. 1 ст. 168 ГК РФ, либо применить реституцию по отношению к ничтожным сделкам по п. 2 ст. 168 и ст. 169 ГК РФ вследствие того, что заявление о недействительности таких сделок не имеет правового значения вследствие недобросовестности сторон сделки [11].

Условием применения эстоппеля является добросовестность одной из сторон сделки, поэтому такая практика глубоко ошибочна. К счастью, эти ошибки устраняются вышестоящими судами, но до этого момента проходит слишком много времени [12]. Поэтому нужно создать для нижестоящих судов более развернутую базу для примене-

ния принципа эстоппель, хотя бы на уровне разъяснений Пленума ВС РФ № 25, которых на данный момент явно недостаточно. Необходимо четче раскрыть условия для применения конвалидации по п. 5 ст. 166 ГК РФ, а также обозначить прямой запрет для ее применения при недействительности сделок по ст. 168 и 169 ГК РФ.

Таким образом, конвалидация – исключительное правовое средство, позволяющее при определенных условиях нивелировать пороки сделки, влекущие ее недействительность. В зависимости от избранного подхода к пониманию данной категории, исцеление возможно в отношении ничтожных либо оспоримых сделок. Отечественный вариант конвалидации уникален, поскольку возможно исцеление как ничтожных, так и оспоримых сделок.

По своему содержанию конвалидация выступает механизмом, изменяющим правовые последствия недействительности сделок. Поскольку конвалидация затрагивает всё правоотношения по сделке в целом, она касается и вопроса об имущественных предоставлениях по ним. Сказанное позволяет утверждать, что конвалидация – не просто о правовом средстве *sui generis*, но и особое замещающее последствие недействительности сделок.

Дело в том, что современные представления о данной категории не ограничены традиционными взглядами, длительное время существует тенденция к расширению перечня последствий недействительности: сначала – на уровне доктрины, затем – на уровне правоприменительной практики, на основании ее обобщения – на законодательном уровне.

Так, в результате реализации положений концепции развития гражданского законодательства в ходе реформы 2013 года, конвалидация получила активнейшее применение в судебной практике в форме закрепленного в нормах о недействительности сделки эстоппеля, в связи с чем конвалидация стала замещать собой применение традиционных последствий недействительности сделок.

Хотя применение конвалидации противоречит общему учению о недействительности сделок, но при этом такой механизм направлен на достижение позитивного эффекта для участников гражданских правоотношений.

В целом правовое регулирование исцеления сделок в России основано на синтезе собственного и зарубежного опыта. Недостатком такого подхода является его фрагментарность регулирования, что создаёт серьёзную путаницу, как в доктрине, так и в правоприменительной практике. Несмотря на постепенную выработку обоснования широкого подхода к конвалидации, можно говорить о том, что главная идея концепции развития гражданского законодательства не реализована – общие нормы об исцелении не появились, термины «конвалидация», «исцеление» не введены в правовое поле.

Всё это вынуждает цивилистов искать в том или ином явлении следы конвалидации, что отражает-

ся и на деятельности судов. Поэтому и доктрина, и практика гражданского права нуждаются в дальнейшем совершенствовании отечественной теории недействительности сделок, в особенности в части разработки понятийного аппарата и ограничения одних правовых явлений от других.

Литература

1. Тужилова-Орданская Е.М. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 519–539.
2. Тужилова-Орданская Е.М. Генезис теоретико-правовых взглядов на конвалидацию недействительной сделки в дореволюционном и советском гражданском праве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2018. № 1 (54). С. 56–60.
3. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. Москва: Статут, 2007. 602 с.
4. Тужилова-Орданская Е.М. Конвалидация недействительных сделок по законодательству России и стран континентальной Европы // Вестник Омского университета. 2017. № 3. С. 64–71.
5. Тузов Д.О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: Пандектное учение и современное право. М.: Статут, 2006. 201 с.
6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.12.2022 по делу № А17–4701/2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.05.2023).
7. Смирнова М.В. Исцеление недействительности формы сделки в российском и германском гражданском праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 6. С. 58–64.
8. Кравченко Д.Е. Конвалидация: применение на практике, общие проблемы // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 308–320.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.02.2018 № 33-КГ17–24 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2022).
10. Определение Арбитражного суда Кемеровской области от 02.12.2022 по делу № А27–22618/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2022).
11. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2019 № 19АП-9032/2018 по делу № А14–10792/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2023). Отменено.
12. Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2020 № 310-ЭС19–13975 по делу № А14–10792/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2023).

APPROACHES TO THE CONTENT OF CONVALIDATION OF AN INVALID TRANSACTION AS A LEGAL PHENOMENON

Yeryomenko D.E., Lapina E.V.
Novosibirsk State University

The article considers the content of invalidation of an invalid transaction as a legal phenomenon. By analyzing the main approaches to the understanding of convalidation, the way of formation of convalidation in modern Russian law, its relationship with the pre-revolutionary, Soviet and foreign law is reflected. A tendency to an expanded understanding of convalidation not only as a cure for void transactions but also for voidable transactions is noted. It is concluded that for void transactions, convalidation occurs de jure and has a material nature, and for voidable transactions – occurs de facto and has both a material and procedural nature. In conclusion, it is noted that in terms of its content, invalidation is a special consequence of invalid transactions, the application of which replaces the other consequences of invalidity of transactions. In the conclusion it is concluded that not all ideas of the concept of civil law development were reflected in the 2013 reform, therefore the legal regulation of transaction invalidation needs further improvement.

Keywords: invalidity of transactions, consequences of Invalidation of transactions, convalidation, estoppel, cure of Transaction.

References

1. Tuzhilova-Ordanskaya E.M. Convalidation of invalid transactions in Russian law // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2019. No. 45. pp. 519–539.
2. Tuzhilova-Ordanskaya E.M. Genesis of theoretical and legal views on the convalidation of an invalid transaction in pre-revolutionary and Soviet civil law // Vestnik OmGU. Series. Right. 2018. No. 1 (54). C. 56–60.
3. Tuzov D.O. The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition. Moscow: Statut, 2007. 602 p.
4. Tuzhilova-Ordanskaya E.M. Convalidation of invalid transactions under the laws of Russia and countries of continental Europe // Bulletin of the Omsk University. 2017. No. 3. S. 64–71.
5. Tuzov D.O. Insignificance and voidability of a legal transaction: Pandect doctrine and modern law. M.: Statut, 2006. 201 p.
6. Decree of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 12/28/2022 in case No. A17–4701/2016 [Electronic resource] // ConsultantPlus SPS (date of access: 05/07/2023).
7. Smirnova M.V. Healing the invalidity of the transaction form in Russian and German civil law // Problems of Economics and Legal Practice. 2015. № 6. C. 58–64.
8. Kravchenko D.E. Convalidation: application in practice, general problems // Issues of Russian justice. 2022. No. 17. pp. 308–320.
9. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 13, 2018 No. 33-KG17–24 [Electronic resource] // Consultant Plus SPS (date of access: 05/11/2022).
10. Determination of the Arbitration Court of the Kemerovo Region dated December 2, 2022 in case No. A27–22618 / 2019 [Electronic resource] // ConsultantPlus SPS (accessed on May 10, 2022).
11. Resolution of the Nineteenth Arbitration Court of Appeal dated February 8, 2019 No. 19AP-9032 / 2018 in case No. A14–10792 / 2018 [Electronic resource] // Consultant Plus SPS (date of access: 05/15/2023). Canceled.
12. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of September 28, 2020 No. 310-ES19–13975 in case No. A14–10792 / 2018 [Electronic resource] // SPS “ConsultantPlus” (date of access: 17.05.2023).

Бауэр Дарья Владимировна,

студент, кафедра гражданского права, Новосибирский государственный университет
E-mail: d.bauer26@mail.ru

Загородникова Юлия Олеговна,

студент, кафедра гражданского права, Новосибирский государственный университет
E-mail: zagorodnikovaiulia@yandex.ru

Настоящая статья посвящена исследованию уступки права требования как правового института и правоприменительной конструкции. Уступка права требования (цессия) представляет собой передачу прав требования на основании гражданско-правовой сделки по замене кредитора в обязательстве между цедентом и цессионарием. Такая сделка обладает рядом признаков, в том числе двухсторонним, абстрактным, консенсуальным характером, возможностью возмездного и безвозмездного совершения. Среди видов уступки права наибольший практический интерес представляют цессия в дящихся правоотношениях, договоры частичной и будущей уступки права требования. Учет специфики каждой из перечисленных разновидностей на практике способствует стабильности гражданского оборота и минимизации споров между его участниками.

Ключевые слова: уступка права требования, договор цессии, правовая природа цессии, виды уступки права.

Правовая природа уступки права требования

Обязательственное право, представляющее собой составную часть гражданского права, имеет своей целью регулирование имущественного или экономического оборота (товарообмена), то есть совокупности отношений, направленных на переход материальных благ, которые имеют экономическую форму и правовой статус товара.

Однако, как и многие другие подотрасли, данный комплекс правовых норм не является однородным, поэтому в его содержание входят не только положения, относящиеся собственно к обязательственным правоотношениям, но и юридические конструкции, направленные на формирование таких правоотношений, их реализацию, а также трансформацию в случае необходимости.

Доктрина определяет **перемену лиц в обязательстве** как специфический правовой институт гражданского права, сущность и назначение которого составляет переход прав и обязанностей участников обязательства в порядке универсального или сингулярного правопреемства. Законодательному регулированию специфики данного правового института посвящена глава 24 ГК РФ, которая и составляет фундамент нормативного обеспечения его практического применения.

Конструктивные особенности реализации механизма перемены лиц в обязательстве на практике определяются, в первую очередь, законодательно закрепленной возможностью *договорного регулирования* связанных с ней вопросов (данный тезис, в частности, вытекает из толкования статей 382 и 391 ГК РФ). При этом важной особенностью договорного оформления исследуемого вида отношений является то, что оно ориентировано на перемену лиц именно в обязательстве как в правоотношении (то есть в широком смысле), а не в обязательстве как в конкретном договоре, сделке или соглашении.

Кроме того, перемена лиц в обязательстве может иметь место *в силу прямого указания закона*, то есть даже при отсутствии соглашения между участниками соответствующего правоотношения.

Наиболее распространенной является классификация, которая позволяет выделить *виды перемены лиц в обязательстве*, а именно – замена должника (перевод долга) и замена кредитора (уступка права требования). Для обозначения механизма уступки права требования также часто используется термин «цессия», так как из толкования положений закона следует, что они могут употребляться как тождественные.

В гражданском законодательстве отсутствует четкое определение уступки права требования,

однако статья 382 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что **цессия** рассматривается в качестве возможности кредитора передавать свое право требования другому лицу на основании закона или по сделке. [1]

Субъектный состав при совершении такой сделки включает в себя кредитора, который именуется *цедентом*, а также третье лицо, к которому в результате переходит право требования, выступающее в роли *цессионария*. Некоторые исследователи, например, М.В. Кротов, придерживаются позиции, что в случаях, когда необходимо истребовать согласие должника, целесообразно включать и *должника* в перечень субъектов конкретного правоотношения, так как от наличия или отсутствия его волеизъявления может зависеть действительность соглашения сторон. [2] Такой подход не представляется целесообразным: необходимое волеизъявление должника в цессионном правоотношении выступает в качестве условия действительности сделки, однако общая совокупность прав и обязанностей должника в рамках основного обязательства существенных изменений не претерпевает, в силу чего он не может быть признан полноценным участником правоотношения.

В отечественной доктрине нет единого мнения как по вопросу правовой природы уступки права требования, так и относительно понятия цессии как таковой.

Е.А. Суханов определяет цессию в качестве непосредственной передачи права на основании заключенной в какой-либо момент между цедентом и цессионарием гражданско-правовой сделки соответствующего содержания либо иного предусмотренного законодательством юридического факта, в результате чего происходит замена кредитора в рамках отдельно взятого обязательства. [3] Похожая трактовка встречается у многих других исследователей. Например, А.И. Масляев указывает, что уступка права требования представляет собой некое соглашение между кредитором по обязательству и новым лицом о передаче последнему права требования к должнику. [4]

В.А. Белов в своей работе указывает на традиционное понимание цессии в двух значениях: как договор и как распорядительный эффект. Саму же уступку автор предлагает не отождествлять со сделкой, направленной на переход права кредитора к иному лицу, а определять как цель заключения сделки, то есть желаемый результат прекращения в определенной сделкой момент субъективного права у цедента и одновременного возникновения права идентичного содержания у цессионария. [5]

Согласно позиции А.В. Вашатко, уступка права является соглашением между кредитором и лицом, последствием которого выступает сингулярное правопреемство. По его мнению, использование законодателем термина «уступка права» позволяет сделать вывод о том, что речь идет не о самом переходе права, а о его основании, первопричине, следствием которой такой переход является. [6]

Характерные черты уступки права требования

Сделка уступки права требования обладает следующими **характерными чертами**, позволяющими отграничить ее от иных гражданско-правовых (в том числе договорных) конструкций:

1) *Двусторонний характер (договорная природа)*.

В частности, А.В. Вошатко обосновывает наличие данного признака тем, что для перехода права на основании сделки недостаточно выражения отказа от своего права цедентом. Для полного завершения гражданско-правового процесса уступки права необходимо также согласие цессионария на принятие права, так как в противном случае сложившаяся правовая ситуация бы не соответствовала принципу гражданского законодательства, в соответствии с которым участники гражданского оборота приобретают свои гражданские права своей волей и в своем интересе. [6]

2) *Абстрактность*, то есть независимость действительности сделки от действительности ее основания.

В.А. Белов утверждает, что об абстрактном характере сделок может свидетельствовать прямое указание в законе либо отсутствие указания на обязательное встречное удовлетворение в договорах данного вида. [7]

В то же время М.И. Брагинский отрицает самостоятельность такой сделки, утверждая, что соглашение между цедентом и цессионарием является неким юридико-техническим актом, совершаемым во взаимосвязи с основным договором. [8] Сторону казуальности цессии иногда принимает правоприменительная практика, например, в ситуации, когда уступка права по договору дарения между коммерческими организациями признается ничтожной вслед за основным договором. [9]

3) *Возможность возмездного и безвозмездного характера сделки*.

Единственным ограничением, которое установлено законом на данный момент, является запрет дарения между коммерческими организациями (согласно статье 575 ГК РФ).

4) *Консенсуальный характер сделки уступки права требования*.

Такая сделка считается совершенной с момента достижения сторонами договора соглашения по каждому из существенных условий, предусмотренных законом. Однако стоит отметить, что существуют связанные с уступкой права требования договорные конструкции, относительно консенсуальной природы которых мнение научного сообщества не столь однозначно. В частности, Е.Е. Шевченко отмечает, что признаками одновременно реальной и консенсуальной сделки обладает договор финансирования под уступку денежного требования. [10]

Виды уступки права требования

Соглашения по уступке права требования можно классифицировать в зависимости от различных

критериев. По признаку статуса участников договора выделяют следующие виды: договор цессии, заключенный между юридическими лицами (он может быть только возмездным), договор цессии физических лиц (например, передача долга по денежному обязательству другому кредитору).

В зависимости от наличия встречного предоставления выделяют договоры возмездной (встречное предоставление является одним из условий уступки права требования) и безвозмездной цессии (в данном случае встречное предоставление, наоборот, не является обязательным).

Иногда в качестве самостоятельной разновидности рассматривают трехсторонний договор цессии: в данном случае стороны заранее договариваются о том, что в случае замены кредитора необходимо не просто уведомление, а согласие должника, что с одной стороны, защищает должника от произвола решений кредитора, а с другой – дает цессионарию дополнительные гарантии исполнения. Аналогичным образом в качестве отдельного вида цессии, обладающего уникальной правовой спецификой, выделяют уступку права требования по исполнительному листу.

Особенности применения осложненных видов цессии

В качестве общего правила статья 384 ГК РФ устанавливает переход к цессионарию уступаемого права cedenta в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, а в частях 2 и 3 указанной нормы закреплены условия **передачи части права требования** в результате совершения цессии, а именно – делимость обязательства и отсутствие такого последствия, как трансформация исполнения обязательства для должника в значительно более обременительное (по сравнению с первоначальным положением).

Данная позиция подтверждается актуальной судебной практикой: в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 марта 2022 года по делу № А65–26865/2021, суд установил факт заключения соглашения об уступке части права требования, отметив при этом, что права требования переходят к цессионарию в части, пропорциональной цедируемому требованию, то есть права переходят к истцу в том же объеме, в каком они принадлежали cedенту – третьему лицу. [11]

Характеризуя признаки делимости обязательства, Г.Ф. Шершеневич использует следующий критерий: исполнение, составляющее содержание конкретного обязательства, признается делимым лишь в том случае, когда есть возможность исполнения по частям, то есть с разделением на отдельные элементы без нарушения его правовой сущности. Реализация данного механизма осуществляется таким образом, чтобы отдельная часть исполнения имела то же самое содержание, что и целое, и отличалась от него только по количественному признаку. [12]

Практический интерес представляет вопрос о специфике цессии **в длящихся правоотноше-**

ниях, причем рассматривать его целесообразно во взаимосвязи с рассмотренной выше частичной уступкой права требования, так как в длящихся обязательствах цессия, как правило, затрагивает не правоотношение в целом, а одно из требований, входящих в его состав.

Возможность уступки части права требования в длящихся правоотношениях подтверждается пунктом 13 Информационного письма ВАС РФ от 30 октября 2007 года № 120: уступка части права, возникшего из длящегося обязательства, возможна, если в таком соглашении указано основание возникновения уступаемого права, а также конкретный период, за который оно уступается. [9] В противном случае такой договор должен признаваться незаключенным.

Классическим примером частичной уступки права требования в длящихся правоотношениях можно назвать договор поставки, а также договоры электро-, тепло- и газоснабжения.

Необходимо также обратить внимание на возможность **передачи будущего права требования** (статья 388.1 ГК РФ), причем будущая уступка включает в себя уступку собственно будущего требования, а также уступку права требования, уже существующего на момент совершения цессии, но переход права по которому возникнет позже в результате наступления определенного юридического факта.

Названный вывод подтверждается судебной практикой по спорам данной категории. Анализируя материалы дела № 305-ЭС16–8204, Верховный Суд Российской Федерации в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 6 октября 2016 года указал следующее: после момента открытия конкурсного производства в отношении должника указанное требование поступило в конкурсную массу, а обязательство банка по его передаче иностранной компании трансформировалось в денежное. При таких обстоятельствах стало невозможным наступление основного правового последствия договора цессии, а именно – перехода требования от cedента к цессионарию. [13] При этом, как подчеркивает А.Г. Карапетов, поскольку распорядительный эффект так и не будет реализован, cedент вынужден будет нести ответственность перед цессионарием за нарушение обязательства по договору цессии. [14]

Указанный подход позволяет признать обоснованным также выделенный Е.А. Крашенинниковым принцип определенности, суть которого заключается в том, что определенность уступленного права требования в отношении его содержания, размера, сторон договора должна проявляться во время возникновения уступаемого права требования. [15]

Ответственность cedента за действительность передаваемого права

Пункт 2 статьи 390 ГК РФ также устанавливает ответственность cedента, которая возникает в случае

несоблюдения им одного из следующих **условий**, указанных в данной статье. При этом в научной литературе отмечается, что гарантии, закрепленные в подпунктах 1–3 пункта 2 указанной статьи в определенном смысле дублируют основное требование о передаче действительного права цедентом (пункт 1 статьи 390 ГК РФ). Это обусловлено следующими причинами.

Требование о юридическом существовании уступаемого права (которое не распространяется лишь на случаи уступки будущего права требования) напрямую вытекает из понимания передачи недействительного права как базовой предпосылки юридической ответственности, так как недействительное право по сути своей не существует в действительности и не может порождать какие-либо последствия для сторон, а также не является самостоятельным объектом гражданских прав. Толкование положений законодательства, анализ доктринальных концепций, а также исследование закономерностей и тенденций, сформированных судебной практикой, дают основание полагать, что рассматриваемые дефиниции хоть и не являются тождественными, то следуют одна из другой. В частности, предлагается рассматривать недействительность уступаемого права требования в качестве частного случая отсутствия факта юридического существования цедируемого права, так как последнее включает в себя не только саму недействительность права, но также и случаи, когда уступаемое право возникло в соответствии с законом или договором, однако было прекращено до наступления момента перехода права по договору цессии.

Что касается наличия у цедента правомочий в отношении уступаемого права и необходимости отсутствия иных уступок того же права другим лицам, данные требования должны предполагаться в соответствии с требованиями о добросовестности и разумности действий участников гражданского оборота. Более того, указанные критерии не закрепляются в качестве условий действительности иных договорных конструкций.

В качестве самостоятельного обязательства цедента рассматривается лишь последнее из перечисленных условий – о несовершении предыдущим кредитором в прошлом, настоящем и будущем времени действий, которые могут быть юридическим поводом для возникновения возражений у должника.

Рассуждая в рамках такого подхода, можно согласиться с Э.Ю. Витолем относительно возможности изложения пункты 1–2 статьи 390 ГК РФ в более лаконичной формулировке:

«1. Цедент гарантирует существование и действительность уступаемого права требования». [16] Соответственно, за нарушение указанной гарантии цедент будет нести ответственность в соответствии с действующим гражданским законодательством. Однако следует дополнить данную редакцию статьи следующим положением:

«2. Цедент гарантирует несовершение им в прошлом и будущем времени действий, которые могут служить основанием для возражений должника против уступленного требования». Соответственно, остальные положения пунктов 1 и 2 статьи 390 ГК РФ подлежат исключению из текста статьи.

Таким образом, уступка права требования (цессия) – это передача права на основании заключенной между цедентом и цессионарием гражданско-правовой сделки, в результате которой происходит замена кредитора в обязательстве. Такая сделка обладает специфическими признаками, в том числе двухсторонним (договорным), абстрактным, консенсуальным характером, возможностью возмездного и безвозмездного совершения. При этом можно выделить различные виды сделок уступки права требования, наибольший интерес среди которых представляют цессия в делящихся правоотношениях, договоры частичной и будущей уступки права требования. Учет специфики каждой из перечисленных разновидностей на практике способствует минимизации споров между субъектами по поводу уступленного права требования.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Кротов М.В. О некоторых проблемах перемены лиц в обязательстве // Очерки по торговому праву: Сборник научных трудов, вып. 6. Я-ль: ЯрГУ, 1999. С. 57–66.
3. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право. М.: Статут, 2011. 349 с.
4. Масляев А.И. Гражданское право: учебник. М.: Юрист, 2002. 380 с.
5. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве: опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики. Москва: ЮрИнфоР, 2000. 561 с.
6. Вошатко А.В. О сущности уступки требования // Очерки по торговому праву: Сборник научных трудов, вып.7. Я-ль.: ЯрГУ, 2000. С. 11–17.
7. Белов В.А. Содержание и действие договора уступки требования // Законодательство. 2001. № 2. С. 5–8.
8. Брагинский М.И. Договорное право. Москва: Статут, 2003. 487 с.
9. Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского Кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2007 года № 120 // Российская газета. 2007. 4 нояб.
10. Шевченко Е.Е. Договор финансирования под уступку денежного требования в системе

гражданского права Российской Федерации. М.: Статут, 2005. 298 с.

11. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 марта 2022 по делу № А65–26865/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=200135#303Kp8TXQDwweLXI> (дата обращения: 01.05.2023 г.).
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: учебник. М.: СПАРК, 1995. 532 с.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 октября 2016 г. № 305-ЭС16–8204 // Российская газета. 2016. 8 окт.
14. Карпетов А.Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. ст. 157 и 327.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 100–107.
15. Крашенинников Е.А. Допустимость уступки требования (ст. 606, п. 1 ст. 626, п. 1 ст. 650, п. 1 ст. 671, п. 1 ст. 689 ГК РФ) // Хозяйство и право. 2000. № 8. С. 79–88.
16. Витоль Э.Ю. Природа ответственности цедента // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 11–15.

THE LEGAL INSTITUTION OF THE ASSIGNMENT OF THE RIGHT TO CLAIM UNDER AN OBLIGATION

Bauer D.V., Zagorodnikova Ju.O.
Student, Novosibirsk State University

This article is devoted to the study of the assignment of right of claim as a legal institution and law enforcement structure. Based on the analysis of legislative norms on the assignment of rights of claim, doctrinal discussions on this issue, as well as law enforcement practice the following conclusions are made. Assignment of claim (cession) is a transfer of rights of demand on the basis of a civil law transaction on the replacement of the creditor in the obligation between the assignor and the assignee. Such a transaction has a number of features, including bilateral, abstract, consensual nature, possibility of compensation and gratuitous fulfillment. Among the types of assignment of rights of greatest practical interest are cession in continuing legal relations, contracts of partial and future assignment of the right of claim. Taking into account the specifics

of each of these varieties in practice contributes to the stability of civil turnover and minimization of disputes between its participants.

Keywords: cession of claim, cession agreement, the legal nature of cession, types of cession.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) from November 30, 1994 № 51-FZ (rev. from 25.02.2022) // *Sobranie zakonodatelstva RF.* – 1994. – № 32. – Art. 3301.
2. Krotov M.V. About some problems of change of persons in obligation // *Essays on trade law: Collection of scientific works*, vol. 6. Ya-I: YarGU, 1999. С. 57–66.
3. Sukhanov E.A. Russian civil law: textbook: in 2 vols. T. 2: Obligatory law. Moscow: Statute, 2011. 349 с.
4. Maslyayev A.I. Civil law: textbook. M.: Jurist, 2002. 380 с.
5. Belov V.A. Singular succession in obligation: experience of historical research, theoretical and dogmatic construction and generalization of Russian judicial practice. Moscow: Yurlinfor, 2000. 561с.
6. Voshatko A.V. The essence of assignment of claim // *Essays on commercial law: Collection of scientific works*, issue 7. Ya-I.: Yaroslavl State University, 2000. С. 11–17.
7. Belov V.A. Content and action of the cession treaty // *Legislation*. 2001. № 2. С. 5–8.
8. Braginsky M.I. Contract law. Moscow: Statut, 2003. 487 с.
9. Review of the practice of application by arbitration courts of regulations of chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation: Information letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 30 October 2007 № 120 // *Rossiyskaya Gazeta*. 2007. 4 November.
10. Shevchenko E.E. Financing agreement with the assignment of monetary claim in the civil law system of the Russian Federation. Moscow: Statut, 2005. 298с.
11. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of March 23, 2022 on case № А65–26865/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=200135#303Kp8TXQDwweLXI> (date of reference: 01.05.2023).
12. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law: textbook. M.: SPARK, 1995. 532 с.
13. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of October 6, 2016 № 305-ES16–8204 // *Rossiyskaya Gazeta*. 2016. 8 Oct.
14. Karapetov A.G. Conditional rights and obligations: review of problematic issues of application of Art. 157 and 327.1 GK RF // *Bulletin of economic justice of the Russian Federation*. 2017. № 6. С. 100–107.
15. Krasheninnikov E.A. Admissibility of cession of claim (article 606, p. 1, article 626, p. 1, article 650, p. 1, article 671, p. 1, article 689 of the Civil Code of the RF) // *Economy and law*. 2000. № 8. С. 79–88.
16. Vitol E. The nature of the liability of the assignor // *Bulletin of civil law*. 2017. № 4. С. 11–15.

Особенности правового регулирования института материнства и детства в РФ

Кислицын Геннадий Александрович,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: pwnzacro@mail.ru

Актуальность исследований заключается в том, что система социальной защиты населения существует в каждом обществе, поскольку всегда находятся категории социальных групп, нуждающиеся в поддержке со стороны общества и государства. Актуальность проблемы, которая рассматривается в данной статье вытекает из неблагоприятной ситуации, сложившейся в Российской Федерации, ограничивающей возможности развития как семьи, так и общества в целом.

Основной целью исследований является анализ сложившихся в российском праве структурно-функциональных институтов по защите материнства и детства.

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования института материнства и детства и общие вопросы защиты и охраны семьи на законодательном уровне РФ.

Используя сравнительно-правовой метод исследований удалось выделить положительные и отрицательные стороны в системе правового регулирования института материнства и детства.

На основании полученных данных, можно сделать вывод, что сформировавшийся в Российской правовой системе институт защиты материнства и детства представляет собой мощную структуру, способную эффективно решать вопросы правовой защиты детей.

Ключевые слова: материнство; детство; права детей; гарантии государства; системы мер; правовые механизмы

Введение

Одной из наиболее важных задач Российского правительства является защита материнства с правовой регламентацией общих прав и свобод всех граждан России. Положительное решение этой задачи возможно только в том случае, если будет разработана качественная система правовых средств, регулирующих отношения в обществе.

Соблюдение и охрана прав граждан на законодательном уровне в РФ происходит при предоставлении различных гарантий (общих, материальных и юридических) [1], а в некоторых отдельных случаях применяется принуждение, как мера пресечения возможных правонарушений. Сложившиеся в правовой области России различные структурно-функциональные правовые институты ставшие весомой защитой материнству и детству, их семьям представляют собой некий комплекс правовой защиты свобод и мер по принуждению к их соблюдению.

Исследования опирались на статьи ведущих ученых в этой области: В.А. Авдеева, Л.С. Андреевой, О.М. Юнусовой и других авторов, чьи труды представлены в списке литературы.

Профессор Авдеев Вадим Авдеевич, в своей статье представляет результаты подробного эмпирического анализа особенностей правового регулирования института материнства и детства в Российской Федерации. Считаю необходимым более глубокое участие государства в вопросах правового регулирования вопросов семьи в целом и ребенка в частности.

Андреева Леонила Сергеевна приводит результаты анализа понятий семьи, родителей, материнства и отцовства. Необходимо более четкое определение этих понятий в правовой сфере с закреплением прав ребенка, как субъекта гражданского права.

Юнусова Онаой Максудовна пишет о надлежащей защите прав детей, как важнейшей проблеме международного частного права. Современная международная обстановка заставляет по новому взглянуть на вопросы обеспечения прав детей и их родителей, особенно в вопросах ограничения тлетворного влияния «запада».

Материалы и методы исследования

Актуальность статьи определяется особой важностью рассматриваемого вопроса и необходимостью уточнения вопросов защиты материнства и детства в связи с возникающими в обществе вызова-

ми на фоне непростой международной обстановки и негативного влияния «западной культуры».

Основная цель – анализ актуальных изменений в вопросах правового регулирования института материнства и детства в РФ.

В статье рассматриваются нормативно-правовые проблемы существующего законодательства в части соотношения понятий в различных отраслях права вопросам правовой защиты семьи и детства.

Исследования проводились эмпирическими методами, основанными на изучении законодательных актов и специальной литературы по теме исследования, включая специальные юридические методы, такие как сравнительно-правовой и другие.

Организуя и осуществляя правоохранительную деятельность, Российское правительство гарантирующие общие права и справедливое правосудие.

Особое место отводится защите права и свобод личности [2], включая права и интересы матерей, детей и их семей. Судебная форма защиты в вопросах, касающихся материнства и детства, должна учитывать специфику правового регулирования защиты в данной сфере жизнедеятельности.

Семейный Кодекс Российской Федерации, к сожалению, не содержит четкого определения такого понятия как «защита прав семьи» [3].

К примеру, профессор М.В. Баглай однозначно считает, что в самом широком смысле реальной защитой могут быть только жесткие меры предупреждения возможных покушений на право, свободу и интересы личности. А в тех случаях, когда причинен вред, нанесенный совершенным неправомерным действием, гражданин должен иметь твердую гарантию возмещения понесенного ущерба [4].

В более узком смысле термин «правовая защита» можно понимать как набор правовых мер, направленных на обеспечение и правовую защиты основных субъективных прав и свобод личности. [3].

Конституция РФ содержит статьи о защите семьи, материнства, отцовства и детства. Они, в некотором смысле, являются регулятором отношений отдельных видов права и в совокупности представляют самостоятельный правовой институт защиты материнства и детства [4]. Субъекты Российской Федерации также обладают правом законодательства и в их нормативно-правовой базе имеются нормативно-правовые акты, осуществляющие правовое регулирование защиты института материнства и детства, пересекающиеся по смыслу и содержанию с конституционными нормами, закрепленными в конституциях или уставах этих субъектов Российской Федерации. Можно предположить, что правовые акты, которые регулируют права, закрепленные в конституции и способствуют расширению личных прав и свобод граждан, должны признаваться источником прав, истекающих из положений и норм конституционного права [2].

Семейный Кодекс РФ занимает особое место в федеральном перечне законов РФ, законодательно регулируя одну из самых ответственных и чувствительных сфер общественной жизни.

Настоящий Кодекс основывается на правовых нормах, закрепленных в Конституции. Кодекс отображает конституционные нормы защиты материнства и детей, отцовства и семьи в целом, объединяя общие и частные определения, а также регламентирует соотношение и взаимосвязь конституционных и отраслевых норм между собой [5].

Нормы Конституции и Семейного кодекса по совокупности и обозначают некий механизм всеобъемлющего правового регулирования защиты материнства, детства и семьи. Например, статья 1 Семейного Кодекса РФ содержит правовые нормы, которые по своему составу отражают правовые конституционные нормы ч. 1 ст. 38 Конституции РФ [5].

Семейным законодательством, прежде всего, определяются права матери и ребенка [6], как в целом по России, так и в разных субъектах Российской Федерации.

В Российской Федерации вопросы правового регулирования института материнства и детства имеют приоритетное значение, но существуют еще ряд направлений, по которым требуется дополнительная проработка, например необходимо нормы Семейного права привести в соответствие с конституционными принципами равноправия мужчин и женщин с равной ответственностью родителей за содержание и воспитание детей, пропорционального ограничения семейных прав и прав собственности супругов.

Развитие нормативно-правовой базы защиты семьи пошло ускоренными темпами с момента подписания в декабре 2006 года Федерального закона № 256ФЗ, в котором представлены нормативы и правовые аспекты разносторонних направлений деятельности государства в поддержку семьи. (ст. 2):

- перечень дополнительных мероприятий,
- вопросы правил выплаты и траты материнского капитала,
- положения о порядке выдачи и применения госсертификатов на маткапитал.

В ноябре 2022 года государственная дума приняла закон N475ФЗ, которым были внесены существенные изменения в нормативно-правовую базу Российского законодательства в вопросах поддержки семей, имеющих детей. Этим законом была установлена новая веха в вопросах правового регулирования и всемерной поддержки семьи.

Для более полной реализации поддержки семьи были приняты национальные государственные проекты «Демография» и «Здравоохранение», которые были опубликованы в феврале 2023, с ключевыми снижением смертности младенцев и доукомплектование государственных больниц врачебным и медицинским персоналом. Актуальность решения данных вопросов государственной стратегии вытекает из необходимости решения демо-

графических проблем государства, что было установлено Указом Президента РФ, который был опубликован в июне 2019 года под номером № 204ФЗ, в котором даны установки на развитие нашего государства в период с 2019 по 2024 год.

Данный документ устанавливает количественные и качественные показатели, а также критерии и основные характеристики разработанного проекта общенационального проекта «Демография». Традиционными индикаторами развития страны, как результата демографической политики являлась численность населения и продолжительность жизни. Ожидается рост основных показателей по результатам национальных проектов. Так, продолжительность жизни должна увеличиться до 67 лет. Предполагается увеличение коэффициента рождаемости до 1,7. Национальные проекты, о которых упоминалось выше, предполагают проведение мероприятий и ведение массовой пропаганды за здоровый образ жизни. Результатом этой деятельности должна стать всенародная поддержка и увеличение сторонников такого образа жизни до 55% от всего населения страны.

Для более полной реализации данных проектов необходимо улучшение просветительской работы по вопросам прав детей и способов их защиты, чтобы не только чиновники, но и все родители имели представление о своих родительских правах, а дети, соответственно, должны знать свои права.

Результаты исследования

Реализация этих программ усилит профилактическую направленность работы учреждений, занимающихся социальным обслуживанием семей, обеспечит сокращение количества неблагополучных семей с детьми, в которых дети становятся сиротами при живых родителях, что в свою очередь, снизит количество детей, перешедших на государственное попечение [7].

Весьма прогрессивными и своевременными, в 2001 году были сделаны первые реальные шаги в направлении реализации государственных программ при подписании городского закона № 43 от 3 ноября 2001 г. Москвы, которым вводится должность Уполномоченного по правам детей столицы нашей страны. О положительном опыте такого нововведения отметил в своем докладе федерального уполномоченного по правам человека, отметив активную работу по внедрению национальных проектов в Волгограде, Калуге, Нижнем Новгороде и в Екатеринбурге.

Одной из приоритетных задач Российского правительства является защита прав ребенка, ибо выполнение этой задачи считается основой в решении демографических вопросов [8]. Нельзя решить столь сложную проблему только экономическими мерами – субсидиями, материнским капиталом и подобными финансовыми вливаниями. Материнский капитал – это несомненно весомая помощь для семей, особенно она важна для матерей или отцов одиночек, которых у нас в стране,

к сожалению, не становится меньше, так как количество разводов растет от года к году, причем в некоторые периоды количество разводов превышает количество браков, как например, в январе 2022 года зарегистрировано 41 тыс. браков, а разводов аж 44 тыс.. Учитывая критичность создавшегося положения и понимая, что уже принятых мер недостаточно для преодоления демографического кризиса в стране, указом Президента Российской Федерации в 2009 году была введена должность Уполномоченного по правам ребенка при президенте [9]. Сегодня такие уполномоченные уже есть почти во всех субъектах Российской Федерации, включая и одну из вновь присоединенных – это Луганская народная республика, в трех оставшихся готовится принятие таких решений.

Уполномоченный по правам ребенка при Президенте Российской Федерации руководит небольшой структурой, которая состоит из нескольких советов:

- Общественный совет;
- Экспертный совет;
- Совет отцов;
- Детский совет.

Общественный совет поделен на рабочие группы, каждая из которых работает по своему направлению.

Экспертный совет состоит из опытных специалистов разной направленности, которые участвуют в подготовке предложений Президенту по самым различным направлениям, начиная от рождения и до входа во взрослую жизнь.

Совет отцов, в некотором плане, создан для защиты отцов, которые в нашей стране тоже несколько ущемлены, в том плане, что занижается роль отца в семье и обществе. Не надо понимать в прямом смысле защиту отцов, как защиту детей. Это нужно не взрослым мужчинам, которые стали отцами, это нужно обществу для его правильного развития. В нашей стране на законодательном уровне закреплено, что семья создается при вступлении в брачный союз мужчины и женщины, законодательно закреплено равенство между отцом и матерью, но на практике это не всегда так.

Детский совет представляет собой общественное формирование для обеспечения прямой связи с несовершеннолетними детьми. И при этом можно быть уверенным, что ответ будет и при необходимости будет и вмешательство Уполномоченного или других общественных или государственных структур, в зависимости от конкретного случая, так или иначе относящегося к ущемлению прав и свобод конкретного ребенка или группы детей, к примеру одного интерната или членов детской общественной организации, к примеру. Для этого, конечно, нужна и определенная просветительская работа, что тоже является задачей «Детского совета», да и в целом структуры Уполномоченного по правам ребенка всех уровней.

Мария Львова-Белова, Уполномоченная при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, провела пресс-конференцию по защи-

те детей в МИД 4 апреля 2023 года. На пресс-конференции присутствовали как российские, так и зарубежные журналисты. В ее выступлении был сделан акцент на опровержение фейковой информации в свой адрес по защите детей в условиях СВО (специальной военной операции).

Пресс-конференция проходила под девизом: «Пока остаются дети, семьи, подростки, которым наша помощь нужна, мы будем продолжать свою миссию».

На пресс-конференции было подчеркнуто, что 25 лет институт уполномоченных по правам ребенка находится на защите интересов детей. В полную силу институт заработал в 2009 году с подачи Президента РФ Путина Владимира Владимировича. На сегодняшний день уполномоченные есть уже в 86 субъектах Российской Федерации». Уже сформирован такой институт в ЛНР, а в трех других, недавно присоединившихся к России регионах, такие институты формируются. Федеральный уполномоченный подчиняется непосредственно Президенту Российской Федерации и в рамках федеральной политики оказывает помощь в реализации ключевых задач социальной политики в сфере детства.

По словам Марии Львовой-Беловой, за прошлый год аппарат Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка отработал более двенадцати тысяч обращений российских граждан. Наибольшее внимание уделялось проблемам детей-сирот, детей с ограниченными возможностями, семьям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации.

За последние десять лет аппарат Уполномоченного при Президенте Российской Федерации провел большую работу по всесторонней поддержке Института материнства и детства, и как результат этой работы можно представить данные по существенному сокращению численности детей в Федеральном банке данных детей-сирот. Численность таких детей сократилась с 120 790 человек в 2012 году до 37 831 человек в 2022 году. По итогам прошедшего года, к сожалению, еще высоки показатели так называемого социального сиротства, которые отправляют детей сами, или у них забирают детей органы опеки и помещают в интернатные учреждения.

Уполномоченная при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Мария Львова-Белова, рассказала и о стратегических программах, которые непосредственно решают вопросы, связанные с социальной поддержкой детей:

- программа всемерной помощи детям «Дети в семье»,
- долгосрочная программа «Сопровождение через всю жизнь»,
- программа поддержки подростков «Подростки России».

В современных условиях проведения специальной военной операции, большое внимание Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка уделяется вопросам оказания

всесторонней помощи детям из недавно присоединившихся регионов Российской Федерации и особенно детям-сиротам. За период с 22 февраля 2022 года Российская Федерация приняла около пяти миллионов выехавших с Украины, большая часть которых из районов, близких к местам боевых действий в рамках проведения специальной военной операции. Из них более 730 тысяч – это дети. Большинство детей приехали в РФ с родителями или законными представителями – опекунами или попечителями. Среди них группы детей из различных социальных государственных учреждений.

Это более двух тысяч детей, прибывших в сопровождении законных представителей, которыми для них являются руководители этих учреждений и воспитатели. Группы были отправлены по просьбе руководителей ДНР и ЛНР, так как территории этих республик подвергаются регулярным обстрелам.

С января этого года аппарат Уполномоченного при Президенте Российской Федерации ведет мониторинг ситуации по возвращению детей домой, из числа тех которые в течении лета-осени 2022 года находились на оздоровлении отдыхе, в соответствии с заявлениями их родителей или законных представителей (граждан Украины) в Республике Крым и Краснодарском крае. По причине интенсивности боевых действий в зоне проведения специальной военной операции возвращение домой стало опасным. Поступило большое количество заявок и более двух тысяч детей отправилось на оздоровление и отдых в различные лагеря и санатории юга Российской Федерации.

Решаются вопросы устройства детей-сирот из новых регионов под опеку в приемные российские семьи. Здесь не надо путать термины «усыновление» и «опека». В Российской Федерации дети из ЛНР и ДНР устраиваются под опеку, при этом государство выступает в роли единственного законного представителя ребенка, передавая его временно под присмотр и заботу семье, которая юридическим термином обозначается как замещающая. Приоритетом остается необходимость сохранения привязанности к родной земле и возможность регулярного общения с родственниками.

Обсуждение результатов исследования

Российское правительство ставит на ведущее место вопросы защиты прав ребенка, так как их выполнение является основой решения демографической проблемы. Нельзя решить столь сложную проблему только экономическими мерами – субсидиями, материнским капиталом и подобными финансовыми вливаниями. Например: количество разводов растет от года к году, причем в некоторые периоды количество разводов превышает количество браков за тот же период. Учитывая критичность создавшегося положения и понимая, что уже принятых мер недостаточно для преодоления демографического кризиса в стране, была введена новая должность:

Уполномоченный по правам ребенка при Президенте Российской Федерации.

Наиболее важный критерий социального государства – это уровень защиты материнства, детства и отцовства, а также уровень помощи и защиты семьи.

Как, к примеру, в европейских странах, так и в Российской Федерации система прав социального обеспечения в сфере семьи, материнства и детства далека от совершенства, однако Россия, в лице народных избранников, правильно понимает ситуацию и постоянно пытается улучшить правовое обеспечение института материнства и детства Российской Федерации [10].

Со стороны Уполномоченных по правам ребенка должен вестись постоянный контроль за деятельностью правоохранительных органов, судебной системы и социальных служб в отношении их взаимодействия с несовершеннолетними детьми.

Сегодня очевидна актуальность создания федерального института материнства и детства по примеру Уполномоченного при Президенте Российской Федерации.

Заключение

Одной из самых важных и ответственных задач в Российской Федерации рассматривается защита материнства и детства, но проведенные исследования позволяют сделать некоторые предположения:

1. В российской Федерации вопросы правового регулирования института материнства и детства имеют приоритетное значение, но существуют еще ряд направлений, по которым требуется дополнительная проработка, например необходимо нормы Семейного права привести в соответствие с конституционными принципами равноправия мужчин и женщин с равной ответственностью родителей за содержание и воспитание детей, пропорционального ограничения семейных прав и прав собственности супругов.
2. Необходимо улучшение просветительской работы по вопросам прав детей и способов их защиты, чтобы не только чиновники, но и все родители имели представление о своих родительских правах, а дети, соответственно, должны знать свои права.
3. Со стороны Уполномоченных по правам ребенка должен вестись постоянный контроль за деятельностью правоохранительных органов, судебной системы и социальных служб в отношении их взаимодействия с несовершеннолетними детьми.
4. Вопросы социального партнерства и соотношение насущных потребностей детей и возможностей государства нуждается в конкретизации и правовом оформлении в виде отдельного института материнства и детства.

На фоне деградации европейского общества, по образцу которого на протяжении десятилетий воспитывалась наша молодежь, чуждая нашему

обществу культура навязывается нашим детям через все средства массовой информации и особенно через Интернет, где трудно установить контроль со стороны родителей, необходимо выставить мощный правовой и информационный заслон посягательствам на наши традиционные ценности. Начало положено и указом Президента РФ закреплено, что в брачный союз могут вступить только мужчина и женщина. И это трактуется на уровне государственной политики. Но, надо полагать, что на этом останавливаться нельзя, и необходима глубокая проработка не только правового регулирования защиты института матери и ребенка, чему посвящена эта статья, но и в целом традиционных семейных ценностей нашего многонационального Российского общества.

Литература

1. Авдеев, В.А. Государственно-правовой механизм охраны семьи и прав ребенка в Российской Федерации / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Российский следователь. – 2015. – № 9. – С. 22–24. EDN: TRQCEV
2. Баглай, М.В. Конституционное право РФ: Учебник для вузов / М.В. Баглай. – 11-е изд., изм. и доп. – Москва: Норма. – 2015. – 784 с. EDN: QSCMPV
3. Андреева, Л.С. О праве на семью и проблеме определения понятий семьи, материнства, отцовства в российском конституционном законодательстве / Л.С. Андреева // Проблемы в российском законодательстве. – 2011. – № 6. – С. 32–34. EDN: ONNCYD
4. Сологуб, А.Ю. Конституционно – правовая защита прав ребенка в Российской Федерации / А.Ю. Сологуб // Известия Иркутской государственной академии. – 2011. – № 4. – С. 175. EDN: NXMVSR
5. Нечаева, А.М. Семейное право: учебное пособие для бакалавров / А.М. Нечаева. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт. – 2012. – 289 с. EDN: VTTFQJ
6. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации: Монография. 2-изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект – 2015 – С. 31. EDN: QRDQNJ
7. Додонова, А.Д. Институт Уполномоченного по правам ребенка как механизм защиты прав, свобод и законных интересов в современной России // Политика, государство и право. – 2013. – № 5 [Электронный ресурс] URL: <http://politika.snauka.ru/2013/05/757> (дата обращения: 16.06.2022 г.).
8. Акимова, Ю.А. Конституционный принцип равенства и социальное обеспечение граждан, имеющих детей / Ю.А. Акимова // Современное право. – 2014. – № 5. – С. 19–29. EDN: QX-KJYN
9. Ченцов, С.Д. Становление института уполномоченного по правам ребенка в России /

С.Д. Ченцов, А.Е. Новикова // Молодой ученый. – 2014. – № 1. – С. 123. EDN: RUIXQZ

10. Юнусова, О.М. Некоторые исторические аспекты возникновения международно-правовой базы в области защиты детей / О.М. Юнусова // Ученые записки государственного университета имени академика Б. Гафурова. – 2014. – № 1. – С. 267. EDN: TFDKSJ

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kislitsyn G.A.

Moscow Financial-Industrial University Synergy

The relevance of the research lies in the fact that the system of social protection of the population exists in every society, since there are always categories of social groups that need support from society and the state. The relevance of the problem, which is considered in this article stems from the unfavorable situation in the Russian Federation, limiting the development of both the family and society as a whole.

The main purpose of the research is to analyze the structural and functional institutions established in Russian law for the protection of motherhood and childhood.

The article deals with the problems of legal regulation of the institution of motherhood and childhood and general issues of protection and protection of the family at the legislative level of the Russian Federation.

Using the comparative legal method of research, it was possible to identify the positive and negative aspects in the system of legal regulation of the institution of motherhood and childhood.

On the basis of the data obtained, it can be concluded that the institution of protection of motherhood and childhood that has formed in the Russian legal system is a powerful structure, able to deal effectively with the legal protection of children.

Keywords: motherhood; childhood; children's rights; state guarantees; systems of measures; legal mechanisms.

References

1. Avdeev, V.A. The state-legal mechanism for the protection of the family and the rights of the child in the Russian Federation / V.A. Avdeev, O.A. Avdeeva // A Russian investigator. – 2015. – No.9. – PP. 22–24. EDN: TRQCEV
2. Baglay, M.V. Constitutional law of the Russian Federation: Textbook for universities / M.V. Baglay. – 11th ed., ed. and add. – Moscow: Norm. – 2015. – 784 p. EDN: QSCMPV
3. Andreeva, L.S. On the right to a family and the problem of defining the concepts of family, motherhood, fatherhood in the Russian constitutional legislation / L.S. Andreeva // Gaps in Russian legislation. – 2011. – No.6. – PP. 32–34. EDN: ONNCYD
4. Sologub, A. Yu. Constitutional and legal protection of the rights of the child in the Russian Federation / A. Yu. Sologub // Proceedings of the Irkutsk State Academy. – 2011. – No. 4. – p. 175. EDN: NXMVSR
5. Nechaeva, A.M. Family law: a textbook for bachelors / A.M. Nechaeva. – 5th ed., reprint, and additional – Moscow: Yurayt. – 2012. – 289 p. EDN: VTTFQJ
6. Bepalov Yu.F. The family and legal status of a child in the Russian Federation: Monograph. 2nd ed., reprint, and additional – Moscow: Prospect – 2015 – p. 31. EDN: QRDQNJ
7. Dodonova, A.D. The Institute of the Commissioner for Children's Rights as a mechanism for protecting rights, freedoms and legitimate interests in modern Russia // Politics, State and Law. – 2013. – No. 5 [Electronic resource] URL: <http://politika.snauka.ru/2013/05/757> (accessed: 06/16/2022).
8. Akimova, Yu.A. The constitutional principle of equality and social security of citizens with children / Yu.A. Akimova // Modern Law. – 2014. – No.5. – pp. 19–29. EDN: QXKJYH
9. Chentsov, S.D. The formation of the Institution of the Commissioner for Children's Rights in Russia / S.D. Chentsov, A.E. Novikova // Young Scientist. – 2014. – No. 1. – p. 123. EDN: RUIXQZ
10. Yunusova, O.M. Some historical aspects of the emergence of the international legal framework in the field of child protection / O.M. Yunusova // Scientific Notes of the Academician B. Gafurov State University. – 2014. – No. 1. – p. 267. EDN: TFDKSJ

Лопатин Данил Павлович,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: frozeneg@mail.ru

Зимницкая Юлия Алексеевна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: juli@zimnitskaya.ru

Статья посвящена этапам развития законодательства об охране прав на музыкальные произведения. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена непосредственной взаимосвязью между правовым регулированием отношений по использованию объектов интеллектуальной собственности и результатами технологического прогресса, оказывающими прямое влияние на трансформацию и технологизацию человеческой жизни. Долгое время в отечественной юридической науке охране музыкальных произведений не уделялось должного внимания. Данное отношение объясняется особенностями исторического развития и общественно-политического устройства России [6, с. 169]. Вследствие технического прогресса, появления различных способов создания и использования музыкальных произведений принимались законопроекты, направленные на повышение уровня правовой охраны музыкальных произведений. В рамках данной работы предлагается рассмотрение различных законопроектов, результатов технологических революций, влияющих на формирование правового фундамента, который, в конечном итоге, регулирует отношения по использованию музыкальных произведений на сегодняшний день.

Ключевые слова: Постановление Государственного Совета, решения Правительствующего Сената, Бернская конвенция, Положение 1911 года, государственное достояние, Гражданский кодекс.

Первые законы, направленные на упорядочивание отношений относительно авторских прав на музыкальные произведения, появились во второй четверти XIX века. Однако отдельно термин «музыкальное произведение» не закреплялся.

Постановление об ограждении прав русских и пребывающих в России сочинителей музыкальных произведений от 9 января 1845 года – отправная точка, благодаря которой удалось достичь высокого уровня охраны авторских прав на музыкальные произведения. Ключевой новеллой, закрепленной в Постановлении, являлась возможность защиты своих прав не только композитором, но и наследниками. Помимо этого, затрагивались вопросы заимствования частей из исполненных музыкальных произведений. Оно допускалось, однако различие между оригиналом и новым произведением должно быть «значительным и многочисленным». Тем не менее, что подразумевать под данными категориями, законом не обозначалось. Кроме того, допускались случаи публичного исполнения музыкальных произведений без необходимости получения авторского согласия: «Исполнение ни ковенно, ни непосредственно не преследовало коммерческих целей; исполнение совершалось во время народных празднеств; получаемый доход направлен исключительно на благотворительные цели» [12].

Итак, постановление Государственного Совета являлось уникальным законодательным актом. Оно выступало неким фундаментом для построения централизованной системы регулирования отношений, связанных с охраной авторских прав на музыкальные произведения.

Необходимо отметить, что до 1845 года защита нарушенных прав авторов музыкальных произведений осуществлялась исключительно в гражданском порядке [13, с. 510]. В 1846 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, являвшимся первым Уголовным кодексом. Впервые в российском законодательстве закреплялась уголовно-правовая охрана музыкальной собственности [7, с. 15].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных – первая ступень на пути формирования структурированной системы уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, к которой помимо литературных и художественных произведений относились и музыкальные. Однако необходимо было определить дальнейший вектор развития уголовного законодательства в сфере охраны музыкальных произведений, так как нормы Уложения носили бланкетный характер, отсылая к гражданскому законодательству. Помимо этого, нередко на практике наблюдалась неоднознач-

ность в толковании закона, а отдельные случаи нарушения не находили исчерпывающего описания. Достигнуть решения указанных проблем помогала деятельность кассационных департаментов Правительствующего Сената.

Так, решение Общего собрания кассационных департаментов Сената № 30 от 1896 года носит беспрецедентный характер, поскольку в нем была применена аналогия закона и положений, затрагивающих литературные произведения: правила о литературных хрестоматиях распространяются и на музыкальные. Кроме того, определялся ключевой признак подобных изданий: принадлежность их к классу учебных, что говорило об отсутствии признака сбыта вне среды учащихся [11, с. 80–84]. В иных решениях Сенат закреплял содержание авторского права на музыкальные произведения [10, с. 1358–1362].

Таким образом, вышерассмотренные решения – официальный источник толкования правовых норм авторских прав на музыкальные произведения. Более того, решения органа в дальнейшем активно применялись законодателем в отдельных нормативных правовых актах, вступивших в силу уже в XX в.

В 1886 году была принята Бернская конвенция, существенно повлиявшая на международное авторское право. Со временем ее положения расширялись и пересматривались. Например, увеличивалось количество охраняемых произведений, вносились пункты, которые защищали авторские права вопреки соблюдению определенных формальностей. Однако Российская империя Бернскую конвенцию не подписала, оставшись, таким образом, без соблюдения международных обязательств. В связи с этим в России существовала относительная свобода воспроизведения иностранных музыкальных произведений [3, с. 300]. Тем не менее, авторские права на музыкальные произведения на международном уровне охранялись в соответствии с международными соглашениями. Однако они не отличались особой эффективностью, поскольку зарубежные правообладатели не могли отследить все случаи ввоза контрафактной продукции, вследствие чего положения конвенций практически не соблюдались, поэтому они прекращали свое действие. Относительную стабильность в регулировании данных вопросов удалось достичь к концу первой четверти XX века, когда были заключены соглашения между Францией, Германией, Бельгией, Данией.

В целом, вторая половина XIX века характеризуется развитием авторского права при помощи расширения объектов охраны: помимо литературных и художественных произведений таковыми признавались и музыкальные. Кроме того, увеличивалось число авторских правомочий, закрепляемых в законе, что, в свою очередь, приводило к последующему совершенствованию правовой охраны результатов интеллектуального труда.

Положение об авторском праве от 20 марта 1911 года (далее – Положение) изменило законо-

дательные трактовки относительно музыкальных произведений.

Необходимость принятия Положения была вызвана различными общественными причинами: от усовершенствования правового регулирования авторского права до технического прогресса в области звукозаписи. Именно с этого периода авторское право стало представлять собой самостоятельную часть гражданского законодательства, которая закрепляла конкретные права авторов различных произведений. С точки зрения Ильницкого К.О.: «Положение 1911 года всесторонне отражало разные способы ограничений относительно использования произведений. Именно оно помогло достичь необходимый баланс интересов авторов, издателей, общества и государства» [2, с. 30].

Декретом Совета Народных Комиссаров «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» от 26 ноября 1918 года вводилось новое понятие для произведений авторов: «Достояние РСФСР».

Таким образом, публичное исполнение музыкальных произведений, допускалось с разрешения органов государственной власти. В свою очередь, авторы со стороны государства получали гонорар за случаи такого исполнения [8, с. 120].

В дальнейшем Закон об авторском праве от 1928 года не закрепил новых положений в вопросах регулирования авторского права на музыкальные произведения. В 1961 году данный акт был включен в Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик. 1973 год ознаменовался присоединением СССР к Всемирной конвенции об авторском праве, вследствие чего Основы гражданского законодательства СССР и гражданские кодексы союзных республик претерпели некоторые изменения. В частности, новые предписания были направлены на расширение прав авторов музыкальных произведений.

Столь небольшое количество законодательных актов в области охраны авторских прав музыкальных произведений в период СССР можно объяснить следующими факторами: во-первых, развитие авторского права напрямую зависело от политического режима, определяемого государственной властью. Частая смена власти, революции не являлись созидательными компонентами для формирования и функционирования обозначаемого института. Во-вторых, музыкальные произведения – синоним к слову технологии, благодаря которым представляется возможным запись голоса, музыкальных партий, различных звуков на материальный носитель. Научно-технический прогресс, эволюция экономических отношений являются первопричиной появления рынка музыкальной продукции, что, в свою очередь, говорит о необходимости признания музыкальных произведений результатами творческой деятельности, которые должны охраняться авторским правом. Одним словом, обе причины тесно взаимосвязаны: при закрытом политическом курсе развитие информационных тех-

нологий, различных сфер жизни общества видится довольно проблематичным. Постоянные колебания относительно проводимой политики неблагоприятно сказывались на развитии авторского права, поэтому формирование данного института в нашей стране не было столь стремительным, по сравнению со странами Европы [1, с. 19].

Современный период развития законодательства об авторском праве характеризуется принятием двух законов Российской Федерации: «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» и «Об авторском праве и смежных правах», измененный и дополненный в 2004 году. С 2008 года отношения в сфере авторских прав на музыкальные произведения регулируются частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [9, с. 200]. По мнению Крашенинникова П.В., принятие части четвертой ГК РФ позволило привести действующее законодательство об интеллектуальной собственности в соответствие с международными договорами, благодаря которым Российская Федерация смогла присоединиться к Договору ВОИС по авторскому праву от 1996 года. Кроме того, данное событие способствовало присоединению к Соглашению ТРИПС, выступавшее в качестве обязательного условия вступления России в ВТО [4, с. 6–7].

Таким образом, зарождение и формирование законодательства об авторском праве на музыкальные произведения берет свои истоки со второй половины XIX – начала XX вв. Со временем музыкальные произведения стали представлять собой обособленную категорию объектов с собственным правовым режимом. Благодаря технологическому прогрессу, развитию способов передачи информации, их усовершенствованию удалось достичь законодательного закрепления широкого спектра прав, которыми обладают различные авторы и правообладатели музыкальных произведений. Тем не менее, отсутствие стабильности в определенные исторические периоды непосредственно повлияло на музыкальный издательский рынок – он развивался с опозданием, по сравнению с другими странами. На сегодняшний день музыкальное произведение – культурный компонент жизни общества, находящийся под охраной. Музыкальная составляющая является неотъемлемой частью различных видов деятельности, ее границы могут быть совершенно противоположными: от музыкального сопровождения торговых центров, ресторанов, до использования произведений в рамках мирового масштаба.

Литература

1. Афанасьева Е.Г. Право интеллектуальной собственности: сборник научных трудов. М.: Издательство РАН. ИНИОН, 2017. 202 с.
2. Ильницкий К.О. Ограничения прав сочинителей по законодательству Российской империи (XIX – начало XX вв.) // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 27–31.
3. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. П.: Издательство Брокгауз-Ефрон, 1916. 515 с.
4. Крашенинников П.В. Авторские и смежные с ними права: постатейный комментарий глав 70 и 71 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Издательство Статут, 2020. 482 с.
5. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права, смежные с авторскими: учебное пособие. У.: Издательство Аэтерна, 2019. 126 с.
6. Мимеева Н.Н. История возникновения и развития авторского права в России и за рубежом // Юрист. 2020. № 8. С. 167–172.
7. Николаев В.Е. Авторские права на музыкальные произведения в России второй половины XIX – начала XX вв.: Особенности правового регулирования гражданского оборота // Право. Законодательство. Личность. 2016. № 2. С. 13–22.
8. Полянская Е.М., Кадовбенко В.Д. История возникновения и развития авторского права в Российской Федерации и в зарубежных странах // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 4. С. 115–122.
9. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 400 с.
10. Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за первое полугодие 1870 года. СПб, 1871. 1400 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prlib.ru/item/442071> (дата обращения 26.04.2023).
11. Решения общего собрания первого и кассационных департаментов и кассационных департаментов Правительствующего Сената. СПб, 1896. 1500 с. [Электронный ресурс] URL: <http://crimealib.ru/ru/nodes/1283-resheniya-obshchego-sobraniya-pervogo-i-kassatsionnyh-departamentov-i-kassatsionnyh-departamentov-pravitelstvuyuschego-senata-1896> (дата обращения 05.05.2023).
12. О ограждении прав Русских и пребывающих в России сочинителей музыкальных произведений: Постановление Государственного Совета от 9 января 1845 г. // ПСЗ РИ. Собр. II. Отд. первое. – 1845. – 09 янв. – Ст. 18607. Утратил силу. [Электронный ресурс] URL: <https://ftc.rsl.ru/pages/19254d2b5e631d8d9c005dcbe3db9e02e9fb16f8ccaed95fadb3d2fe77a0cc8a8d3674fc97e603a4> (дата обращения 20.04.2023).
13. Основные законы и учреждения государственных // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1857. –Т. 1. – 1018 с. Утратил силу. [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303 (дата обращения 29.04.2023).

DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON THE PROTECTION OF RIGHTS TO MUSICAL WORKS

Lopatin D.P., Zimnitskaya Yu.A.

Novosibirsk National Research State University

This Article Is Devoted To The Stages Of Development Of Legislation On The Protection Of Rights To Music. The relevance of the topic under consideration is due to the direct relationship between the legal regulation of relations on the use of intellectual property objects and the results of technological progress, with a direct impact on the transformation and technology of human life. For a long time in domestic legal science the protection of musical works didn't have enough attention. This attitude is explained by the peculiarities of the historical development and socio-political structure of Russia [6, p. 169]. As a result of technological progress and the emergence of various ways of creating and using musical works, bills were passed to improve the legal protection of musical works. Within the framework of this work it is proposed to consider various bills, the results of technological revolutions, which influence the formation of the legal foundation, which ultimately regulates the relations on the use of music to date.

Keywords: Provisions of the State Council, solutions of the State Senate, the Berne Convention, 1911 Act, state treasure, Civil code.

References

1. Afanasieva E.G. Intellectual Property Rights: Collection of Scientific Works. M.: Publishing House RAS. INION, 2017. 202 p.
2. Ilytsky K.O. Restrictions on the rights of writers under the legislation of the Russian Empire (XIX – early XX centuries.) // Education. Science. Scientific personnel. 2019. 2. P. 27–31.
3. Kantorovich Y.A. Copyright on literary, musical, artistic and photographic works. P.: Brockhaus-Efron Publishing House, 1916. 515 p.
4. Krashennnikov P.V. Copyright and related rights: article-by-article commentary of chapters 70 and 71 of the Civil Code of the Russian Federation. M.: Publishing Statute, 2020. 482 p.
5. Matveev A.G. Intellectual Rights Related to Authors: Tutorial. Y.: Aetern Publishing House, 2019. 126 p.
6. Mimeeva N.N. History of the Origin and Development of Copyright in Russia and Abroad // Lawyer. 2020. 8. P. 167–172.
7. Nikolaev V.E. Copyright on musical works in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: Features of legal regulation of civil turnover // Law. Legislation. Personality. 2016. 2. P. 13–22.
8. Polyanskaya E.M., Kadovbenko V.D. History of Creation and Development of Copyright in the Russian Federation and in Foreign Countries // Legal Bulletin of Samara University. 2018. 4. p. 115–122.
9. Sudarikov S.A. Intellectual property rights: textbook for universities. M.: Publishing House Yuriit, 2021. 400 p.
10. Decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for the first half of 1870. SPb, 1871. 1400 p. [Electronic resource] URL: <https://www.prlib.ru/item/442071> (accessed 26.04.2023)
11. Decisions of the General Assembly of the First and Cassation Departments and the Cassation Departments of the Governing Senate. SPb, 1896. 1500 p. [Electronic Resource] URL: <http://crimealib.ru/ru/nodes/1283-resheniya-obschego-sobraniya-pervogo-i-kassatsionnyh-departamentov-i-kassatsionnyh-departamentov-pravitelstvuyushego-senata-1896> (accessed 05.05.2023).
12. On the protection of the rights of Russian and resident in Russia composers of musical works: Resolution of the State Council of January 9, 1845. // PSZ RI. Sobr. II. Department. First. – 1845. – 09 Jan. – Art. 18607. Expired. [Electronic resource] URL: <https://ftc.rsl.ru/pages/19254d2b5e631d8d9c005dcbe3db9e02e9fb16f8ccaed95fad3d2fe77a0cc8a8d3674fc97e603a4> (accessed 20.04.2023).
13. The basic laws and institutions of the state // The code of laws of the Russian Empire: in 15 t. Izd. 1857 – SPb.: Type. Second Branch Ego e. and. in. chancellery, 1857. – T. 1. – 1018 p. Expired. [Electronic resource] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303 (accessed 29.04.2023).

Микрюков Виктор Алексеевич,

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: vmikryukov@yandex.ru

Автор раскрывает основные причины повышения теоретической и практической заинтересованности в анализе аналогического правоприменения в сфере корпоративных отношений: законодательное признание гражданско-правовой природы последних, увеличение количества диалогичных норм, порождающих инициативную многовариантность оформления этих отношений, заимствование конструкций, востребованных в зарубежной корпоративной практике. Обозначена наиболее значимая проблема правоприменительной практики, состоящая в трудности поиска и обоснования оптимального баланса имущественных интересов участников корпоративных связей, в том числе по поводу обеспечения прав бенефициарных владельцев корпораций, формирования уставного капитала, распределения чистой прибыли и выплаты дивидендов. Обращено внимание на роль аналогии закона в преодолении пробелов в регулировании отношений, затрагивающих оформление решений высших органов корпорации, последствий истечения срока полномочий исполнительных органов корпоративных юридических лиц, порядка исключения акционера из непубличного акционерного общества, судьбу акций, утративших владельца.

Ключевые слова: пробелы в корпоративном праве, правовая неопределенность, аналогия закона, аналогическое правоприменение.

В современных условиях сформировались факторы особой востребованности аналогии в нормативном и поднормативном сегментах отечественной системы регулирования частноправовых отношений, осложненных корпоративной спецификой.

Прежде всего, исключены формальные сомнения в допустимости использования аналогии закона и аналогии права (ст. 6 ГК РФ) для казуального преодоления правоприменителями корпоративно-правовых пробелов в результате законодательно-определенной частноправовой природы корпоративных отношений и их прямого нормативного включения в предмет гражданского права (п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Кроме того, интенсивному обращению к аналогии в правореализационной и правоприменительной деятельности в сфере корпоративного права способствует доктринально продвигаемое и нормативно осуществляемое усиление диспозитивности корпоративно-правового регулирования. Субъекты корпоративного взаимодействия все чаще пользуются аналогиями при поиске индивидуальных вариантов моделей правового поведения, что обуславливает возрастание количества пробельных (в том числе аномальных) корпоративных связей, требующих, в свою очередь, аналогического правоприменения в спорных ситуациях.

Далее, необходимость объемного корпоративно-правового нормотворчества при отсутствии у отечественного законодателя должного опыта и традиций в этой сфере предопределяет активное использование сравнительно-правовых аналогий, включая аналогическое применение известных иностранных юридических конструкций (институтов и инструментов) призванных обеспечить удобство и повысить привлекательность инвестиций в российские компании [2, с. 59–73] – так называемых «правовых трансплантатов» [6, с. 21–31], к числу которых можно отнести акционерные соглашения, востребованные в корпоративных отношениях механизмы возмещения потерь и заверений об обстоятельствах, конвертируемые займы.

Наконец, скачкообразное и при этом широкое разрастание корпоративного законодательства заставляет искать в аналогии основу для разрешения корпоративных конфликтов в условиях правовой пустоты, соприкосновения с которой становятся тем неизбежнее и тем чаще, чем большее количество новых отношений попадает в сферу корпоративно-правового регулирования.

Анализ правореализационной и судебной правоприменительной практики показывает, что наиболее значимые проблемы, связанные с нормативной пробельностью и применением аналогии в корпоративной сфере, возникают, главным образом,

в механизмах обеспечения баланса имущественных интересов субъектов корпоративных связей.

Обнаруживается противоречивость судебных подходов к решению вопроса о частноправовом положении бенефициарных владельцев корпораций: в делах об оспаривании решений общих собраний участников и сделок таких юридических лиц суды без надлежащих ссылок на аналогию как на правовое основание склоняются к признанию за бенефициарами права на соответствующие иски (Определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ по экономическим спорам от 31.03.2016 года по делу № 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014; от 27.05.2016 года № 305-ЭС15-16796 по делу № А40-95372/2014), а в спорах по их требованиям о предоставлении информации о деятельности фактически контролируемых ими корпоративных организаций отказывают по мотивам отсутствия оснований для применения аналогии закона, считая умолчание законодателя о соответствующем защитном инструменте конечного бенефициара квалифицированным (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2019 года № 07АП-6103/2019 по делу № А45-728/2019; Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10.04.2019 года по делу № А75-2735/2019).

Реальные практические казусы, обусловленные неопределенностью частноправовых механизмов формирования, увеличения и уменьшения уставного капитала хозяйственных обществ, в целом демонстрируют позитивное и достаточно сбалансированное отношение судейского сообщества к применению законодательства по аналогии при разрешении корпоративных споров о порядке, способах и сроках формирования и изменения величины уставного капитала хозяйственных обществ.

Именно обращение к аналогии закона и аналогии права является источником ответов на не имеющие прямого законодательного решения и однозначной доктринальной оценки вопросы, как-то: допустимо ли внесение вкладов в оплату уставного капитала хозяйственного общества не лично участником (акционером), а третьим лицом; каковы последствия оплаты вклада в уставный капитал с опозданием; является ли непреодолимым запрет на исполнение обязанности участника (акционера) по внесению вклада в уставный капитал путем зачета встречных требований к обществу; возможно ли оплатить уставный капитал путем внесения (уступки) права аренды какого-либо имущества [5, с. 237–260]?

Опора на аналогию способна помочь в решении проблем выявления и аналогического преодоления пробелов в правилах о порядке принятия решений о распределении чистой прибыли и условиях фактической выплаты дивидендов хозяйственных обществ. К примеру, в случаях недобросовестной, неразумной и несправедливой заморозки чистой прибыли в ущерб отдельным акционерам (участникам) видится возможным использовать такой

действенный инструмент борьбы с неопределенностью как аналогия права.

Поскольку законодатель не определил достаточно четко юридическую сущность акта подтверждения корпоративных решений, оставил без прямого ответа вопрос о последствиях игнорирования требования о подтверждении решений общих собраний участников хозяйственных обществ (п. 3 ст. 67.1. ГК РФ) и умолчал о применении указанного требования и неясных последствий к актам лиц, сконцентрировавших корпоративный контроль в одних руках, в судебной практике наблюдается активное, но не всегда уместное использование аналогии как инструмента достижения правовой определенности.

В частности, некорректное и латентное использование аналогии закона проявляется в позиции Президиума Верховного Суда РФ по вопросу о распространении требования о нотариальном удостоверении, установленного в п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, на решение единственного участника хозяйственного общества (Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 года)), что не соответствует природе решений единственного участника как односторонних сделок. В свою очередь, конструкт ничтожности не удостоверенных должным образом решений очных собраний участников хозяйственных обществ, по аналогии с ничтожностью сделок, неправомерно не облеченных в нотариальную форму согласно п. 3 ст. 163 ГК РФ (Пункт 107 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), хотя и основывается на исключительно положительной цели повышения степени защиты корпоративных прав, будучи результатом деструктивной аналогии и одновременно примером вхождения суда в сферу нормотворчества, явно нуждается в скором переводе в законодательную форму.

Анализ правовых норм, связанных с определением срока полномочий исполнительных органов хозяйственных обществ, обнаруживает их различие для обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ и при этом дает основания для неоднозначных теоретических выводов о последствиях истечения этого срока. В судебных подходах к разрешению соответствующих корпоративных споров также не наблюдается единства, поскольку одни суды опираются на применение аналогии (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2020 года № 09АП-61521/2020, 09АП-54380/2014 по делу № А40-69805/2020), а другие такую возможность отрицают либо игнорируют (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.02.2017 года № Ф04-6808/2016 по делу № А46-3752/2016).

Ярким примером того, как появление новых норм корпоративного законодательства вызывает

столкновение с правовыми пробелами, можно назвать нормативное распространение на непубличные акционерные общества механизма исключения недобросовестного акционера (п. 1 ст. 67 ГК РФ). В частности, при отсутствии детализации именно для акционерных обществ порядка определения и выплаты исключенному участнику корпорации действительной стоимости доли возникает естественная потребность в применении норм, регулирующих сходные отношения, по аналогии, что отмечается практикующими юристами [3, с. 66–74], приветствуется в науке [1, с. 91] и реализуется в судебной практике (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.06.2017 года № Ф07–5561/2017 по делу № А21–4475/2016).

Еще одним актуальным примером правоприменительного преодоления законодательной неопределенности выступает аналогичное решение вопроса о судьбе акций, принадлежавших ликвидированному юридическому лицу – акционеру, если такие акции после удовлетворения требований кредиторов не были распределены среди участников и продолжают числиться в реестре на лицевом счете не существующей организации. Суды в ряде случаев демонстрируют креативный подход и в порядке ст.ст. 225, 226 ГК РФ через аналогию закона (ст. 6 ГК РФ) указывают на возможность признания не имеющих телесного (физического) воплощения акций в качестве бесхозяйных вещей с передачей их во владение эмитенту (Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2016 года № 11АП-10052/2016 по делу № А49–2517/2016; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.12.2017 года № Ф06–27085/2017 по делу № А55–4434/2017), что находит определенную доктринальную поддержку [4, с. 103–111]. Имея в виду, что речь идет о «смерти» организации, в отношении имущества которой (акций) не оказалось претендентов на наследство, не следует также исключать обращение правоприменителей к отдаленной, но более глубокой по существу аналогии с порядком наследования выморочного имущества (ст. 1151 ГК РФ).

Изложенное указывает на необходимость продолжения энергичного поиска, анализа и обобщения практики применения корпоративно-правовых норм по аналогии с тем, чтобы на основе результатов соответствующей научной работы найти адекватные пути как для казуального преодоления пробелов в корпоративном праве, так и для законодательного повышения определенности нормативного массива в корпоративной сфере.

Литература

1. Абдулкадиров Т. Принудительное исключение участника из непубличной компании. М.: Юстицинформ, 2021.
2. Гутников О.В. Тенденции развития корпоративного права в современных условиях // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 59–73.
3. Краецкая Е. Исключение акционера из общества // Юридический справочник руководителя. 2023. № 1. С. 66–74.
4. Макарова О.А. Обзор судебной практики по делам о признании акций бесхозяйными // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 103–111.
5. Mikryukov V.A. Gaps and Analogies in the Mechanism of the Formation of Registered Capital of Limited Liability and Joint-Stock companies // Revista Cuestiones Políticas. 2021. Vol. 39. № 69. P. 237–260.
6. Watson A. Legal Transplants: an Approach to Comparative Law. (2 ed.). University of Georgia Press. 1993. P. 21–31.

THE PRACTICE OF APPLYING CORPORATE LEGAL NORMS BY ANALOGY

Mikryukov V.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Author reveals main reasons behind increase in theoretical and practical interest for the analysis of analogical law enforcement in the field of corporate relations: legislative recognition of the civil nature of the latter, an increase in the number of transparent norms giving rise to initiative multivariance during execution of these relations, borrowing structures relevant in foreign corporate practice. Author identifies the most significant problem of law enforcement practice which relates to complexity in finding and justifying optimal balance in property interests of corporate relation participants, including ensuring rights of corporate beneficial owners, generation of authorized capital, distribution of net profit and payment of dividends. Role of legal analogy in overcoming gaps in relation regulation affecting execution of decisions by corporate supreme bodies, consequences of term of power expiration for corporate executive bodies, procedure for excluding a shareholder from a private joint stock company, fate of shares without (having lost) an owner are also brought into focus.

Keywords: gaps in corporate law, legal uncertainty, law analogy, analogy law enforcement.

References

1. Abdulkadyrov T. Compulsory exclusion of a private company shareholder. Moscow: Justicinform, 2021.
2. Gutnikov O.V. Trends in the development of corporate law in current environment // Journal of Russian Law. 2020. No. 8. Pp. 59–73.
3. Kraetskaya E. Exclusion of a shareholder from the company // Legal guide for senior manager. 2023. No. 1. Pp. 66–74.
4. Makarova O.A. Review of judicial practice on cases for recognition of shares as ownerless // Rule of law: theory and practice. 2022. No. 4. Pp. 103–111.
5. Mikryukov V.A. Gaps and Analogies in the Mechanism of the Formation of Registered Capital of Limited Liability and Joint-Stock companies // Revista Cuestiones Políticas. 2021. Vol. 39. № 69. P. 237–260.
6. Watson A. Legal Transplants: an Approach to Comparative Law. (2 ed.). University of Georgia Press. 1993. P. 21–31.

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
E-mail: pmv0929@yandex.ru

Банних Станислав Германович,

Заведующий кафедры креативного управления и гуманитарных наук, кандидат философских наук, доцент, «Уральский государственный экономический университет»
E-mail: Bannyx.Stas@mail.ru

Морозова Екатерина Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета
E-mail: amida@e1.ru

В статье рассматриваются действующие нормативно-правовые акты, регулирующие сферу закупок для государственного обеспечения, а так же цели и принципы регулирования сферы государственных закупок, к числу которых относятся: эффективное расходование средств, обеспечение информационной открытости и прозрачности закупок, обеспечение беспрепятственного доступа к участию в закупках и наличия уполномоченных регулирующих и контролирующих органов власти в сфере закупок, развитие конкуренции. На современном этапе развития государства открытость и прозрачность действий органов государственной власти является одним из приоритетных направлений в их деятельности. В том числе, следует отметить и тот факт, что область государственных закупок остро подвержена криминализации и вызывает повышенный интерес коррумпированных субъектов, таким образом грамотное правовое регулирование этой отрасли представляется как базис эффективности регулирования.

Ключевые слова: институт, федеральный закон, нормативный акт, международное право, договор, Евразийский экономический союз, расходование средств, контролирующий орган, конкурс, котировка.

Институт государственных закупок формировался в России на протяжении веков. Первым актом о государственных закупках считается указ Алексея Михайловича от 07.07.1655 г. о «подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей». На сегодняшний день сфера государственных закупок в России регулируется федеральными законами, нормативными правовыми актами субъектов РФ, а также актами международного права, то есть международными договорами, которые имеют преимущество перед национальными актами.

Россия является одним из основателей Евразийского экономического союза, который учрежден договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. Пункт 1 статьи 88 данного договора устанавливает цели и принципы регулирования сферы государственных закупок, к числу которых относятся: эффективное расходование средств, обеспечение информационной открытости и прозрачности закупок, обеспечение беспрепятственного доступа к участию в закупках и наличия уполномоченных регулирующих и контролирующих органов власти в сфере закупок, развитие конкуренции. Приложение N25 к Договору о Евразийском экономическом союзе определяет порядок регулирования сферы государственных закупок. Согласно пункту 4, закупки в государствах-членах могут проводиться путем открытого конкурса, запроса котировок и предложений, открытого электронного аукциона, биржевых торгов и закупок у единственного поставщика.

Российская Федерация также является членом Всемирной Торговой Организации, которая устанавливает основы и принципы государственных закупок Соглашением по правительственным закупкам. Однако, участие в Соглашении не является обязательным, и в настоящее время Россия не подписала его.

Федеральные и региональные законы, которые устанавливают контроль за проведением государственных закупок, основываются на положениях Конституции Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим закупки, является федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N44-ФЗ. Данный закон устанавливает контрактную систему государственных закупок, которая на данный момент является основной в России, и ее основные положения, а также принципы, на которых основывается контрактная система: принципы открытости, прозрачности информации, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, стимулиро-

вания инноваций, единства контрактной системы в сфере закупок, ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективности осуществления закупок.

Статья 3 N44-ФЗ называет элементы контрактной системы: контракт (договор), заказчик, участник закупки, эксперт, контрольные органы.

Закон о контрактной системе устанавливает правила проведения для закупок, осуществляемых за счет бюджетных средств. Заказчиками могут выступать государственные и муниципальные органы власти и казенные учреждения, государственные внебюджетные фонды, Росатом и Роскосмос, некоторые бюджетные учреждения и унитарные предприятия.

Для осуществления закупок используется Единая информационная система (ЕИС), где заказчики размещают информацию о необходимом товаре или услуге, указывают максимальную цену контракта. Процесс осуществления закупок состоит из следующих этапов: планирование закупки, проведение закупки, заключение и исполнение контракта.

Закон регламентирует следующие виды процедур: конкурс, электронный аукцион, закрытый конкурс и аукцион, запрос котировок и предложений, закупка у единственного поставщика.

Статья 99 возлагает контроль в сфере государственных закупок на Федеральную антимонопольную службу, Федеральное казначейство, а также органы субъектов Российской Федерации и муниципалитеты.

Согласно статье 107, при нарушении законодательства о контрактной системе закупок, лицо несет дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность.

Большое значение имеет закон федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N135-ФЗ, так как контрактная система является частью антимонопольного регулирования.

Данный закон не только определяет основы защиты конкуренции, но и раскрывает такие понятия как «недобросовестная конкуренция», «необоснованно высокая/низкая цена финансовой услуги», «признаки ограничения конкуренции».

Несмотря на то, письма органов исполнительной власти носят рекомендательный характер, некоторые вопросы о контрактной системе раскрыты в письме Минэкономразвития России № Д28и-801 «О разъяснении положений Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 14.05.2014.

Сферу государственных закупок также регулирует Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 N223-ФЗ.

Заказчиками по данному закону могут выступать госкорпорации, госкомпании, публично-правовые компании, автономные учреждения, компании, у которых доля участия государства минимум 50 процентов, а также некоторые федераль-

ные унитарные предприятия (согласно Распоряжению Правительства РФ № 2931-р от 31.12.2016).

Закон позволяет заказчикам самостоятельно выбрать вид процедуры и регламентирует лишь некоторые из них: конкурс, аукцион, запрос котировок и предложений, закрытую закупку и закупку у единственного поставщика.

ФЗ-223 регулирует закупки вне рамок контрактной системы и устанавливает лишь основные этапы, что на практике только осложняет осуществление закупок по его положениям.

Закон «О защите конкуренции» выдвигает антимонопольные требования к торгам, запросу котировок цен и предложений, которые распространяются на N223-ФЗ.

Среди федеральных законов можно выделить и те, которые регулируют отдельные вопросы государственных закупок.

Федеральные законы «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» от 13.12.1994 N60-ФЗ и «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» от 02.12.1994 N53-ФЗ устанавливают принципы и порядок формирования и исполнения заказов на закупку и поставку определенной продукции, в соответствии с контрактной системой.

Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» от 29.12.2012 N275-ФЗ определяет принципы и методы регулирования цен на продукцию по государственному оборонному заказу.

К источникам регулирования государственных закупок относятся подзаконные акты. Процедуру подготовки необходимой документации при закрытых конкурентных закупках регулирует постановление Правительства РФ от 25.12.2018 N1663 «Об утверждении Положения об особенностях документооборота при осуществлении закрытых конкурентных закупок в электронной форме и порядке аккредитации на электронных площадках для осуществления закрытых конкурентных закупок». Порядок осуществления контроля за исполнением № 223-ФЗ определен приказом ФСИН России от 28.02.2019 N131 «Об утверждении Регламента осуществления Федеральной службой исполнения наказаний ведомственного контроля за соблюдением требований Федерального закона от 18 июля 2011 г. N223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и иных принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов Российской Федерации». Субъекты федерации имеют собственные подзаконные акты. Например, приказ департамента г. Москвы по конкурентной политике от 25 сентября 2014 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое регулирование закупок осуществляется не только Гражданским Кодексом РФ и Бюджетным Кодексом РФ, но и специальными федеральными законами и подзаконными актами. В связи с активным развитием контрактной системы закупок и законодательства, регулирующего данную сферу, существует необходимость упорядочива-

ния действующих нормативных правовых актов путем их кодификации.

Литература

1. Самолысов П.В., Булгакова М.А. *Контрактная система в сфере государственных закупок в России: учебник*; М.: Академия управления МВД России. 2020. С. 10–11;
2. «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014);
3. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N44-ФЗ;
4. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 N223-ФЗ;
5. Федеральный закон «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» от 13.12.1994 N60-ФЗ;
6. Федеральный закон «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» от 02.12.1994 N53-ФЗ;
7. Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» от 29.12.2012 N275-ФЗ;
8. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N135-ФЗ;
9. Распоряжение Правительства РФ № 2931-р от 31.12.2016;
10. Постановление Правительства РФ от 25.12.2018 N1663 «Об утверждении Положения об особенностях документооборота при осуществлении закрытых конкурентных закупок в электронной форме и порядке аккредитации на электронных площадках для осуществления закрытых конкурентных закупок»;
11. Приказ ФСИН России от 28.02.2019 N131 «Об утверждении Регламента осуществления Федеральной службой исполнения наказаний ведомственного контроля за соблюдением требований Федерального закона от 18 июля 2011 г. N223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и иных принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов Российской Федерации».

LEGAL REGULATION OF PUBLIC PROCUREMENT

Permyakov M.V., Bannykh S.G., Morozova E.V.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; Ural State University of Economics

The article examines the current regulatory legal acts regulating the sphere of procurement for state support, as well as the goals and principles of regulating the sphere of public procurement, which include: efficient spending of funds, ensuring information openness and transparency of procurement, ensuring unhindered access to participation in procurement and the availability of authorized regulatory and regulatory authorities in the field of procurement, the development of competition. At the present stage of the development of the state, openness and transparency of the actions of public authorities is one of the priorities in their activities. In particular, it should be noted that the field of public procurement is acutely subject to criminalization and causes increased interest of corrupt entities, thus competent legal regulation of this industry is presented as the basis for the effectiveness of regulation.

Keywords: Institute, federal law, regulatory act, international law, treaty, Eurasian Economic Union, expenditure of funds, supervisory authority, competition, quotation.

References

1. Samolysov P.V., Bulgakov M.A. *Contract system in the field of public procurement in Russia: textbook*; М.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. P. 10–11;
2. «Treaty on the Eurasian Economic Union» (Signed in Astana on May 29, 2014);
3. Federal Law «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs» dated 05.04.2013 No. 44-FZ;
4. Federal Law «On the Procurement of Goods, Works, Services for Certain Legal Entities» dated July 18, 2011 N223-FZ;
5. Federal Law «On the supply of products for federal government bodies» dated 12/13/1994 N60-FZ;
6. Federal Law «On Procurement and Supply of Agricultural Products, Vegetables and Food for State Needs» dated 02.12.1994 N53-FZ;
7. Federal Law «On the State Defense Order» dated December 29, 2012 N275-FZ;
8. Federal Law «On the protection of protection» dated July 26, 2006 N135-FZ;
9. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2931-r of December 31, 2016;
10. Decree of the bodies of the Russian Federation of December 25, 2018 N1663 «On the implementation of transactions on transactions on the features of the document flow when concluding concluded competitive procurement in electronic form and the procedure for accrediting electronic platforms for closed competitive procurement»;
11. Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated February 28, 2019 No. 131 «On criminal prosecution of the Regulations for the implementation by the Federal Penitentiary Service of departmental control over compliance with security of the Federal Law of July 18, 2011 No. 223-FZ «On the procurement of goods, works, services of individual legal entities» and others adopted in accordance with the regulatory legal acts of the Russian Federation».

Развитие института наследования прав, связанных с участием в хозяйственных обществах

Лапина Елизавета Вадимовна,

бакалавр ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: e.lapina@g.nsu.ru

Еременко Дмитрий Евгеньевич,

бакалавр ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: yeryomenko.de@gmail.com

Данная статья посвящена анализу рисков отсутствия наследственного планирования в случае смерти владельца бизнеса и изучению возможных правовых средств наследования прав, связанных с участием в хозяйственных обществах. В частности, рассматриваются последствия наследования доли/акций в обществе по закону. В целях справедливого раздела имущества умершего рассмотрены правовые средства передачи корпоративных прав одному из наследников умершего, в чьих предпринимательских способностях основатель бизнеса не сомневается, и обеспечения остальных наследников необходимым доходом, но отстранения их от управления корпорацией. Исследованы преимущества наследственного договора по сравнению с завещанием, а также его недостатки. Изучены доктринальные и законодательные положения в части применения в рамках наследования опциона на заключения договора купли-продажи доли в уставном капитале общества, возможность использования данного инструмента показана на конкретных ситуациях.

Ключевые слова: наследование, корпоративные права, бизнес, завещание, завещательный отказ, опцион на заключение договора.

Переход прав на долю в уставном капитале или акции хозяйственных обществ от умершего собственника бизнеса к его наследникам непременно сопряжён с рядом трудностей, которые не могут не повлиять на хозяйственную деятельность компании. Не договорившись с наследодателем при жизни о том, какое имущество и кому переходит, а также о том, кто встанет на место умершего в его компании и как будет происходить взаимодействие с его партнерами, наследники начинают делить бизнес между собой, нанося ущерб развитию компании.

После смерти единственного участника общества в отсутствие какого-либо предварительного регулирования доли в уставном капитале будут наследоваться в общем порядке по закону всеми известными наследниками первой очереди. Переход доли в уставном капитале общества к наследникам может привести к фактической утрате контроля над обществом или корпоративным конфликтам. Такие последствия подтверждаются крупными наследственными спорами.

Так в 2021 году произошёл корпоративный конфликт между наследниками не оставившего завещания создателя бренда «Natura Siberica» и доверительным управляющим, когда в компании с момента смерти основателя дважды поменялось руководство, уволилась значительная часть сотрудников, были приостановлены производство и работа магазинов. Также многим известен спор наследников угледобывающей компании «Сибантрацит», приведший к продаже компании – родители и сыновья владельца бизнеса находились в конфликте с его вдовой, претендовавшей на получение доли в размере 77% активов компании. Вдове владельца компании не удалось получить контроль над бизнесом, так как суд разделил акции поровну между всеми наследниками умершего.

Проблема большинства наследственных споров, связанных с передачей прав участия в хозяйственных обществах, заключается в том, что наследодатель не выразил свою волю при жизни и не определил, кто встанет на его место в управлении бизнесом. В этом случае наследование бизнес-активов будет происходить по закону. Такой порядок наследования включает в себя определенные риски для компании. Так, в первой очереди наследования могут оказаться те наследники, у кого недостаточно опыта и навыков для эффективного управления компанией, но кто готов получать доход от ее деятельности. В итоге, на наследство будут претендовать, например, совершеннолетние дети от первого брака, которые

не знают, как вести бизнес, пожилые родители, вдова владельца бизнеса, которая пытается, признать своих детей иждивенцами и наследниками умершего (то есть, наследниками с обязательной долей в наследстве). Также неизбежно возникновение безвластия в компании в период принятия наследства (6 месяцев) в отсутствие назначенного самим наследодателем доверительного управляющего (исполнителя завещания), а также споров наследников о кандидатуре доверительного управляющего имуществом. Например, наследники Андрея Трубникова (владельца компаний брендов Natura Siberica, Organic Shop) на протяжении года оспаривали действия назначенного нотариусом доверительного управляющего, который одновременно, нарушив сроки и порядок созыва, провел общие собрания участников во всех обществах, где наследодатель являлся учредителем, и назначил директором самого себя. Суд пришел к выводу о ничтожности всех принятых решений собраний, поскольку они ограничивали права иных участников общества присутствовать на общем собрании участников общества, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений [14].

Во избежание подобного развития события необходимо при жизни наследодателя проводить планирование наследования прав, связанных с участием в хозяйственных обществах.

В основе наследования прав участия в коммерческих организациях лежит противостояние наследственного и корпоративного права. Первое подразумевает распределение имущества умершего, второе имеет своей целью сохранение структуры управления обществом от появления в ней нежелательных лиц, не способных к управлению бизнесом.

Доля в уставном капитале компании обладает двойственной правовой природой при ее передаче в порядке наследования. Доля в обществе включает в себя право наследника на выплату её действительной стоимости, т.е. имущественное право, а также предполагает возможность возникновения у наследника корпоративных (организационных) прав, связанных с участием в обществе при наличии согласия имеющихся участников общества (в случае, если необходимость получения такого согласия установлена уставом общества). В данном случае наблюдается различие правового режима наследования прав на долю и из доли [16, с. 197; 13].

Важно понимать, что статья 1176 ГК РФ регулирует отношения, которые возникли после оформления наследственных прав на долю, и когда наследники уже определены. Согласно п. 66 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» [11] согласие участников общества на получение свидетельства о праве на наследство, в которое входит доля в уставном капитале компании, не требуется, а само это свидетельство является основанием для принятия решения о вхождении наследника в со-

став участников общества, в случае если по уставу вход в общество третьих лиц разрешен, либо получено согласие остальных участников общества.

В данном случае в порядке наследования переходят лишь имущественные права, а личные неимущественные права (связанные с участием в обществе) приобретаются посредством вхождения наследника в общество, а не на основании получения статуса наследника. Если же наследнику в соответствии с уставом общества было отказано во вступлении в состав участников корпорации, то наследник здесь обладает возможностью обратиться за защитой своих имущественных прав (правом на получение действительной стоимости доли), а не прав, связанных с участием в обществе [17].

В ситуации наследования акций согласие иных акционеров на переход корпоративных прав из акций не требуется. Возникновение статуса участника общества (перехода прав на акции) согласно ст. 29 Закона о рынке ценных бумаг [15] связано с внесением записи в реестре по лицевому счету приобретателя акций. То есть, вне зависимости от выдачи свидетельства о праве на наследство, статус акционера наследниками и возможность осуществления корпоративных прав не приобретается до момента внесения соответствующей записи в реестре акционеров [10].

Собственнику бизнеса важно при жизни определиться, кому именно должны перейти доля в уставном капитале (акции) и корпоративные права. Однако не стоит забывать про обязательную долю в наследстве (ст. 1149 ГК РФ). Наследники, имеющие право на обязательную долю (несовершеннолетние дети, пожилые родители, нетрудоспособные иждивенцы), могут удовлетворить свои требования за счет иного имущества (недвижимости, транспортных средств, денежных средств на счетах в банках и т.д.), а долю в уставном капитале (акции) оставить неделимыми. Для этого необходимо обособлять такие бизнес-активы от остального имущества, в следствие чего доля (акции) переходя в порядке наследования по завещанию конкретному лицу (например, партнёру умершего), а остальное имущество в соответствующем обязательной доле размере должно быть приобретено наследниками с обязательной долей.

Рассмотрим некоторые правовые средства безопасной передачи бизнеса по наследству и разберем на конкретных ситуациях возможности применения данных средств для наследования корпоративных прав.

Традиционным инструментом в рамках наследственного планирования является завещание. В завещании представляется целесообразным наследодателю при жизни выбрать и назначить исполнителя завещания для того, чтобы избежать возникновения спора между наследниками о кандидатуре доверительного управляющего и устранить период безвластия в компании в течении шести месяцев принятия наследства. В этом случае обязанности доверительного управляющего

по принятию бизнес-решений может исполнять заранее определенный в завещании душеприказчик, например, один из партнеров умершего. Кандидатуру исполнителя завещания следует заранее обговорить с наследниками и партнерами.

Действенным правовым средством передачи корпоративных прав может быть институт завещательного отказа (легата), который включается в завещание. Завещательным отказом наследодатель может передать долю/акции в обществе партнёру, который будет указан в завещании как наследник, и обязать часть получаемых доходов от доли/акции перечислять другим наследникам или же, например, обязать своих наследников сдавать своему партнеру в аренду какое-либо имущество, получая от этого доход. То есть, наследодатель фактически отстранит от управления своих наследников, не способных к управлению бизнесом, но не лишит их получения постоянного дохода от этого бизнеса [1, с. 225].

Е.Ю. Петров отмечает, что главная функция завещательного отказа состоит в возможности избежать дробления имущества и разделять между наследниками функции управления и получения дохода [9, с. 192].

Альтернативой завещанию может быть наследственный договор. Такой договор заключается наследодателем с одним или несколькими наследниками, удостоверяется нотариально. В этом договоре можно назначить душеприказчика и определить обязанности наследников в отношении иных наследников или третьих лиц. Например, изложить упомянутое условие о завещательном отказе на получение наследниками постоянного дохода от деятельности компании при том, что они не будут принимать участие в управлении ею.

Преимуществом наследственного договора по сравнению с завещанием является, во-первых, сложность его оспаривания после открытия наследства в связи с тем, что наследник – сторона наследственного договора. Однако возможность оспаривания уменьшается в том случае, если сторонами договора являются все наследники, что может быть затруднительно в осуществлении (наследник может быть рождён и после смерти наследодателя) [2, с. 130–144].

Также наследственный договор можно заключить под условием. Обстоятельства-условия могут наступить или не наступить, либо зависеть от воли сторон. Например, предприниматель может передать по наследственному договору свои активы партнеру по бизнесу, то есть лицу, действующему как профессиональный участник имущественного оборота, способному развивать и приумножать доходы дела наследодателя. Условием может быть обязательство указанного лица делиться доходами от этих активов с членами семьи наследодателя – отчуждателя по наследственному договору или взять на работу кого-то из них.

Однако завещание также обладает особенностью заключать его под условием [8, с. 28]. Такой вывод подтверждается п. 3.12 Методических реко-

мендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров [7].

Важным условием, способным обезопасить бизнес умершего в будущем, может быть положение, согласно которому несостоятельность (банкротство) потенциального наследника препятствует получению им наследства. В этом случае устраняется риск обращения на долю/акции взыскания кредиторов наследника по долгам в случае его несостоятельности (банкротства).

Заключая наследственный договор, наследник выражает согласие на принятие наследства, в связи с чем после открытия наследства приобретает право собственности на доли/акции и вправе распоряжаться ими [4, с. 480].

Однако в связи с тем, что нотариус не сможет выдать свидетельство о праве на наследство до истечения шести месяцев (в течение которых будут появляться иные наследники, в т.ч. с обязательной долей, которые могут не быть стороной наследственного договора) (ст. 1163 ГК РФ), наследник-сторона наследственного договора получит свидетельство в общем порядке, как и при наследовании по завещанию. В этом случае, видится необходимость включения в наследственный договор указаний касательно доверительного управляющего (например, одного из наследников по договору), который будет управлять передаваемой долей/акциями и принимать решения в обществе.

Ещё одним инструментом передачи корпоративных прав по наследству является соглашение об опционе на куплю-продажу доли в уставном капитале общества. Выдача опциона (оферта) порождает право акцептовать данный опцион (оферту), а само право на акцепт является вторичным (преобразовательным) правом на введение в действие основного договора [5, с. 173].

В доктрине отсутствует единое мнение касательно возможности перехода вторичных прав и права на акцепт, в частности, в порядке наследования. Е.Ю. Петров, который утверждает, что права и обязанности из опциона наследуются, если иное не вытекает из условий соглашения [9, с. 63–64]. Сама возможность наследования, по его мнению, связана с личностью наследодателя. Также В.А. Белов считает, что права и обязанности, связанные с офертой, должны наследоваться также как по договору [3].

Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [12] по общему правилу право акцепта не может быть передано в порядке наследования. Однако право на акцепт опциона на заключение договора согласно п. 7 ст. 429.2 ГК РФ могут быть уступлены другому лицу, если иное не предусмотрено соглашением и не вытекает из существа обязательства, которое возникнет в случае акцепта опциона. То есть, сама уступка права по опциону и наследование могут быть предусмотрены офертой. Кроме того, ст. 1112 ГК РФ не предусмотре-

но ограничение на переход прав и обязанностей из опциона в порядке наследования. Наследование прав по опциону невозможно лишь в том случае, когда опцион связан с личностью наследодателя (к примеру, опцион на приобретение доли/акций был выдан сотруднику компании за особые заслуги в работе).

Что касается сохранения оферты после смерти самого оферента, то необходимо отметить, что в отечественном праве последствия смерти оферента не определены. К примеру, в немецкой доктрине считается, что оферта должна сохраняться, если только такая оферта не связана с личностью оферента. Это объясняется тем, что обычно соглашение о предоставлении оферты, договоры заключаются не из личных мотивов, а на основе имущественных интересов и потребности экономики. Такая необходимость сохраняется также после смерти оферента [18, Р. 473–474; 19, Р. 64–65]. Смерть оферента по общему правилу не препятствует акцепту и, следовательно, связывает наследников в Германии (§ 130 (2), 153 ГГУ).

Подобной точки зрения придерживается и П.В. Марков, который утверждает, что в условиях имущественного оборота следует рассматривать оферту как самостоятельное явление, которое не должно зависеть от оферента. [6, с. 143–171].

Рассмотрим возможности использования соглашения о предоставлении опциона на куплю-продажу доли в уставном капитале общества на конкретных ситуациях.

Так, собственнику бизнеса необходимо при жизни заключить соглашение о предоставлении опциона с лицом, которому он может доверить управление компанией. В случае смерти основателя бизнеса (оферента) опцион будет акцептован выбранным наследодателем лицом, то есть акцептант принимает предложение и становится приобретателем доли в обществе. Данный инструмент обособлен от наследования иных активов наследодателя и вовсе позволяет обойти вхождение доли в уставном капитале общества в наследственную массу умершего, что минимизирует риск перехода бизнес-актива к наследникам с обязательной долей. Кроме того, в рассматриваемой ситуации заранее известен будущий собственник компании или участник, а также устраняется неопределенность в управлении компанией на полугодовой период вступления в наследство. Однако, в силу отсутствия законодательного регулирования российским законодательством вопроса о смерти оферента и отсутствия в целом сформированной судебной практики по передаче прав и обязанностей по опциону данная и последующие теоретические конструкции базируются на основе анализа доктрины и логических выводов, сделанных в ходе изучения действующего законодательства, в котором не установлены запреты по возможности использования рассматриваемых правовых средств в порядке наследования.

Приведем иные ситуации, например, когда основатель компании (фактический владелец биз-

неса) юридически не является ее собственником, 100% доли в уставном капитале принадлежит другому лицу – номинальному владельцу компании. Фактическому владельцу бизнеса необходимо, чтобы владельческий контроль сохранялся за ним в случае его смерти или смерти номинального владельца.

Итак, ситуация первая. Умирает номинальный владелец компании. Фактический владелец бизнеса не желает, чтобы наследники номинального участника общества входили в это общество и принимали управленческие решения. В данном случае представляется целесообразным предложить номинальному владельцу выдать основателю бизнеса (или его доверенному лицу) опцион на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале общества. После смерти номинального участника (оферента) его доля в обществе перейдет фактическому владельцу бизнеса или его доверенному лицу посредством акцепта опциона. В этом случае обеспечивается владельческий контроль фактического собственника бизнеса и уменьшаются риски попадания доли в обществе в наследственную массу наследодателя и перехода её к наследникам номинального участника.

Суть второй ситуации заключается в следующем. Так, в случае смерти фактического владельца бизнеса доля в уставном капитале общества не может войти в состав его наследуемого имущества. Тогда действующему участнику общества (номинальному участнику) необходимо выдать фактическому владельцу опцион на 100% доли в компании. При этом, в соглашении о предоставлении опциона указать, что права и обязанности сторон по соглашению переходят наследникам владельца. Тогда после смерти владельца опцион вправе акцептовать его наследник, который может быть определен в завещании. В данном случае имеется риск перехода доли к наследникам с обязательной долей в наследстве, если имущества, приходящегося на их долю будет недостаточно. Но здесь в целях обеспечения безопасности передачи бизнеса по наследству необходимо заранее предусмотреть достаточность имущества для наследников с обязательной долей.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что наследственное планирование является необходимым атрибутом нормального ведения хозяйственной деятельности ещё при жизни собственника бизнеса. Подготовив заранее почву для безопасного наследования прав, связанных с участием в обществе, наследодатель может обезопасить компанию от риска раздела и возникновения корпоративных конфликтов, а также обеспечить наследников (в том числе наследников с обязательной долей в наследстве) необходимым доходом, отстранив их при этом от участия в управлении корпорацией. Действенными остаются традиционные средства наследственного планирования такие как завещание, завещательный отказ, назначение исполнителя завещания. Неизученными для российской практики являются наследствен-

ный договор и наследование права акцепта по опциону на приобретение доли в уставном капитале общества в случае смерти offerenta или акцептанта. В отсутствие единого мнения в доктрине и сформулированных позиций в судебной практике применение опциона на приобретение доли для передачи корпоративных прав в порядке наследования является всё же возможным с учётом перспектив их использования для самой корпорации в целях сохранения после смерти владельца бизнеса стабильного состава участников общества, предотвращения корпоративных конфликтов и обеспечения нормальной экономической деятельности компании.

Литература

1. Бевзенко Р.С. Залог из завещания // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 220–241.
2. Белов В.А. Проблемы наследования бизнеса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 130–144.
3. Белов В.А. Кодекс европейского договорного права – European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий. Кн. 1. М., 2015.
4. Демичев А.А. Наследственный договор в системе наследственного права Российской Федерации: дискуссионные проблемы // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 477–484.
5. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1496 с.
6. Марков П.В. Может ли offerта пережить offerenta, или Memento mori при заключении договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 143–171.
7. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утвержденные решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 2 марта 2021 года (Протокол № 03/21) // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
8. Мыскин А.В. Terra incognita наследственного права. К вопросу о допустимости совершения условных завещаний (часть первая) // Нотариус. 2021. № 3. С. 26–30.
9. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, Е.В. Кожевина и др.; отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.
10. Определение ВС РФ от 6 июня 2016 г. по делу № А40–55373/2015 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» //

Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июль 2012 г., № 7

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2019
13. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 марта 2017 г. по делу № А32–30072/2016 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.12.2021 по делу № А40–83592/21 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
15. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 20.10.2022, с изм. от 19.12.2022) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ, № 17, 22.04.1996, ст. 1918
16. Ходырева Е.А. Право наследования в гражданском праве России: монография. Москва: Статут, 2022. 386 с.
17. Черепанова Ю.П. Наследование долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью // Наследственное право. 2022. N4. С. 16
18. Christandl G. The “Dying” Offer Rule in European Contract Law. Max Planck Private Law Research Paper. No. 12/11. P. 463–489.
19. Markesinis B. The German Law of Contract. Oxford and Portland, Oregon, Hart Publishing, 2006. 980 p.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF INHERITANCE OF RIGHTS ASSOCIATED WITH PARTICIPATION IN BUSINESS COMPANIES

Lapina E.V., Yeryomenko D.E.

Novosibirsk State University

This article is devoted to the analysis of the risks of the lack of inheritance planning in the event of the death of a business owner and the study of possible legal means of inheriting rights associated with participation in business companies. In particular, the consequences of inheritance of a share / shares in a company by law are considered. For the purpose of a fair division of the property of the deceased, the legal means of transferring corporate rights to one of the heirs of the deceased, in whose entrepreneurial abilities the founder of the business has no doubts, and providing the remaining heirs with the necessary income, but removing them from the management of the corporation, are considered. The advantages of the hereditary contract in comparison with the will, as well as its disadvantages are investigated. The doctrinal and legislative provisions regarding the application of the option to conclude a contract for the sale of a share in the authorized capital of the company as part of the inheritance are studied, the possibility of using this tool is shown in specific situations.

Keywords: inheritance, corporate rights, business, testament, testamentary refusal, option to conclude a contract.

References

1. Belov V.A. Problems of business inheritance // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2015. No. 7. P. 130–144.
2. Belov V.A. Code of European Contract Law – European Contract Code: general and comparative legal commentary. Book. 1. M., 2015.

3. Bevzenko R.S. Pledge from the will // Bulletin of Civil Law. 2020. No. 4. S. 220–241.
4. Cherepanova Yu.P. Inheritance of shares in the authorized capital of limited liability companies // Inheritance law. 2022. No. 4. S. 16
5. Christandl G. The “Dying” Offer Rule in European Contract Law. Max Planck Private Law Research Paper. No. 12/11. P. 463–489.
6. Decision of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated March 1, 2017 in case No. A32–30072/2016 // Consultant Plus: reference-right. system.
7. Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 12/16/2021 in case No. A40–83592/21 // Consultant Plus: reference-right. system.
8. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 9 (as amended on December 24, 2020) “On Judicial Practice in Cases of Inheritance” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, July 2012, No. 7
9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 N49 “On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, February, 2019
10. Demichev A.A. Inheritance contract in the system of inheritance law of the Russian Federation: debatable problems // Actual problems of state and law. 2020. V. 4. No. 16. S. 477–484.
11. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of June 6, 2016 in case No. A40–55373 / 2015 // Consultant Plus: ref.-right. system.
12. Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996 (as amended on October 20, 2022, as amended on December 19, 2022) “On the Securities Market,” Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 17, April 22, 1996, art. 1918
13. Fulfillment and termination of an obligation: a commentary on articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation / A.O. Batishchev, A.A. Gromov, A.G. Karapetov and others; resp. ed. A.G. Karapetov. Moscow: M–Logos, 2022. 1496 p.
14. Guidelines for the certification of wills and inheritance contracts, approved by the decision of the Board of the Federal Notarial Chamber of March 2, 2021 (Minutes No. 03/21) // Consultant Plus: ref.-right. system.
15. Inheritance law: article-by-article commentary on articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / R.S. Bevzenko, S.L. Budylin, E.V. Kogevin and others; resp. ed. E. Yu. Petrov. M.: M–Logos, 2018. 656 p.
16. Khodyreva E.A. The right of inheritance in the civil law of Russia: a monograph. Moscow: Statut, 2022. 386 p.
17. Markesinis B. The German Law of Contract. Oxford and Portland, Oregon, Hart Publishing, 2006. 980 p.
18. Markov P.V. Can an offer survive the offeror, or Memento mori at the conclusion of the contract // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 9. P. 143–171.
19. Myskin A.V. Terra incognita of inheritance law. To the question of the admissibility of making conditional wills (part one) // Notary. 2021. No. 3. S. 26–30.

Практический аспект правового регулирования допустимых в соответствии с антимонопольным законодательством «вертикальных соглашений»

Тарасов Иван Александрович,

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: tarasov.post@bk.ru

В работе проведен анализ практических аспектов правового регулирования «вертикальных соглашений» и поиск критериев допустимости соглашений помимо законодательных. Проанализировано правовое регулирование юридического института «вертикальных» соглашений, законодательно допустимые виды и критерии, которым должны отвечать такие соглашения, заключаемые в форме иных гражданско-правовых договоров. Рассмотрены последствия заключения недопустимых «вертикальных» соглашений. Последствиями заключения антиконкурентного соглашения являются, в том числе признание сделок недействительными в судебном порядке, финансовые и репутационные потери. Проанализирована судебная практика по вопросу признания действий хозяйствующих субъектов, выражающихся в заключении недопустимых «вертикальных» соглашений, нарушением антимонопольного законодательства, отказом в признании такового. Например, не является нарушением антимонопольного законодательства заключение соглашения, которое содержит условия, определяющие поведение участников договора, если такое поведение обусловлено маркетинговой политикой поставщика в договоре. Основным выводом в исследовании ставится необходимость в разработке антимонопольного комплаенса в организациях, при добросовестном соблюдении которого хозяйствующие субъекты смогут существенно снизить риски нарушения антимонопольного законодательства при заключении «вертикальных» соглашений.

Ключевые слова: вертикальные соглашения, антимонопольное законодательство, недопустимые соглашения, критерии допустимости, судебная практика, административная ответственность, антимонопольный комплаенс.

В условиях высокого темпа развития национальной экономики и экономических трансграничных отношений хозяйствующие субъекты в различных сферах предпринимательской деятельности прибегают к заключению «вертикальных» соглашений.

Гражданско-правовые договор, предусматривающие переход товара между субъектами, в том числе договоры поставки, дилерские и дистрибьютерские договоры, представляют собой «вертикальные» соглашения.

Критерии недопустимых (требования и ограничения) «вертикальных» соглашений устанавливаются антимонопольным законодательством.

Так, отдельные положения Федерального закона «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции), например, части 2–4 статьи 11 Закона о защите конкуренции, содержат нормы о недопустимости заключения «вертикальных соглашений», которые могут привести к ограничению конкуренции.

За заключение ограничивающих конкуренцию соглашений предусмотрена административная и уголовная ответственность, которая, в том числе предполагает значительные «оборотные» штрафы. Заключение недопустимых «вертикальных» соглашений для хозяйствующих субъектов грозит значительными финансовыми, репутационными потерями, признанием заключенных сделок недействительными и утратой стабильных экономических отношений с контрагентами.

В связи с этим от более качественной проработки вопроса при заключении «вертикальных» соглашений, в том числе на предмет их соответствия антимонопольному законодательству, зависит их исполнимость и защищенность от признания недействительными, что влияет на эффективность экономических отношений, развитие национальной экономики.

Таким образом, данная работа посвящена анализу практических аспектов правового регулирования вертикальных соглашений, а также поиску «практических» критериев допустимых вертикальных соглашений.

Разъяснения ФАС России № 2, утвержденные протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3 [6], детализируют понятие «вертикальных» соглашений и придает значение соглашения между хозяйствующими субъектами, находящимися на разных этапах технологического цикла, существенные условия которого определяют порядок приобретения и дальнейшей реализации конкретных товаров либо услуг. ФАС России признает

за дистрибьютерскими соглашениями силу «вертикальных соглашений», допустимость которых напрямую зависит от потенциальной угрозы ограничения конкуренции при их реализации.

Универсальной формулы допустимого «вертикального» соглашения не существует. При этом отдельные критерии допустимости предусмотрены статьями 12–13 Закона о защите конкуренции.

Например, допустимые «вертикальные» соглашения, предусмотренные Законом о защите конкуренции:

- договоры коммерческой концессии;
- договоры, стороны которого не занимают долю свыше 20% на рынке товара, который является предметом договора.

В настоящее время действуют Общие исключения в отношении «вертикальных» соглашений между покупателями и продавцами, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 16.07.2009 № 583 (далее – Исключения № 583).

Согласно данным Исключениям [2] «вертикальное» соглашение, признается допустимым, если в совокупности выполняются условия относительно доли продавца, покупателя на рынке реализуемого товара (менее 35%) (1), условие о неконкуренции на одном товарном рынке (2), а также условие о невзаимозаменяемости реализуемых товаров (3) [7].

Например, в деле № А34–9832/2018 Арбитражный суд Уральского округа поддержал решение суда первой инстанции об отмене решения антимонопольного органа о признании общества нарушившим часть 5 статьи 11 Закона о защите конкуренции.

Арбитражным судом установлено, что в случае, если условия договора («вертикального» соглашения) соответствуют требованиям Закона о защите конкуренции, а также Исключениями № 583, такой гражданско-правовой договор признается допустимым.

В связи с этим важно установить соответствие условий «вертикального» соглашения требованиям части 2 статьи 12 Закона о защите конкуренции, то есть требованиям относительно доли хозяйствующих субъектов на товарном рынке конкретного товара, который является предметом «вертикального» соглашения.

Как установлено судами доли общества и его контрагентов (дистрибьютеров) на рассматриваемых товарных рынках не превысила предельный 20% порог доминирования [5].

Также было установлено отсутствие конкурентных отношений между обществом и дистрибьютерами, поскольку указанные субъекты осуществляли деятельность на разных технологических этапах.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, Арбитражный суд Уральского округа пришел к обоснованному выводу о признании допустимыми с точки зрения антимонопольного законодательства спорные дистрибьюторские договоры.

Кроме того, критерии допустимости «вертикальных» соглашений регламентируются, в том числе путем установления антимонопольных запретов.

Например, запрещаются «вертикальные» соглашения, если такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, если продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара либо такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта, который является конкурентом продавца.

Также признаются недопустимым «вертикальное» соглашение, одной из сторон которого «навязаны» невыгодные условия договора либо не относящиеся к предмету договора; «вертикальное» соглашение, устанавливающее экономически или технологически необоснованно различные цены на один и тот же товар (часть 4 статьи 11 Закона о защите конкуренции) [1].

Стоит отметить, что любое «вертикальное» соглашение, в том числе формально подпадающее под антимонопольные запреты, может быть признано допустимым [3].

Так, «вертикальные» соглашения, поименованные в частях 2–4 статьи 11 Закона о защите конкуренции допускаются, если результат их исполнения направлен, например, на совершенствование производства товаров (оказания услуг) либо усиление роли отечественных товаров на трансграничных рынках; будет доказана потенциальная или реальная возможность получения равнозначных выгод как для покупателей, так и продавцов в результате исполнения такого соглашения (часть 1 статьи 13 Закона о защите конкуренции). Важно отметить, что для применения рассмотренных исключений, необходимо установить, что отдельные стороны в таких соглашениях своими действиями не устраняют конкуренцию на соответствующем товарном рынке и не накладывают каких-либо необоснованных ограничений на участников соглашений и иных третьих лиц.

Само по себе наличие в договоре, заключенном между хозяйствующими субъектами, условий, определяющих поведение участников договора во взаимоотношениях друг с другом и третьими лицами, не означает, что стороны договора преследовали цель ограничения конкуренции.

В этих случаях должны учитываться ожидаемое состояние рынка и положение его участников, если бы спорное соглашение не имело места, а в случае реализации соглашения – его фактическое влияние на состояние конкуренции на соответствующем товарном рынке [7].

Так, например, в деле № А40–35866/18 суды трех инстанций поддержали решение антимонопольного органа об отказе в возбуждении дела по признакам нарушения статьи 11 Закона о защите конкуренции в отношении ООО «Л.Окситан Рус» (далее – Локситан, Ответчик).

В рассматриваемом споре заявитель считает, что наличие в договоре поставки товаров Локситан обязанности по продаже исключительно товаров Ответчика в торговой точке и по заранее определенной стоимости является навязыванием невыгодных условий договора.

При этом, как указал антимонопольный орган и суды, заявителем не было принято во внимание, что заключенный договор являлся договором присоединения, который предполагает согласие на заключение договора на условиях, разработанных другой стороной. Учитывая условия спорного соглашения, которые предусматривали открытие торговой точки под брендом Ответчика, передачу исключительных прав на соответствующий торговый знак (характеризующий сам товар и место его реализации), заявителем был открыт магазин по продаже торговой продукции Локситан, а не собственный магазин.

По вопросу установления фиксированных цен на продукцию и порядка их реализации антимонопольный орган и суды отметили, что рассматриваемые действия Ответчика обоснованы разработанной торговой политикой Локситан, с условиями которой заявитель согласился в силу заключения договора присоединения [4].

Таким образом, соглашение может содержать условия, определяющие поведение участников договора во взаимоотношениях друг с другом и третьими лицами, если такое поведение обусловлено маркетинговой/торговой политикой поставщика в договоре коммерческой концессии либо в дистрибьютерском договоре.

На основании изложенного, приходим к выводу, что при заключении коммерческих гражданско-правовых договоров, предполагающих приобретение, продажу или перепродажу определенных товаров или услуг, хозяйствующие субъекты должны учитывать требования антимонопольного законодательства, установленные в целях недопущения ограничения конкуренции при реализации таких договоров.

Для того, чтобы каждая сторона договора учитывала существующие антимонопольные запреты хозяйствующие субъекты вправе самостоятельно разработать и использовать систему антимонопольного комплаенса, которая будет учитывать специфику их деятельности на конкретном товарном рынке (рынках), в том числе учитывать критерии доминирования (доля контрагента) на таких товарных рынках, а также отдельные особенности условий договора, допускающие указания относительно поведения во взаимоотношения друг с другом и третьими лицами, например, в договорах коммерческой концессии.

Детально разработанная система антимонопольного комплаенса должна учитывать не только запреты, установленные законодательством, но и практику судебных и административных органов, которая более подробно детализирует и уточняет критерии допустимости «вертикальных» со-

глашений с учетом уровня развития современных экономических отношений.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ (дата обращения 15.04.2023).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 583 «О случаях допустимости соглашений между хозяйствующими субъектами». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89685/fc9fa2e55ae9aed0ca7f0b91d8dc54b4840c3903/ (дата обращения 16.04.2023).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04 марта 2021 года № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/ea2b89543bf65ad331820865b5699cfd7b14de25/ (Дата обращения 18.04.2023).
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.12.2018 по делу № А40–35866/18. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f1315915-9378-4e26-b740-5f7893e07f5b/22c09f44-683a-4fd9-b730-988bc6fb7c64/A40-35866-2018_20181203_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 17.04.2023).
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.08.2019 по делу № А34–9832/2018. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/723f0e5f-435b-4ee6-9111-73b20e7a5d4e/058e2069-4fc4-4bda-ac03-0d23e961788a/A34-9832-2018_20190808_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 17.04.2023).
6. Разъяснения ФАС России № 2, утвержденное протоколом Президиума ФАС России от 17 февраля 2016 года № 3. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194536/2d31b4e3a7b8cb115fa159e07c4611550c016e09/ (дата обращения 15.04.2023).
7. Гаврилов Д. А., Пузыревский С.А., Серегин Д.И. Конкурентное право: учебник. – М.: Норма, 2018. – С. 205–207.

PRACTICAL ASPECT OF LEGAL REGULATION OF “VERTICAL AGREEMENTS” PERMISSIBLE IN ACCORDANCE WITH ANTIMONOPOLY LEGISLATION

Tarasov I.A.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The paper analyzes the practical aspects of the legal regulation of “vertical agreements” and searches for criteria for the admissibility of agreements in addition to legislative ones. The legal regulation of the legal institute of “vertical” agreements, the legally permissible types and criteria that such agreements concluded in the form of other civil law contracts must meet are analyzed. The consequenc-

es of concluding unacceptable “vertical” agreements are considered. The consequences of concluding an anticompetitive agreement are, among other things, the recognition of transactions as invalid in court, financial and reputational losses. The judicial practice on the issue of recognition of the actions of economic entities, expressed in the conclusion of unacceptable “vertical” agreements, violation of antimonopoly legislation, refusals to recognize such. For example, it is not a violation of antimonopoly legislation to conclude an agreement that contains conditions defining the behavior of the parties to the contract, if such behavior is due to the marketing policy of the supplier in the contract. The main conclusion of the study is the need to develop antimonopoly compliance in organizations, with the conscientious observance of which business entities will be able to significantly reduce the risks of violation of antimonopoly legislation when concluding “vertical” agreements.

Keywords: vertical agreements, antimonopoly legislation, impermissible agreements, admissibility criteria, judicial practice, administrative responsibility, antimonopoly compliance.

References

1. Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 “On the protection of competition.” Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ / (Date of appeal 15.04.2023).
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 583 dated July 16, 2009 “On the admissibility of agreements between Economic entities”. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89685/fc9fa2e55ae9aed0ca7f0b91d8dc54b4840c3903/ / (Date of appeal 16.04.2023).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 dated March 04, 2021 “On some issues arising in connection with the application of antimonopoly legislation by courts”. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/ea2b89543bf65ad331820865b5699cfd7b14de25/ / (Date of appeal 18.04.2023).
4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District 03.12.2018 in case no. A40–35866/18. Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f1315915-9378-4e26-b740-5f7893e07f5b/22c09f44-683a-4fd9-b730-988bc6fb7c64/A40-35866-2018_20181203_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Date of appeal 17.04.2023).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 08.08.2019 in case no. A34–9832/2018. Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/723f0e5f-435b-4ee6-9111-73b20e7a5d4e/058e2069-4fc4-4bda-ac03-0d23e961788a/A34-9832-2018_20190808_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Date of appeal 17.04.2023).
6. Explanations of the FAS of Russia No. 2, approved by the Protocol of the Presidium of the FAS of Russia dated February 17, 2016 No. 3. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194536/2d31b4e3a7b8cb115fa159e07c4611550c016e09/ / (accessed 15.04.2023).
7. Gavrilov D. A., Puzyrevsky S.A., Seregin D.I. Competition law: textbook. – M.: Norm, 2018. – pp. 205–207.

Незаконные и правомерные действия органов внутренних дел как условие наступления гражданско-правовой ответственности

Федорова Юлия Александровна,

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: jfedorova@inbox.ru

В статье проведен анализ незаконных и правомерных действий органов внутренних дел как условия наступления гражданско-правовой ответственности. Несомненно, наступление гражданско-правовой ответственности сотрудников органов внутренних дел в момент выполнения своих служебных обязанностей вопрос довольно дискуссионный и актуальный. Ежегодно огромное количество исков подается в отношении МВД России о взыскании морального и материального вреда. При этом законодательство разграничивает неправомерные и правомерные действия сотрудников органов внутренних дел. В момент принятия решений о проведении тех или иных действий сотрудники органов внутренних дел конечно не задумываются о возможных гражданско-правовых последствиях. Иногда обстоятельства не терпят отлагательств и нужно немедленно вскрыть дверь квартиры, разбить окно автомобиля и т.д. Однако и правомерные действия сотрудников могут образовывать состав гражданского нарушения. Исследования проводились в соответствии с гражданским законодательством, а также с учетом особых специальных норм права. Методы исследования: аналитический метод, обзорный метод, историко-правовой метод.

Ключевые слова: незаконные действия, органы внутренних дел, гражданско-правовая ответственность, МВД, полиция, вред.

С учетом широких полномочий органов внутренних дел и их рассмотрения как структуры в системе государственной власти гражданско-правовую ответственность необходимо рассматривать в качестве значимого явления с правовой и социальной точек зрения. Несмотря на проведенную реформу в системе МВД, уровень доверия к органам полиции остается низким. Статистика на сайте МВД за 2021 г и 2022 г. указывает, что опасение и неприязнь по отношению к сотрудникам полиции испытывают 43,9% граждан, не доверяют полиции 41,3% граждан. Социологические исследования «Левада Центра» указывают на аналогичную статистику, которая характеризует отношение граждан к сотрудникам правопорядка.

В течение 2021–2022 гг. на рассмотрение в МВД поступило свыше 125 тыс. жалоб на недостатки в работе органов внутренних дел, совершенные незаконные действия сотрудниками полиции. При этом поводом для подачи жалобы чаще становятся действия или же допущение бездействия со стороны сотрудников полиции. Речь идет о незаконном применении мер ограничения при задержании, незаконном задержании и помещении под арест, нарушении сроков для принятия процессуальных решений и т.д. Анализ правовой работы МВД позволяет убедиться в том, что предъявление гражданских исков к министерству выступает массовым явлением. Иски в основном связаны с обжалованием действий или допущением бездействия со стороны сотрудников полиции, должностных лиц и их решений (рассматриваются в порядке ст. 1069–1070 ГК РФ), возмещением морального вреда [1].

Одной из главных задач на современном этапе развития общества является обеспечение баланса интересов двух сторон – граждан и государства. Так как Россия является правовым государством, то ее органами должны быть разработаны и поддерживаться простые и понятные механизмы для того, чтобы граждане могли реализовать свои права. В то же время задачей государства является недопущение действий, связанных со злоупотреблением правами со стороны граждан и их неосновательным обогащением. В рамках реформирования системы МВД была проведена переаттестация сотрудников, введена система стимулирования для добросовестного несения службы, усовершенствованы нормы трудового права для работников полиции. Все эти изменения легли в основу ФЗ «О полиции». К сожалению, в рамках реформирования многие проблемы с гражданско-правовой ответственностью сотрудников органов внутренних дел так и не были решены.

Очевидным является тот факт, что органы внутренних дел обладают широкими полномочиями для поддержания общественного порядка, пресечения преступлений, применения сил и средств для задержания криминальных элементов. Реализация данных полномочий должна опираться на принципы законности, уважительного отношения к правам граждан вне зависимости от их правового статуса. Гражданско-правовая ответственность со стороны сотрудников органов внутренних дел за совершенные ими незаконные действия может наступить при условии закрепления в законе принципов, условий и механизмов для рассмотрения данных действий как преступления и возмещения вреда по причине совершения таких действий. В работе органов внутренних дел постоянно используются меры принуждения в отношении граждан, нарушающих закон. Поэтому априори применение таких мер начинается с вторжения в частную жизнь. Нельзя исключить и возможность причинения вреда жизни, здоровью и порчи имущества в результате применения мер принуждения по отношению к преступным элементам и подозреваемым [2].

Гражданско-правовая ответственность за совершение неправомерных действий в первую очередь ориентирована на восстановление и компенсацию вреда в результате совершения незаконных действий сотрудниками органов внутренних дел. На уровне законодательства в настоящее время предлагается система положений для регулирования вопросов, связанных с несением гражданско-правовой ответственности органами внутренних дел. Такая ответственность наступает в случае причинения вреда, включает в себя меры общего и специального характера. Сама же деятельность органов полиции строго регламентирована в соответствии с законодательством. В федеральном законе от 07.02.2011 N3-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О полиции» приводятся ключевые принципы работы органов полиции, дается характеристика правового статуса сотрудника органов внутренних дел, ст. 1 указанного закона предусматривает обязанность полиции по защите жизни, здоровья граждан, их прав и свобод.

Регулирование общественной безопасности, защита прав и свобод, жизни и здоровья граждан от преступных посягательств в рамках преступлений и злоупотреблений сотрудниками органов государственной власти основывается на ст. 52 Конституции РФ. Данная правовая норма предусматривает предоставление государством доступа к правосудию и компенсации при причинении вреда. Ст. 53 Конституции РФ предусматривает право для каждого на возмещение вреда со стороны государства, который был получен в результате незаконных действий или же допущения бездействия со стороны органов государственной власти и должностных лиц [3].

Приведенные выше нормы конкретизированы в ст. 16.1 ГК РФ. Предусматривается, что убытки гражданину или же юридическому лицу в результате незаконных действий (допущения бездействия)

государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, подлежат возмещению РФ, соответствующим ее субъектом или муниципальным образованием. Данная правовая норма была введена в действие на основе принятия федерального закона от 30.12.2012 N302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

В соответствии с ней в случаях и в порядке, предусмотренных законом, ущерб для личности в результате совершения правомерных действий органами государственной власти и лиц с властными полномочиями, подлежит компенсации. Несмотря на важность закрепления данной нормы в гражданском законодательстве, она носит декларативный характер, возможности для ее применения ограничены [4].

Общие положения в части несения гражданско-правовой ответственности содержатся и в ст. 1064 ГК РФ. В соответствии с данной нормой «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред». Предусматривается возможность возложения обязанности по возмещению вреда на другое лицо, которое причинителем вреда не является. В ст. 1070 ГК РФ содержатся положения специального характера. В соответствии с данной нормой предусматривается специальный субъектный состав, перечень действий, служащих основанием для истребования компенсации за причиненный вред. При этом предусматривается и особый порядок возмещения вреда. В ст. 1070 ГК РФ представлено сразу два состава. Пункт 1 ст. 1070 ГК РФ носит специальный характер, для него свойственно то, что ответственность возникает вне зависимости от наличия вины, пункт 2 ст. 1070 ГК РФ носит общий характер, поэтому возникновение ответственности в ее рамках возможно лишь при условии наличия вины причинителя вреда.

Вред, который гражданин получил в результате незаконных действий органов внутренних дел, будет компенсироваться в порядке применения п. 1 ст. 1070 ГК РФ. И условием для несения ответственности будет наличие вреда, противоправные (незаконные) действия органов внутренних дел, наличие причинно-следственной связи между двумя элементами. При квалификации действий (бездействия) и причинении вреда его возмещение в порядке применения п. 2 ст. 1070 ГК РФ будет основываться на дополнительном условии. Оно связано с виной причинителя. Объективной стороной будет считаться вред в результате правонарушения и противоправные действия правонарушителя, наличие взаимосвязи между данными факторами. Особенностью субъектного состава является то, что причинитель вреда и лицо, обязанное возместить причиненный вред, совпадать не будут. Когда мы говорим о гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел в результате

незаконных действий и совершения правомерных действий, то подразумеваем, что первоначально причиняется вред, уже затем должна следовать ответственность в порядке установления факта возмещения вреда. В соответствии со ст. 1070 ГК РФ вред будет возмещаться за счет средств казны РФ. Данное положение указывает на существование проблемы, связанной с установлением надлежащего ответчика. В группе исследуемых правоотношений «лицом» казны являются финансовые органы, выделяющие средства для обеспечения работы органов внутренних дел.

Органы внутренних дел получают финансирование из федерального бюджета. Когда вред причиняется органами внутренних дел, то возмещение происходит за счет средств казны. От ее имени выступает Минфин, который распоряжается средствами казны, а также Федеральное управление казначейства. Чтобы обеспечить единообразие применения норм, связанных с гражданско-правовой ответственностью органов внутренних дел, было подготовлено Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

В результате принятия данного документа некоторые спорные положения, связанные с применением закона, были урегулированы. Тем не менее, в судебной практике все еще встречаются неоднозначные решения, связанные с установлением надлежащего ответчика. Это может быть связано с тем, что гражданин мог пострадать в результате незаконных действий или применения правомерных действий со стороны органов внутренних дел, для урегулирования спора в результате причинения вреда он вполне обоснованно обращается к руководству МВД как главному и высшему органу контроля. Следовательно, в поданном иске со стороны гражданина вполне может фигурировать МВД как ответчик. В соответствии с предписаниями ВС РФ при рассмотрении иска суд указывает на то, что МВД надлежащим ответчиком не является, а надлежащим ответчиком является казна РФ, Минфин, Федеральное управление казначейства РФ. При согласии гражданина происходит замена ответчика, спор решается по существу.

Бывают в судебной практике и такие случаи, при которых граждане продолжают настаивать на первоначально указанном ответчике. В этом случае суд отказывает в принятии иска к производству. Иная ситуация возникает в случае указания сразу нескольких ответчиков. Делается это для исключения отказа в принятии иска. Тогда рассмотрение дела в суде затягивается, поэтому увеличиваются и затраты самого государства на ведение судебного процесса [5].

Таким образом, незаконные и правомерные действия органов внутренних дел в качестве условия для несения гражданско-правовой ответственности предусматривают необходимость разрешения спора в порядке п. 1–2 ст. 1070 ГК РФ, компенсации

причиненного вреда на основе общего или специального состава. В соответствии с нормативно-правовым регулированием если речь идет о незаконных действиях органов внутренних дел, то сам подтвержденный факт незаконных действий является условием и основанием для компенсации вреда. Если же речь идет о вреде в результате правомерных действий, то такой вред подлежит доказыванию, только на основе этого у гражданина появляется право на его компенсацию. Поэтому условием для несения ответственности по общему и специальному составу для решения вопроса о несении гражданско-правовой ответственности является наличие причинно-следственной связи между действиями со стороны причинителя и причиненным вредом. Выявлена в результате исследования и проблема с возмещением вреда в результате правомерных действий. Ст. 16.1 ГК РФ носит декларативный характер, на практике не используется в связи с размытыми нормами права. Чтобы данная норма заработала, требуется принятие специального закона с описанием порядка, условий и т.д. для возмещения вреда в результате правомерных действий государственной власти, в частности, органов внутренних дел.

Литература

1. Кабанова И.Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. 4. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. 398 с.
2. Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5. 10.12.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N4. С. 45.)
3. Непомнящая И.С. Вопросы гражданско-правовой ответственности при применении регрессных требований к сотрудникам полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 49–53.
4. Непомнящая И.С. Проблемы предъявления регрессных требований к лицам, обладающим специальной правосубъектностью // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета. 2017. С. 205–210.
5. Тодоченко Д.А. Основания привлечения сотрудников органов внутренних дел к полной материальной ответственности // научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 1(56). С. 43–47.
6. Кручинина Н.В. Инновационные финансовые технологии как стимулирующий механизм устойчивого развития // Финансовая экономика. 2018. № 5. С. 961–963.
7. Вородюхин С.Е., Кононенко О.С. Коррупция в России: исторический анамнез (история бо-

лезни) // История государства и права. 2019. № 1. С. 24–28.

8. Смородина О.С. Гражданско-правовая ответственность за совершение коррупционных правонарушений / Актуальные проблемы гражданского права и гражданского судопроизводства: сборник статей VI Межвузовской научно-практической конференции им. К.И. Малышева. – Челябинск, 2018. С. 186–194.
9. Сисакьян, А.К. Конституционное правосознание и государственная идеология / А.К. Сисакьян // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 1 (24). – С. 119–126.
10. Усманова, Е.Ф. Совершенствование правовой культуры и ее роль в развитии общественного сознания гражданского общества / Е.Ф. Усманова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 2 (17). – С. 66–69.

ILLEGAL AND LAWFUL ACTIONS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A CONDITION FOR THE ONSET OF CIVIL LIABILITY

Fedorova Yu.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article analyzes illegal and lawful actions of the internal affairs bodies as a condition for the onset of civil liability. Undoubtedly, the onset of civil liability of employees of internal affairs bodies at the time of performing their official duties is a rather controversial and topical issue. Every year, a huge number of lawsuits are filed against the Ministry of Internal Affairs of Russia for the recovery of moral and material damage. At the same time, the legislation distinguishes between illegal and lawful actions of employees of internal affairs bodies. At the time of making decisions on carrying out certain actions, employees of the internal affairs bodies certainly do not think about possible civil consequences. Sometimes circumstances are urgent and you need to immediately open the apartment door, break the car window, etc. However, the lawful actions of employees may also constitute a civil violation. The studies were conducted in accordance with civil legislation, as well as taking into account

special special rules of law. Research methods: analytical method, review method, historical and legal method.

Keywords: illegal actions, internal affairs bodies, civil liability, Ministry of Internal Affairs, police, harm.

References

1. Kabanova I.E. Civil liability of public entities: issues of theory and practice: monograph / ed. 4. M.A. Egorova. M.: Justicinform, 2018. 398 p
2. . 2. Review of judicial practice in cases involving the seizure of land plots for state or municipal needs in order to accommodate transport facilities (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 5. 10.12.2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. N4. P. 45.)
3. Nepomnyashchaya I.S. Issues of civil liability in the application of recourse requirements to police officers // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3 (38). pp. 49–53.
4. Nepomnyashchaya I.S. Problems of presenting recourse claims to persons with special legal personality // Actual problems of the development of civil law and civil procedure. Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the University. 2017. pp. 205–210.
5. Todochenko D.A. Grounds for involving employees of internal affairs bodies to full financial responsibility // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1(56). pp. 43–47.
6. Kruchinina H.B. Innovative financial technologies as a stimulating mechanism for sustainable development // Financial Economics. 2018. No. 5. pp. 961–963.
7. Vorodyukhin S.E., Kononenko O.S. Corruption in Russia: historical anamnesis (medical history) // History of State and Law. 2019. No. 1. pp. 24–28.
8. Smородina O.S. Civil liability for corruption offenses / Actual problems of civil law and civil proceedings: collection of articles of the VI Interuniversity scientific and practical conference named after K.I. Malyshev. – Chelyabinsk, 2018. pp. 186–194.
9. Sisakian, A.K. Constitutional legal consciousness and state ideology / A.K. Sisakian // Law and order: history, theory, practice. – 2020. – № 1 (24). – Pp. 119–126.
10. Usmanova, E.F. Improvement of legal culture and its role in the development of public consciousness of civil society / E.F. Usmanova // Law and order: history, theory, practice. – 2018. – № 2 (17). – Pp. 66–69.

К вопросу о влиянии правового режима офшорных зон на статус юридических лиц

Яремчук Иван Валерьевич,

магистрант; кафедра Высшая школа права, «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: ffw43557@mail.ru

Автором анализируются понятия офшор и офшорная зона, их характерные признаки, раскрывается история возникновения и развития офшорных зон. Освещаются имеющиеся проблемы и пробелы в правовом регулировании офшорных зон на международном и национальном уровнях. Автором рассматриваются законодательно закрепленные офшорные зоны, а также вопросы их взаимодействия с Российской Федерацией. Кроме того, уделяется внимание основным преференциям зарегистрированному в офшорной зоне юридическому лицу, затрагивается проблема двойного налогообложения. Поднимается вопрос о необходимости законодательного закрепления четких критериев, которые позволят однозначно считать какое-либо государство или территорию офшорной зоной, что в конечном итоге будет способствовать совершенствованию формирования списка офшорных юрисдикций. Рассматриваются перспективы деофшоризации российской экономики через создание специальных административных районов на о. Русский на Дальнем Востоке и о. Октябрьский в Калининградской области. Также автором предлагается развивать собственные офшорные зоны, предоставляющие налоговые и иные преференции не только для российского капитала, но и для крупных иностранных инвесторов.

Ключевые слова: офшор, офшорная компания, офшорная зона, деофшоризация, список офшорных зон, специальный административный район.

В настоящее время термин «офшор» получил достаточно большое распространение в предпринимательской среде. Однако в научной литературе и на законодательном уровне однозначное определение этого термина отсутствует. Это связано, в первую очередь, с тем, что сейчас под офшором подразумевают не только его классический вариант, но и любые территории, предоставляющие бизнесу различные льготные режимы [3].

В буквальном переводе с английского «офшор» (англ. «offshore») – «находящийся далеко от берега, за пределами страны», что означает какую-либо территорию, где действует упрощенный или вообще отсутствует режим налогообложения.

Еще в Древней Греции купцы, дабы избежать уплаты налогов, старались вести торговлю не в Афинах, а на небольших близлежащих островах, где в принципе отсутствовало налогообложение [8]. Дальнейшее развитие офшорные зоны получили в средневековье и далее в XVIII веке, когда североамериканские предприниматели совершали торговые операции на территории Латинской Америки и тем самым не попадали под действие английской налоговой системы, действовавшей тогда на территории современных США.

В современном понимании термин «офшор» был впервые применен в середине XX века американским журналистом, который описывал деятельность компании, переместившей свой бизнес на территорию льготного налогообложения вне зоны влияния налоговых органов США [6].

Одной из первых в современном понимании офшорных зон стала Швейцария, принявшая закон о создании финансовых центров, в которых размещается иностранный капитал, а банкам запрещено раскрывать информацию о своих клиентах. Конкурентами Швейцарии на этом поприще стали некоторые островные государства со слабой экономикой, которые путем привлечения «анонимного» капитала пытались повысить доходы своих бюджетов.

Таким образом, что понятия «офшор» и «офшорная зона» фактически идентичны друг другу, и применительно к теме данной статьи предлагается использовать понятие «офшорная зона» как более информативное.

В российском законодательстве определение понятия «офшорная зона» отсутствует. В соответствии со ст. 284 Налогового кодекса Российской Федерации [5] можно выделить следующие основные признаки офшорных зон:

- 1) предоставление государством или территорией льготного режима налогообложения;

2) государство или территория не раскрывают и не предоставляют информацию при проведении финансовых операций;

3) государство включено в утверждаемый Министерством финансов Российской Федерации перечень государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим.

Так, в соответствии с Приказом Минфина РФ от 13.11.2007 N108н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» офшорными зонами являются следующие государства и территории, а именно, Ангилья, Княжество Андорра, Антигуа и Барбуда, Аруба, Содружество Багамы, Королевство Бахрейн, Белиз, Бермуды, Бруней-Даруссалам, Республика Вануату, Британские Виргинские острова, Гибралтар, Гренада, Содружество Доминики, Китайская Народная Республика: Специальный административный район Макао (Аомынь), Союз Коморы: остров Анжуан, Республика Либерия, Княжество Лихтенштейн, Республика Маврикий, Малайзия: остров Лабуан, Мальдивская Республика, Республика Маршалловы Острова, Княжество Монако, Монтсеррат, Республика Науру, Кюрасао и Сен-Мартен (нидерландская часть), Республика Ниуэ, Объединенные Арабские Эмираты, Острова Кайман, Острова Кука, Острова Теркс и Кайкос, Республика Палау, Республика Панама, Республика Самоа, Республика Сан-Марино, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Отдельные административные единицы Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии: Остров Мэн, Нормандские острова (острова Гернси, Джерси, Сарк, Олдерни); Республика Сейшельские Острова [7].

Применительно к теме данной статьи необходимо выделить основные положительные для зарегистрированного в офшорной зоне юридического лица факторы.

Так, одними из факторов являются максимальная упрощенная процедура создания и регистрации офшорной компании в офшорной зоне, требующая минимальных материальных вложений, а также разнообразие организационных форм деятельности юридического лица.

Кроме того, как отмечает Н.В. Гурьянова, при посредничестве офшорной компании субъекты предпринимательской деятельности, осуществляющие торговые операции, мог достичь наиболее привлекательную для себя ввозную или вывозную цену на свои товары [2]. Также зарегистрированное в офшорной зоне юридическое лицо может совершать сделки, которые одновременно обеспечивают минимальную цену экспортного товара при его перемещении и максимальную рыночную цену этого товара при продаже его нерезидентом офшорной зоны, что в итоге позволяет офшорной компании получать низкооблагаемую налогом прибыль.

К числу предпочтений офшорным компаниям также можно отнести использование при международных расчетах финансовых организаций, в которых отсутствует валютный контроль со стороны государства и приоритет отдается максимальному уровню банковской тайны, что в конечном итоге способствует конфиденциальности финансовой деятельности компании и ее бенефициарных владельцев [9].

Однако статус офшорной компании может нести также и негативные последствия для деятельности юридического лица. В частности, у таких компаний нередко возникают сложности при кредитовании ввиду неоднозначной деловой репутации и повышенного внимания контролирующих органов. Кроме того, существуют риски значительного изменения законодательной базы офшорной зоны, которые вынуждают юридическое лицо вести постоянный мониторинг законодательства.

Еще одной характерной чертой правового режима офшорных зон является проблема двойного налогообложения, а именно, вопросы отсутствия сотрудничества и непредоставления информации в налоговой сфере.

В частности, обмен информацией между Российской федерацией и иностранными юрисдикциями осуществляется в соответствии с двусторонними соглашениями об избежании двойного налогообложения, а также на основании Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам [10]. Однако в настоящее время у Российской Федерации есть несколько действующих соглашений с государствами, некоторые территории которых входят в российский список офшорных зон. В частности, к ним относятся специальный административный район Макао (Китайская Народная Республика), остров Лабуан (Малайзия), отдельные административные единицы Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также Объединенные Арабские Эмираты. И со всеми указанными государствами у Российской Федерации заключены соглашения об избежании двойного налогообложения, которые, учитывая статус офшорных зон, применяется с некоторыми ограничениями [1].

По нашему мнению, ведение реестра офшорных зон имеет в настоящее время огромное значение для стабильности экономики России, так как у резидентов таких зон отсутствует возможность использовать в России некоторые льготы, такие юридические лица находятся под усиленным наблюдением со стороны контролирующих органов, а в некоторых случаях их деятельность прямо ограничена. При этом следует все же отметить, что в большинстве случаев использование преимуществ офшорных юрисдикций происходит добросовестно с целью повышения юридическим лицом конкурентоспособности или правомерного снижения налоговых отчислений. Однако учитывая специфику офшоров и предоставляемые ими возможности, а также легитимность офшорных компаний с точки зрения российского законодатель-

ства, представляется логичным усиление контроля за деятельностью таких компаний с целью пресечения совершения незаконных операций, связанных с уклонением от налогообложения и отмыванием денежных средств, в то же время не ограничивая использование офшорных компаний для получения конкурентных преимуществ в процессе предпринимательской деятельности. В этой связи необходимо законодательное закрепление четких критериев, которые позволят однозначно считать какое-либо государство или территорию офшорной зоной, что в конечном итоге будет способствовать совершенствованию формирования списка офшорных юрисдикций.

Говоря об офшорных зонах, нельзя не затронуть тему создания и развития так называемых российских офшоров, которые хотя и не являются классическими офшорными зонами, но также имеют определенные льготные налоговые режимы.

В частности, к ним относятся специальные административные районы на о. Русский на Дальнем Востоке и о. Октябрьский в Калининградской области, правовое регулирование которых осуществляется Федеральным законом от 03.08.2018 N291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» [11].

Первоначально создание специальных административных районов предполагалось в качестве альтернативы европейским низконалоговым зонам с целью стимулировать процесс возвращения бизнеса с российскими корнями из иностранной юрисдикции в российскую. Однако в связи с изменением внешнеполитической обстановки правовой режим специальных административных районов претерпел значительные изменения и стал в первую очередь инструментом, позволяющим защитить российский бизнес и активы от санкций, а также получить существенные налоговые льготы в обмен на осуществление инвестиций в развитие собственного бизнеса и регионов, в которых расположены специальные административные районы [4].

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время, учитывая нестабильную международную обстановку, а также курс на деофшоризацию российской экономики, использование российским бизнесом преимуществ зарубежных офшорных юрисдикций постепенно теряет свою актуальность. Представляется, на данном этапе необходимо создавать и развивать собственные офшорные зоны, предоставляющие налоговые и иные преференции не только для российского капитала, но и для крупных иностранных инвесторов.

Литература

1. Андрианова Н.Г. Перечень офшорных зон в российском праве // Юрист. 2020. N11.
2. Гурьянова Н.В. Офшорные зоны // СПС КонсультантПлюс. 2023.

3. Копина А.А. Международные компании – практика создания российского «офшора» // Налоги. 2018. N15.
4. Морозова О.С., Берман А.И. Новое регулирование специальных административных районов // Закон. 2022. N11.
5. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N117-ФЗ (ред. от 18.03.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2023) // СПС Консультант Плюс, 2023.
6. Облачинский А. Off – офшор // «ЭЖ-Юрист». 2014. N8. С. 1–5.
7. Приказ Минфина России от 13.11.2007 N108н (ред. от 02.11.2017) «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» // СПС КонсультантПлюс. 2023.
8. Спесивцева Е.С. Катализатор развития экономики России: офшоры или деофшоризация // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. N12. С. 52–58.
9. Тягай Е.Д. К вопросу об организационно-правовых формах офшорных компаний: цивилистический взгляд // Lex russica. 2013. N1. С. 115–125.
10. Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. N325-ФЗ «О ратификации Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам» // СЗ РФ. 2014. N45. Ст. 6135.
11. Федеральный закон от 03.08.2018 N291-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 06.08.2018, N32 (часть I), ст. 5084.

ON THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF THE LEGAL REGIME OF OFFSHORE ZONES ON THE STATUS OF LEGAL ENTITIES

Iaremchuk I.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The author analyzes the concepts of offshore and offshore zone, their characteristic features, reveals the history of the emergence and development of offshore zones. The existing problems and gaps in the legal regulation of offshore zones at the international and national levels are highlighted. The author considers legislatively fixed offshore zones, as well as issues of their interaction with the Russian Federation. In addition, attention is paid to the main preferences of a legal entity registered in an offshore zone, the problem of double taxation is touched upon. The question is raised about the need to legislate clear criteria that will unambiguously consider any state or territory an offshore zone, which will ultimately contribute to improving the formation of a list of offshore jurisdictions. The prospects of deoffshorization of the Russian economy through the creation of special administrative districts on the island of Russky in the Far East and the island of Oktyabrsky in the Kaliningrad region. The author also proposes to develop its own offshore zones that provide tax and other preferences not only for Russian capital, but also for large foreign investors.

Keywords: offshore, offshore company, offshore zone, deoffshorization, list of offshore zones, special administrative region.

References

1. Andrianova N.G. List of offshore zones in Russian law // Lawyer. 2020. N11.
2. Guryanova N.V. Offshore zones // SPS ConsultantPlus. 2023.
3. Kopina A.A. International companies – the practice of creating a Russian “offshore” // Taxes. 2018. N15.
4. Morozova O.S., Berman A.I. New regulation of special administrative districts // Law. 2022. N11.
5. “Tax Code of the Russian Federation (part two)” dated 05.08.2000 N117-FZ (ed. from 03/18/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 01.04.2023) // SPS Consultant Plus, 2023.
6. Obluchinsky A. Off – offshore // “EZH-Lawyer”. 2014. N8. C. 1–5.
7. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 13.11.2007 N108n (ed. dated 02.11.2017) “On approval of the List of states and territories providing preferential tax treatment and (or) not providing for disclosure and provision of information during financial transactions (offshore zones)” // SPS ConsultantPlus. 2023.
8. Spesivtseva E.S. A catalyst for the development of the Russian economy: offshore or deoffshorization // State power and local self-government. 2016. N12. p. 52–58.
9. Tyagai E.D. On the issue of organizational and legal forms of offshore companies: a civilistic view // Lex russica. 2013. N1. pp. 115–125.
10. Federal Law No. 325-FZ of November 4, 2014 “On ratification of the Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters” // SZ RF. 2014. N45. St. 6135.
11. Federal Law No. 291-FZ of 03.08.2018 (as amended on 12/28/2022) “On Special Administrative Regions in the Territories of the Kaliningrad Region and Primorsky Krai” (with amendments and additions, intro. effective from 11.01.2023) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 06.08.2018, N32 (part I), Article 5084. Anufrieva L.P. International private law: In 3 volumes. M.: Bek, 2002. Vol. 2. P. 65.

Уголовная ответственность граждан Таджикистана за преступления совершенные на территории иностранных государств

Амиров Азизджон Азаматович,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА им. Кутафина)
E-mail: azizjon-amirov@mail.ru

В данной статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности граждан Таджикистана за преступления совершенные на территории иностранных государств. Анализируя уголовное законодательство Республики Таджикистан можно прийти к выводу, что по принципу гражданства действия уголовного закона можно привлечь к уголовной ответственности не только граждан Таджикистана, но и иностранных граждан и лиц без гражданства за совершения преступных деяний за пределами страны. В статье также затрагиваются вопросы ответственности лиц с двойным гражданством. Приводятся мнения ученых о понятии и содержании принципа гражданства действия уголовного закона. После всестороннего исследования делается предложения по совершенствованию уголовного законодательства. В частности, автор предлагает в ч. 4 ст. 15 УК РТ предусмотреть универсальную юрисдикцию некоторых категорий преступлений, за совершения которых уголовная ответственность должна наступить независимо от их места совершения.

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, принцип гражданства, ответственность, территория, иностранный гражданин.

Уголовная ответственность граждан Таджикистана за преступление, совершенное на территории иностранного государства, наступает по принципу гражданства действия уголовного закона. Данное положение принципа гражданства распространяется и к иностранным гражданам, и к лицам без гражданства, имеющим постоянное место жительства в РТ.

В ч. 1 ст. 15 УК РТ закреплён принцип гражданства которая устанавливает, что «Гражданин Республики Таджикистан, а также постоянно проживающее в ней лицо без гражданства, за преступление, совершенное на территории иностранного государства, привлекается к уголовной ответственности в соответствии с УК РТ в случае, если совершенное им деяние признаётся преступлением в государстве, на территории которого совершено такое деяние и, если это лицо не было осуждено за данное преступление в иностранном государстве. При осуждении данных лиц наказание не должно превышать максимального предела санкции, предусмотренной законом иностранного государства, на территории которого совершено преступление».

Ф.Ф. Мартенс этот принцип называл «национальным», смысл которого заключается в том, что государство имеет право и обязанность наказывать своих подданных не только за преступления, совершенные на своей территории, но и за границей [7, с. 154–156]. Данный принцип, как считает Г.Ф. Шершеневич, определяет право государства на применение карательных мер в отношении всех своих граждан, совершивших преступление за границей [15, с. 360–361].

Принцип гражданства в отдельных литературных источниках называется принципом личного подчинения или национальным, согласно которому субъект преступления вне зависимости от места совершения преступного деяния несет ответственность согласно законам того государства, резидентом которого данный субъект является [13, с. 47]. Пребывание гражданина в другой стране не отменяет обязанностей, установленных национальным законом, но, вместе с тем, исполнение норм отечественного законодательства не должно осуществляться в ущерб правовым нормам той страны, в которой находится иностранный гражданин. Гражданин, совершивший преступление на территории другого государства,

писал Ф.Ф. Мартенс, может понести наказание согласно национальному уголовному законодательству вне зависимости от того, был ли он ранее осужден за совершение этого преступления в иностранном государстве[8, с. 229]. Такое положение закреплено, например, в действующем УК КНР, статья 10-я которого предусматривает уголовную ответственность лиц, совершивших преступления за пределами КНР, даже если эти лица привлекались к уголовной ответственности за границей[14].

Анализ принципа гражданства в УК Таджикистана тесно связан с правовым статусом лиц, которые считаются субъектами преступления по отечественному уголовному праву. По этой причине выделяют всего 3 категории: граждане Таджикистана, иностранные граждане, а также лица без гражданства. Действие УК РТ распространяется на каждое лицо, которое попадает под приведенные выше категории совершивших преступление. Для того чтобы рассмотреть принцип гражданства, необходимо подробно проанализировать каждую из вышеперечисленных категорий.

Понятие «лицо без гражданства», в соответствии с Конвенцией о статусе апатридов, принятой 28 сентября 1954 года, означает ситуацию, когда человек не признается в качестве гражданина ни одним государством в рамках его правовой системы[5]. Статус апатрида может возникнуть сразу после рождения, когда ребенок рождается в стране, где принято применять принцип «крови», например, в Японии, но его законные представители обладают гражданством другого государства, основанного на принципе «права земли», например, Аргентине. В таком случае, несовершеннолетний потенциально может остаться без гражданства[12, с. 95].

Лица без гражданства отличаются особым правовым состоянием, именуемым “безгражданство”, что обуславливает специфику применения норм уголовного права. Для минимизации правовых коллизий, связанных с безгражданством лица, была создана Конвенция о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 г. Данная Конвенция закрепляет необходимость предоставления гражданства лицам, признанным апатридами, со стороны государства, на территории которого они родились[4]. Также Конвенция устанавливает, что страны-участницы не могут лишить человека гражданства, если такое лишение делает его апатридом. Однако, не во всех странах данная норма соблюдается. Например, в некоторых странах за совершения определенных преступлений лишается гражданства лица независимо от того делает ли это его апатридом или нет.

В Таджикистане государство поощряет приобретение иностранными гражданами и лицами без гражданства, гражданства Республики Таджикистан и не препятствует приобретению ими гражданства иного государства, тем самым государство всячески содействует предотвращению безгражданства[6].

Действующее национальное уголовное законодательство делит лиц без гражданства на две категории. Это лица которые, постоянно проживают на территории РТ, и лица которые, не имеют постоянного места жительства на территории РТ.

Согласно ч. 1 ст. 5 Закона РТ «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан», выданный органами внутренних дел вид на жительство дает право лицам, не имеющим гражданства и также иностранным гражданам, постоянно проживать на территории РТ, иметь практически равный правовой статус с гражданами РТ. Это особенно заметно в сфере уголовного права, где они подпадают под действие УК РТ на основе территориального принципа, если уголовное деяние было совершено на территории РТ, или на основе принципа гражданства, если преступный акт был совершен за пределами РТ.

Лица, не имеющие гражданства, обладают таким же правовым статусом, как и иностранные граждане, независимо от того, являются ли они постоянными жителями Таджикистана или нет. Кроме того, они могут нести ответственность в соответствии с УК РТ на базе следующих принципов: территориального, универсального и реального действия УК РТ. Например, если человек не имеет гражданства, но находится на территории РТ и совершает преступление, то этот человек привлекается к ответственности на базе территориального принципа, даже если он не располагает в РТ постоянным местом жительства. Также, если лицо без гражданства совершает уголовное преступление за пределами РТ, оно может быть привлечено к ответственности на основе универсального принципа, который допускает преследование за уголовные правонарушения, совершенные за границей. И, наконец, если лицо без гражданства совершает уголовное преступление за пределами РТ, которое имеет воздействие на национальные интересы, оно может быть привлечено к ответственности на основе реального действия уголовного закона, который основывается на защите интересов государства.

Правовой статус иностранных граждан, пребывающих в Таджикистане, определяется Конституцией РТ, законом РТ “О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан”, иными национальными и международными актами. Под иностранным гражданином понимается лицо, не имеющее гражданства РТ, но являющееся гражданином другого государства. Согласно Закону, в пределах РТ иностранные граждане и лица без гражданства обладают теми же правами, что и граждане Таджикистана, и несут равные с ними обязанности перед государством. Права иностранных граждан закреплены в Конституции РТ и других нормативных актах. На указанных лиц распространяются все предусмотренные Конституцией и другими законами РТ права независимо от гражданства, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, язы-

ка, отношения к религии, рода, характера занятий и других обстоятельств. Реализация принадлежащих иностранным гражданам прав не должна наносить ущерб интересам Таджикистана, общества, правам и законным интересам граждан РТ. Иностранцы обязаны соблюдать законы РТ.

Гражданско-правовой статус лица является важной юридической категорией, существование которой определяет объем прав, свобод и обязанностей граждан как на территории собственного государства, так и на территории других государств [11, с. 90]. Следовательно, наличие у лица гражданства Республики Таджикистан вне зависимости от фактического местонахождения данного лица предполагает обладание правом на защиту законных интересов со стороны государства. Применение мер по обеспечению граждан РТ возможностью полноценного пользования правами, установленными международными соглашениями РТ и национальным законодательством государства – принимающей стороны, входит в компетенцию дипломатических представительств, консульских учреждений, иных государственных структур и должностных лиц.

Гражданин и государство обладают взаимными правами, обязанностями и ответственностью, весь комплекс которых закрепляется за государством и его резидентами вне зависимости от фактического места пребывания лица. Соответственно, юрисдикция государства распространяется на граждан, находящихся как внутри страны, так и за ее пределами.

Согласно уголовному закону, граждане РТ могут быть привлечены к ответственности преимущественно по территориальному принципу, если они совершили преступление на территории государства, и по принципу гражданства – если они совершили преступление за границей.

А.Г. Князев отмечает, что в принципе гражданства действия УК Российской Федерации предусмотрена формулировка «совершение вне пределов РФ преступления» (ст. 11 УК РФ). По мнению автора, данное положение означает как территорию иностранного государства, так и международное пространство. Автор идеи считает, что преступление, совершенное гражданином РФ на территории международного пространства, следует считать совершенным на территории РФ [3, с. 120].

Однако мы не можем согласиться с А.Г. Князевым, потому что международное пространство является общим. В соответствии с международным правом оно не принадлежит ни одному государству. Если гражданином государства совершено преступление на международном пространстве, которое не имеет тесного отношения к государству, то реализация территориального принципа исключается. Например, если преступление совершено гражданином РФ на космическом корабле РФ, бесспорно применяется территориальный принцип, а если преступление совершено российским гражданином на космическом корабле NASA, то применяется принцип гражданства.

Согласно нормам международного права, юрисдикция государства над гражданами своего государства должна распространяться даже в случае их нахождения на территории иностранного государства, но ее осуществление может происходить только на территории государства – гражданства лица, если иное не предусмотрено международными соглашениями [13, с. 43].

Однако, ч. 1 ст. 8 Конституционного закона РТ «О гражданстве Республики Таджикистан» устанавливает, что «лицо, имеющее гражданство другого государства и при этом являющееся гражданином Таджикистана, должно быть признано только гражданином этого государства, кроме тех случаев, которые предусматриваются договорами РТ международного характера» [6]. Эта норма имеет целью определить, что гражданин РТ не признается гражданином другого государства. После распада СССР и формирования на его территории независимых стран многие граждане бывшего СССР получили гражданство не только страны, в которой они проживали, но и других государств, что создавало дополнительные нюансы в их правовом статусе и требовало тщательной проверки. В результате было установлено, что эти лица имеют двойное гражданство. Например, гражданин Таджикистана может быть одновременно гражданином РТ и РФ на основании подписанного официального соглашения (договора) между странами РФ и РТ, затрагивающего вопросы двойного гражданства.

Двойное гражданство относится к правовому статусу человека, имеющего гражданство двух или более стран. Оно может быть получено с участием или без участия страны, в которой человек первоначально получил свое первое гражданство, в зависимости от наличия двусторонних договоров между соответствующими странами. В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 8 вышеуказанного Конституционного закона, приобретение двойного гражданства регулируется международными договорами Таджикистана. Гражданин РТ может быть одновременно принят в гражданство другого государства, с которым РТ заключен соответствующий договор. Однако граждане РТ, добровольно приобретающие гражданство другого государства, с которым у РТ нет договора о двойном гражданстве, утрачивают гражданство РТ (ч. 2 ст. 23) [6].

Гражданство не только предоставляет определенные права, но и налагает на человека обязанности и ответственность. Этот принцип в равной степени применим к лицам с двойным гражданством, поскольку обе страны, которым они присягают на верность, обязаны защищать своих граждан, независимо от их местонахождения. Однако правовой статус лиц с двойным гражданством может также создавать ряд трудностей, особенно в отношении выполнения ими своих обязательств перед страной [3, с. 129].

Один из ключевых вопросов заключается в том, что лицо с двойным гражданством не может отказаться от выполнения своих гражданских обязательств в одной стране, ссылаясь на свои обяза-

тельства перед другой страной, гражданство которой оно имеет. Эти положения вытекают из принципов международного права, которые регулируют правовой статус лиц с двойным гражданством. Это говорит о том, что от граждан с двойным гражданством ожидается соблюдение законов и правил обеих стран, даже если иногда они могут столкнуться с конфликтами или проблемами при выполнении своих обязательств перед каждой страной.

Кроме того, двойное гражданство может вызывать и другие сложности, например, вопросы, связанные с налогообложением, военной службой и дипломатическим представительством. Некоторые страны могут требовать от граждан с двойным гражданством платить налоги в обеих странах, или могут требовать от них служить в вооруженных силах одной или обеих стран. Также лица с двойным гражданством могут столкнуться с проблемами в дипломатических вопросах, так как некоторые страны могут не признавать двойное гражданство и рассматривать человека непосредственно как гражданина одного государства.

Лицам с двойным гражданством необходимо знать о возможных последствиях правового характера, обязанностях, которые связаны с их статусом, и соблюдать законы и правила обеих стран. Так, иностранное государство привлекает к ответственности гражданина своего государства, совершившего акт уголовного правонарушения в пределах той страны, чье гражданство имеет данный гражданин, и соответственно, действует в рамках законодательства этого государства.

В УК РТ и в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства от 1996 г. не предусмотрено уголовная ответственность лиц имеющих двойное гражданство. Учитывая вышеизложенное, уголовная ответственность лиц с двойным гражданством, как мы полагаем, должна быть решена следующим образом:

а) гражданин РТ, постоянно проживающий на ее территории и одновременно имеющий гражданство другого государства, совершивший преступление на территории иностранного государства, подлежит ответственности по УК РТ, если совершенное им деяние признано преступлением по законодательству государства, на территории которого совершено преступление, и он не был там осужден, при условии, что иное не предусмотрено двусторонними договорами;

б) гражданин РТ, постоянно проживающий на территории иностранного государства и имеющий гражданство этого государства, при совершении преступления на его территории подлежит ответственности по УК РТ на тех же основаниях и условиях, которые названы в части 1 статьи 15 УК РТ;

в) гражданин РТ, имеющий двойное гражданство, постоянно проживающий на территории третьих государств, совершивший преступление на их территории, привлекается к уголовной ответствен-

ности по УК РТ, если это деяние признается преступлением в этих государствах, это лицо не было осуждено за данное преступление в этих государствах и привлекается к уголовной ответственности на территории РТ.

Одновременное применение территориального принципа и принципа гражданства может образовывать коллизию в определении сферы действия уголовного закона в пространстве. Например, гражданин Республики Таджикистан, совершивший преступление за границей, находится под юрисдикцией обоих государств, если у него двойное гражданство. В этом случае лицо пользуется защитой и попечительством своего государства, а с другой стороны – несет ответственность за правонарушение, совершенное за границей, также и по законам своей страны.

Принцип гражданства применим лишь в тех обстоятельствах, когда «принцип территориальности» по определенным причинам не может применяться, то есть преступник не преследуется в государстве, где было совершено преступление [2, с. 120]. Однако в целом принцип территориальности имеет приоритет над другими принципами. Концепция двойной ответственности применяется не часто.

Может возникнуть ситуация, когда гражданин РТ, имеющий постоянное место жительства в иностранном государстве, совершает преступление и его действия признаются преступлением в соответствии с уголовным законом РТ, но не считаются преступлением по закону иностранного государства. В этом случае, в соответствии с ч. 1 ст. 15 УК РТ, уголовная ответственность гражданина РТ исключается. Указанные положения вытекают из норм международного права. Согласно ч. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, «никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением» [10]. Согласно положениям ст. 7 Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека, «никто не может нести ответственность за деяние, которое, согласно действовавшему в момент его совершения национальному законодательству или международному праву, не признавалось преступлением. Кроме того, не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения преступления. Никто не должен быть осужден или наказан вторично за преступление, за которое он уже был осужден или понес наказание на основе национального законодательства» [9, с. 260].

Принцип *non bis in idem* служит ограничением карательных действий правоохранительных органов государства и устанавливает особые условия применения уголовного законодательства к своим гражданам и лицам без гражданства, проживаю-

щим на постоянной основе в пределах РТ, но совершившим уголовные правонарушения за границей Республики Таджикистан. Это ограничение свидетельствует о том, что наказание, которое назначается данным лицам, не может превышать наибольших санкций, установленных законами иностранного государства, где было совершено преступление.

Согласно общепринятым принципам международного сообщества, наказание за преступление должно определяться законами места совершения преступления. Поэтому, если человек совершает преступление в одной стране, а преследуется в другой, законы иностранного государства должны быть приняты во внимание, и преступник не должен быть подвергнут более суровому наказанию, чем то, которое было бы назначено в государстве, где было совершено преступление.

Если на территории РТ какое-то деяние не носит преступного характера, то по принципу законности не может быть и наказания (и иных уголовно-правовых последствий) за это деяние. Согласно ч. 1 ст. 4 УК РТ, преступность деяния на территории РТ определяется только УК РТ.

Отличительная особенность принципа гражданства УК РТ от УК других стран состоит в том, что в УК РТ предусмотрена ответственность за совершение преступления на территории иностранного государства. Так, Законом РТ от 14 ноября 2016 г. № 1359 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Таджикистан» в ст. 15 УК РТ добавлена часть 4, согласно которой «гражданин Республики Таджикистан, а также постоянно проживающее в Республики Таджикистан лицо без гражданства за преступление, совершенное на территории иностранного государства, также привлекается к уголовной ответственности в соответствии с УК РТ в случае, когда, в соответствии с конкретными статьями Особой части УК РТ, уголовная ответственность предусмотрена именно за совершение преступления на территории иностранного государства». Например, ст. 4011 предусматривает уголовную ответственность за «незаконное вовлечение и участие граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженном конфликте или военных действиях на территории других государств». Однако в других статьях Особой части УК РТ прямо не предусмотрена ответственность за совершение преступления на территории других государств. На наш взгляд, формулировка изложенная законодателем в ч. 4 ст. 15 УК РТ является не вполне удачной. Учитывая нестабильность в странах ближнего и дальнего зарубежья, а также интересы нашей страны, мы предлагаем предусмотреть в ч. 4 ст. 15 УК РТ универсальную юрисдикцию отдельных преступлений против объектов, охраняемых внутригосударственным правом, за совершение которых граждане РТ и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории РТ, должны привлекаться к ответственности по УК РТ независимо от места их со-

вершения. В этот перечень следует включить преступления террористического характера, а также преступления, связанные с наркотиками, легализацией преступных доходов, коррупцией, торговлей людьми и трансплантацией органов.

Таким образом, согласно принципу гражданства (ч. 1 ст. 15 УК РТ), гражданин РТ несёт ответственность за любое общественно опасное деяние, совершенное за пределами РТ, которое, в соответствии с законодательством РТ, признаётся преступлением, если совершенное им деяние признаётся преступлением в государстве, на территории которого совершено такое деяние. Принцип гражданства обычно применяется в случаях, когда преступление было совершено за рубежом, но преступник установлен или задержан на территории Таджикистана. В таких ситуациях существует реальная необходимость применения принципа гражданства для определения надлежащего порядка действий; лицо совершило преступление за пределами страны, но было экстрадировано в РТ по требованию РТ.

Предлагается предусмотреть в ч. 4 ст. 15 УК РТ универсальную юрисдикцию отдельных преступлений против объектов, охраняемых внутригосударственным правом, за совершение которых граждане РТ и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории РТ, должны привлекаться к ответственности по УК РТ независимо от места их совершения. В этот перечень следует включить преступления террористического характера, а также преступления, связанные с наркотиками, легализацией преступных доходов, коррупцией, торговлей людьми и трансплантацией органов.

Литература

1. Закон Республики Таджикистан «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республики Таджикистан» от 02.01.2018 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://ncz.tj/> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Зюбанов Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве (опыт сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ. Дис. ... канд. юрид. Наук. – М., 2001. – 198 с.
3. Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве. Дис. ... канд. юрид. Наук. – Ульяновск, 2006. – 179 с.
4. Конвенция о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (Дата обращения: 18.06.2022).
5. Конвенция о статусе апатридов от 28 сентября 1954 года [Электронный ресурс]: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (Дата обращения: 10.06.2022).
6. Конституционный закон Республики Таджикистан «О гражданстве Республики Таджикистан» от 8 августа 2015 г. // Национальный

центр законодательства при президенте Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ncz.tj/> (Дата обращения: 22.06.2022).

7. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 2 / под редакцией и с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. – М.: «Зерцало», 2008. – 209 с.
8. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов / под ред. Л.Н. Шестакова. Т. 1. – М.: Изд-во «Юрид. колледж МГУ». 1996. – 369 с.
9. Международное право в документах: Сборник международно-правовых актов и внутреннее законодательство Республики Таджикистан / сост.: Бобоев У.Х., Махмадшоев Ф.А., Менглиев Ш.М., Пулатов А.С., Салихов З. – Душанбе: Контраст. 2011. – 761 с.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1998. – № 23–24. – Ст. 323.
11. Тафсири илмию оммавии Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон // Зери тахрири доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, академики Академияи илмҳои ҶТ Махкамов М.А. – Душанбе, 2009. – 520 с.
12. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: учебник. – М.: Норма, 2018. – 320 с.
13. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. – М., 2012. – 448 с.
14. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (Дата обращения: 08.06.2022).
15. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2016. – 496 с.

CRIMINAL LIABILITY OF CITIZENS OF TAJIKISTAN FOR CRIMES COMMITTED ON THE TERRITORY OF FOREIGN STATES

Amirov A.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article discusses the issues of criminal liability of Tajik citizens for crimes committed on the territory of foreign states. Analyzing the criminal legislation of the Republic of Tajikistan, it can be concluded that according to the principle of citizenship of the criminal law, it is possible to bring to criminal responsibility not only citizens of Tajik-

istan, but also foreign citizens and stateless persons for committing criminal acts outside the country. The article also touches upon the issues of responsibility of persons with dual citizenship. After a comprehensive study, proposals are made to improve criminal legislation. In particular, the author proposes in part 4 of Article 15 of the Criminal Code to provide for universal jurisdiction of certain categories of crimes for which criminal liability will occur regardless of their place of commission.

Keywords: criminal law, crime, principle of citizenship, responsibility, territory, foreign citizen.

References

1. The Law of the Republic of Tajikistan «On the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Republic of Tajikistan» dated 02.01.2018 // [Electronic resource]. URL: <http://ncz.tj/> (date of appeal: 10.06.2022).
2. Zyubanov Yu.A. The effect of criminal law in space (experience of comparative analysis of criminal legislation of the CIS countries. Dis. ... cand. jurid. sciences. – M., 2001. – 198 p.
3. Knyazev A.G. The effect of criminal law in space. Dis. ... cand. jurid. sciences. – Ulyanovsk, 2006. – 179 p.
4. Convention on the Reduction of Statelessness of August 30, 1961 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (date of appeal: 18.06.2022).
5. Convention on the Status of Stateless Persons of September 28, 1954 [Electronic resource]: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (date of appeal: 10.06.2022).
6. Constitutional Law of the Republic of Tajikistan «On citizenship of the Republic of Tajikistan» dated August 8, 2015 // National Center of Legislation under the President of the Republic of Tajikistan. [electronic resource]. – Access mode: <http://ncz.tj/> (Date of address: 22.06.2022).
7. Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. In 2 volumes. Volume 2 / edited and with a biographical sketch of Doctor of Law, Professor V.A. Tomsinov. – M.: «Zertsalo», 2008. – 209 p.
8. Martens F.F. Modern international law of civilized peoples / edited by L.N. Shestakov. Vol. 1. – Moscow: Publishing house «Law College of Moscow State University». 1996. – 369 p.
9. International law in documents: Collection of international legal acts and domestic legislation of the Republic of Tajikistan / comp.: Boboev U.H., Mahmadsheev F.A., Mengliev Sh.M., Pulatov A.S., Salikhov Z. – Dushanbe: Contrast. 2011. – 761 p.
10. The International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. – 1998. – No. 23–24. – Article 323.
11. Scientific and public interpretation of the Constitution of the Republic of Tajikistan // edited by Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan Makhkamov M.A. – Monday, 2009. – 520 p.
12. Tiunov O.I. International humanitarian law: textbook. – M.: Norm, 2018. – 320 p.
13. Criminal law. General part: textbook / edited by A.N. Tarbagayev. – M., 2012. – 448 p.
14. Criminal Code of the People's Republic of China dated March 14, 1997 [Electronic resource]. – Access mode: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (date of appeal: 08.06.2022).
15. Shershenovich G.F. Favorites: In 6 vols. 4, including the General Theory of Law / intro. slovo, comp. P.V. Krasheninnikov. – M.: Statute, 2016. – 496 p.

Об отдельных вопросах виктимологической профилактики дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов и средств индивидуальной мобильности (СИМ)

Багуцкий Николай Владимирович,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста
России)

E-mail: sociology_sar@mail.ru

Дадаева Юлия Владимировна,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста
России)

E-mail: juli-dadaeva@list.ru

В статье предпринята попытка, осмыслить проблему виктимизации пешеходов, в контексте все большего распространения средств индивидуальной мобильности (далее СИМ). Складывающаяся негативная динамика увеличения травматизма и смертности пешеходов в дорожно-транспортных происшествиях с участием СИМ, обусловила необходимость в рефлексии СИМ, как фактора виктимизации пешеходов и разработку виктимологической профилактики такого рода дорожно-транспортных происшествий. В работе затронуты такие факторы виктимизации пешеходов, как: превышение максимально допустимой скорости движения СИМ; сложность идентификации СИМ и лиц ими управляющих; низкая культура управления СИМ; низкая заметность СИМ для других участников дорожного движения; низкая культура пешеходного движения. Анализ данных факторов позволил авторам прийти к определению мер виктимологической профилактики дорожно-транспортных происшествий с участием СИМ и пешеходов, среди которых: меры законодательного, правоприменительного, организационного, технического, воспитательного и образовательного характера.

Ключевые слова: виктимность, виктимологическая профилактика, средства индивидуальной мобильности, пешеход, дорожно-транспортное происшествие.

Статистика дорожно-транспортных происшествий с участием средств индивидуальной мобильности демонстрирует неуклонную тенденцию к росту. По данным ФКУ «Научный центр безопасности дорожного движения МВД России», если в 2019 году таких ДТП было меньше полутора сотен, то в 2022 году – 941, а погибших в них – 19 человек [1, с. 88]. Намечившаяся негативная тенденция напрямую связана с увеличением числа СИМ на дорогах, что в свою очередь обусловлено, как их возросшей экономической доступностью, так и популяризацией данной разновидности транспортных средств (далее – ТС), как в сферах личного, так и коммерческого применения. Особенно активно растет рынок аренды самокатов, демонстрирующий 60% рост в год, что опережает мировые темпы в 4 раза [2]. К 2025 году их численность может вырасти до 439 тысяч электросамокатов, при этом, количество частных ТС на электротяге составляет около трехсот тысяч» [3].

Возросшая виктимность пешеходов в новых условиях обуславливает потребность, как факторов повышающих виктимность пешеходов при дорожно-транспортных происшествиях с участием СИМ, так и разработки комплекса мер, направленных на снижение виктимности.

Под виктимностью принято понимать свойство, как конкретного человека, так и группы лиц иметь повышенную возможность жертвой преступления или правонарушения, при возникновении неблагоприятных обстоятельств [4, с. 40].

В свою очередь под виктимологической профилактикой мы будем понимать совокупность общесоциальных и специально-криминологических мер, направленных на выявление и снижение индивидуальной и массовой виктимности посредством устранения негативных виктимных предрасположений, активизации защитных возможностей потенциальных жертв преступлений и обеспечения их безопасности [5, с. 54].

В ходе исследования нами были выявлены следующие факторы виктимизации пешеходов, как одного из участников дорожного движения, а также определены меры, направленные на ее профилактику:

Превышение максимально допустимой скорости движения СИМ

Согласно изменениям, вступившим в силу с 1 марта 2023 года, максимальная скорость движения СИМ не может более 25 км/ч (п. 24.6 Правил дорожного

движения [6] (далее – ПДД). Стоит заметить, что при прочих равных, при столкновении всегда больше страдает объект, имеющий меньшую массу и скорость движения, т.е. в большинстве случаев – это пешеход. В сети Интернет доступны ролики, где стоящего человека сбивает бегун, скорость которого, судя по кадрам вряд ли была выше 20 км/ч, а вес не превышал 80 кг., но этого вполне хватило, чтобы сбитого отбросило на расстояние 2 метров [7]. В случае же столкновения с СИМ, к 35 кг максимального веса самого транспортного средства добавляем, как минимум 50 кг взрослого лица, управляющим СИМ и получаем минимальную цифру в 85 кг объекта, движущегося с предельной скоростью 25 км/ч. При этом, тяжесть последствий при прочих равных усугубится ударным воздействием на пешехода самого СИМ. Проведенные испытания с участием манекена, показали, что при столкновении пешеход испытывает ударные нагрузки в три раза большие по силе, чем лицо управляющее СИМ [8]. А учитывая, то, что ГОСТ 70514–2022 [9] на данный вид ТС введен только 01.02.2023 г., то можно предположить, что далеко не все ввезенные на территорию России СИМ имеют заводское ограничение предельной скорости, а в отдельных случаях и вовсе могут быть подвергнуты и программно-аппаратной модификации со стороны пользователя, то реальные скорости, и, следовательно, тяжесть последствий может быть значительно выше. Примеров, более тяжелых последствий, столкновений, лиц, управлявших СИМ и пешеходов, видится намного больше [10, 11].

В этой связи нам видится целесообразным реализация следующих мер законодательного характера:

- введение ответственности, вплоть до уголовной, за программную или техническую модификацию ТС, позволяющую увеличить его максимальную скорость или изменять режим работы. Ответственности должен подлежать не только собственник ТС, но и лицо, которое по его просьбе эту модификацию осуществило. При этом тяжесть наказания должна определяться тяжестью наступивших последствий;
- в ГОСТ 70514–2022 пунктом 8.1, к СИМ (классов 2 и 4), введено требование обязывающее производителей оснащать ТС средствами автоматического контроля скорости, основываясь на данных спутникового позиционирования. При этом единой цифровой карты (действующей на территории всех субъектов), с указанием мест, где и какие будут действовать скоростные режимы – не существует. Отдельные попытки решения этого вопроса предприняты в крупных городах, таких, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань и др., а более мелкие населенные пункты такой возможности лишены. В сложившейся ситуации возникает острая необходимость в разработке единого цифрового ресурса, который бы поддерживался в актуальном состоянии. Функционирование такого ресурса требует согласованных усилий органов законодательной, исполнительной власти и производителей СИМ.

Также, следует отметить, что система автоматического контроля скорости, основанная на данных спутникового позиционирования, встречается преимущественно на арендных самокатах, а приобретенные в частном порядке, как правило, лишены такой функции [12]. В таком случае, помимо дооснащения таких самокатов устройствами автоматического контроля скорости, основанных на спутниковом позиционировании, на помощь могут прийти системы искусственного интеллекта, которые основываясь на показаниях различных датчиков (видео, аудио, гироскопа, ускорения и т.д.) в соответствии со встроенным алгоритмом способны вмешиваться в процесс управления ТС [13];

- в ГОСТ 70514–2022 п. 3.16 для СИМ (классов 2 и 4), введено требование о реализации производителем «пешеходного режима» в котором максимальная скорость ограничена 8 км/ч. При этом ни сам ГОСТ, ни иные нормативные акты не закрепляют сценариев использования данной функции. Считаем целесообразным законодательно обязать лицо, управляющее СИМ активировать данный режим в условиях плохой видимости, при плохих дорожных условиях или в условиях плотного пешеходного или транспортного потока;
- для повышения дисциплинированности лиц, управляющих СИМ, ориентируясь на опыт Турции в этом вопросе [14], предлагаем также внести изменения в ст. 26 ФЗ «О безопасности дорожного движения», установив, что к управлению СИМ не допускаются лица младше 16 лет. С 16 до 18 лет разрешается управлять электро-самокатом, но при наличии водительского удостоверения категории «М» (мопеды и легкие квадроциклы (с объемом двигателя до 50 куб. см), а с 18 лет не предъявляются требования по наличию водительского удостоверения;
- дополнительное снижение максимальной скорости для малолетних лиц, управляющих СИМ. Здесь согласимся с мнением депутата Госдумы РФ С.В. Бурлако, предлагающего законодательно ограничить максимальную допустимую скорость для несовершеннолетних 20 км/ч [15]. Схожей точки зрения придерживается и Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка М.А. Львова-Белова [16].

Сложность идентификации СИМ и лица им управлявшего, в случае нарушения им норм российского законодательства

Обозначенная проблема определяет возможность для лиц, управляющих СИМ быть привлеченным к административной, уголовной или гражданской ответственности в случае, если они стали виновниками ДТП, нарушили административное законодательство (например, превысили максимально допустимую скорость движения) или причинили моральный, физический или материальный вред.

В настоящее время, если лицо, управлявшее СИМ скрылось с места ДТП только компании предоставляющее услуги аренды СИМ способы обеспечить привлечение таких лиц к ответственности, выдав по запросу следственных органов информацию о местонахождении конкретного СИМ (при необходимости и персональный идентификационный номер СИМ) в тот или иной момент времени, а также данные о лице арендовавшего его. И даже в этом случае речь не идет, ни об оперативном производстве по административным правонарушениям (не говоря уже о его автоматизации при помощи фото-видео фиксации), ни об эффективной реализации оперативно-розыскных и следственных мероприятий. Также следует отметить то, что если владельцем СИМ является частное лицо, то шансы идентификации СИМ и/или лицо им управлявшее, в подобных условиях и вовсе стремятся к нулю.

В свете вышесказанного актуальной становится процедура государственной регистрации СИМ и оснащение их доступным для визуальной фиксации регистрационным номером. Важным шагом в этом направлении может стать разработка депутатами Государственной думы законопроекта с поправками в закон «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации» [17], согласно которой предполагается, что в течение десяти дней после приобретения СИМ, его владелец должен будет поставить ТС на учет посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг, таким образом, не потребуются предоставлять СИМ в Госавтоинспекцию для его постановки на государственный учет. Порядок регистрации СИМ предлагается установить отдельным постановлением правительства. После регистрации, СИМ присваивается государственный регистрационный номер, и владелец СИМ обязан разместить на нем государственный регистрационный знак, соответствующий стандартам. В случае если конструкция СИМ не допускает установки регистрационного номера, то предлагается эксплуатацию такого СИМ на дорогах общего пользования и пешеходных зонах запретить [18]. Полагаем, что реализация данной меры будет способствовать не только привлечению правонарушителей к ответственности уголовной, административной или гражданской, но и выступать в качестве мощного превентивного механизма, в основе которого, лежит осознание лицом управляющим СИМ, реальную возможность его идентификации и привлечения к ответственности.

Очевидно, что реализация данной меры – это дело не одного дня и даже года, и помимо законодательской работы предстоит серьезная работа по созданию программно-технической инфраструктуры по регистрации и перерегистрации СИМ, выдаче в физическом виде регистрационных номеров, совмещении баз данных СИМ и других ТС подлежащих государственной регистрации, настройка средств фото-видеофиксации, наделение сотрудников полиции дополнительными полномочиями по пресечению правонарушений соверша-

емых лицами управляющими СИМ и их задержанию и пр.

Низкая культура управления СИМ

В российском обществе, традиционно характеризующимся развитым правовым нигилизмом, вслед за Н.В. Моджиной, обозначим две его формы:

- правовой негативизм, выражающийся в осознанном игнорировании требований закона, проявляющийся в скептическом отношении к праву, вплоть до полного неверия в его возможности. Здесь, действенной мерой его снижения может стать только система реально работающих законодательных, правоприменительных, организационных и технических механизмов основанных на принципах законности, равенства, целесообразности и неотвратимости наказания.
- правовой инфантилизм, который выражается в пробельности, недоразвитости и несформированности правовых взглядов, установок, знаний, представлений. Для решения данной проблемы требуется всеобъемлющая работа со всеми субъектами (начиная от семьи, и заканчивая деятельностью по виктимологической профилактике со стороны государственных органов) имеющих отношение к формированию правильных правовых взглядов, установок, знаний, представлений [19, с. 458].

Обозначим наиболее актуальные направления этой работы. Во-первых, это вовлечение в данный процесс школ. Варианты реализации могут быть различными: от урочных (как это, например, было реализовано в некоторые годы существования советской образовательной системы, в формате «юных инспекторов движения» [20]) и, следовательно, обязательных, до внеурочных занятий (факультативных). Первый вариант представляется более предпочтительным, поскольку позволит увеличить охват детской аудитории, а само изучение теории и практики управления СИМ может стать частью более общего курса по изучению безопасности дорожного движения. К слову, подобная инициатива, только в форме внеурочных занятий уже нашла свою реализацию в ряде школ Москвы [21]. Вариант организации факультативных занятий на базе школ для детей предложили в Министерстве транспорта Российской Федерации, а в Госдуме предложили распространить эту инициативу и на взрослых [22].

Стоит также отметить и приверженность значительного числа российских граждан идее организации соответствующих курсов для школьников. Так, 48% из принявших участие в опросе, высказались в пользу изучения ПДД в рамках школьной программы. А 27% опрошенных полагают, что полезным могло бы стать моделирование дорожных ситуаций и разбор правонарушений на классных часах [23].

Другим важным субъектом формирования правовой культуры использования СИМ является се-

мья. Примечательно здесь, что по данным ВЦИОМ, лишь чуть более половины граждан (53%) считают ключевым фактором формирования нужных качеств у своих детей. В этой связи актуализируется потребность в работе с семьями, которые наряду со школами прививали бы подросткам правильные установки и ориентиры в части использования СИМ на дорогах общего пользования. Реализоваться это может, например, в формате классных часов, в рамках которых, сотрудники ГИБДД, общественные организации, неравнодушные родители или сам педагог доносили бы до родителей правовые, моральные, технические и медицинские аспекты управления СИМ, с акцентом на правовые последствия для родителей и самого несовершеннолетнего лица, управлявшего СИМ и совершившего административное, уголовное правонарушение или гражданско-правовой деликт. В этой связи, ряд авторов совершенно справедливо призывает использовать наглядные средства демонстрации последствий подобных ДТП, например в формате видеofilmов о причинах и последствиях ДТП с участием детей и подростков [4, с. 42].

Другим проблемным моментом здесь выступает недооценка значительной частью граждан правовых последствий причинения при управлении СИМ охраняемым законами РФ правам и интересам других субъектов. В частности, существует стереотип, что СИМ не относится к категории источников повышенной опасности и, следовательно, не порождает целый ряд правовых последствий для лица им управляющего. Это, безусловно, ошибочное мнение, поскольку судебная практика говорит о том, что суды все чаще признают СИМ источником повышенной опасности [25, с. 120–121]. Следует оговориться, что поскольку исчерпывающий перечень всех возможных видов средств передвижения не установлен и установлен быть не может, возможность отнесения того или иного СИМ к источникам повышенной опасности сопряжена с оценкой соответствия конкретного СИМ требованиям к колесным транспортным [25]. Таким образом, мы можем говорить о возможности применения к лицам управляющими СИМ, как минимум ст. 1079 ГК РФ [26] и ст. 264 УК РФ [27].

Признание СИМ (пусть и в каждом случае – это будет происходить индивидуально) источником повышенной опасности, позволяет более эффективно урегулировать правоотношения, возникающие не только с участием пешеходов, но и с участием владельцев других ТС являющиеся источниками повышенной опасности, среди которых лица управляющие другими СИМ, велосипедами, мопедами, мотоциклами, гужевыми повозками, автомобилями и пр. Считаем, что и сами велосипеды (электровелосипеды с 1 марта 2023 года относятся к СИМ пунктом 1.1. ПДД, как «иные аналогичные устройства») имеет смысл приравнять к СИМ, учитывая схожесть выполняемых функций и повышенную опасность (см. аргументацию здесь [24, с. 122]). Говоря о СИМ, речь главным образом идет не столько о восстановлении нарушенного права,

сколько о превенции действий, которые могут привести к его нарушению, в силу осознания субъектом, повышенной ответственности за те или иные противоправные действия или бездействия.

Низкая заметность СИМ

Если с визуальной заметностью СИМ вопросы если и остаются, то они либо решаются, либо решаемы относительно просто (оснащением их световозвращающими элементами, фарами, фонарями, специфической экипировкой и пр.), то со звуковой заметностью СИМ дело обстоит гораздо хуже.

Практически бесшумное передвижение транспорта на электротяге не позволяет другим участникам дорожного движения заблаговременно подготовиться к встрече с ним (путем изменения скорости или траектории движения), что резко повышает риск непреднамеренного столкновения. В связи с этим, предлагаем дополнить ГОСТ Р 70514–2022, требованием к производителю оснащать СИМ независимо от класса, устройством, обеспечивающим его однозначное звуковое обозначение. При этом звук, обозначающий СИМ должен включаться автоматически при начале движения и быть стандартным для любого ТС. Опционально можно предусмотреть возможность автоматического изменения громкости звука, в зависимости от уровня фоновых звуков. К слову, о подобной отечественной разработке шла речь еще в 2020 году [28].

Низкая культура пешеходного движения

Говоря о пешеходах, как об одном из участников дорожного движения, следует отметить традиционное приуменьшение их роли в создании опасных ситуаций и ДТП. Указанная недооценка, связана в первую очередь с их относительно небольшой массой, невысокой скоростью передвижения повышенной маневренностью, что в совокупности значительно снижает силу соударения. Указанные качества действительно серьезно снижают степень опасности пешеходов для иных участников дорожного движения и для себя самих, однако не устраняют этой опасности полностью. Далее обозначим распространенные ситуации, при которых пешеход может представлять опасность для других участников дорожного движения и/или для себя:

– труднопредсказуемые перемещения пешехода. Очевидно, что для безопасности дорожного движения требуется соблюдения целого комплекса требований, одним из которых выступает требование предсказуемости траектории движения любого участника дорожного движения, в том числе и пешехода. Выполнение этого требования позволяет участникам дорожного движения заблаговременно предсказывать траекторию движения другого участника(ов) и подстраиваться под нее, изменив свою скорость и/или направление движение. Требование предсказуемости становится тем актуаль-

нее, чем сильнее возрастает средняя скорость и масса движущихся объектов, что в совокупности резко повышает травмоопасность любых соударений.

Обозначим наиболее типичные ситуации, при которых перемещение пешехода становится мало предсказуемым для лиц управляющих СИМ: совершение зигзагообразных перемещений; неожиданное замедление или ускорение; резкое появление из-за угла; выход из прилегающего к тротуару здания, в поперечном основному потоку направлению; движение против основного потока (например, движение по левой стороне тротуара) и т.д. И если для лиц совершеннолетнего возраста и имеющих нормальный уровень здоровья двигаться по предсказуемой траектории – не составляет особых проблем (хотя и безусловно требует дополнительных энергозатрат), то для несовершеннолетних лиц, лиц пожилого возраста, лиц имеющих проблемы со здоровьем – это представляет значительную трудность. Согласимся здесь с мнением Е.В. Шацких и А.В. Володина, видящих в качестве фактора повышения виктимности пешеходов в их неподготовленности к изменившимся условиям движения транспортных средств, связанной с ограниченными психофизиологическими возможностями человека [29, с. 3]. Вышесказанное позволяет прийти к выводу, что относительно простого решения этой проблемы – нет, кроме полного запрета движения СИМ по тротуарам или, по крайней мере, обязанности их двигаться только по выделенным для этого полосам и дорожкам. Здесь стоит обратить внимание на опыт Турции, которая с 2021 года полностью запретила движение СИМ по тротуарам и пешеходным зонам [30, с. 83]. А в Париже пошли на более радикальные меры, запретив аренду самокатов, после того, как 89% жителей, выразивших свое мнение на референдуме, высказались в пользу соответствующего запрета [31]. Наиболее же радикальное предложение озвучил 3 мая 2023 года председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству А.А. Клишас, предложив запретить езду на электросамокатах на улицах городов, допустив ее только в парках и частных поселках [32]. В целом, подобные настроения в России и мире отражают сложность правового регулирования данного вида ТС, требующих создания соответствующей дорожной инфраструктуры, правового регулирования, систем фиксации правонарушений, формирования культуры пешеходного движения и культуры передвижения СИМ. Очевидно, что с учетом относительно новизны данного социально-правового явления, все вышесказанное находится в зачаточном состоянии и в силу этого приводит к столь радикальным предложениям.

В заключении хотелось бы отметить, что появление на дорогах общего пользования СИМ, с одной стороны позволило решить проблему транспортной мобильности для определенной части граждан, снижает нагрузку на общественный транспорт, снижает углеродную нагрузку на горо-

да, дало новое дыхание сервисам доставки товаров и пр., одновременно с этим создало и массу проблем, одной из которых является возросшая виктимность пешеходов. Законодательные нововведения и совершенствование правоприменения в этой сфере, безусловно, меняют сферу индивидуальной мобильности в позитивном направлении, делая ее более комфортной и безопасной для всех участников дорожного движения. Тем не менее, остается и масса нерешенных вопросов, которые требуют безотлагательного решения. Очевидно, что решены они могут только путем объединения усилий всех участников данных правоотношений, включая законодателя, правоприменителя, производителей СИМ, общественных организаций, представителей арендных компаний и служб доставки и др.

Литература

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. 126 с.
2. Экологичный, но опасный транспорт. Запретят ли электросамокаты в России? – Текст: электронный – URL: // <https://rg.ru/2023/04/04/kuda-dokatilis.html> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Минтранс хочет посадить самокатчиков за парты – Текст: электронный – URL: // <https://www.pnp.ru/social/mintrans-khochet-posadit-samokatchikov-za-party.html> (дата обращения: 11.04.2023).
4. Чепурных О.В. Виктимность пешеходов как детерминирующий фактор дорожно-транспортных преступлений / О.В. Чепурных // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 40–43.
5. Жалкиева О.В. Виктимологическая профилактика дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних / О.В. Жалкиева // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 3 (25). С. 54–58.
6. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.
7. Бегун сбил девушку – Текст: электронный – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JzcltGnU4EI> (дата обращения: 18.04.2023).
8. Краш-тест показал опасность электросамокатов для пешеходов – Текст: электронный – URL: <https://rg.ru/2021/06/07/krash-test-pokazal-opasnost-elektrosamokatov-dlia-peshehodov.html> (дата обращения: 18.04.2023).
9. ГОСТ Р 70514–2022 (национальный стандарт Российской Федерации. Электрические средства индивидуальной мобильности. Технические требования и методы испытаний) –

- Текст: электронный – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200194451> (дата обращения: 16.04.2023).
10. В Челябинске самокатчик сбил пенсионерку и уехал – Текст: электронный – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UCW4NtRGqX0> (дата обращения: 18.04.2023).
 11. В Красноярске самокатчик сбил женщину на «зебре» – Текст: электронный – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sshi0TZYqqQ> (дата обращения: 18.04.2023).
 12. «Пешеход нигде не будет в безопасности». Почему ужесточения правил для самокатов недостаточно – Текст: электронный – URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2023/03/30/16474495.shtml> (дата обращения: 19.04.2023).
 13. Искусственный суперинтеллект изменит способ внедрения технологий – Текст: электронный – URL: <https://rg.ru/2020/11/23/iskusstvennyj-superintellekt-izmenit-sposob-vnedreniia-tehnologii.html> (дата обращения: 19.04.2023).
 14. В Турции ограничили использование самокатов – Текст: электронный – URL: <https://rg.ru/2020/09/14/v-turcii-ogranichili-ispolzovanie-samokatov.html> (дата обращения: 19.04.2023).
 15. Депутат поддержал ограничение скорости при использовании детьми электросамокатов – Текст: электронный – URL: <https://iz.ru/1384973/2022-08-25/deputat-podderzhal-ogranichenie-skorosti-pri-ispolzovanii-elektrosamokatov-detmi> (дата обращения: 19.04.2023).
 16. Львова-Белова предложила снизить скорость электросамокатов для детей – Текст: электронный – URL: <https://ria.ru/20221114/elektrosamokat-1831328754.html> (дата обращения: 19.04.2023).
 17. О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5076.
 18. СИМ повелеваем: рассматривается вопрос регистрации электросамокатов – Текст: электронный – URL: <https://iz.ru/1504568/kirill-sazonov-roman-soldatov/simpovelevaem-rassmatrivaetsia-vopros-registracii-elektrosamokatov> (дата обращения: 19.04.2023).
 19. Моджина Н.В. Правовой нигилизм и правосознание россиян / Н.В. Моджина // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 2. С. 455–459.
 20. Миссия выполнима: Движение юных инспекторов движения отмечает свое 50-летие – Текст: электронный – URL: <https://iz.ru/1479112/kirill-sazonov/missiia-vypolnima> (дата обращения: 20.04.2023).
 21. Школьников начали обучать вождению электросамокатов – Текст: электронный – URL: <https://rg.ru/2022/10/26/reg-cfo/gonki-po-pravilam.html> (дата обращения: 20.04.2023).
 22. В Минтрансе предложили включить обучение езды на электросамокате в школьный курс – Текст: электронный – URL: <https://www.gazeta.ru/auto/news/2023/04/07/20161423.shtml> (дата обращения: 20.04.2023).
 23. Дорожно-транспортные происшествия: причины, следствия, профилактика – Текст: электронный – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dorozhno-transportnye-proisshestviya-prichiny-sledstviya-profilaktika> (дата обращения: 20.04.2023).
 24. Багуцкий Н. В. К вопросу о правовом статусе средств индивидуальной мобильности и велосипедов / Н.В. Багуцкий, Ю.В. Дадаева // Еромен. Global. 2022. № 28. С. 114–126.
 25. Верховный суд РФ разрешил относить электросамокаты к транспортным средствам – Текст: электронный – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20220330/307839964.html (дата обращения: 21.04.2023).
 26. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч. 2): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
 27. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 28. Электромобили и самокаты с 2020 года смогут ездить с ревом «КамАЗа» – Текст: электронный – URL: <https://ria.ru/20190705/1556226025.html> (дата обращения: 21.04.2023).
 29. Шацких Е.В. Сокращение дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов / Е.В. Шацких, А.В. Володин // Техника и технология транспорта. – 2020. – № 1(16). С. 1–5.
 30. Вислогубова О.И. Международный опыт государственного управления в сфере контроля за передвижением на электросамокатах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. № 6. – С. 81–84.
 31. Почему в Париже запрещают аренду электросамокатов – Текст: электронный – URL: <https://rg.ru/2023/04/03/seli-batarejki.html> (дата обращения: 21.04.2023).
 32. Сенатор Клишас предложил запрет на электросамокаты в городах, исключая парки – Текст: электронный – URL: <https://rg.ru/2023/05/03/senator-klishas-predlozhit-zapret-na-elektrosamokaty-v-gorodah-iskliuchaia-parki.html> (дата обращения: 21.04.2023).

ON CERTAIN ISSUES OF VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF ROAD TRAFFIC ACCIDENTS INVOLVING PEDESTRIANS AND MEANS OF INDIVIDUAL MOBILITY (MIM)

Bagutsky N.V., Dadaeva Yu.V.

Mid-Volga Branch of the All-Russian State University of Justice (Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of Russia)

The article attempts to comprehend the problem of victimization of pedestrians in the context of the increasing spread of means of individual mobility (hereinafter referred to as MIM). The emerging negative dynamics of the increase in injuries and deaths of pedestrians

in road traffic accidents involving MIM necessitated the reflection of MIM as a factor in the victimization of pedestrians and the development of victimological prevention of this kind of traffic accidents. The work touches upon such factors of victimization of pedestrians as: exceeding the maximum allowable speed of the IM; the difficulty of identifying and persons managing them; low culture of MIM management; low visibility of MIM for other road users; low culture of pedestrian traffic. The analysis of these factors allowed the authors to come to the definition of measures of victimological prevention of road traffic accidents involving MIM and pedestrians, including: legislative, law enforcement, organizational, technical, educational and educational measures.

Keywords: victimization, victimological prevention, means of individual mobility, pedestrian, traffic accident.

References

- Road traffic accidents in the Russian Federation for 2022. Informational and analytical review. Moscow: FKU "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2023. 126 p.
- Eco-friendly, but dangerous transport. Will electric scooters be banned in Russia? – Text: electronic – URL: // <https://rg.ru/2023/04/04/kuda-dokatilis.html> (date of application: 10.04.2023).
- The Ministry of Transport wants to put scooters at desks – Text: electronic – URL: // <https://www.pnp.ru/social/mintrans-khochet-posadit-samokatchikov-za-party.html> (accessed: 11.04.2023).
- Chepurnykh O.V. Victimization of pedestrians as a determinant factor of traffic crimes / O.V. Chepurnykh // *Society and law*. 2018. No. 4 (66). pp.40–43.
- Zhalkieva O.V. Victimological prevention of road traffic accidents involving minors / O.V. Zhalkieva // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 3 (25). pp. 54–58.
- On the Rules of the road (together with the "Basic provisions for the admission of vehicles to operation and the duties of officials to ensure road safety"): Decree of the Government of the Russian Federation No. 1090 of 23.10.1993 // *Collection of Acts of the President and the Government of the Russian Federation*. 1993. No. 47. St. 4531.
- Runner knocked down a girl – Text: email – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JzcLtGnU4EI> (date of application: 04/18/2023).
- Crash test showed the danger of electric scooters for pedestrians – Text: electronic – URL: <https://rg.ru/2021/06/07/krash-test-pokazal-opasnost-elektrosamokatov-dlia-peshehodov.html> (accessed: 04/18/2023).
- GOST R70514–2022 (national standard of the Russian Federation. Electric means of individual mobility. Technical requirements and test methods) – Text: electronic – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200194451> (date of appeal: 04/16/2023).
- In Chelyabinsk, a scooter knocked down a pensioner and left – Text: electronic – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UCW4NtRGqX0> (date of appeal: 04/18/2023).
- In Krasnoyarsk, a scooter rider knocked down a woman on a zebra – Text: electronic – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sshi0TZYqqQ> (accessed: 04/18/2023).
- "The pedestrian will not be safe anywhere." Why tightening the rules for scooters is not enough – Text: electronic – URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2023/03/30/16474495.shtml> (accessed: 04/19/2023).
- Artificial superintelligence will change the way technology is implemented – Text: electronic – URL: <https://rg.ru/2020/11/23/iskusstvennyj-superintellekt-izmenit-sposob-vnedreniia-tehnologij.html> (accessed: 04/19/2023).
- Turkey has restricted the use of scooters – Text: electronic – URL: <https://rg.ru/2020/09/14/v-turcii-ogranichili-ispolzovanie-samokatov.html> (accessed: 04/19/2023).
- The deputy supported the speed limit when using electric scooters by children – Text: electronic – URL: <https://iz.ru/1384973/2022-08-25/deputat-podderzhal-ogranichenie-skorosti-pri-ispolzovanii-elektrosamokatov-detmi> (date of appeal: 04/19/2023).
- Lvova-Belova proposed to reduce the speed of electric scooters for children – Text: electronic – URL: <https://ria.ru/20221114/elektrosamokat-1831328754.html> (accessed: 04/19/2023).
- On the State registration of vehicles in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 283-FZ of 03.08.2018 // *SZ RF*. 2018. No. 32 (Part I). Article 5076.
- WE hereby command: the issue of registration of electric scooters is being considered – Text: electronic – URL: <https://iz.ru/1504568/kiroll-sazonov-roman-soldatov/sim-povelevaem-rassmatrivaetsia-vopros-registracii-elektrosamokatov> (accessed: 04/19/2023).
- Modzhina N.V. Legal nihilism and legal consciousness of Russians / N.V. Modzhina // *Bulletin of Bashkir University*. 2010. Vol. 15. No. 2. pp. 455–459.
- Mission accomplished: The Movement of Young Traffic Inspectors celebrates its 50th anniversary – Text: electronic – URL: <https://iz.ru/1479112/kiroll-sazonov/missiia-vypolnima> (date of application: 04/20/2023).
- Schoolchildren began to be taught how to drive electric scooters – Text: electronic – URL: <https://rg.ru/2022/10/26/reg-cfo/gonki-po-pravilam.html> (accessed: 04/20/2023).
- The Ministry of Transport proposed to include electric scooter riding training in the school course – Text: electronic – URL: <https://www.gazeta.ru/auto/news/2023/04/07/20161423.shtml> (date of application: 04/20/2023).
- Traffic accidents: causes, consequences, prevention – Text: electronic – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dorozhno-transportnye-proisshestviya-prichiny-sledstviya-profilaktika> (accessed: 04/20/2023).
- Bagutsky N.V. On the issue of the legal status of individual mobility aids and bicycles / N.V. Bagutsky, Yu.V. Dadaeva // *Epomen. Global*. 2022. No. 28. pp. 114–126.
- The Supreme Court of the Russian Federation allowed electric scooters to be attributed to vehicles – Text: electronic – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20220330/307839964.html (date of appeal: 21.04.2023).
- Civil Code of the Russian Federation Part 2 (Civil Code of the Russian Federation Part 2): Federal Law No. 14-FZ of 26.01.1996 // *SZ RF*. 1996. No. 5. St. 410.
- The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 13.06.1996 // *SZ RF*. 1996. No. 25. St. 2954.
- Electric cars and scooters from 2020 will be able to ride with the roar of "KAMAZ" – Text: electronic – URL: <https://ria.ru/20190705/1556226025.html> (date of appeal: 04/21/2023).
- Shatskikh E.V. Reduction of traffic accidents involving pedestrians / E.V. Shatskikh, A.V. Volodin // *Technique and technology of transport*. – 2020. – № 1(16). Pp. 1–5.
- Vislogubova O.I. International experience of public administration in the field of control over movement on electric scooters // *Humanities, socio-economic and social sciences*. – 2022. No. 6. – pp. 81–84.
- Why do they prohibit the rental of electric scooters in Paris – Text: electronic – URL: <https://rg.ru/2023/04/03/seli-batarejki.html> (accessed: 04/21/2023).
- Senator Klishas proposed a ban on electric scooters in cities, excluding parks – Text: electronic – URL: <https://rg.ru/2023/05/03/senator-klisshas-predlozhit-zapret-na-elektrosamokaty-v-gorodah-iskliuchaia-parki.html> (accessed: 04/21/2023).

Евсеева Екатерина Владимировна,

аспирант факультета подготовки научных кадров, ФГКОУ
ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
помощник Чертановского межрайонного прокурора г. Москвы
E-mail: mev-14@mail.ru

Институт мер уголовно-правового характера, введенный в отечественный Уголовный Кодекс Российской Федерации, прочно прижился в нём и сегодня активно применяется на практике. Безусловно, для его эффективной реализации необходима не только должная законодательная проработка, но и обеспечение комплекса мероприятий, направленных на исполнение мер уголовно-правового характера. В рамках данной статьи рассматривается проблема отсутствия определения понятия иных мер уголовного-правового характера, проводится анализ имеющихся научных подходов. Для определения уголовно-правовых мер, рассматривается их сущность, а также изучаются вопросы правоприменения. Обосновывается целесообразность введения такого института в Уголовный Кодекс Российской Федерации. Анализируется степень влияния данных мер на процесс исправления обвиняемых и осужденных. Вносятся предложения по реформированию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера, Уголовный кодекс Российской Федерации, уголовно-исполнительное право.

Отечественное уголовное и уголовно-исполнительное право в современной его формации, со времени своего возникновения претерпело значительные изменения. Это связано как с объективными социально-экономическими процессами, так и выполнением взятых на себя международных обязательств. Несмотря на это, оно основывается на фундаментальных положениях Конституции РФ, которая провозглашает гуманное отношение к человеку. Когда суд понимает, что исправление осужденного возможно без назначения ему наказания, применяются другие, более мягкие, инструменты воздействия. Так, в уголовном законодательстве появился институт иных мер уголовно-правового характера.

Интересно рассмотреть вопрос о правовой природе этих мер. Согласимся с Н.А. Крайновой [1, с. 34–43], что, по сути, с некоторой долей условности эти меры можно назвать мерами безопасности. Они носят не карательный характер, а лечебный, воспитательный, защитный и другой. Назначаются не только по приговору суда, но и на основании иного решения и могут быть применены к лицам, не признанным виновными в совершении преступления, но в отношении которых факт его совершения судом установлен (например, психически больными, являющимися невменяемыми, не подлежащими в силу этого уголовной ответственности).

Не всегда к лицам, совершившим преступления, целесообразно применять уголовные наказания. В некоторых случаях основной цели – исправления таких лиц, можно достичь с помощью мер уголовно-правового характера. В научной среде существует дискуссия относительно содержания понятия и правовой природы мер уголовно-правового характера. Эта дискуссия была вызвана, в том числе отсутствием законодательного определения понятия «мера уголовно-правового характера». Так одни авторы полагают, что к иным мерами уголовно-правового характера необходимо отнести лишь условное осуждение, условно-досрочное освобождение и отсрочку отбывания наказания, другие считают, к ним относятся исключительно принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия, а третьи указывают, что – это только те меры, которые определены уголовным законом [2, с. 73–77]. На наш взгляд, эти меры представляют собой прежде всего инструменты воздействия на обвиняемого или осужденного, направленные на его исправление без назначения реального наказания. В то же время эти меры могут применяться только к отдельным категориям лиц и не будут являться разновидностью уголовного наказания, что следу-

ет даже из их лингвистической конструкции, места и роли в уголовном законе.

Рассмотрим более подробно каждую из выделяемых в науке иных мер уголовно-правового характера и правовые последствия их неисполнения.

1. Принудительные меры медицинского характера (п. «а», «б», ч. 1 ст. 97 УК РФ).

Меры медицинского характера являются принудительными и применяются к лицам, независимо от их волеизъявления, либо от волеизъявления их родственников. Отличительной особенностью данных мер является то, что они применяются исключительно судом и ограничивают конституционные права граждан. Следует также отметить, что применение принудительных мер медицинского характера связано с тем, что лица могут причинить вред либо себе, либо окружающим лицам, либо причинить какой-то иной существенный вред охраняемым законом интересам общества и государства. При применении к лицу принудительных мер медицинского характера, по причине того, что оно может причинить вред себе либо иным лицам и окружающей обстановке, суд учитывает все обстоятельства уголовного дела и обстоятельства совершённого преступления, данные о личности, совершившей запрещённое законом общественно-опасное деяние. Стоит отметить, что в настоящее время существуют серьёзные пробелы в законодательстве, касающиеся регулирования случаев уклонения от исполнения таких мер. Нуждается в доработке механизм регулирования ситуации, когда лицо покидает пределы медицинского учреждения, в котором оно принудительно находилось на лечении. Дело в том, что такие лица могут представлять опасность для общества в силу наличия у них различных заболеваний, влияющих на их поведение.

2. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК РФ).

Данная мера уголовно-правового характера направлена на укрепление института семьи, имеет гуманный по отношению к осужденной характер, по своей правовой природе должна способствовать исправлению осужденной более мягким способом. Однако, не все осужденные добросовестно соблюдают ограничения, наложенные на них данной мерой уголовно-правового характера и тем самым вынуждают суд отменить отсрочку и назначить реальное лишение свободы. На наш взгляд, уголовное законодательство в этой части также нуждается в корректировке. Так, целесообразно ужесточить ответственность за совершённое преступление при условии неисполнения данной меры уголовно-правового характера. Например, возможно увеличение срока отбывания наказания или условий его отбывания. Это положение обусловлено осознанным выбором лица, уже осужденного за противоправное преступное деяние, вновь нарушить закон, таким образом, игнорируя законные интересы общества и государства. Тем не менее, руководящие принципы гуманности и сораз-

мерности назначаемого наказания, на наш взгляд, не должны уходить из поля зрения как законодателей, так и правоприменителей.

3. Условное осуждение (ст. 73 УК РФ). Институт условного осуждения в российском уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве получил достаточно подробную правовую регламентацию и весьма распространен на практике. Этому способствует целый ряд факторов: во-первых, условное осуждение возможно отменить и назначить реальное наказание, что удерживает осужденных лиц от нарушений запретов, установленных условным осуждением, во-вторых, институт условного осуждения применяется не ко всем осужденным, а только к тем лицам, кто по мнению суда, не представляет собой общественной опасности и его исправление может быть достигнуто без назначения реального наказания. Условное осуждение может быть отменено при наличии определенных оснований, которые могут возникнуть на двух этапах:

Первый этап связан с обычным (простым) уклонением от исполнения обязанностей, который признается в случае:

- уклонения от возмещения вреда, причинённого преступлением;
- совершения нарушения общественного порядка, за которое лицо привлекается к административной ответственности.

В этом случае судья может принять решение о продлении испытательного срока, но не более, чем на год.

Второй этап связан с систематическим или злостным неисполнением этих обязанностей.

В случае систематического нарушения обязанностей, наложенных условным осуждением, наказание, назначенное условно, заменяется реальным. Безусловно, некоторые осужденные злоупотребляют гуманным отношением к ним со стороны государства, что приводит к отмене условного осуждения и назначении реального наказания. На наш взгляд, это возможно, если лицо уже встало на криминальный путь, у него сформировались чёткие антисоциальные установки. Конечно, в таком случае важен фактор превентивной работы. Грамотная государственная политика в области профилактики повторных правонарушений и повышению общей правовой осознанности граждан будет способствовать недопущению криминализации данной категории осужденных.

4. Принудительные меры воспитательного воздействия (ч. 2, ст. 90, ст. 92 УК РФ). Раскроем более подробно каждую из форм принудительных мер воспитательного воздействия.

В законодательстве содержится пояснение сущности такой формы, как предупреждение. Закон гласит, что предупреждение представляет собой разъяснение общественного вреда, причинённого преступлением, а также правовых последствий совершения таких деяний в будущем.

Достижение целей наказания происходит посредством оказания психологического воздей-

ствия на несовершеннолетнего, который уведомляется о негативных морально-этических и правовых аспектах своего деяния, приводятся негативные примеры, иллюстрирующие неблагоприятные последствия для его сверстников, совершивших преступление. В случае неисполнения предупреждения лицо подвергается более строгим мерам воспитательного воздействия, а в дальнейшем может подвергнуться реальному наказанию.

Безусловно, очень важным является учёт личностных характеристик несовершеннолетнего осужденного. Для действенного эффекта важно «не перегнуть палку», поскольку в таком случае существует реальный риск криминализации несовершеннолетнего преступника и в дальнейшем совершение им более тяжких преступлений уже в составе организованной группы. Согласимся с мнением отдельных исследователей о целесообразности применения подобной меры только к несовершеннолетним лицам, которые совершили небольшой или средней тяжести преступные деяния впервые.

Ещё одной мерой является передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, а также специализированного государственного органа. В таком случае на указанных субъектов возлагается контроль над досугом несовершеннолетнего, устанавливаются особые требования к его времяпрепровождению и воспитанию. В том случае, если суд решил применить такую разновидность принудительных мер воспитательного воздействия, анализу подлежат как условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, так и характеристика родителей или законных представителей несовершеннолетнего. Стоит отметить, что в законодательстве не предусмотрена ответственность для родителей за ненадлежащее исполнение данной меры уголовно-правового характера. Не проработан законодательно и механизм контроля, позволяющий своевременно скорректировать ситуацию. Применение данной меры является спорным и часто она не оказывается эффективной. Согласимся с позицией ученых относительно того, что, если данная мера применяется, то более эффективной будет её реализация в форме передачи под надзор специальному органу, чем родителям.

5. Конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ). Поскольку данная мера не является уголовным наказанием, конфискация имущества не привязана к определённой статье УК РФ, не закреплена в санкции Особенной части УК РФ, но связана с тем имуществом, которое подлежит конфискации (так, конфискации подлежит имущество, использовавшееся в совершении преступления или добытое преступным путём) и способами получения этого имущества виновным. В настоящее время постоянно расширяется перечень преступлений, за совершение которых предусмотрена конфискация имущества на основании обвинительного приговора. Так, например, законодательством предусмотрена конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому за совершение ряда

преступлений. Институт конфискации имущества, существовавший в советском уголовном праве, был преобразован из меры наказания в меру уголовно-правового характера, что, на наш взгляд, более соответствует современным реалиям. Считаем, что данный институт является достаточно эффективным и его реализация позволяет достичь цели исправления осужденного, ведь таким образом достигается превентивная цель – лицо знает, что имущество, добытое преступным путём, или использовавшееся как орудие преступления, может быть конфисковано.

6. Судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ). Судебный штраф – это принудительное взыскание в пользу государства денежных средств обвиняемого. При этом, наказанием судебный штраф также не является. Законодательством не установлен срок уплаты судебного штрафа, и суд определяет его самостоятельно. Однако, исходя из нормы закона, он не должен превышать срок давности, установленный для соответствующей категории преступлений. В случае неисполнения данной уголовно-правовой меры, привлечь лицо к уголовной ответственности будет невозможно. Ориентиром для установления срока судебного штрафа может служить срок уплаты штрафа как наказания, который в законе вполне чётко определён. Уголовное законодательство отводит на это 30-дневный срок. Исходя из положений целесообразности и необходимости устранения противоречий в правоприменительной практике, следует регламентировать сроки уплаты судебного штрафа. Согласимся с Л.А. Абашиной и Г.Л. Минаковым [3, с. 266–274], в том, что исходя из реалий практики и основываясь на базовых принципах гуманизма и социальной справедливости, целесообразно установление срока уплаты от десяти дней до шести месяцев.

Таким образом, рассмотренные меры уголовно-правового характера по своей правовой природе должны способствовать исправлению осужденных без назначения им наказания и, тем более, изоляции от общества. Однако, не всегда осужденные по достоинству оценивают гуманное отношение к ним и не исполняют данные меры. Эффективная их реализация, на наш взгляд, возможна через внесение точечных изменений в законодательство.

Литература

1. Крайнова Н.А. Ресоциализация осужденных в условиях постиндустриального (информационного) общества: от идеи до воплощения / Н.А. Крайнова. – Текст: непосредственный // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16 (1–4), № 1. – С. 34–43
2. Карпов, В.С. Судебный штраф – иная мера уголовно-правового характера или «особый» вид наказания? / В.С. Карпов, Д.В. Синьков //

Российский юридический журнал. – 2018. – № 4(121). – С. 73–77

3. Абашина Л.А. Судебный штраф – новая иная мера уголовно-правового характера / Л.А. Абашина, Г.Л. Минаков. – Текст: непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 266–274
4. Головастова, Ю.А. К вопросу об исполнении иных мер уголовно-правового характера / Ю.А. Головастова. – Текст: непосредственный // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14 (1–4). — № 2. – С. 130–139
5. Завьялов, Д.А. Иные меры уголовно-правового характера в уголовном праве России / Д.А. Завьялов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 46 (388). – С. 164–166
6. Медведев, Е.В. Функциональные и содержательные различия наказания и иных мер уголовно-правового характера / Е.В. Медведев. – Текст: непосредственный // Адвокатская практика. – 2021. – № 4. – С. 45–50
7. Павлова, А. А. О понятии и признаках иных мер уголовно-правового характера как правовых последствий запрещенного законом деяния / А.А. Павлова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 6.1 (65.1). – С. 33–34
8. Перменев, Р.О. Правовая природа условно-досрочного освобождения отбывания наказания / Р.О. Перменев. – Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. – 2018. – № 4 (6). – С. 42–44
9. Потехин, С.В. Основания условно-досрочного освобождения от наказания по УК РФ / С.В. Потехин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 41 (227). – С. 60–63

LEGAL CONSEQUENCES OF FAILURE TO COMPLY WITH CRIMINAL LAW MEASURES

Evseeva E.V.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The institution of measures of a criminal law nature, introduced into the domestic Criminal Code of the Russian Federation, has taken root in it and is actively used in practice today. Of course, for its effective implementation, it is necessary not only to properly develop legislation, but also to provide a set of measures aimed at the implementation of criminal law measures. Within the framework of this article, the problem of the lack of a definition of the concept of other measures of a criminal law nature is considered, and an analysis of the available scientific approaches is carried out. To determine criminal law measures, their essence is considered, and law enforcement issues are also studied. The expediency of introducing such an institution into the Criminal Code of the Russian Federation is substantiated. The degree of influence of these measures on the process of correction of the accused and convicted is analyzed. Proposals are made to reform legislation in this area.

Key words: measures of a criminal law nature, the Criminal Code of the Russian Federation, penitentiary law.

References

1. Krainova N.A. Resocialization of convicts in a post-industrial (information) society: from idea to implementation / N.A. Krainova. – Text: direct // Criminal executive law. – 2021. – Т. 16 (1–4), No. 1. – S.34–43
2. Karpov, V.S. Judicial fine – another measure of a criminal law nature or a “special” type of punishment? / V.S. Karpov, D.V. Sinkov // Russian Journal of Law. – 2018. – No. 4 (121). – pp. 73–77
3. Abashina L.A. Judicial fine – a new measure of a criminal law nature / L.A. Abashina, G.L. Minakov. – Text: direct // All-Russian journal of criminology. – 2018. – V.12, No. 2. – S. 266–274
4. Golovastova Yu.A. On the issue of the execution of other measures of a criminal law nature / Yu.A. Golovastov. – Text: direct // Criminal executive law. – 2018. – V.14 (1–4). — No. 2. – P. 130–139
5. Zavyalov, D.A. Other measures of a criminal law nature in the criminal law of Russia / D.A. Zavyalov. – Text: direct // Young scientist. – 2021. – No. 46 (388). – pp. 164–166
6. Medvedev, E.V. Functional and meaningful differences in punishment and other measures of criminal law / E.V. Medvedev. – Text: direct // Advocate practice. – 2021. – No. 4. – P. 45–50
7. Pavlova, A.A. On the concept and signs of other measures of a criminal law nature as legal consequences of an act prohibited by law / A.A. Pavlova. – Text: direct // Young scientist. – 2014. – No. 6.1 (65.1). – pp. 33–34
8. Permenev, R.O. Legal nature of parole from serving a sentence / R.O. Permenev. – Text: direct // New legal bulletin. – 2018. – No. 4 (6). – pp. 42–44
9. Potekhin, S.V. Grounds for parole from punishment under the Criminal Code of the Russian Federation / S.V. Potekhin. – Text: direct // Young scientist. – 2018. – No. 41 (227). – pp. 60–63

Основные криминологические признаки бизнеса организованной преступности в современной России

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ.
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

кандидат юридических наук, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права УрГЮУ, член Российской криминологической ассоциации, прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области, вице-президент Российской криминологической ассоциации
E-mail: tp0507@ya.ru

Глушкова Елена Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, нотариус г. Екатеринбурга
E-mail: elena.zatsepina@mail.ru

Современный период нашего общества демонстрирует динамичное развитие экономических, политических, социальных процессов и конфликтов, ускоряет поиск на основе объективного анализа общественных отношений – осмысления и переосмысления многих явлений жизни и, их наиболее опасным порождением, преступностью и поиском путей борьбы с ней. Формирует задачи перед криминологией, уголовно-правовой и криминалистической науками для выработки мер по ее предупреждению. Для разработки научных проблем в целях рекомендаций практикам, особую роль представляет изучение истории данной проблемы. Исторический путь научного изучения преступности как явления в закономерной исторической связи, осознания проблемы побуждает констатировать, что преступность есть и присуща любой социально-экономической и политической системе, и в каждой из них есть «вечные» и «общие», «свои» причины в конкретной исторической и политической реалии. Исходя из этих умозаключений, авторы статьи попытались провести исследование указанной проблемы.[1; 11].

Ключевые слова: организованная преступность, бизнес, политические реалии, уголовная статистика, структура общества.

Проводя исследование преступности на основе соответствующих статистических материалов официальной уголовной статистики, несмотря на серьезные недостатки, снижающие их достоверность, дали возможность проанализировать состояние преступности и установить прямую обусловленность социальной и экономической структурой общества. Более того, криминологический анализ уголовно-статистических источников показывает, что на этапе начального накопления капитала в 70–80-х годах организованная преступность, которая далее стала потомком не контролируемой номенклатурой бюрократии «застойного» периода, начинала шире охватывать наиболее «ликвидные» сферы экономики. А разрушение хозяйственных связей и потребительского рынка, слабо урегулированный переход к свободным, не регулируемым рыночным отношениям еще больше способствовали безопаснее функционировать преступным группировкам. В начале 90-х годов стали распространяться преступные формирования «бандитско-рэкетирского» типа, они имели высокий уровень преступного профессионализма с инстинктивным желанием повысить свой интеллект. Сейчас организованные группировки вооружены не только современным «оружием», придерживаются строгой дисциплины и «совершенствуют» киберпреступления. [13]

Процесс приватизации государственного имущества, коммерциализации банковской деятельности, либерализации внешнеэкономической деятельности, приводит уже к доброкачественному генезису организованных преступных группировок. Первые роли начинают выполнять уже не бывшие номенклатурные деятели, а лидеры «бандитско-рэкетирских» группировок – новая формация высокоинтеллектуальных лиц с определенным опытом «практической» работы. В этот период законспирированная («беловоротничковая») организованная преступность владеет новыми «инструментами» для получения «грязных» денег и формирует новую для нашего государства идеологию, строит свою субкультуру, которая оправдывает преступность, а борьба за приватизацию прибыльных предприятий выходит за пределы противоречий и социальных подходов. Один из которых – тесно связан с прослойкой лиц (заинтересованных латентных групп), которые пытаются провести это процесс в свою пользу, и другой – проведение упомянутого процесса путем реформ, учитывая социальные интересы, у той, кто будет контролировать работу указанных предприятий и отраслей народного хозяйства, будет контролировать экономиче-

скую, социальную, и даже политическую составляющую в государстве.[9]

К общим проблемам бизнеса организованной преступности, причинной обусловленности и закономерности выступают экономические противоречия и материальные недостатки, влекущие за собой конфликты, непримиримость и противоречия. Преступность как социальное явление в процессе своей эволюции прошла путь рациональной реорганизации в международном масштабе и имеет тенденцию к созданию своих структур в направлении, аналогичном структурам крупных корпораций с соответствующим разделением труда, направленным на максимальное извлечение прибыли и уменьшение при этом риска. Основным отличием современных структур «организованной преступности от законных корпораций, компаний обычных предприятий, является то, что в преступных организациях существует «аппарат принуждения». Для современных условий развития нашего государства в период реформирования экономики из-за международных санкций для бизнес организованной преступности характерными становятся изменяющиеся существовавшие ранее признаки:

- наличие организационно-управленческих структур с выполнением руководящих и идеологических функций в организационных преступных формированиях;
- политизация организованной преступности, активное распространение преступной идеологии, в том числе путем завладения средствами массовой информации;
- наличие в различных государственных органах «коридоров безопасности» и «крыш прикрытия», их использование с целью недопущения разоблачения преступных деяний, а также для нейтрализации определенных действий со стороны правоохранительных органов;
- монополизм, масштабность и тенденции к расширению сфер преступной деятельности;
- кооперирование с различными преступными формированиями с международным преступным криминалитетом;
- контроль за профессиональной противозаконной деятельностью любого направления – наркотики, оружие.[15]

Средства воздействия на объект бизнеса организованной преступности и результаты бизнеса организованной преступности делятся на тактические и стратегические. О тактических результатах (достижения сверхприбыли, уничтожение конкурента) беспокоятся сами организованные преступные бизнес-группировки. С точки зрения соблюдения исторически сложившихся норм поведения в среде представителей элитной верхушки криминалитета как в России, та и в ближнем зарубежье не было согласия. Всегда существовали сторонники ортодоксальных традиций и реформаторы, нередко вспыхивали кровавые конфликты «за идею». Этому – яркий пример «сучьи войны», толчком к которой было противостояние «идейных воров», которые нив коем случае не соглаша-

лись в период Великой Отечественной войны взять в руки винтовку символ государственной власти, и большого количества мелких преступников, которые принимали участие в боевых действиях на стороне СССР, повстанческой армии, в подразделениях СС и УПА период «сучьи войны» последние объединились в борьбе с «блатными», которыми руководили «воры в законе» и «блатные авторитеты». Этот конфликт угас только в середине 50-х годов прошлого века по причине значительного уменьшения количества как, «блатных», так и их противников, и стал самым кровавым примером противостояния преступных кланов на территории бывшего СССР. В 60-е годы в бывшем СССР прозвучали первые скандальные и судебные процессы над лицами, совершившими преступления в сфере экономики – и «теневиками», приговоры были демонстративно жестокими. Первые задатки «подпольного производства» по пошиву модной одежды, джинсов, грампластинок с джазовыми записями и т.д. Натолкнули предпринимателей преступного мира на идею взять под свой контроль эту деятельность, и находится вне закона. Между тем, норма поведения уголовного закона «не иметь контактов с властью» препятствовала реализации перспективных планов, потому что руководители «теневых предприятий» были одновременно руководителями легальных государственных учреждений, то есть – субъектом государственного механизма.[12]

Возрождение организованных преступных группировок в России началось в период, когда СССР стал переходить на «рельсы» рыночной экономики, созданные группировки активно занялись рэкетом кооперативов, которые начали разворачивать свою деятельность после «Закона о кооперации» 1988 года. Первые зафиксированные факты запугивания кооперативов с требованиями выплачивать часть доходов преступным группировкам в 80-х годах были спонтанными, часто приводили к вооруженным конфликтам между преступными группами, криминальным элементом и кооператорами. Впоследствии ситуация стала сглаживаться путем двусторонних договоров. Кооператоры стали платить дань за то, чтобы преступные структуры защищали их от «наездов» посторонних группировок или преступников из других регионов. Как результат, к концу 80-х было зафиксировано несколько сотен случаев вымогательства с угрозой убийства или телесных повреждений, но в правоохранительные органы поступило намного меньше заявлений от владельцев кооперативов. Конфликты между преступными структурами, нередко вооруженные, возникали по нескольким причинам – перераспределения территории влияния, распределение сфер преступного контроля, недоразумения между преступными группировками, сформированными на этнической основе; конфликты старшего поколения с молодым за власть. Если в 60–80-х годах конфликты чаще вспыхивали из-за противоречий между «старыми» лидерами, тогда как в последующий период вторжения их уже в сферу

политики, крупного международного бизнеса, сотрудничества с коррумпированными чиновниками, работниками правоохранительных органов, а в настоящее время происходит передел собственности между «буржуазией».[2]

Смена ориентиров в деятельности организованных преступных группировок второй половины 80-х и 90-х гг. происходила относительно безболезненно, без регулярного вооруженного противостояния между группировками разного национального происхождения. Исключением является, где конфликты между криминальными структурами имеют как экономический, так и политический оттенок. Если в недалеком прошлом организованные преступные группы и союзы в основном придерживались традиционных видов противоправного промысла (осуществление серийных преступлений, незаконные операции с наркотиками, карточные и другие виды мошенничества, эксплуатация проституции и т.п.), то в современный период организованная преступность существенно перестроилась. Многие из них имеют межрегиональные связи с себе подобными преступными формированиями в ближнем и дальнем зарубежье. В их деятельности наблюдается тенденция распределения сфер криминального влияния на международном уровне. «Борьба с «внутренними оборотнями»: «чистки» чиновничества в современной России» аналитики отметили, что после смерти Сталина в 1953 году преследования среди чиновничьего аппарата стали единичными. Но примерно к 2010-му году все изменилось. Если в период с 1995 по 2010 год появились на свет только 15 уголовных дел представителей федеральной элиты, то в 2012 году 16 госслужащих высокого ранга попали под раздачу. А 2016 год вообще стал самым массовым на преследования крупных чиновников и парламентариев – тогда было возбуждено 40 уголовных дел.

В настоящее время организованные преступные группировки имеют четко сформированную структуру, они оснащены современными видами оружия и техники, их деятельность ориентирована на противоправное перераспределение прибыли предпринимательских и коммерческих структур путем вымогательства, грабежей и разбоев, установление контроля над теневым бизнесом, проникновение в легальные сферы экономической деятельности, кредитно-банковскую систему, установления коррумпированных связей в органах власти и управления.[13]

Усиление исходящей для них опасности и профессионализма организованной преступной деятельности выражается также в том, что ее участники все больше ориентируются на осуществление квалифицированных преступлений, которые обещают максимальную наживу. При этом они демонстрируют особую жестокость, агрессивность, изящество в обеспечении достижения своей преступной цели. Продолжается взаимосвязанный процесс распределения территорий между организованными преступными формированиями, их специализации на определенных видах преступ-

ной деятельности, укрупнение существующих преступных организаций. Криминалитет продолжает распространять свое влияние практически на все сферы общественной жизни. Он становится более организованным, дерзким, хорошо вооруженным, гибким и приспосабливается к новым условиям. Недопустимо то, что «мафиозно-преступные» формирования пытаются диктовать свои правила игры не только рядовому гражданину, но и органам власти, управления и правоохранителям. Размеры и масштабы Российской организованной бизнес преступности, криминогенная ситуация в государстве в последние годы характеризуется наличием крайне негативной и достаточно устойчивой тенденцией изменений и структуры преступности, вызванной усилением ее организованности.

Действующий УК (с изменениями и дополнениями) позволяет сделать вывод, что и сегодня принимают изменения и дополнения без опоры на подлинную глубокую научную концепцию «уголовный закон и преступность», в том понимании в каком она сложилась, не только социальное, но и социально-правовое явление, не прошедшие квалифицированной криминологической экспертизы. [6]

Еще более высокие показатели динамики преступлений, совершенных организованными преступными бизнес-группами. Ежегодный прирост этого показателя, а в целом количество преступлений данной категории увеличивалось в несколько раз. Динамика зарегистрированного числа наиболее распространенных сопоставимых общеуголовных преступлений в России. Статистические данные указывают на тенденцию количественного роста организованной бизнес-преступности и ее качественные структурные изменения. По оценкам аналитиков, в стране сегодня действует около десяти тысяч таких сообществ.[4]

За последние годы отмечается рост количества выявленных заказных убийств бизнесменов, а также проявлений рейдерства, совершенные с особой жестокостью, нередко способом, опасным для жизни людей. Еще более быстрая динамика роста противоправных актов, совершенных правонарушителями, занимающихся рейдерством. Наибольшую опасность для общества составляют организованные преступные синдикаты, составляют разветвленную систему легальных, полULEгальных и нелегальных бизнес-структур, действующих в различных сферах экономики, имеют соответствующие информационно-разведывательные и силовые структуры (боевиков), систему прикрытия в органах власти и средствах массовой информации. Создание криминального сообщества или руководство им, а также участие в нем (ст. 210 УК РФ не отражает и слабо работает).[7]

Криминальные группировки, как показывают научные исследования и оперативные материалы правоохранительных органов, глубоко «эшелонированные», тщательно замаскированные и преимущественно прикрыты коррумпированными представителями государственных структур. Некото-

рые из них, в первую очередь те, которые имеют тесные региональные, международные связи, взяли под свой контроль рынки сбыта наркотиков, их транзит через ближнее зарубежье, торговлю похищенным за рубежом и в стране автотранспортом, а также оружием, женщинами и детьми. Они контролируют потоки мигрантов, каналы их «переправки» в страны Западной Европы и США, значительную часть контрабандных операций.[5]

Социально-политические изменения, которые произошли в течение последних десятилетий, в частности в странах СНГ, в том числе в России, непосредственно влияют международной организованной преступности. Реализуется стремление зарубежных преступных формирований (кстати, не только государств СНГ, но и стран Европы и Азии) к расширению своих сфер влияния за счет проникновения в Россию. Активно налаживаются связи между преступными группировками России и других стран. Серьезную угрозу представляют преступные группировки, сформированные по национальным и этническим признакам, иностранного происхождения, что в последнее время проникло в Россию. Происходит четкий процесс организационного оформления преступности как на национальном, так и на транснациональном уровнях. Растет активность криминалитета, количество совершенных преступлений, их жестокость и дерзость.[17]

Организованная преступность все больше втягивает в орбиту своего влияния молодежь, особенно ту ее часть, которая испытывает трудности в обучении или трудоустройстве и тех, кто стремится быстрого обогащения. Организационно это влияние осуществляется через создание многочисленных спортивных клубов (прежде атлетических, боксерских, боев без правил и т.п.), дискотек и др. На этой основе вербуются боевики, торговцы наркотиками, лица для занятия проституцией. Кроме того, таким образом создается благоприятная среда для распространения фейковых новостей.[10]

Значительных масштабов достигла криминализация и «тенизация» экономики за последние годы. Доля теневого сектора в суммарном объеме внутреннего валового продукта составляла, по отдельным оценкам отечественных экспертов значительную часть валового национального продукта.[16]

Растут уровень и масштабы криминализации экономической сферы России в целом. Криминалитет стремится взять под свой контроль ее наиболее приоритетные направления: кредитно-финансовую, в частности банковскую, инвестиционную сферы, систему энергообеспечения, приватизацию, внешнеэкономической деятельности, топливно-энергетический и агропромышленный комплексы.[13]

Только за последние пять лет общее количество преступлений, выявленных в экономической сфере, увеличилось. Организованная экономическая преступность в России приобретает признаки международной и распространяет свое влияние

на финансово-кредитную и банковскую системы, сферу внешнеэкономической деятельности вывоз стратегической и других видов сырья, продукции химической промышленности, материалов, «отмывание» денег и вложения их в недвижимость, финансирование коммерческой деятельности, ценные бумаги, валюту, драгоценности.[3]

Организованные преступные формирования умело используют либерализацию внешнеэкономических связей, значительное ослабление контрольных функций государства в этой сфере, масштабность криминализации внешней торговли. Стремительно криминализируются коммерческие структуры, которые поставляют и реализуют в России импортные товары. Стоимость внешнеторговых операций составляет миллиарды долларов, как в, взаиморасчетов внутри страны, так и в системе международных торговых отношений, стал питательной средой для организованной бизнес-преступности. Прибыли, которые получают преступные группировки в сфере внешнеэкономической деятельности, является одним из важных источников усиления финансовой мощи теневых структур и организованной преступности в России.[8]

Источником, питающим теневую преступность, является также и контрабанда. Нарушение таможенных пошлин, подавляющее большинство задержанной контрабанды составляют такие подакцизные товары, как спирт, табачные изделия, а также цветные металлы, медикаменты, сельскохозяйственная продукция, наркотические средства.[4]

Усилились процессы вывод денег, полученных преступным путем в офшоры, и с целью их вложения в легальную экономику, а также в, становление контроля со стороны криминальных структур под коммерческими предприятиями. Члены организованных преступных групп, для достижения своей цели активно используют коррумпированные связи в органах государственной власти. Особое внимание бизнес-преступники уделяют приватизации высокорентабельных, общественно значимых предприятий. По оперативным данным в исследованиях криминологов, отдельные организованные преступные формирования с региональными и международными связями присвоили крупные предприятия во время денежной приватизации. Параллельно создается сеть уголовно ориентированных, фиктивных фирм и организаций, которые различными методами деформируют приватизационный рынок в своих корыстных целях, а для достижения указанной цели преступники активно используют бесконтрольность, бессистемность процесса изменения форм собственности, его законодательно-нормативной не «урегулированности», «пробельности» в законодательстве.[9]

Существующая организованная бизнес-преступность не дает возможности реального управления экономикой и в настоящее время, поскольку немалая часть экономической деятельности имеет неофициальный характер, не под-

падает под действие государственно-правовых регуляторов, является базисной основой бизнес-преступности. В социально-политической сфере организованные преступные бизнес-группировки действуют в определенных направлениях, таких как – установление коррумпированных связей на всех уровнях государственной власти и управления, в правоохранительных, таможенных и налоговых органах с целью получения необходимой информации, прикрытия преступной деятельности, обеспечения консультативной помощи специалистами в области экономики, права и т.д. Этому способствует установление прямых или опосредованных контактов с политическими партиями, формированиями политических партий, которые находятся под тайным контролем организованной преступности, для защиты их экономических интересов на всех уровнях власти (проведение своих кандидатов в депутаты всех уровней, а также в органы исполнительной власти). Не чужды им и «старые формы и методы» – запугивание или дискредитация политиков, занимающих жесткую позицию в отношении экономических интересов организованной бизнес-преступности или выступают за активную борьбу с ней, дестабилизация социально-политической ситуации в отдельных регионах, где может состоять угрожающая интересам организованной преступности ситуация.

Литература

1. В Росимуществе выявили хищения на 230 млн рубл. Право ру// <https://pravo.ru/news/202227>;
2. Важные для бизнеса позиции экономколлегии на начало 2022 года. 14.06.2022. Право ру//parvo.ru/240679/.
3. Дробление бизнеса: главные ошибки и проблемы. 22.06.2021. Право ру//<https://parvo.ru/story/232349/>.
4. За что чаще всего отправляли в колонию в первом полугодии 2021-го. Инфографика. 19.10.2021. Право ру//<https://pravo.ru/news/235881/>.
5. Изменения в УК по экономическим составам: что будет. 06.08.2022.//Право ру//parvo.ru/story/242449/.
6. Какую компенсацию можно получить за ложное обвинение. 26.07.2022. Право ру//<https://parvo.ru/story/241394/>.
7. Коммерческая организация как преступное сообщество или как следователи давят на бизнес. 07.06.2018. Право ру//<https://300.pravo.ru/news/201620/>.
8. Налоговое полугодие: новеллы и главные решения. 04.08.2022. Право ру//parvo.ru/story/242106/.
9. Ответственность бенефициаров бизнеса и членов их семей: обзор практики. 25.04.2022. Право ру//<https://parvo.ru/story/240435/>.
10. Почему борьба с коррупцией в России важна для всего мира. 24.05.2022. Право ру//parvo.ru/240883/.

11. Росфинмониторинг обнаружил связь российских чиновников с операциями в оффшорах на миллиарды рублей. 25.04.2018. // www.business-gazeta.ru/print/380208
12. Слияние субсидиарной и уголовной ответственности: последствия повышения стандартов доказывания. 15.06.2022. Право ру//<https://parvo.ru/241246/>.
13. Статистика Верховного суда: главные цифры первого полугодия 2022 года. Право ру//parvo.ru/story/242484/.
14. У российских чиновников нашли десятки счетов за рубежом. 26.04.2022. Право ру//<https://newdaynews/757542/>.
15. ФСО: 78% бизнесменов не чувствуют правовой защищенности в России. 24.05.2021. Право ру//<https://parvo.ru/news/231929/>.
16. ЦБ раскрыл почти 150 финансовых пирамид с начала года. 29.07.2021. право ру//<https://parvo.ru/news/233598/>.
17. 114172 арестанта находятся в российских СИЗО. 24.08.2022. Право ру//parvo.ru/news/242559/.

MAIN CRIMINOLOGICAL SIGNS OF ORGANIZED CRIME BUSINESS IN MODERN RUSSIA

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.
USUE

The modern period of our society demonstrates the dynamic development of economic, political, social processes and conflicts, accelerates the search based on an objective analysis of social relations – understanding and rethinking many phenomena of life and, their most dangerous generation, crime and the search for ways to combat it. Forms tasks for criminology, criminal law and forensic sciences to develop measures to prevent it. For the development of scientific problems for the purposes of recommendations to practitioners, a special role is played by the study of the history of this problem. The historical path of the scientific study of crime as a phenomenon in a natural historical connection, awareness of the problem prompts us to state that crime exists and is inherent in any socio-economic and political system, and in each of them there are “eternal” and “general”, “own” causes in a particular historical and political reality. Based on these conclusions, the authors of the article tried to conduct a study of this problem. [1; 11]

Keywords: organized crime, business, political realities, criminal statistics, society structure.

References

1. Theft of 230 million rubles was revealed in the Federal Property Management Agency. Pravo ru// <https://pravo.ru/news/202227>;
2. Important for business positions of the Economic Board at the beginning of 2022. 06/14/2022. Right ru//parvo.ru/240679/.
3. Business fragmentation: main mistakes and problems. 06/22/2021. Right ru//<https://parvo.ru/story/232349/>.
4. For what they were most often sent to a colony in the first half of 2021. Infographics. 10/19/2021. Pravo ru//<https://pravo.ru/news/235881/>.
5. Changes in the Criminal Code on economic composition: what will happen. 08/06/2022.//Pravo ru//parvo.ru/story/242449/.
6. What compensation can be obtained for a false accusation. 07/26/2022. Right ru//<https://parvo.ru/story/241394/>.
7. A commercial organization as a criminal community or how investigators put pressure on business. 06/07/2018. Pravo ru// <https://300.pravo.ru/news/201620/>.
8. Tax half-year: novels and major decisions. 08/04/2022. Right ru//parvo.ru/story/242106/.
9. Responsibility of business beneficiaries and their families: a review of practice. 04/25/2022. Right ru//<https://parvo.ru/story/240435/>.

10. Why the fight against corruption in Russia is important for the whole world. May 24, 2022. Right ru//<https://parvo.ru/240883/>.
11. Rosfinmonitoring discovered the connection of Russian officials with offshore operations worth billions of rubles. 04/25/2018. // www.business-gazeta.ru/print/380208
12. Merging vicarious and criminal liability: consequences of raising the standards of proof. 06/15/2022. Right ru//<https://parvo.ru/241246/>.
13. Statistics of the Supreme Court: key figures for the first half of 2022. Right ru//parvo.ru/story/242484/.
14. Russian officials found dozens of accounts abroad. 04/26/2022. Right ru//<https://newdaynews/757542/>.
15. FSO: 78% of businessmen do not feel legally protected in Russia. 05/24/2021. Right ru//<https://parvo.ru/news/231929/>.
16. The Central Bank has opened almost 150 pyramid schemes since the beginning of the year. 07/29/2021. right ru//<https://parvo.ru/news/233598/>.
17. 114,172 prisoners are in Russian pre-trial detention centers. 08/24/2022. Right ru//parvo.ru/news/242559/.

К вопросу об отграничении гражданско-правовых деликтов от корыстных преступлений в сфере предпринимательской деятельности

Кострюков Алексей Владимирович,

аспирант факультета подготовки научных кадров ФГКОУ ВО
«Университет прокуратуры Российской Федерации»
E-mail: avk-aspirant@yandex.ru

На основе материалов судебно-следственной практики и научных трудов автором анализируются проблемные вопросы, возникающие у правоприменителей при возбуждении, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности. Актуальность вопроса обусловлена отсутствием в уголовном праве четкой границы между гражданско-правовыми отношениями и уголовно-наказуемыми деяниями при возникновении между сторонами договора коммерческого спора. С учетом сложившейся практики их отграничения по субъективной стороне, а именно в зависимости от умысла участника сделки, автором предложено в качестве одного из критериев отнесения оспариваемых действий к преступным рассматривать причинение в результате действий одной из сторон договора реального ущерба. При этом обращено внимание на отсутствие в уголовном законодательстве легального определения этого понятия и необходимости в этой связи дальнейшей выработки конкретных рекомендаций.

Ключевые слова: преступление, гражданско-правовые отношения, хищение, ущерб, предпринимательская деятельность, собственность.

Одним из важных объектов уголовно-правовой защиты в любом обществе с рыночной экономикой является собственность, а нарушение установленных порядков имущественных отношений и недостаточное их регулирование тормозит развитие государства.

Преступления против собственности традиционно составляют основную долю в массиве зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений: на кражи, грабежи, мошенничества, присвоения и растраты, грабежи, разбои приходится более половины всех выявленных противоправных деяний.

Согласно официальной статистике (государственный статистический отчет 4-ЕГС), в 2022 году в России зарегистрировано 343085 мошенничеств, 11974 присвоений и растрат. При этом преступления данного вида составляют значительную часть удельного веса в структуре общей преступности, в том числе за счет негативной тенденции увеличения числа мошенничеств. Так, в 2022 году их количество увеличилось на 3,5 тыс., а удельный вес в структуре преступности составил 17,4%, что является наибольшим показателем за последние 10 лет.

С развитием экономических отношений все чаще указанные корыстные преступления против собственности совершаются предпринимателями или в их отношении.

На сегодняшний день применение многих норм уголовного закона, и в первую очередь о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, сопряжено с разрешением вопроса об отграничении не только смежных составов преступлений между собой, но и гражданско-правового конфликта от корыстного преступления против собственности.

К сожалению, на практике нередко встречаются случаи разрешения корпоративных споров путем инициирования уголовного преследования одной из сторон.

Причинами такой ситуации, по мнению профессора И.С. Шиткиной, являются преимущества уголовного судопроизводства перед гражданским с его более легким подходом к получению, исследованию и приобщению доказательств, а также возможностью изоляции участников конфликта и ареста их имущества. «Факт возбуждения уголовного дела, а уж тем более взятие под стражу, арест активов усиливают, как принято теперь говорить, переговорную позицию, а проще говоря, оказывают колоссальное психологическое давление на сторону конфликта, делая ее более сговорчивой и податливой» [1, с. 45–62].

Законодатель неоднократно обращался к проблеме уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности, в том числе определив отдельно составы мошеннических хищений, связанных с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, а Верховным Судом РФ 15.11.2016 принято постановление № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» с последующими обусловленными складывающейся судебной практикой изменениями.

И пока в научной среде ведутся споры о достаточности правового регулирования уголовной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также их защиты от необоснованного преследования, задача правоприменителей обеспечить исполнение уже действующих норм права в целях формирования благоприятного делового и инвестиционного климата на территории Российской Федерации.

Лишь при изучении конкретных материалов процессуальных проверок при возбуждении правоохранительными органами уголовных дел, их последующей проверке в рамках надзора и при рассмотрении судами ходатайств о заключении под стражу фигурантов можно сделать вывод о гражданско-правовом характере возникших между сторонами разногласий и не допустить запуска механизма уголовно-правового воздействия со всеми последующими негативными результатами, в том числе в виде необоснованного применения к лицу мер процессуального принуждения и дальнейшей процедуры его реабилитации.

Последствия для юридического лица зачастую еще печальнее: от потери позиций на рынке и утрате активов до его ликвидации и перехода имущественного комплекса недобросовестным приобретателям. Уполномоченный по защите прав предпринимателей при Президенте РФ неоднократно отмечал, что бизнесмен, к которому применены меры процессуального принуждения, зачастую утрачивает свой бизнес, а, как следствие, сотрудники компании лишаются работы.

Отграничение гражданско-правовых отношений, связанных с неисполнением договорных обязательств, от преступлений, в частности хищений, происходит чаще всего по субъективной стороне, а именно в зависимости от умысла участника сделки. При этом следователи не устанавливают должным образом субъективную сторону предполагаемого противоправного деяния, наличие умысла, а при вменении суммы хищения не учитывают объемы надлежаще выполненных работ, оказанных услуг или поставленных товаров [2, с. 85].

В этой связи хотелось бы отметить, что причинение одной из сторон обязательства имущественного ущерба в его уголовно-правовом понимании является важным критерием отнесения оспари-

ваемых действий к преступным. Рассмотрим его на примере преступлений против собственности.

Поскольку в уголовном законодательстве отсутствует легальное определение понятия «ущерб», а под хищением понимается корыстное противоправное и безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, обратимся к судебному токованию этого термина.

В частности, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» ущербом признает имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д. [3].

А касательно квалификации преступных посягательств по статье 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения) Верховный Суд РФ обращает внимание, что при решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав этого преступления суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено путем обмана или злоупотребления доверием.

Таким образом, под ущербом в составах корыстных преступлений против собственности следует понимать реальный причиненный непосредственно посягательством и изначально охватываемый умыслом виновного материальный вред, без учета неполученных в результате нарушения его права доходов, то есть упущенной выгоды.

Эта позиция нашла свое отражение и в практике Верховного Суда РФ (Определение суда надзорной инстанции от 28.10.2010 № 89-Д10–13). При разрешении уголовного дела о хищении мошенническим путем заместителем руководителя филиала ОАО «А» имущества этого юридического лица установлено, что им на основании соответствующего договора с ООО «Б» реализовано в качестве металлолома для дальнейшей утилизации неисправный и не подлежащий восстановлению реактор, за что он был осужден по ст. 159 УК РФ к лишению свободы условно. Однако судами нижестоящих инстанций не учтено, что корысть и причинение преступлением имущественного ущерба – обязательные признаки хищения. Поскольку акт оплаты за реактор (хоть и после возбуждения уголовного дела) признан установленным, а из показаний свидетелей следует, что в результате действий осужденного имущественный вред органи-

зации не причинен. В этой связи выводы о наличии у последнего корыстной заинтересованности при продаже имущества и о причинении ущерба признаны необоснованными, приговор суда первой инстанции, а также последующие судебные акты отменены.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, в случае, если будет доказано, что, заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на него, не исключается и на основании статьи 159 Уголовного кодекса РФ (Постановление от 11.12.2014 г. N32-П).

В любом случае одним из основополагающих элементов любого хищения даже при его совершении путем неисполнения обязательств является причинение ущерба собственнику. Но не любого ущерба, а как следует из системного толкования Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» потерпевшему в результате неисполнения условий договора должен быть причинен прямой действительный ущерб [4. с. 24].

Полагаем, что данная позиция требует дальнейшей выработки конкретных рекомендаций, обусловленных необходимостью четкого определения понятия ущерба для целей уголовного судопроизводства и исключения фактов разрешения гражданско-правовых споров посредством необоснованного уголовного преследования одного из контрагентов при отсутствии причинения другому имущественного вреда.

Литература

1. Шиткина И.С. Решение корпоративных споров в уголовных делах // Закон. 2020. № 11.
2. Авдеева Е.В., Данилов-Данильян А.В., Лебедева А.А. Проблемы отнесения хищений денежных средств при исполнении государственного контракта к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2020. № 3.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 8, август, 2013.
4. Яни П.С. Значение надежной банковской гарантии для квалификации мошенничества // Законность. 2022. № 3.

ON THE ISSUE OF DELIMITATION OF CIVIL LAW TORTS FROM MERCENARY CRIMES IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Kostryukov A.V.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Based on the materials of judicial and investigative practice and scientific works, author is analyzing the problematic issues that arise when law enforcers are initiating, investigating and adjudicating criminal cases of business fraud. The relevance of the issue resulted from the absence of a clear distinction in the criminal law between the concepts of civil law relations and criminal acts in the event of a commercial dispute between the parties. Taking into account the established practice of delimiting that on the subjective side, especially depending on the intent of the party to the transaction, author proposed to consider causing real damage as one of the parties to the contract as one of the criteria for classifying the contested actions as criminal. At the same time, the attention was drawn to the lack of a legal definition of this concept in criminal law and the need for further development of specific recommendations in this regard.

Keywords: crime, civil and legal relations, theft, damage, business activity, own.

References

1. Shitkina I.S. Resolution of Corporate Disputes in Criminal Proceedings // Zakon. 2020. № 11.
2. Avdeeva E.V., Danilov-Danilyan A.V., Lebedeva A.A. Problems of Qualification of Funds' Embezzlement in the Execution of a State Contract as Crimes in the Sphere of Business Activity // Zhurnal rossiyskogo prava. 2020. № 3.
3. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, № 8, August, 2013.
4. Yani P.S. The Significance of a Reliable Bank Guarantee for the Qualification of Fraud // Zakonnost'. 2022. № 3.

Характеристика способов подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности в сфере лесопользования

Кулик Валерия Андреевна,

адъюнкт 3-го факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров), кафедра управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

E-mail: leonteva1019@bk.ru

В статье на основе анализа судебной практики, выделены три специализации преступной деятельности в сфере лесопользования. Выявлены закономерности алгоритма действий преступных сообществ (организованных групп), позволяющие получить информацию, имеющую значение для расследования уголовных дел, возбужденным по ст.ст. 260, 191.1, 226.1 УК РФ. Также, с учетом цифровизации лесной отрасли, рассмотрены новые способы изучаемых преступлений, в частности закономерности использования незаконного образования юридических лиц и легализацию преступных доходов. Предложены практические рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений исследуемой категории.

Ключевые слова: преступное сообщество, организованная группа, способы совершения, контрабанда, незаконная рубка, сбыт древесины, переработка, специализация преступной деятельности, пиломатериалы.

Переход лесной отрасли к цифровой форме контроля в условиях введенного запрета на вывоз необработанного круглого лесоматериала [13], и ухода иностранных инвесторов с арендованных участков, а также заявление Президента Российской Федерации о необходимости поддержки малого и крупного бизнеса, занятых лесопереработкой [12], привело к увеличению заключения договоров аренды с лесным хозяйством в 2022 году на 13%.

Характерной особенностью преступной деятельности в сфере лесопользования является ее организованный характер. В рамках нашего исследования количество организованных групп (преступных сообществ) составляет 38% от общего числа возбужденных уголовных дел по совокупности составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 260, 191.1, 226.1 УК РФ [9].

Вопросы организованной преступности исследовались многими учеными. Наблюдается тенденция на изучение понятия и признаков организованных групп (преступных сообществ) по отдельным видам преступлений, а также рассматривается их деятельность в рамках криминального рынка. Особое внимание уделяется проблемам отсутствия единообразного подхода при отнесении криминальных проявлений к группе преступлений на потребительском рынке.

А.Л. Репецкая рассматривает российский криминальный рынок как ядро теневой экономики с многоэлементной и неоднородной по содержанию структурой, где самыми разнообразным выступает криминальный рынок товаров, реализуемых без соответствующих лицензий или специальных разрешений [8, с. 43–44].

С.А. Буз, А.Б. Мельников отмечают, что главной характеристикой криминального бизнеса является процесс незаконного оборота, сопровождаемый стремлением получения доходов [1, с. 129].

Обращаясь к преступлениям в сфере лесопользования, такие ученые, как Р.А. Забавко, П.В. Никонов, Е.В. Рогова выделяют понятие криминального рынка коррупционных услуг как высокоорганизованный, профессиональный антиобщественный институт, относящийся к организованной преступности, зачастую имеющую транснациональный характер, выступающая частью ее инфраструктуры, где коррупционная составляющая обладает повышенной общественной опасностью, поскольку использование государственно-властных полномочий при совершении преступной деятельности увеличивают латентность за счёт стремления каждого из участников скрыть факт преступления, преследуя корыстную цель [3, с. 76].

В настоящий момент организованная преступная деятельность затрагивалась учеными применительно к незаконным рубкам лесных насаждений, в то же время незаконный оборот древесины на внутреннем рынке и последующая контрабанда, а также сопутствующие преступные действия этому, не охватывались научными исследованиями.

Основываясь на материалах нашего исследования, мы считаем, что организованная преступная деятельность, охватывается преступными действиями, предусмотренными составами ст. ст. 260, 191.1, 226.1 УК РФ. Кроме того, она сопровождается иными преступлениями, в частности, легализацией денежных средств, незаконным образованием юридических лиц, коррупционными и должностными составами.

В рамках исследования проанализировано 98 обвинительных приговоров, вынесенных в отношении организаторов и участников, охватывающиеся преступными действиями, квалифицируемые по ст. ст. 260, 191.1, 226.1 УК РФ в 2018–2022 гг. [14]. Основная масса уголовных дел приходится на такие регионы, как Иркутская область, Республика Башкортостан, Красноярский, Забайкальский, Приморский края.

По итогам изученных материалов, выделены три варианта специализации организованных групп и преступных сообществ в сфере незаконного оборота древесины.

1. Преступная деятельность, охватывающая все этапы рубки и незаконного оборота древесины. Подобная специализация встречается крайне редко, поскольку требует значительных затрат – выстраивание полного цикла преступной деятельности от рубки, перевозки, хранения, переработки до сбыта как на внутреннем, так и на внешних рынках, нередко сопровождаемых легализацией доходов, полученных от реализации древесины или пиломатериалов. Обязательным элементом такой деятельности выступает установление коррупционных связей в различных органах государственной власти, в том числе правоохранительных органов (ст. ст. 260, 191.1, 226.1 УК РФ – 2%).

2. Незаконная заготовка древесины в целях сбыта на внутреннем рынке. Для данной специализации характерно привлечение к ответственности организаторов и участников, не имеющих своих лесоперерабатывающих объектов, по этим причинам они не выходят на внешний рынок (ст. ст. 260, 191.1 УК РФ – 50%).

3. Приобретение незаконно заготовленной древесины и ее последующей реализации на внешнем рынке. В указанной специализации напротив организованные группы (преступные сообщества) имеют лесоперерабатывающие предприятия, что позволяет им приобретать незаконный круглый лесоматериал, и участвовать во внешнеэкономической деятельности пиломатериалов (ст. ст. 191.1, 226.1 УК РФ – 48%).

До введения запрета на вывоз круглой необработанной древесины, были достаточно широкие возможности организовать преступную деятель-

ность отдельными субъектами малого бизнеса. Однако с введением запрета и ограничением на вывоз необработанных лесных ресурсов, мелкое предпринимательство не выдержало конкуренции на внешнем рынке, в результате чего контрабандисты, на сегодняшний день, сконцентрированы в рамках крупного бизнеса, которые, фактически и завершают этап продажи древесины за границу, и рассматривают данную деятельность в качестве своей основной.

В настоящее время практика привлечения к уголовной ответственности за преступления, совершенных в организованных формах, охватывающие действия по незаконным рубкам лесных насаждений, сопряженных с последующим сбытом древесины на внутреннем и внешнем рынках, начинает только складываться. Например, из всего объема изученных нами уголовных дел по пяти вышеуказанным регионам, лишь в 2% случаях имеются судебные решения, остальные находятся на стадии разбирательства. В особенности изучаемые организованные формы проявляются на территориях Иркутской области, Республики Башкортостан, Красноярского, Забайкальского, Приморского краев.

Выдвинем два предположения относительно причин складывающейся небольшой практики.

Первое, преступникам проще покупать незаконную древесину и продавать ее под видом легальной в иностранные государства, поскольку рубка предполагает дополнительные затраты: в случае если рубка осуществляется «в серую», то есть имеются документы на законную заготовку, но под ее видом вырубается превышающий договор аренды (купли-продажи) объем; или же использование недействительных документов, действия направлены, как их приискания, так и на место рубки, также на проработку плана по сокрытию перевозки к месту хранения.

Второе, данный преступный вид деятельности, в криминалистическом смысле, носит сложный характер, то есть включает в себя разное количество участников, в том числе должностных лиц. Также в процессе расследования возникают трудности в доказывании единого умысла всех участников, поскольку необходимо точно установить время вступления в преступную деятельность каждого из них, при этом, некоторые из членов группы могут и не взаимодействовать друг с другом, в силу возложенных на них преступных задач. При этом, единый умысел преступной деятельности осознает ограниченный круг лиц, которые ее и организуют, в то же время в нее вовлекаются иные лица, не осознающие умысел организованной группы, поскольку вводятся субъектами преступления в заблуждение с целью решения корыстных задач.

В действительности, главная сложность заключается в созданной преступниками видимости законной деятельности на местах рубок лесных насаждений. Исходя из лесного законодательства, сроки по договору аренды лесного участка составляют 49 лет. Подавая ежегодный отчет о выруб-

ленным объеме и остатках на арендованном участке в лесное хозяйство, посредством использования системы ЛесЕГАИС, арендатор на вырубленную древесину может оформить необходимый пакет документов и осуществить ее реализацию по внешнеэкономическому контракту, то есть деятельность по рубке не окончена, а продажа некоторой части уже может начаться. При этом, если в преступную деятельность вовлекаются сотрудники лесного хозяйства, которые предупреждают о рейдах или сами их проводят, что также в разы усложняет возможность выявления этого преступления.

Например, в 2019 году в г. Томске задержаны шесть членов организованной группы. В период с июня 2018 года по июнь 2019 год обвиняемые с использованием юридического лица, оформленного на одного из членов, заключили фиктивные внешнеэкономические контракты с организацией Республики Узбекистан, с целью осуществления контрабанды, ущерб оценен на общую сумму 440 млн рублей.

Сложность выявления данного преступления заключалась в следующем: один из членов – должностное лицо, в чьи обязанности входила выдача разрешений на рубку лесных насаждений. Так, им было выдано и составлено пять актов обследований, благодаря которым другие члены группы смогли вырубить здоровые деревья под видом санитарных рубок.

Особенностью указанного уголовного дела является тот факт, что в число участников организованной группы входили должностные лица, которые обеспечивали совершение незаконных рубок, посредством предоставления подложных документов, что позволяло участникам преступной деятельности уклоняться от уголовной ответственности, поскольку в таможенные органы предоставлялись фактически действительные документы. Вместе с тем работа соответствующих оперативных подразделений таможенной службы и органов внутренних дел позволили выявить указанную преступную деятельность, в настоящее время уголовное дело находится на стадии судебного разбирательства.

Основным моментом выступает документальное подтверждение законности происхождения древесины, которое ими было получено непосредственно от лесного хозяйства, с внесением соответствующих актов с систему ЛесЕГАИС. Деятельность лиц пресечена в результате проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий совместно с таможенными органами. Рассмотрение данного уголовного дела в судебном заседании не завершено [10].

Обращаясь к рассмотрению преступной деятельности, сопряженной с совершением незаконной рубки, в целях сбыта древесины, выявлено, что независимо от того, совершает ли лицо только сбыт или приобретение, или же действия, квалифицируемые по совокупности ст. ст. 260, 191.1 УК РФ, полноструктурность способа сохраняется, поскольку хоть и умысел на сбыт возникает ещё на этапе

подготовки к незаконной рубки, однако действия по подготовке лица, направленные на сбыт древесины имеют разный характер.

При этом, в 8% случаев в действиях лиц, квалифицируемых по ст. 260 УК РФ, отсутствовал способ сокрытия, то есть ими была совершена незаконная рубка, где место приискано на этапе подготовки, однако между способами нет четко выраженных границ. Например, лица совершили незаконную рубку, а сокрытие самой рубки произошло в процессе совершения преступных действий, охватывающихся со ст. 191.1 УК РФ, сопровождаемое быстрым вывозом древесины к месту склада.

Рассмотрим типичную структуру данной специализации, исходя из изученной судебной практики. Ивановский районный суд в марте 2022 года начал рассматривать уголовное дело в отношении преступного сообщества, в которое входит 29 участников, обвиняемых по ст. 260, 191.1 УК РФ. Общая сумма ущерба составила в 35 млн рублей. Подсудимые использовали радиостанции, по которым передавали информацию о появлении вблизи лесозаготовок посторонних. Погрузку и перевозку незаконно заготовленной древесины осуществляли вечером и ночью. Сбывали лес по подложным документам предприятиям региона, или же без документов [11].

Третий тип преступной деятельности в качестве приоритетного направления незаконной деятельности включает приобретение заведомо незаконной древесины с целью ее сбыта за пределы государства. Контрабанде древесины, совершенной организованными группами (преступными сообществами) характерен только полноструктурный способ преступного деяния, но его этапы также могут не иметь четких границ. Это связано с тем, что действия по совершению, сокрытию планируются на этапе подготовки, в том числе и распределение ролей всех участников. Так, каждому участнику отведены конкретные преступные задачи, выполнение которых зависит от окончания выполнения действий другим участником. Например, Октябрьский районный суд Иркутской области 21 декабря 2021 года вынес обвинительный приговор № 1–751/21 в отношении А., Б., Л., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 226.1 и ч. 3 ст. 191.1 УК РФ [6].

Планирование преступной деятельности заключалось в выполнении каждым из участников задач: Л. приискивал древесину, а также документы, подтверждающие легальность ее происхождения; А. нашёл организацию для международной перевозки древесины; Б. приискал иностранную организацию, с которой был заключен внешнеэкономический контракт. Также Б. получив документы от Л., направил запрос с пакетом документов на получение фитосанитарного сертификата. При этом, Л. приискивал древесину, необходимую иностранной организацией, информацию о характеристиках которой он получил от Б. В целом, взаимосвязь каждого из участников позволяет выявить особенность

слияния стадий способов преступной деятельности.

Так, преступная деятельность характеризуется распределением ролей, где каждый из участников выполняет действия в рамках отведенной ему задачи. Например, Л. должен был приискать древесину породы «дуб». Из показаний Л. следует, что он приискал транспортное средство с прицепом, которое позволит вывезти весь объем древесины за одну поездку, в целях того, что не ездить несколько раз и обезопасить себя от задержания сотрудниками ДПС. Также после приобретения древесины он вывез ее на ближайший арендованный им склад, с целью последующей перевозки к основному месту хранения в ночное время суток.

Особенность указанного уголовного дела заключается в распределении ролей между участниками, в зависимости от их преступных возможностей, то есть одни имеют связи с продавцами незаконной древесины, другие имеют знания и опыт в применении таможенного законодательства, часть лиц используют свое должностное положение, в целях сокрытия преступной деятельности. Однако в целом каждая выполненная задача участниками имеет единый умысел – совершение контрабанды, в целях извлечения материальной выгоды.

Проведенный анализ эмпирической базы показывает, что в рамках изученной преступной деятельности, в 46% случаев действия организованных групп (преступных сообществ) дополнительно квалифицировались по иным составам преступлений, из них: 10% – лица легализовывали преступные доходы; 11% использовали незаконно образованное юридическое лицо; 15% совершили преступления по совокупности ст. ст. 173.1, 174.1 УК РФ. При этом, в одной трети изученной совокупности уголовных дел, преступникам не вменялась дополнительная квалификация по ст. ст. 173.1, 174.1 УК РФ.

В тоже время увеличение количества квалификации по совокупности с дополнительными составами наблюдается с 2019 года, поскольку в связи с введением ЛесЕГАИС система контроля усилилась, что потребовало совершенствование преступной деятельности, которое выразилось в незаконном образовании юридических лиц и легализации преступных доходов.

Незаконное образование юридического лица, преследует такие цели, как приобретение заведомо незаконной древесины и оформление на организацию подложных документов, указывающих на легальное происхождение; оформление на «фирмы-однодневки» пакета документов, в том числе заключение контрактов с использованием реквизитов юридического лица; вывод денежных средств, полученных от контрабанды древесины и их последующая легализация.

Кроме того, одним из важнейших механизмов обеспечения сокрытия преступной деятельности является использование при совершении преступлений коррупционных связей.

Например, Управление МВД России по Республике Хакасии возбудило уголовное дело в отношении 11 участников преступного сообщества, которым вменяется незаконная рубка лесных насаждений, сбыт на внутреннем рынке, сопряженное с отмытием преступных доходов (ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 191.1, ч. 1 ст. 285, ч. 2 ст. 174.1, ч. 2 ст. 210 УК РФ). Организатор преступного сообщества – директор ООО «У...», специализирующая на заготовке древесины, в преступную деятельность им вовлечены должностные лица лесного хозяйства, работники его организации, индивидуальные предприниматели. Целью преступного сообщества являлось получение криминальной прибыли за счет незаконной рубки под видом их заготовки для собственных нужд граждан, имеющих законные права на бесплатное заготовление 100 кубометров древесины для частного строительства, в соответствии с Законом субъекта [4]. Преступная схема организатора включала распределение задач между участниками таким образом: работники лесничеств приискивал участки леса, в которых можно заключить договор купли-продажи для собственных нужд; организатор приискивал граждан, с которыми можно заключить фиктивную сделку; директор получал от граждан нотариально заверенные доверенности на документы по заготовке. Так, юридически организация оказывала услуги гражданам по заготовке и доставке древесины к месту жительства, фактически документы использовались в качестве прикрытия преступной деятельности, то есть древесина гражданам не доставлялась, за полученные документы лицам выплачивалось вознаграждение. Также путем проведения неоднократных финансовых операций, не имеющих реального экономического смысла, то есть по фиктивным основаниям: аренда пилорамы, покупка древесины без фактической передачи, им были переведены денежные средства на расчетные счета различных организаций, с целью введения полученных денежных средств в законный оборот.

Так, участие должностного лица, в частности его возможности, связанные с контролем за соответствующими организациями, позволили в течение длительного периода времени осуществлять преступную деятельность и уклоняться от уголовной ответственности [5].

При изучении способов подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности в сфере лесопользования:

– для преступной деятельности в сфере лесопользования характерна специализация неполного цикла, поскольку полный цикл при совершении совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 260, 191.1, 226.1 УК РФ является затратным, и рискованным, поскольку необходимо осуществлять контроль за преступной деятельностью на каждом этапе совершения преступных действий, по этим причинам, полагаем, что распределение рынков выступает выгодным для обеих сторон, где одни совершают

сбыты на внутреннем рынке (ст. ст. 260, 191.1 УК РФ), а другие приобретают у них в целях контрабанды (ст. ст. 191.1, 226.1 УК РФ);

- введение запрета и ограничение на вывоз не-обработанных лесных ресурсов, вывело мелкое предпринимательство из участия в обороте на внешнем рынке, в результате чего контрабандисты, на сегодняшний день, сконцентрированы в рамках крупного бизнеса, которые, фактически и завершают этап продажи древесины за границу, и рассматривают данную деятельность в качестве своей основной;
- новые правила вывоза круглого леса, позволили выявить тенденцию увеличения внимания преступников к переработке, что в целом делает объекты лесоперерабатывающей инфраструктуры неотъемлемой частью криминального бизнеса;
- для изучаемой преступной деятельности характерна коррупционная составляющая, сопровождаемая вовлечением органов государственной власти, поскольку возможности должностных лиц позволяют преступникам в течении длительного периода времени осуществлять преступную деятельность и уклоняться от уголовной ответственности, что в свою очередь позволяет им в разы увеличивать объемы незаконной заготовки и сбыта древесины;
- для таких специализаций, как заготовка древесины в целях последующего сбыта на внутреннем рынке и приобретение незаконно заготовленной древесины, сопровождаемое контрабандой, характерна общая закономерность, проявляющаяся во взаимной заинтересованности криминального заготовителя и недобросовестного покупателя.

Таким образом, изучение способов подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности в сфере лесопользования позволили выявить три специализации, в двух из которых наблюдается распределение рынков между внутренней и внешней незаконной экономической деятельностью. Также изучение преступного алгоритма каждой выделенной специализации позволит не только разработать меры по предотвращению, но и даст возможность установить всех участников организованной группы (преступного сообщества), собрать доказательства, подтверждающие их принадлежность к указанной деятельности, а также не допустить противодействия при расследовании уголовных дел данной категории.

Литература

1. Буз С.А., Мельников А.Б. Закономерности криминальной деятельности организованных преступных сообществ (преступных организаций) в современных условиях // Общество и право. 2007. № 3 (17).
2. График биржевых цен на пиломатериалы (в долларах за 1000 досковых футов; 1000 футов = 2.36 м³) интервалами в 60 минут

[Электронный ресурс] // URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/01/20/c7x3-pilomaterialy-podorozhali-v-2023-godu.html>. (Дата обращения: 11.01.2023).

3. Забавко Р.А., Никонов П.В., Рогов Е.В. Криминальный рынок коррупционных услуг в сфере лесопользования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (95).
4. Закон Республики Хакасия от 01 ноября 2007 № 68-ЗРХ (ред. от 21 июля 2020) «Об установлении порядка по некоторым вопросам использования лесов на территории Республики Хакасия» // СПС Консультант Плюс.
5. Новости пресс-службы УМВД России по Республике Хакасия: «В Хакасии пресечена деятельность преступного сообщества». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://19.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/30957345> (дата обращения: 07.04.2023).
6. Обвинительный приговор Октябрьского районного суда Иркутской области от 21 декабря 2022 года № 1–751/2021 в отнош. А., Б., Л., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 226.1 и ч. 3 ст. 191.1 УК РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru>. (Дата обращения: 11.02.2023).
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2021 года № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» // СПС Консультант Плюс.
8. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность [текст] дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08 / А.Л. Репецкая, Москва, 2001. – 388 с.
9. Совещание по развитию лесопромышленного комплекса от 10 февраля 2023 года [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70494> (дата обращения: 21.03.2023).
10. Уголовное дело в отношении членов организованной группы П., С., В., А., Д., обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. ст. 260 ч. 3; ст. 292 ч. 2; ст. 191.1 ч. 3; ст. 226.1 ч. 3 УК РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kirovsky-tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=83728353&case_uid=d-2d3a3b9-2b2a-48e5-819c-b166effbdd44&delo_id=1540006 (Дата обращения: 05.04.2023).
11. Уголовное дело в отношении преступного сообщества из 29 участников, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. ст. 260 ч. 3 ст. 191.1 ч. 3 УК РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ivanovsky-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=73690885&case_uid=a657385c-4961-45a9-bd57-88c719713839&delo_id=1540006 (Дата обращения: 07.04.2023).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 апреля

2023 года). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

13. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2022 № 773 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100 «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности». // СПС Консультант Плюс.
14. 98 обвинительных приговоров по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 260, 191.1, 226.1 УК РФ, вынесенных судами Российской Федерации в 2018–2022 гг. в отношении организаторов и участников [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/index.php?id=300>. (дата обращения: 26.03.2023).

CHARACTERIZATION OF METHODS OF PREPARATION, COMMISSION AND CONCEALMENT OF CRIMINAL ACTIVITIES IN THE FIELD OF FOREST MANAGEMENT

Andreevna K.V.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

In the article, based on an analysis of judicial practice, three specializations of criminal activity in the forest industry are highlighted. The laws of the algorithm of actions of criminal communities (organized groups) were revealed, allowing to obtain information that is important for the investigation of criminal cases initiated under Art. 260, 191.1, 226.1 of the criminal code of the Russian Federation. Also, taking into account the digitalization of the forest industry, new ways of studying crimes were considered, in particular, the regularities of the use of illegal education of legal entities and the legalization of criminal proceeds. Practical recommendations are proposed aimed at increasing the effectiveness of law enforcement agencies in identifying, solving and investigating crimes of the category under study.

Keywords: criminal community, organized group, methods of commission, smuggling, illegal logging, timber marketing, processing, specialization of criminal activities, lumber.

References

1. Buz S.A., Melnikov A.B. Patterns of criminal activities of organized criminal communities (criminal organizations) in modern conditions // Society and law. 2007. № 3 (17).
2. Lumber Exchange Price Chart (in dollars per 1,000 board feet; 1000 feet = 2.36 m³) at intervals of 60 minutes [Electronic Resource] // URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/01/20/c7x3-pilomaterialy-podorozhali-v-2023-godu.html>. (Date of appeal: 11.01.2023).
3. Funny R.A., Nikonov P.V., Rogov E.V. Criminal market of corruption services in the field of forest management // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4 (95).
4. Law of the Republic of Khakassia dated November 01, 2007 No. 68-ZRKh (as amended on July 21, 2020) «On the establishment of order on some issues of forest use in the territory of the Republic of Khakassia» // SPS Consultant Plus.
5. News of the press service of the Russian MIA Administration for the Republic of Khakassia: «The activities of the criminal community have been suppressed in Khakassia». [Electronic resource]. Access mode: <https://19.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/30957345> (accessed date: 07.04.2023).
6. The conviction of the Oktyabrsky District Court of the Irkutsk Region dated December 21, 2022 № 1–751/2021 in relation. organized group accused of committing crimes under Part 3 of Art. 226.1 and Part 3 of Art. 191.1 of the Criminal Code of the Russian Federation [Electronic Resource]. Access mode: <http://sudact.ru>. (Date of appeal: 11.02.2023).
7. Decree of the Government of the Russian Federation of February 11, 2021 No. 312-r «On Approval of the Strategy for the Development of the Forest Complex of the Russian Federation until 2030» // SPS Consultant Plus.
8. Repetskaya A.L. Transnational organized crime [text] dis... doc. jurid. sciences: 12.00.08/A.L. Repetskaya, Moscow, 2001. – 388 s.
9. Meeting on the development of the timber industry of February 10, 2023 [Electronic resource] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70494> (date of appeal: 21.03.2023).
10. Criminal case against an organized group accused of crimes under Art. Art. Article 260 part 3; Article 292 part 2; Article 191.1 Part 3; Article 2.26.1 Part 3 of the Criminal Code of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access Mode: https://kirovskiyms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=83728353&case_uid=d-2d3a3b9-2b2a-48e5-819c-b166effbdd44&delo_id=1540006 (Accessed Date: 05.04.2023).
11. A criminal case against a criminal community of 29 participants accused of crimes under Art. art. Art. 260 part 3. st. 191.1 Part 3 of the Criminal Code of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access Mode: https://ivanovskiywn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=73690885&case_uid=a657385c-4961-45a9-bd57-88c719713839&delo_id=1540006 (Accessed Date: 07.04.2023).
12. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № . 63-FZ (ed. April 28, 2023). The document has not been published in this form. Access from the reference legal system «Consultant-Plus».
13. Decree of the President of the Russian Federation dated 26.10.2022. № 773 On Amending the Decree of the President of the Russian Federation dated March 8, 2022 № 100 «On the Application of Special Economic Measures in the Field of Foreign Economic Activity in order to Ensure the Security of the Russian Federation» // SPS Consultant Plus.
14. 98 convictions in cases of crimes under Art. 260, 191.1, 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, issued by the courts of the Russian Federation in 2018–2022 in relation to the organizers and participants [Electronic Resource] // URL: <https://sudrf.ru/index.php?id=300>. (date of appeal: 26.03.2023).

Разработка мер предотвращения преступлений присвоения и растраты в сфере потребительского рынка с применением инструментов цифровизации

Никитина Лидия Юрьевна,

адъюнкт кафедры «Криминалистика», ФПНПиНК МосУ МВД
России имени В.Я. Кикотя
E-mail: 77lidiy@mail.ru

Преступления присвоения и растраты в сфере потребительского рынка входят в комплекс экономических преступлений. Совершенствование экономики с появлением новых современных технологий предрасполагает к совершению преступлений присвоения и растраты в сфере потребительского рынка и указывают о необходимости разработке мер по предотвращению совершения преступлений данной категории. Раскрыта правовая основа присвоения и растраты. Приводятся примеры факта присвоения и растраты сотрудниками потребительского рынка, указаны проблемы возникающие у сотрудников при расследовании преступления. Актуальность статьи состоит в отсутствии системного и комплексного подхода к борьбе преступлений присвоения и растраты в сфере потребительского рынка с появлением современных технологий. В заключении определены рекомендации по созданию в дальнейшем методики борьбы с преступлениями указанной категорий уголовных дел.

Ключевые слова: присвоение и растрата в сфере потребительского рынка, информация, современные технологии, комплекса мероприятий, структура потребительского рынка.

Введение

Присвоение и растрата в сфере потребительского рынка является одной из категории экономических преступлений. На основании статистических данных Генеральной прокуратуры РФ по состоянию на отчетный период январь-ноябрь 2022 года составляет 0,6% от общего числа зарегистрированных преступлений[1]. Показатели указывают на выдвигание преступлений присвоения и растраты в самостоятельную категорию преступлений, рекомендуемую к пристальному изучению практической и теоретической составляющей, а с появлением цифровизации интерес к данному виду преступления актуализировался. Разграничение от смежных составов преступления присвоения и растраты, подталкивает к необходимости создания новых рекомендаций к комплексному изучению преступного деяния в целях его предотвращения.

Основная часть

С ростом современных инновационных технологий увеличилась значительная часть преступлений экономической направленности, в том числе совершаемых в сфере потребительского рынка.

Для полноты восприятия данной категории преступления необходимо раскрыть понятие самого потребительского рынка. Определение потребительского рынка можно встретить в статье Негановой В.П., Наумова И.В., Седельникова В.М. где говорится о том, что «потребительский рынок – это пространство, где основное внимание направлено на формирование спроса под влиянием социальных, экономических, психологических факторов, потребительских предпочтений и мотиваций на основе изучения механизмов принятия покупателями решений о покупках товаров».[2]

Структура потребительского рынка состоит из предоставляемых потребителю услуг, товаров, производственных затрат, субъекта, экономических ресурсов и тд. Потребитель является главным звеном потребительского рынка, закон «о защите прав потребителей» определяет потребителя как – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.[2] Потребитель играет важную роль в сфере потребительского рынка являясь приоритетным субъектом выбора направ-

ления потребления и предоставления услуг. Внедрение «цифровых площадок предоставляет производителю возможность не только собрать больше данных, чем повысить конкурентоспособность, но и расширяет сферу, в которой производитель контролирует доступ на платформу интернет-магазинам». [4, с.4] Компанию-продавца, которая является «цифровой», можно отличить по следующим признакам: высокий уровень автоматизации, электронный внутренний документооборот, системы бухгалтерского и управленческого учета, электронные хранилища данных, использование CRM, наличие корпоративных социальных сетей.[3] Современные технологии положительно отражаются в потребительской деятельности, но отрицательно сказываются на реализуемой деятельности, что приводит к созданию новых условий способствующих совершению преступления.

Настоящий период изменений в экономике приводит к сложностям возникшим у органов дознания при расследовании и раскрытии преступлений связанных с присвоением и растратой в сфере потребительского рынка с использованием современных технологий.

С правовой точки зрения «присвоение и растрата» ст. 160 УК РФ это- «хищение чужого имущества, вверенного виновному» [5]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» под «вверенным имуществом необходимо понимать имущество, которое находилось в правомерном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества».[6] Анализируя определение, стоит выделить не только овладение имуществом на договорной основе, а также само право распоряжения имуществом. Эта конкретизация усиливает меру совершения преступного деяния. Так как при совершении преступления присвоения имущества лицо осознает о наступлении преступного посягательства, но продолжает свой умысел растратой имущества.

В практической деятельности затруднение в возбуждении уголовного дела при присвоении и растрате в сфере потребительского рынка с использованием современных технологий состоит в получении, фиксации и сохранности вещественных доказательств-информации о совершении преступления. Информация о наличии достаточных данных, о признаках преступления является основным критерием для возбуждения уголовного дела, она предрасполагает к раскрытию преступления. Вещественные доказательства содержат в себе информацию о совершении преступления, способе, личности совершившим преступление, причиненном ущербе (в предметном и денежном эквиваленте), физической составляющей предмета преступления, форме собственности, при-

частность к преступлению заинтересованных лиц, а также установление формы собственности и вины. Информация расположенная на электронных носителях, либо в виртуальной системе не стабильна и подвержена уничтожению заинтересованными лицами. Так Пастухов П.С. излагал, «информация нематериальна, но в наше время информационная среда, существующая в телекоммуникационных каналах связи, стала полноценным заменителем материального мира». [9, С. 149]. Сложность в сохранении информации состоит в виртуальной коммуникативности, отсутствии регламентированной фиксации «информационного следа» о понятии которого писал В.А. Мещеряков [10, с 109], минимализация затрачивания временного промежутка для уничтожения вещественных доказательств, а также недостаточная профориентированность сотрудника на информационное расположение вещественных доказательств. Так например, продавец обладающий специальным статусом подкрепленным договором о материальной ответственности регламентируясь Постановлением Минтруда РФ от 31.12.2002 N85 «Об утверждении перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками», с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) [7], зная и осознавая о совершении преступного посягательства, совершает присвоение денежных средств путем возврата кассового чека [8] за приобретенный ранее товар, по предварительному сговору с покупателем, совершая отмену чека не фиксирует возврат в учетной системе, присваивает денежные средства в дальнейшем растрачивая на свое усмотрение и не возвращая товар. Отследить факт совершения преступления в данном случае, затруднительно, так как не во всех супермаркетах камеры видеонаблюдения направлены в зону касс обслуживания, зачастую видеонаблюдение направлены в зону стеллажей, а также входа и выхода, а в минимаркетах видеонаблюдение отсутствует совсем. Сотрудники осведомленные о зоне видеонаблюдения беспрепятственно используют эту возможность в совершении преступления.. Данный фактор предрасполагает к созданию новых методов предотвращения совершения преступлений.

Для сокращения преступления присвоения и растраты в сфере потребительского рынка необходимо: провести комплекс мер по установке видеонаблюдения в зоне обслуживания кассового расчета, в зоне раскладки и выкладки товара, а также складских помещений захватывающих обзор всей зоны помещения; установить бесперебойное соединение интернет сети, а также на случай неполадок с интернет соединением иметь запасную локальную сеть для отслеживания проводимых операций; необходимость установления комплексных баз для отслеживания штрих кода, возврата чека, отмены совершенной покупки с видеофиксацией, проведение ревизии не реже 1 раза в 2 недели, с установлением излишек и недостачи.

А также, при увольнении сотрудника являющегося материально-ответственным лицом, необходимо проведение ревизии для выявления факта совершения преступления.

Немаловажным аспектом является создание единой комплексной базы обслуживания, для супермаркетов, минимаркетов и онлайн площадок. При установлении единой базы обслуживания и единой базы учета, упростится система выявления факта преступления, упростится факт предоставления документации установленного образца, регламентирован список предоставляемых документов, для приобщения в качестве вещественных доказательств, сужен круг пользователей системы обслуживания и доступа, повысится уровень взаимодействия с головными организациями, сократится временной промежуток извлечения и предоставления значимой информации. Положительным фактором для реализации ввести отбор сотрудников, на должность инспектора службы безопасности, наличие профессиональных критериев: наличие высшего экономического или юридического образования, наличие окончанных профессиональных курсов программирования, владение техническими навыками для обеспечения стабильности соединения информационных ресурсов, осуществление контроля за соблюдением и использованием современных технологий при осуществлении трудовой деятельности сотрудников, проведение ежедневного анализа по контролю сохранности имущества и сохранности регламентов безопасности.

Заключение

Современные технологии находится в постоянном обновлении и пополнении информационной базы. Преступления присвоения и растраты в сфере потребительского рынка, с внедрением современных технологий имеют отрицательные и положительные результаты. К каждому результату имеется необходимость в создании метода предотвращения негативного аспекта и разработке и применению к внедрению новых методов повышения положительного результата. Предлагается введение комплекса мероприятий направленных на предотвращение совершения преступления, такие как: установление комплексных цифровых систем наблюдения, создание единой нормативно-правовой документации в экономической деятельности, необходимой для установления правовой квалификации преступления, а также установление профессиональных требований к кандидатам на должность специалиста службы безопасности.

Литература

1. Статистические данные. Генеральная прокуратура Российской Федерации <https://erp.gennproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 23.03.2023).
2. Неганова В. П., Наумов И.В., Седельников В.М. Исследование и моделирование по-

ребительского рынка мегаполиса // Практический маркетинг. 2019. № 8 (270). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-i-modelirovanie-potrebitelskogo-rynka-megapolisa> (дата обращения: 27.04.2023).

3. Хайрхуа А.Ф., Чепелева А.Ю. О роли потребительского рынка в экономике страны и региона // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018024395> (дата обращения: 05.02.2023).
4. Закон РФ от 07.02.1992 N2300–1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 27.03.2023)
5. Романенко Ю. Д., Разин А.Ф., Тактарова С.В., Иванова М.И., Разин О.А. Взаимодействие субъектов потребительского рынка в условиях цифровой экономики // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». 2019. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-subektov-potrebitelskogo-rynka-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 12.02.2023).
6. Беликова К.М. Исследование влияния созданных в условиях сетевой экономики цифровых платформ (маркетплейсов) на потребительские рынки и положения конкурентного права // Юридические исследования. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-sozdannyh-v-usloviyah-setevoy-ekonomiki-tsifrovyyh-platform-marketpleysov-na-potrebitelskie-rynki-i> (дата обращения: 12.02.2023).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ дата обращения: 27.03.2023).
8. Килепо С.М. Проблема вверенного имущества в уголовном праве / С.М. Килепо. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 38 (224). – С. 121–123.
9. Постановление Минтруда РФ от 31.12.2002 N85 «Об утверждении перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.02.2003 N4171)
10. Федеральный закон от 22.05.2003 N54-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации»
11. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник. Том. гос. ун-та. 2015. № 396.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-veschestvennoe-dokazatelstvo-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 14.02.2023).

12. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002 – С. 94

DEVELOPMENT OF MEASURES TO PREVENT CRIMES OF MISAPPROPRIATION AND EMBEZZLEMENT IN THE CONSUMER MARKET USING DIGITALIZATION TOOLS

Nikitina L. Yu.

FPNPiNK Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

Crimes of appropriation and embezzlement in the consumer market are included in the complex of economic crimes. The improvement of the economy with the advent of new modern technologies predisposes to the commission of crimes of misappropriation and embezzlement in the consumer market and indicate the need to develop measures to prevent the commission of crimes in this category. The legal basis for appropriation and waste is disclosed. Examples of the fact of appropriation and embezzlement by employees of the consumer market are given, problems that arise for employees in the investigation of a crime are indicated. The relevance of the article lies in the lack of a systematic and integrated approach to the fight against misappropriation and embezzlement in the consumer market with the advent of modern technologies. In the conclusion, recommendations are determined for the further development of a methodology for combating crimes of these categories of criminal cases.

Keywords: misappropriation and waste in the consumer market, information, modern technologies, a set of measures, the structure of the consumer market.

Referents

1. Statistical data. Prosecutor General's Office of the Russian Federation <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (date of access: 03/23/2023).
2. Neganova V. P., Naumov I.V., Sedelnikov V.M. Research and modeling of the consumer market of the metropolis // Practical marketing. 2019. No. 8 (270). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-i-modelirovanie-potrebitelskogo-rynka-megapolisa> (date of access: 04/27/2023).

3. Khairhua A.F., Chepeleva A. Yu. On the role of the consumer market in the economy of the country and the region // Proceedings of the XIII International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum" URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018024395> (date of access: 02/05/2023).
4. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 N2300–1 (as amended on December 5, 2022) "On consumer protection" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (date of access: 03/27/2023).
5. Romanenko Yu. D., Razin A.F., Taktarova S.V., Ivanova M.I., Razin O.A. Interaction of consumer market entities in the digital economy // Bulletin of the Mari State University. Series "Agricultural sciences. Economic Sciences. 2019. No. 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-subektov-potrebitelskogo-rynka-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (date of access: 02/12/2023).
6. Belikova K.M. Study of the impact of digital platforms (marketplaces) created in a network economy on consumer markets and the provisions of competition law // Legal Research. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-sozdannyh-v-usloviyah-setevoy-ekonomiki-tsifrovyyh-platform-marketpleysov-na-potrebitelskie-rynki-i> (date of access: 02/12/2023).
7. Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 N63-FZ (as amended on 04/14/2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 03/27/2023).
8. Kilepo S.M. The problem of entrusted property in criminal law / S.M. Kilepo. – Text: direct // Young scientist. – 2018. – No. 38 (224). – S. 121–123.
9. Decree of the Ministry of Labor of the Russian Federation of December 31, 2002 N85 "On approval of the lists of positions and works replaced or performed by employees with whom the employer can enter into written agreements on full individual or collective (team) liability, as well as standard forms of agreements on full material responsibility" (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 03.02.2003 N4171)
10. Federal Law of May 22, 2003 N54-FZ (as amended on December 29, 2022) "On the use of cash registers when making settlements in the Russian Federation"
11. Pastukhov PS Electronic physical evidence in criminal proceedings // Bulletin. Volume. state university 2015. No. 396. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-veschestvennoe-dokazatelstvo-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (date of access: 02/14/2023).
12. Meshcheryakov V.A. Crimes in the field of computer information: fundamentals of the theory and practice of investigation. – Voronezh: Voronezh Publishing House. state un-ta, 2002 – p. 94

Мера процессуального принуждения временного отстранения от должности в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: некоторые проблемы применения

Прилепский Евгений Тимофеевич,

соискатель кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», помощник судьи Краснодарского краевого суда
E-mail: Prilepskiy93@gmail.com

В работе рассмотрены некоторые особенности применения меры процессуального принуждения временного отстранения от должности в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Автором отмечается, что в настоящее время применение временного отстранения от должности в практической области вызывает значительные затруднения, а в научной сфере является предметом дискуссий. Кроме того, анализ правоприменительной практики свидетельствует о ряде проблем, связанных с законодательной регламентацией применения вышеуказанной меры, а также о двойственном подходе правоохранительных органов. По результату проведенного исследования автором делается вывод, что временное отстранение от должности – это мера процессуального принуждения, которая применяется в ходе проведения предварительного расследования на основании судебного решения в отношении подозреваемых (обвиняемых), независимо от занимаемой должности и сферы их деятельности, за исключением лиц, предусмотренных ч. 5 ст. 114 УПК РФ. Понимание необходимости введения дополнительных законодательных гарантий для субъектов предпринимательской деятельности от необоснованного принуждения, которые бы не позволяли правоприменителю вольно трактовать закон в части применения временного отстранения от должности, и с учетом правовой позиции Конституционного суда РФ, позволило автору сформулировать предложения по изменению редакции ч. 1 ст. 114 УПК РФ.

Ключевые слова: мера процессуального принуждения, временное отстранение от должности, предпринимательская деятельность, предприниматель, экономические преступления.

Статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет основные назначения уголовного судопроизводства, в числе которых защита от необоснованного и незаконного ограничения их прав и свобод. Проводимая в последние годы последовательная государственная политика в сфере совершенствования уголовно-процессуального законодательства, направлена на выработку и закрепление наиболее эффективных способов обеспечения прав лиц, подвергаемых уголовному преследованию, в том числе, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Выделение субъектов экономической деятельности в качестве отдельной группы, в отношении которой предусмотрены специальные нормы уголовно-процессуального законодательства, обусловлено тем, что даже на уровне руководства страны неоднократно озвучивались факты наличия в правоприменительной практике случаев необоснованного возбуждения уголовных дел в отношении этой категории лиц, оказания на них давления посредством необоснованного избрания мер пресечения и процессуального принуждения. Защита бизнеса стала одной из приоритетных задач, нашедших свое отражение в утверждённой Указом Президента РФ 13 мая 2017 г. № 208 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года[3].

Важнейшее значение для обеспечения выполнения целей и задач уголовного судопроизводства имеют меры принуждения. Среди прочих, в ст. 114 УПК РФ предусмотрено временное отстранение от должности, применение которой в практической области вызывает значительные затруднения, а в научной сфере является предметом дискуссий. Разработка данной темы, анализ законодательного регулирования и правоприменения позволит выявить проблемы и сформулировать возможные пути их решения.

Согласно приведенным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ статистическим данным за 2021 г., судами общей юрисдикции в порядке первой инстанции рассмотрено 2284 ходатайств о применении меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности, 1264 (55,34%) из которых были удовлетворены, 681 (29,82%) оставлено без удовлетворения. Для сравнения, в этом же документе говорится о том, что в 2021 г. судами рассмотрено 98034 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу[17].

Очевидно, что временное отстранение от должности не является широко применяемой мерой процессуального принуждения. Причины этого кроются не только в том, что, в отличие, например, от заключения под стражу, лицо, в отношении которого ее применяют, должен иметь должность как таковую, но и в недостаточной конкретике ст. 114 УПК РФ.

Следует отметить, что определенного понятия данной меры принуждения единого подхода в юридической науке не выработано. Одни ученые рассматривают ее как «запрет на выполнение должностным лицом своих функциональных обязанностей» [13, с. 109]. Другие понимают, как запрет продолжать работу на той должности, которую занимает обвиняемый (подозреваемый) [19, с. 290]. М.Р. Гершишева считает, что отстранение от должности – это запрет осуществлять свою профессиональную деятельность по занимаемой должности [14, с. 58]. Т.Л. Прохорова представляет данную меру, как запрет определенному лицу исполнять трудовые функции [18, с. 333].

Такое разнообразие мнений, относительно дефиниции данной меры принуждения вызвано тем, что в ст. 114 УПК РФ используется понятие «отстранение от должности», определение которой ни уголовный, ни уголовно-процессуальный законы в себе не содержат. Это не позволяет однозначно определить круг субъектов, к которым данная мера принуждения применима. Некоторые научные работники и практики считают необходимым при разрешая этого вопроса обращаться к приложению ст. 285 УК РФ [16; 20], полагая, что только в отношении должностных лиц, в уголовно-правовом понимании этого термина, возможно применить отстранение от должности.

Такой подход представляется нам неверным. Действительно, ранее действующий УПК РСФСР от 17 октября 1960 г. [4] в ст. 153 предусматривал, что отстранение от должности возможно только в случае привлечения в качестве обвиняемого (подозреваемого) должностного лица, однако в ст. 114 УПК РФ упоминания об этом должностном лице нет.

Если рассмотреть понятие «должность», то его можно определить как установленная в специальном порядке первичная структурная единица штатного расписания той или иной государственной или негосударственной организации [11]. Исходя из этого, очевидно, что законом предусмотрен значительно более широкий, чем указанный в примечании к ст. 285 УК РФ, круг лиц, которых возможно отстранить от должности. Фактически, исследуемая норма закона не предусматривает никаких ограничений по субъектам применения. От должности могут быть отстранены, в том числе, руководители и сотрудники любых организаций, независимо от их организационно-правовой формы, осуществляющих предпринимательскую, либо иную экономическую деятельность, если по характеру выполняемой ими работы, они имеют возможность продолжить преступную деятельность, скрыть сле-

ды преступления, оказать давление на свидетелей или иным способом оказать противодействие производству по делу.

Отсутствие статистических данных, а также анализ содержания ст. 114 УПК РФ, указывает на невозможность ее применения в отношении лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей. Свою предпринимательскую деятельность данные лица осуществляют в качестве физического лица (ч. 2 ст. 11 НК РФ [1]) и не занимают никакой должности.

Несмотря на то, что, как указывалось выше, закон не вводит ограничений, применение отстранения от должности в отношении некоторых профессиональных групп в практической сфере вызывает затруднение.

В качестве примера можно привести руководителя обществ с ограниченной ответственностью. В соответствии с положениями ст. 33 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] досрочное прекращение полномочий руководителя относится к компетенции общего собрания участников общества. Такой порядок является законодательной гарантией обеспечения стабильности функционирования общества и исключает возможность воздействия извне на его руководящие органы. Следовательно, решение об отстранении директора от должности, затрагивает не только лично его конституционные права, но и может нарушить нормальное функционирование юридического лица.

Конституционный суд РФ, в определении от 02 марта 2006 г. № 54-О [5] указал, что приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным и подлежит применению в системе нормативного единства с положениями специального закона. Таким образом, Конституционный суд, признавая главенство УПК РФ, указывает правоприменителю на необходимость учитывать нормы других законов, предоставляющих права и гарантирующих свободы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

При таком подходе вполне логичным было бы внесение в ст. 114 УПК РФ перечня оснований, наличие которых давало бы возможно применения рассматриваемой меры принуждения. В настоящее время, в таком качестве указано только наличие «необходимости», границы которой законодателем не определены. Из-за правовой неопределенности, положения ст. 114 УПК РФ неоднократно были предметом рассмотрения Конституционного суда РФ.

Например, в определении от 17 октября 2006 г. № 429-О [6] суд указал, что норма закона о временном отстранении от должности подлежит применению при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый (обвиняемый) продолжит преступную деятельность, будет угрожать участником судопроизводства либо воздействовать на них, а также воспрепятствовать производству по уголовному делу. Тем не менее, в процессуальном

законодательстве подобные уточнения не нашли своего отражения.

В специальной литературе отмечается, что при оценке личности обвиняемого (подозреваемого) при применении изучаемой меры принуждения, наряду с примечанием к ст. 285 УК РФ, необходимо учитывать ст. 47 УК РФ[9, с. 128].

По нашему мнению, применение такой аналогии будет неправильным, поскольку отстранение от должности является мерой процессуального принуждения, которая применяется до вынесения судом итогового судебного акта, а наказание, указанное в ст. 47 УК РФ, назначается только в отношении лица, чья вина в совершении преступления установлена судом.

С учетом положений ст. 111 УПК РФ, регламентирующей общие основания применения мер принуждения, можно сделать вывод, что необходимость должна быть обусловлена целями обеспечения установленного порядка судопроизводства и исполнения приговора. Очевидно, что решение о применении меры принуждения должно быть обоснованно и такое обоснование должно содержаться в ходатайстве о ее применении.

Рассматривая процессуальные решения, О.В. Гладышева и Ю.А. Дагүф совершенно справедливо отмечают, что обоснованность предполагает наличие достаточных данных, оправдывающих само решение о проведении процессуального действия[15, с. 51]. Несмотря на то, что ст. 114 УПК РФ не предусмотрены специальные требования к содержанию направляемого в суд ходатайства, оно должно быть мотивированным, обоснованным конкретными фактами с подтверждающими их доказательствами, что следует из ст. 7 УПК РФ.

Доказательством указанного служит постановление Советского районного суда г. Краснодара от 11 августа 2021 г., которым удовлетворено ходатайство следователя о временном отстранении от должности директора юридического лица, являющегося обвиняемым по уголовному делу. Следователь в обосновании заявленного ходатайства указал о том, что последний может противодействовать нормальному ходу предварительного следствия, путем продолжения преступной деятельности, уничтожения еще не собранных доказательств. Однако суд апелляционной инстанции с решением суда первой инстанции не согласился и отменил его, посчитав необходимым отказать в удовлетворении ходатайства следователя, поскольку органом следствия не приложено к ходатайству каких-либо доказательств, объективно подтверждающих наличие описанных доводов[10].

По аналогичным причинам Приморским краевым судом в апелляционном порядке было отменено постановление районного суда. Судом указано, что решение об отстранении от должности должно быть обосновано конкретными обстоятельствами и подтверждены объективными доказательствами[8].

Введение в текст ст. 114 УПК РФ перечня оснований применения временного отстранения

от должности, *во-первых*, позволит следователю (дознавателю) избежать ошибок при решении вопроса о возможности ее применения к обвиняемому (подозреваемому), *во-вторых*, даст возможность суду правильно оценить обоснованность заявленного ходатайства.

Применение анализируемой меры принуждения возможно только по судебному решению на основании ходатайства следователя. Право прокурора обратиться с ходатайством о применении рассматриваемой меры, а также возможности применения этой меры принуждения судом по собственной инициативе при рассмотрении уголовного дела по существу УПК РФ не предусматривает. Тем не менее, анализ судебной практики говорит о том, что суды считают возможным рассмотреть ходатайство государственного обвинителя об отстранении от должности в ходе разбирательства по делу.

Так, Апелляционным постановлением Московского городского суда[7] отказано в удовлетворении жалобы подсудимого, которой мотивировал ее тем, что прокурор не наделен правом ставить вопрос об отстранении от должности, и данная мера не может быть применена к нему после окончания предварительного расследования. В судебном акте суда апелляционной инстанции указано, что, исходя из целей применения иных мер процессуального принуждения и полномочий суда (ст. 29 УПК РФ), при рассмотрении дела по существу, суд вправе принять решение об отстранении от должности по инициативе государственного обвинителя, т.к. он является участником процесса (ст. 246 УПК РФ). Принимая такое решение суд отметил, что принятое отстранение решения может быть применено по ходатайству заявленному до окончания судебного следствия.

О наличии подобной практики упоминает Т.А. Бутенко, указывая на дискуссионность подобной правовой позиции судов первой и апелляционной инстанции. По ее мнению, исходя из смысла положений ст. 114 УПК РФ, отстранение от должности может применяться судом исключительно по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства органа следствия (дознания) на досудебной стадии производства[12, с. 127]. С этим нельзя не согласиться. Действительно, наделение именно следователя и дознавателя правом обращения в суд с ходатайством и правом отмены временного отстранения от должности, определяет, что применение этой меры возможно только в период, когда указанные лица наделены правом принятия по делу процессуальных решений.

Неоднозначным так же является вопрос о периоде действия отстранения от должности. Некоторые ученые и практики полагают, что следователю (дознавателю) в ходатайстве, а суду в постановлении необходимо конкретно указать до какого времени должна действовать данная мера принуждения. Другие полагают, что в таком уточнении нет необходимости и допускают, что данная мера, если она не отменена в ходе расследования, действует до разрешения судом дела, по существу. Правиль-

ным представляется подход буквального толкования смысла ст. 114 УПК РФ, из которой понятно, что отстранение возможно с момента ее применения и до окончания расследования. Следует учитывать, что ст. 114 УПК РФ предоставляет следователю и дознавателю право отменить временное отстранение от должности, тем самым, как мы считаем, возлагает на него обязанность осуществлять контроль за своевременной отменой меры принуждения.

Порядок проведения судебного разбирательства при рассмотрении вопроса о применении изучаемой меры принуждения не урегулирован и не отсылает к какой-либо норме, предусматривающей порядок рассмотрения иных вопросов, но практически осуществляется в соответствии с правовой позицией Конституционного суда РФ, согласно которой избрание временного отстранения от должности в судебном порядке предоставляет право подозреваемого (обвиняемого) и его защитнику высказать свою позицию по существу вопроса. На практике порядок судебного заседания проходит аналогично предусмотренному ст. 108 УПК РФ, с изъятиями, обусловленными сущностью этой меры принуждения.

Необходимо отметить, что особый порядок временного отстранения от должности предусмотрен ч. 5 ст. 114 УПК РФ только в отношении высших должностных лиц.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что временное отстранение от должности – это мера процессуального принуждения, которая применяется в ходе проведения предварительного расследования на основании судебного решения в отношении подозреваемых или обвиняемых, независимо от занимаемой должности и сферы их деятельности, за исключением лиц, предусмотренных ч. 5 ст. 114 УПК РФ. Инициировать ее применение может только следователь или дознаватель.

С учетом современных условий и понимания актуальности введения дополнительных законодательных гарантий для субъектов предпринимательской деятельности от необоснованного применения мер принуждения, необходимо введение таких положений, которые бы не позволили правоприменителю вольно трактовать закон. Безусловно, отстранение, например, руководителя крупного общества с ограниченной ответственностью от должности может негативно сказаться на всей деятельности организации, тем более, если он является единоличным исполнительным органом и учредителем.

Таким образом, может быть полностью парализована деятельность общества, затронуты интересы сотрудников по выплате заработной платы, страдают государственные интересы из-за невозможности осуществления налоговых и иных обязательных платежей, а также интересы лиц, которые имеют с обществом договорные взаимоотношения. Чтобы нивелировать возможность оказания давления на хозяйствующих субъектов, посредством

необоснованного применения временного отстранения от должности, когда риски последствий ее применения по социальной значимости в разы превосходят процессуальную необходимость, считаем возможным внесение в УПК РФ дополнительных требований, выполнение которых будет гарантией законности принимаемого решения.

При этом полагаем излишним законодательно предусматривать виды преступлений, в совершении которых подозревается или обвиняется лицо, к которому предполагается применить данную меру принуждения, по аналогии со ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. Достаточно возложить на следователя, дознавателя и суд обязанности учитывать, при применении отстранения от должности возможность, влияния данной меры на дальнейшее нормальное функционирование и ведение хозяйственной деятельности организацией, сотрудником которой является обвиняемый (подозреваемый), исходя из общих целей уголовно-процессуального законодательства.

С учетом правовой позиции Конституционного суда РФ считаем необходимым изложить ч. 1 ст. 114 УПК РФ в следующей редакции: «1. При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый или подозреваемый, продолжая осуществлять свою трудовую функцию, может продолжить преступную деятельность, уничтожить доказательства, угрожать участникам уголовного судопроизводства, либо иным способом воспрепятствовать производству по уголовному делу, следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом по месту производства предварительного расследования ходатайство о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности, за исключением случая, предусмотренного частью пятой настоящей статьи».

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Российская газета, № 148–149, 06.08.1998.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета, № 30, 17.02.1998.
3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Свод законов РСФСР, т. 8, с. 613.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 № 54-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Аудитор-

ская фирма «АристаЛюКС» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 75 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 20. Ст. 2212.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 N429-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Щербина Алексея Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями части третьей статьи 50, части шестой статьи 114, пункта 8 части второй статьи 131 и части второй статьи 248 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
7. Апелляционное постановление от 16 августа 2022 г. по делу № 10–17085/2022 // СПС «Консультант Плюс».
8. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 14 апреля 2017 г. по делу № 22–2923/2017 // СПС «Консультант Плюс».
9. Алиев А.Б. Актуальные проблемы временного отстранения от должности как иной меры процессуального принуждения // Закон и право. 06–2020. С. 128–130.
10. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 15 сентября 2021 г. по делу № 22–6117/2021 // СПС «Консультант Плюс».
11. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2003. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm>.
12. Бутекно Т.А. Временное отстранение от должности в уголовном процессе и возможные альтернативы его применения // Юристы-Правоведь. 2021. № 3 (98) С. 125–130.
13. Вандышев В.В. Уголовный процесс: конспект лекций. СПб, 2002. С. 109.
14. Гершишева М.Р. Временное отстранение от должности как мера уголовно-процессуального принуждения: понятие, сущность значение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 4 (58). С. 58–62.
15. Гладышева О.В., Дагуф Ю.А. Обоснованность уголовно-процессуальных решений: проблемы и пути их преодоления // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. С. 50–58.
16. Егорова А.С. Судебный контроль над законностью и обоснованностью отстранения от должности // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 12. С. 76–79.
17. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // СПС «Консультант Плюс».
18. Прохорова Т.Л. Проблемы определения понятия временного отстранения от должности // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 333–334.
19. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2003. С. 290.

20. Тензина Е.Ф., Татьяна Л.Г. К вопросу о применении временного отстранения от должности по УПК РФ // Вестник Удмуртского университета. 2014. Вып. 3. С. 201–205.

A MEASURE OF PROCEDURAL COMPULSORY OF TEMPORARY SUSPENSION FROM POSITION IN RESPECT OF PERSONS CARRYING OUT BUSINESS AND OTHER ECONOMIC ACTIVITIES: SOME APPLICATION PROBLEMS

Prilepskii E.T.
Kuban State University

In the work on consideration of some features of the application of the judicial procedure for compelling temporary removal from office in relation to persons engaged in entrepreneurial and other economic activities. The author of the problem is that at present the application of suspension from office in the practical field causes serious difficulties, and in the scientific field there is a problem of discussion. In addition, an analysis of the application of law enforcement practice in dealing with issues related to the consideration of coverage issues, as well as on the dual approach to sensitive organs. Based on the results of the study, the author concludes that temporary removal from office is a measure of the process of initiation that takes place during the trial in connection with suspicion (of the accused), regardless of the position held and the scope of their activities, for individuals, provided for in Part 2 of Art. 5 st. 114 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. With the application of the applicability of the application of extended legislative guarantees for business entities under an unreasonable measure of coercion, it is necessary to include representatives who would not affect the law enforcer to interpret the law, including in terms of the application of temporary suspension from office. In connection with the consideration and consideration of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author of the work is amending Part 1 of Art. 114 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: measure of procedural coercion, suspension from office, entrepreneurial activity, entrepreneur, economic crimes.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on March 18, 2023) // Rossiyskaya Gazeta, No. 148–149, 08/06/1998.
2. Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998 (as amended on April 16, 2022) “On Limited Liability Companies” // Rossiyskaya Gazeta, N30, February 17, 1998.
3. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 “On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period until 2030” // Collection of Legislation of the Russian Federation, May 15, 2017, No. 20, art. 2902.
4. Code of Criminal Procedure of the RSFSR (approved by the Supreme Court of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on December 29, 2001, as amended on November 26, 2002) (as amended and supplemented, effective from July 1, 2002) // Code of Laws RSFSR, vol. 8, p. 613.
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.03.2006 N54-О “On the complaint of the limited liability company” Auditing firm “AristaLyukS” for violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of Articles 7, 75 and 183 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05/15/2006, N20, Art. 2212.
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 17, 2006 N429-О “On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Aleksey Valeryevich Shcherbinin about the violation of his constitutional rights by the provisions of part three of Article 50, part six of Article 114, paragraph 8 of part two of Article 131 and part two of Article 248 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” // ATP “Consultant Plus”.
7. Appeal ruling dated August 16, 2022 in case No. 10–17085/2022 // Consultant Plus SPS.
8. Appeal decision of the Primorsky Regional Court dated April 14, 2017 No. on case No. 22–2923/2017 // SPS “Consultant Plus”.

9. Aliev A.B. Actual problems of temporary removal from office as another measure of procedural coercion // Law and Law. 06–2020. pp. 128–130.
10. Appeal ruling of the Krasnodar Regional Court dated September 15, 2021 in case No. 22–6117 / 2021 // SPS “Consultant Plus”.
11. Big legal dictionary / ed. AND I. Sukharev, V.E. Krutskikh. M., 2003. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm>.
12. Butekno T.A. Temporary suspension from office in criminal proceedings and possible alternatives to its application // Yurist-Pravoved. 2021. No. 3 (98) pp. 125–130.
13. Vandyshev V.V. Criminal procedure: lecture notes. St. Petersburg, 2002. P. 109.
14. Gershisheva M.R. Temporary removal from office as a measure of criminal procedural coercion: concept, essence, meaning // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (58). pp. 58–62
15. Gladysheva O.V., DagufYu.A. Validity of criminal procedural decisions: problems and ways to overcome them // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2022. No. 1. pp. 50–58.
16. Egorova A.S. Judicial control over the legality and validity of removal from office // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 12. pp. 76–79.
17. Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of criminal cases at first instance for 12 months of 2021 // SPS “Consultant Plus”.
18. Prokhorova T.L. Problems of defining the concept of temporary suspension from office // Eurasian legal journal. 2021. No. 8 (159). pp. 333–334.
19. Ryzhakov A.P. Criminal procedure: a textbook for universities. 2nd ed., rev. and additional M., 2003. P. 290.
20. Tensina E.F., Tatyana L.G. To the question of the application of temporary suspension from office under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Bulletin of the Udmurt University. 2014. Issue. 3. pp. 201–205.

Предотвращения преступлений террористической направленности психологическими методами

Степенко Артём Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 007886@pnu.edu.ru

В настоящее время одной из глобальных проблем человечества является терроризм. Особенность данной темы заключается в том, что в нынешнее время она является актуальной и проблемы ее решения стоят очень остро. Терроризм – это явление как социальное, так и психологическое. Так же эта тема интересна для самостоятельного изучения, так как с ней приходится сталкиваться в последнее время всё чаще и чаще. Терроризм считают одним из самых опасных и сложно прогнозируемых явлений в современном мире, которое приобретает все более извращённые формы и увеличивающиеся масштабы. Акты терроризма приносят массовые человеческие жертвы и влекут разрушение материальных ценностей. Кроме того, терроризм провоцирует ненависть между различными религиозными, национальными и социальными группами.

Целью статьи является рассмотрение терроризма как социально-психологического феномена, в частности понять взаимосвязь социального и психологического аспекта данной проблемы. Понять как терроризм воздействует на социальную и политическую сферу всего общества.

В статье рассматриваются психологические аспекты терроризма, как основные причины существования этого феномена.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, личность террориста, психология мира, психологические предпосылки.

Среди явлений, угрожающих сегодня нашему обществу, особое место занимает эскалация терроризма. Терроризм представляет собой одно из самых опасных и сложных явлений современности, приобретающих все более угрожающие масштабы. Террористические акты сеют чувство страха, взаимной вражды, подозрительности. Терроризм во всех его формах и проявлениях и по своим масштабам и интенсивности, по своей бесчеловечности и жестокости превратился ныне в одну из самых острых и злободневных проблем глобальной значимости. Терроризм и международный терроризм как преступления и преступные явления, как часть организованной преступности, угрожают стать в XXI веке серьезными препятствиями на пути решения национальных, региональных и мировых проблем.

Сегодня и политические экстремисты, и простые уголовники, и криминализованные бизнесмены, и просто нездоровые одиночки успешно освоили технику устрашения своих оппонентов. Для этих людей, а точнее не людей, сеять ужас стало повседневным занятием.

В настоящее время мы еще мало знаем о природе и причинах терроризма, личности и стимулах индивидуального террористического поведения. Это происходит, среди прочих причин, и потому, что не научились мы выделять его разновидности, находимся в постоянном поиске того уникального мотива, который порождает поведение террориста [1].

Терроризм, как средство достижения власти посредством общественного страха, существовал на протяжении многих столетий развития человечества. В результате развития глобализации и совершенствования средств массовой информации данное явление в конце двадцатого века начало активно исследоваться деятелями науки и обсуждаться обществом.

В Федеральном законе «О противодействии терроризму» терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [2]. В данном понятии необходимо выделить два основных признака терроризма: применение или угроза применения насилия и его мотивация.

Бедность – одна из первостепенных причин вступления человека в ряды террористов. Как правило, такие люди, не имея должного образования, жизненных интересов и социального статус-

са стремятся за счет страха общества улучшить и стабилизировать свое социальное и материальное положение. Бедность, являясь социально-экономическим фактором, приобретает психологические начала, проявляющиеся в потребности индивида в самореализации, уважении и власти. Такой психотип личности террориста психологи определяют, как фрустрированный.

Идеологическая направленность террористической деятельности существует за счет фанатиков – еще один из распространенных психотипов личности террористов. Данные индивиды мотивируются мыслью о том, «что его действия, независимо от конкретных результатов, полезны для общества и что любые жертвы для достижения «справедливых» целей оправданны» [3].

Насилие сопровождается агрессией – основной психологической составляющей внутреннего мира человека. В психологической науке выделяют такой психотип личности террориста как «человек из ущербной семьи». Как правило, такие люди формируются в семье, где «жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к развитию агрессивной-озлобленной личности с антисоциальными наклонностями» [4].

Выделенные на основании исследований характерные психологические аспекты личности террориста составляют базовую часть внутреннего мира преступника. На основании этого можно сделать вывод, что борьба против конкретного индивида будет наиболее практична, чем против неизвестной группировки.

Этот факт подтверждается высокой конспиративностью терроризма, за счет которого создается эффект неявного врага. Данное явление порождает иллюзию, что большинство террористических акций осуществляются наиболее известными террористическими организациями и порождает заблуждение общества в том, что борьба с терроризмом, это прежде всего убийство его лидера. «Смещение акцента на краткосрочные антитеррористические операции с наглядным результатом отвлекает внимание общества от системной, социокультурной природы терроризма» [5]. Существование стереотипов относительно того, что каждый араб является участником террористической группы также объясняется анонимностью терроризма. Ответственность только за один террористический акт может взять на себя сразу несколько террористических групп, что способствует размытию образа «врага» в общественном сознании и предписывает угрозе любое лицо.

«Не существует «простых решений» сложных социальных проблем. Так называемые «простые решения» (типа «ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к осложнению ситуации» [6]. Терроризм будет существовать до тех пор, пока существует конфликты интересов в обществе.

Психология мира имеет своей целью «разработку теорий и практических подходов, направленных

на предотвращение и ослабление как прямого, так и структурного насилия, она способствует ненасильственному разрешению конфликтов и защите социальной справедливости» [5]. Представители данного направления поставили перед собой цель перенести внимание с симптомов терроризма на его истоки.

Причины терроризма многочисленны, им присущ глобальный характер, а значит данные феномены требуют систематического анализа лучшими представителями психологической науки, разрешения мировыми сообществами и державами. Возможность решения данных проблем при помощи современных подходов психологического воздействия на личность позволит защитить будущее поколение от пагубного влияния «идеологии насилия».

Однако, на современном этапе становления человеческой цивилизации, невозможно повлиять на истоки терроризма, так как решение глобальных проблем это трудоемкий и ресурсозатратный процесс. Следовательно, необходимо разработать меры индивидуального психологического противодействия.

Формирование психологической культуры и развитие психологической грамотности у молодежи – одно из основных направлений индивидуальной профилактики терроризма. Школа наряду с семьей выступает первичным институтом социализации, который закладывает в личность социально значимые ценности и нормы. Начало изучения психологии как учебной дисциплины в учебных заведениях общего образования на обязательной основе способствует формированию логического мышления, способностей самостоятельно принимать решения.

Психологическая подготовка должна отражать следующие требования к предметным результатам освоения:

- 1) сформированность представлений о современной психологической науке, ее специфике, методах психологического познания личности;
- 2) осознанное владение комплексом знаний о развитии личности и общества в целом, психологических процессах, различных видах деятельности индивидов и социальных групп;
- 3) сформированность умений применять психологические знания в общественной деятельности и общении;
- 4) владение способностями к анализу психологических явлений, их актуальных проблем;
- 5) сформированность умений вести диалог, обосновывать свою точку зрения в дискуссии по направлениям психологии;
- 6) владение умениями и навыками самостоятельной научно-исследовательской деятельности по направлениям психологии.

Ограждение будущего поколения от «теории насилия» посредством развития у молодежи психологической культуры посредством формирования установок, направленных на гармоничное развитие, продуктивное преодоление жизненных труд-

ностей, толерантности во взаимодействии с окружающим миром, позволит мировому сообществу избавиться от одного из источников терроризма.

Литература

1. Электронный ресурс: URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/prog/l6-2.htm> (дата обращения 21.05.2023)
2. Федеральный закон от 06.03.2006 N35-ФЗ (ред. от 08.12.2022) «О противодействии терроризму» // Электронный ресурс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения 17.05.2023)
3. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 (ред. от 11.12.2022) // Электронный ресурс: URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bf0ceabdc94110049a583890956abbfa/> (дата обращения 19.05.2023)
4. Электронный ресурс: URL: <http://www.academyrh.info/html/ref/20050902.htm> (дата обращения 21.05.2023)
5. Электронный ресурс: URL: <https://obrazovanie-gid.ru/dokumentaciya/dubrovina-prepodavanie-psihologii-v-shkole-3-11-klassy.html> (дата обращения 18.05.2023).
6. Электронный ресурс: URL: <https://www.litres.ru/book/v-a-sosnin/sovremennyy-terrorizm-socialno-psihologicheskij-analiz-9371743/chitat-onlayn/> (дата обращения 20.05.2023).

PREVENTION OF TERRORIST CRIMES BY PSYCHOLOGICAL METHODS

Stepenko A.V.
Pacific State University

Prevention of terrorist crimes by psychological methods Abstract. At present, terrorism is one of the global problems of mankind. The peculiarity of this topic lies in the fact that at the present time it is relevant and the problems of its solution are very acute. Terrorism is both a social and a psychological phenomenon. Also, this topic is interesting for self-study, as it has to be dealt with more and more often lately.

Terrorism is considered one of the most dangerous and difficult to predict phenomena in the modern world, which is becoming more and more perverted and on an increasing scale. Acts of terrorism cause massive loss of life and destruction of property. In addition, terrorism provokes hatred between different religious, national and social groups.

The purpose of the article is to consider terrorism as a socio-psychological phenomenon, in particular, to understand the relationship between the social and psychological aspects of this problem. Understand how terrorism affects the social and political sphere of society as a whole. The article examines the psychological aspects of terrorism as the main reasons for the existence of this phenomenon.

Keywords: terrorism, terrorist activity, personality of the terrorist, psychology of the world, psychological prerequisites.

References

1. Electronic resource: URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/prog/l6-2.htm> (accessed 21.05.2023)
2. Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 (as amended on December 8, 2022) "On Combating Terrorism" // Electronic resource: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (accessed 05/17/2023)
3. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of May 17, 2012 No. 413 (as amended on December 11, 2022) // Electronic resource: URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bf0ceabdc94110049a583890956abbfa/> (Accessed on May 19, 2023)
4. Electronic resource: URL: <http://www.academyrh.info/html/ref/20050902.htm> (accessed 21.05.2023)
5. Electronic resource: URL: <https://obrazovanie-gid.ru/dokumentaciya/dubrovina-prepodavanie-psihologii-v-shkole-3-11-klassy.html> (accessed 05/18/2023).
6. Electronic resource: URL: <https://www.litres.ru/book/v-a-sosnin/sovremennyy-terrorizm-socialno-psihologicheskij-analiz-9371743/chitat-onlayn/> (accessed 05/20/2023).

Проблемы уголовно-правовой квалификации жестокого обращения с детьми

Тихонова Анастасия Сергеевна,

аспирант, Юридический институт, Сибирский федеральный университет

E-mail: anastasiatikhonova_99@mail.ru

Статья посвящена проблеме уголовно-правовой квалификации жестокого обращения с детьми. Выбор темы статьи обусловлен высоким уровнем жестокого обращения в современном мире и отсутствием конкретной уголовно-правовой квалификации данного явления. Согласно докладу ООН о положении дел в мире в области профилактики насилия в отношении детей в 2020 г. около 300 миллионов детей в возрасте 2–4 лет регулярно подвергаются жестокому обращению. В уголовном праве России отсутствует четкое определение понятия «жестокое обращение». Несмотря на отсутствие данной дефиниции, само явление продолжает существовать. Необходимо понимать, какие нормы уголовного права регулируют ответственность за жестокое обращение с детьми.

Ключевые слова: несовершеннолетний, жестокое обращение с детьми, физическое насилие, психологическое насилие, сексуальное насилие, пренебрежение основными нуждами ребенка.

Для того чтобы иметь представление о проблемах квалификации жестокого обращения с детьми необходимо прежде всего понимать его природу. В действующих на сегодняшний день нормативных правовых актах РФ определение понятия «жестокое обращение» не раскрывается. В литературе вопрос понимания жестокого обращения является дискуссионным. Также представляет интерес вопрос о жестокости как системе действий и поступков. В этой связи немаловажную роль играет ответ на вопрос является ли единичный случай применения какого-либо наказания к ребенку жестоким обращением?

Жестокое обращение с детьми – это обширное явление, включающее в себя различные формы недостойного обращения с несовершеннолетними. Проанализировав отечественную литературу по данному вопросу, можно вывести следующее определение данного понятия: жестокое обращение с детьми – это систематические действия, направленные на причинение физического или морального вреда ребенку, либо единичный случай причинения такого вреда, повлекший для ребенка физические или нравственные страдания, а равно бездействие в форме пренебрежения основными нуждами ребенка, повлекшее вред его здоровью или причинившее ему физические и нравственные страдания.

Так как в уголовном кодексе нет норм, прямо регулирующих ответственность за жестокое обращение с детьми, при квалификации данного явления необходимо рассматривать конкуренцию и совокупность уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за различные преступления в отношении детей. «Подобная конкуренция, в частности, имеет место в случаях, когда жестокое обращение с ребенком со стороны субъектов, указанных в ст. 156 УК РФ, одновременно содержит признаки составов других преступлений, например побоев (ст. 116 УК РФ), умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), истязания (ст. 117 УК РФ), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) и др.» [1]

Легальное определение «жестокое обращение с детьми» в уголовном законодательстве, как было указано нами ранее, отсутствует. В законе нет указания на то, что какое-либо преступление по отношению к ребенку является жестоким обращением с ним.

Судебная практика также не дает конкретного определения понятия «жестокое обращение с несовершеннолетними». Однако, Челябинский

областной суд предпринял попытку определить место данной категории в уголовном праве. Он указывал на то, что преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ преступно только в случае, если оно соединено с жестоким обращением. Под жестоким поведением суд предлагал понимать «систему поведения виновного по отношению к потерпевшему, характеризующуюся причинением ребенку мучений и страданий в связи с применением к нему физического или психического насилия, издевательства над потерпевшим.» [1]. При этом Челябинский суд указывает на две формы жестокого обращения – физическое и психологическое насилие. В традиционной классификации их выделяют четыре. Помимо перечисленных двух в качестве форм жестокого обращения отмечают также сексуальное насилие и пренебрежение основными нуждами ребенка.

Рассматривая физическое насилие, необходимо обратить внимание, что «в 55% случаев преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ, было сопряжено с применением в отношении несовершеннолетнего физического насилия (начиная от лишения свободы и завершая умышленным причинением смерти)» [2]. Следовательно, ст. 156 является жестоким обращением только в совокупности с такими статьями УК РФ, как «Побои» (ст. 116), «Истязание» (ст. 117). При этом сами указанные статьи относятся к жестокому обращению независимо от того, были они совершены в совокупности с другими преступлениями или нет. То есть любые побои и истязания являются жестоким обращением, но жестокое обращение – это не только побои и истязания.

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних также не всегда является жестоким обращением. «Первый вариант уголовно-правовой квалификации жестокого обращения с несовершеннолетним, сопряженного с побоями, ... когда содеянное квалифицируется только по ст. 156 УК РФ... Второй вариант – оценка содеянного по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ и ст. 116 УК РФ... И наконец, третий вариант, который был выявлен при мониторинге применения ст. 116, 116.1 УК РФ – квалификация побоев, совершенных родителями в отношении несовершеннолетних детей, только по статье о побоях без вменения ст. 156 УК РФ» [2].

Исходя из вышесказанного, действия, предусмотренные ст. 116 и 116.1 УК РФ являются жестоким обращением независимо от того, сопряжены они со ст. 156 или нет. Известны случаи, когда побои были квалифицированы как неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Однако и в таком случае они признавались жестоким обращением.

Если же рассматривать психологическое насилие как одну из форм жестокого обращения, то важно отметить, что данное деяние может выражаться в угрозах, оскорблениях, унижении достоинства, завышенных требованиях и как следствие может представлять трудности при квалификации

его как жестокого обращения. Любое преступление, совершенное в отношении несовершеннолетнего, будет являться для него психологической травмой и может нанести ущерб его психическому здоровью.

«Анализ следственно-судебной практики, имеющихся в свободном доступе приговоров показал, что в практической деятельности отсутствуют случаи вынесения приговора суда по обвинению в совершении преступления по ст. 156 УК РФ при применении к ребенку только психического насилия» [3]. Психологическое насилие фигурирует в таких делах только как следствие применения побоев или сексуального домогательства. Такая проблема, на наш взгляд, возникает по причине того, что на практике жестокое обращение в большинстве случаев понимается как физическое или сексуальное насилие, либо пренебрежение основными нуждами ребенка, однако по мнению В. Кузьменко, если бы воля законодателя была ориентирована только на физическое насилие, то в диспозиции ст. 156 УК РФ употреблялось бы понятие «насилие», которое регламентировано уголовным законом как физическое действие [4].

Проанализировав некоторые статьи Уголовного кодекса, можно прийти к выводу, что некоторые из них при правильном толковании могут быть отнесены к жестокому обращению в форме психологического насилия. Например, действия, предусмотренные ст. 119 УК РФ – «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», независимо от того, каким образом и к кому они применяются, рассматриваются как один из видов психологического насилия, так как их можно понимать как негативное психологическое воздействие на человека. Важным в этом определении является то, что человек должен иметь основания опасаться осуществления этой угрозы. Дети в силу своих психофизиологических особенностей реагируют на различные действия в отношении них более ярко, поэтому если данное воздействие осуществлялось в отношении несовершеннолетнего, такое можно трактовать как психологическое насилие в отношении несовершеннолетнего. В случае угрозы убийством, ребенку причиняется значительный моральный вред, который может повлечь негативные последствия, например, у ребенка могут развиваться фобии, психические заболевания. Поэтому данный вид насилия можно отнести к жестокому обращению.

Статья 230 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ» УК РФ также предусматривает действия, которые можно отнести к психологическому насилию. Если такие действия совершены в отношении несовершеннолетнего, это является квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 230 УК РФ. Склонение лица к чему-либо также является психологическим воздействием. Склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотических веществ влечет серьезные негативные последствия для психического здоровья ребенка, так как в случае

его реализации это может причинить вред психике, здоровью и развитию ребенка. Иногда это может привести к летальному исходу. Таким образом, подобные действия также относятся к психологическому насилию и могут интерпретироваться как жестокое обращение с ребенком.

Третьей формой жестокого обращения, как было рассмотрено нами выше, является сексуальное насилие. Сексуальное насилие над несовершеннолетним является глобальной проблемой и предусматривает самые жесткие меры уголовной ответственности. В Уголовном кодексе РФ существует большое количество норм, регулирующих защиту несовершеннолетних от любого сексуального воздействия.

Одной из таких норм является ст. 131 «Изнасилование» УК РФ. Под изнасилованием в данной статье понимается «половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей». Изнасилование несовершеннолетнего ребенка является квалифицирующим признаком и в любом случае наказывается лишением свободы. Закон разделяет несовершеннолетних потерпевших от данного преступления на две категории: несовершеннолетние и не достигшие 14 лет.

К сексуальному насилию также относятся и насильственные действия сексуального характера, предусмотренные ст. 132 УК РФ. К таким относятся, например, мужеложство или лесбиянство.

Понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, предусмотренные ч. 2 ст. 133 УК РФ также являются одной из форм жестокого обращения с детьми. Данные действия представляют собой самостоятельное преступление, независимо от наступившего результата. Даже в случае отсутствия в результате контакта между эти лицом и жертвой, применяются санкции, предусмотренные ст. 133 УК РФ.

Статья 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» УК РФ непосредственно указывает на возраст потерпевшего, однако не всегда является насилием и не предусматривает в качестве наказания только лишение свободы. Если разница между лицами составляет не более четырех лет, лишение свободы к подсудимому не применяется. Такое возможно и в случае вступления в брак с потерпевшей. Соответственно, данная норма не имеет непосредственного отношения к насилию и как жестокое обращение не определяется.

К форме жестокого обращения также относятся развратные действия, предусмотренные ст. 135 УК РФ. Данная норма разграничивает возраст несовершеннолетних жертв на две категории: не достигшие шестнадцатилетнего возраста и достигшие двенадцатилетнего, но не достигшие четырнадцатилетнего возраста. При этом, развратные действия, совершенные в отношении первой категории несовершеннолетних не всегда влекут ли-

шение свободы. Так, в санкции нормы указано: «...наказывается обязательными работами на срок до четырехсот сорока часов, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового». В случае совершения подобных действий в отношении несовершеннолетних, которые отнесены ко второй категории (от 12 до 14 лет), в качестве санкции допустимо только лишение свободы, как указано в ч. 2 ст. 135.

Обращаясь к классификации Н.В. Табаринной, которая разделяла формы жестокого обращения на контактные и бесконтактные, сексуальное насилие также можно разделить на контактное (подразумевающее сексуальный контакт) и бесконтактное. Та как мы выделяем в качестве форм жестокого обращения физическое и сексуальное насилие, можно также разделить сексуальное насилие на две категории:

- физическое (контактное) сексуальное насилие;
- психологическое (бесконтактное) сексуальное насилие.

Так, как первой группе относятся изнасилование и насильственные действия сексуального характера, так как они предполагают непосредственный контакт. К психологическому (бесконтактному) сексуальному насилию можно отнести понуждение к действиям сексуального характера и развратные действия, так как сам половой акт не происходит, но причиняется вред психике ребенка.

Таким образом, уголовное законодательство представляет широкий пласт норм, регулирующих защиту несовершеннолетних от любых форм сексуального насилия. Это еще раз подтверждает, что сексуальное насилие является самой «тяжелой» формой жестокого обращения с детьми.

При рассмотрении пренебрежения основными нуждами ребенка как формы жестокого обращения, необходимо обратиться к определению Верховного Суда РФ от 14.07.2004 № 58–004–43, в котором он разъяснил, что убийство, совершенное, например, путем оставления ребенка без воды и пищи не образует совокупности преступлений по ст. 105 и 156 УК РФ. Так, «Б. была признана виновной по ст. 105 и п.п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ за оставление на длительный период ребенка без воды и пищи, вследствие чего ребенок умер. Б. признана виновной в том, что она не исполняла свои родительские обязанности по воспитанию несовершеннолетней дочери, что было соединено с жестоким обращением с несовершеннолетней дочерью, а также в совершении с особой жестокостью умышленного убийства своей дочери, заведомо для осужденной находившейся в беспомощном состоянии» [5]. Судебная коллегия сочла обвинения Б. в преступлении, предусмотренном ст. 156

УК РФ излишне предъявленными. Следовательно, мать была признана виновной в убийстве дочери и осуждена по п.п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Пренебрежение нуждами ребенка как форма жестокого обращения также предусматривает нормы, приведенные не в одной главе УК РФ. К ним относятся: ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному», ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности», п. «д» ч. 2 ст. 127 «Незаконное лишение свободы», п. «б» ч. 2 ст. 127.2 «Использование рабского труда».

Однако при квалификации пренебрежения нуждами ребенка как жестокого обращения необходимо тщательное изучение всех обстоятельств, так как при отсутствии должной степени общественной опасности оно может быть признано малозначительным.

Упомянутая нами ранее ст. 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних» УК РФ представляет особый интерес, так как применима ко всем формам жестокого обращения. Поэтому в контексте рассматриваемого вопроса эта норма зачастую применяется в совокупности с перечисленными нами ранее нормами Уголовного кодекса РФ. «Как правило суды признают жестоким обращением совершение нескольких видов поведения» [6].

Важно понимать, что большинство статей Уголовного кодекса РФ предусматривают действия, которые могут причинить вред и повлечь негативные последствия для несовершеннолетних и, следовательно, могут являться жестоким обращением, однако мы рассмотрели те из них, которые непосредственно относятся к выведенному нами ранее определению «жестокое обращение».

Литература

1. Коваль, Н.В. Проблемы квалификации жестокого обращения с детьми / Н.В. Коваль // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 66
2. Отчет о мониторинге судебной практики применения в 2016–2019 годах ст. 156 УК РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). – Режим доступа: https://spbu.ru/sites/default/files/monitoring_sudebnoi_praktiki_156ukrf.pdf. Дата обращения: 05.05.2023
3. Западнова, Ю.А. Жестокое обращение с детьми и формы его проявления: вопросы квалификации / Ю.А. Запанова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1 (69). – С. 75
4. Кузьменко, В. Понятие «жестокое обращение» при квалификации преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 65
5. Определение Верховного Суда РФ от 14.07.2004 № 58–004–43. Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/79985>. Дата обращения: 06.05.2023
6. Отчет о мониторинге судебной практики применения в 2016–2019 годах ст. 156 УК РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). – Режим доступа: https://spbu.ru/sites/default/files/monitoring_sudebnoi_praktiki_156ukrf.pdf. Дата обращения: 06.05.2023

PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL QUALIFICATION OF CHILD ABUSE

Tikhonova A.S.

Siberian Federal University

The article is devoted to the problem of criminal legal qualification of ill-treatment of children by me. The choice of the topic of the article is due to the high level of ill-treatment in the modern world and the lack of a specific criminal legal qualification of this phenomenon. According to the UN State of the World Report on the prevention of violence against children in 2020, about 300 million children aged 2–4 years are regularly subjected to abuse. There is no clear definition of the concept of “ill-treatment” in Russian criminal law. Despite the absence of this definition, the phenomenon itself continues to exist. It is necessary to understand which norms of criminal law regulate responsibility for child abuse.

Keywords: minor, child abuse, physical violence, psychological violence, sexual violence, neglect of the basic needs of the child.

References

1. Koval, N.V. Problems of qualification of child abuse / N.V. Koval // Criminal law. – 2015. – No. 1. – p. 66
2. Report on the monitoring of judicial practice of application in 2016–2019 of Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation (Failure to fulfill duties for the upbringing of a minor). – Access mode: https://spbu.ru/sites/default/files/monitoring_sudebnoi_praktiki_156ukrf.pdf
3. Zapadnova, Yu.A. Child abuse and forms of its manifestation: questions of qualification / Yu.A. Zapanova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 1 (69). – P. 75
4. Kuzmenko, V. The concept of “ill-treatment” in the qualification of a crime under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Law. – 2014. – No. 5. – p. 65
5. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.07.2004 No. 58–004–43. Access mode: <https://zakonbase.ru/content/base/79985>
6. Report on the monitoring of judicial practice of the application in 2016–2019 of Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation (Failure to fulfill duties for the upbringing of a minor). – Access mode: https://spbu.ru/sites/default/files/monitoring_sudebnoi_praktiki_156ukrf.pdf

Взаимодействие правоохранительных органов с банками и операторами сотовой связи в предупреждении дистанционных мошенничеств

Шпетная Анна Владимировна,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД
России
E-mail: futureprevention@mail.ru

В статье дается определение дистанционных мошенничеств, анализируется их состояние в России, предлагается комплекс мер предупреждения анализируемых общественно опасных деяний. Особое внимание в статье уделяется взаимодействию правоохранительных органов с банками, операторами сотовой связи. Предлагается новая система идентификации сотрудников банков и органов власти через получение уникального персонального кода, назвав который, потенциальная жертва сможет определить, что к ней обращается не сотрудник банка или правоохранитель, а мошенник. Виктимологическое предупреждение автор предлагает реализовывать через социальные сети и мессенджеры, таргетинг и микротаргетинг в поисковых системах, электронных почтах, Вконтакте и Одноклассниках. Особое внимание автор уделяет социальной сети Одноклассники, с учетом среднего возраста жертв и ежегодного увеличения числа пострадавших от дистанционных мошенничеств пенсионеров.

Ключевые слова: мошенничество, дистанционное мошенничество, мошенник, предупреждение, виктимность, жертва, информация, Интернет.

Сегодня существуют идеальные условия быстрой трансформации преступности на основе телекоммуникационных технологий, приемов социальной инженерии и использования данных различного уровня, гибридных способов совершения преступлений. Все чаще мы можем наблюдать нелегальную продажу баз данных. Любой человек за определенную сумму может получить доступ к паспортным данным, информации о счетах, домашних адресах, номерах телефонов неограниченного круга лиц. В качестве одного из последних примеров представляется возможным привести случаи продажи баз данных РЖД, СДЕК и Яндекс.

Таким образом, сегодня мошенники связываются с потенциальной жертвой уже имея все персональные данные о ней. Имея всю необходимую информацию для убеждения, они действуют дистанционно, похищают обманным путем значительные суммы денег у случайных жертв без личного контакта. Это подтверждается следственно-судебной практикой как на территории всей России, так и на территории отдельных субъектов: еженедельно дистанционно мошенники похищают у жителей отдельных субъектов Российской Федерации (Далее – РФ) от пяти до двадцати пяти миллионов рублей. В 2022 году дистанционно в среднем жителям по субъектам РФ причинен ущерб в сумме 230–250 млн рублей, возмещается из них лишь 3–5 млн рублей в каждом субъекте [1].

Почему складывается такая сложная оперативная обстановка? Первая причина статическая: до сегодняшнего дня (как по любому «молодому» преступлению) не установлено единое понимание дистанционных мошенничеств, не определены и не разработаны наиболее эффективные фундаментальные меры противодействия дистанционным мошенничествам. Нет системы оперативного взаимодействия с коммерческими организациями, операторами сотовой связи, социальными сетями и агрегаторами объявлений.

Новеллы Уголовного закона (закрепление новых видов мошенничеств в ст. 159.3 и ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее – УК РФ)) должны были укрепить систему предупреждения постоянно меняющихся по объективным признакам дистанционных мошенничеств, упростить процесс выявления и квалификации рассматриваемых преступлений, но серьезных положительных изменений в оперативной обстановке до сих пор не произошло. Результат противоположный. Это подтвердили опрошенные нами в рамках интервьюирования дознаватели и следователи (67%), работники прокуратуры (84%) и суда (71%) (опрос проводился в 2021 году).

Вторая причина динамическая: население и правоохранительная система физически не успевают эффективно реагировать на новые преступные вызовы без специальных технологий, должного уровня координации и информирования. Необходимо признать, что сложившаяся система предупреждения корыстных преступлений сегодня не работает. Раскрываемость дистанционных мошенничеств за последние 5 лет не превысила 10–15%, при общем увеличении вала их регистрации в несколько десятков раз. В 2023 году данная динамика сохраняется, в некоторых городах дистанционные мошенничества вообще не раскрываются [1].

Все это свидетельствует о резко меняющейся корыстной преступности, внедрении методов социальной инженерии, специальных технических средств и о том, что правоохранительная система и население оказались к этому не готовы. Существующая до 2022 года система выявления и предупреждения дистанционных мошенничеств устарела и нуждается в серьезной переработке [2].

Таким образом в настоящее время есть острая необходимость в разработке, теоретическом обосновании и эмпирическом подтверждении авторской концепции определения понятия, характерных особенностей и состояния дистанционных мошенничеств.

Выдвижению оригинальных криминологических гипотез относительно видов дистанционных мошенничеств и их предупреждения.

Требуется установление причин, и отдельных особенностей личности самих преступников (социально–демографические, нравственно–психологические признаки), а также криминологический портрет потенциальных жертв анализируемых преступлений. Предложить алгоритм взаимодействия государственных и коммерческих организаций в рамках виктимологического предупреждения дистанционных мошенничеств.

Путем анализа материалов уголовных дел, отказных материалов подразделений МВД России, а также интервьюирования сотрудников правоохранительных органов удалось установить следующее:

С учетом судебного толкования (Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15 декабря 2022 г.) и в целях унификации определения дистанционного мошенничества, под таковым следует понимать умышленное завладение чужим имуществом, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, при отсутствии непосредственного личного контакта с потерпевшим и использовании информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет» и сетей операторов связи).

Низкая раскрываемость дистанционных мошенничеств свидетельствует о недостаточном инструментальном и методическом уровне раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений в отдельных субъектах и на территории всей России. В 2022 году с января по май отмечалось снижение числа регистрируемых дистанционных

мошенничеств (ряд экспертов связывают это с началом специальной военной операции и физическим уничтожением колл-центров мошенников), однако, с июня по декабрь 2022 года зафиксирован новый прирост. В 2023 году прогнозируется дальнейший поступательный рост числа регистрируемых дистанционных мошенничеств и увеличение валового ущерба потерпевшим. Следует при этом учитывать высокую латентность анализируемых преступлений, когда потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы, не веря в обнаружение преступника и возмещение ущерба.

Не смотря на большой объем незарегистрированных дистанционных мошенничеств, и на основе имеющейся судебно-следственной практики, среди всех форм дистанционных мошенничеств представляется возможным выделить три наиболее распространенных:

а) с использованием сайтов, мессенджеров и социальных сетей – 54,7% от всех анализируемых случаев, посредством которых причинено 72,8% ущерба (до 3 миллионов рублей на одного пострадавшего);

б) через звонки от лица сотрудников банка и МВД с требованием перевода средств потерпевшего на «безопасный счет» – 28,6% от общего числа дистанционных мошенничеств, ущерб составил 24,2% от общего ущерба, причиненного дистанционными мошенничествами;

в) через установку приложений удаленного доступа, а также использования вредоносных ссылок – 16,7% случаев, причинивших 3% ущерба (средняя сумма ущерба по такой форме дистанционного мошенничества составила 3 тысячи рублей).

Из материалов подразделений МВД России и анкетирования сотрудников указанных подразделений следует, что дистанционные мошенничества чаще всего совершают мужчины в возрасте 25–35 лет, ранее судимые, в настоящее время самозанятые, либо работающие IT-специалистами. За 2022 год приоритет в «специализации» дистанционных мошенников сместился с массовых звонков на программирование. Немаловажную роль в этих изменениях сыграли профилактические мероприятия МВД, направленные на информирование населения о новых формах мошенничеств и накопительный эффект осведомленности населения.

Портрет потенциальной жертвы дистанционного мошенничества: в 60% случаев это женщины, в 40% – мужчины, средний возраст потерпевших 40–50 лет, минимальный возраст потенциальной жертвы составляет 23 года, максимальный – 81 год. Потенциальные жертвы как правило обладают уровнем дохода до 50 тысяч рублей в месяц на одного члена семьи, ущерб в каждом втором анализируемом случае для них значительный. Все изученные потерпевшие отмечают недостаток у себя компьютерной и мобильной грамотности, а также слабо развитую банковскую инфраструктуру места их жительства.

С учетом приведенных выше данных справедливо утверждать, что будущее за предупреждением через мгновенное информирование. В этом направлении для МВД России представляется перспективным более плотное сотрудничество со СМИ, Яндекс и Мэйл-групп. Выход на информирование населения через таргетированную рекламу в электронной почте, поисковых системах и социальных сетях. Особое внимание следует уделить социальной сети Одноклассники, с учетом среднего возраста жертв и ежегодного увеличения числа пострадавших от дистанционных мошенничеств пенсионеров. В соответствии со статданными МВД России в 2022 году в ряде регионов их процентное соотношение к другим группам потерпевших выросло с 37,7% до 100% [3].

Еще одним ключевым решением предупреждения дистанционных мошенничеств представляется оперативное взаимодействие образованных в конце 2022 года в структуре МВД России подразделений по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (ранее подразделения «К») с ключевыми банками Российской Федерации и крупнейшими операторами мобильной связи в России (МТС, Билайн, Мегафон, Теле 2). Совместно с АО «Тинькофф Банк» нами разрабатывается соответствующий регламент взаимодействия с указанием сроков исполнения запросов, правами и обязанностями сторон.

Для эффективной правоприменительной деятельности относительно предупреждения дистанционных мошенничеств сегодня также требуется принятие единого акта по образцу Будапештской конвенции о киберпреступлениях (Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации), обособление норм о так называемом «компьютерном мошенничестве» с разграничением составов преступлений, предусмотренных статьями 159, 159.3 и 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это подтвердили опрошенные нами дознаватели и следователи (67%), работники прокуратуры (84%) и суда (71%).

Представляется, что все полученные теоретические результаты нашего исследования развивают имеющиеся научные представления о дистанционных мошенничествах современными криминологическими гипотезами. Дополняют и актуализируют систему предупреждения дистанционных мошенничеств. Положения, выводы и рекомендации, сформулированные в статье, могут послужить теоретической основой для повышения эффектив-

ности правоприменительной деятельности органов внутренних дел.

Литература

1. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru> (Дата обращения: 21.05.2023).
2. Сирик М.С., Озерская А.Г. Профилактика преступлений, связанных с дистанционными мошенничествами, осуществляемая ОВД РФ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2 (45). С. 241–246.
3. Бугера М. А., Чхвимиани Э.Ж., Новохатский Д.А., Свиначев С.В. Некоторые вопросы предупреждения мошенничеств, совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4. С. 33–38.

INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES WITH BANKS AND MOBILE OPERATORS IN THE PREVENTION OF REMOTE FRAUD

Shpetnaja A.V.

Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article defines remote frauds, analyzes their state in Russia, and suggests a set of measures to prevent the analyzed socially dangerous acts. Special attention is paid in the article to the interaction of law enforcement agencies with banks, mobile operators. A new system of identification of employees of banks and authorities is proposed through obtaining a unique personal code, by naming which, a potential victim will be able to determine that she is being approached not by a bank employee or a law enforcement officer, but by a fraudster. The author suggests implementing victimological warnings through social networks and messengers, targeting and microtargeting in search engines, emails, Vkontakte and Odnoklassniki. The author pays special attention to the Odnoklassniki social network, taking into account the average age of the victims and the annual increase in the number of pensioners affected by remote fraud.

Keywords: fraud, remote fraud, fraudster, warning, victimization, victim, information, internet.

References

1. Portal of legal statistics. URL: <http://crimestat.ru> (Date of reference: 21.05.2023).
2. Sirik M.S., Ozerskaya A.G. Prevention of crimes related to remote fraud carried out by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2021. No. 2 (45). P. 241–246.
3. Bugera M. A., Chkhvimiani E. Zh., Novokhatsky D.A., Svinarev S.V. Some issues of fraud prevention committed remotely using cellular communications // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. P. 33–38.

Некоторые проблемы в классификации правовых систем мира

Инякин Евгений Викторович,

аспирант, кафедра “Теоретико-исторические правовые науки”, НОЧУ ВО “Московский финансово-промышленный университет “Синергия”
E-mail: swarzengold@gmail.com

Статья представляет анализ основных правовых систем мира и проблем, связанных с их классификацией. В начале статьи представлен обзор основных правовых систем, таких как континентальная, общая, традиционная, религиозная и славянская, и упоминается мусульманская система права. Затем исследуются проблемы, связанные с классификацией правовых систем, такие как сложность определения границ между системами, изменчивость систем в процессе исторического развития, влияние глобализации на правовые системы и различия в методологических подходах к их классификации.

Далее автор проводит анализ существующих подходов к классификации правовых систем. Обсуждаются теоретические основы классификации, включая идеологический подход и правовой стиль. Также рассматриваются критерии классификации правовых систем, такие как историческое развитие, источники права, юридическая техника, правовая культура и географическое распространение.

В заключении статьи производится оценка достоинств и недостатков разных подходов к классификации, подчеркивая их теоретическую значимость и практическую применимость. Анализ представленных подходов и критериев классификации помогает более полно и объективно понять особенности и различия между правовыми системами. Статья предлагает комплексный обзор и анализ классификации правовых систем, что может быть полезным для исследователей и специалистов в области права.

Ключевые слова: правовые системы мира, классификация, основные системы, границы правовых систем, изменчивость, глобализация.

Основные правовые системы мира представлены различными подходами к праву, которые влияют на организацию и источники права, а также на системы судопроизводства. В настоящее время выделяют несколько основных правовых систем [1]:

1. Континентальная правовая система (Романо-германская система):

Континентальная правовая система, известная как Романо-германская система, существует во многих странах Европы, включая Францию, Германию, Италию, Испанию, Португалию и другие. Она присутствует в других частях мира, таких как Латинская Америка и часть Африки. Эта система имеет свои корни в римском праве, которое распространилось в результате завоевательной политики Римской империи и торговых связей римских граждан.

Романо-германская система характеризуется высоким авторитетом закона. Основной источник права – закон, и все остальные нормативные акты должны соответствовать ему. Конституция страны является высшим законом. Законы, регулирующие отдельные области права, могут быть объединены в единый свод, называемый кодексом. Эта система ориентирована на кодифицированные законы, которые содержат основные права физических и юридических лиц. В суде юристы ищут применимую норму права, которая бы подходила к конкретному делу и руководствовались кодифицированными законами.

2. Общая система права (англосаксонская система):

Общая система права, также известная как англосаксонская система, является продуктом развития права в англоязычных странах, прежде всего в Англии и Соединенных Штатах Америки. Эта система влияет на Канаду, Австралию, Новую Зеландию и другие страны, которые имеют правовую традицию, исходящую из британского права.

Основным источником права в англосаксонской системе является судебный прецедент. Судебный прецедент, то есть решение высшего суда по аналогичному делу, играет важную роль в определении правил и принципов права. Суды при принятии решений руководствуются предыдущими решениями высших судов и создают прецеденты, которые становятся авторитетными для будущих дел.

В отличие от континентальной системы, где закон имеет первостепенное значение, в англосаксонской системе большую роль играет обычное

право, формируемое через решения судов. Помимо прецедентов, вторичными источниками права в этой системе являются толкования статутов, которые осуществляются судами. Они могут интерпретировать законы и применять их к конкретным ситуациям в соответствии с прецедентами.

3. Традиционные правовые системы:

Кроме двух основных систем, существуют и другие традиционные правовые системы, которые имеют свои особенности и распространены в определенных регионах. Например, некоторые страны имеют свои собственные традиционные системы права, основанные на местных обычаях, религиозных установках или исторических традициях. Примерами могут быть религиозные правовые системы, такие как исламское право (шариат) в странах с мусульманским большинством населения, или славянская правовая система, которая характерна для некоторых стран Восточной Европы.

4. Религиозные правовые системы:

Религиозные правовые системы основываются на религиозных учениях и законах, которые регулируют различные сферы жизни в соответствии с религиозными принципами. Например, исламское право (шариат) основано на Коране и сунне (примерах, установленных пророком Мухаммадом), а иудейское право (халаха) основывается на Торе и религиозных текстах. Религиозные правовые системы влияют на законодательство и судебную практику в странах, где эти религиозные системы являются основой правовой системы.

5. Славянская правовая система:

Славянская правовая система имеет свои особенности и присутствует в некоторых странах Восточной Европы, включая Россию, Украину, Беларусь и другие. Она имеет глубокие исторические корни, связанные с древними славянскими обычаями и традициями. Эта система включает в себя элементы общего права, нормы, основанные на обычаях и местных традициях, и кодифицированные законы, взятые из континентальной правовой системы.

6. Мусульманская система права:

Мусульманская система права, также известная как исламское право или шариат, основана на религиозных учениях и принципах ислама. Она имеет широкое распространение в странах с мусульманским населением, таких как Саудовская Аравия, Иран, Египет и другие. Шариат включает нормы, регулирующие различные аспекты жизни, включая религиозные обряды, семейные отношения, уголовное право и торговлю. Основными источниками шариата являются Коран и сунна, примеры и поступки пророка Мухаммада.

Каждая из этих правовых систем имеет свои особенности, исторический контекст и основные источники права. Они отражают разнообразие культур, религий и традиций в разных регионах мира. Понимание основных правовых систем мира позволяет лучше понять и анализировать различия в правовых системах разных стран и их влияние на общество и законодательство.

Проблемы классификации правовых систем могут быть связаны с несколькими аспектами, включая сложность определения границ между системами, изменчивость правовых систем в процессе исторического развития, влияние глобализации на правовые системы и различия в методологических подходах к классификации.

Определение четких границ между различными правовыми системами может быть сложной задачей, особенно в контексте современного мира, где правовые системы взаимодействуют и влияют друг на друга. Например, многие страны могут иметь смешанную правовую систему, которая комбинирует элементы разных систем. Кроме того в результате колониального влияния и культурного обмена некоторые системы могут поглощать и адаптировать элементы других систем. Поэтому границы между правовыми системами могут быть размытыми и подвержены субъективным оценкам [2].

Правовые системы подвержены изменениям в течение времени. Они развиваются в ответ на социальные, политические, экономические и культурные изменения в обществе. Эволюция правовых систем может привести к появлению новых правовых концепций, принципов и институтов, и к отказу от устаревших правовых норм. Историческое развитие может усложнить классификацию, поскольку одна система может переходить от одного типа к другому или содержать элементы разных систем на разных этапах своего развития.

Глобализация имеет значительное влияние на правовые системы, поскольку она способствует укреплению связей между странами и культурным обменам. Это может привести к адаптации и заимствованию элементов из других правовых систем. Транснациональные организации и международные правовые стандарты оказывают влияние на национальные правовые системы. В результате глобализации правовые системы станут более открытыми и гибкими, что усложняет их классификацию и выделение в отдельные категории.

Классификация правовых систем может быть предметом различных методологических подходов и теорий, что может вызвать проблемы. Различные исследователи и ученые могут использовать разные критерии и факторы для определения и классификации правовых систем. Некоторые подходы основываются на историческом происхождении и развитии системы, другие – на источниках права или на правовой культуре [5]. Некоторые классификационные схемы могут быть более общими и группировать правовые системы по их общим характеристикам, в то время как другие могут быть более специализированными и учитывать уникальные особенности каждой системы [4].

В итоге, проблемы классификации правовых систем связаны с их сложностью и изменчивостью, влиянием глобализации и различными методологическими подходами. Важно учитывать контекст и уникальные особенности каждой системы, узнавать и анализировать различия и взаимодействие

между ними для более полного понимания правовых систем мира.

При анализе существующих подходов к классификации правовых систем, важно учитывать их теоретические основы. Классификация правовых систем является сложной задачей, требующей определения критериев и параметров, на основе которых можно провести сравнительный анализ и выделить общие характеристики и различия между системами. Различные теоретические подходы предлагают разные методологии и основания для классификации.

Одним из подходов является идеологический подход, который основан на различных правовых идеологиях и политических системах. Например, классификация правовых систем на социалистические, капиталистические и демократические базируется на идеологическом различии между социалистическими и капиталистическими странами. Этот подход уделяет особое внимание идеологическим принципам, ценностям и целям, определяющим правовую систему [3].

Еще одним подходом является правовой стиль, предложенный К. Цвайгертом и Х. Кётцом [7]. Они выделили несколько правовых стилей, таких как романский, германский, англо-американский, северный, социалистический и дальневосточный, основываясь на различных факторах, включая историческое развитие, систему источников права и особенности правовой культуры.

При классификации правовых систем используются различные критерии, которые помогают определить и сравнить основные характеристики каждой системы. Некоторые из основных критериев включают [6]:

1. Историческое развитие: Отражает историческую эволюцию и формирование правовой системы. Классификация может основываться на влиянии исторических событий, колониализма, и культурных обменов на развитие правовой системы.
2. Источники права: Различные правовые системы могут опираться на разные источники права, такие как законы, прецеденты, обычаи, религиозные законы и международные договоры. Критерий источников права позволяет выявить основные принципы и авторитеты, на которых строится каждая правовая система.
3. Юридическая техника: Этот критерий оценивает особенности правовой техники, используемой в каждой системе. Он включает анализ структуры законов, принципов и методов толкования права, процедур судопроизводства и других юридических инструментов. Юридическая техника отражает различия в подходах к созданию и применению права.
4. Правовая культура: Правовая культура охватывает ценности, нормы и обычаи, связанные с правовой системой. Различные правовые системы могут иметь разные подходы к правосознанию, отношению к закону, роли правосудия и другим аспектам. Критерий правовой

культуры помогает понять социокультурные основы каждой системы.

5. Географическое распространение: Географическое распространение правовой системы может быть важным критерием классификации. Некоторые правовые системы имеют более широкое географическое распространение, в то время как другие ограничены географически. Этот критерий позволяет учитывать региональные особенности и влияние соседних систем на формирование правовой системы.

Каждый из предложенных подходов к классификации правовых систем имеет свои достоинства и недостатки. Теоретические основы подходов обусловлены их философскими и идеологическими предпосылками, что может ограничивать область их применимости. Некоторые подходы могут быть более широкими и универсальными, позволяющими анализировать множество правовых систем, в то время как другие могут быть более специализированными и узконаправленными [8].

Каждый критерий классификации имеет свои преимущества и ограничения. Например, историческое развитие может помочь понять формирование и эволюцию правовых систем, но может быть ограничено в своей применимости к современным правовым системам. Критерий источников права может быть полезным для анализа правовой системы, но может не учитывать другие важные аспекты, такие как правовая культура. Юридическая техника может помочь понять особенности применения права, но может быть ограничена в своей способности выявлять общие характеристики системы. Критерий правовой культуры может учесть социокультурные аспекты, но может быть субъективным и сложным для количественного анализа. Географическое распространение может учитывать влияние соседних систем, но может не учесть внутренние различия в рамках одного региона.

Оценка достоинств и недостатков различных подходов к классификации правовых систем требует критического анализа и учета их целей и контекста использования. Некоторые подходы могут быть более полезными для общей классификации и сравнительного анализа правовых систем, в то время как другие могут быть полезными для углубленного исследования конкретных аспектов права. Важно учитывать и комбинировать различные подходы и критерии, чтобы получить более полное и объективное представление о правовых системах.

Литература

1. Бошно С.В. Современные правовые системы // Право и современные государства. – 2018. – № 2–3. – С. 58–71.
2. Губайдуллин А.Р. К вопросу о классификациях современных правовых систем // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 7. – с. 43–50.

3. Нурмухаммедов Б., Батырова О. ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ // IN SITU. 2022. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-pravovye-sistemy-sovremennosti> (дата обращения: 11.05.2023).
4. Павлова Н.Г. Проблемы классификации национальных правовых систем // Вестник РУДН. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 95–101.
5. Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник / Ф.М. Решетников, У.Э. Батлер, В.В. Бойцова [и др.] / отв. ред. А.Я. Сухарев. М.: Норма; Инфра-М, 2000. С. 225–226.
6. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / отв. ред. В.А. Туманов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юристъ, 2007. – 510 с.
7. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. / пер. с нем. М.: Международные отношения, 1998. Т. 1. С. 108–117.
8. Tushnet M. The Boundaries of Comparative Law // European constitutional law review. – 2017. – No. 13. – P. 13–22.

SOME ISSUES IN THE CLASSIFICATION OF LEGAL SYSTEMS WORLDWIDE

Inyakin E.V.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

This article presents an analysis of the major legal systems worldwide and the problems associated with their classification. The article begins with an overview of the main legal systems, such as continental, common, traditional, religious, and Slavic, and mentions the Muslim legal system. It then explores the issues related to the classification of legal systems, including the complexity of defining boundaries between systems, the variability of systems throughout historical development, the influence of globalization on legal

systems, and the differences in methodological approaches to their classification.

The author further conducts an analysis of existing approaches to the classification of legal systems. Theoretical foundations of classification are discussed, including the ideological approach and legal style. Criteria for the classification of legal systems, such as historical development, sources of law, legal techniques, legal culture, and geographic distribution, are also examined in detail.

The conclusion of the article evaluates the strengths and weaknesses of different approaches to classification, emphasizing their theoretical significance and practical applicability. The analysis of the presented approaches and criteria for classification helps to gain a more comprehensive and objective understanding of the characteristics and differences between legal systems. The article provides a comprehensive overview and analysis of the classification of legal systems, which can be valuable for researchers and professionals in the field of law.

Keywords: world legal systems, classification, major systems, boundaries of legal systems, variability, globalization.

References

1. Boshno S.V. Modern Legal Systems // Law and Modern States. – 2018. – No. 2–3. – P. 58–71.
2. Gubaidullin A.R. On the Issue of Classifications of Modern Legal Systems // Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2021. – No. 7. – P. 43–50.
3. Nurmuhammedov B., Batyrova O. Basic Legal Systems of Modernity // IN SITU. 2022. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-pravovye-sistemy-sovremennosti> (Accessed: 11.05.2023).
4. Pavlova N.G. Problems of Classification of National Legal Systems // RUDN Journal of Law. – Series: Legal Sciences. – 2014. – No. 1. – P. 95–101.
5. Legal Systems of Countries: Encyclopedic Handbook / F.M. Reshetnikov, U.E. Butler, V.V. Boytsova [et al.] / ed. by A. Ya. Sukharev. Moscow: Norma; Infra-M, 2000. P. 225–226.
6. Saidov A. Kh. Comparative Jurisprudence (Basic Legal Systems of Modernity): textbook / ed. by V.A. Tumanov. – 2nd ed., rev. and expanded. – Moscow: Yurist, 2007. – 510 p.
7. Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law: in 2 volumes / translated from German. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1998. Vol. 1. P. 108–117.
8. Tushnet M. The Boundaries of Comparative Law // European constitutional law review. – 2017. – No. 13. – P. 13–22.

Анализ ликвидированного института владения третьих лиц правами на футболистов

Махмудов Руслан Акифович,

аспирант кафедры трудового права юридического факультета,
Академия труда и социальных отношений
E-mail: makhmudoff@yahoo.com

Статья посвящена рассмотрению ликвидированной в 2015 году футбольной практики участия третьих лиц в трансферных сделках. Привлечение инвестиций со стороны неспециальных футбольных субъектов в виде продажи им части экономических прав на футболистов позволяло футбольным клубам действовать на трансферном рынке более активно за счёт вырученных со сделок средств, сохраняя при этом футболистов в составе, но в то же время и ограничивало свободу совершения переходов и стабильность составов. Поэтому в 2015 г. международные и национальные органы управления футболом приняли решение запретить третьим лицам участвовать в процессе переходов футболистов, стремясь ограничить влияние сторонних субъектов на трансферную политику команд. В статье разбираются особенности модели участия третьих лиц в трансферах, а также приводятся аргументы сторон о преимуществах института, положительно влиявших на футболистов и клубы, и недостатках, которые привели к запрету на участие третьих лиц в трансферных сделках.

Ключевые слова: труд спортсменов, спортивный регламент, футбольный трансфер, трансферная система, владение третьих лиц правами на футболистов.

До запрета на участие третьих лиц в трансферных отношениях в футболе существовал дуализм прав на футболиста: экономические права на игрока или право на получение денежной компенсации за его уход прямо следовали из права зарегистрировать приобретённого игрока в новом клубе. Обязательность регистрации закреплена в ст. 5 Регламента ФИФА по статусу и переходам футболистов.

Родиной института владения экономическими правами на футболистов третьими лицами (Third Party Ownership или ТРО, далее – ТРО) можно считать Бразилию, в которой в 1998 г. был принят закон, известный как «Pele Law». Футболистам была предоставлена большая автономия от клубов в части возможности распоряжения своими правами. Нико де Марко определяет ТРО как финансовый интерес в последующей передаче регистрации игрока. Инвестор, то есть третья сторона, вкладывает деньги в игрока (реже клуб или академию) как правило, в виде заёмных средств в обмен на право на получение процента с будущего трансфера успешно выступившего игрока в более обеспеченный клуб [1].

Бразилия на протяжении всей футбольной истории стабильно считается кузницей молодых талантов: в период 2003–2006 гг. 70% всех выходящих из страны трансферов приходились на европейские клубы. В 2013 г. в иностранные клубы было трудоустроено более 1,5 тысяч футболистов (13% от общего количества переходов). Спрос на бразильцев в Европе в свою очередь породил предложение от бразильских субъектов рынка, не связанных с профессиональным спортом, инвестировать в футболистов, которые рассматривались в качестве потенциально высокоприбыльного актива [2]. Доходы клубов Бразилии скромнее европейских: они не извлекают прибыль из спонсорских контрактов, маркетинга, прав на трансляции, продажи билетов, выручки от продаж на стадионах, что является следствием общей для региона меньшей покупательной способности населения.

Футбольные клубы заключали соглашения с нефутбольными субъектами о продаже им части экономических прав на игроков [3]. Приобрести долю были вправе как юридические, так и физические лица, хотя это зависело от законодательства и спортивных регламентов каждой из стран, разрешавших режим ТРО [1].

На первый взгляд, ТРО оказывало позитивное влияние на рыночные трансферные отношения. У клубов, а зачастую речь при использовании ТРО идёт о средних и небольших командах, испытывающих нехватку собственных средств для активной

работы на трансферном рынке, появлялась возможность обратиться за помощью к стороннему инвестору без заключения долгосрочных соглашений о спонсорстве. У инвестора, в случае успешного выступления футболиста, в краткосрочной перспективе возникали шансы не просто вернуть вложенные в экономические права средства, но и заработать на проценте с продажи игрока в более статусный клуб. Лига, в которой выступает клуб, повышала соревновательный уровень за счёт привлечения молодых игроков. Сам футболист ничего не теряет, а напротив, получает толчки в развитии собственной карьеры, ведь ему, по сути, неважно, кто платит за его переход, если у него появляется возможность выступать за более конкурентоспособный коллектив. Агенты, сопровождающие сделку, в свою очередь получают проценты с трансферов.

Клубы могли предлагать самому игроку вместо части заработной платы процент экономических прав со своей последующей продажи. Значительная часть стран Южной Америки вплоть до полного запрета ТРО на международном уровне регулировала вопрос наделения игрока минимальным процентом дохода со своего последующего трансфера в новый клуб законодательным способом или с помощью коллективно-трудовых соглашений [1].

Ситуация, при которой та или иная финансовая выгода от трансферных соглашений могла быть получена третьими лицами, скорее всего, не так сильно бы взволновала мировые футбольные органы, как прямое вмешательство нефутбольных субъектов в трансферную политику, проводимую футбольными клубами. Экономические права по определению связаны и с регистрацией игрока в новом клубе, и с трудовым договором, и могут быть переданы только самим клубом, непосредственно владеющим правом на регистрацию футболиста.

Клубы с помощью ТРО минимизировали возникающие риски, поскольку институт, во-первых, не подразумевал начисления процентов, в отличие от заёма в банке. Во-вторых, инвесторы, как правило, не включали гарантированную минимальную сумму возврата в соглашения с клубами в случае отсутствия трансфера игрока. ФИФА стремилась запретить ТРО с целью минимизировать влияние третьих лиц, поскольку они, обладая экономическими правами на игрока, оказывали воздействие на трансферную политику клубов.

В зависимости как от клубных целей, финансового состояния, так и от намерений инвестора, в бразильском футболе были распространены 3 основные формы ТРО:

- 1) форма ТРО с участием игрока, подписывающего первый профессиональный трудовой договор и впервые регистрирующийся в профессиональном клубе, при которой инвестор оставляет за собой право на получение прибыли с процента причитающихся ему экономических прав;
- 2) форма ТРО, возникающая при продаже экономических прав инвестору на футболиста, уже

зарегистрированного за клуб (чаще в диапазоне 20–50%). К данному формату прибегали в том случае, когда клуб-владелец регистрационных прав на игрока нуждается в денежных средствах и предполагает, что показывающий хороший спортивный результат игрок будет выгодно продан;

- 3) форма ТРО, где инвестор владеет 100% экономических прав на футболиста [4].

Именно последняя форма и стала предметом разбирательства английских органов управления футболом в связи с громким переходом аргентинских игроков Карлоса Тевеса и Хавьера Маскерано в 2006 г. из бразильского «Коринтианс» в английский «Вест Хэм». Экономические права на футболистов помимо футбольного клуба принадлежали и третьим лицам – компаниям «Media Sport Investment Ltd.» и «Just Sports Inc.». Помимо экономических прав на футболистов, новый контракт содержал пункт о праве инвесторов лоббировать выгодный трансфер игрока, а «Вест Хэм» не был наделён правом вето на окончательное решение третьей стороны по трансферу. В результате выявления нарушения Правила U18 действующего на тот момент Регламента Английской Премьер-лиги (далее – АПЛ), лондонский клуб был оштрафован на 5,5 млн фунтов стерлингов [5].

Начиная с сезона 2008/2009, в АПЛ ввели прямой запрет на сделки с участием третьих лиц с принятием Регламента «О правомочии владения третьих лиц» (FA Third Party Ownership Regulations). Генеральное изменение – клуб АПЛ отныне обязан приобретать не только регистрационные права на своего игрока, но и 100% экономических прав на него. Руководство Лиги было обеспокоено возможностью третьих лиц оказывать влияние на трансферную политику команд в связи с принадлежащими им экономическими правами, а также заключением сторонами «соглашений о неразглашении», что впоследствии приводило к махинациям с финансовыми отчётностями клубов, в которых не были отмечены обстоятельства сделок по продаже прав третьим лицам. Фактически эта серая схема позволяла избегать оплаты полной стоимости трансфера, сокращать сторонние расходы, связанные с механизмами компенсации за подготовку футболистов, и налоговые издержки. Через 7 лет, перед сезоном 2015/2016 на смену предыдущему акту пришёл Регламент «Об интересе третьих лиц к игрокам» (Third Party Interest in Players Regulations). Французы аналогично запретили национальным футбольным клубам совершать сделки по продаже экономических прав на игроков с третьими лицами.

В решении по делу CAS2008/A/1568 (М. и ФК Виль 1900 (Швейцария) против ФИФА и болгарского ПФК Нафтекс Бургас) CAS установил, что:

- 1) игроки имеют право отчуждать свои права третьим лицам;
- 2) соглашения подлежат исполнению заключившими его лицами;

3) любое соглашение, заключённое между игроком и третьим лицом, не должно влиять на действительность трудового договора между игроком и клубом [6].

ФИФА ввела норму ст. 18bis в Регламент по статусу и переходам игроков, согласно которой «ни один клуб не должен заключать контракт, который позволяет какой-либо другой стороне данного контракта или любому третьему лицу приобрести право оказывать влияние в трудовых и трансферных вопросах, на его независимость, политику или выступление его команд» [7].

Исполнительный комитет ФИФА в декабре 2014 г. принял решение о запрете клубам совершать с третьими лицами сделки по отчуждению экономических прав на футболистов. В Регламенте появилась ст. 18ter, установившая, что «ни один клуб или игрок не должен вступать в соглашение с третьим лицом, в рамках которого третье лицо наделяется правом участвовать, в полном объёме или частично, в компенсационных выплатах в отношении будущего трансфера игрока из одного клуба в другой, либо иным другим правом в отношении будущего трансфера». Важнейшим элементом реформы стало обязательство инкорпорации национальными футбольными федерациями положений ст. 18ter в свои внутренние акты.

Можно сделать вывод, что сам футболист не входил в эту концепцию и вполне мог обладать экономическими правами на самого себя и получать прибыль с собственного трансфера. В случае нарушения данного правила, в соответствии с п. 6 указанной статьи, к футболисту могли быть применены санкции наравне с клубами. Однако в июне 2019 г. были приняты правки в Регламент по статусу и переходам игроков, ввиду чего в предваряющем основную часть Списке дефиниций появилось определение третьей стороны – теперь ей считалась сторона, отличная от футболиста, двух клубов, задействованных в процессе его передачи, а также предыдущих клубов, в которых футболист был зарегистрирован.

Разумеется, столь резкие шаги ФИФА не могли устроить те страны и лиги, в которых институт ТРО получил наибольшее распространение. Например, в высшем дивизионе Бразилии 90% игроков были субъектами таких соглашений на момент принятия ФИФА решения о запрете [8]. Если Англия и Франция поддержали нововведения – англичане стали одними из главных лоббистов введения запрета на участие в трансферах третьих лиц, то в числе сторонников сохранения института ТРО выступили профессиональные лиги Испании и Португалии.

В июле 2015 г. испанская Антимонопольная служба поддержала национальную лигу, опубликовав доклад о запрете передачи прав игроков третьим лицам, в котором утверждалось, что:

- 1) запрет нарушает базовые правовые принципы Европейского Союза;
- 2) запрет ТРО способствует снижению заработных плат и трансферной стоимости молодых футболистов, что приведёт к снижению конку-

рентоспособности клубов и скажется на конечных потребителях [9].

Именно испанская «Ла Лига» в 2015 г. обратилась в Европейскую комиссию, являющуюся главным органом ЕС в антимонопольной сфере, с вопросом о правомерности и пропорциональности внедрения запрета ТРО на территории Европы, приводя следующие аргументы:

- 1) финансовая составляющая всех сделок с третьими лицами достаточно регулируется недавно принятыми УЕФА правилами финансового «фэйр-плей»;
 - 2) только 3 национальные лиги во всём мире самостоятельно ввели аналогичный запрет;
 - 3) по данным двух независимых отчётов, подготовка которых была инициирована самой ФИФА, в своих выводах не поддержали идеи полного запрета на участие третьих лиц в трансферах;
 - 4) в рамках повестки дня 64-го Конгресса ФИФА было также принято решение, что проблематика требует дальнейших исследований в связи со сложностью вопроса;
 - 5) учреждённая ФИФА специальная рабочая группа по этому вопросу провела всего одно заседание, не сформировала конкретных рекомендаций, а Исполком ФИФА утвердил важнейшее нововведение в Регламент, не сопроводив новеллу соответствующими уровнем отчётами и анализами;
 - 6) ФИФА не консультировалась с правительствами стран, государственными органами, Европейской комиссией перед вынесением решения;
 - 7) запрет непропорционален с точки зрения антимонопольного законодательства ЕС, целей подобного запрета можно добиться альтернативными действиями, установив процентные ограничения на владение экономическими правами, количественные квоты по возможности «делить» экономические права на игроков, усложнить процедуры и повысить прозрачность сделок, запретить передачу экономически прав третьим лицам из определённых сфер, которые связаны тем или иным способом со спортом;
 - 8) учитывая объективные обстоятельства рынка, финансовое состояние его участников, ФИФА не вправе вмешиваться в частноправовые взаимоотношения субъектов рынка, запрещая законные формы привлечения внешнего финансирования, что создаст неконкурентные условия для его членов в пользу финансово более обеспеченных клубов, не нуждающихся в сторонних инвестициях;
 - 9) запрет приведёт к недофинансированию развития молодёжного спорта и спортивной инфраструктуры за счёт перераспределения средств в пользу приобретения футболистов;
 - 10) запрет спровоцирует рост «чёрного рынка» и приведёт только к ухудшению ситуации с открытостью и легальностью договоров [5].
- Введённые УЕФА правила финансового «фэйр-плей» предполагают раскрытие клубами всех под-

робностей сделок с третьими лицами, если они хотят получить право принять участие в турнирах под эгидой УЕФА. Можно сделать вывод, что УЕФА и ФИФА заранее согласовали поправки в регламенты с целью прекратить практику владения правами на игроков сторонними инвесторами при осуществлении международных трансферов. По мнению А. Лелюхина, ФИФА, проанализировав такие сделки, приняла непростое «политическое решение» ввести полный запрет на совершение трансферов с участием ТРО, учитывая серьёзный консенсус по данному вопросу со стороны одних из самых влиятельных футбольных «игроков» – Англии и Франции. Такие радикальные действия со стороны Международной федерации футбола объясняются устойчивым убеждением части футбольного сообщества, что ТРО приносит выгоду исключительно третьим лицам. Аргументация ФИФА сводилась к следующему [9]:

- 1) футбольные клубы, получая внешнее целевое инвестирование на трансферы, не занимались развитием собственной финансовой структуры и теряли ценность своих активов в виде футболистов;
- 2) схемы с ТРО могли быть выгодными для малообеспеченных клубов в краткосрочной перспективе, однако растущая активность клуба на трансферном рынке ввиду зависимости от третьих лиц, стремящихся быстрее продать футболиста, приводила к утрате трансферной независимости клуба;
- 3) ФИФА выступала за прямые и прозрачные инвестиции третьих лиц, призывая их заключать долгосрочные соглашения о сотрудничестве, а не пользоваться точечной возможностью подзаработать на продаже талантливых игроков;
- 4) нефутбольные субъекты вмешивались в трансферную политику футбольных клубов и извлекали прибыль из переходов, выводя заработанные средства из сферы футбола;
- 5) ТРО противоречила двум основным принципам трансферной политики клубов, согласованной ФИФА, УЕФА и Европейским Союзом ещё в 2001 г., а именно поощрению обучения игроков и договорной стабильности, поскольку:
 - a) ТРО способствовало и фактически провоцировало переходы игроков до истечения срока действующих трудовых договоров с клубами, поскольку в случае обретения статуса свободного агента инвестор не получает никаких дивидендов с перехода футболиста;
 - b) соглашение с использованием института ТРО позволяло избегать обязательную выплату вознаграждения предыдущим клубам игрока за его профессиональное обучение, а также в случае применения механизма солидарности;
 - c) спортивные интересы футболиста также уходили на второй план, поскольку игрок лишался возможности перейти в клуб, если такой трансфер был невыгоден инвестору, которому принадлежат экономические права на него: преждевременный переход молодого игрока,

не набравшегося опыта, в новую команду с более зрелыми игроками мог привести к стагнации. ФИФА апеллировала к исследованию CIES, которое выявило кардинальное снижение количества воспитанников клуба с 2009 г., выступающих в своих командах на профессиональном уровне. Математически было обнаружено, что наиболее стабильные клубы как в финансовом, так и в спортивном плане, обладают самыми стабильными составами. К примеру, «Барселона» на момент анализа обладала самым стабильным составом среди всех европейских клубов топ-дивизионов (по состоянию на 2014 г. игроки каталонцев провели в среднем колоссальные 5,5 лет в основной команде). Анализ трансферного рынка Европы в сезоне 2014/2015 показал рекордно низкую долю трансферов воспитанников клубов [10]. Подобные цифры, впрочем, также свидетельствуют о существовании лимитов на футболистов из других стран, поэтому «паспортисты» (футболисты с паспортом страны, позволяющим заявить их в качестве нелегитимных, количество которых зависит от актов федераций и лиг каждого отдельно взятого государства) являются наиболее ценным активом команд, стремящихся сохранить их у себя в составе;

- 6) ФИФА защищала целостность соревнований, независимость клубов, стабильность составов клуба и стремится устранить любые потенциальные конфликты интересов между субъектами футбольного рынка – инвесторами, агентами и главными тренерами команд – в рамках общемировой борьбы с манипулированием спортивными результатами и нелегальным букмекингом.

9 марта 2017 г. CAS, рассматривая законность наложения ФИФА санкций на бельгийский «Серен Юнайтед» за нарушение запрета на передачу 25% экономических прав на футболиста компании «Doypen», признал законность ограничения ТРО в деле CAS2016/A/4490 («Серен Юнайтед» против ФИФА). Суд рассмотрел вопросы запрета ТРО как в целом, так и относительно конкретного разбирательства и пришёл к следующим выводам:

- 1) ограничение принципа свободы перемещения капитала в случае с запретом ТРО оправдано, поскольку ФИФА исходит из целей сохранения стабильности контрактов игроков, гарантии независимости и автономии игроков и футбольных клубов при найме и трансферах, защиты честного и равноправного характера соревнований, а также предотвращения конфликта интересов и обеспечения прозрачности сделок по переходам футболистов;
- 2) инвестиции в сферу футбола с целью её развития отличаются от инвестиций в конкретных игроков с целью извлечения прибыли от их последующей продажи, а запрет ТРО не равен запрету на инвестирование в футбол третьим лицам;

3) касательно нарушения принципа свободной конкуренции в Евросоюзе и злоупотреблению доминирующей позицией Суд счёл, что запрет ТРО оказывает негативное влияние на развитие торговли между странами, входящими в Союз, переложив бремя доказывания поражённого положения на истца, не обосновавшего такое состояние, равно как и претензии касательно нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и права Швейцарии [11].

Таким образом, CAS отклонил практически все исковые требования «Серена», только сократив запрет на совершение трансферов до 3 периодов вместо 4, и в целом признал законность запрета на участие третьих лиц в трансферных сделках. Суд фактически признал, что запрет ТРО в футболе – скорее, исключение из правила, нежели новая трактовка принципа свободы перемещения капитала. Более того, в процессе разбирательства CAS непосредственно обращался к праву ЕС, в очередной раз признавая его нормативные акты в качестве источников международного спортивного права.

«Серен» не согласился с решением CAS и решил оспорить его в Федеральном суде Швейцарии (SFT). Основным аргумент состоял в том, что арбитражная оговорка, предоставляющая CAS юрисдикцию для рассмотрения апелляции от ФИФА, была незаконной, поскольку (среди прочего) ФИФА обладала доминирующим положением при разбирательстве в CAS. Суд отклонил жалобу, посчитав CAS «подходящим, независимым и беспристрастным арбитражным судом» [12]. «Серен» также обратился и в национальные органы юстиции. 12 декабря 2019 г. Брюссельский апелляционный суд окончательно отклонил апелляцию по существу *res judicata*, подтверждая решение CAS и Швейцарского федерального суда [13].

ФИФА приветствовала решение бельгийского суда, ставшего, по мнению организации, завершающей точкой в вопросах легальности только введённого запрета ТРО. Возвращаясь к решению CAS, следует сделать акцент на формулировке «... переложив бремя доказывания поражённого положения на истца, не обосновавшего такое состояние». Такое заключение позволяет сделать вывод: у «Серена» была возможность доказать ущемлённое положение, но законные представители клуба с этим не справились, что не исключает возможности доказывания избранной позиции надлежащими аргументами в потенциальных будущих разбирательствах. Соответственно, CAS теоретически своим решением способен признать запрет ТРО поражающим в правах истца, имеющего соглашение с ТРО.

Принимая во внимание аргументацию как сторонников, так и противников ТРО, можно согласиться с отдельными доводами обеих сторон. Действительно, растущая активность футбольных клубов на трансферном рынке ввиду целевых вливаний на покупку футболистов приводит

к негативным последствиям в долгосрочной перспективе [14]. До полного запрета ТРО существовал конфликт между регламентами разных футбольных ассоциаций, в котором одна из них запрещала сделки с привлечением средств от ТРО, а в другой они были разрешены, что приводило к «серым» взаимоотношениям клуба-покупателя с третьим лицом с целью выведения его из сделки. Подобный дуализм приводил к затруднению ведения переговоров, усложнению процедуры, и в целом к дисбалансу возможностей футбольных ассоциаций [9].

Совместная позиция ФИФА и УЕФА заключалась в том, что ТРО нарушала конкурентный баланс как в рамках национальных соревнований, так и на международной арене, хотя претензии по нарушению баланса можно предъявить ко клубам, злоупотребляющим арендами, соглашениями со спонсорами с завышенными стоимостями рекламных контрактов, в том числе и от аффилированных лиц. В то же время влияние механизма ТРО на нарушение целостности соревнований преувеличено. А. Нуриев приводит пример, в котором третье лицо имеет долю в экономических правах на двух игроков, выступающих за противоположные клубы: инвестору выгодно, чтобы качественно сыграли оба, а не один из футболистов, что приведёт к увеличению его прибыли сразу со двух сделок. Таким образом, у бизнеса не возникает умысла на воздействие на результаты матча, а договорные матчи были, есть и, скорее всего, продолжат существовать и без применения ТРО [3].

Институт ТРО позволял лигам и клубам оставаться конкурентоспособными на национальном и международном уровнях в ситуации «здесь и сейчас», а при грамотном менеджменте хорошо зарабатывать на подобных трансферах. Португальская «Бенфика» – один из самых успешных клубов с точки зрения количества совершённых прибыльных трансферов: лиссабонцы заработали больше 400 млн евро на продажах игроков, постоянно прибегая к помощи ТРО, при этом и после запрета механизма продолжая попадать под санкции за нарушение правил о сделках с третьими лицами [15]. Наконец, сэкономив средства на приобретении хороших игроков, «Бенфика» вкладывала их в развитие собственной спортивной инфраструктуры и детского футбола, добившись создания одной из лучших спортивных академий в мире.

Испания и Португалия выступали за более прозрачный и чётко регулируемый процесс инвестирования третьих лиц, не прибегая к полному запрету подобного инструмента привлечения капитала. Ограничение верхнего порога участия третьего лица в сделке представляется наиболее удачной конструкцией, однако здесь важна позиция ФИФА, поскольку механизм ТРО может корректно работать только в детально регламентированных условиях на всей территории, признающей «юрисдикцию» ФИФА, а не в части национальных футбольных ассоциаций при резком неприятии подобной практики со стороны остальных федераций.

К сожалению, органы управления футболом изначально были настроены лишь ликвидировать основной негативный эффект от участия третьих лиц – их личную коммерческую выгоду от перехода футболиста в новый клуб, невзирая на существующие преимущества от привлечения средств с помощью ТРО. Именно поэтому ФИФА приняла решение полностью запретить третьим лицам участие в трансферах вместо использования более мягких способов воздействия, таких как, например, ограничение максимального процента владения экономическими правами или полного невмешательства в трансферную политику клубов. Запрет сторонним лицам принимать участие в сделках по переходам игроков изначально рассматривался в качестве остаточной гарантии того, что институтом ТРО не будут злоупотреблять, а также в качестве стимула для выстраивания финансовой структуры клуба, ориентированной на долгосрочное развитие, а не разовое привлечение быстрых денег.

Литература

1. Nico de Marco. TPO in Football: What it is, how it is developing, and what it should be. // Sports Law Bulletin. 2020. P. 1–3.
2. Foreign clubs show insatiable appetite for Brazilians. [Web-source]. Режим доступа: uk.reuters.com/article/uk-soccer-fifa-transfers-brazil/foreign-clubs-show-insatiable-appetite-for-brazilians-idUKBREA0S0MU20140129, свободный. Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
3. Нуриев А.Х. К вопросу об отчуждении экономических прав на футболистов третьим лицам // Спортивное право. 2013. № 5.
4. Д. Никитина. ТРО по Бразильской системе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: sports.ru/tribuna/blogs/lawinsport/621419.html, свободный. Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
5. А. Лелюхин. Полный запрет ФИФА на владение правами на игроков третьими лицами. Все-сторонний анализ и размышления над проблемой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sports.ru/tribuna/blogs/sportlaw/1132593.html, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
6. Arbitration CAS2008/A/1568 M. & Football Club Wil 1900 v. FIFA & Club PFC Naftex AC Bourgas, award of 24 December 2008. [Web-source]. – Режим доступа: arbitrationlaw.com/sites/default/files/free_pdfs/CAS%202008-A-1568%20M%20et%20a%20v%20FIFA%20et%20a%20Award.pdf, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
7. FIFA. Regulations on the Status and Transfer of Players. Art. 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: resources.fifa.com, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
8. Poonam Majithia. Third Party Ownership – a Brazilian perspective. // LawInSport. 2014.
9. Van Maren. Debating FIFA’s TPO ban. // ASSER International Sports Law Blog symposium. International Sports Law Journal. 2016. Iss. 15. P. 238.
10. CIES Football Observatory (2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: footballobservatory.com/Digital-Atlas, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
11. Arbitrage TAS2016/A/4490 RFC Seraing c. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), sentence du 9 mars 2017. [Web-source]. – Режим доступа: jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4490.pdf, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
12. SFT Judgment 4A_260/2017 of 20 February 2018 par. (3.4.1). [Web-source]. – Режим доступа: sportlegis.com/2018/09/10/the-swiss-federal-judgment-in-the-third-party-ownership-case-fc-seraing-v-fifa-and-the-decision-of-the-brussels-court-of-appeal-a-parallel-universe/, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
13. Simon Grossobel. Brussel’s Court of Appeal Challenges CAS Jurisdiction Clause in FIFA Statutes. // Squire Patton Boggs LLP. 2018.
14. Drs Raffaele Poli, Loïc Ravenel & Roger Besson. Club instability and its consequences. // CIES Football Observatory Monthly Report. Iss. 1. January 2015.
15. Benfica & Sporting Lisbon fined by FIFA for breaking transfer regulations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: espn.co.uk/soccer/blog-fifa/story/3462818/benfica-sporting-lisbon-and-celta-vigo-fined-by-fifa-for-breaking-transfer-regulations?device=featurephone, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).

ANALYSIS OF THE LIQUIDATED INSTITUTION OF THIRD-PARTY OWNERSHIP OF THE RIGHTS TO FOOTBALL PLAYERS

Makhmudov R.A.

Academy of Labor and Social Relations

The article is devoted to the consideration of the football practice of participation of third parties in transfers, which was eliminated in 2015. Attracting investments from non-specialized football entities in the form of selling them a part of the economic rights to football players allowed football clubs to act more actively in the transfer market at the expense of proceeds from transactions, while keeping football players in the squad, but at the same time this institute limited the freedom to make transfers and reduced squad stability. Therefore, in 2015, the international and national governing bodies of football decided to ban third parties from participating in the transfer process of football players, seeking to limit the influence of third parties on the transfer policy of teams. The article discusses the features of the model of participation of third parties in transfers, as well as the arguments of the parties about the advantages of the institution, which positively influenced the players and clubs, and the shortcomings that led to the ban on the participation of third parties in transfers.

Keywords: labor of athletes, sporting regulations, football transfer, transfer system, third-party ownership of players.

References

1. Nico de Marco. TPO in Football: What it is, how it is developing, and what it should be. // Sports Law Bulletin. 2020. P. 1–3.
2. Foreign clubs show insatiable appetite for Brazilians. [Web-source]. – Access: uk.reuters.com/article/uk-soccer-fifa-

- transfers-brazil/foreign-clubs-show-insatiable-appetite-for-brazilians-idUKBREA0S0MU20140129, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
3. Nuriev. A.H. On the issue of alienation of economic rights to football players to third parties // Sports Law. 2013. № 5.
 4. D. Nikitina. Brazilian TPO system. [Web-source]. – Access: sports.ru/tribuna/blogs/lawinsport/621419.html, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
 5. A. Lelyukhin. FIFA's total ban on the TPO. Comprehensive analysis and reflection on the problem. [Web-source]. – Access: sports.ru/tribuna/blogs/sportlaw/1132593.html, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
 6. Arbitration CAS2008/A/1568 M. & Football Club Wil 1900 v. FIFA & Club PFC Naftex AC Bourgas, award of 24 December 2008. [Web-source]. – Access: arbitrationlaw.com/sites/default/files/free_pdfs/CAS%202008-A-1568%20M%20et%20al%20v%20FIFA%20et%20al%20Award.pdf, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
 7. FIFA. Regulations on the Status and Transfer of Players. Art. 15. [Web-source]. – Access: resources.fifa.com, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
 8. Poonam Majithia. Third Party Ownership – a Brazilian perspective. // LawInSport. 2014.
 9. Van Maren. Debating FIFA's TPO ban. // ASSER International Sports Law Blog symposium. International Sports Law Journal. 2016. Iss. 15. P. 238.
 10. CIES Football Observatory (2015). [Web-source]. – Access: footballobservatory.com/Digital-Atlas, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
 11. Arbitrage TAS2016/A/4490 RFC Seraing c. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), sentence du 9 mars 2017. [Web-source]. – Access: jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4490.pdf, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
 12. SFT Judgment 4A_260/2017 of 20 February 2018 par. (3.4.1). [Web-source]. – Access: sportlegis.com/2018/09/10/the-swiss-federal-judgment-in-the-third-party-ownership-case-fc-seraing-v-fifa-and-the-decision-of-the-brussels-court-of-appeal-a-parallel-universe/, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
 13. Simon Grossobel. Brussel's Court of Appeal Challenges CAS Jurisdiction Clause in FIFA Statutes. // Squire Patton Boggs LLP. 2018.
 14. Drs Raffaele Poli, Loïc Ravenel & Roger Besson. Club instability and its consequences. // CIES Football Observatory Monthly Report. Iss. 1. January 2015.
 15. Benfica & Sporting Lisbon fined by FIFA for breaking transfer regulations [Web-source]. – Access: espn.co.uk/soccer/blog-fifa/story/3462818/benfica-sporting-lisbon-and-celta-vigo-fined-by-fifa-for-breaking-transfer-regulations?device=featurephone, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).

К вопросу о перспективе реформирования Совета Безопасности ООН

Киченина Виктория Сергеевна,

кандидат юридических наук, ведущая кафедра
международно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского
имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной
академии
E-mail: vskichenina@yandex.ru

Ставцова Алина Олеговна,

студент, кафедра международно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской
таможенной академии
E-mail: stavtsova.lina@gmail.com

Рязанский Александр Алексеевич,

студент, кафедра международно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской
таможенной академии
E-mail: lomalo.ra@ya.ru

В данной статье раскрывается одна из наиболее актуальных проблем в сфере международного права, а именно реформирование Совета Безопасности ООН, как главного органа, в компетенцию которого входит обеспечение международного мира и безопасности. Рассматривается международная безопасность, как действия, предпринимаемые для предотвращения и разрешения конфликтов, а также для защиты людей и их образа жизни. Приводятся ссылки на высказывания лидеров международной арены в ходе анализа предложений различных государств о расширении членства. Право вето и расширение членства, как проблемы, поднимаются в ходе исследования. Выдвигаются идеи об обосновании использования право вето постоянными членами и принятие системы «голосования намерений», при которой члены Совета Безопасности могут вынести право вето какого-то государства на дальнейшего обсуждения.

Ключевые слова: международная безопасность, Совет Безопасности ООН, Устав ООН, реформа, право вето.

Несмотря на успехи ООН, многие критики, политики и учёные придерживаются мнения, что ООН, как международная организация неэффективна и теряет свой авторитет на международной арене в результате своих архаичных и анахроничных методов работы. Большинство критических замечаний высказывается именно в отношении деятельности Совета Безопасности ООН, который является центральным элементом архитектуры международной безопасности.

После этого появилось множество предложений по реформе, каждое из которых обещало повысить легитимность ООН через реформу Совет Безопасности ООН, в результате которой Совет станет более эффективным и менее подчинённым национальным интересам постоянных членов.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью исследовать потребность в реформировании Совета Безопасности, как главного международного органа, в силах которого повлиять на конфликты, возникшие между государствами и предотвратить их.

Кризис системы международной безопасности вызывает беспокойство не только у глав государств, но и у граждан. В связи с чем актуален дискуссионный вопрос о необходимости трансформировать роль и полномочия Совета Безопасности ООН.

ООН представляет собой трибуну, которая даёт возможность малым и средним странам отстаивать свою волю и претендовать на право принимать активное участие в сотрудничестве между государствами. В руки крупных государств вручено право оказывать влияние на международный климат, обеспечивая международный мир и безопасность с помощью членства с Совете Безопасности ООН.

Только в мирное время государства могут развиваться, только мир обеспечивает надлежащую среду, в которой они могут продолжать свои отношения. Поддержание международного мира и безопасности обязательно предполагает использование мирных средств для разрешения споров между государствами и только за стол переговоров, они могут избежать конфликтов и работать над установлением политической гармонии.

Международная безопасность – это действия, предпринимаемые для предотвращения и разрешения конфликтов, а также для защиты людей и их образа жизни[1]. Это может включать военное присутствие, поддержание мира, наращивание потенциала и дипломатические соглашения, такие как договоры и конвенции. Безопасность можно воспринимать как защиту жизненно важной основы всех человеческих жизней таким образом, чтобы

укрепить человеческие свободы и самореализацию человека.

В контексте мировой безопасности невозможно умолчать о деятельности Организации Объединенных Наций за ее немалые усилия и всеобщим признанием в качестве посредника для достижения мира и безопасности во всем мире.

Возникновение Организации Объединенных Наций подтвердило желание стран не повторять опыт Второй мировой войны и стремиться к налаживанию необходимого сотрудничества между государствами, решения экономических, социальных, культурных и гуманитарных вопросов и соблюдения прав человека, без различия расы, пола, языка или религии стали самоцелью. Поэтому рационально понимать ООН как организацию, призванную обеспечивать безопасность человека, а не интересы отдельных государств.

ООН является универсальной международной организацией в связи с чем может принимать меры по проблемам, касающимся всего человечества. Так, например, в компетенцию ООН входит разрешение вопросов по миру и безопасности, изменению климата, устойчивого развития, прав человека, разоружения, терроризма, чрезвычайных гуманитарных ситуаций и проблем здравоохранения и многих других[2].

Изначально Совет Безопасности состоял из 11 членов – пяти постоянных членов (Китай, Франция, Советский Союз, Великобритания и США) и шести непостоянных членов, избираемых Генеральной Ассамблеей ООН на двухлетний срок. Поправка к Уставу ООН в 1965 г. увеличила число членов Совета до 15, включая первоначальные пять постоянных членов и 10 непостоянных членов. Среди постоянных членов Китайская Народная Республика сменила Китайскую Республику в 1971 г., а Российская Федерация сменила Советский Союз в 1991 г. Непостоянные члены обычно выбираются для достижения справедливого представительства географических регионов: пять членов представляют Африку или Азию, один – Восточную Европу, два – Латинскую Америку и два – Западную Европу или другие регионы. Пять из 10 непостоянных членов ежегодно избираются Генеральной Ассамблеей на двухлетний срок, а пять ежегодно выходят на пенсию. Председательство осуществляется каждым членом поочередно в течение одного месяца.

Все члены Организации Объединенных Наций соглашаются принимать и выполнять резолюции Совета Безопасности. Хотя другие органы ООН дают рекомендации государствам-членам, только Совет Безопасности имеет право принимать резолюции, которые государства-члены обязаны выполнять в соответствии с Уставом.

Возникает вопрос, почему различные государства, входившие в состав ООН, согласились на создание Совета Безопасности ООН, где квинтет из государств имел право вето. В то время эти пять государств – США, Великобритания, СССР, Китай (далее – КНР) и Франция – считались «по-

бедителями» в войне, и поэтому многие из них принимали активное участие в создании Организации Объединенных Наций как организации, а также в переговорах о мандате Организации Объединенных Наций путем написания Устава ООН. Многие государства возражали против идеи постоянного права вето в Совете Безопасности ООН, однако военные державы не только продолжали настаивать на этом вопросе, но и часто говорили, что без права вето ООН как организация не будет существовать.

Совет Безопасности играет центральную роль в расширении верховенства права как инструмента, и эта роль поднимает вопрос о том, как верховенство права может применяться к самому Совету. Пора признать, что Совет Безопасности в полной мере не обеспечен ресурсами и информацией, необходимыми для эффективного выполнения этой работы. Орган работает с минимальными ресурсами Секретариата и почти полностью зависит от государств-членов в плане информации. Отсутствие независимого потенциала, конечно же, не мешает Совету функционировать уже почти 80 лет. Очевидно, что делегаты конференции в Сан-Франциско в 1945 г. не собирались создавать мировое правительство. Сегодня Совет не действует в качестве такового, но его полномочия значительно выросли.

Актуальность вопроса о реформе ООН обусловлена как его политической, так и практической значимостью. Необходимость реформы ООН очевидна и продиктована тем, что современные глобальные проблемы могут быть решены только на основе многостороннего подхода. Реформа ООН проводится уже несколько десятилетий, и дебаты по этому вопросу горячо обсуждались в течение последних нескольких лет.

Реформа ООН укрепит центральную роль ООН в мировых делах, устранив бюрократию и дублирование функций между различными организациями, проведет структурную перенастройку с учетом изменений в общественно-политической, социально-экономической и гражданской жизни в связи с нынешними реалиями.

Европейский Союз решительно поддерживает многосторонность на международной арене, в связи с чем рассматривает ООН как фундамент международных отношений и поддерживает проведение ее реформирования. В Нью-Йорке 09.05.2017 г. вице-президент Федерика Могерини высказалась о сотрудничестве ЕС и ООН в следующем ключе: «Европейский путь – это постоянный поиск беспроигрышных решений. И суть Организации Объединенных Наций в том, чтобы представлять собой пространство, где компромисс всегда может превалировать над конфронтацией. Вот почему я говорю, что европейский путь – это путь ООН. Этот поиск беспроигрышных решений – еще одна область, в которой полностью сходятся европейский путь и путь ООН» [3].

Все ученые и эксперты, обсуждающие реформу Организации Объединенных Наций, понимают, что

ключ к реформе ООН лежит в Совете Безопасности, что усложняет процесс изменений из-за перераспределения международной политической власти между пятью постоянными членами.

Настоящая реформа, если она будет проведена, может ослабить власть существующих постоянных членов, поэтому как заставить эти страны с корыстными интересами согласиться уменьшить свои привилегии или поделиться этой привилегией с другими странами, было самой большой проблемой при реформировании Совета Безопасности. Он не способен в полной мере оправдать высокие ожидания граждан государств и правительств. Корень недовольства кроется в том, что это не демократический механизм, а клуб могущественных держав, принимающих решения в своих интересах.

Официальная позиция Европейского союза строится вышеуказанных тезисах, однако единое мнение касаясь курса реформы ООН не сформировано. Внимание стоит обратить на немецко-французский блок, как на «несущий». С конца 20 века ФРГ заявила о своих амбициях подняться по карьерной лестнице ООН и занять место постоянного члена Совета Безопасности, аргументируя это своим вкладом в деятельность организации. Роль Германии в финансировании гуманитарной помощи и миротворческого бюджета ООН неумолима. Бывшая Федеральная канцлер Германии в 2018 г. подчеркнула, что «ООН нуждается в реформе, однако прежде чем что-то разрушить, необходимо создать новое» [4].

В прошлом неоднократно звучали призывы к реформированию СБ ООН, причем крупные развивающиеся страны, в частности, требовали места за столом переговоров. Бразилия и Япония выразили аналогичные амбиции, а африканские страны потребовали двух постоянных мест, чтобы лучше представлять континент, который, по их словам, исторически обделен вниманием. В 2010 г. бывший президент США Барак Обама поддержал стремление Индии стать постоянным членом Совета.

Стремление Японии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН хорошо известно, особенно в кругах ООН, особенно в сообществе ООН. Чтобы достичь этой цели, Японии необходимо признать историческую основу, на которой была создана Организация Объединенных Наций после Второй мировой войны. Включение Японии в состав постоянных членов Совбеза не может основываться лишь на том, что международное сообщество возлагает на Японию большие надежды, основываясь на крупном финансовом вкладе в международные организации, включая ООН, или ее более активном участии в миротворческих операциях ООН.

В отсутствие аналогичного межнационального единственного способ для Японии добиваться постоянного членства в Совете Безопасности только в рамках работы международных политических структур, созданных после Второй мировой войны.

Японии необходимо сформулировать всеобъемлющую политику ООН и при этом обеспечить, что-

бы она не отражала только ценности Соединенных Штатов, но и должным образом учитывала различные ценности стран-членов ООН государств-членов ООН, включая саму Японию.

Такая политика также должна создать условия, в которых другие государства-члены ООН будут приветствовать Японию в качестве члена ООН.

Крупнейшие мировые державы обладают чрезвычайным правом, предоставленным им Уставом ООН, – правом вето. В рамках Совета Безопасности ООН это право позволяет любой из них заблокировать резолюцию, находящуюся на рассмотрении Совета. В последние годы некоторые постоянные члены использовали это право для блокирования резолюций, когда совершались злодеяния (геноцид, преступления против человечности и/или военные преступления). Такие вето блокировали осуждение, расследование и судебное преследование преступлений, а также другие меры, направленные на ограничение или облегчение совершения этих преступлений.

Право вето, по мнению ряда исследователей, считается устаревшим, дискриминационным и недемократическим институтом, подрывающим принципы прозрачности и подотчетности методов работы и процедур Совета.

США, Великобритания, Франция, Китай и Россия – постоянные члены Совета Безопасности – периодически использовали свое право вето, угрозы применить вето или «молчаливое» вето, чтобы заблокировать резолюции, несмотря на продолжающийся геноцид, преступления против человечности и/или военные преступления. Однако международные эксперты утверждают, что право вето никогда не предназначалось для использования таким образом, и что существуют пределы для такого рода использования права вето.

Еще в 1945 г. при обсуждении вопроса о создании Организации Объединенных Наций некоторые страны по-разному относились к числу и квалификации постоянных членов Совета Безопасности. Например, некоторые страны критиковали Францию как неквалифицированную великую державу за то, что сдалась нацистской Германии в начале войны, не участвовала в конференции в Думбартон-Оуксе 1944 г. и не была инициатором конференции в Сан-Франциско 1945 г. На вышеупомянутой конференции 1944 г. была признана необходимость в создании новой международной организации, преемнице Лиги Наций.

Китай в то время вообще нельзя было назвать великой державой, и только при поддержке США он смог стать постоянным членом Совета Безопасности.

Что касается критериев добавления постоянных или непостоянных членов Совета Безопасности, многие страны, ученые и аналитические центры выдвинули различные предложения. Например, Бразилия, Германия и Индия совместно предложили Генеральной Ассамблее ООН в январе 2006 г. выборы в Совет Безопасности на основании двух критериев:

1) учитывать вклад и достижения каждого государства-члена в поддержании международного мира и безопасности,

2) учитывать справедливое и равноправное географическое распределение,

Соединённые Штаты считают, что вновь избранные постоянные члены должны соответствовать следующим условиям: количество населения, военный потенциал, участие в операциях по поддержанию мира, приверженность демократии и правам человека, финансовые взносы в ООН, ядерное нераспространение и послужной список по борьбе с терроризмом и географический баланс. Очевидно, что данным всеобъемлющим условиям ни одна страна в полной мере не соответствует, даже те, которые представлены в структуре Совбеза. Индия, ЮАР, Бразилия и другие страны не вносят большого вклада в финансы ООН, а включение Германии нарушает принцип географического баланса, при этом вклад Японии в миротворческие операции совсем невелик, а Китай страна, которая серьезно нарушила права человека, отвергла демократические реформы и неоднократно нарушала ядерное распространение, но уже является постоянным членом.

Анализ многих предложений по реформе, которые были выдвинуты, показывает, что вклад государства и географически справедливое распределение стали двумя принципами того, как изменить структуру Совета Безопасности, но как увеличить число новых постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности в конечном счете по-прежнему является результатом политических дискуссий.

Что касается вопроса об увеличении числа постоянных и непостоянных членов Совбеза и о том, как их распределить, то споры крутятся вокруг того, сколько постоянных и непостоянных членов будет добавлено и каким образом. Еще в 1979 г. Индия предложила увеличить число непостоянных членов с десяти до четырнадцати. Из четырех добавленных членов двое были из африканских стран и один – из Азии и Латинской Америки.

За годы существования Совета Безопасности звучала критика по поводу практики вето, применяемой пятью постоянными членами Совета Безопасности. Основным аргумент пяти постоянных членов, строящийся на том, что право вето позволит им поддерживать мир во всем мире и лучше служить целям и принципам ООН, стал ослабевать. Вместо этого, практика применения права вето постоянными членами все чаще создавала у остальных членов ООН впечатление, что право вето применяется в эгоистичных целях, основанных, прежде всего, на идее защиты индивидуальных национальных интересов постоянных членов и их союзников.

Россия решительно выступает против любого ограничения или сокращения права вето, представитель России в ООН с 2004–2006 г. Андрей Денисов заявил, что Москва отвергает любое размытие полномочий постоянной пятерки и их права вето.

На тему проблематики ограничения вето высказался российский политолог Г.А. Дробот следующим образом: «Гипотетически представляется возможным, что при определенных условиях раздражение вырастет настолько, что нынешний состав Совета Безопасности консенсусно пойдет на уступки и ограничит свои полномочия, особенно в части применения права вето. Вот только тогда, когда такое произойдет по всем правилам процедуры изменения Устава, прописанным в самом Уставе, будут возможны дальнейшие структурные и другие изменения в Совете Безопасности...» [5].

США, Китай и Россия отрицательно относятся к ограничению права вето. Франция продолжает продвигать идею об ограничении права вето, заручившись поддержкой Великобритании. Помимо публичных заявлений, Франция заключила договор о сотрудничестве с Германией, предусматривающий в ст. 8 гл. 2 «Обе страны обязуются продолжать усилия по завершению межправительственных переговоров о реформе Совета Безопасности ООН. Принятие Федеративной Республики Германия в качестве постоянного члена Совета Безопасности является приоритетом франко-германской дипломатии» [6]. Страны смогли найти компромисс в рамках немецко-французского сотрудничества, поскольку инициатива Германии о передаче французского места постоянного члена не нашла отклик [7].

Просто отменить право вето – невыполнимая задача, потому что это связано с внесением поправок в Устав ООН, а согласно п. 2 ст. 109 Устава, любое изменение настоящего Устава, рекомендованное двумя третями голосов участников Конференции, вступит в силу по ратификации, в соответствии с их конституционной процедурой, двумя третями Членов Организации, включая всех постоянных членов Совета Безопасности.

Таким образом, предлагается внести следующие изменения: постоянные члены должны аргументировать причины использования права вето Генеральной Ассамблее; должна быть принята система «голосования намерений», при которой члены Совета Безопасности могут вынести право вето какого-то государства на дальнейшего обсуждения; постоянные члены должны взять на себя обязательство не использовать право вето в случаях геноцида и массовых нарушений прав человека; постоянные члены могут применять право вето только в исключительных, по их мнению, обстоятельствах.

Самое легко реализуемое предложение по реформе права вето в Совете Безопасности заключается в том, чтобы не вносить поправки в Устав ООН и сохранить статус-кво права вето постоянных членов, но требуют, чтобы постоянные члены представляли письменное мотивировочное заявление Генеральной Ассамблее ООН.

Таким образом, необходимо сделать вывод, что проблема реформирования Совета Безопасности ООН вызывает множество дискуссий на протяжении более 70 лет. Вопросы, связанные с увеличени-

ем постоянных и непостоянных членов, ограничение права вето и прозрачность деятельности органа, поднимаются и обсуждаются странами. Однако активных действий со стороны самого ООН предпринято не было в виду разрозненности позиций по вышеуказанным проблемам. Были предложены следующие варианты решения: постоянные члены должны аргументировать причины использования права вето Генеральной Ассамблее; необходимо расширить членство по географическому расположению и вкладу государств в развитие международного сообщества и самой организации ООН.

Следует учесть, усложнившуюся геополитическую ситуацию, в ходе которой решение проблемы реформирования Совета Безопасности ООН будет решена не в скором времени. Однако внимание мировой общественности, исследователей и самих государств несет в себе позитивные веяния, которые обязательно отразятся в деятельности органа, ответственного за поддержание международной безопасности.

Литература

1. Chesterman S. Great Expectations: UN Reform and the Role of the Secretary-General // *Security Dialogue*. 2005. Vol.36.P. 375–377
2. Феофанов К.А. Проблемы реформирования Совета Безопасности Организации Объединённых Наций / К.А. Феофанов, А.С. Корнеева // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. С. 7–21.
3. High Representative/Vice-President Federica Mogherini on the EU-UN cooperation. New York, 09.05.2017 // An Official Web site of the European Union. [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/25815/high-representativevicepresident-federica-mogherini-eu-un-cooperation_en. (дата обращения 01.05.2023).
4. Меркель предостерегла Трампа от нападок на ООН. 30 сентября 2018 г. // Сайт немецкой международной общественной телерадиокомпании «Немецкая волна» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/меркель-предостерегла-трампа-от-нападков-на-оон/a-45697346-o>. (дата обращения 01.05.2023).
5. Дробот Г.А., Паламаренко Р.Ю. Проблемы всеобъемлющей реформы Совета Безопасности

ООН // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. С. 217–227.

6. Ахенский договор о сотрудничестве между Германией и Францией 22 января 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/allemande/relation> (дата обращения 01.05.2023).
7. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. От Елисейского к Ахенскому договору // *Современная Европа*, 2019. С. 18–26.

ON THE PROSPECT OF REFORMING THE UN SECURITY COUNCIL

Kichenina V.S., Stavtsova A.O., Ryazansky A.A.

V.B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy

This article reveals one of the most pressing problems in the field of international law, namely the reform of the UN Security Council as the main body responsible for ensuring international peace and security. It considers international security as an action taken to prevent and resolve conflicts, as well as to protect people and their way of life. References are made to statements made by leaders in the international arena during the analysis of proposals for membership expansion by various states. The veto and enlargement issues are raised in the course of the study. Ideas are raised about the justification for the use of the veto by permanent members and the adoption of a “vote of intent” system whereby Security Council members can put a state’s veto power up for further discussion.

Keywords: international security, UN Security Council, UN Charter, reform, veto power.

References

1. Chesterman S. Great Expectations: UN Reform and the Role of the Secretary-General // *Security Dialogue*. 2005. Vol. 36. p. 375–377
2. Feofanov K.A. Problems of Reforming the United Nations Security Council / K.A. Feofanov, A.S. Korneeva // *Socio-Humanitarian Knowledge*. 2017. p. 7–21.
3. High Representative/Vice-President Federica Mogherini on the EU-UN cooperation. New York, 09.05.2017 // An Official Web site of the European Union. [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/25815/high-representativevicepresident-federica-mogherini-eu-un-cooperation_en. (Accessed on 01.05.2023).
4. Merkel warned Trump against attacking the UN. September 30, 2018 // Website of the German international public broadcaster Deutsche Welle [Electronic resource]. URL: <https://www.dw.com/ru/меркель-предостерегла-трампа-от-нападков-на-оон/a-45697346-o>. (Accessed 01.05.2023).
5. Drobot G.A., Palamarenko R.Y. Problems of Comprehensive Reform of the UN Security Council // *Socio-Humanitarian Knowledge*. 2017. p. 217–227.
6. Aachen Treaty of Cooperation between Germany and France 22 January 2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/allemande/relation> (accessed 01.05.2023).
7. Rubinsky J.I., Sindeev A.A. From the Elysée to the Aachen Treaty // *Modern Europe*, 2019. p. 18–26.

Правовой режим морских пространств по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря

Салимгерей Арон Аманжолович,

кандидат юридических наук, доцент, ассоциированный профессор PhD, председатель Казахстанской ассоциации международного права, директор Института государства и права имени Г.С. Сапаргалиева Казахского национального университета имени Аль-Фараби
E-mail: salimgereia@mail.ru

С принятием Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 г. актуальным вопросом вновь стала юридическая природа Каспийского моря, как окруженного сухопутными территориями прикаспийских государств водоёма, правовое регулирование которого осуществляется исключительно сторонами, подписавшими Конвенцию. В настоящем исследовании проводится анализ возможности применения норм международного морского права, или международной практики государств относительно статуса пограничных озёр на морскую акваторию Каспийского моря при условии согласия прикаспийских стран. Также с учетом принятой конвенции раскрывается содержание понятий «правовой режим» и «правовой статус», которые при внимательном анализе выглядят неравнозначными.

Прикаспийские государства разработали компромиссный вариант Конвенции, с особым его правовым статусом и режимами использования, которые по многим признакам идентичны морским пространствам Мирового океана. Иран остаётся единственной страной из пяти прикаспийских стран, не ратифицировавшей данный международный договор. В случае ратификации Конвенции Исламской Республикой Иран – Конвенция юридически полностью вступит в силу, хотя большинство её положений действуют в межгосударственных отношениях прикаспийских государств, закреплённых в двусторонних и многосторонних соглашениях сторон Конвенции, а также в сложившейся международной практике в акватории моря. До принятия Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 году прикаспийскими странами были заключены двухсторонние и трехсторонние соглашения по вопросам недропользования морского дна Каспийского моря. В процессе разработки новой Конвенции представители прикаспийских стран при составлении текста нового договора исходили из режима принятых соглашений по Каспийскому морю. В частности, в статью 4 Конвенции включили правило, согласно которому стороны осуществляют деятельность в Каспийском море в целях судоходства, промысла, использования и охраны водных биологических ресурсов, разведки и разработки ресурсов его дна и недр, а также иные виды деятельности в соответствии с настоящей Конвенцией, совместимыми с ней отдельными соглашениями сторон и их национальным законодательством.

Ключевые слова: конвенция, Каспий, правовой статус, правовой режим, море, озеро, ратификация, международное морское право.

Введение

Особое географическое расположение на карте мира Каспийского моря обусловило специфические организационно-правовые сложности в определении его правового статуса и режима использования морской акватории Каспия, использования его ресурсов и в обеспечении региональной безопасности. Прилегающая территория, расположенного на стыке Европы и Азии Каспийского моря, включает территории пяти прибрежных государств. А именно, прикаспийский регион включает территории Туркменистана, Казахстана, России, Ирана и Азербайджана. Вопросы разграничения акватории Каспийского моря и определения порядка недропользования, добычи газа, нефти и других ресурсов с распадом СССР подвергались множественному урегулированию с целью выработки единого, устраивающего все прибрежные государства, решения. Однако, долгое время прикаспийским государствам не удавалось достичь универсальных договоренностей по основным проблемным вопросам Каспия: использование акватории, пользование недрами и обеспечение национальной безопасности прикаспийских государств и международной безопасности в целом.

Сложности в определении правового статуса и правового режима Каспия обусловлены не только разногласиями прикаспийских государств, но еще и тем, что Каспийское море не является частью Мирового океана, так как не имеет естественных границ с ним, а представляет собой закрытый внутриконтинентальный водоем. Следовательно, международные нормы морского права, регулирующие в межгосударственном пространстве вопросы использования континентального шельфа, зоны акватории, недр и проч., в частности Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву) (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994)// Консультант Плюс/URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (дата обращения: 15.04.2023).), относительно правового режима Каспийского моря не действуют.

Названные геополитические и географические сложности преодолевались ранее (до распада СССР) на основе советско-иранских договоров (Советско-иранский договор от 26.02.1921 г.//URL: <https://inance.ru/2019/02/dogovor-soviet-iran/> (дата обращения: 16.04.2023 г.); Советско-иранский договор «О торговле и мореплавании» от 25.03.1940 г.//URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/mnogostoronnie-struktury-i-forumy/vzaimodeystvie_v_regione_kaspiyskogo_morya/1568251/ (дата обращения:

16.04.2023 г.)). С образованием на постсоветском пространстве независимых государств достигнутые ранее договоренности потеряли свое значение и актуальность в межгосударственном взаимодействии государств прикаспийского региона[1].

12 августа 2018 года в морской столице Казахстана городе Актау на Пятом каспийском саммите – президенты Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Российской Федерации, Туркменистана, Казахстана подписали исторический документ – Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря [8].

Заключению Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (далее- Конвенция) предшествовал комплекс длительных мероприятий по поиску взаимоприемлемого для всех прикаспийских государств решения вопроса о правовом режиме и многих других, требующих правового регулирования, проблем. В результате проведения пяти международных саммитов, семи заседаний министров иностранных дел прикаспийских государств, пятидесяти двух совещаний рабочей группы, созданной в целях определения специальных и принципиальных положений Конвенции, а также многочисленных научно-практических конференций и круглых столов, многие геополитические и территориальные коллизии были урегулированы. Итогом описанного процесса стала разработка концепции Конвенции и определение ее содержания.

В соответствии с Конвенцией решение вопросов, касающихся Каспийского моря, отнесено к исключительной компетенции прикаспийских государств – стран-участниц, подписавших Конвенцию, – и осуществляется на основе уважения суверенитета, территориальной целостности, независимости, суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, взаимного уважения, сотрудничества, невмешательства во внутренние дела друг друга. Достаточно сложные переговоры относительно раздела водного пространства Каспия увенчались успехом. Морская акватория Каспия была разделена на пространства различного правового режима: внутренние и территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство [8, с. 104].

Указанное обстоятельство обусловило теоретическую и практическую необходимость исследования правового статуса и режима использования морских пространств Каспия, в том числе анализа проблем правового регулирования сухопутных территорий, в пределах которых находится Каспийское море.

Настоящее исследование направлено на анализ теоретических и прикладных аспектов реализации Конвенции, определение спорных понятий и выработку актуальных моделей решения обозначенных проблем.

Методы исследования

Для достижения целей настоящего исследования использовался комплекс общенаучных методов по-

знания. В частности, широко применялся системный подход. Также в основу изучения заявленной проблематики были положены логический, сравнительный и сравнительно-правовой методы исследования. Кроме того, выводы исследования основываются на результатах многочисленных эмпирических исследований ученых-юристов и политологов.

Результаты исследования

Конвенция представляет собой первый правовой документ, определяющий права и обязательства сторон в отношении Каспийского моря, включая его воды, дно, недра, природные ресурсы и воздушное пространство. Данный документ, имеющий международно-правовое значение, регулирует вопросы разграничения национальных сфер, пределов юрисдикций и суверенитета, а также затрагивает проблемы осуществления прав на недропользование, транзита и транспортировки. Важное место в Конвенции отводится охране природной среды, биологических ресурсов моря и вопросам безопасности под призмой преодоления проблем противодействия современным вызовам и угрозам, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также военной деятельности прикаспийских государств[9].

Согласно ст. 1 Конвенции: «Каспийское море» – окруженный сухопутными территориями сторон водоём, берега которого нанесены на морские навигационные карты масштаба 1:750 000 Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны Российской Федерации (город Санкт-Петербург, номер 31003, архивное издание 17 апреля 1997 года, отпечатано в 1998 году; номер 31004, архивное издание 4.07.1998 года, отпечатано в 1999 году; номер 31005, архивное издание 16.11.1996 года, отпечатано в 1998 году), заверенные копии которых прилагаются к настоящей Конвенции и являются её неотъемлемой частью».

Несмотря на то, что Конвенция не определяет напрямую юридическую природу Каспийского моря с точки зрения известных категорий морских или водных пространств в международном праве, ее принятие закрепило новый правовой статус Каспийского моря, как «окруженный сухопутными границами прикаспийских государств водоём», правовое регулирование которого возможно только сторонами, заключившими Конвенцию. Важно отметить – реализация норм международного морского права, или международной практики государств относительно статуса пограничных озер не исключена на морскую акваторию Каспия при условии согласия прикаспийских стран. Стороны Конвенции реализуют суверенитет, суверенные и исключительные права, а также осуществляют юрисдикцию в Каспийском море на основе норм Конвенции и межгосударственных соглашений прикаспийских стран.

Права прибрежного государства на внутренние и территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство определяются согласно

Конвенции исходя из правового статуса и режима использования, который по многим аспектам идентичен морским пространствам Земного шара, регламентируемым принципами и нормами международного морского права.

В положениях Конвенции не употребляются термины «морское пространство» или «территориальное море» – исключая терминологически применяемые в международном морском праве установившиеся на протяжении длительного времени общепринятые определения, которые активно применялись на морской акватории Каспия. Правовой статус каждого водного пространства, имеет собственный правовой режим, регулирующий деятельность сторон Конвенции в этом водном пространстве Каспийского моря.

Ст. 1 Конвенции определяет следующие морские пространства:

- 1) Внутренние воды – воды, расположенные в сторону берега от исходных линий.
- 2) Территориальные воды – морской пояс, на который распространяется суверенитет прибрежного государства.
- 3) Рыболовная зона – морской пояс, в котором прибрежное государство обладает исключительным правом на промысел водных биологических ресурсов.
- 4) Общее водное пространство – часть акватории, расположенная за внешними пределами рыболовных зон и находящаяся в пользовании всех Сторон.

Перечисленные морские пространства охватываются понятием правового режима (правовой режим территориальных вод или правовой режим рыболовной зоны), где в свою очередь регламентируются такие виды использования, как правовой режим искусственных островов, правовой режим научных исследований, правовой режим воздушных полетов (который сильно зависит от статуса морского пространства Каспийского моря).

Правовой режим в территориальных водах Каспийского моря определяется на основе национального законодательства прибрежного государства с учетом норм Конвенции и других соглашений прикаспийских государств. В частности, нормы Конвенции предусматривают право мореплавания в территориальных водах прибрежного государства, а порядок прохода, захода и выхода уже определяется его законодательством.

На рыболовную зону не распространяется территориальный суверенитет прибрежного государства, которое, согласно нормам Конвенции, обладает исключительным правом на промысел водных биологических ресурсов.

Каждая сторона Конвенции устанавливает рыболовную зону шириной 10 морских миль, прилегающую к территориальным водам. В своей рыболовной зоне каждое прикаспийское государство обладает исключительным правом на промысел биологических ресурсов на основе положений настоящей Конвенции и специальных норм межгосударственных соглашений.

В зоне общего водного пространства прибрежное государство обладает суверенными правами на недропользование на морском дне, разделенное на секторы между прибрежными государствами. На морскую поверхность и водную толщу в зоне общего водного пространства Каспийского моря, применяется режим совместного использования сторон Конвенции.

Раздел морского дна и, соответственно, недр – один из важнейших вопросов для прикаспийских стран. Однако, конкретных координат в Конвенции не установлено, также как и методики их определения. Эти вопросы должны решаться, «по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права». Кроме того, отдельными межгосударственными соглашениями должна определяться и «методика установления прямых исходных линий, от которых должна отчитываться ширина территориальных вод на тех участках, где береговая линия извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов» (абз. 6 ст. 1 Конвенции) [8, с. 114].

Научная дискуссия

Закрепленное в Конвенции определение Каспийского моря не дает ответа на главный вопрос – к какой категории водных пространств отнести акваторию Каспийского моря?

Возможно, неурегулированность юридического и географического положения Каспия, обусловлена следующими факторами.

Первоначально определяющим вопросом при решении Каспийской проблемы был вопрос о применении к правовому режиму Каспийского моря положений «о замкнутости» в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года или о пограничном озере. При этом согласно ст. 122 Конвенции ООН факт естественной связи замкнутого или полузамкнутого моря с другим морем, является необходимым. Каспий не имеет естественной связи с Мировым океаном (понятие Мирового океана в международном праве применимо ко всем морским пространствам). Кроме того, большинство прикаспийских государств отказывались признавать Каспий замкнутым морем. Вместе с тем, Казахстан придерживался лояльной позиции относительно возможности применения положений о замкнутом море к акватории Каспия. Независимость с Мировым океаном является внешним и объективным фактом, который следует учитывать при применении норм и принципов международного морского права на морскую акваторию Каспия, а следовательно требует иных подходов и расширительного толкования.

Указанные разногласия так и не были разрешены, и вопрос об определении категории водного пространства Каспийского моря остался открытым.

Учитывая, что Каспийское море не признается частью Мирового океана, его правовое регулиро-

вание не охвачено специальными международными соглашениями в сфере морского права. Например, в ст. 5 Международной конвенции о грузовой марке, принятой в Лондоне 5 апреля 1966 года, стороны определили, что ничто в настоящей Конвенции не применяется к судам, совершающим плавание исключительно по Великим Озерам Северной Америки и по реке Святого Лаврентия в пределах, ограниченных на востоке прямой линией, в Каспийском море, по рекам Ла-Плата, Парана и Уругвай и т.д. Международная конвенция по обмеру судов 1969 года также не регулирует акваторию Каспия.

В положениях Конвенции не употребляются термины «морское пространство» или «территориальное море» – исключая терминологически применяемые в международном морском праве установившиеся на протяжении длительного времени общепринятые определения, которые активно применялись на морской акватории Каспия. Правовой статус каждого водного пространства, имеет собственный правовой режим, регулирующий деятельность Сторон Конвенции в этом водном пространстве Каспийского моря.

Ю.Е. Федоров поднимал проблемы неопределенности категории водного пространства Каспийского моря еще в 1996 году. Ученый справедливо указывал на то, что «российскими дипломатами и экспертами вводится новое понятие – «внутриконтинентальный водоем», который не является ни озером, ни замкнутым морем. Возникает в этой связи естественный вопрос – чем, собственно, в этом случае является Каспийское море, ибо в географии известны либо моря, либо озера? При этом термин «внутриконтинентальный водоем» сам по себе ничего не объясняет, ибо и озера, и замкнутые моря, и даже пруды относятся к этой категории. Элементарная логика требует, чтобы было дано более или менее исчерпывающее объяснение того, почему Каспийское море не является ни морем и ни озером, какова же его географическая природа» [10, с. 18].

В продолжение приведенного тезиса международно-правовой статус Каспийского моря подвергался многочисленным научным изысканиям учеными различных стран мира, однако общего понимания относительно названия, географического и юридического положения, а также методов разграничения между научными школами выработано не было. Как следствие не удалось достичь и компромиссного решения по указанным вопросам и в международной, дипломатической практике.

Перечисленные морские пространства охватываются понятием правового режима (правовой режим территориальных вод или правовой режим рыболовной зоны), где в свою очередь регламентируются такие виды использования, как правовой режим искусственных островов, правовой режим научных исследований, правовой режим воздушных полетов (который сильно зависит от статуса морского пространства Каспийского моря). На-

пример, территориальные, как и внутренние воды Каспийского моря, входят в состав юрисдикции прибрежного государства, также как и дно, недра и воздушное пространство над территориальными водами. В этой связи, известный российский ученый А.Л. Колодкин на конференции «Каспий: правовые аспекты» в 2002 году подчеркивал, что, «если статус пространств отвечает на вопрос *принадлежности* последних к государству (например, территориальное море) или, наоборот, неподчинения ни суверенитету, ни юрисдикции какого-либо государства (например, открытое море), то понятие «правовой режим» непосредственно связано с совокупностью прав и обязанностей государств по *использованию* данного морского пространства» [5, с. 115; 6, с. 54–55].

В уже упомянутой Конвенции ООН по морскому праву понятия «правовой статус» и «правовой режим» трактуются по-разному и употребляются для характеристики различных по своему качеству объектов. В этом аспекте на начальном этапе урегулирования Каспийской проблемы из-за различных подходов прикаспийские государства не могли определить, к какому виду пространства отнести Каспий или к морю, или к озеру. Вследствие не решения данного вопроса, невозможно было согласовать режим использования морских пространств Каспийского моря.

В научной и методической литературе, а также в различных источниках международного морского права активно используются такие термины, как «правовой режим» («режим») и «правовой статус» («статус») отдельных категорий морских пространств. При этом оба понятия зачастую используются как взаимозаменяемые или родственные, что вносит определенную терминологическую путаницу, затрудняя толкование действующих международно-правовых документов. Необходимо обратить внимание, что оба термина сближает их употребление применительно к какой-либо конкретной территории – части Мирового океана. Это обстоятельство, безусловно, позволяет говорить об определенной близости указанных понятий. Можно сказать, что правовой статус и правовой режим – это юридические характеристики той или иной территориальной сферы. Именно с этим связаны отдельные попытки представителей международно-правовой науки использовать такое «интегрированное» понятие, как «юридическая природа» территории [2, с. 126].

Вместе с тем поглощение понятий «правовой режим» и «правовой статус» одним термином в морском праве выглядит нецелесообразным, так как действующие нормы содержат оба понятия, которые при внимательном анализе выглядят неравнозначными.

В качестве примера можно сослаться на самый авторитетный источник международного морского права – принятую в 1982 году в Монтего-Бей Конвенцию ООН по морскому праву. Пункт 4 статьи 49 Конвенции гласит: «Режим архипелажного прохода по морским коридорам, устанавливаемый в насто-

ящей части, в других отношениях затрагивает статус архипелажных вод, включая морские коридоры, или осуществление государством-архипелагом своего суверенитета над такими водами, воздушным пространством над ним, дном и недрами, и их ресурсами». Как видно из данной нормы, понятие «статус» используется применительно к особому виду использования территории, а понятие «режим» употребляется, как характеристика самой территории. Это различие подтверждается анализом других норм Конвенции. Например, название статьи 34 Конвенции ООН сформулировано следующим образом: «Правовой статус вод, образующих проливы, используемые для международного судоходства». В то же время пункт 1 статьи 45 Конвенции ООН отмечает о «режиме мирного прохода». Аналогично статья 55 Конвенции ООН («Особый правовой режим исключительной экономической зоны») гласит: «Исключительная экономическая зона представляет собой район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему, который подпадает под установленный к настоящей Части особый правовой режим, согласно которому права и юрисдикция прибрежного государства и права и свободы других государств регулируются соответствующими положениями настоящей Конвенции».

«С юридической точки зрения Конвенция о правовом статусе Каспийского моря является материнским документом, определение же деталей, касающихся специализированных вопросов будет зависеть от отдельных соглашений, – заявил в 2018 году Президент Ирана Хасан Рухани – В частности, вопрос разграничения дна и недр Каспия ещё не определен» [3, с. 6]. Такое заявление означало несогласие с ранее заключенными соглашениями прикаспийских стран по разграничению морского дна Каспийского моря.

Исламская Республика Иран считает несправедливым применять метод разграничения морского дна Каспийского моря, который применяли Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Российская Федерация и Туркменистан на основе двусторонних и трехсторонних соглашений по разграничению морского дна Каспийского моря. Установленная в статье 8 Конвенции норма: «разграничение дна и недр Каспийского моря на секторы осуществляется по договоренности сопредельных и противоположащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр» хотя и содержит вполне понятную диспозицию, тем не менее, она не дает ответа на главный вопрос – какой принцип заложить в основу деления морского дна Каспийского моря? Если положения Конвенции содержат нормы о совместимости ранее принятых соглашений Сторон Конвенции по вопросам недропользования, то насколько они будут совместимыми в части обоснования позиции Ирана

о разграничении морского дна по принципу 20% каждой Стороне Конвенции.

Вследствие особенностей географического расположения береговой линии претендовать на более значительный участок морского дна Каспийского моря по методике, которую применяли другие прикаспийские государства, Иран не может. При этом подчеркнем – позиция Ирана заключается не в пропорциональном разграничении морского дна Каспийского моря по принципу 20% за каждым государством, что практически очень сложно будет сделать, а в справедливом распределении морских ресурсов. В этой связи иранский дипломат М. Сафари отметил, что Иран занял компромиссную позицию и отступил от ранее заявленного подхода, основанного на принципе кондоминиума. «Для того, чтобы показать свою добрую волю, мы подтвердили свое согласие на раздел Каспийского моря... Мы предложили другим прикаспийским государствам формулу, в соответствии с которой доля Ирана составляет 20%»¹.

Вместе с тем Иран подписанием в 2018 году Конвенции о правовом статусе Каспийского моря было выражено согласие на закрепленные нормы Конвенции. Более вероятно при достижении компромисса всех прикаспийских государств – это принятие дополнительных соглашений, где возможно будет скорректирована методика по определению исходных линий, по разграничению морских пространств Каспия. Тем более позиция Ирана заключалась не в пропорциональном распределении, а по 20% за каждым государством, как на справедливой доле на минеральные ресурсы Каспийского моря.

В результате прикаспийские государства разработали компромиссный вариант Конвенции, с особым его правовым статусом и режимами использования, которые по многим признакам идентичны морским пространствам Мирового океана. Иран остается единственной страной из пяти прикаспийских стран, не ратифицировавшей данный международный договор. В случае ратификации Конвенции Исламской Республикой Иран – Конвенция юридически полностью вступит в силу, хотя большинство её положений действуют в межгосударственных отношениях прикаспийских государств, закрепленных в двусторонних и многосторонних соглашениях сторон Конвенции, а также в сложившейся международной практике в акватории моря. До принятия Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 году прикаспийскими странами были заключены двухсторонние и трехсторонние соглашения по вопросам недропользования морского дна Каспийского моря. В процессе разработки новой Конвенции представители прикаспийских стран при составлении текста нового договора исходили из режима принятых соглашений по Каспийскому морю. В частности, в статью 4

¹ Иран предложил формулу деления Каспия, в результате которой доля Исламской республики Иран составляет 20%. 12.05.2003. Kazakhstan today/<http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=28581>.

Конвенции включили правило, согласно которому стороны осуществляют деятельность в Каспийском море в целях судоходства, промысла, использования и охраны водных биологических ресурсов, разведки и разработки ресурсов его дна и недр, а также иные виды деятельности в соответствии с настоящей Конвенцией, совместимыми с ней отдельными соглашениями сторон и их национальным законодательством.

В заключении приведем пример о работе Третьей Конференции ООН по кодификации международного морского права. Данная Конференция проходила с 1973 года и закончилась подписанием представителями 159 государств 10 декабря 1982 года в Монтего-бей (Ямайка) Конвенции ООН по морскому праву, которая в 1994 году вступила в силу. Затянувшийся правовой спор, если брать за точку отчета 1992 год, когда начались первые процессы со стороны прикаспийских государств по определению нового правового статуса Каспийского моря, продлился до 12 августа 2018 года с подписанием единой Конвенции, которая так и не ступила в силу.

Приведенный пример, с точки зрения затянувшегося переговорного процесса по урегулированию Каспийской проблемы по сравнению с работой Третьей Конференцией ООН, в очередной раз показывает, что при решении вопросов правового статуса Каспийского моря необходимо в равной степени учитывать как международную морскую договорную практику, так и результаты научных исследований. Причем наука должна играть концептуальную роль при разработке правовых моделей и конструкций, формирующих режим Каспийского моря, а также ориентирующую роль при поиске оригинальных решений проблем прикаспийского региона. Также в целях сбора и систематизации аналитического материала целесообразно создание научно-исследовательских групп со стороны всех пяти прикаспийских государств, деятельность которых будет облегчать дипломатическое сотрудничество. Реализация таких мер позволила бы значительно сократить время при подготовке новых международных соглашений, направленных на эффективное освоение Каспийского моря и решение ключевых вопросов закрепления его правового статуса. При этом, вырабатываемые организационно-правовые модели, устанавливающие правовое положение Каспийского моря, в первую очередь должны обеспечивать и гарантировать международную безопасность.

Литература

1. Васильева О.А. Советско-иранский договор 1921 года//Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010, Вып. 29. С. 1–6.
2. Деканозов Р.В. О правовой классификации морских пространств (постановка вопроса)// Советский ежегодник международного права, 1985, М., 1986. С. 124–134.

3. Зироян Э. Конституция Каспийского моря // Казахстанская правда. № 8. 2018// URL: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/konstitutsiya-kaspiiskogo-morya> (дата обращения: 23.03.2023).
4. Ибрагимов М.А. О международном правовом статусе каспийского моря//Закон и право. – 2020. – № 8. С. 120–123.
5. Колодкин А.Л. О правовом режиме Каспийского моря // Ежегодник морского права. 1999–2001.М., 2002. С. 115.
6. Колодкин А.Л. Опорные точки добрососедства // Нефтегазовая вертикаль. – 2002. – № 6. С. 54–55.
7. Колодкин А.Л. Международное морское право. Москва: Статут, 2014. – 412 с.
8. Мамедов Р.Ф., Салимгерей А.А. Конституция Каспия: Конвенция о правовом статусе Каспийского моря: на пути от идеи до ее воплощения. Алматы, 2022. –332 с.
9. Шварц А. Море сотрудничества и взаимопонимания//Казахстанская правда. – 2019 – № 2// URL: <https://kazpravda.kz/n/more-sotrudnichestva-i-vzaimoponimaniya>.
10. Федоров Ю.Е. Правовой статус Каспийского моря // Исследование ЦМИ МГИМО, № 8, 1996. – С. 18–31.

LEGAL REGIME OF MARINE SPACES UNDER THE CONVENTION ON THE LEGAL STATUS OF THE CASPIAN SEA

Salimgerey A.A.

Al-Farabi Kazakh National University

With the adoption of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea dated August 12, 2018, the legal nature of the Caspian Sea, as a body of water surrounded by the land territories of the Caspian states, the legal regulation of which is carried out exclusively by the signatories of the Convention, again became an urgent issue. This study analyzes the possibility of applying the norms of international maritime law, or international practice of states regarding the status of border lakes in the marine area of the Caspian Sea, subject to the consent of the Caspian countries. Also, taking into account the adopted convention, the content of the concepts of “legal regime” and “legal status” is revealed, which, upon careful analysis, look unequal.

The Caspian states have developed a compromise version of the Convention, with its special legal status and modes of use, which are identical in many respects to the marine spaces of the World Ocean. Iran remains the only country out of the five Caspian countries that has not ratified this international treaty. If the Convention is ratified by the Islamic Republic of Iran, the Convention will legally fully enter into force, although most of its provisions are in force in the interstate relations of the Caspian states, enshrined in bilateral and multilateral agreements of the parties to the Convention, as well as in established international practice in the sea. Prior to the adoption of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in 2018, the Caspian countries signed bilateral and trilateral agreements on the subsoil use of the seabed of the Caspian Sea. In the process of developing the new Convention, the representatives of the Caspian littoral countries, when drawing up the text of the new treaty, proceeded from the regime of the adopted agreements on the Caspian Sea. In particular, Article 4 of the Convention included a rule according to which the parties carry out activities in the Caspian Sea for the purpose of navigation, fishing, use and protection of aquatic biological resources, exploration and development of the resources of its bottom and subsoil, as well as other types of activities in accordance with this Convention, separate agreements of the parties compatible with it and their national legislation.

Keywords: convention, Caspian, legal status, legal regime, sea, lake, ratification, international maritime law.

References

1. Vasilyeva O.A. Soviet-Iranian Treaty of 1921//Scientific Bulletin. Series Philosophy. Sociology. Right. 2010, Issue. 29. P. 1–6.
2. Dekanozov R.V. On the legal classification of maritime spaces (raising the question) // Soviet Yearbook of International Law, 1985, M., 1986. P. 124–134.
3. Ziroyan E. The Constitution of the Caspian Sea // Kazakhstanskaya Pravda. No. 8. 2018// URL: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/konstitutsiya-kaspiiskogo-morya> (date of access: 03/23/2023).
4. Ibragimov M.A. On the international legal status of the Caspian Sea//Law and Law. – 2020. – No. 8. P. 120–123.
5. Kolodkin A.L. On the legal regime of the Caspian Sea // Yearbook of the Law of the Sea. 1999–2001. M., 2002. P. 115.
6. Kolodkin A.L. Reference points of good neighborliness // Oil and gas vertical. – 2002. – No. 6. P. 54–55.
7. Kolodkin A.L. International maritime law. Moscow: Statut, 2014. – 412 p.
8. Mamedov R.F., Salimgerei A.A. Constitution of the Caspian: Convention on the legal status of the Caspian Sea: on the way from an idea to its implementation. Almaty, 2022. –332 p.
9. Schwartz A. Sea of cooperation and mutual understanding//Kazakhstanskaya Pravda. – 2019 – No. 2//URL: <https://kazpravda.kz/n/more-sotrudnichestva-i-vzaimoponimaniya>.
10. Fedorov Yu.E. Legal status of the Caspian Sea // Study of the Central Research Institute of MGIMO, No. 8, 1996. – P. 18–31.

Правовые проблемы, связанные с введением спортивных санкций в отношении футболистов за действия футбольных клубов

Махмудов Руслан Акифович,

аспирант кафедры трудового права юридического факультета, Академия труда и социальных отношений,
E-mail: makhmudoff@yahoo.com

Статья посвящена рассмотрению правовых аспектов конфликта, возникшего между УЕФА и частью крупнейших клубов Европы в связи с объявлением о создании ими нового европейского клубного турнира – «Суперлиги». Международные и национальные органы управления футболом выступили с единым заявлением об осуждении создания турнира и пригрозили футбольным клубам и футболистам спортивными санкциями в случае его организации. УЕФА и ФИФА пообещали футболистам запретить участвовать не только в клубных соревнованиях, но и в соревнованиях сборных команд. В статье разбираются и подвергаются правовой оценке заявления, сделанные УЕФА и ФИФА, представителями европейской юстиции, а также приводится мнение о правовых последствиях в случае действительного создания «Суперлиги» и введения в действие всех обещанных спортивных санкций.

Ключевые слова: труд спортсменов, спортивный регламент, футбольные соревнования, спортивные санкции, ограничение права на труд.

Введение

В апреле 2021 года произошёл один из наиболее громких скандалов в мировом футболе в 21 веке – двенадцать европейских футбольных клубов-грандов из Англии, Испании и Италии объявили о создании «Суперлиги». «Суперлига» должна была стать крупнейшим закрытым турниром и главным конкурентом «Лиге Чемпионов» – общеевропейскому клубному турниру, проводимому УЕФА. Суть претензий идеологов «Суперлиги» – сверхдоходы Европейской ассоциации футбола и неучёт интересов крупнейших клубов. Объявление о создании «Суперлиги» было встречено резко негативно представителями не только УЕФА, но и самой ФИФА, а также ведущими европейскими политиками, в том числе президентом Франции Эммануэлем Макроном и тогда действующим премьер-министром Великобритании Борисом Джонсоном. Новость о создании «Суперлиги» не получила поддержки и среди болельщиков, что не в последнюю очередь принудило в тот момент отозвать свою инициативу почти все клубы из списка 12 основателей, за исключением испанских «Реала Мадрида» и «Барселоны». Однако в контексте рассмотрения данного вопроса с точки зрения международного спортивного и трудового права вызывает интерес та аргументация, к которой прибегли международные органы управления футболом.

Основная часть

Весь европейский клубный футбол и футбол сборных находится в ведении УЕФА и ФИФА. УЕФА является организатором «Лиги Чемпионов» – крупнейшего общеевропейского турнира среди клубов и Чемпионата Европы – турнира среди сборных стран европейского континента. УЕФА де-факто является естественным монополистом, однако Союз помимо получения доходов с организации турниров несёт и огромное количество расходов, в том числе на поддержание стабильности функционирования футбольной системы, перераспределения доходов между клубами, развитие детско-юношеского спорта [1].

В заявлении УЕФА, опубликованном на сайте организации, заявлено, что УЕФА, Английская футбольная ассоциация и Премьер-лига, Королевская федерация футбола Испании и Ла Лига, а также Итальянская федерация футбола и Лига Серии А узнали, что несколько английских, испанских и итальянских клубов планируют объявить создание закрытой «Суперлиги». Как ранее объявили ФИФА и шесть конфедераций, *соответствующим клубам будет запрещено участвовать в любых других соревнованиях на национальном, европейском или мировом уровне, а их игрокам может быть от-*

казано в возможности представлять свои национальные команды [2].

Таким образом, УЕФА выдвинула не просто ультиматум и откровенно пригрозила дисквалификациями и санкциями создателям «Суперлиги», то есть футбольным клубам – работодателям для сотен футболистов, но и открыто заявила, со ссылкой на ФИФА, что санкциям будут подвергнуты и сами футболисты, выступающие за эти клубы, то есть обыкновенные наёмные работники. Важно понимать, что дисквалификация футбольного клуба из турнира чревата потерей многомиллионных доходов с участия в турнире, потенциальных призовых, рекламных контрактов. То же самое касается и персонально футболистов – у многих из них заключены трудовые договоры с бонусными частями, по которым им полагаются выплаты за успешность их выступления в том или ином турнире, спонсорские соглашения, по которым им также полагаются дополнительные выплаты в зависимости от степени продвижения бренда, медийности и других переменных. И если решение УЕФА отстранить сами футбольные клубы от соревнований за нарушение устоявшихся принципов европейского футбола – понятно, поскольку данные клубы действительно нарушили Устав УЕФА, в соответствии со ст. 49 которого именно эта организация обладает исключительной компетенцией в части организации и реформирования европейских футбольных международных соревнований, в которых участвуют национальные федерации-члены УЕФА, а также клубы, входящие в них [3]. В свою очередь проведение международных матчей и турниров не под эгидой УЕФА на территории европейских футбольных ассоциаций должно получить предварительное одобрение со стороны УЕФА и ФИФА, а также соответствовать Регламенту ФИФА по организации международных матчей [4]. То есть попытка клубов-основателей «Суперлиги» сломать устоявшуюся европейскую архитектуру очевидна. Более того, они прямо нарушают обязательства, принятые на себя их национальными федерациями, членами которых клубы-бунтовщики являются, поскольку никакого согласования и переговоров с УЕФА проведено не было [5]. Следовательно, исключив клубы из европейских соревнований, автоматически доступа к соревнованиям лишаются и наёмные работники-футболисты, работающие в этих клубах. Но возникает вопрос касательно законности таких угроз со стороны УЕФА и ФИФА.

В силу того, что заявление УЕФА было скорее эмоциональным, нежели взвешенным с правовой точки зрения, оно вызвало множество дискуссий о юридической корректности и последствиях в случае введения таких санкций. За скобками остались и вопросы, связанные с возможностью осуществления трансферов. В футболе широко распространена практика наказания футбольных клубов на совершение переходов – более известная как «трансферный бан», которому подвергаются клубы, нарушившие правила осуществления сделок по переходам футболистов. Бан на соверше-

ние трансферов может быть наложен на клуб как вследствие нарушения правил финансового фэйр-плей, так и за произведение махинаций, связанных с «избыточным» движением футболистов по клубам с целью «оптимизировать» налогообложение и вместе с этим клубный ростер [6].

Более того, помимо автоматического исключения футболистов из европейских клубных соревнований, им *может быть* закрыт доступ и к выступлениям за национальные команды. Возникает следующий логичный вопрос: каким образом наёмные работники, чья базовая трудовая функция заключается в подготовке к соревнованиям и участию в них, виноваты в том решении, которое принял за них их работодатель? И если бан на участие в клубных соревнованиях объясним – он прямо вытекает из запрета на участие клубов и де-факто является автоматическим, то совершенно непонятно почему потенциально может быть нарушено право футболистов отстаивать честь национальных команд, к которым они принадлежат по праву рождения, за счёт того, что являются наёмными работниками в провинившемся футбольном клубе. Получается, если речь идёт о, например, уругвайском футболисте, выступающем за европейский футбольный клуб: наличие трудового договора с каталонским клубом «Барселона», согласно позиции ФИФА, способно привести к блокировке участия такого спортсмена в играх сборной Уругвая в Кубке Америки. Каким образом такой атлет виновен в решении, которое принял работодатель, а не он сам? Если нарушение условий спортивного режима – это личная вина футболиста, за которое он несёт ответственность и может быть подвергнут тому или иному спортивному и дисциплинарному взысканию за проступок, то в данном случае налицо «объективное вменение» в спортивно-трудовом, а не уголовном формате.

Подобное отношение УЕФА и ФИФА к наёмным работникам представляется некорректным, необоснованным и явно не соответствующим степени вовлечённости спортсменов в подобного рода решения, а также нарушающим их законное право на труд, учитывая тот факт, что многие футболисты открыто не поддерживали идею создания «Суперлиги». Футбольные ассоциации заявили о готовности наказать футболистов – жертв обстоятельств – максимально строго и ни за что.

Заключение

В настоящий момент продолжается судебное разбирательство между УЕФА и присоединившейся к ней ФИФА и «Суперлигой» в Европейском суде. Ключевой момент, который предстоит разрешить суду, заключается в том, соответствуют ли регламенты ассоциаций антимонопольному регламенту Евросоюза. В то же время генеральный адвокат суда ЕС Атанасиос Рантос считает, что правила ФИФА и УЕФА никак не нарушают антимонопольное законодательство Европейского союза, вследствие чего вправе блокировать вступление клубов в сторонние

турниры без их одобрения и наказывать игроков, которые участвуют в матчах [7]. Однако в данном контексте непонятно каким образом, в случае образования «Суперлиги», должны были действовать футболисты: бойкотировать соревнования, нарушать условия трудовых договоров, не тренироваться и не играть? В трудовых соглашениях спортсменов могут быть предусмотрены штрафные санкции на такой случай. Поскольку разбирательство всё ещё продолжается, а «Суперлига» по-прежнему жива, окончательные выводы сделать не представляется возможным. Представляется, что в случае создания «Суперлиги» спортивные санкции если не обеих организаций, то только ФИФА об отстранении футболистов от выступлений за национальные сборные, смогут быть преодолены в Спортивном арбитражном суде (CAS). Возможные рестрикции серьёзно нарушают фундаментальные права человека, основными среди которых являются право на свободу передвижения и право на труд [8]. Также можно предположить, что столь радикальные шаги со стороны футбольных ассоциаций в будущем способны настроить против себя нейтральных болельщиков, а также многих футбольных функционеров и самих работников-футболистов, что только усилит раскол и поспособствует более активному вовлечению футбольных клубов в организацию клубных соревнований, неподконтрольных УЕФА.

Литература

1. UEFA Budget 2022/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: editorial.uefa.com/resources/0275-151e2b400998-1bf6ada88c53-1000/en_in_uefa_budget_2022-2023.pdf, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
2. Statement by UEFA, the English Football Association, the Premier League, the Royal Spanish Football Federation (RFEF), LaLiga, the Italian Football Federation (FIGC) and Lega Serie A [Электронный ресурс]. – Режим доступа: uefa.com/inside-uefa/mediaservices/mediareleases/news/0268-12121411400e-7897186e699a-1000-statement-by-uefa-the-english-football-association-the-premier-/, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
3. UEFA Statutes (February 2018 Ed.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.uefa.com/MultimediaFiles/Download/uefaorg/General/02/56/20/45/2562045_DOWNLOAD.pdf, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
4. Н.Б. Топорнин, И.Н. Петров. Организационно-правовые аспекты создания европейской футбольной суперлиги // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 2 (170).
5. Houben, R., Blockx, J. & Nuyts, S. UEFA and the Super League: who is calling who a cartel? *Int Sports Law J* 22, 205–216 (2022).
6. Правила УЕФА по лицензированию клубов и финансовому «фэйр-плей». [Интернет-

ресурс]. – Режим доступа: ru.uefa.com/MultimediaFiles/Download/Tech/uefaorg/General/02/56/34/17/2563417_DOWNLOAD.pdf, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).

7. Генеральный адвокат Европейского суда занял сторону УЕФА и ФИФА в споре с Суперлигой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/news/2022/12/15/955450-generalnii-advokat-evropeiskogo-sudazanyal-storonu-uefa-fifa-v-spore-s-superligoi>, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.05.2023).
8. *Sports Law.* / The Hon. Michael J. Beloff, Tim Kerr, Marie Demetriou. Hart, 1999. С. 144.

LEGAL PROBLEMS RELATED TO THE INTRODUCTION OF SPORTING SANCTIONS AGAINST FOOTBALL PLAYERS FOR THE ACTIONS OF FOOTBALL CLUBS

Makhmudov R.A.

Academy of Labor and Social Relations

The article is devoted to the consideration of the legal aspects of the conflict that arose between UEFA and some of the largest clubs in Europe in connection with the announcement of the creation of a new European club tournament—“The Super League”. International and national football governing bodies issued a unified statement condemning the creation of the tournament and threatened football clubs and football players with sporting sanctions if it was organized. UEFA and FIFA have promised to ban footballers from participating not only in club competitions, but also in national team competitions. The article analyzes and legally assesses the statements made by UEFA and FIFA, representatives of European justice, and also provides an opinion on the legal consequences in the event of the actual creation of “The Super League” and the implementation of all promised sporting sanctions.

Keywords: labor of athletes, sporting regulations, sporting sanctions, football competitions, restriction on the right to work.

References

1. UEFA Budget 2022/2023 [Web-source]. – Access: editorial.uefa.com/resources/0275-151e2b400998-1bf6ada88c53-1000/en_in_uefa_budget_2022-2023.pdf, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
2. Statement by UEFA, the English Football Association, the Premier League, the Royal Spanish Football Federation (RFEF), LaLiga, the Italian Football Federation (FIGC) and Lega Serie A [Web-source]. – Access: uefa.com/insideuefa/mediaservices/mediareleases/news/0268-12121411400e-7897186e699a-1000-statement-by-uefa-the-english-football-association-the-premier-/, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
3. UEFA Statutes (February 2018 Ed.). [Web-source]. – Access: ru.uefa.com/MultimediaFiles/Download/uefaorg/General/02/56/20/45/2562045_DOWNLOAD.pdf, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
4. N.B. Topornin, I.N. Petrov. Organizational and legal aspects of the creation of the European Football Super League // *Agrarian and Land Law*. 2019. № 2 (170).
5. Houben, R., Blockx, J. & Nuyts, S. UEFA and the Super League: who is calling who a cartel? *Int Sports Law J* 22, 205–216 (2022).
6. UEFA Club Licensing and Financial Fair Play Regulations. [Web-source]. – Access: ru.uefa.com/MultimediaFiles/Download/Tech/uefaorg/General/02/56/34/17/2563417_DOWNLOAD.pdf, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
7. Advocate general of the European Court of Justice took the side of UEFA and FIFA in a dispute with The Super League [Web-source]. – Access: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/news/2022/12/15/955450-generalnii-advokat-evropeiskogo-sudazanyal-storonu-uefa-fifa-v-spore-s-superligoi>, free. – Main. (date of access: 12.05.2023).
8. *Sports Law.* / The Hon. Michael J. Beloff, Tim Kerr, Marie Demetriou. Hart, 1999. P. 144.

Юридическое лицо как субъект ответственности по уголовному праву Китайской Народной Республики

Сидорчук Илья Викторович,

доцент высшей школы международных отношений, кандидат исторических наук Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого Гуманитарный институт кафедра – Высшая школа международных отношений
E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

Панфилова Екатерина Сергеевна,

студент бакалавриата, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого Гуманитарный институт кафедра – Высшая школа международных отношений
E-mail: rinidze9@mail.ru

Смирнова Анна Сергеевна

Студент бакалавриата, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого Гуманитарный институт кафедра – Высшая школа международных отношений
E-mail: smirnovaa1837@gmail.com

Одной из особенностей новой (системной) теории состава преступления в Китае является возможность юридических лиц выступать субъектом корпоративных преступлений. Несмотря на всю прогрессивность данного института, его регламентация не является совершенной. Учитывая глубокую историческую взаимосвязь советской и китайской уголовно-правовых доктрин, в условиях международной интеграции России и КНР существует необходимость положительного заимствования опыта друг друга. *Цель:* рассмотреть сущность института уголовной ответственности юридических лиц по уголовному праву КНР, выявить его достоинства и недостатки, проанализировать возможность имплементации данного института в российскую уголовно-правовую доктрину. *Методологической основой* послужили метод исторического анализа, общенаучный метод анализа, а также частно-научные методы формально-юридического анализа и толкования. *Результаты:* установлено, что китайская уголовно-правовая доктрина в настоящее время является более развитой, нежели российская. Проанализированы ключевые характеристики юридического лица как субъекта корпоративных преступлений, выявлены преимущества и недостатки его правовой регламентации. *Выводы:* авторы приходят к заключению о необходимости имплементации в российскую уголовно-правовую доктрину института уголовной ответственности юридических лиц с сохранением принципа «двойной ответственности» и расширением соответствующих уголовно-правовых санкций.

Ключевые слова: корпоративные преступления, системная теория состава преступления, КНР, советская уголовно-правовая доктрина, китайская уголовно-правовая доктрина, юридические лица, принцип двойного субъекта.

Уголовно-правовая теория Китайской Народной Республики имеет длительную и специфическую историю своего формирования и развития, что и обуславливает наличие у нее своеобразных особенностей. До победы социалистической революции для китайского государства была характерна правовая система, значительным образом базировавшаяся на ключевых положениях немецкой и японской уголовно-правовых теорий. Данная теория была сформирована посредством простого копирования японско-немецкой доктрины без соответствующей адаптации таких положений к особенностям китайской государственности, что и обусловило ее неэффективность и достаточно короткое существование в китайском государстве.

Как справедливо отмечено Л. Чанхаем, с 1919 г. на территории китайского государства активными темпами начали распространяться идеи марксизма-ленинизма, которые в последующем выступили фундаментом для формирования новой модели китайского общества [8]. После победы социалистической революции в Китае положение в стране было существенным образом схоже с ситуацией, имевшей место на территории Советской России. Данное обстоятельство обусловило укрепление на территории Китая советских правовых институтов. В результате, большинство правовых пробелов китайской уголовно-правовой доктрины стали заполняться посредством копирования соответствующих правовых положений из уголовно-правовой доктрины СССР. Это привело к тому, что проект Уголовного кодекса КНР от 1957 г. (который так и не был введен в действие), существенным образом коррелировал с основными положениями Уголовного кодекса РСФСР от 1926 г., на что совершенно справедливо было указано Ц. Хуэйлинем [22, с. 18].

Как отмечает Я. Цуньсянь, традиционная уголовно-правовая теория, в том числе и учение о составе преступления, в КНР была полностью заимствована с аналогичной системы СССР [12]. После принятия Уголовного кодекса КНР от 1979 г. данная теория занимала в обществе и государстве господствующее положение, воспринималась в качестве устоявшегося и общепринятого уголовно-правового учения, даже несмотря на осложнившиеся после 1960-х гг. отношения между КНР и СССР. Так, КНР были заимствованы все ключевые институты учения о составе преступления: понятие состава преступления, объекта и субъективной стороны преступления.

Начиная с 1980-х гг., в китайском научном обществе начинается бурная критика уголовно-

правовой теории, заимствованной у СССР. Стронники отхода от нее аргументировали свою позицию тем, что советская уголовно-правовая теория была навязана китайскому государству извне, в силу чего специфики китайского менталитета и китайской государственности она не отражала [17, с. 46]. С учетом того, что, как было указано ранее, китайская уголовно-правовая доктрина была практически полностью калькирована с советской, на территории обоих государств была предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности исключительно физических лиц (что в целом выступает характерной исторической особенностью российской уголовно-правовой доктрины).

История становления современной теории о составе преступления в уголовном праве КНР начинается свой отсчет с 1986 г., когда была опубликована статья профессора Хе Бинсуна «Создание новой теории состава преступления с китайской спецификой», в рамках которой были сформулированы основные положения относительно формирования новой (системной) теории состава преступления [18].

Состав преступления в КНР представляет собой единую систему взаимосвязанных между собой объективных и субъективных признаков конкретного преступного деяния. Состав преступления может быть как юридическим, так и фактическим. В юридическом смысле состав преступления не имеет взаимосвязи с конкретными фактами и обстоятельствами, имеющими место в реальной действительности, под ним понимается конкретная совокупность признаков преступного деяния, зафиксированного в норме Особенной части УК КНР. Юридический состав преступления в полной мере абстрагируется от фактов, имеющих место в общественной жизни [13, с. 118].

Фактический же состав выступает отражением реальной действительности, то есть это тот состав преступления, который объективно существует в реальности. Входящие в его структуру общественные факты соотносятся с признаками конкретного юридического состава преступления, закрепленного в норме Особенной части УК КНР. Фактический состав преступления выступает в качестве основания наступления уголовной ответственности.

В соответствии с новой системной теорией, состав преступления по уголовному праву КНР, в отличие от современной российской теории состава преступления, включает в себя три элемента: субъект посягательства, объект посягательства и само преступное посягательство. Наличие всех указанных элементов является обязательным условием.

Субъект преступления в структуре состава преступления выступает первым элементом, поскольку любое преступление представляет собой именно его деятельность, направленную на определенный объект преступного посягательства. В качестве объекта преступления рассматривается то, на что направлена преступная деятельность субъекта

преступления, причем между двумя названными элементами существует неразрывная связь, взаимосвязанные отношения. Без субъекта преступной деятельности попросту не будет, без объекта не будет иметь место состав преступления как органическое целое.

Опосредующая деятельность представляет собой связующее звено между субъектом и объектом, процесс их взаимодействия, что соединяет два «полюса» одного преступного деяния и формирует состав преступления как органическое целое.

Субъект и объект не зря названы противоположными «полюсами» состава преступления. Так, субъект, в соответствии с современной концепцией понимания состава преступления в КНР, является инициативным и активным элементом, который осуществляет руководство всем процессом совершения преступной деятельности, а именно: вырабатывает цель, избирает средства, способы и методы совершения преступного посягательства, определяет объект, на который такое посягательство будет направлено. Объект же преступления по отношению к его субъекту располагается на противоположном полюсе системы состава преступления, он выступает в качестве объективной вещи, на которую преступное посягательство оказывает воздействие. С одной стороны объект преступления в рамках взаимоотношения с иными элементами состава преступления занимает пассивное положение, однако полностью инертным этот элемент назвать нельзя, поскольку он также может оказывать воздействие на субъект, либо противодействовать ему. Свойства и признаки объекта преступления, в том числе, могут обусловить решимость субъекта совершить преступное посягательство.

Иначе определяется в новой системной теории состава преступления и объект преступного посягательства. В качестве такового стали рассматриваться не «общественные отношения» или «социалистические общественные отношения», как это было до осуществления процесса модернизации, а определенные интересы. Последние включили в себя различного рода социальные институты и отношения, которые охватывают любые отношения (экономические, социальные, производственные и иные) и потребности, складывающиеся в современном китайском обществе. Такие интересы представляют собой некоторое количество существующих объективных явлений, которые так или иначе реализуются в рамках человеческой деятельности и направлены на удовлетворение субъективных потребностей человека.

Значение состава преступления заключается в том, что оно, как юридическое понятие, выступает основанием для осуществления классификации и определения размера наказания. Фактический же состав преступления (то есть реальный состав) выступает единственным основанием наступления уголовной ответственности в целом.

Среди одного из наиболее ярких отличий от современной российской уголовно-правовой доктрины

ны стоит назвать возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Так, в соответствии с ней в КНР в качестве субъекта преступления рассматривается не только отдельное лицо, совершившее уголовно-наказуемое деяние, но и группа таких физических лиц. В свою очередь, институт уголовной ответственности юридических лиц в китайской уголовно-правовой доктрине получил название «теории об ответственности юридического лица, которое представлено в качестве персонифицированной общественной системы» [20].

В соответствии с положениями ст. 57 Гражданского кодекса Китая, под юридическими лицами понимаются такие организации, которые обладают правоспособностью и способностью совершать гражданско-правовые действия, а также самостоятельно пользующиеся гражданскими правами и принимающие на себя гражданско-правовые обязательства в соответствии с законами [1]. Такие субъекты имеют свое собственное название, структуру управления, место нахождения, активы или фонды. Юридические лица в соответствии со ст. 58 Гражданского кодекса КНР наделяются правоспособностью при учреждении и лишаются данного права при официальном прекращении деятельности. Особенностью китайского законодательства в данном случае выступает тот факт, что само по себе создание (учреждение) юридического лица не предоставляет такому субъекту статуса юридического лица, поскольку юридическим лицом может именоваться только та организация, которая указанным образом поименована в рамках действующего законодательства [21].

Так, например, не являются юридическими лицами товарищества и индивидуальные частные предприятия, поскольку в законах КНР «О товариществах» [2] и «Об индивидуальных частных предприятиях» [3] не содержится указания на то, что указанные субъекты признаются юридическими лицами.

Исходя из буквального толкования положений ст. 30 Уголовного кодекса КНР, к уголовной ответственности может быть привлечена компания, предприятие, учреждение, орган, общественная организация. Причем к уголовной ответственности такие юридические лица могут быть привлечены только за преступления, которые Особенной частью УК КНР рассматриваются в качестве корпоративных. При совершении юридическим лицом такого преступления, в соответствии со ст. 31 УК КНР, применяется наказание в виде штрафа. Руководители и иные ответственные лица подлежат привлечению к уголовной ответственности на общих основаниях. Положения названной теории были разработаны китайскими юристами еще в 1982 г.

Как отмечено А.В. Федоровым, впервые в КНР «... законодательное закрепление уголовная ответственность юридических лиц получила в ст. 47 Таможенного кодекса КНР (ТК КНР) от 22 января 1987 г., которая устанавливала уго-

ловную ответственность предприятий и ведомств, государственных органов и общественных организаций за уголовно наказуемую контрабанду» [15]. Специфично в рамках рассматриваемой теории само понятие и представление сущности юридического лица, которое рассматривается в качестве общественной системы, обладающей признаками системности, целостности и персонифицированности. Структуру такого юридического лица составляют отдельные физические лица, между которыми установлены определенные общественные отношения. Признак персонифицированности в данном случае означает наличие у юридического лица таких характеристик, как деловая репутация, достоинство, правоспособность и дееспособность. Деятельность юридического лица китайским законодателем рассматривается в качестве результата либо коллективного волеизъявления, либо в качестве результата индивидуальной деятельности ее руководителя. Таким образом, деятельность юридического лица представляется как сумма волеизъявлений ее членов, направленных на достижение единой цели (в данном случае – противоправной).

Стоит отметить, что юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности исключительно за те уголовно-наказуемые деяния, которые прямо предусматривают возможность привлечения к ответственности таких корпоративных лиц. Особенная часть современного Уголовного кодекса КНР предусматривает более ста таких деяний, к числу которых относятся, например, финансирование терроризма, незаконный оборот оружия и боеприпасов к ним, контрабанда, налоговые преступления, преступления против личности, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, незаконный оборот порнографических материалов, коррупция, взяточничество и проч. [13].

Вызывает интерес также вопрос установления вины юридического лица как элемента, необходимого для привлечения данного субъекта к уголовной ответственности. Как известно, для наступления уголовной ответственности (в том числе и для юридических лиц), необходимо наличие всех признаков состава преступления, в число которых входит и вина. Стоит сказать о том, что российские ученые на протяжении длительного времени именно факт отсутствия при признании юридических лиц субъектами уголовной ответственности, а также психического компонента, выдвигают как основной аргумент против закрепления возможности привлечения к уголовной ответственности организаций [8, с. 12].

В КНР данный вопрос разрешен на доктринальном уровне. Согласно предлагаемым в научном дискурсе трактовкам, вина юридического лица включает в себя следующие составляющие. Во-первых, в содержание вины входят сознание и воля. Каждое юридическое лицо как лицо корпоративное структурно включает в себя определенную совокупность физических лиц, которые

осознают общественную опасность совершаемого деяния, его противоправность, а также желают достижения преступного результата. Таким образом происходит трансформация воли всех членов корпорации в волю самой корпорации. Во-вторых, к юридическим лицам также применимы такие формы вины, как умысел и неосторожность. Профессор Хе Бинсун по данному факту отмечает, что преступление будет считаться совершенным юридическим лицом умышленно в том случае, если противоправные действия совершены руководителями и иными ответственными лицами, защищающими корпоративные интересы и выгоды, противоречащие нормам действующего законодательства. Неосторожные преступления имеют место, если в деятельности указанных выше лиц проявляются признаки ненадлежащего отношения к исполнению своих профессиональных обязанностей, что и повлекло за собой социально негативные последствия [14, с. 324].

Для того чтобы изменить юридическому лицу совершение преступного деяния, его необходимо отграничить от аналогичного деяния, совершенного лицом физическим. В данном случае необходимо указать на то, что субъектом преступления может выступить только законная, легальная организация. Если же преступление совершается незаконно созданным юридическим лицом, его совершение вменяется конкретному физическому лицу. Если же юридическое лицо создавалось изначально только с целью осуществления преступной деятельности, каковой и занималось после своей регистрации, то в соответствии с «Толкованием конкретных вопросов, связанных с совершением корпоративного преступления», такие субъекты в качестве юридических лиц не рассматриваются (ст. 2) [19, с. 56].

Выделяются также преступления, совершенные юридическим лицом в целом и конкретным его членом. Как отмечают отдельные исследователи, в процессе доказывания при аналогичных обстоятельствах необходимо определять, кто принимал решение относительно совершения преступного посягательства. Если такое решение было принято единолично, то данное деяние будет инкриминироваться не всему юридическому лицу, а члену, принявшему такое решение. Если же все члены юридического лица принимают коллегиальное решение о совершении противоправного деяния через уполномоченный орган – деяние признается совершенным юридическим лицом. Если членами юридического лица указанное решение принято коллегиально, но в обход руководства, преступление рассматривается как совершенное конкретными лицами, принявшими такое решение [8, с. 118].

Несмотря на то, что опыт китайского законодательства по регламентации возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, можно рассматривать исключительно в положительном аспекте, считаем возможным подвергнуть критике санкции, применяемые к юридическим лицам. Так, современный УК КНР в качестве

единственного уголовно-правового наказания, применяемого к юридическим лицам, называет штраф. Несмотря на то, что сумма такого штрафа может достигать размера в несколько миллиардов, многие страны предусматривают более широкий перечень способов уголовно-правового воздействия на корпоративных лиц, что на наш взгляд видится более эффективным.

Как отмечает А.В. Федоров, во многих странах к юридическим лицам могут применяться такие санкции, как, например, ликвидация, запрет осуществления того вида деятельности, который был сопряжен с совершенным преступлением, лишение права на получение государственной финансовой помощи, запрет на заключение государственных контрактов, пользование налоговыми преимуществами и др. [15]. Справедливо в науке указывается и на такое преимущество регламентации уголовной ответственности юридических лиц в КНР, как установление принципа «двойного субъекта корпоративных преступлений» [10], который подразумевает возможность одновременного привлечения к ответственности как конкретного физического лица, так и юридического лица. На наш взгляд, установление данного принципа существенным образом усиливает эффективность рассматриваемого института, поскольку к ответственности в данном случае привлекается не только юридическое лицо, которое совершило конкретное преступление, но и то физическое лицо, в интересах которого такое преступление было совершено.

Вполне возможно возникновение такой ситуации, при которой юридическое лицо могло бы изначально быть созданным с целью осуществления им преступной деятельности. Закономерно в таком случае, что привлечение к ответственности только физического лица не исключит возможности «прихода» в структуру организации иного субъекта, при котором преступная организация также продолжит функционировать. Так, на смену одному обеспечивающему специалисту может прийти иной специалист, заранее осведомленный о характере деятельности, которую ему необходимо будет осуществлять.

Аналогичная ситуация может возникнуть и в случае привлечения к уголовной ответственности только руководителя, на смену которому также может прийти другое лицо. Вероятность того, что юридическое лицо при указанных обстоятельствах продолжит функционировать и осуществлять свою преступную деятельность, довольно высока. Получается, что уголовно-правовой принцип «двойного субъекта корпоративных преступлений» в полной мере способен нивелировать рассмотренную проблему.

Некоторые авторы считают, что институт привлечения юридических лиц к ответственности в КНР в настоящее время также нельзя признать в полной мере эффективным [15]. Так, например, автор Пан Дунмэй, выдвигая данный тезис, приводит в пример следующие случаи:

1) В 2017 г. в г. Тяньцзинь произошел пожар на 38 этаже городского здания, по официальным

оценкам жертвами стали около 15 человек. К ответственности привлечены 33 человека, 17 из которых были вовлечены в сферу уголовного преследования [23]. В указанном случае наиболее целесообразным было привлечение к ответственности коллективного субъекта – юридического лица, а не отдельных лиц.

- 2) В 2014 г. на производственном цеху одного из предприятий произошел взрыв алюминиевой пыли, что повлекло за собой гибель 75 человек. Еще 185 человек получили ранения. Причиной взрыва стало несоблюдение правил техники безопасности. К уголовной ответственности было привлечено 18 лиц [24].

Аргументируя свою точку зрения, автор приходит к необходимости привлечения к ответственности в аналогичных случаях юридических лиц. Также автором констатируется необходимость модернизации китайского уголовного законодательства с целью стимулирования корпоративных организаций принимать на себя все риски своей деятельности.

Согласиться с указанной точкой зрения не представляется возможным, поскольку в данном случае в целом происходит подмена институтов ответственности физического и юридического лица. В приведенных выше случаях юридические лица не могут выступать, на наш взгляд, как субъекты уголовно-правовой ответственности в силу того, что их деятельность (которая, как было указано ранее, рассматривается как совокупность деятельности каждого члена) не являлась противоправной. Юридические лица не были созданы с целью осуществления противоправной деятельности, более того, учитывая, что к ответственности были привлечены не все сотрудники указанных организаций, нельзя говорить о том, что субъектом таких преступлений выступили организации в целом. В конкретных случаях к ответственности были привлечены лица, которые нарушили установленные законом требования техники безопасности. В случае же привлечения юридического лица в целом к уголовной ответственности нарушился бы главный уголовно-правовой принцип – презумпция невиновности, не позволяющая привлекать к ответственности лиц, не совершивших уголовно-наказуемого деяния.

Стоит сказать и о том, что необходимость установления возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц констатирована и на международно-правовом уровне [16]. Так, например, в соответствии с положениями Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [6], закреплена рекомендация странам-участницам предусмотреть в своем национальном законодательстве возможность наступления уголовной ответственности юридических лиц за подкуп иностранных должностных лиц.

В рамках рассмотрения данного вопроса стоит отметить, что уголовное законодательство РФ института уголовной ответственности юридических

лиц до настоящего времени не восприняло. Однако уже длительное время по этому поводу ведутся бурные научные дискуссии, в процессе которых высказываются довольно логичные и обоснованные доводы о необходимости внедрения таких нововведений [7].

Более того, компетентными правоохранительными органами страны необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц также осознается в полной мере. К примеру, в 2011 г. Следственным комитетом Российской Федерации был разработан законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [11]. Однако, в связи с широкой критикой данный законопроект принят не был.

Необходимость имплементации института уголовной ответственности, на наш взгляд, очевидна. В данном аспекте хотелось бы отметить мнение такого известного ученого, как С.Г. Келина, которая считает, что привлечение к ответственности конкретного физического лица, представляющего интересы лица, связано с объективным вменением, поскольку такие лица, зачастую хотя и знают о каких-либо неправомерных действиях организации, но не имеют возможности данное обстоятельство изменить. Более того, например, при расследовании экологических преступлений, трудно установить, на кого конкретно должна быть возложена ответственность за, к примеру, загрязнение воды или воздуха. Такая деятельность может осуществляться годами, в то время как к ответственности привлекается то лицо, при котором произошла катастрофа [5].

Как было отмечено А.В. Наумовым, «что толку от того, что в результате чернобыльской трагедии несколько конкретных ее виновников были осуждены к длительным срокам лишения свободы? Что проку было бы в том, если бы мы успели препроводить в места не столь отдаленные двух-трех руководителей бывшего Минводхоза за то, что строительство так называемых оросительных каналов привело к засолению десятков тысяч гектаров пахотной земли?». Автор, комментируя указанные обстоятельства, считает, что если бы вина организации была установлена и ее деятельность в силу приговора суда была бы запрещена, общественной пользы было бы намного больше [9, с. 182].

Китайское уголовное законодательство направлено на недопущение таких ситуаций. Институт уголовной ответственности юридических лиц в КНР предопределяет ответственность корпоративных лиц в случаях, когда негативные последствия от их деятельности определены коллективной деятельностью участников такой организации.

В связи с тем, что уголовно-правовые доктрины Советского Союза и Китая на определенных этапах своего исторического развития характеризовались высокой степенью сходства, а также в условиях усиления сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики на меж-

дународной арене на этапе современного развития международных отношений, считается возможным рассмотреть вопрос заимствования российским законодателем положительного китайского опыта.

В тот период времени, когда китайская уголовно-правовая доктрина не была способна разработать многие необходимые уголовно-правовые институты, китайским законодательством были вполне обоснованно, на наш взгляд, задействованы отдельные положения из советской доктрины. Современная китайская уголовно-правовая доктрина видится более совершенной и отвечающей современным реалиям, в особенности – в части закрепления института корпоративных преступлений.

На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

1. В настоящее время китайская уголовно-правовая доктрина видится более совершенной и прогрессивной в части возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. В связи с современной обстановкой на международной арене в части сближения КНР и РФ и установления между ними наиболее тесного контакта, считается возможным заимствование российским законодателем китайского уголовно-правового института уголовной ответственности юридических лиц с закреплением принципа «двойного субъекта», а также четкой регламентацией перечня «корпоративных преступлений», что минимизирует возможность злоупотреблений со стороны правоприменителей. Сказанное обуславливает возможность внесения дополнений в ст. 19 УК РФ в части возможности привлечения к уголовной ответственности не только физических лиц, но и юридических. Кроме того, в рамках данной статьи также необходимо указать наличие у таких юридических лиц правоспособности. Вина таких субъектов должна рассматриваться как совокупность волеизъявления всех членов юридического лица, а также руководителей на совершение преступного деяния.
2. Несмотря на то что опыт китайского законодательства по регламентации возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, можно рассматривать в целом в положительном аспекте, считается возможным подвергнуть критике санкции, применяемые к юридическим лицам. Современное уголовное законодательство КНР в качестве единственного уголовно-правового наказания, применяемого к юридическим лицам, называет штраф. Несмотря на то, что сумма такого штрафа может достигать значительных размеров, многие страны предусматривают более широкий перечень способов уголовно-правового воздействия на корпоративных лиц, что на наш взгляд видится более эффективным. Так, сказанное позволяет высказать предложение о возможности внесения дополнений в ст. 31 УК КНР в виде указания на возможность применения к юридическим лицам таких уголовных наказа-

ний, как ликвидация юридического лица, лишение права на получение государственной финансовой помощи, запрет на заключение государственных контрактов, запрет пользоваться налоговыми преимуществами.

Литература

1. Гражданский кодекс Китая. Книга I. Общие принципы [Электронный ресурс] // Портал законов Китая – CJO. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-i-general-principles-20200528?ysclid=lbks2f1cv250004457> (дата обращения: 12.12.2022).
2. Закон КНР «О товариществах» (принят на 24-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 23.02.1997) [Электронный ресурс] // Законы, постановления, приказы, кодексы. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30560192 (дата обращения: 10.12.2022).
3. Закон КНР «Об индивидуальных частных предприятиях» от 30 августа 1999 г. [Электронный ресурс] // Chinalaw. Center. URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_individual_proprietorship_law_1999_russian/?ysclid=lbktafqns6779299892 (дата обращения: 10.12.2022).
4. Иванов Л. Принцип вины и публичная ответственность юридического лица (к вопросу об уголовной ответственности юридических лиц) // Уголовное право. 2009. № 1. С. 125–129.
5. Конвенция по борьбе подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902343859?ysclid=lasbvq7ftw373087474> (дата обращения: 14.11.2022).
6. Кравцова А.Н., Манжосова О.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. № 3. С. 110–113.
7. Лун Чанхай. Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 218 с.
8. Пан Дунмэй. Уголовная ответственность юридических лиц: традиционные подходы и современный выбор // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 4. С. 613–622.
9. Синфа, Цзунбу/Ян Цунь Сянь бянь чжэ [Уголовный кодекс. Главный штаб / Под редакцией Ян Цунь Сяня]. Пекин, 1981. 49 с.
10. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А.И. Чучаева, А.И. Коробеева. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2021. 312 с.
11. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китае: сравнительно-правовое исследование / под ред. В.С. Комиссарова,

А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 412 с.

12. Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 33–35.
13. Федоров А.В. Международные договоры об установлении уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 2 (54). С. 112–124.
14. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Китайской Народной Республике // Правовое поле современной экономики. 2016. № 1. С. 22–28.
15. Федоров А.В. Романтику уголовного права: памяти профессора Хе Бинсуна // Российский следователь. 2019. № 4. С. 74–80.
16. Фоков А.П. Судебные разъяснения Верховного народного суда Китая с учетом положений нового гражданского кодекса КНР // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 5. С. 191–196.
17. Хэбинь Сунь. Фалюй шити дэ фаньцзуй синвэй хэ синши цзэжэнь [Хэбинь Сунь. Преступные деяния и уголовная ответственность юридических лиц]. Пекин, 1991. 90 с.
18. Чжао Лиго, Ербахяев Е.А., Ербахяев С.А. О понятии, признаках и видах юридических лиц в гражданском праве Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Экономика, политика, право: вчера, сегодня, завтра. Роль профсоюзов. 2016. № 1. С. 153–167.

A LEGAL ENTITY AS A SUBJECT OF LIABILITY UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Sidorchuk I.V., Panfilova E.S., Smirnova A.S.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Humanitarian Institute Department – Higher School of International Relations

One of the features of the new (systemic) theory of *corpus delicti* in China is the ability of legal entities to act as the subject of corporate crimes. Despite all the progressiveness of this institution, its regulation is not perfect. Given the deep historical relationship between the Soviet and Chinese criminal law doctrines, in the context of international integration of Russia and China, there is a need for positive borrowing of each other's experience. *Purpose*: to consider the essence of the institution of criminal liability of legal entities under the criminal law of the People's Republic of China, to identify its advantages and disadvantages, to analyze the possibility of implementing this institution into the Russian criminal law doctrine. *The methodological basis* was the method of historical analysis, the general scientific method of analysis, as well as private scientific methods of formal legal analysis and interpretation. *Results*: it is established that the Chinese criminal law doctrine is currently more developed than the Russian one. The key characteristics of a legal entity as a subject of corporate crimes are analyzed, the advantages and disadvantages of its legal regulation are revealed. *Conclusions*: the author comes to the conclusion that it is necessary to implement the institute of criminal liability of legal entities into the Russian criminal law doctrine, while preserving the principle of «double responsibility» and expanding the relevant criminal law sanctions.

Keywords: corporate crimes, systemic theory of *corpus delicti*, PRC, Soviet criminal law doctrine, Chinese criminal law doctrine, legal entities, dual subject principle.

References

1. The Civil Code of China. Book I. General principles [Electronic resource] // Portal of the laws of China – CJO. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-i-general-principles-20200528?ysclid=lbks2f1cv250004457> (accessed date: 12.12.2022).
2. The Law of the People's Republic of China "On Partnerships" (adopted at the 24th meeting of the Standing Committee of the National People's Congress on 23.02.1997) [Electronic resource] // Laws, resolutions, orders, codes. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30560192 (date of application: 10.12.2022).
3. The Law of the People's Republic of China "On Individual Private enterprises" of August 30, 1999 [Electronic resource] // Chinalaw. Center. URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_individual_proprietorship_law_1999_russian/?ysclid=lbktafqns6779299892 (accessed date: 10.12.2022).
4. Ivanov L. The principle of guilt and public responsibility of a legal entity (on the issue of criminal liability of legal entities) // Criminal law. 2009. No. 1. pp. 125–129.
5. Convention on Combating Bribery of Foreign Officials in International Commercial Transactions [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902343859?ysclid=lasbvq7ftw373087474> (accessed date: 14.11.2022).
6. Kravtsova A.N., Manzhosova O.I. On the issue of criminal liability of legal entities // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2018. No. 3. pp. 110–113.
7. Long Chanhai. The doctrine of the composition of the crime under the criminal law of the PRC and Russia: comparative legal research: diss. ... cand. jurid. sciences'. Vladivostok, 2009. 218 p.
8. Pan Dongmei. Criminal liability of legal entities: traditional approaches and modern choice // All-Russian Criminological Journal. 2020. No. 4. pp. 613–622.
9. Xingfa Zongbu/Yang Qun Hsien bian zhe [The Criminal Code. The General Staff / Edited by Yang Cun Xian]. Beijing, 1981. 49 p.
10. Criminal Code of the People's Republic of China / edited by A.I. Chuchayeva, A.I. Korobeeva. M.: LLC "Law Firm Contract", 2021. 312 p.
11. The doctrine of the composition of a crime in the criminal law of Russia and China: a comparative legal study / edited by V.S. Komissarov, A.I. Korobeev, He Binsun. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Law Center Press", 2009. 412 p.
12. Fedorov A.V. Liability of legal entities for crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors in the Kingdom of Spain // Drug control. 2014. No. 1. pp. 33–35.
13. Fedorov A.V. International treaties on the establishment of criminal liability of legal entities // Scientific notes of the St. Petersburg named after B.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. 2015. No. 2 (54). С. 112–124.
14. Fedorov A.V. Criminal liability of legal entities in the People's Republic of China // The legal field of the modern economy. 2016. No. 1. pp. 22–28.
15. Fedorov A.V. Romanticism of criminal law: in memory of Professor He Binsun // Russian investigator. 2019. No. 4. pp. 74–80.
16. Fokov A.P. Judicial explanations of the Supreme People's Court of China, taking into account the provisions of the new Civil Code of the People's Republic of China // Problems of Economics and legal practice. 2020. No. 5. pp. 191–196.
17. Hebin Sun Falui shichi de fanzui xingwei he xingshi Zehren [[Hebin Sun. Criminal acts and criminal liability of legal entities]. Beijing, 1991. 90 p.
18. Zhao Ligo, Yerbakhaev E.A., Yerbakhaev S.A. On the concept, signs and types of legal entities in the civil law of the Russian Federation and the People's Republic of China // Economics, politics, law: yesterday, today, tomorrow. The role of trade unions. 2016. No. 1. pp. 153–167.

Критерии оценки эффективности законодательной власти

Злобина Екатерина Александровна,

независимый исследователь

E-mail: e_zlobina80@mail.ru

В статье рассматривается один из наиболее актуальных и наиболее разрабатываемых в правовой сфере вопросов – вопрос критериев эффективности законодательной власти; данный вопрос связан непосредственно с вопросов повышения эффективности государственной власти в целом. Актуальность проблемы эффективности законодательной власти обусловлена повышенным интересом со стороны руководства государства к вопросу эффективности деятельности, как данной ветви власти, так и в целом всей системы органов власти, отсутствием единых общепризнанных подходов к ее решению, поскольку большинство современных методик оценки эффективности системы органов государственной власти применяют значительное число критериев, стремясь, тем самым, максимально включить в оценку всю совокупность факторов, влияющих на эффективность государственной власти. В настоящей статье представлены критерии эффективности законодательной власти, позволяющие оценивать не только деятельность данной ветви власти, но и процесс выполнения возложенных функций, сложность и своевременность выполнения, возложенных задач, а также оценивать показатели полученного результата (эффекта) и показатели непосредственного процесса деятельности законодательной власти. Оценка эффективности законодательной власти, возможна только при комплексном использовании критериев, представленных в настоящей статье.

Ключевые слова: законодательство, законотворческий процесс, эффективность законодательства, парламент, критерии эффективности законодательной власти, эффективность государственной власти.

Стабильное, устойчивое развитие современного государства во многом зависит от эффективного функционирования законодательного (представительного) органа, поскольку парламенту отводится главенствующее положение в системе органов государственной власти, в деятельности государственного механизма и в реальном обеспечении принципа разделения властей. Развитие народного представительства в России не должно сводиться исключительно к развитию его политических институтов, к правовым вопросам его усовершенствования и способам формирования; оно не должно выполнять только атрибутивную роль демократического государства. Народное представительство, являясь частью механизма государственной власти, полномочия, статус и место в системе государственной власти которого определяются принципом разделения властей, должно отвечать критериям эффективности.

Парламентская эффективность во многом обусловлена полномочиями, компетенцией и политическим волеобразованием законодательного органа, его местом и ролью в системе разделения властей, формой, способом и процедурой законотворческого процесса, а также организационной и процедурной структурой самого парламента, мерами его самостоятельности в конституционно-правовом и материально-финансовом отношении. Парламентскую эффективность возможно достичь посредством таких инструментов, как открытость, законность, коллегиальность парламентской деятельности, а также посредством усиления законодательных, представительных и контрольных прав и обязанностей палат парламента. Следовательно, оценка парламентской эффективности не должна быть односторонней, логичным представляется проводить оценку эффективности российского парламента системно по следующим направлениям – законодательная деятельность, представительство многонационального российского народа во власти и парламентский контроль. По нашему мнению, в качестве интегральных критериев парламентской эффективности можно назвать: демократизм, гласность, парламентская «нормоустанавливающая» [3] деятельность, профессионализм депутатского корпуса, реальное место в системе разделения властей, организационные критерии, действенность парламентского контроля.

Критерии демократизма позволяют исследовать эффективность формирования корпуса народного представительства во власти. В соответ-

ствии со ст. 94 Конституции РФ органом народного представительства указано Федеральное Собрание РФ в целом, которое организационно представлено Государственной Думой РФ и Советом Федерации РФ – палаты российского парламента – отличающиеся не только полномочиями, но и способом, порядком формирования; двухпалатная структура российского парламента обусловлена федеративным устройством Российской Федерации, где каждая из палат организационно и функционально самостоятельны. Соответственно, Конституцией РФ предусмотрены все формы представительства российского многонационального народа во власти, то есть прямое, непосредственное представительство и представительство субъектов РФ – представительство опосредованное, что является гарантией сохранения государственной целостности. Способы и порядок формирования Государственной Думы РФ и Совета Федерации РФ для выполнения представительской задачи парламента имеют существенное, даже принципиальное значение, т.к. их представительская природа порождена самой природой законодательной власти; данный аспект функционирования российского парламента – способ и порядок формирования палат парламента – приобретает особую актуальность для рациональной и эффективной организации законодательной власти в федеративном государстве, поскольку двухпалатная структура предоставляет возможность правящим элитам политического маневрирования и лоббирования.

По нашему мнению, в целях повешения парламентской эффективности структура парламента должна быть подвижной, т.е. отвечать требованиям времени; порядок формирования палат Федерального Собрания РФ должен быть нацелен на предотвращение концентрации или узурпации власти в руках одного органа или группы лиц, что возможно достичь посредством таких инструментов, как применение принципа срочности в отношении верхней палаты парламента, а именно: установление срока полномочий Совета Федерации, который должен превышать срок полномочий Государственной Думы РФ, дабы обеспечить непрерывность и стабильность государственной власти.

Критерии гласности в оценке эффективности парламента нацелены на оценку степени вовлеченности различных институтов гражданского общества в парламентскую деятельность, оценку конструктивного и разностороннего сотрудничества общества и парламента, иными словами, информационно-коммуникационный обмен – степень информирования населения о принимаемых законах, о ходе их обсуждения, мнениях и идеях депутатов, о заключениях экспертов и аналитиков – социальную обоснованность и жизнеспособность принимаемых представительным органом решений, действительной реальности представительства, поскольку существует прямая взаимосвязь между качеством, эффективностью законов,

анализом и учетом общественного мнения, что способствует социальной удовлетворенности принимаемыми законами и их востребованности в общественной практике, повышению ответственности депутатского корпуса перед своими избирателями и, соответственно, повышает эффективность работы парламента.

Критериями оценки уровня гласности функционирования законодательной власти, как нам представляется, являются: уровень парламентской свободы от внешних и внутренних политических и регламентных ограничений; транспарентность; уровень применения правовых новаций максимально соответствующей общественным интересам в соотношении к количеству корректировок и уточнений в виде поправок и изменений; степень вовлеченности экспертных и медиа ресурсов; особенности конструкции политических механизмов.

По нашему мнению, повысить эффективность сотрудничества парламента и общества возможно путем мониторинга общественной востребованности, актуальности закона, принятого в результате общественной инициативы, его соотнесения с системой права в целом. Данную функцию следует возложить на Фонд развития информационной демократии и гражданского общества, называемого «Фондом информационной демократии». Результаты мониторинга необходимо принимать к рассмотрению при последующем законотворчестве.

Критерии нормоустанавливающей парламентской деятельности позволяют исследовать сам законотворческий процесс. Исторически сложившаяся в России форма законодательного процесса восприняла основные черты традиционного парламентаризма, выделив свои характерные особенности, обусловленные национальным и культурно-историческим развитием, суть законодательного процесса заключается в политико-правовом диалоге и поиске конструктивного общенационального компромисса, иными словами, законодательный процесс есть способность государственного органа народного представительства свободно обсуждать и принимать политические решения в виде законов. «Нормотворчество на сегодня является важнейшей функцией государства, выступает системообразующим фактором в механизме правовой регуляции жизни общества. Это... движущая сила развития права и источник постоянной корректировки масштабов и характера непосредственного правового регулирования общественных отношений» [6].

Законотворческий процесс – это строго формализованное, последовательное (поэтапное) воплощение государственной воли в нормативный акт. Вместе с тем, законодательный процесс не является и не должен рассматриваться как самоцель, т.к. эффективность законодательного процесса оценивается исключительно по результату, т.е. по уровню правовой защиты законодательным актом общественных интересов и по уровню обеспеченности равноправия сторон законодательного процесса в условиях остро противоположных позиций.

Главным критерием эффективности законодательного процесса следует указать: степень проработанности, глубина и степень охвата общественных потребностей и интересов различных социальных групп; характер и объемы взаимосвязей с иными органами государственной власти; уровень соответствия и адекватность, качество, своевременность, действенность принимаемых законов требованиям времени и общественным потребностям; реальность влияния на социально-экономическое состояние и развитие общества; моральный авторитет.

Критерии профессионализма депутатского корпуса общеизвестно, что такого требования к депутатам, как наличие юридического образования, действующим законодательством РФ не предусмотрено, между тем, работа депутатского корпуса затрагивает все сферы общественной жизнедеятельности, соответственно, повышение качества депутатского корпуса возможно достичь путем участия и оптимального взаимодействия в парламентской деятельности квалифицированных юристов, специалистов и экспертов в различных сферах общественных отношений и депутатов, что, в свою очередь, предполагает исследование степени научной обоснованности парламентской деятельности и учет в правотворческой деятельности методом, форм, средств и рекомендаций науки, апробированных практикой. В настоящее время сохраняет свою актуальность вопрос создания штата и резерва специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками для правоподготовительной работы, ведущих мониторинг вырабатываемых доктринальных решений, научных исследований, концепций, научно-методических рекомендаций. По мнению Р.О. Халфиной, «научная обоснованность любой деятельности, в том числе правотворческой, имеет определяющее значение для эффективности правотворческого решения» [7]. По нашему мнению, достижению парламентской эффективности более всего будет способствовать научное обоснование, как форма организации функционирования законодательного и представительного органа, предполагающее анализ и учет всех выработанных научных идей и концепций; научное осмысление обеспечит создание платформы для плодотворной и качественной деятельности парламента. Катализаторами роста профессионализма депутатского корпуса должны стать научные симпозиумы, конференции, семинары, итогом которых должны стать новые методологии и технологии нормотворческой деятельности; индикаторами же профессионализма в исследуемой сфере должны стать методы моделирования, прогнозирования и социально-правовых экспериментов на этапе правоподготовительной работы с активным использованием современных информационных технологий. Научная обоснованность законотворческого процесса предполагает детальное изучение конкретной сферы общественных отношений, требующей правовой регламентации, анализ действующих в этой сфере нормативно-правовых актов,

мониторинг направлений развития общественных отношений, взаимодействие с научными сотрудниками. Подобные практики обеспечивают на этапе правоподготовительных работ избрать форму, метод и механизм правового регулирования.

Реальное место в системе разделения властей. Конституция определяет место российского парламента в системе разделения властей на основе взаимодействия властей и парламента. Российский парламент в своей деятельности находится в постоянном взаимодействии с органами всех ветвей власти: палаты парламента активно участвуют в формировании ряда органов государственной власти путем назначения должностных лиц или путем дачи рекомендации для назначения; обеспечивают политическое волеобразование и контроль за исполнительной властью; должностные лица органов исполнительной и судебной власти, в свою очередь, имеют право участвовать в пленарных заседаниях органа народного представительства. Однако встраивание отношений между законодательной и представителями других ветвей власти выстраиваются на основе не нарушения границы сфер деятельности каждой из ветви власти – система сдержек и противовесов – что имеет большое значение в процессе эффективного и конструктивного их взаимодействия. Вместе с тем, в практике западного парламентаризма парламент осуществляет постоянный контроль за работой правительства, для чего парламенту предоставлены правовые действенные полномочия по ограничению деятельности правительства. Действующая Конституция РФ не предоставила российскому парламенту подобных полномочий, российский парламент вправе выражать недоверие правительству в целом, в то время как практика показывает, что оперативное решение возникающих проблем возможно посредством выражения недоверия отдельным членам правительства, без расформирования кабинета министров. Вместе с тем, конституционно-правовое закрепление данного полномочия обеспечило бы возможность проведения кадровых перестановок, минуя полной отставки Правительства РФ. При этом следует отметить, что средством преодоления существующего и конституционно закрепленного дисбаланса можно назвать депутатский запрос, являющийся, по сути, один из компонентов контрольной власти парламента.

Организационные критерии парламентской эффективности призваны исследовать организацию внутри парламентской деятельности по реализации его полномочий в соответствии с существующими правовыми формами. Необходимость выделения поименованных критериев обусловлена наличием процессуального (процедурного) порядка работы законодательного органа, к вопросам взаимодействия структурных подразделений относятся: стабильность правового регулирования деятельности представительного органа; структурность организации и деятельности законодательного органа государственной власти; коллегиаль-

ность, свобода и периодичность обсуждения вопросов. Критерии данной группы обеспечивают создание необходимых условий для максимально возможного использования организационно-правовых форм деятельности парламента.

По нашему мнению, реализация парламентом своих полномочий напрямую зависит от конкретной организационной формы его деятельности структурных подразделений и их взаимосвязи. Повышение эффективности парламентской деятельности напрямую зависит от детального нормативного регулирования и качества взаимодействия внутренних структур парламента.

Особое место в организационно-правовом функционировании парламента имеет соблюдение основ организационно-технического обеспечения деятельности представительного органа. Наличие и практическое применение внутриорганизационных процедур деятельности представительного органа обеспечивается, в первую очередь, скоординированностью деятельности структурных подразделений самого органа, а также их взаимодействием с иными органами государственными власти и местного самоуправления, поскольку тесное сотрудничество с иными органами государственной власти или органами местного самоуправления позволяет представительному органу в наивысшей степени реализовать полномочия, предоставленные ему законодательством Российской Федерации. Немаловажную роль в деятельности представительного органа играют вопросы стабильности и устойчивости правового регулирования его деятельности, реализуемые посредством процедурных (регламентах) норм, призванных обеспечить процессуальный порядок реализации компетенции как органа в целом, так и его структурных подразделений.

Реализация государственной власти на основе системы сдержек и противовесов предполагает реализацию контрольной функции парламента. В настоящее время для России существует реальная потребность в выработке концепции парламентского контроля. Крупнейший российский философ А.С. Панарин пишет: «нет ничего опаснее бесконтрольной власти, опирающейся не на закон, а на угрозу применения насилия; необходим надежный демократический контроль». Еще в «Философии права» Г. Гегель писал: «Обеспечение государства и тех, кто находится под его управлением, от злоупотреблений властью ведомствами и их чиновниками заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерархии и ответственности, с другой – в правах общин, корпораций, посредством чего привнесению субъективного произвола в доверенную чиновникам власть ставится для себя препятствие, и недостаточный в отдельных случаях контроль сверху дополняется контролем снизу» [5]. Парламентский контроль представляет собой самостоятельную форму правозащитного механизма и противодействия коррупции; субъектами парламентского контроля являются – обе палаты Федерального Собрания РФ, депутаты Го-

сударственной Думы РФ и члены Совета Федерации РФ, образуемые ими органы; основным объектом парламентского контроля является исполнительная власть, в отдельных случаях – судебная власть, местное самоуправление, вооруженные силы и т.д.[1] Основным принципом парламентского контроля должна быть системность применения всех форм парламентского контроля, т.к. комплексный метод использования разных форм парламентского контроля будет способствовать реализации задач, стоящих перед парламентом.

Контрольная функция Федерального Собрания РФ реализуется посредством определенного набора полномочий. В их число входят: решение вопроса о доверии Правительству и отрешение Президента от должности; ратификация и денонсация международных договоров; вопросы Правительству (устные и письменные); заслушивание ежегодного отчета Правительства РФ о результатах его деятельности и об исполнении бюджета; направление депутатских запросов; парламентские расследования; парламентские слушания. Данная функция российского парламента реализуется так же посредством формируемых им вспомогательных органов – уполномоченный по правам человека, Счетная Палата РФ [4]. Между тем, указанные формы в действительности не усиливают и не создают механизма повышения эффективности полномочий парламента России, по нашему мнению, целесообразно предложить, помимо вышеуказанных форм, такую форму парламентского контроля, как интерпелляция, т.е. постановка наиболее важного социально-экономического и политического вопроса на обсуждение на пленарном заседании с приглашением принять участие Председателя Правительства или федерального министра в соответствии с профилем вопроса. Нам представляется логичным, что формирование вопросов должно проводиться в профильных комитетах, после выносятся для обсуждения на пленарное заседание; по итогам обсуждения возможно принятие решения о вотуме недоверия Правительству РФ или резолюцию порицания.

К числу форм парламентского контроля, по нашему мнению, следует отнести взаимодействие субъектов парламентского контроля с компетентными органами по вопросам предоставления специальной информации (правоохранительные органы, органы финансового контроля), что позволит выявлять ошибки в деятельности исполнительной власти, их причины и способы устранения.

Политические и экономические преобразования, реализуемые в России, требуют интенсивного законотворчества. Вопросы создания закона, выработки его первоначальной концепции, определения предмета правового регулирования и видового соотношения, оформление, составление и обсуждение, экспертная оценка, учет мнений и интересов общественности, сопоставимость с действующей системой законодательства, изучение практики применения принятого закона, выработки рекомендаций, направленных на его совершенствова-

ние, и повышении эффективности исполнения[2] все это является предметом правового мониторинга – самостоятельная форма парламентского контроля.

Литература

1. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник / отв.ред. Б.А. Страшун. М., 1996 г. – С. 425.
2. Парламентское право России / под общ.ред. О.Н. Булакова. М., 2006 г. – С. 350.
3. Чиркин В.Е. Законодательная власть. – М.: ИНФРА-М, 2016 г. – С. 43.
4. Васильева С.В. Виноградов В.А. Мазеев В.Д. Конституционное право России. М., 2011 г. – С. 371–380.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990 г. – С. 335.
6. Москалькова Т.Н. Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2014 г. – С. 5.
7. Халфина Р.О. Научные труды советского правотворчества. М., 1981 г. – С. 37.

CRITERIA FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE LEGISLATURE

Zlobina E.A.

The article deals with one of the most relevant and most developed issues in the legal sphere – the issue of criteria for the effectiveness

of the legislative power; This issue is directly related to the issues of increasing the efficiency of state power in general. The relevance of the problem of the effectiveness of the legislative power is due to the increased interest on the part of the state leadership in the issue of the effectiveness of activities, both of this branch of government and the entire system of government bodies, the lack of unified generally accepted approaches to its solution, since most modern methods for assessing the effectiveness of the system of public authorities are used a significant number of criteria, thereby striving to include in the assessment as much as possible the entire set of factors affecting the effectiveness of state power. This article presents the criteria for the effectiveness of the legislature, allowing to evaluate not only the activities of this branch of government, but also the process of performing the assigned functions, the complexity and timeliness of the implementation of the assigned tasks, as well as to evaluate the indicators of the result (effect) and indicators of the direct process of the legislature. Evaluation of the effectiveness of the legislative power is possible only with the integrated use of the criteria presented in this article.

Keywords: legislation, legislative process, effectiveness of legislation, parliament, criteria for the effectiveness of the legislature, efficiency of state power.

References

1. Constitutional (state) law of foreign countries: textbook / ed. B.A. Strashun. M., 1996 – p.425.
2. Parliamentary law of Russia / under the general ed. O.N. Bulakov. M., 2006 – p.350.
3. Chirkin V.E. Legislative power. – M.: INFRA-M, 2016 – p.43.
4. Vasilyeva S.V. Vinogradov V.A. Mazaev V.D. Constitutional Law of Russia. M., 2011 – p.371–380
5. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. M., 1990 – p.335.
6. Moskalkova T.N. Chernikov V.V. Rulemaking: a scientific and practical guide. 2nd ed. Moscow: Prospect, 2014 – p.5.
7. Khalfina R.O. Scientific works of Soviet law-making. M., 1981 – p.37.

Опцион на заключение договора: к вопросу об истоках данной правовой конструкции в русском дореволюционном праве

Коровкин Сергей Владимирович,

аспирант юридического факультета
Московский финансово-промышленный университет
«Синергия»,
E-mail: sergei.korovkin@mail.ru

В статье на основе анализа и сопоставления современного российского гражданского законодательства и трудов русских дореволюционных правоведов высказано несколько суждений об истоках современной правовой конструкции «опцион на заключение договора», дан краткий обзор анализа, проведенного дореволюционными русскими правоведом в отношении правовых институтов, лежащих в ее основе, в том числе таких как институт частной собственности и свободы договора, сочетание воли сторон договора, момент совершения договора, условие договора и срок. Отмечено, что дореволюционными правоведом, в частности Г.Ф. Шершеневичем, рассматривались конкретные конструкции, такие как «делка с премией», являвшиеся сходными с современными опционными конструкциями. Высказано предположение о том, что, несмотря на относительную новизну самого института опциона на заключение договора в современном российском праве, его истоки наблюдаются еще в праве дореволюционном, и некоторые из ключевых элементов, характерных и для данной правовой конструкции были выявлены и проанализированы дореволюционными правоведом, в частности Д.И. Мейером и Г.Ф. Шершеневичем.

Ключевые слова: Российская Федерация, Российская Империя, Гражданский кодекс Российской Федерации, опцион на заключение договора, соглашение о предоставлении опциона на заключение договора, дореволюционное право, условия договора, срок договора, существенное условие договора, сделка с премией.

Хотя понятие «опцион на заключение договора» появилось в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1, СЗ РФ] относительно недавно, соответствующие правоотношения существуют и развиваются, в том числе и в России, уже долгие годы, и все яснее проявляется их комплексная природа. Тем важнее и интереснее попытаться выявить истоки данного правового явления.

В этой связи представляется, что современный нам правовой институт опциона на заключение договора как явление комплексное, очевидно, не мог появиться и не может существовать без опоры на более простые, базовые, исторически существующие в русском праве конструкции, обуславливающие необходимость появления и применения уже современных опционов.

Не упоминая институт «опциона на заключение договора» как таковой, ведущие русские дореволюционные правоведом, тем не менее, так или иначе выявили и проанализировали многие основополагающие правовые аспекты, вне которых современная конструкция опциона на заключение договора вряд ли могла бы существовать.

Так, Г.Ф. Шершеневичем высказана идея о том, что «юридическое предположение свободной конкуренции заключается в институте частной собственности и свободе договора» [2, С. 109]. Далее автор поясняет, что участники рынка, чтобы успешно конкурировать между собой, должны быть свободны в соглашениях по вопросу о средствах конкуренции и при этом должны быть уверены в действительности и исполнимости таких соглашений. Представляется, что из этого следует, что, во-первых, без института частной собственности вряд ли возможно говорить вообще о предмете договора, заключение которого предусматривается опционом, и во-вторых, что, когда сторонам требуется опционная конструкция в интересах их деятельности, они должны иметь реально действующий правовой инструмент для ее реализации. То есть универсальные принципы наличия в обществе права частной собственности и свободы договора – необходимый элемент для возникновения в том числе и опционных конструкций.

Далее, Г.Ф. Шершеневич указывает, что договоры предполагают: 1) существование взаимной воли, и 2) взаимное усвоение воли договаривающимися сторонами. Автор отмечает, что соблюдение этих условий не представляет затруднений, когда договор заключается (и соответственно, воли сторон изъявляются) незамедлительно, в то время как если стороны разделены пространством, а изъявление воли – временем, то вопрос

фиксации факта изъятия воли сторонами осложняется. [2, С. 126]. Этот аспект как раз характерен для современных опционных конструкций, ведь, как правило, предусмотренные соглашением о предоставлении опциона оферта и акцепт разделены во времени, а делающие оферту и акцепт стороны – в пространстве.

Продолжая рассуждать о вышеописанной ситуации, Г.Ф. Шершеневич утверждает, что «изъявление воли контрагентов, при данных обстоятельствах, не может следовать непосредственно одно за другим, а отдалается одно от другого некоторым, довольно значительным промежутком времени, в течение которого возможны даже перемены юридических отношений» [2, С. 127]. Здесь Г.Ф. Шершеневич отмечает аспект, важный для анализа современного института опциона на заключение договора, ведь действительно, между офертой и акцептом может пройти значительное время, в течение которого может поменяться применимое законодательство, обстоятельства, важные для сторон, а также юридические отношения, касающиеся той или другой стороны, в том числе, например, законодательство, применимое к сторонам и к самому договору, предусмотренному опционом, заключенным ими ранее.

Г.Ф. Шершеневич также указывает на существенные моменты такого договора – предложение, ответ и совершение. При этом предложение должно содержать в себе указание на все существенные условия предлагаемой сделки, соединенные с явным намерением вступить в нее, принятие «представляется выражением воли, согласной с предлагаемыми условиями» [2, С. 127]. Так и в современном опционе на заключение договора крайне важно, чтобы существенные условия сделки были определены с самого начала, иначе безотзывность оферты, фактически, теряет смысл, а значит, теряет смысл и сам опцион в принципе.

Затем Г.Ф. Шершеневич отмечает, что цель предложения и принятия – заключение договора, и далее рассуждает о том, что важно определить момент совершения договора, и что это теоретически мог бы быть либо момент «изъявления согласия» лицом, принявшим предложение, либо момент «восприятия согласия» лицом, сделавшим предложение, причем сам автор склоняется ко второму варианту [2, С. 137]. Этот вопрос также крайне важно иметь в виду при анализе современного института опциона на заключение договора, так как вопрос о моменте совершения сторонами договора, предусмотренного опционом, может на практике порождать спорные ситуации, что может в свою очередь крайне отрицательно повлиять на исполнимость опциона, тем более в порядке, в котором стороны изначально планировали его исполнять.

Г.Ф. Шершеневич также поднимает в контексте обсуждения договоров купли-продажи в целом крайне важный именно для современных опционных конструкций вопрос об условии как об одном из их основных элементов: «Нельзя, однако, отрицать, что в отдельных случаях сделка купли-

продажи может осложниться привходящими условиями, которым стороны придают, может быть, решающее значение. Сделка не состоялась бы, если бы не вошло в нее то или иное условие» [2, С. 144]. Это как раз характерно для современного опциона на заключение договора, ведь, как правило, условие, при котором возможен акцепт, как раз и имеет решающее значение для всей опционной конструкции. Отсюда принципиальная важность скрупулезной работы над формулировками таких условий с тем, чтобы они были, насколько это возможно, бесспорны.

В этой связи следует напомнить текст ст. 429.2 ГК РФ, в соответствии с которым опционом на заключение договора может быть предусмотрено, что акцепт возможен только при наступлении определенного таким опционом условия, в том числе зависящего от воли одной из сторон [1, СЗ РФ].

Анализируя суть и правовую природу условия как элемента сделки, Г.Ф. Шершеневич указывает, что условием называется такое случайное определение в юридической сделке, по которому предполагаемые последствия сделки ставятся в зависимость от наступления или ненаступления в будущем известного обстоятельства. Условием называют также и само указанное выше обстоятельство, и в таком случае сделка будет являться условной [3, С. 191]. Современное Шершеневичу русское законодательство допускало «включать в договор всякие условия, законам не противные» [3, С. 191]. Г.Ф. Шершеневич выделяет два по его мнению существенных признака условия: а) неизвестность наступления и б) произвольность установления [3, С. 191]. Указанные признаки в принципе характерны и для современного опциона на заключение договора, в особенности произвольность установления, потому как, зачастую, именно возможность такого произвольного установления условия и обуславливает выбор сторонами сделки именно конструкции опциона на заключение договора, дающую им необходимую степень произвола.

В этом отношении Г.Ф. Шершеневич продолжает и уточняет рассуждения Д.И. Мейера, который ранее отмечал, что условие – «это побочное, будущее, неизвестное обстоятельство, от наступления или ненаступления которого зависит существование сделки» [4, С. 127]. Такую сделку Д.И. Мейер также называл условной. Д.И. Мейер указывает, что по приведенному выше определению условие прежде всего характеризуется как обстоятельство побочное, стороннее для сделки: следовательно, обстоятельство, существенное для сделки, не составляет условия [4, С. 128]. В данном случае Д.И. Мейер, по всей видимости, имел в виду общую идею о том, что все существенные условия, без которых сделка в принципе не может существовать, должны быть установлены изначально, и соответственно, условие, при котором сделка состоится на согласованных существенных условиях, само по себе формально не является существенным. Этот, казалось бы, чисто теоретический

аспект следует принимать во внимание при анализе практических проблем, возникающих при спорах, связанных с исполнением современных опционов на заключение договора. Далее, по Д.И. Мейеру, обстоятельством, обуславливающим существование сделки, может быть юридическое действие, или это может быть факт, не являющийся юридическим действием. По содержанию это обстоятельство может быть положительным или отрицательным: как наступление, так и ненаступление какого-либо обстоятельства может представлять собой условие сделки [4, С. 129].

В отношении классификации условий, по Д.И. Мейеру, стороннее обстоятельство может обуславливать начало сделки или ее прекращение, или, условие может относиться к началу или к концу сделки. Отсюда деление Д.И. Мейером условий на суспензивные и резолютивные, то есть на условия, относящиеся к началу сделки, и на условия, относящиеся к ее концу. [4, С. 129].

Затем Д.И. Мейер указывает, что наступление или ненаступление факта, обуславливающего сделку, или зависит от воли участника сделки, или не зависит от его воли. По этому признаку Д.И. Мейер подразделяет условия на потестативные, то есть зависящие от воли стороны сделки, и случайные, не зависящие от ее воли [4, С. 129].

Г.Ф. Шершеневич же в свою очередь указывает на следующее: а) в случаях, когда действительность сделки зависит от наступления известного обстоятельства, условие считается положительным, в случаях, если действительность сделки зависит от ненаступления известного обстоятельства, условие считается отрицательным; б) в случаях, когда от наступления условий зависит установление юридического отношения, которое имеется в виду сторонами, то условие является отлагательным (суспензивным), когда от наступления условия зависит прекращение такого отношения, условие является отменительным (резолютивным); с) в случаях, когда наступление предусмотренного обстоятельства зависит от воли стороны, условие является произвольным, когда наступление условного обстоятельства на зависит от воли стороны условие является случайным. Г.Ф. Шершеневич указывает, что «возможно и соединение произвола со случайностью». [3, С. 192].

Вышеописанный анализ, проведенный Д.И. Мейером и затем еще более детально Г.Ф. Шершеневичем, даже без привязки как к законодательству, современному указанным авторам, так и к законодательству, применимому в современной Российской Федерации, представляется крайне важным для общего понимания сути и классификации условий, ведь на практике именно условие или условия, при которых возможен акцепт по опциону, зачастую играют важнейшую роль во всей опционной конструкции.

Не менее значимым элементом опциона может являться срок.

Д.И. Мейер указывает: «Но обратимся к сроку в его приложении к сделке, которая сама, бу-

дучи связана со сроком, называется срочной. Это приложение различно: либо определяется время начала сделки или ее окончания – момент времени; либо определяется время, в течение которого должно быть совершено юридическое действие, – пространство времени. Точно так же означается различно срок». [4, С. 136].

Г.Ф. Шершеневич отмечает, что сроком называется такое случайное определение в юридической сделке, по которому предполагаемые последствия сделки ставятся в зависимость от известного момента времени. В противоположность условной сделке, срочная сделка лишена неизвестности относительно того, наступит или нет обстоятельство, от которого зависит сделка [3, С. 194]. «Срок, как и условие, может иметь как отлагающее, так и отменяющее значение» [3, С. 195]. Все это также характерно для современного опциона на заключение договора, ведь наличие или отсутствие срока, его определение, также могут играть важнейшую роль при определении наличия или отсутствия оснований для акцепта.

Таким образом, уже дореволюционными правоведами, и прежде всего Г.Ф. Шершеневичем, были выделены и глубоко проанализированы некоторые важные элементы, без которых сложно представить себе и современные опционные конструкции.

Однако, не ограничиваясь вышеописанными общими рассуждениями и анализом, уже Г.Ф. Шершеневичем описаны некоторые конструкции, сходные с современным «опционом на заключение договора».

Напомним, что в соответствии со ст. 429.2 ГК РФ, в силу соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора) одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом. Опцион на заключение договора предоставляется за плату или другое встречное предоставление, если иное не предусмотрено соглашением, в том числе заключенным между коммерческими организациями. Другая сторона вправе заключить договор путем акцепта такой оферты в порядке, в сроки и на условиях, которые предусмотрены опционом. Опционом на заключение договора может быть предусмотрено, что акцепт возможен только при наступлении определенного таким опционом условия, в том числе зависящего от воли одной из сторон [1, СЗ РФ].

Примечательно, что описание конструкций, напоминающих современные «опционы на заключение договоров», а именно конструкции «сделки с премией» встречаются у Г.Ф. Шершеневича в его «Курсе торгового права» в разделе «Биржевые сделки» [2, С. 539 и след.]. Г.Ф. Шершеневич указывает, что «срочные сделки имеют в виду некоторый, более или менее значительный, промежуток между заключением сделки и ее исполнением» [2, С. 562]. Далее Г.Ф. Шершеневич указывает, что «сделкой с премией называется такая срочная сделка, которая предоставляет одному

контрагенту за твердо определенное вознаграждение, называемое премией, право выбора одного или нескольких из намеченных действий или право выбора между исполнением договора и отступлением от него», и при этом далее делает важное замечание: «Обращаясь к юридической природе сделок с премией, мы должны признать, что она является спорной» [2, С. 538, 539]. То есть уже Г.Ф. Шершеневичем указывается на спорную, фактически комплексную, природу опциона на заключение договора, и представляется, что именно эта идея и должна быть отправной точкой для анализа как исторических, так и современных опционных конструкций.

Кроме того, Г.Ф. Шершеневич, анализируя понятие «простой сделки с премией» также описывает понятие «стеллаж», под которым «понимается такая сделка, в силу которой одна сторона, за премию, приобретает право, но в то же время и обязывается в определенный срок, сдать бумаги, в качестве продавца, по условленной низкой цене, или же принять те же бумаги, в качестве покупателя, по условленной высшей цене. Уплативший премию имеет право выбора, но одно из двух он должен сделать. Сделка эта, носящая название *stellage* на континенте, в Англии называется *put and call*» [2, С. 571]. В данном случае, как видно, мы можем даже видеть у Г.Ф. Шершеневича упоминание столь часто встречающихся в современных нам реалиях опционных конструкций *пут* и *колл*, которые зачастую идут рука об руку и вполне обычны в том числе для современных корпоративных договоров.

Схожим образом сделки с премией описываются и А.Ф. Федоровым в его труде «Торговое право» [5, С. 667 и след.]

Таким образом, очевидно, что к началу XX века ведущим русским правоведом конструкции, схожие с современными «опционами на заключение договора», были хорошо известны и подробно анализировались, пусть и пока в контексте биржевых сделок. Следовательно, можно сделать вывод, что современный институт «опцион на заключение договора» хотя и является технически относительно новым в современном российском праве, тем не менее имеет свои истоки еще в дореволюционной юридической практике, и некоторые из ключевых элементов, характерных и для данной правовой конструкции были выявлены и проанализированы выдающимися правоведом еще дореволюционной России.

Литература

1. «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, N10, ст. 1412
2. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права, 4-е изд., СПб.: Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1908–1912, Т. 2: Товар; Торговые сделки, 1908.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права, 10-е изд., М.: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1912.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право, М.: Статут: Консультант Плюс, 2003.
5. Федоров А.Ф. Торговое право. Одесса: Славянская типография Одесса, 1911.

OPTIONS AGREEMENTS: RE ORIGINS OF THE CONCEPT OF OPTIONS IN IMPERIAL-ERA RUSSIAN LEGAL STUDIES, BRIEF OVERVIEW

Korovkin S.V.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

In the article, based on the analysis and comparison of current Russian civil legislation and legal studies of imperial-era Russian jurists the author has made several suggestions with regard to origins of current legal concept of option agreements, has provided a brief overview of analysis of underlying legal concepts made by imperial-era Russia jurists including such legal concepts as property rights and freedom of contract, balance of wills of parties to a contract, moment of conclusion of a contract, contractual condition, and term. The author also notes that imperial-era Russian jurists, in particular G.F. Shershenevich, paid attention to specific legal concepts, such as the “premium deal”, that appear to be similar to modern options. The author suggests that, notwithstanding that the concept of option agreement is relatively new to current Russian legislation, its origins can be traced back to imperial-era Russian law, and some of the key elements significant also to modern option agreements were identified and analyzed by imperial-era Russian jurists, in particular by D.I. Meyer and G.F. Shershenevich.

Keywords: Russian Federation, Imperial Russia, Civil Code of the Russian Federation, option agreement, agreement on providing an option for conclusion of an agreement, imperial-era Russian legal studies, conditions of an agreement, term of an agreement, material condition of an agreement, premium deal.

References

1. “Collected Acts of the Russian Federation”, 09.03.2015, N10, st. 1412
2. Shershenevich G.F. Trade Law, 4-th add., SPb.: Trud, 1908–1912, Vol. 2: Goods; Trade Deals, 1908.
3. Shershenevich G.F. Russian Civil Law, 10-e add., M.: I.N. Kushnerev and Co, 1912.
4. Meyer D.I. Russian Civil Law., M.: Statut Consultant Plus, 2003.
5. Fedorov A.F. Trade Law., Odessa: Slavic typography Odessa, 1911.

Соглашение о ценообразовании как инструмент контроля за трансфертными ценами

Куприянов Александр Сергеевич,

старший преподаватель кафедры административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета, соискатель Института государства и права Российской академии наук
E-mail: justic_self@mail.ru

Большинство налогоплательщиков во всем мире борются с проблемами в цепочках поставок, падением доходов и прибыли и множеством других проблем, связанных с кризисом. Белорусские и казахстанские компании, помимо этих проблем, также сталкиваются с началом новой эры трансфертного ценообразования (ТЦ) с введением новых правил ТЦ и усилением контроля за аудитом ТЦ.

Одним из преимуществ соглашений о ценообразовании является способность фирм прогнозировать налоги, снижать уровень применения санкций и упрощать налоговое и финансовое планирование. Кроме того, в государственном бюджете есть гарантия определенного объема налоговых поступлений и роста инвестиций. Дополнительным положительным эффектом для бизнеса и государственных органов является большая экономия средств и усилий, затрачиваемых на обеспечение разумной и взвешенной позиции по ценообразованию.

Цель статьи – рассмотреть вопросы, связанные с контролем трансфертного ценообразования, проанализировать положительные стороны правового регулирования контроля трансфертного ценообразования, проведен сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Проведен теоретический анализ позиций ученых по порядку разработке и применения соглашений о трансфертном ценообразовании, его правовой природе.

Ключевые слова: ценообразование, трансферт, контроль, законодательство, товар, услуга.

Трансфертное ценообразование напрямую связано с манипулированием расходами, доходами и затратами между взаимосвязанными лицами способами, отличными от тех, которые были бы использованы в операциях, совершенных в нормальных рыночных условиях, с целью получения налоговой выгоды [1. С. 17–21]

Учитывая изложенное, для предотвращения потерь бюджета государства вводят специальные правовые инструменты противодействия использованию трансфертного ценообразования [2. С. 67]. Одним из таких инструментов является соглашение о ценообразовании.

Однако существуют определенные трудности для государства в применении соглашений о трансфертном ценообразовании. Так, по мнению Грюндель Л., к таким трудностям относятся: необходимость принятия решений, значимых для интересов бюджета; установление связей с налоговыми органами других стран (в случае двусторонних соглашений) и т.д. [3].

В свою очередь, как отмечают Гончаренко Л.И. и Вишневская Н.Г. представляет собой высокую степень риска ошибок должностных лиц при подписании соглашений о ценообразовании, поскольку решение о его заключении принимается на основании прогнозируемых данных о соответствии будущих цен рыночным уровням и налогам, которые будут взиматься в последующие годы [4].

В правовой доктрине наблюдается неоднозначное отношение к этому институту. Одна группа исследователей объясняет природу договора как договорной формы регулирования отношений в сфере налогообложения (Мухамадеева Г.А., Шестакова Е.В., Стариков Ю.Н., Давыдов К.В., Ершова И.В., Демин А.В., Барулин С.В. и др. ЕРС).

Сторонники иного толкования сущности механизма соглашения о ценообразовании видят в нем одну из форм (предварительного) налогового контроля трансфертного ценообразования, опосредованного понятием договора, который не предусматривает установления обязательств посредством договора и является равноправным к нему (Копина А.А., Тютин Д.В. и др.) [5. С. 109]. В целом не исключается компромиссная точка зрения, согласно которой институт трансфертного ценообразования является комплексным, сочетающим в себе нормы частного и публичного права. Эта точка зрения имеет право на существование.

Вместе с тем, в странах Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) рассматриваемый институт успешно функционирует уже длительное время. Например, зако-

нодательная возможность заключения соглашений о ценообразовании существует в США и Австралии с 1991 г., в Великобритании с 1999 г., в Польше с 2006 г., Венгрии с 2007 г. и др. В странах ОЭСР субъектом соглашения о ценообразовании может быть предприятие (компания) любой категории (малый, средний или крупный бизнес), в том числе нерезиденты (Великобритания, Чехия, Польша), а сами соглашения делятся на односторонние, двусторонние и многосторонние (в Венгрии, Канаде, Польше, США, Чехии применяются все 3 вида соглашений. НТС). Кроме того, упрощенный порядок заключения предварительных соглашений о ценообразовании широко применяется для малых и средних предприятий (в США с 1996 года, в Нидерландах с 2004 года, в Канаде с 2005 года, в Германии и Франции с 2006 года, в Австралии с 2011 года, в Южной Корее с 2015 года и т.д.). Как правило, требования к документации ниже, чем в обычном процессе соглашения о ценообразовании, и стоимость их ввода также ниже [6].

В большинстве этих стран максимальный срок действия соглашений о ценообразовании составляет до 5 лет (Венгрия, Германия, Израиль, Канада, Польша, Франция, Швеция). Кроме того, в некоторых странах взимаются сборы за рассмотрение заявок предпринимателей на заключение соглашений о ценообразовании и/или внесение в них изменений, которые зависят от категории налогоплательщика (США, Франция), вида договора (Венгрия) или стоимости сделки (Польша). Однако также практикуется установление фиксированной суммы сборов (Германия, Канада, Мексика, Чехия, Швеция).

В странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) также постепенно внедряется практика заключения соглашений о ценообразовании (в Казахстане с 2008 г., России с 2012 г., Беларуси с 2019 г.).

Казахстан первым среди стран ЕАЭС предусмотрел возможность заключения соглашений о применении трансфертных цен, что было закреплено в 2008 году в Законе Республики Казахстан «О трансфертном ценообразовании» (далее – Закон Республики Казахстан № 67-IV) [7]. В настоящее время также действуют правила заключения соглашения о применении передаточной политики, принятые в 2011 году.

В России практика подписания соглашений о ценообразовании действует уже более 10 лет. Так, с 1 января 2012 года вступил в силу Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения». Специальный акт дополнил Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – Налоговый кодекс Российской Федерации) специальным разделом V.1 «Взаимозависимые лица. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с сделками меж-

ду взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании» [8]¹.

Эти нововведения и подписание в 2012 году первого соглашения о ценообразовании между ОАО «НК «Роснефть» и Федеральной налоговой службой Российской Федерации (далее – ФНС РФ) привлекли пристальное внимание зарубежных экспертов, которые указали на возможность дальнейшего развития в России международных принципов трансфертного ценообразования. Тем не менее, сегодня правила заключения соглашений о ценообразовании в России и Казахстане не позволяют рассматривать их как инструмент минимизации рисков, доступный широкому кругу предпринимателей. В частности, согласно Налоговому кодексу РФ, возможность заключать соглашения о ценообразовании предоставляется только крупнейшим российским налогоплательщикам (ст. 105.19 НК РФ). По словам Кузьмина Д.В., это связано с тем, что «трансфертное ценообразование используется в большинстве случаев в вертикально интегрированных структурах, а совокупный размер налогов и выручки от реализации товаров, работ и услуг позволяет отнести их к крупнейшим налогоплательщикам» (приказом ФНС РФ от 16 мая 2007 г. No MM-3-06/308 утверждены критерии отнесения организаций – субъектов хозяйствования к крупнейшим налогоплательщикам). [9].

Представители иностранных компаний, работающих в России, также лишены права заключать соглашения о ценообразовании по примеру российских организационных структур.

Данный факт приводит к усложнению ведения бизнеса на территории страны и значительным трудозатратам как внутри самих представительств, так и внутри сотрудничающих с ними российских организаций. Одним словом, инвестиционная привлекательность страны снижается.

В свою очередь, в Казахстане любой предприниматель потенциально имеет возможность заключить соглашение о ценообразовании по контролируемым сделкам. Это также относится к нерезидентам – постоянным представительством иностранных компаний. Такой вывод следует из следующих норм.

Согласно статье 5 Закона Республики Казахстан N67-IV, стороны сделки или участники международной группы вправе заключить рассматриваемые договоры. При этом под участником сделки понимается физическое или юридическое лицо, заключившее контролируемую сделку (п. 16 ст. 2 Закона РК N67-IV). Как видим, законодатель не наделяет участника сделки какими-либо дополнительными признаками, в том числе наличием резидентства. Также право на заключение договора предоставляется участнику международной группы, в состав которой могут входить лица, не являющиеся гражда-

¹ Белых В.С. Трансфертное ценообразование: современное состояние, проблемы и предложения по совершенствованию // *Налоги*. 2011. № 2. (<https://wiseeconomist.ru/poleznoe/72559-transfertnoe-cenoobrazovanie-sovremennoe-sostoyanie-problemy-predlozheniya-sovshenstvovaniyu> – дата обращения 24.04.2023).

нами Республики Казахстан, но осуществляющие предпринимательскую деятельность в государстве через структурное подразделение – постоянное учреждение (ст. 2 Закона РК №67-IV). Помимо прочего, уполномоченные органы не вправе отказать предпринимателю в заключении договора в связи с отсутствием резидентности или иных характеристик бизнеса (п. 6 Правил от 24 октября 2011 г.).

В Казахстане можно заключить только односторонние договоренности. Тот факт, что в Казахстане не предусмотрены практические процедуры по применению действующих конвенций об устранении двойного налогообложения и в части трансфертов, говорит против казахстанского законодательства о трансфертном ценообразовании.

При проведении сравнительно-правового анализа установлено, что между хозяйствующим субъектом и налоговым органом заключается соглашение о применении трансфертного ценообразования о порядке установления цен в контролируемых сделках. Суть его заключается в том, что стороны достигают соглашения о методах и источниках ценообразования, используемых в сделках, в связи с чем снижается вероятность возникновения споров и штрафных санкций [10].

Особенно целесообразно для предпринимателей подписывать эти соглашения при наличии необходимой информации о рыночных ценах в открытых источниках информации, уникальности предоставляемых ими товаров и услуг, а также при установлении цен во внешнеэкономических операциях.

Последнее связано с тем, что согласованные цены на международные сделки минимизируют споры сразу в двух и более юрисдикциях.

Следует отметить, что в России отдельные авторы [11] выдвигают следующую классификацию соглашений о ценообразовании: односторонние (соглашение между налогоплательщиком и ФНС), двусторонние (соглашение между налогоплательщиком, ФНС и уполномоченным органом исполнительной власти иностранного государства, многосторонние соглашения, заключаемое ФНС с несколькими российскими взаимозависимыми организациями (группой налогоплательщиков).

Разница между этими соглашениями заключается в том, что исполнительная власть иностранного государства участвует в «двусторонних» [12]. Однако в Казахстане по-прежнему можно заключать только односторонние соглашения. Тот факт, что в Казахстане не предусмотрены практические процедуры применения существующих конвенций об устранении двойного налогообложения и в части трансфертов, также говорит против казахстанского законодательства о трансфертном ценообразовании.

Также, согласно российскому законодательству, соглашение о ценообразовании заключается в отношении одной сделки или группы однотипных сделок (п. 1 ст. 105.21 НК РФ). Но законодатель не отвечает на вопрос о том, что подразумевается под сделкой. При этом в уведомлении о контролируемых транзакциях в целях примене-

ния правил контроля трансфертных цен отражается каждая поставка, оформленная в отдельном первичном документе (товарно-транспортной накладной или акте). При применении такого подхода очевидно, насколько значительно, при наличии нескольких разнородных сделок, могут возрасти затраты предприятия на заключение этих договоров. В свою очередь, в Казахстане законодатель не уточняет количество или виды сделок, по которым заключаются рассматриваемые договоры.

Итак, можно сформулировать следующий вывод: процедура заключения соглашения о ценообразовании в России и Казахстане предусматривает предоставление предпринимателем большого пакета документов.

С 2021 года в России перечень документов, которые должны быть приложены налогоплательщиком к соглашению о ценообразовании, сокращен с 8 до 6 пунктов (п. 1 ст. 105.22 НК РФ). Так, согласно Федеральному закону «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации (в части совершенствования налогового контроля за ценами и порядка заключения соглашения о ценообразовании на налоговые цели)» от 17 февраля 2021 г. №6-ФЗ данный перечень сокращен до 6 пунктов (исключены копии учредительных документов и свидетельства о государственной регистрации налогоплательщика).

Как бы то ни было, он все равно остается открытым, что фактически дает налоговому органу возможность оставить на свое усмотрение решение о том, были ли представлены документы в полном объеме (п. 1. 8 ст. 105.22 НК РФ). В результате данное обстоятельство может служить основанием для отказа в заключении договора (п. 8 ст. 105.22 НК РФ).

В Казахстане перечень документов, подлежащих представлению, состоит из 10 пунктов, но он является закрытым (п. 3 Постановления от 24 октября 2011 года). Однако некоторые из запрошенных документов находятся в распоряжении налоговых органов. Это касается, в частности, свидетельства или свидетельства о государственной регистрации (перерегистрации) юридического лица.

Далее отметим, что законодательством России и Казахстана предусмотрен одинаковый срок действия соглашения о ценообразовании, равный 3 годам (ст. 105.21 НК РФ; п. 5 Правил от 24 октября 2011 г.).

В отличие от казахстанского законодательства, в России предприниматель при условии соблюдения всех условий соглашения о ценообразовании вправе обратиться в уполномоченный орган с заявлением о продлении срока действия соглашения о ценообразовании не более чем на два года (ст. 105.21 НК РФ). Учитывая сложность и стоимость процесса подписания соглашения о ценообразовании, положительным считается то, что существует возможность продления срока его действия.

В то же время сложно прогнозировать и учитывать возможные изменения в структуре цен и ценовой политике, на которые влияют как внутренние, так и внешние факторы.

Колебания уровня рыночных цен могут быть спровоцированы различными фактами, в том числе: изменениями геополитической ситуации, конечной ставки, условий производства и так далее. Поэтому фиксированная цена на несколько лет слишком рискованна. В связи с этим в законе должны быть предусмотрены условия и обстоятельства внесения изменений в соглашения о ценообразовании. Вышеизложенное сформулировано в п. 12 ст. 105.22 НК РФ. Однако в законодательстве Казахстана и Беларуси такой нормы права нет.

Возникает много вопросов относительно сроков рассмотрения заявок на подписание соглашений. В России налоговые органы вправе рассматривать заявления предпринимателей о заключении соглашений о ценообразовании на срок до 6 месяцев (п. 4 ст. 105.22 НК РФ). В этом случае срок действия данных может быть продлен до 27 месяцев. В свою очередь, в соответствии с. 3 Оснований и порядком продления срока рассмотрения ходатайства о заключении соглашения о ценообразовании для целей налогообложения и прилагаемых к нему документов (утв. приказом ФНС России от 26 марта 2012 г. № ММВ-7-13/182) перечень оснований для продления срока принятия окончательного решения не ограничен. Эти термины поразительны, как отмечает Филонов А.О., так как в этот период условия коммерческой деятельности, экономическая ситуация в стране и многое другое могут существенно измениться [12 С. 181].

По сравнению с российским законодательством, в Казахстане сроки принятия решения о заключении или отказе в подписании договора значительно короче и составляют 60 рабочих дней (п. 5 Правил от 24 октября 2011 года). Оснований для продления этого срока нет.

Резюмируя вышеизложенное, в целях устранения обстоятельств, осложняющих процесс заключения соглашений о ценообразовании в России, Беларуси и Казахстане, предлагаем: расширить круг субъектов хозяйствования, имеющих право заключать соглашения о ценообразовании, путем внесения соответствующих изменений в статью 105.19 Налогового кодекса Российской Федерации. При этом сократить сроки рассмотрения налоговым автором заявлений предпринимателей о заключении рассматриваемых соглашений (п. 4 ст. 105.22 НК РФ), исключив возможность их продления по «односторонним договорам».

Кроме того, предусмотреть закрытый перечень оснований для продления срока рассмотрения заявления о заключении «двусторонних договоров» (п. 3 приложения № 1 к приказу ФНС России от 26 марта 2012 г. № ММВ-7-13/182); в Законах Республики Казахстан и Республики Беларусь «О трансфертном ценообразовании» закрепить возможность заключения «двусторонних договоров», а также нормы, позволяющие продлевать срок действия договоров о применении трансфертных цен и вносить в них изменения; в законодательстве России предусмотреть закрытый перечень документов, прилагаемых к заявлению

о заключении соглашения о ценообразовании (п. 1 ст. 105.22 НК РФ), а в правовых актах Казахстана и Республики Беларусь исключить из этого перечня документы, находящиеся в информационных базах данных налогового органа, а именно: свидетельство или свидетельство о государственной регистрации (перерегистрации) юридического лица (п. 3 Правил от 24 октября 2011 г.).

Таким образом, что соглашение о ценообразовании, порядок и процедура его заключения является одним способом как контроля деятельности налогоплательщика, так и способом регулирования отношений между налоговым органом и налогоплательщиком, что в условиях высокого санкционного давления является особо актуальным.

Литература

1. Макарова Е. И. О необходимости контроля трансфертного ценообразования в таможенных целях в РФ в рамках ЕАЭС // Экономика. Право. Инновации. – 2018. – № 5. – С. 17–21.
2. Лещенко С.К. Актуальные аспекты правового института контроля трансфертного ценообразования в Республике Беларусь // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 22 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – 311 с. (chrome-extension://efaidnbmnnnibpccaajpcglclefindmkaj/https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/12565/1/11.pdf; https://elib.bsu.by/handle/123456789/12565?locale=en – Дата обращения 24.04.2023 г.
3. Грюндель Л. Соглашения о ценообразовании – новая форма налогового контроля трансфертного ценообразования в России // https://cyberleninka.ru/article/n/soglasheniya-o-tsenoobrazovanii-novaya-forma-nalogovogo-kontrolya-transfertnogo-tsenoobrazovaniya-v-rossii – Дата обращения 24.04.2023 г.
4. Гончаренко Л.И., Вишневская Н.Г. (2015), Налоговый контроль применения трансфертных цен крупными налогоплательщиками: актуальны ли изменения в правилах // Налоги и налогообложение. – 2015. – № 2. – С. 112–119 (https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovyy-kontrol-primeneniya-transfertnyh-tsen-krupneyshim-nalogoplatelshchikami-aktulny-li-izmeneniya-pravil/viewer – дата обращения 24.04.2023).
5. Черезов В.В. Правовая природа соглашения о ценообразовании в российском налоговом праве // «Журнал российского права». – 2019. – № 10. – С. 109–119. (https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-soglasheniya-o-tsenoobrazovanii-v-rossiyskom-nalogovom-prave/viewer – дата обращения 24.04.2023)
6. Корниенко Н.Ю., Минина Е.Е., Королев Г.А., Митрофанова Е.А., Пушкарева Н.А. Анализ международного и российского опыта регулирования заключения многосторонних соглашений о ценообразовании с налогоплательщиками, www.ftpec.org // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3149657 дата обращения 24.04.2023)

7. Налоговый кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI («Казахстанская правда» от 26 декабря 2017 года No 247, статья 609 с последующими изменениями) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36148637 дата обращения 24.04.2023)
8. Белых В.С. Трансфертное ценообразование: современное состояние, проблемы и предложения по совершенствованию // *Налоги*. 2011. № 2. (<https://wiseeconomist.ru/poleznoe/72559-transfernoe-cenoobrazovanie-sovremennoe-sostoyanie-problemy-predlozheniya-sovshenstvovaniyu> – дата обращения 24.04.2023).
9. Кузьмин Д.В. Особенности исчисления налога на добавленную стоимость в условиях консолидированной отчетности // *Налоговая политика*. – 2009. – № 14. – С. 72–78. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ischisleniya-naloga-na-dobavlennuyu-stoimost-v-usloviyah-konsolidirovannoy-otchetnosti> – дата обращения 24.04.2023).
10. Вольвач Д.В. Практика применения новых правил налогового контроля цен в сделках между взаимозависимыми лицами в России, «Экономика. Налоги. Право». 2014. № 1. С. 6–7.
11. Костин А.А. Перспективы развития соглашений о ценообразовании как метода правового регулирования трансфертного ценообразования в Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. – М.: РУДН, 2013, № 3. – С. 66–72. (<https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-soglasheniy-o-tsenoobrazovanii-kak-metoda-pravovogo-regulirovaniya-transferfnogo-tsenoobrazovaniya-v> – дата обращения 24.04.2023)
12. Филонов А.О. Выбор метода трансфертного ценообразования как один из основных этапов обоснования трансфертных цен // *Вестник Университета*. 2014 – № 3 – С. 181–183 (<https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-metoda-transferfnogo-tsenoobrazovaniya-kak-odin-iz-osnovnyh-etapov-obosnovaniya-transfernyh-tsen.pdf> – дата обращения 24.04.2023)

The purpose of the article is to consider issues related to transfer pricing control, to analyze the positive aspects of the legal regulation of transfer pricing control, and a comparative analysis of the legislation of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. A theoretical analysis of the positions of scientists on the procedure for the development and application of transfer pricing agreements, its legal nature has been carried out.

Keywords: pricing, transfer, control, legislation, product, service.

References

1. Makarova E.I. On the need to control transfer pricing for customs purposes in the Russian Federation within the EAEU // *Economy. Right. Innovation*. – 2018. – No. 5. – pp. 17–21.
2. Leshchenko S.K. Actual aspects of the legal institute of transfer pricing control in the Republic of Belarus // *Law and Democracy: collection of scientific tr. Issue 22 / Editorial board: V.N. Bibilo (Chief editor) [et al.]*. – Minsk: BSU, 2011. – 311 p. (<chrome-extension://efaidnbmnnnibpccajpcgclefindmkaj/https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/12565/1/11.pdf>; <https://elib.bsu.by/handle/123456789/12565?locale=en> – Accessed 04/24/2023).
3. Grundel L. Pricing agreements – a new form of tax control of transfer pricing in Russia // <https://cyberleninka.ru/article/n/soglasheniya-o-tsenoobrazovanii-novaya-forma-nalogovogo-kontrolya-transferfnogo-tsenoobrazovaniya-v-rossii> – Date of application 04/24/2023
4. Goncharenko L.I., Vishnevskaya N.G. (2015), Tax control of the application of transfer prices by large taxpayers: are changes in the rules relevant // *Taxes and taxation*. – 2015. – No. 2. – pp. 112–119 (<https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovyy-kontrol-primeneniya-transfernyh-tsen-krupneyshim-nalogoplatelshchikami-aktulny-li-izmeneniya-pravil/viewer> – date of appeal 24.04.2023).
5. Cherezov V.V. The legal nature of the pricing agreement in Russian tax law // “*Journal of Russian Law*”. – 2019. – No. 10. – pp. 109–119. (<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-soglasheniya-o-tsenoobrazovanii-v-rossiyskom-nalogovom-prave/viewer> – date of application 04/24/2023)
6. Kornienko N. Yu., Minina E.E., Korolev G.A., Mitrofanova E.A., Pushkareva N.A. Analysis of international and Russian experience in regulating the conclusion of multilateral pricing agreements with taxpayers, www.ftp.repec.org // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3149657 accessed 24.04.2023)
7. Tax Code of the Republic of Kazakhstan dated December 25, 2017 No. 120-VI (“*Kazakhstanskaya Pravda*” dated December 26, 2017 No. 247, Article 609 with subsequent amendments) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36148637 accessed 24.04.2023)
8. Belykh V.S. Transfer pricing: current state, problems and suggestions for improvement // *Taxes*. 2011. No. 2. (<https://wiseeconomist.ru/poleznoe/72559-transfernoe-cenoobrazovanie-sovremennoe-sostoyanie-problemy-predlozheniya-sovshenstvovaniyu> – date of application 24.04.2023).
9. Kuzmin D.V. Features of calculating value added tax in the conditions of consolidated financial statements // *Tax policy*. – 2009. – No. 14. – pp.72–78. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ischisleniya-naloga-na-dobavlennuyu-stoimost-v-usloviyah-konsolidirovannoy-otchetnosti> – date of application 04/24/2023).
10. Volvach D.V. The practice of applying new rules of tax control of prices in transactions between interdependent persons in Russia, “*Economics. Taxes. Right.*” 2014. No. 1. pp. 6–7.
11. Kostin A.A. Prospects for the development of pricing agreements as a method of legal regulation of transfer pricing in the Russian Federation (comparative legal analysis) // *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia*. – Moscow: RUDN, 2013, No. 3. – pp. 66–72. (<https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-soglasheniy-o-tsenoobrazovanii-kak-metoda-pravovogo-regulirovaniya-transferfnogo-tsenoobrazovaniya-v> – date of application 04/24/2023)
12. Filonov A.O. The choice of transfer pricing method as one of the main stages of justification of transfer prices // *Bulletin of the University*. 2014 – No. 3 – p.181–183 (<https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-metoda-transferfnogo-tsenoobrazovaniya-kak-odin-iz-osnovnyh-etapov-obosnovaniya-transfernyh-tsen.pdf> – date of application 04/24/2023)

PRICING AGREEMENT AS A TOOL TO CONTROL TRANSFER PRICES

Kupriyanov A.S.

Trans-Baikal State University

Most taxpayers around the world are struggling with supply chain disruptions, falling revenues and profits, and a host of other crisis-related issues. Belarusian and Kazakh companies, in addition to these problems, are also facing the beginning of a new era of transfer pricing (TP) with the introduction of new transfer pricing rules and increased control over transfer pricing audits.

One of the benefits of pricing agreements is the ability of firms to predict taxes, reduce sanctions, and simplify tax and financial planning. In addition, the state budget guarantees a certain amount of tax revenues and investment growth. An additional positive effect for business and government agencies is a large savings in the funds and efforts spent on ensuring a reasonable and balanced position on pricing.

Правовое регулирование вопроса о сроке исковой давности в России и за рубежом

Солдатова Мария Михайловна,

студент Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: maria749621@gmail.com

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями возникновения и исторического развития института исковой давности. Раскрывается сущностное содержание понятия исковой давности на различных этапах формирования отечественного законодательства. Рассматривается вопрос о значении и роли сроков исковой давности в системе гражданского права.

Правоотношение – это нормативное отношение, сочетающее в себе права и обязанности сторон. Оно не занимает пространственный объем, но существует во временной структуре. Как лицо правоотношения (правообладатель), так и содержание правоотношения (право) регулируются временем. С точки зрения природных атрибутов люди существуют как в пространстве, так и во времени. Однако гражданское право в основном не заботится о пространственных атрибутах и больше сосредоточено на определении различных правовых атрибутов людей во времени.

Любое право, от возникновения, изменения до исчезновения, зависит от определенного времени. Отношения между временем и правами часто определяются природой самих прав, и законодатели редко что-либо предпринимают по этому поводу. Что оставляет место для контроля над публичной властью, так это определение начальной и конечной точек времени, продолжительности срока и установление того, является ли он гибким. Временная система в гражданском праве в основном включает в себя срок исковой давности. С другой стороны, любое время, как и пространство, можно делить бесконечно. Поскольку правоотношение существует во времени, оно должно быть закреплено законодательно, иначе правоотношению будет нигде функционировать. Инструментами, используемыми для фиксации времени, в основном являются дата и период.

Ключевые слова: гражданское право, исковая давность, правоотношения, срок.

Срок исковой давности – это фиксированный период времени, в течение которого сторона должна предъявить гражданский иск. В Англии эти периоды определяются Законом об исковой давности 1980 года, в котором содержатся положения в отношении различных оснований для иска [3, с. 56].

Срок исковой давности зависит от вида гражданского иска. Иск по-прежнему может быть подан за пределами срока исковой давности (и суды не будут принимать во внимание этот вопрос), однако несвоевременное предъявление иска даст ответчику «железную» полную защиту иска, не зависимо от того, насколько сильным было первоначальное утверждение.

Если ответчик выдвигает ограничение в качестве возражения, то истец должен доказать, что срок не истек.

Причина существования сроков исковой давности заключается в том, чтобы гарантировать, что отдельные лица и организации не будут вечно открыты для судебных разбирательств за неправомерные действия или бездействие. Конечно, чем больше времени проходит, тем труднее становится запомнить важную информацию, составить ключевую документацию и правильно вынести решение по делу.

Поэтому очень важно в начале любого нового разбирательства учитывать это ограничение. Отправной точкой времени обычно является день, в который возникает причина иска. Иногда, однако, срок исковой давности может не начинаться до даты обнаружения.

Как правило, иски в деликте имеют срок исковой давности 6 лет. Однако статья S14A Закона об исковой давности 1980 г. предусматривает, что при определенных обстоятельствах шестилетний срок исковой давности может быть продлен. Например, если заявитель знал об иске только в течение последних 3 лет, но это выходит за пределы стандартного 6-летнего периода, он все же может подать иск.

Существует также предельная дата, которая составляет 15 лет с даты противоправного деяния. Если это количество времени прошло, это является абсолютным запретом, и Суд не может по своему усмотрению изменить его (табл. 1).

Закон устанавливает строгие сроки, известные как сроки исковой давности, в течение которых гражданские иски должны быть возбуждены в суде. Если срок исковой давности действительно применяется и истекает, может быть трудно или невозможно начать судебное разбирательство, даже если ваше дело имеет основания [3, с. 57].

Таблица 1. Срок давности в зависимости от правонарушения

Характер действия	Отправная точка	Продолжительность периода	Соответствующий раздел Закона об исковой давности
Простой контракт	Дата нарушения договора.	6 лет.	Раздел 5
Правонарушение, кроме: телесных повреждений;	Дата причинения ущерба.	6 лет.	Раздел 2
Скрытый ущерб (в деликте по неосторожности)	Позже: (а) даты, когда был причинен ущерб, или (б) даты, когда истец впервые получил как знания, необходимые для предъявления иска, так и право предъявлять такой иск.	а) 6 лет. б) 3 года. Преодолевающий срок: 15 лет с даты совершения небрежного действия или бездействия.	
Травмы / смерть	Позже: (а) начисление причины иска, или (б) дата знания лица, получившего травму.	3 года. Суд может по своему усмотрению исключить этот срок.	Разделы 11 и 12
Клевета или злонамеренная ложь	Начисление причины иска.	1 год. Суд может по своему усмотрению исключить этот срок.	Раздел 4А
Неофициальные кредитные договоры	Дата письменного требования о погашении.	6 лет.	Раздел 6
Действия по взысканию суммы, подлежащей возмещению в силу любого закона	Начисление причины иска.	6 лет.	Раздел 9
Действия в соответствии с Законом о защите прав потребителей 1987 г.	Более поздняя из: (а) даты причинения ущерба или (б) даты, когда об этом стало известно истцу.	3 года. Преодолевающий срок: 10 лет с даты поставки дефектного продукта (применяются особые правила)	Раздел 11А
Действия по восстановлению земли	Начисление причины иска	12 лет. В случае иска Короны срок продлевается до 30 лет.	Раздел 15
Действия по взысканию арендной платы	Дата, когда возникает задолженность по арендной плате.	6 лет.	Раздел 19
Действия по исполнению решения	Дата вступления судебного решения в законную силу.	6 лет. Это означает новый иск по приговору и не включает исполнительное производство.	Раздел 24
Иск против компании, которая находится в стадии а) ликвидации или б) администрирования	Н/Д	а) Время останавливается в целях ограничения. б) Время не останавливается в целях ограничения.	Н/Д

Нет необходимости в том, чтобы иск действительно рассматривался в суде в течение установленного срока исковой давности. Необходимо только, чтобы в суд были поданы соответствующие судебные документы, возбуждающие иск.

Этот информационный бюллетень поможет вам определить срок исковой давности, применимый к вашему гражданско-правовому иску.

В Австралии Закон об исковой давности 1974 года (Qld) (LAA) устанавливает сроки исковой давности для возбуждения различных исков. LAA не применяется, если срок исковой давности по конкретному основанию иска установлен другим законом.

Приведем некоторые примеры сроков исковой давности:

- телесные повреждения – 3 года с даты подачи иска (статья 11 LAA – однако дополнительные временные ограничения см. ниже);

- гражданское правонарушение или договор без причинения вреда здоровью (например, материальный ущерб или экономический ущерб) – 6 лет с даты возникновения основания для иска (статья 10 LAA);
- взыскание арендной платы – 6 лет с даты наступления задолженности (ст. 25 ЗПА);
- восстановление земли – 12 лет с даты возникновения основания для иска (статья 13 LAA);
- дезинформация – 1 год со дня публикации обжалуемого материала (статья 32А LAA);
- несправедливое увольнение – 21 день с момента увольнения (раздел 317(2)(а) Закона о трудовых отношениях 2016 г. (Qld));
- дискриминация – 1 год с даты предполагаемого акта дискриминации (ст. 138 Закона о борьбе с дискриминацией 1991 г. (Квинсленд)).

Отсрочка срока исковой давности в случаях мошенничества или ошибки может реализовываться по следующим причинам:

- причина иска основана на мошенничестве;
- причина иска была скрыта обманом ответчика или его агента;

действие направлено на устранение последствий ошибки,

тогда срок исковой давности начинается с даты, когда истец обнаружил мошенничество или ошибку, или мог бы обнаружить их при разумном усердии (статья 38 LAA) [3, с. 61].

В соответствии со статьей 29 Закона о правах человека Австралии, если лицо было «нетрудоспособным» на дату возникновения основания для иска, сроки исковой давности LAA, за некоторыми исключениями, продлеваются до 6 лет с даты, когда лицо перестало быть инвалидом. Продленный срок составляет только 3 года, если действие направлено на возмещение ущерба в отношении телесных повреждений или ущерба в отношении вреда, полученного в результате смерти другого человека.

Лицо считается инвалидом, если оно является ребенком в возрасте до 18 лет или психически больным (статья 5(2) ЗДП). Предполагается, что человек психически не здоров, если он является недобровольным пациентом в соответствии с Законом о психическом здоровье 2016 г. (Qld), или если он находится под стражей строгого режима в соответствии с постановлением суда или в безопасном заключении в соответствии с распоряжением губернатора. в соответствии со статьей 647 Уголовного кодекса (статья 5(3) ЗУК). Поэтому, например, если 15-летний подросток получает травму, которая влечет за собой иск о возмещении телесных повреждений, то он или она будет иметь право до достижения им 21 года, то есть через 3 года после того, как ему исполнится 18 лет, возбудить производство по делу о телесных повреждениях.

До 7 ноября 2008 г. определение лица с ограниченными возможностями в соответствии со статьей 5(2) включало заключенного, который после осуждения отбывает наказание в виде лишения свободы. Если повод для иска возник до 7 ноября 2008 г., заключенный все еще может воспользоваться этим положением.

Как указывалось, выше, LAA предусматривает, что любой иск о возмещении ущерба, причиненного телесным повреждением, должен быть предъявлен в течение 3 лет с момента возникновения основания для иска. В тех случаях, когда причина иска требует доказательства причинения вреда (например, небрежность), срок исковой давности начинается с момента первого причинения вреда. Это означает, что время могло начаться, даже если истец не знал о травме, например, если травма возникла в результате вдыхания пыли в течение длительного периода времени или скрытого психического расстройства. В этих случаях срок исковой давности может быть продлен, если истцу стало известно о существенном факте решающего характера, например о характере и размере вреда.

Пожалуйста, ознакомьтесь с нашим информационным бюллетенем о продлении времени для получения дополнительной информации.

Тем не менее, Закон о судебных разбирательствах в связи с телесными повреждениями 2002 г. (Qld) (PIPA) с поправками, внесенными Законом о гражданской ответственности 2003 г. (Qld), устанавливает подробную предварительную процедуру, которой необходимо следовать до начала судебного разбирательства, с указанием конкретных сроков. Важно отметить, что в соответствии с разделом 9(1) PIPA лицо, рассматривающее иск о возмещении телесных повреждений, должно сначала направить письменное уведомление о иске предполагаемому ответчику в течение одного из следующих сроков:

9 месяцев с момента происшествия, повлекшего за собой телесные повреждения или появление первых признаков телесных повреждений; или

Через 1 месяц после того, как лицо впервые поручило юридической практике действовать от имени этого лица в требовании возмещения ущерба за телесные повреждения и был определен предполагаемый ответчик (хотя консультация с общественной юридической службой не принимается во внимание – раздел 9(9A) PIPA.

Если эти сроки не соблюдаются, иск не может быть рассмотрен, если, среди прочего, ответчик не откажется от требования об уведомлении или суд не разрешит рассмотрение иска (статья 18 PIPA).

Если судебные разбирательства не начаты в течение указанного срока исковой давности, то они считаются «несвоевременными». Право на подачу иска будет утрачено, если только обстоятельства не будут исключительными и суд не готов разрешить продление срока.

Есть несколько вариантов, доступных для сторон, которые обеспокоены тем, что их претензии могут быть подвержены риску истечения срока давности. Это:

Урегулирование – попытки урегулировать спор вне суда являются вариантом, поскольку соглашения о полном и окончательном урегулировании полностью прекращают рассмотрение претензии [2, с. 55].

Заключить соглашение об отсрочке – это влечет за собой приостановку/продление срока исковой давности. Обычно это предпочтительнее, чем возбуждение охранного производства.

Договор вне закона об исковой давности – Юридическая комиссия пришла к выводу, что по соглашению можно продлить срок исковой давности. Сторонам следует проявлять осторожность, поскольку такие положения будут защищены в соответствии с Законом о правах потребителей 2015 года для договоров, заключенных после 1 октября 2015 года.

Производство по выдаче – если протокол предварительного действия еще не завершен или претензия требует дальнейшей работы, может быть запрошен период «приостановки», чтобы позво-

лить сторонам завершить в соответствии с требованиями. У этого варианта есть несколько общих проблем (таких как уплата неправильных судебных издержек, недоступность судов), и поэтому стороны проявляют большую осторожность при использовании этого варианта.

В Российской Федерации по общему правилу срок исковой давности по гражданско-правовым обязательствам составляет три года и начинается течь со дня, когда лицо, чье право нарушено, узнало или должно было узнать о таком нарушении и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите права (ст. 196, ст. 200 Гражданского кодекса). Если срок исполнения обязательства определен, течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения. Если не определен или определен моментом востребования – со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства либо – в случае, когда должнику предоставляется время на исполнение данного требования, – по окончании установленного для исполнения периода. В любом случае максимальный срок исковой давности – 10 лет со дня возникновения обязательства [1, с. 43].

Само по себе истечение срока исковой давности не влияет на возможность обратиться в суд с требованием о защите нарушенного права. По собственному усмотрению суды не применяют исковую давность – только по заявлению стороны спора (ст. 199 ГК РФ). Но если такое заявление подано – а сделать это можно в любой форме, в том числе устно, до вынесения решения по делу (в том числе на этапе судебных прений – это подчеркивается в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43), и срок исковой давности истек, суд откажет в иске. Именно поэтому определение момента начала течения этого срока очень важно, однако позиции судов при его определении нередко расходятся. Одно такое дело, где суды пришли к разным выводам о том, с какого момента: с даты, когда должник должен был исполнить обязательство по действующему договору, или с момента предъявления требования о его исполнении кредитором – нужно отсчитывать установленные три года, рассмотрел недавно ВС РФ.

Литература

1. Карпетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исто-

рические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограниченный. – М.: Статут, 2019. – 120 с.

2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права/ М.: Статут, 2020. – 309 с.
3. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. – М.: Статут, 2018. – 290 с.
4. Суханов Е.А. Гражданское право. Уч. в 4-х томах. 2-е изд. перераб. и доп./ М.: Статут, 2019. 2. Сергеев А.П. Гражданское право. Под ред. Сергеева. Уч. в 3-х томах 2-е изд./М.: Проспект, 2020. – 322 с.

LEGAL REGULATION OF THE ISSUE OF THE STATUTE OF LIMITATIONS IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Soldatova M.M.

Moscow University for Industry and Finance “Synergy”

This article discusses issues related to the peculiarities of the emergence and historical development of the institute of limitation period. The essential content of the concept of limitation period at various stages of the formation of domestic legislation is revealed. The question of the meaning and role of limitation periods in the civil law system is considered.

A legal relationship is a normative relationship that combines the rights and obligations of the parties. It does not occupy a spatial volume, but exists in a temporal structure. Both the person of the legal relationship (the rightholder) and the content of the legal relationship (the law) are regulated by time. From the point of view of natural attributes, people exist both in space and in time. However, civil law mostly doesn't care about spatial attributes and is more focused on defining different legal attributes of people over time.

Any right, from emergence, change to disappearance, depends on a certain time. The relationship between time and rights is often determined by the nature of the rights themselves, and legislators rarely do anything about it. What leaves room for control over public authority is determining the starting and ending points of time, the duration of the term and determining whether it is flexible. The temporary system in civil law mainly includes the statute of limitations. On the other hand, any time, like space, can be divided indefinitely. Since the legal relationship exists in time, it must be fixed by law, otherwise the legal relationship will have nowhere to function. The tools used to fix the time are mainly date and period.

Keywords: civil law, validity, legal relations, term.

References

1. Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of contract and its limits. T. 1: Theoretical, historical and political and legal foundations of the principle of freedom of contract and its limitations. – М.: Statute, 2019. – 120 p.
2. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law / М.: Statute, 2020. – 309 p.
3. Limits of freedom to determine the terms of the contract in foreign and Russian law. – М.: Statute, 2018. – 290 p.
4. Sukhanov E.A. Civil law. Uch. in 4 volumes. 2nd ed. revised and add./ М.: Statut, 2019. 2. Sergeev A.P. Civil law. Ed. Sergeyev. Uch. in 3 volumes 2nd ed./М.: Prospect, 2020. – 322 p.

Терентьев Александр Викторович,

профессор кафедры права, кандидат юридических наук,
Московский педагогический государственный университет
E-mail: aterentev063@gmail.com

В статье рассматривается система законодательных и процессуальных гарантий прав несовершеннолетних участников уголовного процесса. Отмечено, что национальное законодательство не содержит отдельного закона, который бы регулировал уголовную ответственность разбирательства с участием несовершеннолетних. Отмечается, что выработка эффективного механизма обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве возможна только с учетом особенностей личности несовершеннолетнего.

Нарушение прав несовершеннолетних выражается в отсутствии нормативно-закрепленного, четкого, последовательного механизма реализации предоставленных прав. В результате несовершеннолетние на практике могут лишаться прав, провозглашенных на нормативном уровне, по причине отсутствия процессуальной возможности в их реализации.

Важно отметить, что выработка эффективного механизма обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве возможна только с учетом особенностей личности несовершеннолетнего. Особенности личности несовершеннолетнего служат отправной точкой в формировании концепции обеспечения его прав в уголовном судопроизводстве.

Также установлен перечень гарантий несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, которыми являются: обеспечение права несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на квалифицированную юридическую помощь; участие законных представителей в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних; участие специалистов: педагога и психолога в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а также предложены меры по совершенствованию таковых.

Автор приходит к выводу о том, что в целях гарантирования прав несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства необходимо унифицировать предусмотренные законом нормативные установления, направленные на защиту прав и свобод несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, гарантии, права несовершеннолетнего, несовершеннолетний в уголовном судопроизводстве, допрос несовершеннолетнего.

Введение

Несовершеннолетние представляют собой особо уязвимую группу современного общества. Очевидно, что преступные действия особенно тяжело сказываются на несовершеннолетних, особенно на детях. По этой причине отечественный законодатель почти всегда инкриминирует деяние, совершенное в отношении несовершеннолетнего и/или ребенка, как наиболее тяжкий или особо тяжкий вид преступного деяния.

Однако, помимо установления особых, более тяжких форм уголовных правонарушений, когда они направлены против несовершеннолетнего, и помимо гораздо более строгого наказания за такие деяния, отечественный законодатель вмешивается и с другой стороны, руководствуясь наилучшими интересами ребенка как абсолютным императивом, поэтому он предписывает специальные правила, по которым несовершеннолетние могут участвовать в уголовном судопроизводстве, а также меры защиты прав несовершеннолетних, подвергнутых уголовному преследованию.

В последние годы значительное внимание уделяется защите несовершеннолетних в рамках уголовного процесса. Кроме того, особое положение ребенка, установленное Конвенцией ООН о правах ребенка, требует, чтобы несовершеннолетние были допущены к активному участию в уголовном судопроизводстве и были должным образом информированы о различных аспектах и последствиях процесса.

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних является весьма противоречивым правовым институтом. С одной стороны, установив нормы и правила, регулирующие положение несовершеннолетних в рамках уголовного судопроизводства, государство берет на себя заботу о будущих поколениях, выполняет свою социальную функцию и даже в некотором роде защитную функцию. С другой стороны, в законодательстве разных стран существует множество пробелов, вызванных чрезмерно широкой сферой действия ювенального законодательства, ведь даже законы могут содержать разного рода ошибки и противоречия.

Методы

На основе формально-юридического метода, а также общенаучных методов, в числе которых анализ, синтез, индукция и дедукция, сравнение будут исследованы действующие нормы, закрепляющие положение и регулирующие положение несовершеннолетних как участников уголовного судопроизводства. Выводы исследования основаны на ма-

териалах отечественной и зарубежной науки в области ювенальной юстиции.

Ход исследования

С исторической точки зрения положение несовершеннолетних в прошлом было значительно менее благоприятным, чем сегодня, поскольку многие его права не учитывались, а интересы не защищались. Однако, с развитием уголовного и уголовно-процессуального права интересы несовершеннолетнего рассматриваются более тщательно и серьезно, поскольку государство, в том числе и суд, обязано обеспечить ему надлежащую защиту материальных и моральных интересов, в связи с чем его активное участие в уголовном судопроизводстве стало возможным. Как верно отмечает, настоящие период гарантирования прав несовершеннолетних характеризуется «дополнением прав несовершеннолетних участников уголовного процесса и лиц, страдающих психическими заболеваниями, в том числе приведение данных мер в соответствие с международными стандартами» [3, с. 47].

Справедливо мнение о том, что «необходимо рассматривать несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства как личность со сложным процессуальным положением, определяемым триединством его процессуального статуса» [2, с. 85]. Нужно учитывать, что участие несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве возможно в разных вариациях (в качестве подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, свидетеля, имеющего право на защиту, потерпевший, свидетель), поэтому при исследовании гарантий их прав важно осуществлять анализ учитывая роль несовершеннолетнего в уголовном процессе.

Повышенное внимание, уделяемое данному вопросу, также является следствием влияния универсальных и региональных международных документов по правам человека, важность которых выражается в том факте, что они содержат гарантии прав несовершеннолетних, заключенных и правонарушителей, а также порядок обращения с ними в государствах-членах.

В то же время, стоит отметить, что национальное законодательство не содержит отдельного закона, который бы регулировал уголовную ответственность, разбирательства с участием несовершеннолетних. Законодателем приняты определенные правовые меры, принятые в целях установления гарантий прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Основные положения уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в России установлены в главе 50 УК РФ и главе 14 УПК РФ, в которых установлены особые требования к уголовной ответственности несовершеннолетних и гарантии их прав при производстве по уголовным делам в отношении данной категории лиц, указывая на необходимость соблюдения этих требований.

В основном это связано с тем, что несовершеннолетние должны быть привлечены к ответвен-

ности за противоправные действия и понести справедливое соразмерное наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности совершенного деяния и не оказывающее негативного влияние на дальнейшее его развитие и процесс социализации.

Стоит согласиться с А.В. Хвостовой, утверждающей, что «законодатель не уделил достаточного внимания регулированию применения мер процессуального принуждения к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства» [4, с. 100]. Действительно, важно учитывать характер и степень общественной опасности совершенного деяния, а также возможность применения к нему более мягкой меры пресечения, не связанной со строгой изоляцией и позволяющей не нарушать процесс его социализации, обучения и т.п.

Важно отметить, что выработка эффективного механизма обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве возможна только с учетом особенностей личности несовершеннолетнего. Особенности личности несовершеннолетнего служат отправной точкой в формировании концепции обеспечения его прав в уголовном судопроизводстве.

Нарушение прав несовершеннолетних выражается в отсутствии нормативно-закрепленного, четкого, последовательного механизма реализации предоставленных прав. В результате несовершеннолетние на практике могут лишаться прав, провозглашенных на нормативном уровне, по причине отсутствия процессуальной возможности в их реализации.

Особенность гарантирования прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства заключается в специфике их процессуального статуса, а также психологических особенностей несовершеннолетних, не всегда связанных с отсутствием у них психологической зрелости.

Наряду с защитой прав и интересов несовершеннолетних не игнорируются интересы правосудия. В силу особенностей психологии несовершеннолетних они могут давать показания, не соответствующие объективной действительности. В целом их статус должен быть единым, унифицированным, независимо от того процессуального статуса, который имеет несовершеннолетний по конкретному уголовному делу. Однако, единого подхода к обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних, участвующих в уголовных процессах, не существует.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования установлено, что основными процессуальными гарантиями прав несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства являются: обеспечение права несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на квалифицированную юридическую помощь; участие законных представителей в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних;

участие специалистов: педагога и психолога в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Особенно актуальным представляется рассмотрение практической реализации гарантий прав несовершеннолетнего, связанной с привлечением иных лиц [1]. На основе изложенного, сделаны выводы о том, что участие адвоката – представителя несовершеннолетнего потерпевшего – обязательно.

В УПК РФ отсутствует детальная правовая регламентация правового положения и порядка участия несовершеннолетнего в делах о признании его свидетелем, имеющим право на защиту. Следовательно, общие правила о свидетеле, имеющем право на защиту, в равной степени распространяются и на несовершеннолетнего, которому присвоен указанный процессуальный статус. Отсюда следует, что в случае приобретения несовершеннолетним статуса свидетеля, имеющего право на защиту, он (она) может пригласить адвоката, участие которого не требуется.

В то же время, в УПК РФ отсутствуют нормы, обязывающие орган уголовного преследования привлекать защитника по делу с участием несовершеннолетнего свидетеля, имеющего право на защиту. Таким образом, при наличии подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) и потерпевшего участвуют в деле несовершеннолетних, им гарантируется обязательное участие адвоката-защитника и адвоката-представителя потерпевшего, а при привлечении их в качестве свидетелей участие их адвокатов не является обязательным.

Показания свидетеля, подлежащего защите, признаются независимым источником доказательств. Однако УПК РФ не предусматривают особого порядка допроса несовершеннолетнего свидетеля, имеющего право на защиту. Статья 191 УПК РФ устанавливает порядок допроса несовершеннолетнего в качестве свидетеля или потерпевшего. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что эти нормы распространяются на прямо указанных в норме субъектов – несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего, которые страдают психическим расстройством или отстают в психическом развитии. Представляется целесообразным, что в силу особого статуса несовершеннолетнего, при его допросе независимо от его психологического состояния и развития необходимо предусмотреть участие педагога или психолога. Так, в литературе высказываются мнения о необходимости привлечения в подобных ситуациях учителя, «имеющего опыт общения с несовершеннолетними данной категории, осуществляющего обучение и воспитание обучающихся с учетом их психолого-физиологических особенностей» [5, с. 61–62]. В то же время, необходимо ввиду высокой занятости указанных лиц, а также плотного графика предусмотреть возможность добровольного участия их в деле.

Необходимо на нормативном уровне в интересах защиты прав и законных интересов несовершеннолетних свидетелей, имеющих право на за-

щиту, пересмотреть позицию законодателя и обязательно регламентировать порядок привлечения педагога и психолога к участию в процессуальных действиях с участием несовершеннолетних.

Область применения результатов

Теоретическая и практическая ценность исследования заключается в том, что формирование унифицированного подхода к статусу несовершеннолетнего, вне зависимости от процессуального положения, который он занимает в уголовном процессе, призвано дать положительный практический результат. Это будет выражаться в преодолении терминологических проблем, формировании единой практики судопроизводства в уголовных делах с участием несовершеннолетних и, соответственно, реальной защите прав несовершеннолетних в уголовном процессе.

Выводы

Для обеспечения защиты прав несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства необходимо унифицировать предусмотренные законом процессуальные гарантии защиты права и свободы несовершеннолетних.

Литература

1. Канева А.И., Потапов В.Д. Участие педагога как гарантия защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Евразийский научный журнал. 2017. № 12. С. 89–90.
2. Петрова И.В. Вопросы совершенствования проблемы обеспечения прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Вестник магистратуры. 2020. № 3–3 (102). С. 84–86.
3. Федотова М.М. История российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 1. С. 40–47.
4. Хвостова А.В. Проблемы применения мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым / А.В. Хвостова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 4. С. 97–101.
5. Янин М.Г. Проблемные вопросы производства следственных и судебных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1. С. 60–68.

GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Terentyev A.V.
Moscow Pedagogical State University

The article examines the system of legislative and procedural guarantees of the rights of minors involved in criminal proceedings. It is noted that the national legislation does not contain a separate law

that would regulate criminal liability. proceedings involving minors. It is noted that the development of an effective mechanism for ensuring the rights and freedoms of minors in criminal proceedings is possible only taking into account the characteristics of the minor's personality.

Violation of the rights of minors is expressed in the absence of a normative, clear, consistent mechanism for the implementation of the rights granted. As a result, minors in practice may lose the rights proclaimed at the regulatory level due to the lack of procedural possibility in their implementation.

It is important to note that the development of an effective mechanism for ensuring the rights and freedoms of minors in criminal proceedings is possible only taking into account the characteristics of the minor's personality. The characteristics of a minor's personality serve as a starting point in the formation of the concept of ensuring his rights in criminal proceedings.

A list of guarantees of minors in criminal proceedings has also been established, which are: ensuring the right of minor participants in criminal proceedings to qualified legal assistance; participation of legal representatives in criminal proceedings against minors; participation of specialists: a teacher and a psychologist in criminal proceedings against minors, as well as measures to improve such.

The author comes to the conclusion that in order to guarantee the rights of a minor participant in criminal proceedings, it is necessary

to unify the statutory regulations aimed at protecting the rights and freedoms of minors.

Keywords: minor, guarantees, rights of a minor, minor in criminal proceedings, interrogation of a minor.

References

1. Kaneva A.I., Potapov V.D. Participation of a teacher as a guarantee of protection of the rights and legitimate interests of minors in criminal proceedings // Eurasian Scientific Journal. 2017. No. 12. pp. 89–90.
2. Petrova I.V. Issues of improving the problem of ensuring the rights of minors in criminal proceedings // Bulletin of Magistracy. 2020. No.3–3 (102). pp. 84–86.
3. Fedotova M.M. History of Russian criminal proceedings against minors // Police and investigative activities. 2022. No. 1. pp. 40–47.
4. Khvostova A.V. Problems of applying preventive measures to minor suspects, accused / A.V. Khvostova // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2021. No. 4. pp. 97–101.
5. Yanin M.G. Problematic issues of the production of investigative and judicial actions with the participation of minor victims and witnesses // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. No. 1. pp. 60–68.

Некоторые вопросы подзаконного правотворчества федеральных органов исполнительной власти

Воробьева Юлия Юрьевна,

старший преподаватель Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YYVorobyova@fa.ru

В статье изучены актуальные изменения порядка издания подзаконных актов федеральными органами исполнительной власти. Автором рассмотрены новации законодательства, отмечены тенденции, возникновение и развитие которых они знаменуют, затронут вопрос сущности указанного процесса в современных правовых и организационных реалиях. Так как задачей было изучение именно действующего законодательства, источником информации послужили тексты подзаконных нормативных правовых актов, а не учебная литература. Несмотря на то, что во многом изменения автор оценивает как положительные, в статье затронуты по-прежнему имеющиеся несовершенства правового регулирования процесса издания подзаконных актов органами исполнительной власти федерального уровня. Очевидным является то, что процесс совершенствования порядка издания вышеуказанных актов еще не окончен и требует дальнейшего изучения, особенно в условиях необходимости принятия дополнительных уточняющих и дополняющих его актов.

Ключевые слова: административное право; исполнительная власть; подзаконное нормотворчество; подзаконное правотворчество; федеральные органы исполнительной власти.

Активно начавшаяся в 2021 году реформа контрольно-надзорной деятельности или как ее еще говорят «реализация механизма регуляторной гильотины» оказала сильное влияние на правовое регулирование различного рода правоотношений. Заложенные в новую концепцию контрольно-надзорной деятельности идеи потребовали как отмену немалого количества нормативных правовых актов [4], так и издание новых, а также внесение изменения во многие действующие нормативные правовые акты (НПА). Частью процесса реализации вышеуказанной реформы стало, как ни странно, внесение изменений в порядок подготовки НПА федеральными органами исполнительной власти (далее – ФОИВ). Довольно-таки существенные изменения указанного порядка были осуществлены в 2019 году, они были призваны не только повысить эффективность деятельности ФОИВ по разработке НПА, но также учесть нюансы подготовки и принятия НПА, создаваемых для реализации нового механизма – «регуляторной гильотины». Среди изменений наиболее примечательными, пожалуй, стоит считать следующие:

- 1) обозначено право Минюста на запрос актов ФОИВ или использование размещенных в общедоступных источниках информации актов для целей проведения правовой экспертизы для определения необходимости их государственной регистрации;
- 2) уточнено, что распоряжения ФОИВ не могут носить характер НПА;
- 3) увеличен как сам срок государственной регистрации НПА с 15 до 20 рабочих дней, так и срок продления процедуры с 10 (иногда – с 30) до 40 рабочих дней;
- 4) количество раз для подачи акта ФОИВ для государственной регистрации составило 3 раза;
- 5) требование ежемесячного представления ФОИВ в Минюст перечней изданных правовых актов отменено;
- 6) другие [2].

Однако вышеуказанные положения отнюдь не стали финальными, и в 2023 г. процесс подготовки НПА ФОИВ подвергся изменениям ввиду принятия очередного блока корректировок и нововведений в Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 (далее – Постановление).

Одно из самых главных изменений коснулось чуть ли не самой сути подзаконного нормотворчества. Ранее в Постановлении было указано, что НПА ФОИВ «издаются на основе и во исполнение федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений

и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также по инициативе федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции.» [п. 1, 3, предыд. редакция]. Сейчас же вышеуказанное положение изложено следующим образом: «Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти (далее – нормативные правовые акты) издаются при наличии в федеральных конституционных законах, федеральных законах, актах Президента Российской Федерации и постановлениях Правительства Российской Федерации полномочий на издание того или иного нормативного правового акта или группы актов.» [п. 1, 3]. Указанное положение очевидно практически свело на «нет» инициативность ФОИВ в процессе издания подзаконных НПА, указав четкие границы в виде компетентности того или иного ФОИВ.

Издаваемые ранее Минюстом разъяснения о применении указанных Правил уступили место Методическим указаниям по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов ФОИВ [п. 1 Преамбулы, 3]. На момент написания данной статьи существует лишь Проект такого Приказа.

Изменения коснулись и порядка прекращения действия или корректировки ФОИВ НПА, который противоречит Конституции РФ и законодательству. Ранее предусматривался порядок действий Минюста в случае неисполнения ФОИВ его представления – оно вносило в Правительство РФ предложение об отмене или о приостановлении действия подзаконного акта. Теперь этап в виде последующего обращения к Правительству изъят – очевидно, тем самым не предполагается, что орган исполнительной власти не исполнит вышеуказанное представление Минюста [п. 4.1, 3].

На примере двух вышеуказанных положений очевидна тенденция увеличения и без того важной роли Минюста в процессе подзаконного нормотворчества.

Немаловажным является изменение, коснувшееся планов издания ФОИВ НПА. Ранее включению в планы подлежали НПА, разработка которых относится к компетенции соответствующего ФОИВ, но прямо не предусмотрена в законодательстве. Сейчас же включению подлежат те акты, которые издают ФОИВ НПА согласно компетенции, но срок на издание которых прямо не предусмотрен актами законодательства Российской Федерации, поручениями или указаниями Президента РФ, а также поручениями Председателя Правительства РФ [абз. 3 п. 1, 3].

Некой правовой «лозейкой» видится внесенное в Постановление изменение, которое дополняет ранее довольно-таки категоричное утверждение о том, что НПА ФОИВ могут иметь вид только постановления, приказа, правила, инструкции и положения указанием на возможность иных указаний в законодательстве РФ [п. 2, 3]. При сохранении указаний на то, что издаваемые в ином виде акты не должны содержать предписания нормативно-

правового характера и на то, что издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм по-прежнему не допускается, не совсем понятно, о каких именно исключениях будет вести речь законодатель.

При всем вышеизложенном позитивным видится четкое указание в новой редакции Постановления на то, что «рекомендательные» акты не могут содержать предписаний нормативно-правового характера, кроме того в таких актах должны использоваться формулировки, указывающие на рекомендательный характер документа [абз. 3 п. 2, 3]. В случае же если в формулировке нормативное предписание необходимо, оно должно:

а) уже содержаться в нормативном правовом акте (очевидно, действующем);

б) должна быть ссылка на нормативный акт с указанием всех его реквизитов [абз. 3 п. 2, 3].

В тексте новой редакции уточнено, что в случае издания НПА несколькими органами исполнительной власти, каждый из органов должен обладать полномочиями на издание нормативных правовых актов. При этом для ускорения процесса издания акта срок его согласования с другим ФОИВ или получения заключения от него сокращен более, чем в два раза: с 30 до 12 дней [абз. 10 п. 3, 3]. Кроме того, согласование теперь может оформляться не только визой, а посредством подписанного руководителем органа письма. При этом письмо о согласовании не должно содержать замечаний [абз. 13 п. 3, 3]. Для большей ясности и скорости процесса установлен ранее отсутствовавший для согласительной процедуры срок – 5 рабочих дней на подписание согласительных протоколов [абз. 16 п. 3, 3].

Довольно-таки интересен момент, связанный со своего рода снятием ответственности с Минюста в случае гипотетически возможного несоответствия согласованного с другим(и) ФОИВ проекта НПА и того НПА, который был направлен в Минюст для регистрации [абз. 3 п. 11, 3].

Крайне важное изменение коснулось правомочия ФОИВ на издание НПА о приостановлении действия (неприменении) НПА или его отдельных положений с указанием срока, на который осуществляется такое приостановление (устанавливается неприменение) [абз. 5 п. 7, 3]. Вполне вероятно, что это всерьез послужит обеспечению прав и законных интересов субъектов права за счет того, что решение о временном неприменении или полной отмене «сомнительных» норм может быть принято достаточно оперативно самим же «правотворцем» без затягиваний в виде передачи ему принятых иным уполномоченным властным субъектом подобных решений. С другой стороны, остается открытым вопрос о применении или неприменении акта в уже возникших и протекающих на момент принятия решения правоотношений.

Крайне важной видится конкретизация условий государственной регистрации НПА ФОИВ [п. 10, 3].

Помимо этого, в Постановлении впервые указаны составляющие правовой экспертизы НПА, а именно проверка:

1) наличия соответствующей компетенции ФОИВ;

2) проверка проведения обязательных процедур (в т.ч., например, процедуры согласования с другим ФОИВ акта при необходимости);

3) очевидная проверка НПА на предмет соответствия действующему законодательству;

4) проверка наличия в акте обязательных требований;

5) наличия НПА, которые должны быть изменены или должны утратить силу с принятием рассматриваемого;

6) проверка соблюдения иных требований, т.е. перечень является открытым [п. 11, 3].

Идее мониторинга уже имеющегося на настоящий момент законодательства может послужить положение, согласно которому Минюст проводит правовую и антикоррупционную экспертизы зарегистрированных НПА, в которые ФОИВ вносятся изменения (при представлении на регистрацию НПА о внесении изменений) [абз 4 п. 11, 3]. Тем более, предусмотрен порядок направления Минюстом представления о приведении НПА, в который вносится изменение, в соответствие с законодательством РФ в случае выявления по результатам правовой и антикоррупционной экспертиз несоответствия НПА законодательству РФ (наличия коррупциогенных факторов) [абз. 4 п. 16, 3].

Конечно, ошибочным будет считать, что на нормотворческий процесс ФОИВ повлияли лишь изменения, внесенные в Постановление. В связи с этим нельзя не отметить нижеследующее. В ранее действовавшем, а ныне утратившим силу Федеральном конституционном законе, устанавливающим правовой статус Правительства содержалось положение о его праве отмены или приостановления действия актов ФОИВ [ст. 12, 1]. В новом ФКЗ указанной или даже схожей с ней нормы нет [2].

В связи с вышеизложенным хотелось бы особо отметить следующие моменты:

1) умалена возможность правотворческой инициативы ФОИВ, для которой ранее имелось нормативное допущение;

2) существенно расширены и уточнены полномочия Минюста;

3) ощутимо упорядочен процесс согласования принятия НПА несколькими ФОИВ, при этом сроки согласований сокращены, что призвано не допустить возможного затягивания процесса, а увеличенный срок рассмотрения поступившего на регистрацию НПА Минюстом очевидно направлен на более подробное его изучение в целях совершенствования качества процесса подзаконного нормотворчества.

Происходящие на данном этапе изменения в правовом регулировании деятельности ФОИВ

носят отнюдь не поверхностный, а даже глубокий, сущностный характер. Недавние изменения порядка издания НПА ФОИВ были призваны разрешить ряд давно зревших вопросов правоприменительной практики, однако, породили ряд новых.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 N 2-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Правительстве Российской Федерации»
2. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»
3. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 (ред. от 14.02.2023) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»
4. Официальный сайт государственного информационного агентства России ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7243555> (дата обращения: 19.04.2023)

SOME ISSUES OF BY-LAW LAW-MAKING OF FEDERAL EXECUTIVE BODIES

Vorobyova Yu. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article studies the actual changes in the procedure for issuing by-laws by federal executive bodies. The author considered the innovations of the legislation, noted the trends, the emergence and development of which they mark, raised the issue of the essence of this process in modern legal and organizational realities. Since the task was to study the current legislation, the texts of subordinate normative legal acts, and not educational literature, served as the source of information. Despite the fact that the author assesses the changes in many ways as positive, the article touches upon the still existing imperfections in the legal regulation of the process of issuing by-laws by federal executive authorities. It is obvious that the process of improving the procedure for issuing the above acts has not yet been completed and requires further study, especially in the context of the need to adopt additional clarifying and supplementing acts.

Keywords: administrative law; executive power; sublegal rule-making; subordinate lawmaking; federal executive authorities.

References

1. Federal constitutional law of December 17, 1997 N 2-FKZ (as amended on December 28, 2016) «On the Government of the Russian Federation»
2. Federal constitutional law of November 6, 2020 N 4-FKZ «On the Government of the Russian Federation»
3. Decree of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 N 1009 (as amended on February 14, 2023) «On approval of the Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive bodies and their state registration»
4. Official website of the state news agency of Russia TASS. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7243555> (date of access: 04/19/2023)